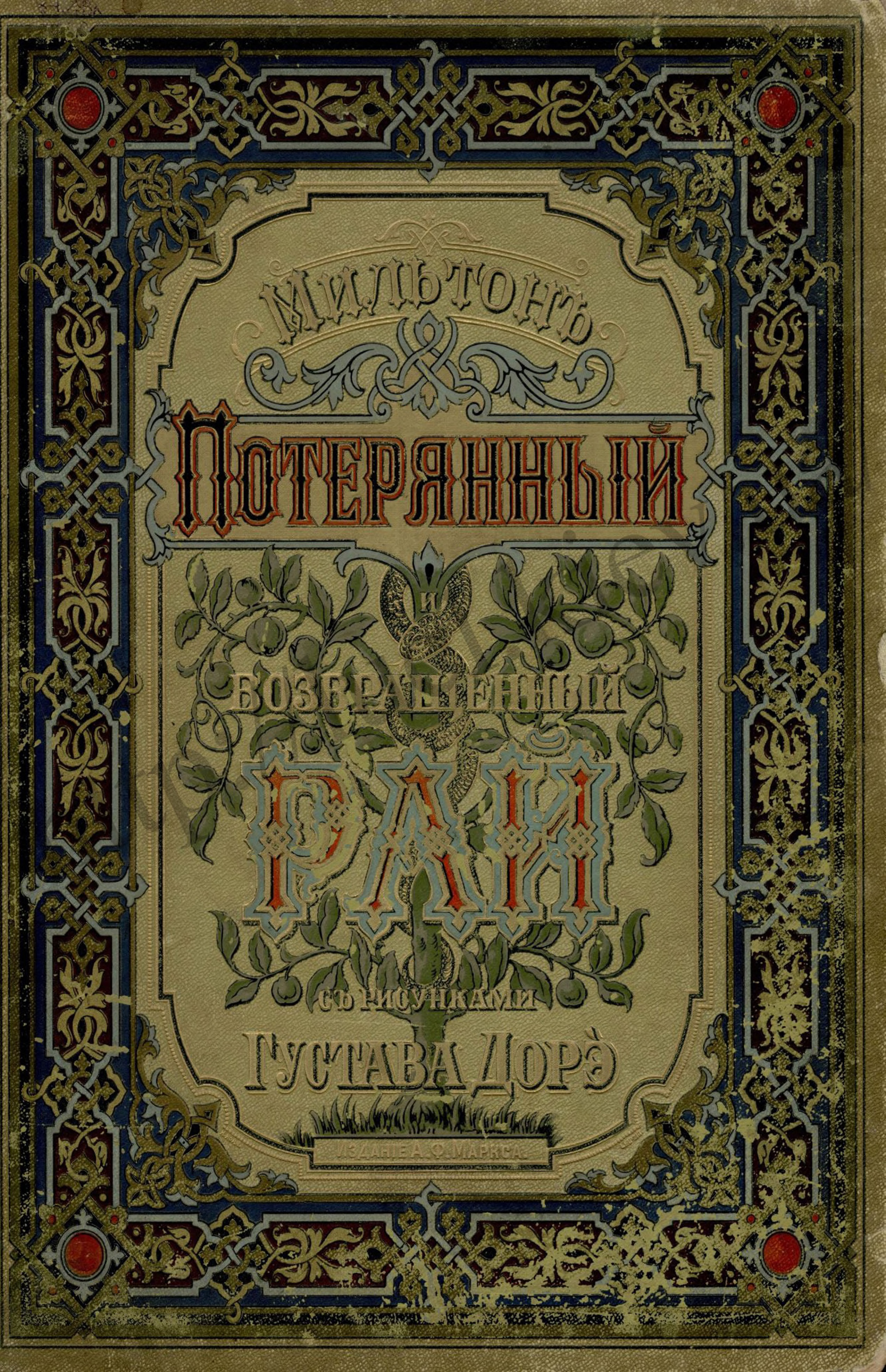

Мильтонъ
Потерянный
и
Возвращенный
Рай
съ рисунками
Густава Дорэ
Изданіе А. Ф. Маркса

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

и

ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

PARADISE LOST

AND

Paradise Regained.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

И

ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ПОЭМЫ

Джона Мильтона.

Съ

50 картинами

ГУСТАВА ДОРЭ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. ШУЛЬГОВСКОЙ.

Съ англійскимъ текстомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

Дозволено цензурою 2 октября 1895 г. СПБ.

Типографія **А. Ф. Маркса**, С.-Петербургъ, Ср. Подъяческая, № 1.

MILTON'S

PARADISE LOST

AND

PARADISE REGAINED.

ILLUSTRATED BY

Gustave Doré.

ST.-PETERSBURG.

PUBLISHED BY A. F. MARCKS.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

PARADISE LOST.

ДЖОНЪ МИЛЬТОНЪ.

Біографическій очеркъ.

Въ началѣ царствованія королевы англійской Елизаветы, въ Гольтонѣ, въ Оксфордширѣ, жилъ зажиточный помѣщикъ, по имени Мильтонъ. Это былъ дѣдъ Джона Мильтона, творца «Потеряннаго Рая». Предки Мильтоновъ владѣли значительнымъ состояніемъ и занимали видное положеніе среди мѣстнаго дворянства, но когда, во время войнъ Алой и Бѣлой розъ, партія, къ которой они принадлежали, потерпѣла пораженіе, имѣніе ихъ было конфисковано и общественное положеніе стало быстро падать. Однакоже Мильтонъ имѣлъ возможность послать своего сына, Джона Мильтона, отца поэта, въ Оксфордскій университетъ. Молодой студентъ оставилъ вѣру своихъ предковъ, ревностныхъ католиковъ, и объявилъ себя протестантомъ, за что отецъ лишилъ его наслѣдства. Но молодой Мильтонъ, лишившись такимъ образомъ отцовской опоры, не упалъ духомъ. Онъ оставилъ Оксфордъ и поселился въ Лондонѣ, гдѣ нашелъ занятія въ конторѣ маклера, а впослѣдствіи самъ сдѣлался маклеромъ. Около 1660 года онъ женился на Саррѣ Кастонъ; отъ этого брака было шесть человѣкъ дѣтей,—трое умерло въ раннемъ дѣтствѣ. Джонъ Мильтонъ, творецъ «Потеряннаго Рая», былъ одинъ изъ оставшихся трехъ. Онъ родился на Бродъ-Стритѣ, въ Лондонѣ, 9-го сентября 1608 года. Большой пожаръ, бывшій въ 1666 г., уничтожилъ до тла всю улицу Бродъ-Стритъ, но на мѣстѣ сгорѣвшихъ домовъ возникли новые, и такимъ образомъ улица эта не была уничтожена.

О своемъ отцѣ Мильтонъ говоритъ съ гордостью, которая дѣлаетъ честь ему самому, какъ о человѣкѣ высокой честности. «Съ дѣтства», пишетъ Мильтонъ, «благодаря неусыпнымъ попеченіямъ отца,—да наградитъ его Господь,—свѣдущіе учителя, въ школѣ и дома, обучали меня языкамъ и наукамъ, доступнымъ моему возрасту». Также изъ другихъ источниковъ извѣстно, что отецъ Мильтона обладалъ значительными познаніями и любилъ заниматься литературой. Кромѣ того онъ пользовался репутаціей даровитаго композитора; до сихъ поръ еще сохранилась музыка, сочиненная имъ для нѣкоторыхъ псалмовъ. Что касается до подруги жизни этого достойнаго человѣка, то, по отзыву Мильтона, она была превосходная мать и была извѣстна въ окрестности своей благотворительностью.

Замѣчательныя способности Мильтона начали обнаруживаться очень рано. Семья смотрѣла на него какъ на необыкновеннаго ребенка; всѣхъ поражали стихи, которые онъ сочинялъ, когда ему еще не было десяти лѣтъ. Въ тотъ религіозный вѣкъ ничто не могло быть естественнѣе какъ предназначеніе такого ребенка для церкви. Мильтонъ самъ говоритъ о такомъ намѣреніи его родителей и о томъ, что въ раннемъ возрастѣ собственныя его желанія клонились къ тому же. Въ этихъ видахъ, безъ сомнѣнія, онъ и былъ опредѣленъ тогда въ Грамматическую школу Св. Павла, заведеніе пользовавшееся громкой извѣстностью. Мильтону было около десяти лѣтъ, когда домашнее воспитаніе замѣнилось для него школьнымъ. Занятія его въ училищѣ шли весьма успѣшно. «Моя страсть къ ученью была такъ велика», говоритъ онъ, «что, будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду, я съ трудомъ отрывался отъ своихъ уроковъ и ложился

спать не раньше полуночи. Это было первой причиной ослабленія моего отъ природы слабаго зрѣнія; кромѣ того я часто страдалъ головными болями. Но все это не охлаждало моей любознательности. Когда я усвоилъ нѣсколько языковъ и сдѣлалъ довольно значительные успѣхи въ философіи, изъ училища Св. Павла отецъ послалъ меня въ университетъ Christ's College въ Кэмбриджѣ.» Такимъ образомъ перешелъ Мильтонъ отъ дѣтства къ юности, сохранивъ благодарное воспоминаніе о просвѣщенныхъ взглядахъ отца на его образованіе и о той нравственной и матеріальной поддержкѣ, какую тотъ постоянно оказывалъ ему. Свою благодарность отцу Мильтонъ выразилъ впослѣдствіи въ прекрасной латинской поэмѣ «*Ad Patrem*».

Мильтонъ пробылъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ семь лѣтъ, поступивъ туда на семнадцатомъ году и оставивъ его, со степенью магистра, на двадцать третьемъ, въ 1632 г. Враги Мильтона старались набросить тѣнь на его университетскую жизнь и вообще на его характеръ, но вполнѣ достовѣрныя свидѣтельства убѣждаютъ въ высокой нравственной чистотѣ всей жизни поэта. Его понятія о долгѣ и призваніи скорѣе могутъ показаться многимъ даже слишкомъ идеальными и мистическими. Вотъ что говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій (Apology for Smectymnuus): «Я убѣжденъ, что тотъ кто хочетъ писать о возвышенныхъ предметахъ, самъ долженъ быть истинной поэмой, то-есть образцомъ всего чистаго и хорошаго, и приступая къ восхваленію великихъ мужей и событій, долженъ заботиться о томъ, чтобы самому вмѣщать въ себѣ все достойное похвалы.» По его понятіямъ, человѣкъ, посвятившій себя такимъ высокимъ вдохновеніямъ, о какихъ мечталъ онъ, «долженъ строго хранить святую чистоту души и всѣми своими помыслами стремиться въ міръ высшихъ существъ, міръ добра и высшей правды».

Еврейскій языкъ Мильтонъ началъ изучать въ очень молодыхъ годахъ. Первыми его поэтическими произведеніями были переложенія псалмовъ 114-го и 136-го. Тогда ему было пятнадцать лѣтъ, но величіе и сила, уже слышавшіяся въ этихъ первыхъ опытахъ, намѣчали черты его будущихъ твореній. Во время пребыванія въ университетѣ онъ написалъ много мелкихъ поэтическихъ произведеній, уже тогда обнаруживавшихъ въ немъ геніальнаго поэта.

По окончаніи курса Мильтонъ, повидимому, не торопился избраніемъ карьеры. Отецъ предназначалъ его къ духовному сану, да и его собственныя мысли, какъ онъ говоритъ, клонились къ тому же, но впослѣдствіи онѣ приняли другое направленіе. По его позднѣйшимъ воззрѣніямъ, духовныя обязанности слишкомъ связали бы его волю и совѣсть. И такъ, въ этомъ случаѣ, желаніе сохранить за собою право свободной критики не дало ему согласоваться съ намѣреніями отца. Былъ короткій промежутокъ времени, когда Мильтонъ склонялся къ юридической карьерѣ, но уже его первыя произведенія въ стихахъ и прозѣ обозначили его настоящее призваніе.

Между тѣмъ, отецъ Мильтона, оставивъ маклерскія занятія, поселился въ своемъ имѣніи Гортонѣ, въ Букингамширѣ. Молодой Мильтонъ, послѣ окончанія курса въ Кэмбриджѣ, провелъ пять лѣтъ въ деревнѣ отца, изучая греческихъ и латинскихъ писателей. Въ эти пять лѣтъ онъ написалъ сонетъ «*Соловей*», «*Allegro*», «*Penseroso*», «*Arcades*», «*Comus*» и «*Lycidas*». Темой «*Соловья*» служитъ простодушное вѣрованіе сельскаго люда, что услышать весной соловья прежде кукушки есть признакъ успѣха въ любви. Что касается «*Allegro*» и «*Penseroso*» («*Веселый*» и «*Грустный*»), то они занимаютъ первое мѣсто въ англійской идиллической поэзіи, и если-бы Мильтонъ не написалъ ничего другого, то и этихъ произведеній было бы достаточно, чтобы поставить его имя на ряду съ первоклассными англійскими поэтами. «*Arcades*» и «*Comus*», драматическія произведенія; они имѣли въ свое время большой успѣхъ и часто давались на домашнихъ аристократическихъ спектакляхъ. Въ «*Lycidas*» Мильтонъ оплакиваетъ смерть своего друга Эдварда Кинга.

Въ это же время Мильтонъ лишился своей превосходной матери. Изъ писемъ Мильтона къ другу его Діодати можно видѣть внутреннюю жизнь поэта и настроеніе его въ то время. Изученіе классиковъ наполнило его воображеніе картинами прошлаго. Альпы, Италія манили его къ себѣ съ неотразимой силой; ему хотѣлось собственными глазами увидѣть эти историческія страны, пройтись по той землѣ, которую попирали ноги великихъ мужей древности, посмотрѣть на чудесные памятники, оставленные древнимъ міромъ. Все болѣе и болѣе слабѣющее здоровье матери мѣшало исполненію его желанія посѣтить чужія страны; но послѣ ея смерти, съ разрѣшенія отца, онъ предпринялъ давно желанное путешествіе, требовавшее довольно зна-

чительныхъ издержекъ, такъ какъ онъ хотѣлъ путешествовать какъ дворянинъ, въ сопровожденіи собственнаго слуги. Въ 1638 г. Мильтонъ переплылъ каналъ. Благодаря рекомендательнымъ письмамъ, какія онъ имѣлъ отъ нѣкоторыхъ знатныхъ и извѣстныхъ лицъ, онъ познакомился съ первыми знаменитостями Франціи и Италіи. Такъ, въ Парижѣ онъ сблизился съ знаменитымъ ученымъ Гуго Гроціусомъ, шведскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ. При посредствѣ флорентинскихъ друзей онъ удостоился чести посѣтить въ инквизиціонной тюрьмѣ великаго Галилея. Въ Римѣ Мильтонъ познакомился съ Луккой Гольштейномъ, хранителемъ Ватиканской библіотеки. Дружеское вниманіе этого послѣдняго къ Мильтону перешло въ восторгъ, когда онъ началъ открывать въ иностранцѣ громадный запасъ знаній и необыкновенное умѣнье пользоваться ими. Онъ представилъ Мильтона знаменитому кардиналу Барбарини. Въ Неаполѣ Мильтонъ былъ представленъ однимъ изъ своихъ дорожныхъ спутниковъ, Мансо, маркизу Виллѣ, человѣку весьма вліятельному, ревностному покровителю наукъ и искусствъ. Всякому, кто знакомъ съ грустной исторіей Торквато Тассо, извѣстно имя Жана Батиста Мансо, его неизмѣннаго и великодушнаго друга. Мансо, въ то время восьмидесятилѣтній старецъ, принялъ Мильтона чрезвычайно любезно, и лично показывалъ ему всѣ достопримѣчательности Неаполя и его окрестностей. Возвышенный и оригинальный умъ Мильтона, его обширныя познанія были вездѣ замѣчены и оцѣнены. Во Флоренціи, бывшей въ то время, какъ и нѣсколько столѣтій раньше, средоточіемъ итальянской культуры, Мильтонъ былъ принятъ во многихъ примѣчательнѣйшихъ ученыхъ обществахъ. При знаніи латинскаго языка, свободно и правильно говоря по итальянски, онъ сразу всталъ на одинъ уровень съ своими новыми друзьями. Общество этихъ просвѣщенныхъ друзей доставляло Мильтону большое удовольствіе. «Ничто», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей автобіографіи, «не въ состояніи изгладить изъ моей памяти пріятныхъ воспоминаній о Яковѣ Гадуи, Кароло Дати, Фрескобольдо, Культеллеро, Франциски и др.» Мильтонъ тщательно изучилъ великихъ итальянскихъ писателей и часто подражалъ имъ въ формахъ. Онъ написалъ, будучи въ Италіи, до двадцати небольшихъ сочиненій, такъ какъ необходимо было представить свое сочиненіе для поступленія въ какое-либо литературное общество. Сохранилось нѣсколько стихотвореній, написанныхъ итальянскими поэтами въ честь Мильтона; хотя эти произведенія и не обнаруживаютъ большой геніальности въ ихъ авторахъ, но зато ясно показываютъ, какой восторгъ возбуждалъ геній Мильтона.

Италія произвела на Мильтона глубокое впечатлѣніе. Мыслитель и поэтъ, онъ восторженно смотрѣлъ на страну, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчались ему великіе люди и великія воспоминанія. Тамъ-то, при видѣ представленія мистерій, предметомъ которыхъ было первое ослушаніе человѣка, зародилась въ немъ мысль о большой эпической поэмѣ, и онъ, съ справедливой гордостью, высказалъ обѣщаніе, что «присоединивъ къ своимъ природнымъ способностямъ прилежное изученіе, упорный трудъ», который, говоритъ онъ, былъ удѣломъ его жизни, онъ «оставитъ потомству памятникъ, достойный того, чтобы быть сохраненнымъ». Эти слова заключали въ себѣ зародышъ «Потеряннаго Рая».

Въ Англіи между тѣмъ разгоралась революція. Карлъ I пользовался всевозможными средствами, чтобы управлять Англіей безъ участія Парламента, произвольно опредѣлялъ налоги, раздавалъ по своему личному усмотрѣнію монополіи по всѣмъ отраслямъ промышленности и торговли. Безпрестанные аресты дѣйствительно или мнимо недовольныхъ увеличивали всеобщее волненіе; никто не могъ считать себя безопаснымъ иначе, какъ подъ условіемъ безмолвной покорности передъ существующимъ порядкомъ вещей. Положеніе церкви было не лучше. Церковное управленіе находилось преимущественно въ рукахъ Лоуда, архіепископа кентрберійскаго. Изъ всѣхъ прелатовъ англиканской церкви Лоудъ наиболѣе удалялся отъ началъ реформаціи и наиболѣе приближался къ католицизму, упорно стремясь къ одной цѣли — подавленію диссидентовъ и всякой свободной мысли. Большинство народа смотрѣло на римскую церковь съ ненавистью, и англиканская церковь, которая съ каждымъ годомъ становилась болѣе и болѣе похожей на римскую, была предметомъ почти не меньшаго отвращенія. Наконецъ, въ 1639 г. Шотландія возстала, волненіе умовъ въ Англіи достигло высшей степени напряженія, готовилась роковая катастрофа.

Таково было положеніе вещей, когда Мильтонъ возвратился въ Англію, пробывъ за границею годъ и три мѣсяца. Когда лучшіе люди страны боролись оружіемъ и словомъ за свои

права и свободу, такой человѣкъ какъ Мильтонъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ этой борьбы и жгучихъ споровъ партій. Онъ съ жаромъ предался полемикѣ по богословскимъ и политическимъ вопросамъ. Симпатіи его, конечно, были не на сторонѣ короля и Лоуда. Первый ударъ, направленный противъ церковной реформы и епископовъ, нанесъ Мильтонъ въ началѣ 1641 г. своимъ сочиненіемъ «*О реформаціи въ Англіи и причинахъ, задерживавшихъ ее*». Это сочиненіе вызвало ожесточенную полемику противъ Мильтона, въ которой его враги не щадили даже личнаго его характера. Однако Мильтонъ восторжествовалъ; статьи его произвели сильное впечатлѣніе, и первымъ послѣдствіемъ ихъ было удаленіе епископовъ изъ Палаты Лордовъ и, наконецъ, совершенное уничтоженіе ихъ власти.

Послѣ бурныхъ 1641 и 1642 годовъ, мы находимъ Мильтона за болѣе мирными занятіями. Еще ранѣе, немедленно послѣ возвращенія въ Англію, поселясь въ большомъ домѣ съ садомъ, въ улицѣ Альдергатъ, онъ занялся воспитаніемъ племянниковъ, сыновей своей овдовѣвшей сестры, и нѣкоторыхъ молодыхъ людей изъ семействъ избранныхъ друзей. Онъ не прерывалъ этихъ занятій и во время полемики съ епископами, но теперь предался имъ еще съ бо́льшимъ усердіемъ. По нѣкоторымъ біографамъ, эта школа доставляла Мильтону хорошія средства къ жизни, по другимъ, Мильтонъ не бралъ за свои труды никакого вознагражденія. Курсъ классическаго образованія, какой онъ проходилъ со своими учениками, изумителенъ по обширности программы. Кромѣ общепринятыхъ классическихъ авторовъ, они изучали восточные языки — еврейскій, халдейскій и сирійскій, при этомъ занимались итальянскимъ и французскимъ языками и пріобрѣтали основательныя познанія въ математикѣ и астрономіи. Впослѣдствіи число его учениковъ уменьшилось, такъ какъ онъ не имѣлъ возможности заниматься со многими.

На тридцать четвертомъ году Мильтонъ женился на Маріи Пауэль, дочери Ричарда Пауэля, эсквайра, изъ Оксфордскаго графства. Но черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы жена, подъ предлогомъ поѣздки къ родителямъ, бѣжала отъ него. Это обстоятельство въ жизни Мильтона послужило поводомъ къ его сочиненію «*Принципы и условія развода*», гдѣ онъ является защитникомъ семейной свободы, такъ же какъ въ полемическихъ статьяхъ былъ защитникомъ свободы гражданской. Со свойственной ему убѣдительностью, онъ доказывалъ, что бракъ можетъ быть расторжимъ на другихъ основахъ, чѣмъ общепринятыя. Новый взглядъ Мильтона вызвалъ цѣлую бурю въ средѣ пресвитеріанцевъ. Они называли Мильтона развратителемъ общества и даже потребовали его къ суду передъ Палатой Лордовъ. Къ счастію, почтенные лорды не раздѣляли ярости враговъ Мильтона; подсудимый былъ съ почтомъ оправданъ. Въ слѣдующемъ, 1645 г., Мильтонъ написалъ другой трактатъ о томъ же вопросѣ, подъ заглавіемъ «*Tetrachorden*», излагавшій четыре главныя изреченія Св. Писанія, касающіяся этого предмета. Вслѣдъ за тѣмъ появилось послѣднее слово Мильтона въ этомъ спорѣ — «*Colasterion*» или «*Мученики*». Сочиненія Мильтона создали цѣлую школу послѣдователей, которые и назывались мильтонистами.

Несчастіе Мильтона въ выборѣ жены и ея бѣгство объясняли на разные лады, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Очень можетъ быть, что живой характеръ дѣвушки не согласовался съ трудовой, строго-замкнутой жизнью поэта, но скорѣе всего здѣсь можно предположить расчетъ со стороны семейства Пауэлей, ревностныхъ роялистовъ. Какъ разъ около того времени, когда состоялась женитьба Мильтона, королевская партія начала пріобрѣтать большую возможность на успѣхъ, и племянникъ Мильтона, Филипсъ, предполагаетъ, весьма вѣроятно, что это обстоятельство побудило Пауэлей порвать связь, которая, при возможномъ оборотѣ дѣлъ, могла ихъ сильно компрометировать. Несмотря на такой неблагородный поступокъ своей жены и ея семейства, Мильтонъ выказалъ къ нимъ необыкновенное великодушіе. Черезъ два года, когда дѣло королевской партіи было окончательно проиграно, и Пауэли увидѣли, что родство съ Мильтономъ не только безопасно, но можетъ оградить отъ большихъ непріятностей, то друзья ихъ устроили примиреніе Мильтона съ женою. Мильтонъ сначала колебался, но потомъ не только простилъ жену, но даже взялъ къ себѣ въ домъ тестя со всѣмъ многочисленнымъ семействомъ, пока своимъ вліяніемъ и ходатайствомъ ему не удалось снова поправить его обстоятельства.

Во время своего двухлѣтняго одиночества, кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій о разводѣ, Мильтонъ написалъ еще «*Трактатъ о воспитаніи*». Но это сочиненіе не представляетъ ничего замѣчательнаго. Гораздо важнѣе другой его трудъ, появившійся въ тотъ же періодъ времени,

«*Areopagitica*» или «*Рѣчь въ защиту печати*». Эта рѣчь была обращена къ Парламенту. Между прозаическими сочиненіями Мильтона, это самое сильное по краснорѣчію и непобѣдимой логикѣ. Впечатлѣніе, произведенное этой краснорѣчивой защитой свободы слова, было столь сильно, что одинъ цензоръ отказался отъ ставшей ему ненавистной должности, и во время Долгаго Парламента цензура была значительно ограничена, а при Кромвелѣ совсѣмъ уничтожена.

Въ 1645 г. Мильтонъ издалъ собраніе своихъ поэмъ, включительно съ нѣсколькими сонетами, написанными въ томъ же году. Въ теченіе 1648 г. онъ перевелъ девять псалмовъ. Этотъ годъ не благопріятствовалъ спокойнымъ занятіямъ человѣка, котораго живо затрогивали общественные интересы. Королевская партія вездѣ была разсѣяна; Карлъ былъ въ плѣну, сначала у шотландцевъ, потомъ у англійскихъ пресвитеріанъ, наконецъ у независимыхъ. Эти послѣдніе, и во главѣ ихъ Кромвель, имѣли намѣреніе не только оставить королю жизнь, но даже, если возможно, придти съ нимъ къ какому-нибудь соглашенію. Но поведеніе короля дѣлало тщетными всѣ подобнаго рода надежды; даже люди, готовые служить ему, приходили въ отчаяніе; всѣ были убѣждены, что жизнь короля будетъ только безконечнымъ рядомъ интригъ и козней противъ тѣхъ, кто осмѣливался ему прекословить. Какъ думалъ объ этомъ Мильтонъ? Гдѣ былъ онъ въ то время, когда Карлъ явился передъ верховнымъ судомъ, когда пала на эшафотѣ его развѣнчанная голова? Объ этомъ не имѣется никакихъ указаній. Извѣстно только, что Мильтонъ, какъ и большинство его соотечественниковъ, боролся собственно не противъ монархіи,—цѣлью борьбы было установленіе монархіи на конституціонныхъ началахъ, которыя были бы совмѣстны съ свободой. Это не удалось, оставалось избрать республику; разъ что она была принята, на нее смотрѣли, какъ на неизбѣжный результатъ событій. Такой взглядъ раздѣлялъ и Мильтонъ.

По смерти короля пресвитеріане подняли громкіе вопли, осыпая горькими укоризнами независимыхъ, какъ главныхъ виновниковъ ужаснаго дѣла. Мильтонъ, легко извинившій бы подобную вещь со стороны старыхъ роялистовъ или невѣжественной толпы, не могъ простить ее пресвитеріанамъ. Въ отвѣтъ имъ, нѣсколько недѣль спустя послѣ смерти короля, онъ выпустилъ памфлетъ подъ заглавіемъ «*The Tenure of Kings and Magistrates*» (*Право королей и правительствъ*). Яркая доказательность фактовъ и непоколебимая логика этого сочиненія нанесли пресвитеріанамъ глубокій ударъ. Они и ранѣе были врагами Мильтона, теперь ненависть ихъ еще усилилась. Но авторъ не столько заботился о примиреніи съ этой партіей, сколько о томъ, чтобы заставить ее замолчать, доказавъ ея несостоятельность и неискренность.

Слѣдующимъ сочиненіемъ Мильтона было: «*Замѣчанія на условія мира съ ирландскими мятежниками*», доказавшее, что Карлъ, вопреки самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ, стремился къ достиженію своихъ цѣлей при помощи ирландскихъ католиковъ и всевозможныхъ обмановъ. Это сочиненіе, также какъ и другія, отличается широтою и смѣлостью взглядовъ автора. Въ то же время, при всѣхъ многосторонныхъ занятіяхъ, Мильтонъ трудился еще надъ составленіемъ улучшеннаго латинскаго лексикона и «Исторіи Англіи». Постоянно отвлекаемый другими занятіями, онъ не довелъ этой послѣдней дальше норманскаго завоеванія. Впрочемъ, какъ историческое сочиненіе, она не имѣетъ большой важности и интересна только потому, что принадлежитъ перу великаго поэта. Трудъ его по составленію латинскаго лексикона также остался недоконченнымъ; но собранныхъ имъ матеріаловъ оказалось достаточнымъ для трехъ большихъ томовъ *in folio*. Они вошли въ составъ кэмбриджскаго словаря, изданнаго въ 1693 г.

Литературные труды Мильтона не давали ему большого обезпеченія въ матеріальномъ отношеніи; средства его были довольно скудны. Но, наконецъ, настало время, когда обстоятельства стали ему благопріятствовать. Кромвель, съ такимъ мастерствомъ умѣвшій выбирать людей, не преминулъ воспользоваться талантами Мильтона. Правительство предложило ему занять должность латинскаго секретаря при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, хотя онъ былъ уже почти слѣпъ, и вскорѣ и совсѣмъ лишился зрѣнія. Этому назначенію придавали большую важность во всей Европѣ, а Кромвель, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пользовался слѣпотой Мильтона, какъ политической уловкой.

Между тѣмъ, печальная политическая катастрофа, поразившая Англію, глубоко оскорбила народное чувство; въ народѣ слышался ропотъ. Такое неблагопріятное для новой республики настроеніе еще усилилось появленіемъ одного сочиненія, подъ заглавіемъ «*Eikon Basilike*» (Об-

разъ короля). Эта книга была сфабрикована съ цѣлію выставить несчастнаго короля человѣкомъ необыкновенно набожнымъ и благочестивымъ во всѣхъ привычкахъ его частной жизни. Даже въ тотъ вѣкъ, когда произведенія печати распространялись черепашьимъ шагомъ, эта книга, изданіе за изданіемъ, облетѣла всю страну съ изумительною быстротой. Въ отвѣтъ на «*Eikon Basilike*» Мильтонъ написалъ одно изъ своихъ наиболѣе обработанныхъ сочиненій, «*Ikonoclastes*» (Иконоборцы), гдѣ съ жаромъ защищалъ Парламентъ, искусно опровергая приводимую въ пользу короля защиту, и оказалъ этимъ сочиненіемъ огромную услугу республикѣ. Но отношенія Парламента къ королю возбудили негодованіе не только въ самой Англіи, но и за границей. Клодъ Сомезъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Салмазія, профессоръ словесности въ Лейденскомъ университетѣ, величайшій ученый своего времени, по порученію Карла II, бывшаго въ изгнаніи, написалъ статью въ защиту короля и монархіи, подъ заглавіемъ «*Defensio pro Regia pro Carlo Primo ad Carolum Secundum*». Чтобы изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное этой книгой, Парламентъ поручилъ Мильтону написать отвѣтъ на нее. Мильтонъ блистательно исполнилъ свою задачу. Его защита правъ человѣчества противъ всякаго притѣсненія, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, мѣстами, поражаетъ своимъ благородствомъ и силой. Понятно, что состязаніе двухъ такихъ знаменитостей возбудило въ Европѣ вниманіе всѣхъ образованныхъ людей. Мильтонъ одержалъ полную побѣду надъ своимъ противникомъ. Голландскій сеймъ, публично осудивъ статью Салмазія, запретилъ печатать ее, тогда какъ книга Мильтона сдѣлалась популярною въ странѣ. Салмазій былъ такъ потрясенъ, что черезъ годъ умеръ, не будучи въ силахъ вынести своего пораженія. Съ этихъ поръ слава Мильтона разнеслась по всей Европѣ. Книга его была переведена на иностранные языки; онъ получилъ множество поздравительныхъ писемъ со всѣхъ сторонъ континента. Правительство, въ вознагражденіе за его трудъ, назначило ему 1000 ф. с., что было въ то время весьма значительной суммой. Съ другой стороны, смѣлыя убѣжденія, высказанныя авторомъ въ этомъ сочиненіи, подвергли его ожесточеннымъ гоненіямъ; въ Парижѣ и Тулузѣ книга его была сожжена, что, конечно, способствовало большему распространенію ея въ народѣ. Слава Мильтона равнялась развѣ только славѣ Кромвеля; многіе знаменитые иностранцы нарочно пріѣзжали въ Англію, чтобы видѣть Протектора и Мильтона.

Когда Мильтонъ получилъ отъ правительства порученіе возражать Салмазію, зрѣніе его, значительно ослабѣвшее въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, стало окончательно измѣнять ему; доктора убѣждали его не брать на себя труда, угрожавшаго ему потерей послѣдняго зрѣнія— полной слѣпотою. Но это не остановило Мильтона. Предсказаніе сбылось: поэтъ ослѣпъ, но до конца жизни для него была великимъ утѣшеніемъ мысль, что зрѣніе его погибло ради служенія народному дѣлу, въ благородной борьбѣ за свободу.

Само собою разумѣется, что сочиненіе подобное «*Защитъ англійскаго народа*», наравнѣ съ поклонниками, пріобрѣло автору и многихъ противниковъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій, направленныхъ противъ него, Мильтонъ удостоилъ отвѣтомъ только одно, подъ заглавіемъ: «*Regii Sanguinis Clamor ad Coelum adversus Parricida Anglicanos*»,—«*Кровь короля, вопіющая къ небу противъ англійскихъ убійцъ*». Авторомъ ея былъ нѣкто Петръ дю Муленъ, французъ по происхожденію. Рукопись этого сочиненія была послана Салмазію, а тотъ поручилъ печатаніе ея нѣкоему Моору, передѣланному по латыни въ Моруса,—шотландцу, бывшему въ то время президентомъ Протестантской Коллегіи въ Лангедокѣ. Имя настоящаго автора не было выставлено, и Мильтонъ, узнавъ, что книга издана Морусомъ, отвѣчалъ ему, какъ автору. Такимъ образомъ была вызвана его «*Defensio Secunda*» (*Вторая защита*), изданная въ 1654 г. Такъ какъ противникъ Мильтона не щадилъ въ этой полемикѣ самыхъ грубыхъ выходокъ противъ частной жизни Мильтона, то онъ принужденъ былъ приводить здѣсь оправданія противъ взводимыхъ на него клеветъ, почему сочиненіе это имѣетъ очень важное біографическое значеніе. Морусъ пробовалъ отвѣчать, но энергическое краснорѣчіе Мильтона въ новомъ возраженіи съ «*Прибавленіями*» положило конецъ спору.

Въ 1653 г. Мильтонъ овдовѣлъ; жена оставила его слѣпымъ, съ тремя дѣтьми, всѣ трое дѣвочки, изъ которыхъ младшей было всего два года, а старшей не болѣе восьми. Матеріальныя его средства были также не блестящи. Онъ самъ говоритъ, что всѣ его труды на пользу отечества ничего не давали ему въ матеріальномъ отношеніи. Средства его ограничивались секре-

тарскимъ жалованьемъ, не превышавшимъ 300 ф. въ годъ, и небольшими частными средствами. Вскорѣ это жалованье еще уменьшилось на половину, вслѣдствіе необходимости по случаю слѣпоты имѣть помощника, которымъ былъ назначенъ, по собственному выбору Мильтона, его другъ, извѣстный поэтъ Андрей Марвель.

При такихъ обстоятельствахъ, черезъ три года послѣ потери первой жены, Мильтонъ вступилъ во второй бракъ съ Екатериною Вудкокъ, дочерью капитана Вудкока, изъ Хакнея. Но семейное счастіе не было суждено Мильтону; вторая его жена умерла въ родахъ черезъ годъ послѣ брака. Мильтонъ всю жизнь высоко чтилъ память своей второй жены, и выразилъ свои чувства къ ней въ прекрасномъ сонетѣ.

Общественные вопросы не переставали занимать его попрежнему. Въ 1659 г. онъ написалъ замѣчательный трактатъ «*О гражданской власти въ церковныхъ дѣлахъ*» и энергическій памфлетъ «*О средствахъ къ удаленію изъ церкви наемниковъ*». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя появился его памфлетъ, озаглавленный «*Скорое и легкое средство для возстановленія свободы и общественнаго благоденствія*», и отвѣтъ на проповѣдь д-ра Мэтью Граффита, капеллана покойнаго короля, написанную въ крайнемъ роялистскомъ духѣ. Въ этихъ двухъ статьяхъ Мильтонъ высказалъ свой послѣдній протестъ противъ возвращенія Стюартовъ. Почти въ ту самую минуту, когда ружейные выстрѣлы Дуврской крѣпости возвѣщали прибытіе его величества Карла II, голосъ Мильтона громко ратовалъ за свободу. Но народъ оставался глухъ къ его увѣщаніямъ; страна и дворъ спѣшили исполнить худшія предсказанія Кромвеля, такъ краснорѣчиво подтверждаемыя Мильтономъ.

Въ теченіе восьми лѣтъ, предшествовавшихъ реставраціи, Мильтонъ жилъ въ уединенномъ домѣ, въ Петти Фрэнсъ, вблизи центра всей дѣятельности, связанной съ важнѣйшими вопросами церкви и государства. Въ этомъ скромномъ домикѣ нерѣдко собиралось все, что было самаго блестящаго въ ученомъ и политическомъ мірѣ. Но съ реставраціей все это измѣнилось. Мильтонъ долженъ былъ понимать, что жизнь его не внѣ опасности. Политическая карьера его была окончена; даже молчаніе въ будущемъ не могло достаточно оградить его отъ послѣдствій за прошлое. Онъ оставилъ Петти Фрэнсъ, найдя убѣжище у одного изъ своихъ друзей въ Бартоломью Клозъ, гдѣ онъ скрывался, пока не утихла буря. Вышло повелѣніе объ его арестѣ, однако у него были друзья настолько сильные, чтобы защитить его. Даже въ числѣ его враговъ находились люди, которые не могли не преклоняться передъ его геніемъ и не сострадать его несчастіямъ. Разсказываютъ, будто его друзья распустили слухъ объ его смерти и даже устроили фальшивыя похороны, чтобы прекратить преслѣдованія правительства. Неизвѣстно насколько это справедливо, но, во всякомъ случаѣ, надо думать, что самъ Мильтонъ не принималъ участія въ этомъ невинномъ обманѣ.

Въ 1660 г. Нижняя Палата издала приказъ о сожженіи «Иконоборцевъ» и «Защиты англійскаго народа» рукою палача. Вышедшая вскорѣ амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ спасла жизнь Мильтона. Однакоже, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, неизвѣстно по какой причинѣ, онъ былъ заключенъ въ тюрьму, но скоро получилъ свободу, заплативъ за себя выкупъ. Характеристическія черты Мильтона—независимость и неустрашимость—выказались и при этомъ случаѣ: онъ отказался платить выкупъ, возставая противъ непомѣрности суммы, и она была уменьшена.

На пятьдесятъ шестомъ году жизни, слѣпой, съ очень ограниченными средствами, Мильтонъ вступилъ въ третій бракъ. Ему посовѣтовалъ это его другъ, докторъ Паджетъ; онъ самъ и сосваталъ ему дочь Роберта Миншуля, Елизавету. Въ то время старшей дочери Мильтона было восемнадцать, младшей шестнадцать лѣтъ. Третья жена Мильтона была тридцатью годами моложе его. Въ своемъ безпомощномъ состояніи слѣпоты, Мильтонъ такъ долго оставался вдовцомъ, разсчитывая, очевидно, дождаться въ своихъ дочеряхъ помощницъ и хорошихъ хозяекъ. Но, кажется, ожиданія его не оправдались, хотя и самого Мильтона сильно обвиняли за его деспотическія отношенія къ дочерямъ, вопреки либеральнымъ идеямъ, которыя онъ такъ горячо проповѣдывалъ. Какъ всегда въ подобныхъ семейныхъ перекорахъ, доля вины приходится, вѣроятно, на ту и на другую сторону. Миссисъ Фостеръ, внучка Мильтона, утверждаетъ, что, кромѣ всѣми признанной жесткости въ обращеніи съ дочерьми, онъ былъ до такой степени эгоистиченъ, что не позволялъ имъ учиться писать даже на своемъ языкѣ, заставлялъ ихъ читать себѣ вслухъ на восьми языкахъ, чисто механически, не понимая ни одного слова ни на одномъ изъ

нихъ. Старшая дочь была избавлена отъ этого тягостнаго труда, благодаря физическому недостатку въ языкѣ. Филипсъ, племянникъ Мильтона, передаетъ, что когда молодыя дѣвушки стали жаловаться на невыносимую тягость своего положенія, Мильтонъ всѣхъ трехъ отослалъ изъ дома «выучиться какому-нибудь хорошему и прибыльному мастерству, приличному для женщины, въ особенности шитью золотомъ и серебромъ». Уже тотъ фактъ, что Мильтонъ завѣщалъ все состояніе женѣ, за исключеніемъ того, что дочери могли требовать послѣ своей матери отъ Пауэлей, служитъ доказательствомъ недружелюбныхъ семейныхъ отношеній.

Съ другой стороны, Обрей, болѣе добросовѣстный и безпристрастный свидѣтель, чѣмъ миссизъ Фостеръ, положительно опровергаетъ, будто дочери его не умѣли писать; онъ говоритъ, что младшая, Дебора, была секретаремъ отца, и понимала по латыни. Сама Дебора подтверждаетъ, что хотя ихъ не посылали въ школу, но учили дома; изъ ея словъ видно, что для этой цѣли была взята для нихъ гувернантка. Слѣдовательно, Мильтонъ не жалѣлъ тратъ для воспитанія своихъ дочерей; къ этому надо еще прибавить позднѣйшія издержки на обученіе ихъ золотошвейному мастерству и помощь, какую онъ оказывалъ имъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ или пяти лѣтъ своей жизни, когда онѣ уже не жили въ его домѣ. Мильтонъ горько жаловался на неблагодарность своихъ дочерей, но зато нашелъ полное счастіе въ своей молодой женѣ. Ей было 26 лѣтъ, когда она вышла замужъ за Мильтона, и Обрей описываетъ ее, какъ особу очень миловидную, спокойнаго, пріятнаго характера. Она оказывала большое уваженіе поэту; часто, рано утромъ, она писала подъ его диктовку стихи, сочиненные имъ ночью, окружала его заботами, однимъ словомъ, была прекрасной женою во всѣхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, Филипсъ обвиняетъ ее въ дурномъ обращеніи съ падчерицами. Трудно судить, насколько справедливо такое обвиненіе. Вообще, изъ всѣхъ свидѣтельствъ о семейныхъ отношеніяхъ Мильтона, нельзя считать его безукоризненнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по многимъ обстоятельствамъ слѣдуетъ заключить, что, насколько онъ былъ виноватъ передъ своими дочерьми и первой женой, настолько же были виноваты и онѣ передъ нимъ.

Мысль написать эпическую поэму, впервые зародившаяся у Мильтона во время его континентальнаго путешествія, не оставляла его въ теченіе всей жизни. Во Флоренціи онъ высказалъ свое намѣреніе нѣкоторымъ изъ друзей. Въ Неаполѣ, въ поэмѣ къ Мансо, онъ высказался объ этомъ болѣе опредѣленно; но героемъ своей поэмы онъ думалъ тогда избрать короля Артура и рыцарство того времени. Въ его трактатѣ «*О церковномъ управленіи*», написанномъ въ 1641 г., опять высказана мысль о поэмѣ, съ тѣмъ же предполагаемымъ героемъ, королемъ Артуромъ. Неизвѣстно, когда и подъ какимъ вліяніемъ историческая тема уступила мѣсто библейской. Судя по нѣкоторымъ отрывкамъ поэмы, читаннымъ Филипсомъ и другими друзьями Мильтона, надо полагать, что этотъ новый сюжетъ Мильтонъ обдумывалъ въ теченіе восьми или десяти лѣтъ. По словамъ Обрея, около 1658 г. онъ окончательно остановился на этой мысли, и въ этомъ же году началъ свое великое произведеніе. Первоначально Мильтонъ придалъ своему творенію форму драмы, въ родѣ старинныхъ мистерій, но потомъ передѣлалъ ее въ поэму.

Несмотря на преклонные годы,—Мильтону было уже пятьдесятъ лѣтъ, — слабое здоровье, слѣпоту, онъ не остановился передъ задуманнымъ и всю жизнь лелѣяннымъ дорогимъ трудомъ. Казалось бы, одна слѣпота должна была служить ему непреодолимымъ препятствіемъ; и дѣйствительно, это ставило его въ большую зависимость отъ другихъ, хотя, обладая обширной памятью и громаднымъ запасомъ знаній, онъ почти могъ обходиться безъ книгъ. Люди близкіе къ поэту замѣчали, что его поэтическія способности были не всегда одинаковы. Филипсъ говоритъ, что его творческая сила бывала въ наибольшей степени напряженія между осеннимъ и весеннимъ равноденствіемъ, и все, что онъ писалъ въ другое время, никогда не удовлетворяло его, хотя онъ всѣми силами напрягалъ свое воображеніе. Такимъ образомъ, можно сказать, что изъ семи лѣтъ, употребленныхъ имъ на свое великое произведеніе, въ дѣйствительности онъ проработалъ надъ нимъ только половину этого времени. Ричардсонъ, повидимому, подробно знавшій интимную жизнь Мильтона, разсказываетъ, что иногда онъ лежалъ по цѣлымъ ночамъ безъ сна, не будучи въ состояніи придумать ни одного стиха, вдругъ поэтическое вдохновеніе нахлынывало на него съ неудержимой силой, и тогда, немедленно, онъ призывалъ дочь, и та записывала вдохновенныя строки. Въ другое время, онъ сразу диктовалъ строкъ по сорока, а потомъ сокращалъ ихъ до половины. По его собственнымъ словамъ, боль-

шая часть поэмы была сочиняема ночью или утромъ, когда умъ свободенъ отъ обыденныхъ житейскихъ заботъ.

«*Потерянный Рай*» былъ оконченъ въ 1665 г., въ Чальфонтѣ, куда авторъ удалился отъ чумы, свирѣпствовавшей въ то время въ Лондонѣ. Г. Эльвудъ, квакеръ, другъ Мильтона, прочитавъ рукопись, сказалъ Мильтону: «ты такъ много говоришь о потерянномъ раѣ, что же скажешь ты о возвращенномъ раѣ?» Когда Эльвудъ, спустя нѣсколько времени, посѣтилъ Мильтона, тотъ показалъ ему новую поэму—«*Возвращенный Рай*», и радостно замѣтилъ: «Я написалъ это благодаря тебѣ; ты своимъ вопросомъ въ Чальфонтѣ подалъ мнѣ мысль, никогда не приходившую мнѣ въ голову». Эта вторая поэма далеко уступала первой, но самъ Мильтонъ ставилъ ее выше «Потеряннаго Рая»; этого мнѣнія никто не раздѣлялъ съ нимъ. Но, если вторая поэма, давно всѣми забытая, и слабѣе первой, то она, во всякомъ случаѣ, не лишена большихъ достоинствъ, и составляетъ одно цѣлое съ «*Потеряннымъ Раемъ*», вполнѣ заканчивая эту поэму.

Когда чума въ Лондонѣ прекратилась, Мильтонъ поѣхалъ туда искать издателя своей поэмы. Всѣмъ извѣстны условія, заключенныя между Мильтономъ и издателемъ его «*Потеряннаго Рая*», Самуиломъ Симмонсомъ. Авторъ получилъ 5 фунт. стерл. при заключеніи контракта; по продажѣ 1300 экземпляровъ онъ долженъ былъ получить еще столько же, и еще 5 фунт. по продажѣ такого же количества экземпляровъ второго и третьяго изданій. Всѣ три изданія были ограничены 1500 экземплярами. И такъ, безсмертная поэма, которая составляетъ гордость англійской литературы, была продана за ничтожную сумму въ 20 фунт. стерлинговъ. Первое изданіе «*Потеряннаго Рая*» вышло въ свѣтъ въ красивой обертке и продавалось по три шиллинга. Условіе съ Симмонсомъ было заключено въ апрѣлѣ 1667 г. Черезъ два года авторъ получилъ вторые 5 фунт., такъ какъ въ эти два года были проданы условленные 1300 экземпляровъ. Второго изданія не было предпринято до 1674 г.—Мильтонъ не дожилъ до него. И такъ, все что получилъ Мильтонъ за свой «Потерянный Рай»—это 10 фунт. стерлинговъ. Второе изданіе было распродано въ теченіе четырехъ лѣтъ; при напечатаніи третьяго изданія въ 1681 г. Симмонсъ заплатилъ вдовѣ Мильтона 8 фун. за полное право изданія. Великое произведеніе Мильтона, какъ видно изъ этого, было принято очень холодно. Поэтъ, говорятъ, утѣшался непоколебимымъ убѣжденіемъ въ будущности своего творенія. Онъ умеръ съ этой вѣрой, и она не обманула его.

Послѣ «*Потеряннаго Рая*» вышла въ свѣтъ «*Исторія Англіи*» Мильтона, произведеніе такъ сильно его занимавшее, но оно было значительно искажено цензурой. Въ 1671 г. появился «*Возвращенный Рай*» и «*Самсонъ*». Это были послѣднія поэтическія произведенія Мильтона. Черезъ три года послѣ этого онъ написалъ «*Трактатъ объ истинной религіи, ереси, расколѣ, вѣротерпимости и средствахъ противъ усиленія папской власти*». Страна опять приходила въ волненіе въ виду католическаго наслѣдника престола и, вслѣдствіе того, возможнаго усиленія папизма. Мильтонъ взывалъ ко всѣмъ протестантамъ, убѣждая общими силами дѣйствовать противъ этого общаго врага. Въ томъ же году Мильтонъ вновь издалъ свои юношескія поэмы, съ нѣкоторыми примѣчаніями и поправками, и «*Трактатъ о воспитаніи*». Въ 1674 г., послѣднемъ году жизни Мильтона, вышли его «*Латинскія письма*»; появившійся въ томъ же году переводъ съ латинскаго «*Декларація поляковъ въ пользу Іоанна III*» также приписывается Мильтону.

Въ послѣдніе годы жизни Мильтонъ сильно страдалъ подагрой, и умеръ отъ этой болѣзни, на шестьдесятъ шестомъ году жизни, 8-го ноября 1674 г. Его похоронили рядомъ съ его отцомъ въ алтарѣ церкви Св. Эгидія.

Мильтонъ самъ оставилъ описаніе своей наружности: онъ былъ скорѣе ниже, чѣмъ выше средняго роста; въ юности онъ отличался женственной красотой лица, но съ годами черты его приняли болѣе мужественный характеръ. На портретахъ онъ изображается съ свѣтлорусыми волосами, пробранными по серединѣ и падающими по плечамъ кудрями. Сѣрые глаза его по наружности были совершенно ясны, несмотря на слѣпоту. Онъ держался прямо и имѣлъ смѣлый и гордый видъ. Одинъ старый священникъ, посѣтившій Мильтона за нѣсколько дней до его смерти, разсказываетъ, что онъ нашелъ поэта въ маленькой комнаткѣ съ плѣсенью на стѣнахъ; онъ сидѣлъ въ креслѣ, опрятно одѣтый весь въ черномъ; лицо его было блѣдно, но не болѣзненно, руки и пальцы изуродованы подагрой. Въ ясную солнечную погоду онъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть на воздухѣ, у дверей своего дома; тутъ онъ принималъ и посѣтителей,

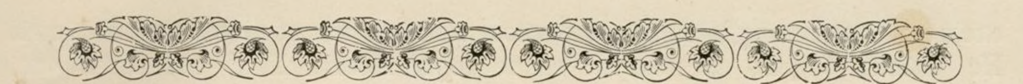

принадлежавшихъ къ избранному кругу литераторовъ и ученыхъ. Подагра Мильтона была наслѣдственной болѣзнью, онъ не могъ получить ее отъ излишествъ богатой жизни, такъ какъ умѣренность была однимъ изъ его отличительныхъ качествъ. Онъ велъ самый простой образъ жизни, былъ необыкновенно воздерженъ въ пищѣ и почти не пилъ вина. Въ молодости онъ испортилъ свое зрѣніе и вообще разстроилъ здоровье ночными занятіями; впослѣдствіи онъ сталъ ложиться спать въ девять часовъ и вставать лѣтомъ въ четыре, зимою въ пять часовъ утра. Если же онъ не былъ расположенъ встать въ эти часы, то обыкновенно кто-нибудь читалъ ему. Вставъ, онъ выслушивалъ главу изъ библіи (на еврейскомъ языкѣ), и занимался до полудня. Потомъ, послѣ небольшой прогулки, обѣдалъ, игралъ на органѣ или пѣлъ, послѣ чего до шести часовъ опять предавался умственному труду. Время отъ шести до восьми посвящалось пріему друзей, между восемью и девятью часами ему подавался ужинъ, состоявшій изъ оливокъ, или чего-нибудь легкаго,—такъ заканчивался его день. Передъ сномъ онъ выкуривалъ свою трубочку и выпивалъ стаканъ воды. Одинъ изъ біографовъ Мильтона говоритъ про него: «въ его характерѣ былъ отпечатокъ строгой важности, но его нельзя было назвать ни суровымъ, ни мрачнымъ; это былъ возвышенный умъ, не удостоивавшій снисходить до мелкихъ вещей». По словамъ Обрея, Мильтонъ въ разговорѣ принималъ нерѣдко сатирическій тонъ, иногда бывалъ очень оживленъ и веселъ, даже во время припадковъ подагры. При своихъ обширныхъ познаніяхъ онъ былъ увлекательнымъ собесѣдникомъ и отличался утонченной вѣжливостью. Онъ до конца честно прожилъ свою жизнь, начавшуюся такъ блистательно и окончившуюся почти въ изгнаніи, въ бѣдномъ деревенскомъ домишкѣ съ покрытыми плѣсенью стѣнами.

Послѣ смерти Мильтона осталось два его сочиненія въ рукописяхъ—«*Исторія Москвы*», которая вскорѣ была напечатана, и прекрасно разработанный трактатъ «*О христіанскомъ ученіи*». Послѣдній былъ изданъ лишь въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Многіе біографы Мильтона сѣтуютъ на то, что онъ въ теченіе цѣлаго двадцатилѣтія заглушалъ свой поэтическій даръ въ политическихъ распряхъ. Но, если Мильтонъ прославилъ свое отечество, какъ поэтъ, то и патріотическія его заслуги были не менѣе велики. По его собственнымъ словамъ, чтобы не подвергать себя неотступнымъ упрекамъ совѣсти, онъ долженъ былъ подчинить свою любовь къ поэзіи любви къ своей родинѣ и свободѣ. Впрочемъ, какъ Мильтонъ самъ выражается въ одномъ мѣстѣ, въ этой литературной борьбѣ за общественные вопросы онъ дѣйствовалъ лѣвой рукой,—правая была чужда этой сферѣ и служила лишь высочайшимъ вдохновеніямъ. Политическія сочиненія Мильтона, каковы бы ни были ихъ слабыя стороны, сдѣлали многое въ пользу общественной свободы. Самъ онъ не былъ, въ строгомъ смыслѣ слова, такимъ неумолимымъ республиканцемъ, какимъ принято его считать. Въ сущности, онъ стоялъ за правительство, находящееся въ наиболѣе мудрыхъ и честныхъ рукахъ—но будь это республика, олигархія, монархія, или какая-либо иная комбинація, это было для него вопросомъ второстепеннымъ, имѣющимъ лишь значеніе средства относительно цѣли. Но онъ горячо возставалъ противъ всякаго злоупотребленія властью, откуда бы она ни исходила, и всю жизнь былъ неутомимымъ борцомъ за свободу совѣсти и человѣческія права.

ПѢСНЬ 1-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Въ первой пѣснѣ излагается сначала все содержаніе вкратцѣ: ослушаніе Человѣка и потеря вслѣдствіе этого Рая, бывшаго его жилищемъ; далѣе разсказывается о первоначальной причинѣ его паденія, о Змѣѣ, или Сатанѣ въ видѣ змѣя, который, возставъ противъ Бога и возмутивъ многіе легіоны Ангеловъ, былъ, по повелѣнію Божію, со всѣмъ своимъ войскомъ низверженъ съ небесъ въ преисподнюю бездну. Вкратцѣ упомянувъ объ этомъ, поэма быстро переходитъ въ середину дѣйствія, изображая Сатану съ его Ангелами, низверженными теперь въ Адъ. Описаніе Ада, но не въ центрѣ міра (такъ какъ предполагается, что Небо и Земля не были еще созданы, слѣдовательно на нихъ и не лежало еще проклятія), а въ области полной тьмы или, вѣрнѣе сказать, Хаоса. Здѣсь Сатана лежитъ съ своими Ангелами на огненномъ озерѣ, уничтоженный, пораженный; черезъ нѣсколько времени онъ приходитъ въ себя, какъ бы отъ смутнаго сна, зоветъ того, кто, первый по чину, лежитъ возлѣ него; они разсуждаютъ о своемъ позорномъ паденіи. Сатана будитъ всѣ свои легіоны, которые также лежали до сихъ поръ точно пораженные громомъ: они подымаются; число ихъ несмѣтно; они строятся въ боевой порядокъ; главные вожди ихъ называются именами идоловъ, извѣстныхъ впослѣдствіи въ Ханаанѣ и сосѣднихъ земляхъ. Къ нимъ обращается Сатана съ рѣчью, утѣшаетъ ихъ надеждой еще вернуть Небо, и говоритъ имъ въ концѣ о новомъ мірѣ, о новой породѣ существъ, которыя должны быть созданы, согласно съ древнимъ пророчествомъ или преданіемъ на Небѣ; Ангелы же, по мнѣнію многихъ древнихъ Отцовъ, были созданы гораздо раньше видимаго міра. Чтобы обсудить истину этого пророчества, и сообразно съ этимъ рѣшить свой образъ дѣйствій, Сатана созываетъ весь совѣтъ. На такомъ рѣшеніи останавливаются его товарищи. Изъ преисподней вдругъ подымается Пандемоніумъ, дворецъ Сатаны; адскія власти сидятъ тамъ и держатъ совѣтъ.

ВОСПОЙ, небесная Муза [1*)], первое ослушаніе человѣка и плодъ того запретнаго древа, смертельный вкусъ котораго, лишивъ насъ Рая, принесъ въ міръ смерть и всѣ наши горести, пока Величайшій изъ людей не пришелъ спасти насъ и возвратить намъ блаженное жилище. Не ты ли, о Муза, на таинственной вершинѣ Хорива [2)], или на Синаѣ, вдохновила Пастыря, впервые повѣдавшаго избранному народу, какъ небеса и земля поднялись изъ Хаоса [3)]. Или, можетъ быть, тебѣ пріятнѣе высоты Сіона и Силоамскій ручей [4)], протекавшій у самаго прорицалища Го-

BOOK I. THE ARGUMENT.

This First Book proposes, first in brief, the whole subject, Man's disobedience, and the loss thereupon of Paradise, wherein he was placed: then touches the prime cause of his fall, the Serpent, or rather Satan in the serpent, who revolting from God, and drawing to his side many legions of Angels, was, by the command of God, driven out of Heaven, with all his crew, into the great deep. Which action passed over, the poem hastens into the midst of things, presenting Satan with his Angels now fallen into Hell, described here; not in the centre (for Heaven and Earth may be supposed as yet not made, certainly not yet accursed) but in a place of utter darkness, fitliest called Chaos: here Satan, with his Angels lying on the burning lake, thunderstruck and astonished, after a certain space recovers, as from confusion, calls up him who next in order and dignity lay by him; they confer of their miserable fall. Satan awakens all his legions, who lay till then in the same manner confounded: they rise, their numbers, array of battle, their chief leaders named, according to the idols known afterward in Canaan and the countries adjoining. To these Satan directs his speech, comforts them with hope yet of regaining Heaven, but tells them lastly of a new world and new kind of creature to be created, according to an ancient prophecy or report in Heaven; for that Angels were long before this visible creation, was the opinion of many ancient Fathers. To find out the truth of this prophecy, and what to determine thereon, he refers to a full council. What his associates thence attempt. Pandemonium, the palace of Satan, rises, suddenly built out of the deep: the infernal peers there sit in council.

Of man's first disobedience, and the fruit
Of that forbidden tree, whose mortal taste
Brought death into the world, and all our woe,
With loss of Eden, till one greater Man
Restore us, and regain the blissful seat,
Sing Heav'nly Muse, that on the secret top
Of Oreb, or of Sinai, didst inspire
That Shepherd, who first taught the chosen seed
In the beginning, how the heav'ns and earth
Rose out of Chaos. Or if Sion hill
Delight thee more, and Siloa's brook that flow'd
Fast by the oracle of God; I thence

*) Примѣчанія, обозначенныя нумерами, будутъ помѣщены въ концѣ книги.

сподня [5]), то я оттуда призываю твою помощь въ моей отважной пѣснѣ. Не робокъ будетъ ея полетъ: выше горы Аонійской [6]) взовьется она, чтобы повѣдать вещи, какихъ не смѣли еще коснуться ни стихъ, ни проза.

Тебя всего болѣе молю, о Духъ Святой, Ты, для Кого прямое и чистое сердце выше всѣхъ храмовъ, вразуми меня; Ты все знаешь: Ты присутствовалъ при началѣ творенія и, подобно голубю, распустивъ могучія крылья надъ громадной бездной, даровалъ ей плодотворную силу. Все темное во мнѣ просвѣти, все низкое возвысь, подкрѣпи мой духъ, чтобы я, достойный этого высокаго предмета, далъ уразумѣть людямъ вѣчное Провидѣніе и оправдать пути Всевышняго.

Прежде всего скажи мнѣ, потому что вѣдь ни въ Небѣ, ни въ глубочайшихъ безднахъ Ада, ничто не скрыто отъ Твоихъ взоровъ,—скажи мнѣ прежде всего: что побудило нашихъ прародителей, въ ихъ блаженномъ состояніи, столь щедро осыпанныхъ небесными милостями, отпасть отъ ихъ Творца и преступить Его волю, когда она, налагая на нихъ только одно запрещеніе, оставляла ихъ владыками всего остального міра? Кто первый соблазнилъ ихъ на эту низкую измѣну?—Проклятый Змѣй: онъ, въ своемъ коварствѣ, кипя завистью и местью, обольстилъ праматерь человѣчества, когда за гордость былъ низвергнутъ съ Неба со всѣмъ сонмомъ мятежныхъ Ангеловъ. Онъ мечталъ, надменный, поднявъ возстаніе, съ ихъ помощью возвыситься надъ всѣми небесными властями; онъ надѣялся даже стать равнымъ Всевышнему. Съ такими дерзновенными замыслами противъ престола и царства Господа Бога онъ поднялъ въ Небѣ нечестивую войну. Тщетная попытка! Всемогущій сбросилъ его съ небесныхъ эѳирныхъ пространствъ въ кромѣшную бездну гибели; въ безобразномъ своемъ паденіи, объятый пламенемъ, стремглавъ летѣлъ онъ въ бездонную пучину. Страшная кара ждала тамъ дерзновеннаго, осмѣлившагося поднять руку на Вседержителя: закованный въ адамантовыя цѣпи, онъ долженъ томиться тамъ въ мукахъ неугасимаго огня. Уже прошло столько времени, во сколько для смертныхъ девять разъ день смѣняется ночью, а онъ, побѣжденный, все еще лежалъ съ своимъ ужаснымъ войскомъ въ огненномъ морѣ, погибшій и все-таки безсмертный. Но ему суждена еще

Invoke thy aid to my advent'rous song,
That with no middle flight intends to soar
Above th' Aonian mount, while it pursues
Things unattempted yet in prose or rhyme.
 And chiefly Thou, O Spirit, that dost prefer
Before all temples th' upright heart and pure,
Instruct me, for Thou know'st: Thou from the first
Wast present, and with mighty wings outspread
Dove-like sat'st brooding on the vast abyss,
And mad'st it pregnant. What in me is dark
Illumine, what is low raise and support,
That to the height of this great argument
I may assert eternal Providence,
And justify the ways of God to Men.
 Say first, for Heav'n hides nothing from thy view,
Nor the deep tract of Hell; say first what cause
Moved our grand parents, in that happy state,
Favour'd of Heav'n so highly, to fall off
From their Creator, and transgress his will
For one restraint, lords of the world besides?
Who first seduced them to that foul revolt?
Th' infernal Serpent: he it was whose guile,
Stirr'd up with envy and revenge, deceived
The mother of mankind, what time his pride
Had cast him out from Heav'n, with all his host
Of rebel Angels; by whose aid aspiring
To set himself in glory 'bove his peers,
He trusted to have equall'd the Most High,
If he opposed; and with ambitious aim
Against the throne and monarchy of God,
Raised impious war in Heav'n and battle proud
With vain attempt. Him the Almighty Power
Hurl'd headlong flaming from th' ethereal sky,
With hideous ruin and combustion, down
To bottomless perdition; there to dwell
In adamantine chains and penal fire,
Who durst defy th' Omnipotent to arms,
Nine times the space that measures day and night
To mortal men, he with his horrid crew
Lay vanquish'd, rolling in the fiery gulf,
Confounded though immortal: But his doom
Reserved him to more wrath; for now the thought

Всемогущій сбросилъ его съ небесныхъ эѳирныхъ пространствъ
въ кромѣшную бездну гибели.

Пѣснь 1. стр. 2.

. . . . Him the Almighty Power
Hurl'd headlong flaming from th' ethereal sky.

I

худшая кара вѣчно терзаться воспоминаніемъ объ утраченномъ счастіи и мыслію о безпредѣльной мукѣ. Онъ поводитъ вокругъ зловѣщими глазами; безмѣрная тоска и страхъ выражаются въ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непреклонная гордость, непримиримая злоба. Однимъ взглядомъ, такъ далеко какъ можетъ проникать только взоръ безсмертныхъ, озираетъ онъ пространства обширныя, дикія, полныя ужаса: эта страшная тюрьма заключена въ кругѣ, какъ въ громадномъ пылающемъ горнилѣ; но пламя это не даетъ свѣта: въ видимомъ мракѣ оно только явственнѣе выдѣляло картины скорби, мѣста печали, унылыя тѣни, гдѣ никогда не могутъ быть извѣстны миръ и покой; даже надежда, которая никого не оставляетъ, и та никогда не проникнетъ сюда; это юдоль нескончаемыхъ терзаній, всепожирающее море огня, питаемое вѣчно пылающей, но несгораемой сѣрой. Таково жилище, приготовленное предвѣчнымъ правосудіемъ для этихъ мятежниковъ; они присуждены къ заключенію здѣсь въ полномъ мракѣ; отъ Бога и Его небеснаго свѣта ихъ отдѣляетъ пространство въ три раза большее, чѣмъ разстояніе отъ середины земли до крайняго полюса. О, какъ не похоже это жилище на то, откуда они ниспали! Сатана скоро узнаетъ товарищей своего паденія, подавленныхъ горами огненныхъ волнъ и терзаемыхъ бурными вихрями. Ближе всѣхъ къ нему метался, первый послѣ него по власти, также какъ по преступленіямъ, духъ, много вѣковъ позже узнанный въ Палестинѣ и наименованный Вельзевуломъ [7]. Къ нему Архи-врагъ Неба, за то названный тамъ Сатаной [8], дерзкими словами нарушая зловѣщую тишину, вѣщаетъ такъ:

«О, неужели ты тотъ духъ... но, какъ низко палъ ты! Какъ не похожъ ты на того, кто въ блаженномъ царствѣ свѣта затемнялъ своимъ лучезарнымъ одѣяніемъ миріады блестящихъ Херувимовъ! Неужели ты тотъ самый духъ, котораго общіе мысли и планы, общія гордыя надежды сдѣлали нѣкогда моимъ союзникомъ въ смѣломъ и славномъ предпріятіи? Теперь несчастіе снова соединило насъ въ общей гибели. Ты видишь, въ какую бездну низринуты мы съ горней выси Тѣмъ, Кто побѣдилъ насъ Своими громами? Кто же подозрѣвалъ могущество этого орудія? Но, несмотря ни на эту силу, несмотря ни на что, чѣмъ бы Державный Побѣдитель ни

Both of lost happiness and lasting pain
Torments him; round he throws his baleful eyes,
That witness'd huge affliction and dismay,
Mix'd with obdurate pride and steadfast hate:
At once, as far as angels' ken, he views
The dismal situation waste and wild:
A dungeon horrible on all sides round,
As one great furnace flamed; yet from those flames
No light; but rather darkness visible
Served only to discover sights of woe,
Regions of sorrow' doleful shades, where peace
And rest can never dwell: hope never comes,
That comes to all: but torture without end
Still urges, and a fiery deluge, fed
With ever-burning sulphur unconsumed:
Such place eternal justice had prepared
For those rebellious; here their prison ordain'd
In utter darkness, and their portion set
As far removed from God and light of Heaven,
As from the centre thrice to th' utmost pole.
O how unlike the place from whence they fell!

There the companions of his fall, o'erwhelm'd
With floods and whirlwinds of tempestuous fire,
He soon discerns, and welt'ring by his side
One next himself in power, and next in crime,
Long after known in Palestine, and named
Beëlzebub. To whom th' Arch-Enemy,
And thence in Heav'n calld' Satan, with bold words
Breaking the horrid silence thus began:
If thou beest he; but O how fallen! how changed
From him who, in the happy realms of light
Cloth'd with transcendent brightness didst outshine
Myriads though bright! If he whom mutual league,
United thoughts and counsels, equal hope
And hazard in the glorious enterprise,
Join'd with me once, now misery hath join'd
In equal ruin: into what pit thou seest
From what height fall'n, so much the stronger proved
He with his thunder: and till then who knew
The force of those dire arms? yet not for those
Nor what the potent victor in his rage
Can else inflict, do I repent or change,

наказалъ насъ еще въ Своемъ гнѣвѣ, я не раскаиваюсь. Измѣнился мой внѣшній блескъ, но ничто не измѣнитъ во мнѣ твердости духа и того высокаго негодованія, какое внушаетъ мнѣ чувство оскорбленнаго достоинства, негодованія, подвигшаго меня на борьбу съ Всемогущимъ. Въ этой яростной войнѣ перешли на мою сторону несмѣтныя силы вооруженныхъ Духовъ, дерзнувшихъ отвергнуть Его власть и предпочесть мою. Встрѣтились обѣ силы, огласились небесныя равнины громами битвъ, поколебался престолъ Всевышняго. Но что же! если потеряно поле сраженія, еще не все погибло: у насъ осталась наша непреклонная воля, жажда мщенія, обдуманнаго, вѣрнаго, наша непримиримая ненависть, мужество. Никогда мы не уступимъ, никогда не покоримся; въ этомъ мы непобѣдимы! Нѣтъ, такого торжества ни гнѣвъ, ни всемогущество Его никогда не доставятъ Ему. Преклоняться передъ Нимъ, на колѣняхъ молить о пощадѣ, боготворить Того, Кто такъ недавно еще передъ этой рукой трепеталъ за Свое царство? О, какая низость! Такое безчестіе, такой стыдъ позорнѣе нашего паденія. Но, по опредѣленію судебъ, наше божественное начало и небесное естество вѣчны; наученные опытомъ этого великаго событія, мы не хуже стали владѣть оружіемъ, и много выиграли въ опытности: мы можемъ теперь съ бо́льшей надеждой на успѣхъ, силой или хитростью, начать вѣчную, непримиримую войну съ нашимъ великимъ врагомъ, тѣмъ, что теперь торжествуетъ, и, ликуя, одинъ, всевластнымъ деспотомъ царитъ въ Небѣ».

Такъ говорилъ Ангелъ-отступникъ, стараясь хвастливыми рѣчами заглушить глубоко терзавшее его отчаяніе. Его отважный сообщникъ, не медля, отвѣчаетъ ему:

«О Царь, о Повелитель безчисленныхъ троновъ! ты, ведшій въ бой несмѣтные сонмы Серафимовъ, ты, неустрашимый въ бояхъ, заставившихъ трепетать вѣчнаго Царя Небесъ, ты, дерзнувшій испытать, чѣмъ держится Его верховная власть: силой, случаемъ, или предначертаніемъ судебъ!—слишкомъ ясно вижу я послѣдствія ужаснаго событія, нашъ позоръ, наше страшное паденіе! Небо потеряно для насъ; наши могучія рати сброшены въ глубочайшую пропасть и гибнутъ въ ней, насколько могутъ гибнуть

Though changed in outward lustre, that fix'd mind
And high disdain from sense of injured merit,
That with the Mightiest raised me to contend,
And to the fierce contention brought along
Innumerable force of Spirits arm'd,
That durst dislike his reign, and me preferring
His utmost pow'r with adverse pow'r opposed
In dubious battle on the plains of Heav'n,
And shook his throne. What though the field be lost?
All is not lost; th' unconquerable will
And study of revenge, immortal hate,
And courage never to submit or yield:
And what is else not to be overcome?
That glory never shall his wrath or might
Extort from me. To bow and sue for grace
With suppliant knee, and deify his pow'r,
Who from the terror of this arm so late
Doubted his empire; that were low indeed!
That were an ignominy and shame beneath
This downfall; since by fate the strength of Gods
And this empyreal substance cannot fail,
Since through experience of this great event
In arms not worse, in foresight much advanced,
We may with more successful hope resolve
To wage by force or guile eternal war,
Irreconcileable to our grand foe,
Who now triumphs, and in th' excess of joy
Sole reigning holds the tyranny of Heav'n.
So spake th' apostate Angel, though in pain,
Vaunting aloud, but rack'd with deep despair:
And him thus answer'd soon his bold compeer.
O Prince, O Chief of many throned powers!
That led th' embattled Seraphim to war
Under thy conduct, and in dreadful deeds
Fearless; endanger'd heav'n's perpetual King
And put to proof his high supremacy,
Whether upheld by strength, or chance, or fate;
Too well I see and rue the dire event,
That with sad overthrow and foul defeat
Hath lost us Heav'n, and all this mighty host
In horrible destruction laid thus low,
As far as Gods and heav'nly essences
Can perish: for the mind and spirit remains
Invincible, and vigour soon returns,

боги и небесныя естества. Правда, помраченъ нашъ блескъ, и былые дни блаженства поглощены въ пучинѣ нескончаемыхъ золъ, но духъ нашъ непобѣдимъ; прежняя мощь скоро вернется къ намъ. Но что̀ если нашъ Побѣдитель (я невольно признаю Его теперь Всемогущимъ, ибо только всемогущая власть могла преодолѣть такую силу, какъ наша),—что если Онъ оставилъ намъ всю крѣпость духа для того лишь, чтобы дать намъ силы переносить наши муки и исполнить этимъ Его гнѣвное мщеніе? или для того, чтобы на насъ, какъ на военноплѣнныхъ, возложить самые тяжкіе труды въ нѣдрахъ Ада, гдѣ мы должны будемъ работать въ огнѣ, или служить Его гонцами въ глубинахъ преисподней?.. Къ чему послужитъ намъ тогда сознаніе неутраченной силы и безсмертія, неужели для того только, чтобы выносить вѣчныя муки?»

На это Духъ зла быстро отвѣчалъ:

«Падшій Херувимъ! въ трудѣ или въ страданіи быть слабымъ, вотъ величайшее несчастіе. Знай одно: добро никогда не будетъ нашимъ удѣломъ; напротивъ, единственнымъ нашимъ наслажденіемъ будетъ порождать вѣчное зло, наперекоръ высокой волѣ Того, съ Кѣмъ мы боремся. Если бы Его промыслъ захотѣлъ направить къ добру наше зло, мы должны стараться разстроить Его намѣренія, и въ самомъ добрѣ всегда отыскивать источникъ зла: это можетъ часто удаваться намъ и, если я не ошибаюсь, можетъ быть будетъ раздражать врага, отклонять отъ цѣли самыя сокровенныя Его предначертанія. Но, посмотри, гнѣвный побѣдитель отозвалъ назадъ къ воротамъ Ада исполнителей мщенія, посланныхъ Имъ для преслѣдованія насъ. Сѣрный градъ, такъ безпощадно бичевавшій насъ во время нашего страшнаго паденія съ Неба, улегся въ огненныхъ волнахъ, которыя приняли насъ въ себя. Громъ, съ бѣшеной яростью гнавшій насъ на крыльяхъ багровыхъ молній, можетъ быть, истощивъ всѣ свои стрѣлы, стихъ наконецъ въ безпредѣльныхъ, необъятныхъ пространствахъ. Презрѣніе или насыщенная злоба врага прекратили гоненіе, намъ надо пользоваться случаемъ. Видишь тамъ, вдали, ту печальную долину, пустынную и дикую, — это жилище скорби, безъ свѣта, кромѣ блѣднаго, наводящаго ужасъ, отраженія багроваго пламени! Попробуемъ вырваться

Though all our glory extinct, and happy state
He swallow'd up in endless misery.
But what if he our Conqu'ror (whom I now
Of force believe Almighty, since no less
Than such could have overpower'd such force as ours)
Have left us this our spirit and strength entire
Strongly to suffer and support our pains.
That we may so suffice his vengeful ire,
Or do him mightier service as his thralls
By right of war, whate'er his business be
Here in the heart of Hell to work in fire,
Or do his errands in the gloomy deep;
What can it then avail, though yet we feel
Strength undiminish'd, or eternal being
To undergo eternal punishment?
Whereto with speedy words th' Arch-Fiend reply'd:

Fall'n Cherub, to be weak is miserable
Doing or suffering: but of this be sure,
To do ought good never will be our task,
But ever to do ill our sole delight,
As being the contrary to his high will
Whom we resist. If then his providence
Out of our evil seek to bring forth good,
Our labour must be to pervert that end,
And out of good still to find means of evil;
Which oft-times may succeed, so as perhaps
Shall grieve him, if I fail not, and disturb
His inmost counsels from their destined aim.
But see, the angry victor hath recall'd
His ministers of vengeance and pursuit
Back to the gates of Heav'n; the sulph'rous hail
Shot after us in storm, o'erblown, hath laid
The fiery surge, that from the precipice
Of Heav'n received us falling; and the thunder,
Wing'd with red lightning and impetuous rage,
Perhaps hath spent his shafts, and ceases now
To bellow through the vast and boundless deep.
Let us not slip th' occasion, whether scorn
Or satiate fury yield it from our foe.
Seest thou yon dreary plain, forlorn and wild,
The seat of desolation, void of light,
Save what the glimm'ring of these livid flames
Casts pale and dreadful? Thither let us tend

изъ огненныхъ волнъ, и отдохнемъ тамъ, если только здѣсь возможенъ покой. Соберемъ туда наше огорченное воинство, посовѣтуемся, какъ больше всего можемъ мы оскорблять врага, какъ намъ вознаградить потерю, побороть страшное бѣдствіе; можетъ быть, мы почерпнемъ новыя силы въ надеждѣ; если нѣтъ,—насъ вдохновитъ отчаяніе».

Такъ вѣщаетъ Сатана ближайшему своему собрату, поднявъ голову надъ волнами и сверкая искрами изъ пылавшихъ глазъ. Остальныя части его тѣла плавали на поверхности, растянувшись въ длину и ширину на многія версты. Громадная его масса подобна сказочнымъ чудовищамъ: порожденіямъ земли, Титанамъ, возставшимъ на Зевса, Бріарею, или Тиѳону [9], погребенному въ пещерѣ близъ древняго Тарса. Или подобенъ онъ былъ морскому звѣрю Левіаѳану [10], громаднѣйшему изъ всѣхъ существъ, сотворенныхъ рукою Бога, когда Онъ населялъ воды океановъ. Часто, разсказываютъ мореходцы, ночью, кормчій сбившагося съ пути судна, увидя на бѣлой пѣнѣ норвежскихъ водъ спящее чудовище, принимаетъ его за островъ, и вонзаетъ якорь въ чешуйчатую его кожу; тутъ находитъ онъ защиту отъ вѣтра, пока море покоится подъ покровомъ ночи, ожидая возврата желаннаго утра. Такъ, распростертый на громадномъ пространствѣ, лежалъ въ пылающей пучинѣ удрученный цѣпями Сатана. Никогда бы не могъ онъ не только подняться, но даже чуть-чуть приподнять голову, если бы волей всевышнихъ Небесъ не было ему предоставлено полной свободы въ черныхъ его умыслахъ, чтобы онъ, дѣлая зло другимъ, бездной своихъ преступленій навлекъ проклятіе на свою собственную голову; чтобы онъ терзался еще больше, видя что вся его злоба вызываетъ только безконечную доброту, благость и милосердіе Божіе къ соблазненному имъ человѣку, а на него, Сатану, навлекаетъ тройную мѣру бѣдствій, гнѣва и кары.

Вдругъ онъ подымается изъ озера во весь свой гигантскій ростъ; раздвигаетъ обѣими руками пламя, и оно, отхлынувъ назадъ, обращаетъ внизъ свои остроконечные языки и, катясь огненными валами, оставляетъ въ серединѣ ужасную долину. Потомъ, распустивъ крылья, онъ летитъ въ вышину. Темный воздухъ, который онъ давитъ своей распростертой мас-

From off the tossing of these fiery waves,
There rest, if any rest can harbour there,
And reassembling our afflicted powers,
Consult how we may henceforth most offend
Our enemy, our own loss how repair,
How overcome this dire calamity,
What reinforcement we may gain from hope,
If not what resolution from despair.
Thus Satan talking to his nearest mate
With head uplift above the wave, and eyes
That sparkling blazed, his other parts besides
Prone on the flood, extended long and large,
Lay floating many a rood, in bulk as huge
As whom the fables name of monstrous size;
Titanian, or Earth-born, that warr'd on Jove,
Briareus, or Typhon, whom the den
By ancient Tarsus held, or that sea-beast
Leviathan, which God of all his works
Created hugest that swim the ocean stream:
Him haply slumb'ring on the Norway foam
The pilot of some small night-founder'd skiff
Deeming some island, oft, as seamen tell,
With fixed anchor in his scaly rind
Moors by his side under the lee, while night
Invests the sea, and wished morn delays:
So stretch'd out huge in length the Arch-Fiend lay
Chain'd on the burning lake, nor ever thence
Had ris'n or heaved his head, but that the will
And high permission of all-ruling Heav'n
Left him at large to his own dark designs,
That with reiterated crimes he might
Heap on himself damnation, while he sought
Evil to others, and enraged might see
How all his malice served but to bring forth
Infinite goodness, grace, and mercy shown
On Man, by him seduced; but on himself
Treble confusion, wrath, and vengeance pour'd.
Forthwith upright he rears from off the pool
His mighty stature; on each hand the flames
Driv'n backward slope their pointing spires, and roll'd
In billows, leave in th' midst a horrid vale.
Then with expanded wings he steers his flight
Aloft, incumbent on the dusky air,
That felt unusual weight; till on dry land

Вдругъ онъ подымается изъ озера во весь свой гигантскій ростъ.

Пѣснь 1. стр. 6.

Forthwith upright he rears from off the pool
His mighty stature.

2

сой, чувствуетъ непривычную тяжесть, пока онъ не опустился на твердую землю, если можно назвать землей то мѣсто, вѣчно горящее неподвижнымъ, твердымъ огнемъ, какъ то озеро — текущимъ пламенемъ. Цвѣтомъ оно подобно было растерзаннымъ бокамъ Пелора [11], когда силой подземной бури отрываетъ отъ него скалу, или раскаленнымъ внутренностямъ грохочущей Этны, когда она, дыша пламенемъ, выбрасываетъ огонь и лаву, распространяя зловонный смрадъ и окутывая дымомъ сожженную землю: таково было мѣсто покоя, попираемое теперь проклятою стопою Сатаны. За нимъ слѣдуетъ ближайшій его собратъ; оба торжествуютъ, что избѣгли Стигійскихъ волнъ [12], какъ боги, своей собственной силой, а не соизволеніемъ Верховной Власти.

«И эта страна, эта почва, этотъ воздухъ должны замѣнить намъ небесное жилище!» воскликнулъ падшій Архангелъ. «Вмѣсто небеснаго сіянія будетъ окружать насъ этотъ унылый мракъ? Пусть такъ; Тотъ, Кто остался теперь Владыкой, можетъ распоряжаться и повелѣвать по произволу; быть какъ можно дальше отъ Него всего лучше для насъ, равныхъ Ему по разуму, равныхъ, которыхъ Онъ превзошелъ только силой. Простите, счастливыя долины Небесъ, обитель вѣчной радости, прости! Привѣтъ вамъ, ужасы тьмы! Привѣтъ тебѣ, Адъ! Преисподняя, встрѣчай твоего новаго владыку; онъ приноситъ тебѣ непреклонный духъ; не измѣнятъ его ни время, ни мѣсто. Духъ живетъ самъ въ себѣ; онъ можетъ внутри себя изъ Неба сдѣлать Адъ, и Адъ превратить въ Небо. Не все ли равно, гдѣ я буду жить — я останусь все тѣмъ же, что есть, а чѣмъ бы я ни былъ, всегда я буду ниже Того, Кто возвысился надо мной только благодаря Своимъ громамъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы будемъ свободны. Самодержавный Властитель не позавидуетъ этому мѣсту; отсюда Онъ не изгонитъ насъ. Здѣсь царство наше будетъ безопасно, а по моему, царствовать, хоть бы въ Аду, достойно честолюбія: лучше царствовать въ Аду, чѣмъ подчиняться въ Небѣ!

«Но зачѣмъ же оставляемъ мы нашихъ вѣрныхъ друзей и союзниковъ, соучастниковъ нашего бѣдствія, распростертыми въ безмолвномъ ужасѣ на озерѣ забвенія? Развѣ мы не призовемъ ихъ раздѣлить съ нами это

He lights, if it were land that ever burn'd
With solid, as the lake with liquid fire;
And such appear'd in hue, as when the force
Of subterranean wind transports a hill
Torn from Pelorus, or the shatter'd side
Of thund'ring Ætna whose combustible
And fuel'd entrails thence conceiving fire,
Sublimed with min'ral fury, aid the winds,
And leave a singed bottom all involved
With stench and smoke: such resting found the sole
Of unblest feet. Him follow'd his next mate,
Both glorying to have' scap'd the Stygian flood
As Gods, and by ther own recover'd strength,
Not by the suff'rance of Supernal Power,
  Is this the region, this the soil, the clime,
Said then the lost Arch-Angel, this the seat
That we must change for Heav'n, this mournful gloom
For that celestial light? Be it so, since he
Who now is Sovran can dispose and bid
What shall be right: farthest from him is best,
Whom reason hath equall'd, force hath made supreme
Above his equals. Farewell happy fields,
Where joy for ever dwells: Hail horrors, hail
Infernal world, and thou profoundest Hell
Receive thy new possessor; one who brings
A mind not to be changed by place or time.
The mind is its own place, and in itself
Can make a Heav'n of Hell, a Hell of Heav'n.
What matter where, if I be still the same,
And what I should be, all but less than he
Whom thunder hath made greater? Here at least
We shall be free; th' Almighty hath not built
Here for his envy, will not drive us hence:
Here we may reign secure, and in my choice
To reign is worth ambition, though in Hell;
Better to reign in Hell than serve in Heaven.
  But wherefore let we then our faithful friends,
Th' associates and copartners of our loss,
Lie thus astonish'd on th' oblivious pool
And call them not to share with us their part
In this unhappy mansion, or once more

злополучное пристанище? Или, еще разъ, соединенными силами, не попробуемъ, что можемъ мы вернуть въ Небѣ, или что еще утратить въ Аду?»

Такъ говорилъ Сатана; Вельзевулъ отвѣчаетъ ему: «Вождь лучезарныхъ сонмовъ, которыхъ никто бы не могъ побѣдить кромѣ Вседержителя! Пусть раздастся твой голосъ, вѣрный залогъ надежды среди опасностей и страха, голосъ, такъ часто воодушевлявшій ихъ въ минуты отчаянія, въ разгарѣ битвы, гдѣ она кипѣла всего ожесточеннѣе; пусть раздастся этотъ голосъ, вѣрный знакъ къ приступу, и легіоны твои мгновенно оживутъ и воспрянутъ съ новымъ мужествомъ. А теперь они мечутся въ безпамятствѣ, распростертые на томъ огненномъ озерѣ, какъ мы недавно; они поражены изумленіемъ и ужасомъ. Неудивительно, послѣ паденія съ такой неизмѣримой выси!»

Едва онъ кончилъ, какъ Сатана направляется къ огненной безднѣ. Онъ откинулъ назадъ свой тяжелый щитъ, закаленный въ эѳирѣ; массивный, громадный кругъ виситъ на его плечахъ, подобно лунѣ, которую, по вечерамъ, Тосканскій ученый [13], съ Фіезольскихъ [14] высотъ, или изъ равнинъ Вальдарно [15], разглядывалъ въ оптическое стекло, стараясь различить новыя земли, рѣки, горы, на ея усѣянномъ пятнами шарѣ. Опираясь на копье, въ сравненіи съ которымъ высочайшая сосна, срубленная на горахъ Норвегіи, чтобы превратиться въ мачту для величайшаго изъ нашихъ кораблей, показалась бы тростинкой, идетъ онъ невѣрными шагами по горящимъ глыбамъ. Тѣ ли это воздушныя стопы, какими проносился онъ, бывало, по небесной лазури! Жгучій жаръ огненныхъ сводовъ, духота и смрадъ причиняютъ ему тяжкія страданія, но онъ все переноситъ, и наконецъ достигаетъ берега огненной пучины. Тамъ онъ останавливается: онъ зоветъ свои легіоны. То были лишь тѣни ангельскихъ ликовъ; они лежали наваленные другъ на друга, словно осенніе листья, покрывающіе густымъ слоемъ Валломброзскіе [16] ручьи, осѣненные тѣнистыми куполами Этруріискихъ лѣсовъ; такъ густо покрывалъ берега Чермнаго моря переломанный бурею тростникъ, когда Оріонъ [17] яростными вѣтрами взволновалъ море, и волны его потопили Бузириса [18] съ его Мемфійской конницей, когда онъ коварно преслѣдовалъ бывшихъ обитателей Гесема [19];

With rallied arms to try what may be yet
Regain'd in Heav'n, or what more lost in Hell?
So Satan spake; and him Beelzebub
Thus answer'd: Leader of those armies bright,
Which but th' Omnipotent none could have foil'd,
If once they hear that voice, their liveliest pledge
Of hope in fears and dangers, heard so oft
In worst extremes, and on the perilous edge
Of battle when it raged, in all assaults
Their surest signal, they will soon resume
New courage and revive, though now they lie
Grov'ling and prostrate on yon lake of fire,
As we ere while, astounded and amazed,
No wonder, fall'n such a pernicious height.
He scarce had ceased, when the superior Fiend
Was moving tow'rd the shore; his pond'rous shield,
Ethereal temper, massy, large, and round,
Behind him cast; the broad circumference
Hung on his shoulders like the moon, whose orb
Through optic glass the Tuscan artist views
At evening from the top of Fesolé,
Or in Valdarno, to descry new lands,
Rivers, or mountains, on her spotty globe.
His spear, to equal which the tallest pine
Hewn on Norwegian hills, to be the mast
Of some great admiral, were but a wand,
He walk'd with to support uneasy steps
Over the burning marle; not like those steps
On Heaven's azure; and the torrid clime
Smote on him sore besides, vaulted with fire:
Nathless, he so endured, till on the beach
Of that inflamed sea he stood, and call'd
His legions, Angel forms, who lay entranced
Thick as autumnal leaves that strow the brooks
In Vallombrosa, where the Etrurian shades
High over-arch'd imbow'r; or scatter'd sedge
Afloat, when with fierce winds Orion arm'd
Hath vex'd the Red Sea coast, whose waves o' erthrew
Busiris and his Memphian chivalry,
While with perfidious hatred they pursued
The sojourners of Goshen, who beheld

Они слышатъ его голосъ; сгорая отъ стыда, воспрянули они на своихъ крыльяхъ.

Пѣснь 1, стр. 9.

They heard, and were abash'd, and up they sprung
Upon the wing.

3

Такъ же безчисленны были падшіе Ангелы, парившіе подъ адскими сводами.

Пѣснь 1, стр. 9.

So numberless were those bad Angels seen
Hov'ring on wing under the cope of Hell.

а тѣ смотрѣли съ безопаснаго берега на плывущіе трупы, колеса, разбитыя колесницы врага. Въ такомъ жалкомъ, растерзанномъ видѣ, подавленные ужасомъ, лежали эти легіоны, густо усѣявъ поверхность озера. Сатана зоветъ ихъ такъ громко, что голосъ его раздается въ глубочайшихъ ущельяхъ Ада:

«Князья, Цари, Воины, лучшій цвѣтъ Неба, нѣкогда вашего, теперь потеряннаго для васъ! Возможно ли, чтобы такое уныніе овладѣвало безсмертными? Или, утомясь трудами войны, вы избрали это мѣсто для отдыха отъ вашихъ подвиговъ? Можно это подумать; съ такимъ спокойствіемъ предаетесь вы здѣсь сладостной дремотѣ, точно въ долинахъ небесныхъ. Иль, можетъ быть, вы дали клятву въ этомъ уничиженномъ положеніи воздавать поклоненіе побѣдителю? А Онъ въ эту минуту смотритъ, какъ Херувимы и Серафимы, разбитые, уничтоженные, валяются здѣсь вмѣстѣ съ обломками своихъ знаменъ и оружій! Вѣрно вы ждете, чтобы быстрые слуги Его, разглядѣвъ съ небесныхъ высотъ наше плачевное положеніе и воспользовавшись имъ, бросились на насъ, и приковали громовыми стрѣлами на днѣ этой бездны? Проснитесь, возстаньте! или оставайтесь падшими навѣкъ!»

Они слышатъ его голосъ; сгорая отъ стыда, воспрянули они на своихъ крыльяхъ. Такъ часовой, котораго строгій начальникъ застаетъ спящимъ, вздрагиваетъ и смутно озирается кругомъ, пока совсѣмъ не очнется отъ сна. Падшіе Ангелы не сознавали ужаса своего положенія, не чувствовали ужасныхъ мукъ, но голосъ вождя мгновенно выводитъ ихъ изъ оцѣпенѣнія, и они, эти безчисленные легіоны, послушно покоряются ему. Такъ, въ тотъ роковой для Египта день, когда могущественный жезлъ сына Амрамова [20] взмахнулъ надъ берегомъ, черныя тучи саранчи, гонимыя восточнымъ вѣтромъ, какъ ночь повисли надъ нечестивымъ царствомъ Фараона и затемнили всѣ нильскія страны: такъ же безчисленны были падшіе Ангелы, парившіе подъ адскими сводами сквозь огонь, охватывавшій ихъ сверху, снизу, отовсюду. Но вотъ ихъ великій Султанъ [21] поднялъ свое копье; по этому знаку они плавно опускаются на отвердѣлую сѣру, занявъ своей массой всю равнину. Никогда многолюдный сѣверъ не из-

From the safe shore their floating carcases
And broken chariot wheels: so thick bestrown,
Abject and lost lay these, covering the flood,
Under amazement of their hideous change.
He call'd so loud, that all hollow deep
Of Hell resounnded. Princes, Potentates,
Warriors, the flow'r of Heav'n once yours, now lost,
If such astonishment as this can seize
Eternal spirits; or have ye chos'n this place
After the toil of battle to repose
Your wearied virtue, for the ease you find
To slumber here, as in the vales of Heaven?
Or in this abject posture have ye sworn
To adore the conqueror? who now beholds
Cherub and Seraph rolling in the flood
With scatter'd arms and ensigns, till anon
His swift pursuers from Heav'n gates discern
Th' advantage, and descending tread us down
Thus drooping, or with linked thunderbolds
Transfix us to the bottom of this gulf.
Awake, arise, or be for ever fall'n

They heard, and were abash'd and up they sprung
Upon the wing, as when men wont to watch
On duty, sleeping found by whom they dread,
Rouse and bestir themselves ere well awake.
Nor did they not perceive the evil plight
In which they were, or the fierce pains not feel
Yet to their gen'ral's voice they soon obey'd
Innumerable. As when the potent rod
Of Amram's son, in Egypt's evil day,
Waved round the coast, up call'd a pitchy cloud
Of locusts, warping on the eastern wind,
That o'er the realm of impious Pharaoh hung
Like night, and darken'd all the land of Nile:
So numberless were those bad Angels seen
Hov'ring on wing under the cope of Hell
'Twixt upper, nether, and surrounding fires;
Till, as a signal giv'n, th' uplifted spear
Of their great Sultan waving to direct
Their course, in even balance down they light
On the firm brimstone, and fill all the plain;
A multitude, like which the populous north

вергалъ такой толпы изъ ледяныхъ чреслъ своихъ, когда дикіе сыны его, перейдя Рейнъ и Дунай, подобно стремительному потоку, наводнили югъ, разлившись отъ Гибралтара до песчаныхъ пустынь Ливійскихъ.

Начальники отрядовъ, вожди легіоновъ, выдѣлясь изъ рядовъ, спѣшатъ къ тому мѣсту, гдѣ остановился ихъ великій полководецъ. Богоподобные, они блистаютъ красотой, далеко превосходящей человѣческую; они, нѣкогда облеченные царскимъ достоинствомъ, возсѣдавшіе на тронахъ, въ небесномъ царствѣ. Теперь же и слѣдъ ихъ именъ уничтоженъ въ небесныхъ лѣтописяхъ; своимъ возмущеніемъ они навсегда стерли ихъ изъ книги жизни [22]). Имъ еще не были наречены новыя имена, данныя имъ сынами Евы, когда Господь, чтобы испытать человѣческую слабость, дозволилъ имъ ходить по землѣ; тогда, хитростью и обманами, они развратили бо́льшую часть человѣческаго рода; они совращали людей забывать Создателя, и часто соблазняли ихъ, невидимый образъ давшаго имъ бытіе уподоблять образу скотовъ, которыхъ украшали и чествовали съ веселыми обрядами въ торжествахъ, исполненныхъ пышности и блеска, или поклоняться злымъ Духамъ, какъ божествамъ: тогда они стали извѣстны людямъ подъ именами различныхъ идоловъ языческаго міра.

Муза, скажи мнѣ имена, извѣстныя тогда; кто первый, кто послѣдній, стряхнувъ съ себя сонъ, поднялся съ огненнаго ложа на призывъ своего великаго царя; разскажи, какъ они всѣ, каждый по своему чину, по одиночкѣ, приближались къ нему на обнаженный берегъ, гдѣ онъ остановился, между тѣмъ какъ толпа, еще не пришедшая въ себя, держалась въ отдаленіи.

Главными вождями были тѣ Духи, которые, вырвавшись впослѣдствіи изъ Ада и бродя по землѣ для отысканія себѣ добычи, дерзнули ставить свои капища рядомъ съ храмами Господа Бога, воздвигать свои алтари рядомъ съ Его алтарями, и, заставивъ народы обожать себя какъ боговъ, простерли свою дерзость до того, что стали оспаривать царство Іеговы, Который, окруженный Серафимами, правитъ громами съ высоты Сіона. О мерзость! кумиры ихъ часто ставились въ самомъ святилищѣ Всевышняго. Священные обряды, праздничныя торжества осквернялись ихъ бого-

Pour'd never from her frozen loins, to pass
Rhene or the Danaw, when her barb'rous sons
Came like a deluge on the south, and spread
Beneath Gibraltar to the Lybian sands.
Forthwith from ev'ry squadron and each band
The heads and leaders thither haste where stood
Their great commander; Godlike shapes and forms
Excelling human, princely dignities,
And Pow'rs that erst in Heaven sat on thrones;
Though of their names in heav'nly records now
Be no memorial, blotted out and rased
By their rebellion from the books of life.
Nor had they yet among the sons of Eve
Got them new names, till wand'ring o'ver the earth,
Thro' God's high suff'rance for the trial of man,
By falsities and lies the greatest part
Of mankind they corrupted, to forsake
God their Creator, and th' invisible
Glory of him that made them to transform
Oft to the image of a brute, adorn'd
With gay religions full of pomp and gold,
And Devils to adore for Deities:
Then were they known to men by various names,
And various idols through the Heathen world.
Say, Muse, their names then known, who first, who last
Roused from the slumber, on that fiery couch,
At their great emp'ror's call, as next in worth
Came singly where he stood on the bare strand,
While the promiscuous crowd stood yet aloof.
The chief were those who from the pit of Hell
Roaming to seek their prey on earth, durst fix
Their seats long after next the seat of God,
Their altars by his altar, Gods adored
Among the nations round, and durst abide
Jehovah thund'ring out of Sion, throned
Between the Cherubim; yea, often placed
Within his sanctuary itself their shrines,
Abominations; and with cursed things
His holy rites and solemn feasts profaned,

хульствомъ; съ своимъ мракомъ они осмѣливались приступать къ Его божественному свѣту!

Первый приближается Молохъ [23], ужасный царь, запятнанный кровью человѣческихъ жертвъ; напрасно лились слезы отцовъ и матерей; вопли младенцевъ, которыхъ влачили въ огонь на алтарь мрачнаго идола, заглушались громомъ трубъ и литавръ. Ему поклонялись Аммонитяне, въ Раббѣ [24] и во всей его влажной долинѣ, въ Аргобѣ и Васанѣ [25], до самыхъ дальнихъ береговъ Арнона [26]. Ему мало было дерзновеннаго приближенія къ священнымъ мѣстамъ: онъ развратилъ еще мудрое сердце Соломона; прельщенный его обманомъ, царь этотъ воздвигъ ему капище противъ храма Господня, на горѣ, ставшей съ тѣхъ поръ горой позора; и прелестная долина Енномская осѣнилась дубравой, посвященной Молоху; съ тѣхъ поръ она стала называться Тофетомъ [27] или черной Геенной, прообразомъ Ада.

Второй былъ Хамосъ [28], ужасъ и срамъ сыновъ Моава! Ему поклонялись отъ Арфира до Нававы, въ знойныхъ степяхъ Аворима, въ Гезебонѣ и Хоронаимѣ [29], Сеонскихъ царствахъ и далѣе, за предѣлами цвѣтущей долины Сивмы, одѣтой виноградниками, и въ Элеалѣ, до Асфальтскаго моря [30]. Подъ другимъ именемъ, Фегора, духъ этотъ соблазнилъ въ Ситтимѣ [31] бѣгущихъ съ береговъ Нила израильтянъ на развратное поклоненіе себѣ, что вовлекло ихъ въ великія несчастія. Отсюда онъ распространилъ эти сладострастныя оргіи до той горы соблазна, у дубравы, посвященной человѣкоубійцѣ—Молоху. Тамъ развратъ царствовалъ вмѣстѣ съ злодѣйствомъ, пока благочестивый Іосія не низринулъ идоловъ въ Адъ.

За ними слѣдовала толпа Духовъ, которые отъ береговъ древняго Евфрата до рѣки, составляющей границу между Египтомъ и Сиріей, были обожаемы подъ общими именами Ваала и Астароѳа [32]; первые мужского, вторые женскаго пола: духи могутъ облекаться въ тотъ или другой полъ, по произволу, или одновременно въ оба—такъ легко ихъ чистое естество, не связанное ни однимъ нервомъ, не отягченное никакой грубой оболочкой, не держащееся на бренномъ костяномъ остовѣ, подобно тяжеловѣсной плоти.

Но въ какой бы формѣ ни являлись они, въ воздушной или тѣлесной,

And with their darkness durst affront his light.
First Moloch, horrid king, besmear'd with blood
Of human sacrifice, and parents' tears,
Though for the noise of drums and timbrels loud
Their childrens cries unheard, that pass'd thro' fire
To his grim idol. Him the Ammonite
Worshipp'd in Rabba and her wat'ry plain,
In Argob and in Basan, to the stream
Of utmost Arnon. Nor content with such
Audacious neighbourhood, the wisest heart
Of Solomon he led by fraud to build
His temple right against the temple of God.
On that opprobrious hill; and made his grove.
The pleasant vale of Hinnom, Tophet thence
And black Gehenna call'd, the type of Hell.
Next Chemos, th' obscene dread of Moab's sons,
From Aroar to Nebo, and the wild
Of southmost Abarim; in Hesebon
And Horonaim, Seon's realm, beyond
The flowery dale of Sibma, clad with vines,
And Eleälé to th' Asphaltic pool.
Peor his other name, when he enticed
Israel in Sittim, on their march from Nile,
To do him wanton rites, which cost them woe.
Yet thence his lustful orgies he enlarged
E'en to that hill of scandal, by the grove
Of Moloch homicide; lust hard by hate;
Till good Josiah drove them thence to Hell.
With these came they, who, from the bord'ring flood
Of old Euphrates to the brook that parts
Egypt from Syrian ground, had general names
Of Baälim and Ashtaroth; those male,
These feminine: for spirits, when they please,
Can either sex assume, or both; so soft
And uncompounded is their essence pure
Not tied nor manacled with joint or limb;
Nor founded on the brittle strength of bones,
Like cumbrous flesh; but, in what shape they choose
Dilated or condensed, bright or obscure,

блестящей или темной, они всегда искусно приводятъ въ исполненіе свои быстрые планы, то поселяя въ нашемъ сердцѣ любовь, то разжигая въ немъ ненависть. Часто дѣти Израилевы оставляли для нихъ Творца, давшаго имъ жизнь, и, забывъ Его законный престолъ, уничиженно простирались передъ скотами, изображавшими этихъ боговъ. Вотъ почему головы ихъ, привыкшія нагибаться подъ гнетомъ позора, такъ низко склонялись въ битвахъ, такъ безчестно пали отъ меча презрѣнныхъ враговъ. Съ ними, окруженный своей свитой, явился Астареѳъ съ челомъ осѣненнымъ полумѣсяцемъ; финикіяне называли его Астартой, царицей Неба. Ночной порою, при свѣтѣ луны, сидонскія дѣвы пѣли гимны и приносили мольбы передъ блестящимъ изображеніемъ богини; такими же пѣснями въ честь ея оглашался Сіонъ; тамъ, на горѣ обиды, стоялъ ея храмъ, построенный женолюбивымъ царемъ, который, хотя велико было его сердце, поддавшись обольщенію прекрасныхъ язычницъ, поклонился мерзостнымъ идоламъ.

Вслѣдъ за богиней шелъ Таммузъ [33]; его ежегодная рана, въ началѣ лѣта, созывала на Ливанскія долины толпы молодыхъ сиріянокъ; цѣлый день въ любовныхъ пѣсняхъ оплакивали эти дѣвы участь бога; созерцая, какъ тихій Адонисъ несетъ съ родной скалы въ море пурпуровыя воды свои, онѣ воображали, что ихъ окрасила такъ кровь несчастнаго, ежегодно ранимаго Таммуза. Порочныя дочери Сіона пламенно вѣрили этой любовной сказкѣ. Іезекіиль, стоя подъ священнымъ портикомъ, видѣлъ ихъ сладострастное томленіе, когда глазамъ его было открыто въ видѣніи гнусное идолопоклонство невѣрнаго племени Іудина [34].

Далѣе шелъ Духъ, проливавшій горькія слезы, когда плѣненный ковчегъ разбилъ его звѣроподобнаго истукана; съ оторванной головой и руками онъ палъ на порогъ своего же собственнаго капища, посрамивъ своихъ поклонниковъ.

Дагонъ имя его [35]: морское чудовище—полу-человѣкъ, полу-рыба. Это не мѣшало городу Азоту воздвигнуть ему великолѣпный храмъ, и по всему прибрежью Палестины, въ Гаѳѣ, въ Аскалонѣ, и до предѣловъ Аккарона и Газы трепетали имени этого божества. За Дагономъ шелъ Риммонъ [36];

Can execute their aery purposes,
And works of love or enmity fulfil.
For those the race of Israel oft forsook
Their living Strength, and unfrequented left
His righteous altar, bowing lowly down
To bestial gods; for which their heads as low
Bow'd down in battle, sunk before the spear
Of despicable foes. With these in troop
Came Astoreth, whom the Phoenicians call'd
Astarte, queen of Heaven, with crescent horns:
To whose bright image nightly by the moon
Sidonian virgins paid their vows and songs;
In Sion also not unsung, where stood
Her temple on th' offensive mountain, built
By that uxorious king, whose heart, though large,
Beguiled by fair idolatresses, fell
To idols foul, Thammuz came next behind
Whose annual wound in Lebanon allured
The Syrian damsels to lament his fate
In amorous ditties all a summer's day;
While smooth Adonis from his native rock
Ran purple to the sea, supposed with blood
Of Thammuz yearly wounded: the love-tale
Infected Sion's daughters with like heat;
Whose wanton passions in the sacred porch
Ezekiel saw, when by the vision led
His eye survey'd the dark idolatries
Of alienated Judah. Next came one
Who mourn'd in earnest, when the captive ark
Maim'd his brute image, head and hands lopp'd off
In his own temple, on the grunsel edge,
Where he fell flat, and shamed his worshippers:

Dagon his name, sea-monster, upward man
And downward fish: yet had his temple high
Rear'd in Azotus, dreaded through the coast
Of Palestine, in Gath and Ascalon,
And Accaron and Gaza's frontier bounds.
Him follow'd Rimmon, whose delightful seat

очаровательнымъ жилищемъ его былъ прекрасный Дамаскъ, на плодоносныхъ берегахъ Авана и Фарфара, прозрачныхъ рѣкъ. И онъ также нагло оскорблялъ домъ Божій: однажды, потерявъ прокаженнаго, онъ пріобрѣлъ царя [37]: онъ заставилъ своего побѣдителя Ахаза разрушить Божій храмъ, а на его мѣстѣ воздвигнуть сирійское капище, гдѣ этотъ слабоумный царь поклонялся имъ же побѣжденнымъ богамъ и сожигалъ въ ихъ честь мерзкія жертвоприношенія. Далѣе предстало множество Духовъ, извѣстныхъ нѣкогда подъ знаменитыми именами Озириса, Изиды и Гора [38], съ ихъ свитой.

Чудовищными образами и волшебствами они обольщали въ Египтѣ его фанатическихъ жрецовъ, чтобы тѣ олицетворяли своихъ бродящихъ боговъ не въ человѣческомъ, а въ звѣриномъ образѣ. Не избѣгнулъ этой заразы и Израиль, когда на Хоривѣ превратилъ выпрошенное золото въ тельца [39]; беззаконный царь [40] дважды возобновилъ это преступленіе въ Данѣ и Веѳилѣ, уподобивъ образу упитаннаго вола своего Создателя, Іегову, въ одну ночь прошедшаго Египетъ и сокрушившаго однимъ ударомъ какъ всѣхъ его перворожденныхъ младенцевъ, такъ и всѣхъ его блеющихъ боговъ.

Послѣднимъ шелъ Веліалъ [41], изъ всѣхъ падшихъ Ангеловъ самый развращенный, всѣмъ существомъ преданный пороку, изъ любви къ самому пороку; ему не ставили капищъ, ни одинъ алтарь не дымился для него; но кто же изъ злыхъ Духовъ чаще его проникалъ въ храмы, оскверналъ алтари, когда даже священники впадали въ безбожіе, какъ дѣти Илія, наполнившіе домъ Божій буйствомъ и развратомъ? Царство Веліала вездѣ: въ чертогахъ, во дворцахъ, въ роскошныхъ городахъ, гдѣ шумъ безстыднаго веселья, насилій и неправдъ подымается выше самыхъ высокихъ башенъ; когда же улицы стемнѣютъ въ ночномъ сумракѣ, сыны Веліала расхаживаютъ по нимъ, преисполненные наглости и винныхъ паровъ. Такими видѣли ихъ улицы Содома и та ночь въ Гаваонѣ [42], когда гостепріимный кровъ принужденъ былъ выдать принятую имъ подъ свою защиту женщину, чтобы избѣгнуть еще болѣе гнуснаго насилія.

Эти мятежные Ангелы были первыми по чину и власти. Слишкомъ

Was fair Damascus, on the fertile banks
Of Abbana and Pharphar, lucid streams.
He also'gainst the house of God was bold:
A leper once he lost, and gain'd a king;
Ahaz his sottish conqu'ror, whom he drew
God's altar to disparage and displace
For one of Syrian mode, whereon to burn
His odious offerings, and adore the gods
Whom he had vanquish'd. After these appear'd
A crew, who, under names of old renown,
Osiris, Isis, Orus, and their train,
With monstrous shapes and sorceries abused
Fanatic Egypt and her priests, to seek
Their wandering gods disguised in brutish forms
Rather than human. Nor did Israel'scape
Th'infection, when their borrow'd gold composed
The calf in Oreb; and the rebel king
Doubled that sin in Bethel and in Dan.
Likening his Maker to the grazed ox;
Jehovah, who in one night when he pass'd
From Egypt marching, equall'd with one stroke
Both her first-born, and all her bleating gods

Belial came last, than whom a spirit more lew'd
Fell not from Heaven, or more gross to love
Vice for itself: to whom no temple stood,
Nor altar smoked; yet who more oft than he
In temples and at altars, when the priest
Turns atheist, as did Eli's sons, who fill'd
With lust and violence the house of God?
In courts and palaces he also reigns,
And in luxurious cities, where the noise
Of riot ascends above their loftiest towers,
And injury and outrage: and when night
Darkens the streets, then wander forth the sons
Of Belial, flown with insolence and wine.
Witness the streets of Sodom, and that night
In Gibeah, when the hospitable door
Exposed a matron, to avoid worse rape.

These were the prime in order and in might:

долго было бы называть всѣхъ остальныхъ, хотя слава нѣкоторыхъ изъ нихъ гремѣла далеко; между ними были Іонійскіе боги, боги народовъ происшедшихъ отъ Іована [43]; эти божества признавались, однако, позднѣйшаго происхожденія чѣмъ Небо и Земля, ихъ родители, которыми они хвастаютъ [44]. Перворοднымъ сыномъ Неба былъ Титанъ, съ огромнымъ его потомствомъ; младшій братъ его, Сатурнъ, похитилъ у него право первенства, но самъ получилъ такое же возмездіе отъ могущественнаго Зевса, своего собственнаго сына, родившагося у него отъ Реи. Такъ основалось на незаконномъ захватѣ царство Зевса. Сначала боги эти сдѣлались извѣстными въ Критѣ и на горѣ Идѣ [45]; потомъ они поднялись на снѣжныя вершины холоднаго Олимпа и царствовали въ средней области воздушнаго пространства. Для нихъ это былъ высшій предѣлъ Неба: алтари ихъ возвышались на дельфійскихъ утесахъ, въ Додонѣ [46], и потомъ проникли за предѣлы Дориды; они распространились даже до самыхъ отдаленныхъ острововъ, когда одинъ изъ этихъ боговъ бѣжалъ со старымъ Сатурномъ черезъ Адріатическое море въ Гесперійскія поля, за предѣлы Кельтики.

Всѣ эти Духи и еще многіе другіе шли неисчислимыми сонмами; глаза ихъ были потуплены и влажны; но въ нихъ вспыхнулъ мрачный огонь радости, когда они увидѣли, что господинъ ихъ не поддается отчаянію и что они не погибли въ самой гибели. При видѣ ихъ, лицо Сатаны какъ будто зардѣлось краской стыда, но призвавъ вскорѣ свою обычную гордость, надменными словами, имѣвшими только видъ величія, но въ сущности лишенными его, онъ разсѣиваетъ ихъ страхъ и понемногу оживляетъ ослабѣвшее ихъ мужество. При воинственныхъ звукахъ трубъ и литавръ повелѣваетъ онъ поднять свое могущественное знамя. Азазіилъ, Херувимъ исполинскаго роста, требуетъ, какъ права, которымъ онъ гордится, чести развернуть его; распущенное во всю величину и высоко поднятое царское знамя, имѣвшее древкомъ блестящее копье, засіяло какъ метеоръ, несомый вѣтрами. Золото и драгоцѣнные каменья богато украшали гербы и трофеи Серафимовъ. Звонкія трубы оглашаютъ бездну торжественными звуками. Все адское воинство испускаетъ громкій кликъ,

The rest were long to tell, though far renown'd,
Th' Ionian gods, of Javan's issue held
Gods, yet confess'd later than Heaven and Earth,
Their boasted parents: Titan, Heav'n's first-born,
With his enormous brood, and birthright seized
By younger Saturn: he from mightier Jove,
His own and Rhea's son, like measure found;
So Jove usurping reign'd: these first in Crete
And Ida known, thence on the snowy top
Of cold Olympus, ruled the middle air,
Their highest heav'n; or on the Delphian cliff,
Or in Dodona, and through all the bounds
Of Doric land; or who with Saturn old
Fled over Adria to th' Hesperian fields,
And o'er the Celtic roam'd the utmost isles.
All these and more came flocking; but with looks
Downcast and damp; yet such wherein appear'd
Obscure some glimpse of joy, to have found their chief
Not in despair, to have found themselves not lost
In loss itself: which on his count'nance cast
Like doubtful hue: but he, his wonted pride
Soon recollecting, with high words, that bore
Semblance of worth, noth substance, gently raised
Their fainting courage, and dispell'd their fears.
Then straight commands, that at the warlike sound
Of trumpets loud and clarions be uprear'd
His mighty standard; that proud honour claim'd
Azazel as his right, a cherub tall;
Who forthwith from the glittering staff unfurl'd
Th' imperial ensign; which, full high advanced,
Shone like a meteor, streaming to the wind,
With gems and golden lustre rich emblazed
Seraphic arms and trophies; all the while
Sonorous metal blowing martial sounds:
At which the universal host up-sent
A shout, that tore Hell's concave, and beyond

который потрясаетъ своды Ада и распространяетъ ужасъ даже за предѣлами его, въ царствѣ Хаоса и древней Ночи.

Въ одно мгновеніе поднимается въ воздухѣ десять тысячъ знаменъ, развѣваясь въ мракѣ бездны цвѣтами востока; стройными рядами выростаетъ густой лѣсъ копій; тѣсно сжатые шлемы, щиты, представляютъ непроницаемую, плотную стѣну; вся армія правильными фалангами развертывается и идетъ подъ звуки дорическихъ флейтъ и свирѣлей. Эти самые звуки воодушевляли передъ боемъ героевъ древности возвышенными, благородными чувствами; не слѣпую ярость внушали они, но хладнокровное, непоколебимое мужество, которое заставляло предпочитать смерть бѣгству или постыдному отступленію; полные гармоніи, звуки эти созданы были для того, чтобы успокоивать разстроенныя мысли, изгонять сомнѣнія, страхъ, печаль изъ сердецъ смертныхъ и безсмертныхъ. Такъ, дышащіе силой, съ твердой рѣшимостью, безмолвно шествуютъ падшіе Ангелы подъ нѣжную музыку свирѣлей, облегчавшую имъ тяжелый путь по жгучей почвѣ; но вотъ они остановились: грозенъ былъ этотъ сверкавшій оружіемъ фронтъ, развернувшійся на ужасающую длину; подобно воинамъ, посѣдѣлымъ подъ ратными знаменами, ждутъ они приказаній своего могучаго вождя.

Сатана окидываетъ опытнымъ глазомъ длинные ряды вооруженныхъ Духовъ; онъ быстро обозрѣваетъ всѣ батальоны, любуется порядкомъ своихъ воиновъ, ихъ лицами и осанкой, прекрасными какъ у боговъ; наконецъ дѣлаетъ имъ перечень. Сердце его упивается гордостью, онъ ликуетъ, еще больше ожесточаясь отъ сознанія своей силы; никогда, отъ сотворенія человѣка, не собиралось еще такого воинства, которое, въ сравненіи съ этимъ, не показалось бы кучкой пигмеевъ [47], воюющихъ съ журавлями, если бы даже къ самимъ Флегрійскимъ [48] великанамъ присоединить все геройское племя, сражавшееся въ Өивахъ и Иліонѣ [49], вмѣстѣ съ богами, принимавшими участіе въ битвѣ обѣихъ сторонъ, и всѣхъ героевъ сказокъ и романовъ о сынѣ Уфера, въ кружкѣ Британскихъ и Арморійскихъ рыцарей [50], всѣхъ вѣрныхъ и невѣрныхъ, обезсмертившихъ себя въ битвахъ при Аспрамонтѣ, Монтальбанѣ, Дамаскѣ, Марокко и Требизондѣ, или тѣхъ, что Бизертъ [51] послалъ съ береговъ Африки

Frighted the reign of Chaos and old Night.
All in a moment through the gloom were seen
Ten thousand banners rise into the air,
With orient colours waving: with them rose
A forest huge of spears; and thronging helms
Appear'd, and serried shields in thick array
Of depth immeasurable: anon they move
In perfect phalanx to the Dorian mood
Of flutes and soft recorders; such as raised
To height of noblest temper heroes old
Arming to battle; and instead of rage
Deliberate valour breath'd, firm and unmoved
With dread of death to flight or foul retreat:
Nor wanting power to mitigate and 'suage,
With solemn touches troubled thoughts, and chase
Anguish, and doubt, and sorrow, and pain
From mortal or immortal minds. Thus they,
Breathing united force, with fixed thought,
Moved on in silence, to soft pipes, that charm'd
Their painful steps o'er the burnt soil: and now
Advanced in view, they stand; a horrid front
Of dreadful length and dazzling arms, in guise
Of warriors old with order'd spear and shield,
Awaiting what command their mighty chief
Had to impose: he through the armed files
Darts his experienced eye, and soon traverse
The whole battalion views, their order due,
Their visages and stature as of gods:
Their number last he sums. And now his heart
Distends with pride and hardening in his strength
Glories; for never since created man
Met such embodied force, as, named with these,
Could merit more than that small infantry
Warr'd on by cranes: though all the giant brood
Of Phlegra with th' heroic race were join'd
That fought at Thebes and Ilium, on each side
Mix'd with auxiliar gods; and what resounds
In fable or romance of Uther's son
Begirt with British and Armoric knights;
And all who since, baptized or infidel,
Jousted in Aspramont, or Montalban,
Damasco, or Marocco, or Trebisond,
Or whom Biserta sent from Afric shore,

противъ Карла Великаго, разбитаго со всѣми его войсками на поляхъ Фонтарабійскихъ.—Такъ далеко было это воинство отъ сравненія съ силами смертныхъ, и однако, оно повинуется своему грозному полководцу. А онъ, гордый властелинъ, превосходя всѣхъ видомъ, осанкой, возвышается надъ ними подобно башнѣ.

Образъ его не потерялъ еще всего своего первоначальнаго величія; омрачился его божественный блескъ, но и въ падшемъ, въ немъ виденъ былъ Архангелъ: такъ, только что взошедшее солнце, безъ лучей проглядываетъ съ горизонта сквозь туманный утренній воздухъ; или во время затменія спрячется за мѣсяцъ и бросаетъ на половину земли зловѣщій полу-свѣтъ, приводя въ трепетъ монарховъ, которые видятъ въ этомъ предзнаменованіе опасныхъ переворотовъ. Такъ, омраченный, все еще блисталъ надъ всѣми гордый Архангелъ. Лицо его глубоко изборождено молніями, печать скорби легла на его поблеклыя ланиты; но подъ нависшими бровями таится необузданная отвага, упорная гордыня, выжидающая минуты мщенія. Глаза его свирѣпы; однако въ нихъ мелькнуло сострадані и угрызеніе совѣсти, когда онъ увидѣлъ сообщниковъ своего преступленія, или скорѣе послѣдователей, осужденныхъ на вѣчныя муки. Тѣ ли это Ангелы, какими онъ зналъ ихъ нѣкогда въ блаженномъ состояніи! По его винѣ милліоны Духовъ изгнаны изъ Неба, изъ-за его возмущенія они навѣкъ лишились небеснаго свѣта. Но и въ померкшей славѣ, какъ вѣрны остались они своему вождю! Такъ, когда небесный огонь опалитъ лѣсные дубы или горныя сосны, величественные стволы съ обгорѣлыми вершинами, обнаженные, твердо стоятъ на сожженной землѣ.

Сатана подаетъ знакъ, — онъ хочетъ говорить. Ряды вокругъ него удваиваются; сложивъ крылья, полководцы образуютъ около него полукругъ. Они стоятъ въ глубокомъ молчаніи; три раза начиналъ говорить Сатана, и три раза, вопреки его гордынѣ, слезы, такія слезы какими плачутъ Ангелы, вырывались изъ его глазъ. Наконецъ, среди тяжкихъ вздоховъ, онъ произноситъ:

«О миріады безсмертныхъ Духовъ! О Силы, которымъ нѣтъ равныхъ, кромѣ Всемогущаго! и съ Нимъ борьба эта не была безславна, какъ ни

When Charlemagne with all his peerage fell
By Fontarabia. Thus far these beyond
Compare of mortal prowess, yet observed
Their dread commander: he, above the rest
In shape and gesture proudly eminent,
Stood like a tower; his form had not yet lost
All her original brightness, nor appear'd
Less than Arch-angel ruin'd, and the excess
Of glory obscur'd; as when the sun, new risen,
Looks through the horizontal misty air
Shorn of his beams; or from behind the moon,
In dim eclipse, disastrous twilight sheds
On half the nations, and with fear of change
Perplexes monarchs. Darken'd so, yet shone
Above them all the Arch-angel: but his face
Deep scars of thunder had intrench'd and care
Sat on his faded cheek; but under brows
Of dauntless courage, and considerate pride
Waiting revenge; cruel his eye, but cast
Signs of remorse and passion, to behold
The fellows of his crime, the followers rather
(Far other once beheld in bliss), condemn'd
For ever now to have their lot in pain:
Millions of Spirits for his fault amerced
Of Heaven, and from eternal splendours flung
For his revolt, yet faithful how they stood,
Their glory wither'd: as when Heav'n's fire
Hath scath'd the forest oaks, or mountain pines,
With singed top their stately growth tho' bare,
Stands on the blasted heath. He now prepared
To speak; whereat their doubled ranks they bend
From wing to wing, and half inclose him round
With all his peers. Attention held them mute.
Thrice he assay'd, and thrice, in spite of scorn,
Tears, such as Angels weep, burst forth. At last
Words interwove with sighs found out their way.

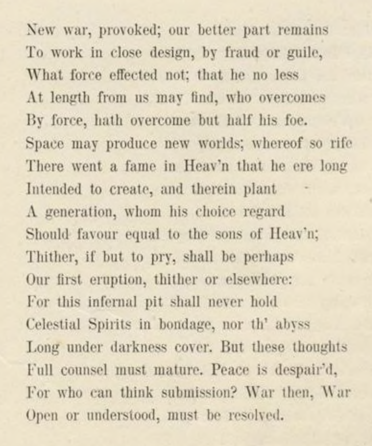
O myriads of immortal Spirits, O Powers
Matchless, but with th' Almighty, and that strife

ужасенъ ея исходъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ это мѣсто и эта ужасная перемѣна.—О проклятіе! Но какой высокій умъ, изъ глубины знанія прошлаго и настоящаго провидящій и предрекающій грядущее, могъ представить себѣ, чтобы такія соединенныя силы боговъ, такія силы какъ эти, когда-нибудь могли узнать пораженіе? И кто же повѣритъ, что, даже потерпѣвъ пораженіе, всѣ эти могучіе легіоны, послѣ изгнанія которыхъ опустѣло Небо, не возстанутъ, не подымутся своей собственной силой, чтобы снова завоевать свою свѣтлую отчизну?

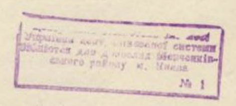
«Призываю въ свидѣтели все небесное ополченіе, отъ моей ли нерѣшительности или страха погибли наши надежды? Но Тотъ, Кто царитъ Монархомъ Небесъ, до той поры прочно сидѣлъ на Своемъ тронѣ, опиравшемся на древней славѣ, согласіи, привычкѣ; окружая Себя полнымъ блескомъ царскаго величія, Онъ однако всегда скрывалъ отъ насъ Свои силы; это породило въ насъ смѣлость къ нашей попыткѣ, и погубило насъ. Теперь мы знаемъ Его могущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наше собственное: мы не должны вызывать Его на новую войну, но намъ нечего страшиться, если бы она была объявлена намъ. Самое лучшее для насъ теперь, это работать втайнѣ; хитростью, обманомъ достигнуть того, чего не могли взять силой; пусть узнаетъ черезъ насъ, что тотъ, кто одерживаетъ побѣду одной силой, только наполовину одолѣваетъ своего врага. Въ безпредѣльномъ пространствѣ могутъ возникнуть иные міры: и давно уже было преданіе въ Небѣ, что Богъ намѣренъ создать новый міръ и населить его избраннымъ племенемъ, и что племя это будетъ любимо Имъ наравнѣ съ небесными сынами. Туда попробуемъ сдѣлать наше первое вторженіе, хотя бы только для того, чтобы обозрѣть тотъ міръ; туда или въ другое мѣсто! Не можетъ эта адская яма вѣчно держать въ оковахъ небесныхъ Духовъ, или пучина эта долго поглощать насъ во мракѣ. Но подобная мысль должна быть зрѣло обдумана въ полномъ совѣтѣ. На миръ нѣтъ надежды: кто же изъ насъ думаетъ о покорности? И такъ война! война открытая или тайная!»

Онъ кончилъ: въ подтвержденіе его словъ летятъ въ воздухъ милліоны пылающихъ мечей, исторгнутыхъ съ бедра могучихъ Херувимовъ. Адъ

Was not inglorious, though th' event was dire,
As this place testifies, and this dire change,
Hateful to utter; but what power of mind,
Foreseeing or presaging, from the depth
Of knowledge past or present, could have fear'd
How such united force of Gods, how such
As stood like these, could ever know repulse;
For who can yet believe, though after loss,
That all these puissant legions, whose exile
Hath emptied Heav'n, shall fail to re-ascend
Self-raised, and repossess their native seat?
For me, be witness all the host of Heav'n,
If counsels different, or danger shunn'd
By me, have lost our hopes. But he who reigns
Monarch in Heav'n, till then as one secure
Sat on his throne, upheld by old repute,
Consent, or custom, and his regal state
Put forth at full, but still his strength conceal'd,
Which tempted our attempt, and wrought our fall.
Henceforth his might we know, and know our own,
So as not either to provoke or dread

New war, provoked; our better part remains
To work in close design, by fraud or guile,
What force effected not; that he no less
At length from us may find, who overcomes
By force, hath overcome but half his foe.
Space may produce new worlds; whereof so rife
There went a fame in Heav'n that he ere long
Intended to create, and therein plant
A generation, whom his choice regard
Should favour equal to the sons of Heav'n;
Thither, if but to pry, shall be perhaps
Our first eruption, thither or elsewhere:
For this infernal pit shall never hold
Celestial Spirits in bondage, nor th' abyss
Long under darkness cover. But these thoughts
Full counsel must mature. Peace is despair'd,
For who can think submission? War then, War
Open or understood, must be resolved.

He spake: and, to confirm his words, out flew
Millions of flaming swords, drawn from the thighs

внезапно освѣтился на далекое пространство. Надменно изрыгають они хулы противъ Всевышняго и, яростно стиснувъ оружіе, ударяютъ имъ о свои звенящіе щиты, оглашая Адъ воинственнымъ гуломъ и посылая къ небесному своду вызывающіе вопли.

Неподалеку возвышалась гора; чудовищная вершина ея извергала огонь и клубы дыма; остальную ея поверхность покрывала блестящая кора, — несомнѣнный признакъ, что въ нѣдрахъ ея скрывалась богатая руда, — слѣдствіе работы сѣры. Туда на быстрыхъ крыльяхъ спѣшитъ многочисленный легіонъ; такъ отрядъ піонеровъ, съ заступами и ломами, скачетъ впереди главной арміи, чтобы укрѣпить поле для царскаго стана окопами и валами. Маммонъ [52)] предводительствуетъ ими, Маммонъ, наименѣе возвышенный изъ всѣхъ павшихъ Духовъ: даже на Небѣ взоры его и мысли были постоянно обращены внизъ; его больше восхищало богатство Неба, гдѣ ноги попирали золото, чѣмъ священныя видѣнія и блаженство созерцанія. Онъ первый своимъ примѣромъ и совѣтами научилъ людей искать добычи въ глубокихъ нѣдрахъ земли, и они святотатственными руками стали расхищать изъ утробы своей матери-земли сокровища, которымъ бы лучше было навсегда оставаться погребенными.

Въ одну минуту въ боку горы зазіяла широкая рана, и Маммоново войско стало вырывать золотыя ребра. Удивительно ли, что золото родилось въ Аду? Есть ли другая почва, болѣе благопріятная для этого блестящаго яда? Вы, хвалители бренныхъ вещей, съ удивленіемъ говорящіе о Вавилонѣ и сооруженіяхъ Мемфисскихъ царей, взгляните, какъ ваши величайшіе памятники славы, силы, искуства, блѣднѣютъ передъ созданіемъ этихъ отверженныхъ Духовъ: взгляните, съ какой легкостью, въ одинъ часъ, они сооружаютъ то, что люди съ трудомъ могли бы создать вѣками многотрудной работы безчисленныхъ рукъ. У подошвы горы вмигъ было устроено множество плавильныхъ горновъ; по жиламъ, проведеннымъ изъ озера, текутъ струи жидкаго огня. Одни бросаютъ туда огромныя глыбы металла; другіе, съ изумительнымъ искусствомъ раздѣляя ихъ породы, плавятъ руду, очищая ее отъ горячей накипи; третьи лѣпятъ въ размягченной землѣ различныя формы; посредствомъ изумительнаго

Of mighty Cherubim: the sudden blaze
Far round illumined Hell. Highly they raged
Against the highest, and fierce with grasped arms
Clash'd on their sounding shields the din of war,
Hurling defiance tow'rd the vault of Heaven.
There stood a hill not far, whose grisly top
Belch'd fire and rolling smoke; the rest entire
Shone with a glossy scurf, undoubted sign
That in his womb was hid metallic ore,
The work of sulphur. Thither wing'd with speed
A num'rous brigade hasten'd: as when bands
Of pioneers, with spade and pickaxe arm'd,
Forerun the royal camp to trench a field,
Or cast a rampart. Mammon led them on;
Mammon, the least erected Spirit that fell
From Heav'n; for e'en in Heav'n his looks and thoughts
Were always downward bent, admiring more
The riches of Heav'n's pavement, trodden gold,
Than aught divine or holy else enjoy'd
In vision beatific. By him first
Men also, and by his suggestion taught,
Ransack'd the centre, and with impious hands
Rifled the bowels of their mother earth
For treasures better hid. Soon had his crew
Open'd into the hill a spacious wound,
And digg'd out ribs of gold. Let none admire
That riches grow in Hell; that soil may best
Deserve the precious bane. And here let those
Who boast in mortal things, and wond'ring tell
Of Babell, and the works of Memphian kings,
Learn how their greatest monuments of fame
And strength, and art, are easily outdone
By Spirits reprobate, and in an hour
What in an age they with incessant toil
And hands innumerable scarce perform.
Nigh on the plain in many cells prepared,
That underneath had veins of liquid fire
Sluiced from the lake, a second multitude
With wond'rous art founded the massy ore,
Severing each kind, and scumm'd the bullion dross;
A third as soon had form'd within the ground
A various mould, and from the boiling cells

приспособленія кипящее золото струится внизъ, наполняя каждую впадину. Такъ въ органѣ, одно дуновеніе, пробѣгая по всѣмъ извилинамъ многочисленныхъ трубокъ, выходитъ изъ нихъ мелодическимъ звукомъ.

Вскорѣ, подобно пару, изъ земли стало выростать, при звукахъ сладостныхъ симфоній и тихаго, стройнаго пѣнія, обширное зданіе. Оно имѣло видъ храма; его окружали пилястры и дорическія колонны, увѣнчанныя золотыми архитравами; карнизы, фризы украшены выпуклой рѣзьбой; куполъ его изъ рѣзного золота. Ни Вавилонъ, ни величественный Алькаиръ [53], при всей ихъ пышности, ни Египетъ, ни Ассирія, соперничавшіе другъ съ другомъ въ роскоши и богатствѣ, даже не приближались къ этому великолѣпію; ни дворцы ихъ царей, ни храмы въ честь ихъ боговъ Бела и Сераписа, не могли равняться съ нимъ. Стройная громада, вознесясь во всю свою вышину, остановилась неподвижно: вдругъ бронзовыя ворота широко распахнулись и надъ гладкимъ, ровнымъ помостомъ открылась обширная внутренность зданія. Безчисленные ряды какъ звѣзды блиставшихъ люстръ и пылавшихъ факеловъ, питаемыхъ Нефтью и Асфальтомъ, магической силой держась подъ сводомъ, изливаютъ потоки свѣта какъ бы съ тверди небесной. Нетерпѣливая толпа врывается туда, восхищаясь; одни хвалятъ работу, другіе — зодчаго: онъ еще на Небѣ прославился постройкой многихъ чудесныхъ дворцовъ для Ангеловъ, которые возсѣдали въ нихъ скипетроносными князьями. До такой власти возвысилъ ихъ Верховный Царь, поручивъ имъ, каждому въ его іерархіи, управленіе небесными чинами. Имя его также не было лишено славы и поклонниковъ въ древней Греціи; въ Авзоніи люди называли его Мульциберомъ [54]. О паденіи его съ неба они сочинили сказку, будто разгнѣванный Зевесъ сбросилъ его прямо черезъ хрустальные зубцы; будто цѣлый лѣтній день летѣлъ онъ оттуда, съ утра до полудня, и съ полудня до вечерней зари, и съ закатомъ солнца, какъ падающая звѣзда, упалъ съ зенита на Лемносъ, островъ Эгейскаго моря. Такъ разсказывали люди, и ошибались: Мульциберъ задолго до того палъ вмѣстѣ съ низверженными мятежниками. Не помогли ему чудесныя его постройки въ небѣ, не спасли никакія ухищренія: и самъ зодчій и ис-

By strange conveyance fill'd each hollow nook,
As in an organ, from one blast of wind,
To many a row of pipes, the sound-board breathes.
Anon out of the earth a fabric huge
Rose like an exhalation, with the sound
Of dulcet symphonies and voices sweet,
Built like a temple, where pilasters round
Were set, and Doric pillars overlaid
With golden architrave; nor did there want
Cornice or frieze, with bossy sculptures grav'n:
The roof was fretted gold. Not Babylon,
Nor great Alcairo such magnificence
Equall'd in all their glories, to inshrine
Belus or Serapis their Gods, or seat
Their kings, when Egypt with Assyria strove
In wealth and luxury. Th' ascending pile
Stood fix'd her stately height; and straight the doors,
Op'ning their brazen folds, discover wide
Within her ample spaces, o'er the smooth
And level pavement. From the arched roof,
Pendant by subtle magic, many a row
Of starry lamps and blazing cressets, fed
With Naphtha and Asphaltus, yielded light
As from a sky. The hasty multitude
Admiring enter'd; and the work some praise,
And some the architect: his hand was known
In heaven by many a tower'd structure high,
Where sceptred angels held their residence,
And sat as princes; whom the supreme King
Exalted to such power, and gave to rule,
Each in his hierarchy, the orders bright.
Nor was his name unheard or unadored
In ancient Greece; and in Ausonian land
Men call'd him Mulciber; and how he fell
From heaven, they fabled, thrown by angry Jove
Sheer o'er the crystal battlements: from morn
To noon he fell, from noon to dewy eve,
A summer's day; and with the setting sun
Dropt from the zenith like a falling star,
On Lemnos, th' Ægean isle: thus they relate,
Erring; for he with this rebellious rout
Fell long before; nor ought avail'd him now
T'have built in heav'n high tow'rs; nor did he'scape

кусные работники его, сброшенные головой внизъ, были посланы отстраивать адъ.

Между тѣмъ, по повелѣнію державнаго вождя, крылатые герольды, съ ужасающимъ церемоніаломъ, съ трубными звуками, объявляютъ всему войску, что торжественный совѣтъ долженъ немедленно собраться въ Пандемоніумѣ, величественной столицѣ Сатаны и его сановниковъ. Изъ каждаго отряда, изъ каждаго легіона, призываются достойнѣйшіе по чину или выбору; они немедленно идутъ на зовъ въ сопровожденіи сотенъ и тысячъ войскъ. Толпа тѣснится у всѣхъ входовъ, наводняя обширные портики, но, особенно, огромную залу—(она болѣе походила на закрытое поле, гдѣ смѣлые бойцы, привычные въ тяжеломъ вооруженіи скакать на рьяныхъ коняхъ, передъ трономъ султана бросали цвѣту языческаго рыцарства презрительные вызовы на смертельный бой, или предлагали на скаку сломить копье). Густо здѣсь кишатъ Духи, и на землѣ и въ воздухѣ, который они со свистомъ разсѣкаютъ взмахами своихъ крыльевъ. Такъ весенней порой, когда солнце вступаетъ въ знакъ Тельца, многочисленное юное поколѣніе пчелъ высыпаетъ изъ улья и кружится около него роями: онѣ летаютъ взадъ и впередъ межъ цвѣтовъ, влажныхъ отъ утренней росы; или, скучась на гладкой доскѣ въ преддверіи соломенной крѣпостцы, только что натертой душистымъ бальзамомъ, разсуждаютъ и совѣтуются о государственныхъ дѣлахъ. Такъ кишѣли массы воздушныхъ легіоновъ до той минуты, когда былъ поданъ сигналъ. О чудо! Эти гиганты, превосходившіе громадностью всѣхъ великановъ, какіе когда-либо рождались сынами земли, вдругъ превращаются въ самыхъ крошечныхъ карликовъ; безчисленные, они скучиваются въ маленькомъ пространствѣ, подобно тому племени пигмеевъ, что жило за горными высями Индіи [55], или подобно волшебнымъ эльфамъ, которые въ полночный часъ собираются на окраинѣ лѣса, или на берегу ручья. Запоздалый путникъ видитъ ихъ рѣзвыя игры, или это только грезится ему, тогда какъ надъ его головой царитъ луна, направляя ниже къ землѣ свое блѣдное шествіе; а они, рѣзвясь и танцуя, веселой музыкой очаровываютъ его слухъ, и сердце въ немъ замираетъ отъ радости и страха. Такъ эти безплотные Духи изъ гигантовъ превра-

By all his engines, but was headlong sent
With his industrious crew to build in hell.
Meanwhile, the winged heralds, by command
Of sovereign power, with awful ceremony
And trumpet's sound, throughout the host proclaim
A solemn council, forthwith to be held
At Pandemonium, the high capital
Of Satan and his peers: their summons call'd
From every band and squared regiment
By place or choice the worthiest: they anon,
With hundreds and with thousands, trooping came
Attended: all access was throng'd: the gates
And porches wide, but chief the spacious hall
(Though like a cover'd field, where champions bold
Wont ride in arm'd, and at the soldan's chair
Defied the best of Panim chivalry
To mortal combat, or career with lance),
Thick swarm'd both on the ground and in the air,
Brush'd with the hiss of rustling wings. As bees
In spring time, when the sun with Taurus rides,
Pour forth their populous youth about the hive
In clusters; they among fresh dews and flowers
Fly to and fro, or on the smoothed plank,
The suburb of their straw-built citadel,
New rubb'd with balm, expatiate and confer
Their state affairs; so thick the aëry crowd
Swarm'd and were straiten'd; till, the signal given,
Behold a wonder! They but now who seem'd
In bigness to surpass earth's giant sons,
Now less than smallest dwarfs, in narrow room
Throng numberless, like that pygmean race
Beyond the Indian mount; or fairy elves,
Whose midnight revels, by a forest-side
Or fountain, some belated peasant sees,
Or dreams he sees, while over head the moon
Sits arbitress, and nearer to the earth
Wheels her pale course; they, on their mirth and dance
Intent, with jocund music charm his ear;
At once with joy and fear his heart rebounds.
Thus incorporeal spirits to smallest forms
Reduced their shapes immense, and were at large.

По повелѣнію державнаго вождя, крылатые герольды, съ ужасающимъ церемоніаломъ, съ трубными звуками, объявляютъ всему войску, что торжественный совѣтъ долженъ немедленно собраться въ Пандемоніумѣ.

Пѣснь 1, стр. 20.

. . . . the winged heralds, by command
Of sovereign power, with awful ceremony
And trumpet's sound, throughout the host proclaim
A solemn council, forthwith to be held
At Pandemonium.

G. Doré

щаются въ безконечно малыя существа: число ихъ несмѣтно, но они просторно помѣщаются въ серединѣ чертога адскаго дворца; а въ самой его глубинѣ, высшіе чины Серафимовъ и Херувимовъ, не измѣняя своего вида, въ замкнутомъ кружкѣ, держатъ тайное совѣщаніе. Тысячи этихъ полу-боговъ возсѣдаютъ на золотыхъ тронахъ. Собраніе полно. Наступаетъ минута молчанія, и, послѣ короткаго воззванія, начинается великій совѣтъ.

Though without number still, amidst the hall
Of that infernal court. But far within,
And in their own dimensions like themselves,
The great Seraphic Lords and Cherubim,
In close recess and secret conclave sat,
A thousand Demi-gods on golden seats,
Frequent and full. After short silence then,
And summons read, the great consult began.

ПѢСНЬ 2-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Совѣщаніе открыто. Сатана предлагаетъ отважиться для обратнаго завоеванія Неба на новую войну; одни стоятъ за войну, другіе противъ нея. Останавливаются на третьемъ предложеніи, еще ранѣе высказанномъ Сатаной: изслѣдовать истину пророчества или преданія на Небѣ о другомъ мірѣ, который долженъ быть созданъ около этого времени, и о другой породѣ существъ, равныхъ или немного уступающихъ Ангеламъ. Затрудненіе, кому довѣрить такое трудное порученіе. Сатана одинъ предпринимаетъ это путешествіе: ему рукоплещутъ, прославляютъ его; этимъ заключается совѣтъ. Духи разсыпаются въ разныя стороны, и, смотря по склонности каждаго, проводятъ время до возвращенія Сатаны. Полетъ Сатаны къ воротамъ Ада. Онъ находитъ ихъ запертыми. Кто охраняетъ эти врата и наконецъ открываетъ ихъ; показывается необъятная пучина между Адомъ и Небомъ; съ какимъ трудомъ Сатана переносится черезъ нее; ему указываетъ путь Хаосъ, властитель тѣхъ странъ. Наконецъ, вдали виденъ новый міръ, куда стремится Сатана.

Высоко, на пышномъ царскомъ тронѣ, далеко затмевавшемъ богатства Ормуза [56] и Индіи, или тѣхъ странъ, гдѣ роскошный Востокъ щедрой рукой осыпаетъ своихъ варварскихъ царей жемчугомъ и золотомъ, надменно возсѣдалъ Сатана: на такую пагубную высоту вознесся онъ своимъ достоинствомъ. Но изъ безнадежнаго отчаянія снова достигнувъ такого величія, онъ стремится еще далѣе; его преслѣдуетъ ненасытная жажда войны съ Небомъ; онъ забылъ печальный опытъ, и гордыя свои мечтанья провозвѣщаетъ такъ:

«Силы, Власти, Божества Небесъ! нѣтъ пучины, которая бы могла навѣкъ заточить въ своихъ глубинахъ безсмертную силу: мы поражены, уничтожены, но я не считаю Небо потеряннымъ. Мы возстанемъ мощью

BOOK 2. THE ARGUMENT.

The consulation begun, Satan debates whether another battle be to be hazarded for the recovery of Heaven: some advise it, others dissuade: a third proposal is preferred, mentioned before by Satan, to search the truth of that prophecy or tradition in Heaven concerning another world and another kind of creature, equal or not much inferior to themselves, about this time to be created: their doubt who shall be sent on this dificult search: Satan, their chief, undertakes alone the voyage, is honoured and applauded. The council thus ended, the rest betake them several ways, and to several employments, as their inclinations lead them, to entertain the time till Satan return. He passes on his journey to Hell-gates, finds them shut, and who sat there to guard them, by whom at length they are opened, and discover to him the great gulf between Hell and Heaven; with what difficulty he passes through, directed by Chaos, the power of that place, to the sight of this new world which he sought.

High on a throne of royal state, which far
Outshone the wealth of Ormus and of Ind,
Or where the gorgeous East with richest hand
Show'rs on her kings barbaric pearl and gold,
Satan exalted sat, by merit raised
To that bad eminence; and from despair
Thus high uplifted beyond hope, aspires
Beyond thus high, insatiate to pursue
Vain war with Heaven; and, by success untaught,
His proud imaginations thus display'd:
  Pow'rs and Dominions, Deities of Heaven,
For since no deep within her gulf can hold
Immortal vigour, though oppress'd and fall'n,
I give not Heav'n for lost. From this descent
Celestial virtues rising, will appear

Высоко, на пышномъ царскомъ тронѣ, далеко затмевавшемъ богатства Ормуза и Индіи, или тѣхъ странъ, гдѣ роскошный Востокъ щедрой рукой осыпаетъ своихъ варварскихъ царей жемчугомъ и золотомъ, надменно возсѣдалъ Сатана.

Пѣснь II, стр. 22.

High on a throne of royal state, which far
Outshone the wealth of Ormus and of Ind,
Or where the gorgeous East with richest hand
Show'rs on her kings barbaric pearl and gold,
Satan exalted sat.

G. Doré
PANNEMAKER-DOMS

нашего небеснаго естества, болѣе блестящіе и болѣе грозные, чѣмъ до паденія; второй подобной участи намъ нечего будетъ страшиться. Хотя право и непреложные законы Неба поставили меня главой надъ вами, но потомъ въ этомъ достоинствѣ утвердилъ меня вашъ собственный выборъ, равно какъ заслуги мои въ совѣтахъ и войнахъ. Потеря наша вознаграждена тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что прочнѣе укрѣпила за мною тронъ, дарованный мнѣ съ вашего полнаго согласія и ни для кого не завидный. Въ Небѣ съ высшимъ достоинствомъ соединено и высшее блаженство,—это можетъ возбуждать зависть въ низшихъ; но здѣсь, кто позавидуетъ тому, чье высокое достоинство ставитъ его вашимъ вѣрнымъ щитомъ, впереди всѣхъ, противъ руки Громовержца, и налагаетъ на него самую большую долю вѣчныхъ мукъ? Гдѣ нѣтъ благъ, которыя бы можно было оспаривать, тамъ не можетъ возникнуть ни заговора, ни раздора; никто, навѣрное, не станетъ добиваться первенства въ Аду; никто не найдетъ свою долю настоящихъ мукъ слишкомъ малою, чтобы въ честолюбивыхъ мечтахъ жаждать еще большей. И такъ, здѣсь союзъ нашъ крѣпче, вѣра тверже, согласіе ненарушимѣе, чѣмъ это можетъ быть на Небѣ; съ такимъ-то преимуществомъ выступимъ мы вновь, чтобъ возвратить наше законное наслѣдіе; никогда въ счастьи мы не могли бы имѣть такой увѣренности въ успѣхѣ, какъ теперь. Но какой путь избрать? Открытую войну, или скрытую хитрость? Въ этомъ цѣль нашего совѣщанія: кто хочетъ дать совѣтъ,—пусть говоритъ».

Онъ кончилъ. Рядомъ съ нимъ поднялся Молохъ, скипетроносный царь. Изъ всѣхъ Духовъ, воевавшихъ въ Небѣ, это былъ самый сильный и самый свирѣпый, теперь еще болѣе свирѣпый отъ отчаянія. Онъ мнилъ себя равнымъ Предвѣчному, и предпочелъ бы не существовать вовсе, чѣмъ быть ниже Его: не придавая цѣны бытію, онъ былъ чуждъ страха; онъ все презиралъ: ни Богъ, ни Адъ, ни худшее чѣмъ Адъ, ничто его не страшило. Онъ произноситъ такую рѣчь:

«Я стою за открытую войну! Не хвалюсь, я не силенъ въ хитрости; пусть строитъ козни кто хочетъ, и когда будетъ надо, не теперь. Они будутъ сидѣть и измышлять заговоры, а всѣ эти ополченные милліоны, из-

More glorious and more dread than from no fall,
And trust themselves to fear no second fate.
Me, though just right, and the fix'd laws of Heav'n,
Did first create your leader, next free choice,
With what besides, in council or in fight,
Hath been achieved of merit; yet this loss,
Thus far at least recover'd, hath much more
Establish'd in a safe unenvied throne,
Yielded with full consent. The happier state
In Heaven, which follows dignity, might draw
Envy from each inferior; but who here
Will envy whom the highest place exposes
Foremost to stand against the Thund'rer's aim
Your bulwark, and condemns to greatest share
Of endless pain? Where there is then no good
For which to strive, no strive can grow up there
From faction; for none sure will claim in Hell
Precedence; none, whose portion is so small
Of present pain, that with ambitious mind
Will covet more. With this advantage then
To union, and firm faith, and firm accord,
More than can be in Heav'n, we now return
To claim our just inheritance of old,
Surer to prosper than prosperity
Could have assured us; and by what best way,
Whether of open war or covert guile,
We now debate: who can advise, may speak.
He ceased: and next him Moloch, scepter'd king,
Stood up, the strongest and the fiercest Sp'rit
That fought in Heav'n, now fiercer by despair.
His trust was with th' Eternal to be deem'd
Equal in strength; and rather than be less,
Cared not to be at all. With that care lost
Went all his fear: of God, or Hell, or worse,
He reck'd not; and these words thereafter spake:
My sentence is for open war: of wiles
More unexpert I boast not: them let those
Contrive who need, or when they need, not now.
For while they sit contriving shall the rest,
Millions that stand in arms, and longing wait

гнанники Небесъ, готовые къ бою, должны томиться здѣсь въ ожиданіи? Жить въ этой кромѣшной тьмѣ, этомъ позорномъ вертепѣ, тюрьмѣ тирана, Который царствуетъ только благодаря тому что мы медлимъ? Нѣтъ, ополчимся всей яростью, всѣми огнями Ада, чтобы никакая сила не могла преградить намъ пути къ высокимъ небеснымъ башнямъ; наши пытки мы обратимъ въ страшное оружіе противъ нашего мучителя. Въ отвѣтъ на Свои всесильные громы услышитъ Онъ раскаты адскаго грома; вмѣсто Его молній, мы съ такой же силой извергнемъ на Его Ангеловъ черное пламя и смрадъ. Самый тронъ Его будетъ объятъ чуднымъ огнемъ и потоками адской сѣры,—Имъ же изобрѣтенныя пытки!

«Но, быть можетъ, путь кажется вамъ слишкомъ труденъ; васъ можетъ быть устрашаетъ мысль взлетѣть по этой крутизнѣ на приступъ высокихъ стѣнъ врага? Пусть тѣ, кого страшитъ это, вспомнятъ, если только сонный напитокъ озера забвенія не совершенно усыпилъ ихъ память, что насъ, по нашему естеству, само собою влечетъ вверхъ, къ нашему родному отечеству: опускаться, падать—противно нашему естеству. Когда, недавно, разъяренный врагъ висѣлъ надъ послѣдними рядами нашего разбитаго войска и, издѣваясь, гналъ насъ черезъ пучину, кто изъ насъ не чувствовалъ, какъ тяжело, съ какимъ усиліемъ двигались наши крылья, чтобы опустить насъ такъ низко? И такъ, подняться намъ легко. Страшиться исхода—напрасно. Если мы раздражимъ снова сильнаго врага, мщеніе Его изобрѣтетъ еще болѣе ужасное средство для довершенія нашей гибели,—но чего же еще можно бояться въ Аду? Что можетъ быть ужаснѣе какъ жить здѣсь, лишеннымъ блаженства, осужденнымъ на страшныя муки въ этой адской безднѣ, гдѣ будетъ насъ вѣчно палить неугасимый огонь, безъ надежды на избавленіе, гдѣ мы, рабы Его гнѣва, въ часъ пытки покорно склоняемся подъ Его карающимъ бичомъ! Если наши муки будутъ еще увеличены,—мы уничтожимся совсѣмъ, перестанемъ существовать. Чего же страшиться намъ? Что удерживаетъ насъ, отчего колеблемся мы распалить гнѣвъ врага до крайности? Въ отчаянномъ порывѣ ярости, Онъ или совершенно истребитъ насъ, превратитъ въ ничто наше существо; — но развѣ мы не были бы счастливѣе тогда, чѣмъ оставаясь

The signal to ascend, sit ling'ring here
Heav'n's fugitives, and for their dwelling-place
Accept this dark opprobrious den of shame,
The prison of his tyranny who reigns
By our delay? No, let us rather choose,
Arm'd with Hell-flames and fury, all at once
O'er Heav'n's high tow'rs to force resistless way,
Turning our tortures into horrid arms
Against the torturer; when to meet the noise
Of his almighty engine he shall hear,
Infernal thunder, and for lightning see
Black fire and horror shot with equal rage
Among his Angels, ans his throne itself
Mix'd with Tartarean sulphur, and strange fire,
His own invented torments. But perhaps
The way seems difficult and steep, to scale
With upright wing against a higher foe.
Let such bethink them, if the sleepy drench
Of that forgetful lake benumb not still,
That in our proper motion we ascend
Up to our native seat; descent and fall
To us is adverse. Who but felt of late,

When the fierce foe hung on our broken rear
Insulting, and pursued us through the deep,
With what compulsion and laborious flight
We sunk thus low? Th' ascent is easy then;
Th' event is fear'd. Should we again provoke
Our stronger, some worse way his wrath may find
To our destruction, if there be in Hell
Fear to be worse destroy'd. What can be worse
Than to dwell here, driv'n out from bliss, condemn'd
In this abhorred deep to utter woe,
Where pain of unextinguishable fire
Must exercise us without hope of end,
The vassals of his anger, when the scourge
Inexorably, and the tort'ring hour
Calls us to penance? More destroy'd than thus,
We should be quite abolish'd, and expire.
What fear we then? what doubt we to incense
His utmost ire? which to the height enraged
Will either quite consume us, and reduce
To nothing this essential, happier far
Than mis'rable to have eternal being.
Or if our substance be indeed divine,

безсмертными въ вѣчныхъ мукахъ? — Или, если естество наше дѣйствительно божественно и бытіе его вѣчно, то, даже въ худшемъ случаѣ, намъ нечего бояться; а опытъ доказалъ, что нашихъ силъ достаточно, чтобы тревожить Его Небо и постоянными вторженіями устрашать Его неприступный, роковой тронъ. Если не побѣда, по крайней мѣрѣ мщеніе!»

Онъ кончилъ, и брови его сдвинулись; въ глазахъ его горитъ заклятая месть и вызовъ на бой, выдержать который могутъ лишь боги. Съ другой стороны поднялся Веліалъ; видъ его болѣе кротокъ и человѣченъ. Въ немъ Небо лишилось самаго прекраснаго Ангела. Казалось, онъ былъ созданъ для величія и благородныхъ подвиговъ, но все въ немъ пусто и ложно, хотя изъ устъ его лились рѣчи, сладкія какъ манна; онъ могъ представить въ лучшемъ свѣтѣ самое черное дѣло, и смутить, разстроить мудрѣйшіе совѣты,—такъ въ немъ были низки всѣ мысли. Изобрѣтательный на зло, онъ медлилъ и робѣлъ въ благородномъ дѣлѣ, но рѣчь его плѣняетъ слухъ. Онъ, убѣдительно, начинаетъ такъ:

«Я самъ стоялъ бы за открытую войну, о Высокія Власти!—моя ненависть не уступаетъ вашей; но главная причина, какая здѣсь приводится, чтобы склонить насъ къ немедленной войнѣ, лишь болѣе отклоняетъ меня отъ этой мысли, представляя послѣдствія въ самомъ зловѣщемъ свѣтѣ. Какъ! этотъ воинъ, больше насъ всѣхъ испытанный въ битвахъ, не довѣряя своимъ собственнымъ совѣтамъ и силѣ своего оружія, основываетъ свое мужество на отчаяніи, на совершенномъ уничтоженіи! Въ этомъ полагаетъ онъ вѣнецъ страшнаго мщенія! Во-первыхъ, какъ исполнить это мщеніе? Небесныя крѣпости охраняются вооруженной стражей: онѣ неприступны. Нерѣдко небесные легіоны располагаются станомъ на самой окраинѣ бездны; оттуда, не страшась опасныхъ встрѣчъ, на темныхъ крыльяхъ облетаютъ они пространное царство ночи. Но если бы, пробивъ себѣ путь силой, мы увлекли за собой весь Адъ, чтобы мракомъ его затмить чистый свѣтъ Небесъ, Великій Врагъ нашъ невредимо остался бы на Своемъ тронѣ; чистое, эѳирное естество, которое ничто не можетъ помрачить, скоро побѣдоносно освободило бы Небо отъ нечистаго огня.

«Послѣ этого пораженія, послѣдней нашей надеждой останется пре-

And cannot cease to be, we are at worst
On this side nothing; and by proof we feel
Our pow'r sufficient to disturb his Heav'n,
And with perpetual inroads to alarm,
Though inaccessible, his fatal throne:
Which, if not victory, is yet revenge.
He ended frowning, and his look denounced
Desp'rate revenge, and battle dangerous
To less than Gods. On th' other side up rose
Belial, in act more graceful and humane:
A fairer person lost not Heav'n; he seem'd
For dignity composed and high exploit:
But all was false and hollow, though his tongue
Dropt manna, and could make the worse appear
The better reason, to perplex and dash
Maturest counsels: for his thoughts were low;
To vice industrious, but to nobler deeds
Tim'rous and slothful: yet he pleased the ear,
And with persuasive accent thus began:
I should be much for open war, O Peers!
As not behind in hate, if what was urged
Main reason to persuade immediate war,
Did not dissuade me most, and seem to cast
Ominous conjecture on the whole success:
When he who most excels in fact of arms,
In what he counsels and in what excels
Mistrusful, grounds his courage on despair,
And utter dissolution, as the scope
Of all his aim, after some dire revenge.
First, what revenge? The tow'rs of Heav'n are fill'd
With armed watch, that render all access
Impregnable; oft on the bord'ring deep
Encamp their legions, or with obscure wing
Scout far and wide into the realm of night,
Scorning surprise. Or could we break our way
By force, and at our heels all hell should rise
With blackest insurrection, to confound
Heav'n's purest light, yet our Great Enemy,
All incorruptible, would on his throne
Sit unpolluted, and th' ethereal mould
Incapable of stain would soon expel
Her mischief, and purge off the baser fire
Victorious. Thus repulsed, our final hope
Is flat despair. We must exasperate

зрѣнное отчаяніе. Мы доведемъ Всесильнаго Побѣдителя до того, что Онъ изольетъ на насъ всю Свою ярость, уничтожитъ насъ. И въ этомъ должно быть наше спасеніе! Печальное спасеніе! Кто бы согласился, какъ бы ни были велики его страданія, лишиться этого разумнаго сознанія, этой способности мысли, обнимающей вѣчность, для того чтобы погибнуть, лишиться навсегда движенія, чувства и быть поглощеннымъ громаднымъ чревомъ несозданной ночи? А если бы это было къ лучшему, кто знаетъ, можетъ ли и захочетъ ли этого нашъ гнѣвный Врагъ? Что можетъ, сомнительно; что никогда не захочетъ, — вѣрно. Неужели Онъ, столь премудрый, разомъ истощитъ стрѣлы Своего гнѣва? Неужели, по безсилію или легкомыслію, Онъ исполнитъ желаніе Своихъ враговъ и въ порывѣ гнѣва уничтожитъ жертвъ, которыхъ Его же собственное мщеніе сохраняетъ для вѣчной кары?

«Что медлимъ мы! восклицаютъ защитники войны. Мы обречены на вѣчныя муки; что бы мы ни сдѣлали, страданья наши не могутъ увеличиться, не можетъ быть страданій хуже! Но мы спокойно, въ полномъ вооруженіи, сидимъ здѣсь, разсуждаемъ, — это ли высшая мѣра несчастій! Что было, когда, преслѣдуемые гнѣвомъ Всемогущаго, стремглавъ летѣли мы въ бездну подъ сокрушительными ударами Его грома? Тогда мы молили бездну защитить насъ; тогда Адъ казался намъ убѣжищемъ отъ жестокихъ мукъ; или когда мы стенали въ цѣпяхъ на огненномъ озерѣ? Тогда вѣрно намъ было хуже. Что если дыханіе, распалившее эти страшные горна, въ семь разъ сильнѣе раздуетъ огонь, и мы будемъ брошены въ это пламя? Или, если затихшее наверху мщеніе снова вооружитъ свою багровую десницу, чтобы возобновить наши мученія? Что если всѣ хранилища Его гнѣва раскроются, если съ адскаго свода польются огненные потоки—страшилища, что висятъ надъ нашими головами, постоянно грозя обрушиться? Даже въ эту самую минуту, какъ мы разсуждаемъ о славной войнѣ, насъ можетъ быть вдругъ охватитъ огненная буря, размечетъ всѣхъ по разнымъ скаламъ, пригвоздитъ къ нимъ, и будемъ мы потѣхой и жертвой буйныхъ вихрей; или вдругъ сброситъ насъ въ оковахъ на дно того клокочущаго океана; тамъ будемъ мы томиться въ вѣчныхъ стенаніяхъ,

Th' Almighty Victor to spend all his rage,
And that must end us; that must be our cure,
To be no more? Sad cure; for who would lose,
Though full of pain, this intellectual being,
Those thoughts that wander through eternity,
To perish rather, swallow'd up and lost
In the wide womb of uncreated night,
Devoid of sense and motion? And who knows
Let this be good, whether our angry Foe
Can give it, or will ever? How he can
Is doubtful; thaf he never will is sure.
Will he, so wise, let loose at once his ire
Belike through impotence, or unaware,
To give his enemies their wish, and end
Them in his anger, whom his anger saves
To punish endless? Wherefore cease we then?
Say they who counsel war, we are decreed,
Reserved, and destined, to eternal woe;
Whatever doing, what can we suffer more,
What can we suffer worse? Is this then worst,
Thus sitting, thus consulting, thus in arms?
What when we fled amain, pursued and struck
With Heav'n's afflicting thunder, and besought
The deep to shelter us? This Hell then seem'd
A refuge from those wounds: or when we lay
Chain'd on the burning lake? That sure was worse.
What if the breath that kindled those grim fires,
Awaked should blow them into sev'nfold rage,
And plunge us in the flames? Or from above
Should intermitted vengeance arm again
His red right hand to plague us? What if all
Her stores were open'd, and this firmament
Of Hell should spout her cataracts of fire,
Impendent horrors, threat'ning hideous fall
One day upon ours heads; while we perhaps
Designing or exhorting glorious war,
Caught in a fiery tempest, shall be hurl'd
Each on his rock, transfix'd, the sport and prey
Of wracking whirlwinds, or for ever sunk
Under yon boiling ocean, wrapt in chains;
There to converse with everlasting groans,

не видя ни пощады, ни отдыха, ни состраданія, безконечные вѣка! Хуже будетъ тогда!

«Вотъ почему я противъ войны явной или тайной, — все равно! Ни силой, ни хитростью, мы ничего не можемъ сдѣлать противъ Него. Кто обманетъ Его премудрость, или Его всевидящее око? И теперь, Онъ съ небесныхъ высотъ видитъ всѣ наши тщетныя стремленія, и смѣется надъ ними: насколько Онъ всемогущъ, чтобы разбить наши силы, настолько же и премудръ, чтобы уничтожить всѣ наши коварные замыслы.

«Но неужели мы должны вѣчно терпѣть такое униженіе? Мы, дѣти Неба, будемъ такъ попраны, изгнаны, осуждены на цѣпи, на мученія? Увы, по-моему лучше переносить это ужасное состояніе, чѣмъ навлечь на себя еще худшее. Надъ нами тяготѣетъ иго неизбѣжной судьбы, мы должны покориться всемогущему опредѣленію, волѣ Побѣдителя. Что страдать, что дѣйствовать, силы наши одинаковы, и справедливъ законъ, который такъ устроилъ. Если бы мы были благоразумнѣе, то должны были подумать объ этомъ, вступая въ сомнительную борьбу съ такимъ сильнымъ Врагомъ.

«Смѣшонъ мнѣ тотъ, кто храбръ, предпріимчивъ передъ боемъ, но какъ только оружіе измѣнитъ ему,—трепещетъ послѣдствій; его страшитъ приговоръ Побѣдителя, ссылка, безчестіе, цѣпи, страданія. Такова теперь наша доля: покоримся, перенесемъ ее терпѣливо; можетъ быть гнѣвъ нашего Высокаго Побѣдителя смягчится современемъ; мы такъ отдалены отъ Него, что Онъ можетъ быть забудетъ насъ, если не раздражать Его, и удовольствуется теперешнимъ наказаніемъ; ярость этого пламени, не раздуваемаго больше Его дыханіемъ, можетъ быть ослабѣетъ мало-по-малу. Тогда наше чистое естество восторжествуетъ надъ этимъ зловреднымъ смрадомъ, или, освоясь съ нимъ, мы не будемъ его чувствовать; наконецъ, самая природа наша такъ измѣнится, такъ приспособится къ мѣсту, что мы будемъ переносить этотъ палящій жаръ легко, безъ страданій! Теперешній ужасъ пройдетъ современемъ, мракъ просвѣтлѣетъ, и, кромѣ того, кто знаетъ, какія надежды можетъ принести намъ непрерывное теченіе грядущихъ дней? Какія перемѣны, какія судьбы? Злополучна теперь наша

Unrespited, unpitied, unreprieved,
Ages of hopeless end? This would be worse.
War therefore, open or conceal'd, alike
My voice dissuades: for what can force or guile
With him, or who deceive his mind, whose eye
Views all things at one view? He from Heav'n's height
All these our motions vain, sees and derides:
Not more almighty to resist our might
Than wise to frustrate all our plots and wiles.
Shall we then live thus vile, the race of Heav'n
Thus trampled, thus expell'd, to suffer here
Chains and these torments? Better these than worse,
By may advice: since fate inevitable
Subdues us, and omnipotent decree,
The Victor's will. To suffer, as to do,
Our strength is equal; nor the law unjust
That so ordains. This was first resolved,
If we were wise, against so great a Foe
Contending, and so doubtful what might fall.

I laugh, when those who at the spear are bold
And vent'rous, if that fail them, shrink and fear
What yet they know must follow, to endure
Exile or ignominy, or bonds, or pain,
The sentence of their Conqu'ror. This is now
Our doom; which if we can sustain and bear,
Our Supreme Foe in time may much remit
His anger, and perhaps, thus far removed,
Not mind us not offending, satisfy'd
With what is punish'd; whence these raging fires
Will slacken, if his breath stir not their flames.
Our purer essence then will overcome
Their noxious vapour, or inured not feel,
Or changed at length, and to the place conform'd
In temper and in nature, will receive
Familiar the fierce heat, and void of pain;
This horror will grow mild, this darkness light,
Besides what hope the never-ending flight
Of future days may bring, what chance, what change

участь, но ее можно назвать счастливой,—она еще не худшая, и не ухудшится, если мы сами не навлечемъ на себя еще большихъ золъ».

Такъ Веліалъ, прикрывая рѣчь личиной благоразумія, совѣтовалъ не миръ, а малодушный, праздный покой, постыдное бездѣйствіе.

Послѣ него заговорилъ Маммонъ: «Какая будетъ цѣль нашей войны, если будетъ рѣшена война? Свергнуть съ престола Небеснаго Царя, и возвратить наши потерянныя права? Свергнуть этого Царя! На это можно надѣяться тогда лишь, когда измѣнчивый Случай станетъ закономъ судьбы и Хаосъ—судьей нашего великаго спора! На первое такъ же тщетно было бы надѣяться, какъ и на послѣднее. Какое же мѣсто можемъ мы занять въ небесномъ пространствѣ, не побѣдивъ великаго Царя Небесъ? Положимъ, Онъ смягчится, объявитъ всеобщее помилованіе, взявъ съ насъ новую клятву въ покорности; съ какимъ чувствомъ будемъ мы, въ этомъ униженіи, стоять передъ Нимъ, принимая строгій законъ славословить въ гимнахъ Его тронъ, пѣть въ Его хвалу притворныя аллилуія, въ то время, какъ Онъ, нашъ грозный Царь, Которому мы будемъ мучительно завидовать, будетъ возсѣдать на Своемъ тронѣ, и къ алтарю Его станутъ возноситься благоуханія амврозіи и ароматы цвѣтовъ, нашихъ раболѣпныхъ приношеній! И въ этомъ будутъ заключаться всѣ наши обязанности, вся наша отрада въ Небѣ! Цѣлую вѣчность поклоняться Тому, Кого ненавидишь! О, какъ это тяжко! Зачѣмъ же стремиться къ тому, чего пріобрѣсти силой невозможно, и чего мы сами не могли бы принять, какъ милость; зачѣмъ добиваться намъ пышнаго рабства, хотя бы это было даже на Небесахъ!

«Постараемся лучше найти счастье въ самихъ себѣ; въ этомъ обширномъ пространствѣ будемъ жить для себя, независимо, никому не давая отчета, предпочитая тяжелую свободу легкому игу пышнаго раболѣпства. Здѣсь мы увѣнчаемъ себя еще большей славой, если съ ничтожными средствами будемъ достигать великихъ цѣлей, вредъ превращать въ пользу, изъ бѣдствія создавать счастье. Наконецъ, перетерпѣвъ, перестрадавъ наши муки, мы достигнемъ спокойствія, и будемъ даже благоденствовать здѣсь.

Worth waiting, since our present lot appears
For happy though but ill, not worst,
If we procure not to ourselves more woe.
Thus Belial, with words cloth'd in reason's garb,
Counsel'd ignoble ease and peaceful sloth,
Not peace: and after him thus Mammon spake:
Either to disenthrone the King of Heav'n
We war, if war be best, or to regain
Our own right lost: him to unthrone we then
May hope, when everlasting Fate shall yield
To fickle Chance, and Chaos judge the strife.
The former vain to hope, argues as vain
The latter; for what place can be for us
Within Heav'n's bound, unless Heav'n's Lord Supreme
We overpow'r? Suppose he should relent,
And publish grace to all, on promise made
Of new subjection; with what eyes could we
Stand in his presence humble, and receive
Strict laws imposed, to celebrate his throne
With warbled hymns, and to his Godhead sing
Forced hallelujahs, while he lordly sits
Our envied Sovereign, and his altar breathes
Ambrosial odours and ambrosial flow'rs,
Our servile offerings? This must be our task
In Heav'n, this our delight. How wearisome
Eternity so spent in worship paid
To whom we hate! Let us not then pursue
By force impossible, by leave obtain'd
Unacceptable, though in Heav'n, our state
Of splendid vassalage; but rather seek
Our own good from ourselves, and from our own
Live to ourselves, though in this vast recess,
Free, and to none accountable, preferring
Hard liberty before the easy yoke
Of servile pomp. Our greatness will appear
Then most conspicuous, when great things of small,
Useful of hurtful, prosp'rous of adverse,
We can create, and in what place soe'er
Thrive under evil, and work ease out of pain
Through labour and endurance. This deep world

«Можетъ ли страшить насъ этотъ глубокій мракъ? Развѣ вокругъ Вседержавнаго трона Царя Небесъ не собирается иногда темныхъ тучъ, но это не омрачаетъ Его славы. Онъ окружаетъ Себя величіемъ мрака; изъ черныхъ тучъ гремятъ громы, и тогда Небо становится похожимъ на Адъ. Развѣ мы не можемъ подражать Его свѣту, какъ Онъ подражаетъ нашему мраку? Въ этой пустынной странѣ скрыто много сокровищъ, много драгоцѣнныхъ камней, золота. У насъ достанетъ искусства превратить ихъ въ чудеса великолѣпія: какой же большій блескъ можетъ выказать Небо? Между тѣмъ, современемъ, муки наши сдѣлаются нашей родной стихіей; этотъ жгучій огонь, нестерпимый теперь, станетъ намъ пріятенъ, наша натура, сроднясь съ болью, станетъ нечувствительна къ ней. И такъ, все склоняетъ насъ къ миру, къ прочному порядку вещей; обдумаемъ, какъ всего лучше можемъ мы успокоиться въ настоящемъ бѣдствіи, сообразно съ тѣмъ, кто мы и гдѣ наше жилище, отказываясь отъ всякой мысли о войнѣ. Вотъ мое мнѣніе.»

Едва онъ кончилъ, какъ по всему собранію прошелъ ропотъ, какъ будто изъ горнаго ущелья вырвался сдержанный въ немъ гулъ вѣтра, что всю ночь волновалъ море и только къ утру своимъ хриплымъ свистомъ убаюкалъ измученныхъ усталостью и безсонницей моряковъ, корабль которыхъ, послѣ бури, бросилъ якорь въ утесистомъ заливѣ. Такой шумъ раздался отъ рукоплесканій, когда Маммонъ кончилъ свою рѣчь; его совѣты сохранить миръ привели въ восторгъ все собраніе, такъ какъ второй подобной войны всѣ страшились хуже самого Ада: такой ужасъ вселилъ въ нихъ небесный громъ и пламенный мечъ Михаила. У всѣхъ было теперь одно желаніе: основать въ этой глубинѣ царство, которое бы при мудромъ управленіи, съ теченіемъ вѣковъ, возвысилось до соперничества съ Небомъ.

Вельзевулъ, Духъ, занимавшій высшее мѣсто послѣ Сатаны, проникнувъ ихъ мысли, вдругъ встаетъ съ важной, величественной осанкой; казалось, будто поднялся столбъ всего царства: великія думы, заботы объ общемъ благѣ глубоко запечатлѣны на строгомъ челѣ его; въ спокойныхъ чертахъ его лица отражается мудрость царя; и въ упадкѣ онъ былъ по-

Of darkness do we dread? How oft amidst
Thick clouds and dark doth Heav'n's all-ruling Sire
Choose to reside, his glory unobscured,
And with the majesty of darkness round
Covers his throne; from whence deep thunders roar,
Must'ring their rage, and Heav'n resembles Hell?
As he our darkness, cannot we his light
Imitate when we please? This desert soil
Wants not her hidden lustre, gems and gold
Nor want we skill or art, from whence to raise
Magnificence: and what can Heav'n show more?
Our torments also may in length of time
Become our elements; these piercing fires
As soft as now severe, our temper changed
Into their temper; which must needs remove
The sensible of pain. All things invite
To peaceful counsels, and the settled state
Of order, how in safety best we may
Compose our present evils, with regard
Of what we are and where, dismissing quite
All thoughts of war. Ye have what I advise.

He scarce had finish'd, when such murmur fill'd
Th' assembly, as when hollow rocks retain
The sound of blust'ring winds, which all night long
Had roused the sea, now with hoarse cadence lull
Seafaring men o'erwatch'd whose bark by chance
Or pinnace anchors in a craggy bay
After the tempest. Such applause was heard
As Mammon ended and his sentence pleased,
Advising peace; for such another field
They dreaded worse than Hell: so much the fear
Of thunder and the sword of Michaël
Wrought still within them; and no less desire
To found this nether empire, which might rise
By policy and long process of time,
In emulation opposite to Heav'n:
Which when Beëlzebub perceived, than whom,
Satan except, none higher sat, with grave
Aspect he rose, and in his rising seem'd
A pillar of state: deep on his front engraven
Deliberation sat and public care;
And princely counsel in his face yet shone,
Majestic though in ruin: sage he stood,

лонъ величія. Этотъ могучій Атлантъ способенъ былъ на своихъ плечахъ нести тяжесть могущественнѣйшихъ монархій. Однимъ взглядомъ онъ повелѣваетъ собранію молчаніе, и когда онъ заговорилъ, всѣ слушали его съ вниманіемъ, тихимъ какъ ночь, или полуденный воздухъ въ жаркій лѣтній день.

«Престолы и Царскія Власти, Сына Неба, безсмертные боги! или мы должны теперь отказаться отъ этихъ титуловъ и переименоваться въ Царей Ада? Да, потому что общее желаніе клонится къ тому, чтобы оставаться въ этихъ мѣстахъ, съ цѣлію создать здѣсь новое, современемъ могучее царство. Но развѣ это не одна мечта! Развѣ вы не знаете, что Царю Небесъ вовсе не угодно было бросить насъ въ эту тюрьму, какъ въ безопасное убѣжище, куда бы до насъ не могла достигнуть Его державная рука, гдѣ бы мы жили внѣ Его власти, внѣ Его высокихъ законовъ, и безнаказанно составляли новые заговоры противъ Его трона? Нѣтъ, мы, какъ толпа рабовъ въ тяжкихъ оковахъ, должны вѣчно томиться подъ гнетомъ неизбѣжнаго ига. Будьте увѣрены, въ небесныхъ высяхъ, и въ адскихъ пропастяхъ, Онъ всегда и вездѣ будетъ Единымъ Царемъ, первымъ и послѣднимъ; наше возстаніе не лишило Его ни малѣйшей частички Его царства. Власть Его точно такъ же простирается и надъ Адомъ; здѣсь онъ будетъ управлять нами желѣзнымъ скипетромъ, какъ на Небѣ управляетъ золотымъ. Къ чему же служатъ всѣ наши разсужденія о войнѣ или мирѣ? Разъ мы уже рѣшились на войну, и были разбиты съ невозвратной потерей. Никто не просилъ мира, и развѣ существуютъ мирные договоры между побѣдителемъ и его плѣнными? Какого мира ждать намъ, покореннымъ рабамъ, кромѣ строгаго заточенія, оковъ и произвольно налагаемыхъ наказаній? А мы, какой миръ можемъ мы предложить съ своей стороны, кромѣ единственнаго въ нашей власти? злобы, ненависти, непримиримой вражды, мщенія, медленнаго, но неустанно изыскивающаго средства, какъ бы отнять у Побѣдителя плоды Его побѣдъ и отравить ту радость, какую доставляютъ Ему наши страданія? Въ случаяхъ для этого не будетъ недостатка; не зачѣмъ предпринимать намъ опасную войну противъ Неба и осаждать

With Atlantean shoulders fit to bear
The weight of mightiest monarchies; his look
Drew audience and attention still as night
Or summer's noon-tide air, while thus he spake:
Thrones and Imperial Powers, Offspring of Heav'n.
Ethereal Virtues; or these titles now
Must we renounce, and changing style be call'd
Princes of Hell? for so the popular vote
Inclines here to continue, and build up here
A growing empire; doubtless, while we dream,
And know not that the King of Heav'n hath doom'd
This place our dungeon, not our safe retreat
Beyond his potent arm, to live exempt
From Heav'n's high jurisdiction, in new league
Banded against his throne, but to remain
In strictest bondage, though thus far removed,
Under th' inevitable curb, reserved
His captive multitude: for he, be sure,
In height or depth, still first and last will reign
Sole King, and of his kingdom lose no part
By our revolt: but over Hell extend
His empire, and with iron sceptre rule
Us here, as with his golden those in Heav'n.
What sit we then projecting? peace and war?
War hath determined us, and foil'd with loss
Irreparable: terms of peace yet none
Vouchsafed or sought: for what peace will be giv'n
To us enslaved, but custody severe,
And stripes, and arbitrary punishment
Inflicted? And what peace can we return,
But to our power hostility and hate,
Untamed reluctance, and revenge though slow,
Yet ever plotting how the Conqu'ror least
May reap his conquest, and may least rejoice
In doing what we most in suff'ring feel?
Nor will occasion want, nor shall we need
With dang'rous expedition to invade
Heav'n, whose high walls fear no assault or siege,

его высокія стѣны, которымъ не страшенъ ни приступъ, ни осада, никакія адскія мины.

«Нельзя ли придумать какое-нибудь болѣе безопасное предпріятіе? Есть одно мѣсто (если пророческое сказаніе, издревле существовавшее на Небѣ, не ложно), другой міръ, счастливое жилище какого-то новаго существа, называемаго Человѣкомъ. Онъ долженъ быть созданъ около этого времени; онъ во всемъ сходенъ съ нами, хотя не столь совершененъ и могущественъ, но возлюбленъ небеснымъ Властителемъ выше всѣхъ созданій; Самъ Онъ, въ собраніи боговъ, объявилъ на это Свою волю, подтвердивъ ее клятвой, потрясшей всю окружность Небесъ. Вотъ къ этому новому міру направимъ всѣ наши мысли, изслѣдуемъ, какія созданія живутъ тамъ, изъ какого вещества они созданы, какими одарены качествами, въ чемъ ихъ сила, въ чемъ ихъ слабость; узнаемъ, какъ лучше напасть на нихъ, хитростью или насиліемъ. Путь къ Небу загражденъ для насъ; Всевышній Владыко его спокойно возсѣдаетъ тамъ, твердо увѣренный въ Своей силѣ, но тотъ міръ, можетъ быть, лежитъ гдѣ-нибудь далеко отъ небеснаго царства, и охрана его предоставлена самимъ его обитателямъ. Можетъ быть, намъ удастся достигнуть тамъ чего-нибудь: или мы опустошимъ весь тотъ міръ, внезапно напавъ на него и спаливъ его адскимъ пламенемъ, или неограниченно завладѣемъ имъ, какъ нашей собственностью, и изгонимъ слабыхъ его обитателей, точно такъ же какъ были изгнаны мы сами, или же не будемъ ихъ изгонять, а лучше привлечемъ ихъ на свою сторону; тогда Богъ, ихъ Творецъ, ставъ ихъ врагомъ, съ раскаяніемъ, собственной рукой уничтожитъ Свое же созданіе. Это превзойдетъ обыкновенное мщеніе; мы смутимъ радость, какую Ему доставляетъ наше несчастіе, а сами возликуемъ отъ Его смущенія, когда Онъ увидитъ, какъ нѣжно любимыя Имъ дѣти стремглавъ полетятъ въ бездну, чтобы раздѣлять наши муки, и станутъ проклинать свое тлѣнное рожденіе и счастье, такъ скоро погибшее. Подумайте, что лучше: рѣшиться на эту попытку, или сидѣть здѣсь во мракѣ и измышлять воображаемыя царства».

Таковъ былъ совѣтъ, поданный Вельзевуломъ. Эта адская мысль раньше приходила Сатанѣ, и отчасти была высказана имъ: кто же, кромѣ его,

Or ambush from the deep. What if we find
Some easier enterprise? There is a place,
(If ancient and prophetic fame in Heav'n
Err not) another world, the happy seat
Of some new race call'd Man, about this time
To be created like to us, though less
In pow'r and excellence, but favour'd more
Of Him who rules above; so was his will
Pronounced among the Gods, and by an oath,
That shook Heav'n's whole circumference, confirm'd.
Thither let us bend all our thoughts, to learn
What creatures there inhabit, of what mould
Or substance, how endued, and what their pow'r,
And where their weakness; how attempted best,
By force or subtlety. Though Heav'n be shut,
And Heav'n's high Arbitrator sit secure
In his own strength, this place may lie exposed
The utmost border of his kingdom, left
To their defence who hold it. Here perhaps
Some advantageous act may be achieved
By sudden onset, either with Hell fire
To waste his whole creation, or possess
All as our own, and drive, as we were driv'n,
The puny habitants; or if not drive,
Seduce them to our party, that their God
May prove their Foe, and with repenting hand
Abolish his own works. This would surpass
Common revenge, and interrupt his joy
In our confusion, and our joy upraise
In his disturbance; when his darling sons,
Hurl'd headlong to partake with us, shall curse
Their frail original and faded bliss,
Faded so soon. Advise if this be worth
Attempting, or to sit in darkness here
Hatching vain empires. Thus Beëlzebub
Pleaded his dev'lish counsel, first devised
By Satan, and in part proposed: for whence,

виновника всѣхъ золъ, могъ придумать такое черное злодѣяніе—сгубить человѣческій родъ въ самомъ корнѣ, опутать Землю своими сѣтями, смѣшать ее въ одно съ Адомъ, все это въ насмѣшку Всесильному Творцу? Но ихъ ненависть всегда служитъ лишь къ возвеличенію Его славы. Дерзкій планъ Вельзевула привелъ въ восторгъ всѣхъ представителей Ада; глаза ихъ засверкали радостью. Всѣ единодушно подаютъ голосъ за мнѣніе Вельзевула, и онъ такъ продолжаетъ свою рѣчь:

«Безсмертные, вы мудро обсудили, мудро окончили продолжительный совѣтъ: ваше великое рѣшеніе соотвѣтствуетъ вашему величію; оно подыметъ насъ изъ глубины преисподней, и, на зло судьбѣ, снова приблизитъ къ нашему первобытному жилищу. Можетъ быть, вознесясь къ блестящимъ предѣламъ, при помощи союзнаго оружія, преслѣдуя свою цѣль, мы наконецъ пробьемъ себѣ путь въ Небо, или, по крайней мѣрѣ, найдемъ убѣжище въ какой-нибудь иной сферѣ, куда къ намъ будетъ проникать чудесный свѣтъ Небесъ; тамъ благотворные лучи востока разгонятъ эту тьму; чистый, прозрачный воздухъ дохнетъ на насъ своимъ ароматомъ и залѣчитъ язвы, причиненныя этимъ разъѣдающимъ пламенемъ.

«Но кого же мы пошлемъ разыскать тотъ новый міръ? Кто окажется способнымъ на это? Кто рѣшится измѣрить блуждающими стопами неизмѣримую бездну, мрачную, бездонную? Кто отыщетъ невѣдомый путь сквозь эту осязаемую мглу, чьи крылья столь неутомимы, чтобы удержать его надъ необъятной пропастью, пока онъ долетитъ до счастливаго острова? У кого достанетъ столько силы, столько умѣнья? Какой хитростью невредимо пройдетъ онъ мимо частой ангельской стражи, бдительно и зорко охраняющей все пространство до Неба? Тутъ нужна чрезвычайная осторожность; не меньше строгъ долженъ быть нашъ выборъ: вѣдь мы ввѣряемъ этому посланцу всю нашу надежду, послѣднюю надежду!»

Онъ кончилъ и сѣлъ, пытливо устремивъ глаза на собраніе; онъ ждалъ, кто согласится съ нимъ, или будетъ его оспаривать, или кто выступитъ на опасное предпріятіе: но всѣ безмолвны, всѣ погружены въ глубокую думу, взвѣшивая опасность; каждый съ изумленіемъ читаетъ на лицѣ

But from the author of all ill, could spring
So deep a malice, to confound the race
Of mankind in one root, and Earth with Hell
To mingle and involve, done all to spite
The great Creator? But their spite still serves
His glory to augment. The bold design
Pleased highly those infernal States, and joy
Sparkled in all their eyes. With full assent
They vote; whereat his speech he thus renews:
Well have ye judged, well ended long debate,
Synod of Gods, and like to what ye are,
Great things resolved, which from the lowest deep
Will once more lift us up, in spite of fate,
Nearer our ancient seat; perhaps in view
Of those bright confines, whence with neighb'ring arms
And opportune excursion, we may chance
Re-enter Heav'n; or else in some mild zone
Dwell not unvisited of Heav'n's fair light
Secure, and at the bright'ning orient beam
Purge off this gloom: the soft delicious air,
To heal the scar of these corrosive fires,
Shall breathe her balm. But first, whom shall we send
In search of this new world? whom shall we find
Sufficient? who shall 'tempt with wand'ring feet
The dark unbottom'd infinite abyss,
And through the palpable obscure find out
His uncouth way, or spread his aery flight,
Upborne with indefatigable wings
Over the vast abrupt, ere he arrive
The happy isle? What strength, what art, can then
Suffice, or what evasion bear him safe
Through the strict senteries and stations thick
Of Angels watching round? Here he had need
All circumspection, and we now no less
Choice in our suffrage: for on whom we send,
The weight of all and our last hope relies.
This said, he sat; and expectation held
His look suspense, awaiting who appear'd
To second or oppose, or undertake
The perilous attempt: but all sate mute,
Pond'ring the danger with deep thoughts; and each
In other's count'nance read his own dismay
Astonish'd. None among the choice and prime

другого тотъ же ужасъ, какой леденитъ его самого. Между всѣмъ этимъ цвѣтомъ небеснаго воинства, между всѣми этими героями, не побоявшимися объявить войну Небу, не находилось никого, кто бы отважился вызваться или согласиться одному предпринять страшное путешествіе. Наконецъ, Сатана, который теперь въ своей славѣ возвышался надъ всѣми своими собратьями, съ царственной гордостью, полный сознанія высокаго своего превосходства, спокойно произноситъ:

«О Небесное племя, эѳирные Троны, не безъ причины поражены мы недоумѣніемъ и хранимъ глубокое молчаніе, мы, неустрашимые. Длиненъ и тяжелъ путь, ведущій отъ Ада къ свѣту; тюрьма наша крѣпка; этотъ громадный огненный сводъ, угрожающій пожрать насъ въ своемъ неистовомъ пламени, окружаетъ насъ въ девять разъ; врата изъ горящаго адаманта крѣпко заперты надъ нами, и непреодолимо заграждаютъ всякій выходъ. Но если бы кто-нибудь и прошелъ черезъ нихъ, если только это возможно, его встрѣтитъ тотчасъ же глубокая пустота хаотической Ночи; широкая ея пасть поглотитъ дерзкаго, который отважится погрузиться въ ея бездну, угрожая ему совершеннымъ уничтоженіемъ. Если же онъ избѣжитъ ея и попадетъ въ какой-либо новый міръ, или невѣдомую страну, что ожидаетъ его? Неизвѣстныя опасности. А бѣгство трудно. Но, о благородные мои собратья, я не былъ бы достоинъ этого трона, не заслуживалъ бы своего царскаго сана, окруженнаго величіемъ, вооруженнаго властью, если бы препятствія и страхъ передъ опасностью удержали меня отъ попытки на то, что вы признали необходимымъ для общаго блага. Какъ! я, принявъ на себя царское достоинство, власть, откажусь отъ опасностей, такъ же неизбѣжно связанныхъ съ моимъ саномъ, какъ и принадлежащія ему почести! Чѣмъ выше тотъ, кто царствуетъ, тѣмъ больше выпадаетъ на его долю того и другого. И такъ, могучія Власти, гроза Неба, несмотря на ваше паденіе, вы оставайтесь здѣсь, пока здѣсь должно быть наше жилище, и придумайте чѣмъ облегчить настоящее бѣдствіе и сдѣлать Адъ болѣе сноснымъ, если есть такое средство, такія чары, чтобы утишить, успокоить, заглушить страданія этой ужасной жизни. Бдительно слѣдите за недремлющимъ врагомъ, а я полечу черезъ чер-

Of those Heav'n-warring champions could be found
So hardy as to proffer or accept
Alone the dreadful voyage; till at last
Satan, whom now transcendent glory raised
Above his fellows, with monarchal pride,
Conscious of highest worth, unmoved, thus spake:
O progeny of Heav'n, empyreal Thrones,
With reason hath deep silence and demur
Seized us, though undismay'd: long is the way
And hard that out of Hell leads up to light;
Our prison strong; this huge convex of fire,
Outrageous to devour, immures us round
Ninefold, and gates of burning adamant
Barr'd over us prohibit all egress.
These pass'd, if any pass, the void profound
Of unessential Night receives him next
Wide gaping, and with utter loss of being
Threatens him, plunged in that abortive gulf
If thence he' scape into whatever world.
Or unkonown region, what remains him less
Than unknown dangers, and as hard escape?
But I should ill become this throne, O Peers,
And this imperial sov'reignty, adorn'd
With splendour, arm'd with pow'r, if aught propos'd
And judged of public moment, in the shape
Of difficulty or danger, could deter
Me from attempting. Wherefore do I assume
These royalties, and not refuse to reign,
Refusing to accept as great a share
Of hazard as of honour; due alike
To him who reigns, and so much to him due
Of hazard more, as he above the rest
High honour'd sits? Go, therefore, mighty Powers,
Terror of Heav'n, though fall'n; intend at home
While here shall be our home, what best may ease
The present misery, and render Hell
More tolerable; if there be cure or charm
To respite, or deceive, or slack the pain
Of this ill mansion; intermit no watch
Against a wakeful foe, while I abroad

пую бездну, и за предѣлами хаоса попытаюсь найти избавленіе всѣмъ намъ. Я одинъ беру на себя это предпріятіе,—никто не раздѣлитъ его со мной!»

Съ этими словами, Монархъ поднимается, разумно предупреждая тѣмъ всякое возраженіе. Онъ боялся, чтобы другіе полководцы, ободренные его примѣромъ, не вызвались теперь (будучи увѣрены въ отказѣ) на то, чего такъ страшились за минуту; между тѣмъ, въ общемъ мнѣніи, это возвысило бы ихъ въ ряды его соперниковъ; имъ бы дешево досталась слава, которую ему предстояло пріобрѣсти цѣной громадной отваги. Но повелительный голосъ ихъ царя страшенъ имъ не меньше, чѣмъ самое предпріятіе; всѣ разомъ встаютъ вмѣстѣ съ нимъ, и шумъ, какой они производятъ, подобенъ отдаленнымъ раскатамъ грома. Всѣ раболѣпно преклоняются передъ нимъ, восхваляютъ его, какъ бога, равнаго Всевышнему Царю Небесъ: они выражаютъ въ своихъ хвалахъ, какъ высоко они цѣнятъ то, что онъ жертвуетъ собой для общаго блага. При всемъ упадкѣ этихъ отверженныхъ Духовъ, всѣ добродѣтели не заглохли въ нихъ: пусть на землѣ порочные люди не хвалятся прекрасными на видъ дѣлами, которыя внушаютъ имъ одно высокомѣріе, или затаенное тщеславіе, прикрытое маской благороднаго рвенія.

Такъ мрачно кончились ихъ нерѣшительныя совѣщанія, и они превозносятъ своего несравненнаго властелина. Такъ, пользуясь сномъ сѣвернаго вѣтра, подымаются съ горныхъ вершинъ темныя тучи и застилаютъ собой улыбающееся небо; угрюмая стихія засыпаетъ потемнѣвшіе луга снѣгомъ, или изливается на нихъ ливнями; если же къ вечеру солнце ласково улыбнется прощальными лучами,—поля оживаютъ, птички снова начинаютъ щебетать, блеющія стада наполняютъ холмы и долины радостными звуками. О, стыдъ людямъ! Между Демонами царствуетъ ненарушимое согласіе, одинъ человѣкъ живетъ въ вѣчномъ раздорѣ съ себѣ же подобнымъ разумнымъ созданіемъ. Несмотря на то, что его поддерживаетъ надежда на божественное милосердіе, несмотря на заповѣдь Божію, провозглашающую миръ, онъ постоянно возбуждаетъ вражду, ненависть, ссоры; въ кровопролитныхъ войнахъ люди опустошаютъ землю, уничто-

Through all the coasts of dark destruction, seek
Deliv'rance for us all. This enterprise
None shall partake with me. Thus saying rose
The Monarch, and prevented all reply,
Prudent, lest from his resolution raised,
Others among the chief might offer now
(Certain to be refused) what erst they fear'd:
And so refused might in opinion stand
His rivals, winning cheap the high repute
Which he through hazard huge must earn. But they
Dreaded not more th' adventure than his voice
Forbidding: and at once with him they rose;
Their rising all at once was as the sound
Of thunder heard remote. Tow'rds him they bend
With awful rev'rence prone; and as a God
Extol him equal to the High'st in Heav'n:
Nor fail'd they to express how much they praised,
That for the gen'ral safety he despised
His own: for neither do the Spirits damn'd,
Lose all their virtue: lest bad men should boast
Their specious deeds on earth, which glory excites,
Or close ambition, varnish'd o'er vith zeal.
Thus they their doubtful consultations dark
Ended, rejoicing in their matchless chief:
As when from mountain-tops the dusky clouds
Ascending, while the north wind sleeps, o'erspread
Heav'n's cheerful face, the low'ring element
Scowls o'er the darken'd landskip snow, or show'r;
If chance the radiant Sun with farewefl sweet
Extend his ev'ning beam, fields revive,
The birds their notes renew, and bleating herds
Attest their joy, that hill and valley rings.
O shame to men! Devil with Devil damn'd
Firm concord holds, men only disagree
Of creatures rational, though nnder hope
Of heav'nly grace: and God proclaiming peace.
Yet live in hatred, enmity, and strife
Among themselves, and levy cruel wars,
Wasting the earth, each other to destroy;

жаютъ другъ друга, будто у нихъ и безъ того мало адскихъ враговъ (что должно бы побуждать насъ къ согласію), которые день и ночь хлопочутъ объ ихъ гибели.

Стигійскій [57] совѣтъ окончился; въ порядкѣ расходятся великіе адскіе чины. Среди нихъ гордо шествуетъ ихъ могучій Властелинъ; казалось, онъ одинъ могъ быть противникомъ Неба, какъ былъ единственнымъ грознымъ царемъ Ада. Въ пышномъ своемъ великолѣпіи подражая блеску Всевышняго, онъ окруженъ сонмомъ пылающихъ Серафимовъ, съ блестящими знаменами и грознымъ оружіемъ. Онъ повелѣваетъ трубными звуками возвѣстить великое рѣшеніе совѣта. Немедленно, четыре быстрокрылыхъ Серафима, обратясь къ четыремъ странамъ свѣта и приложивъ къ губамъ звучный металлъ, трубятъ великую вѣсть; далеко разносится она по всѣмъ ущельямъ Ада; отовсюду раздаются ей въ отвѣтъ оглушительные, восторженные крики.

Затѣмъ, успокоясь и ободряя себя надменной, но ложной надеждой, адскіе Духи понемногу расходятся въ разныя стороны: каждый идетъ, куда влекутъ его наклонности или печаль, туда, гдѣ всего больше надѣется найти миръ для безпокойныхъ думъ, или разсѣять чѣмъ-нибудь скуку до возвращенія великаго повелителя. Одни, скользя по долинѣ, другіе, рѣя въ воздушной выси, стараются переспорить другъ друга въ бѣгѣ или полетѣ, какъ бывало въ Олимпійскихъ играхъ или въ состязаніяхъ на Пиѳійскихъ поляхъ. Тутъ укрощаютъ огненныхъ коней, тамъ перегоняются на быстрыхъ колесницахъ; въ третьемъ мѣстѣ становятся въ строй цѣлые полки. Такъ, въ туманныхъ высяхъ бываютъ видѣнія, служащія надменнымъ народамъ знаменіемъ кровопролитныхъ войнъ. Кажется, будто въ облакахъ выступаютъ два враждебныя полчища; съ каждой стороны, сначала первые ряды воздушныхъ воиновъ устремляются впередъ, склонивъ копья, потомъ безчисленные ихъ легіоны смѣшиваются, уничтожаютъ другъ друга, и весь небесный сводъ, отъ одного конца до другого, пылаетъ заревомъ. Другіе, со злобой Тифоновъ, отрываютъ скалы, цѣлыя горы, и бѣшенымъ вихремъ несутся по воздуху. Адъ едва выдерживаетъ безумную скачку. Такъ, когда Алкидъ [58], возвращаясь

As if (which might induce us fo accord)
Man had not hellish foes enough besides,
That day and night for his destruction wait.
The Stygian council thus dissolved; and forth
In order came the grand infernal peers:
'Midst came their mighty Paramount, and seem'd
Alone th' antagonist of Heav'n, nor less
Than Hell's dread emperor with pomp supreme,
And God-like imitated state; him round
A globe of fiery Seraphim inclosed
With bright emblazonry, and horrent arms.
Then of their session ended they bid cry
With trumpets' regal sound the great result:
Tow'rds the four winds four speedy Cherubim
Put to their mouths the sounding alchemy
By heralds' voice explain'd; the hollow abyss
Heard far and wide, and all the host of Hell
With deaf'ning shout return'd them loud acclaim.
Thence more at ease their minds, and somewhat raised
By false presumptuous hope, the ranged Pow'rs
Disband, and wand'ring, each his sev'ral way
Pursues, as inclination or sad choice
Leads him perplex'd, where he may likeliest find
Truce to his restless thougths, and entertain
The irksome hours till his great chief return.
Part on the plain, or in the air sublime,
Upon the wing, or in swift race contend,
As at th' Olympian games or Pythian fields;
Part curb their fiery steeds, or shun the goal
With rapid wheels, or fronted brigades form.
As when to warn proud cities war appears
Waged in the troubled sky, and armies rush
To battle in the clouds, before each van
Prick forth the airy knights, and couch their spears
Till thickest legions close; with feats of arms
From either end of Heav'n the welkin burns.
Others, with vast Typhœan rage more fell,
Rend up both rocks and hills, and ride the air
In whirlwind; Hell scarce holds the wild uproar.
As when Alcides, from Œchalia crown'd

послѣ побѣды, изъ Эхаліи, вдругъ почувствовавъ дѣйствіе яда, которымъ напитали его одежду, отъ боли, съ корнями вырывалъ ѳессальскія сосны, и сбросилъ Лихаса съ вершины Этны въ Эвбейское море.

Иные же, болѣе мирные Духи, пріютились въ тихой долинѣ и, подъ звуки многочисленныхъ арфъ, пѣли ангельскими голосами о своихъ геройскихъ подвигахъ и злополучномъ исходѣ, повергшемъ ихъ въ бездну. Въ заунывныхъ пѣсняхъ они жаловались на судьбу, допустившую, чтобы свободные Духи были порабощены случаемъ или силой. Пѣсни ихъ были пристрастны, но такъ полны чудной гармоніи (и можетъ ли быть иначе, когда поютъ безсмертные Духи), что Адъ, стихая, съ восторгомъ внималъ дивнымъ звукамъ.

Другіе, въ еще болѣе сладкой бесѣдѣ (какъ музыка плѣняетъ чувства, такъ краснорѣчіе очаровываетъ душу), сидѣли въ отдаленіи на склонѣ холма; они разсуждали о самыхъ возвышенныхъ предметахъ: о предвѣчномъ Промыслѣ, о предвѣдѣніи, всегда безошибочномъ, о волѣ, о судьбѣ— волѣ, всегда свободной, судьбѣ — всегда непреложной; высокія думы ихъ ищутъ разрѣшенія непостижимыхъ задачъ, теряясь въ этомъ безысходномъ лабиринтѣ. Потомъ они размышляютъ о добрѣ и злѣ, о высшемъ блаженствѣ и конечной скорби, о страстяхъ и безчувствіи, о славѣ и позорѣ, о всей этой суетной мудрости и философскихъ заблужденіяхъ. И, словно дивными чарами, заговариваютъ они на нѣкоторое время свои страданія и тревоги; въ сердцахъ ихъ пробуждаются безумныя надежды; или, словно тройнымъ панцыремъ, вооружаются ихъ ожесточенныя сердца упорнымъ терпѣніемъ.

Еще нѣкоторые, составивъ большіе отряды, отваживаются на смѣлое предпріятіе: отыскать, не найдется ли для нихъ въ этомъ ужасномъ мірѣ болѣе спокойнаго убѣжища. Они направляютъ свой полетъ въ четыре различныя стороны, вдоль береговъ четырехъ адскихъ рѣкъ, которыя съ шумомъ несутъ свои пагубныя воды въ огненное озеро,—вдоль рѣки смертельной ненависти, страшнаго Стикса; рѣки печали, глубокаго, чернаго Ахерона; Коцита, въ спокойныхъ водахъ котораго громко раздаются жалобные вопли; буйнаго Флегонта, съ яростно клокочущими огненными волнами.

With conquest, felt th' envenom'd robe, and tore
Through pain up by the roots Thessalian pines,
And Lichas from the top of Œta threw
Into th' Euboic sea. Others more mild,
Retreated in a silent valley, sing
With notes angelical to many a harp
Their own heroic deeds and hapless fall
By doom of battle; and complain that Fate
Free virtue should inthrall to force or chance.
Their song was partial, but the harmony
(What could it less when Spirits immortal sing?)
Suspended Hell, and took with ravishment
The thronging audience. In discourse more sweet
(For eloquence the soul, song charms the sense)
Others apart sat on a hill retired,
In thoughts more elevate, and reason'd high
Of providence, foreknowledge, will, and fate,
Fix'd fate, free- will, foreknowledge absolute,
And found no end, in wand'ring mazes lost.
Of good and evil much they argued then,
Of happiness and final misery,
Passion and apathy, glory and shame,
Vain wisdom all, and false philosophy:
Yet with a pleasing sorcery could charm
Pain for a while, or anguish, and excite
Fallacious hope, or arm th' obdured breast
With stubborn patience as with triple steel.
Another part in squadrons and gross bands,
On bold adventure to discover wide
That dismal world, if any clime perhaps
Might yield them easier habitation, bend
Four ways their flying march, along the banks
Of four infernal rivers, that disgorge
Into the burning lake their baleful streams;
Abhorred Styx, the flood of deadly hate;
Sad Acheron of sorrow, black and deep;
Cocytus, named of lementation loud
Heard on the rueful stream; fierce Phlegethon,
Whose waves of torrent fire inflame with rage.

Вдали отъ этихъ рѣкъ медленно катитъ, развертывая свой водяной лабиринтъ, безмолвная, спокойная Лета, [59] рѣка забвенія. Кто выпьетъ ея воды, тотъ мгновенно забываетъ все: и свое прежнее состояніе, и настоящее бытіе, забываетъ всѣ радости и печали, всѣ наслажденія и страданія.

А далѣе, по ту сторону Леты, простирается ледяная страна, покрытая мракомъ, дикая; ее терзаютъ вѣчныя бури и вихри съ градомъ, который, никогда не тая, громоздится въ ужасныя груды и кажется развалинами древняго зданія; все кругомъ покрыто снѣгомъ и льдомъ; это ледяная бездна, столь же глубокая, какъ Сербонскія болота [60] между Дамьетой и древней горой Кассіемъ, гдѣ гибли нѣкогда цѣлыя арміи. Здѣсь холодъ такъ же жгучъ какъ огонь, и рѣзкій воздухъ пронизываетъ ледяной дрожью и жжетъ въ одно и то же время.

Туда, въ опредѣленное время, фуріи съ когтями гарпій [61] приносятъ всѣхъ осужденныхъ; несчастные подвергаются жестокимъ мукамъ отъ быстрыхъ переходовъ изъ одной ужасной крайности въ другую. Со жгучаго огненнаго ложа ихъ бросаютъ на груды льдинъ; живительная эѳирная теплота въ нихъ застываетъ: долго лежатъ они такъ неподвижно, въ неописанныхъ страданіяхъ; когда же они совсѣмъ окостенѣютъ отъ холода, ихъ быстро ввергаютъ опять въ огонь. Взадъ и впередъ переправляются они черезъ Лету: это еще удвоиваетъ ихъ терзанія. Они изнемогаютъ отъ тщетныхъ усилій достать до соблазнительной влаги: капля ея въ одинъ мигъ дала бы имъ сладкое забвеніе всѣхъ страданій. Они припадаютъ къ рѣкѣ, вотъ они ужъ такъ близко къ краю... но тутъ рука Судьбы останавливаетъ ихъ. Медуза [62], вооруженная всѣми ужасами, порожденіемъ Горгонъ, сторожитъ ту волшебную рѣку; вода сама бѣжитъ отъ устъ всякаго живого существа, какъ нѣкогда она бѣжала отъ устъ Тантала [63].

Печальные Духи бродятъ такъ наудачу; растерянные, блѣдные и трепещущіе отъ ужаса, съ блуждающими глазами, они впервые постигаютъ свою плачевную участь, и не находятъ покоя. Много мрачныхъ, пустынныхъ долинъ проходятъ они, много печальныхъ странъ; черезъ многія ледяныя горы, чрезъ многія огненныя вершины перешли они; черезъ утесы, обрывы, озера, болота, топи, пропасти и сѣни смерти, черезъ цѣлый міръ смерти,

Far off from these a slow and silent stream,
Lethe, the river of oblivion, rolls
Her wat'ry labyrinth; whereof who drinks,
Forthwith his former state and being forgets,
Forgets both joy and grief, pleasure and pain.
Beyond this flood a frozen continent
Lies dark and wild, beat with perpetual storms
Of whirlwind and dire hail, which on firm land
Thaws not, but gathers heap, and ruin seems
Of ancient pile; all else deep snow and ice
A gulf profound as that Serbonian bog
Betwixt Damiata and Mount Casius old,
Where armies whole have sunk: the parching air
Burns frore, and cold performs th' effect of fire.

Thither, by harpy-footed furies haled,
At certain revolutions, all the damn'd
Are brought; and feel by turns the bitter change
Of fierce extremes, extremes by change more fierce,
From beds of raging fire to starve in ice
Their soft ethereal warmth, and there to pine
Immoveable, infix'd, and frozen round,
Periods of time, thence hurried back to fire.
They ferry over this Lethean sound
Both to and fro, their sorrow to augment,
And wish and struggle, as they pass, to reach
The tempting stream, with one small drop to lose
In sweet forgetfulness all pain and woe,
All in one moment, and so near the brink;
But Fate withstands, and to oppose th' attempt
Medusa with Gorgonian terror guards
The ford, and of itself the water flies
All taste of living wight, as once it fled
The lip of Tantalus. Thus roving on
In confused march forlorn, th' advent'rous bands
With shudd'ring horror pale, and eyes aghast,
View'd first their lamentable lot, and found
No rest. Through many a dark and dreary vale
They pass'd, and many a region dolorous,
O'er many a frozen, many fiery Alp,
Rocks, caves, lakes, fens, bogs, dens, and shades of death,
A universe of death, which God by curse

который Богъ, въ минуту проклятья, создалъ лишь для зла; міръ, гдѣ все живое умираетъ, все мертвое живетъ, гдѣ извращенная природа производитъ однихъ чудовищъ, громадныхъ, невыразимо отвратительныхъ, безобразныхъ: они сильнѣе всѣхъ чудовищъ, выдуманныхъ въ сказкахъ, или созданныхъ страхомъ,—эти Горгоны, Гидры, эти ужасныя Химеры [64].

Между тѣмъ врагъ Бога и Человѣка, Сатана, воспламененный гордой мыслью, на быстрыхъ крыльяхъ направляетъ свой одинокій полетъ къ вратамъ Ада. Порой онъ летитъ вправо, порой устремляется влѣво. То, спустившись внизъ, онъ задѣваетъ крыломъ бездну, то вдругъ взлетаетъ до самаго верха огненнаго свода. Такъ, издали, кажутся висящими въ облакахъ корабли на морѣ, когда равноденственный вѣтеръ несетъ ихъ отъ береговъ Бенгаліи или острововъ Терната и Тидора [65], откуда купцы привозятъ дорогіе ароматы; они идутъ по водному торговому пути, черезъ широкое Эѳіопское море къ Капу, и полярная звѣзда руководитъ ночью ихъ плаваніе. Такимъ казался издали полетъ крылатаго Врага.

Но вотъ въ самой выси страшнаго свода показались наконецъ предѣлы Ада. Ихъ охраняютъ трижды трехзатворныя ворота: въ три затвора мѣдныхъ, три желѣзныхъ, три изъ адамантовыхъ скалъ. Непроницаемы были эти врата; они, не сгорая, ограждены были пламенемъ. По обѣ стороны ихъ сидѣло два грозныхъ призрака. Одинъ, отъ головы до пояса, казался женщиной очаровательной красоты; но остальное ея тѣло было отвратительно; оно извивалось въ многочисленныхъ чешуйчатыхъ кольцахъ, широкихъ, громадныхъ, подобно змѣѣ съ ея смертоноснымъ жаломъ. На поясѣ ея держится свора всѣхъ адскихъ псовъ, съ широко разинутыми пастями Цербера [66]; они безъ умолку громко лаютъ и производятъ оглушительный шумъ. Но если что-нибудь прерветъ ихъ лай, или испугаетъ ихъ, они вползаютъ въ утробу чудовища, и, невидимые, продолжаютъ тамъ выть и лаять. Не столь ненавистна была терзавшая мореходцевъ Сцилла [67], погруженная въ море, что раздѣляетъ Калабрію отъ дикихъ береговъ Тринакріи [68]. Не такъ безобразна свита вѣдьмы, когда на таинственный зовъ, чуя запахъ младенческой крови, она ночью несется по воздуху на

Created evil, for evil only good,
Where all life dies, death lives, and nature breeds,
Perverse, all monstrous, all prodigious things,
Abominable, inutterable, and worse
Than fables yet have feign'd, or fear conceived,
Gorgons and Hydras, and Chimaeras dire.

Meanwhile the adversary of God and Man,
Satan, with thoughts inflamed of high'st design,
Puts on swift wings and tow'rds the gates of Hell
Explores his solitary flight. Sometimes
He scours the right hand coast, sometimes the left,
Now shaves with level wing the deep, then soars
Up to the fiery concave tow'ring high.
As when far off at sea a fleet descry'd
Hangs in the clouds, by equinoctial winds
Close sailing from Bengala, or the isles
Of Ternate and Tidore, whence merchants bring
Their spicy drugs; they on the trading flood
Through the wide Ethiopian to the Cape
Ply stemming nightly tow'rd the pole. So seem'd
Far off the flying Fiend: at last appear
Hell bounds, high reaching to the horrid roof,
And thrice threefold the gates; three folds were brass,
Three iron, three of adamantine rock,
Impenetrable, impaled with circling fire,
Yet unconsumed. Before the gates there sat
On either side a formidable shape;
The one seem'd woman to the waist, and fair,
But ended foul in many a scaly fold
Voluminous and vast, a serpent arm'd
With mortal sting: about her middle round
A cry of Hell-hounds never ceasing bark'd
With wide Cerberean mouths full loud, and rung
A hideous peal: yet, when they list, would creep,
If aught disturb'd their noise, into her womb,
And kennel there, yet there still bark'd and howl'd,
Within unseen. Far less abborr'd than these
Vex'd Scylla, bathing in the sea that parts
Calabria from the hoarse Trinacrian shore;
Nor uglier follow the night-hag, when call'd
In secret, riding through the air she comes,

Горгоны, Гидры, эти ужасныя Химеры.

Пѣснь 2. стр. 38.

Gorgons and Hyrdas, and Chimaeras dire.

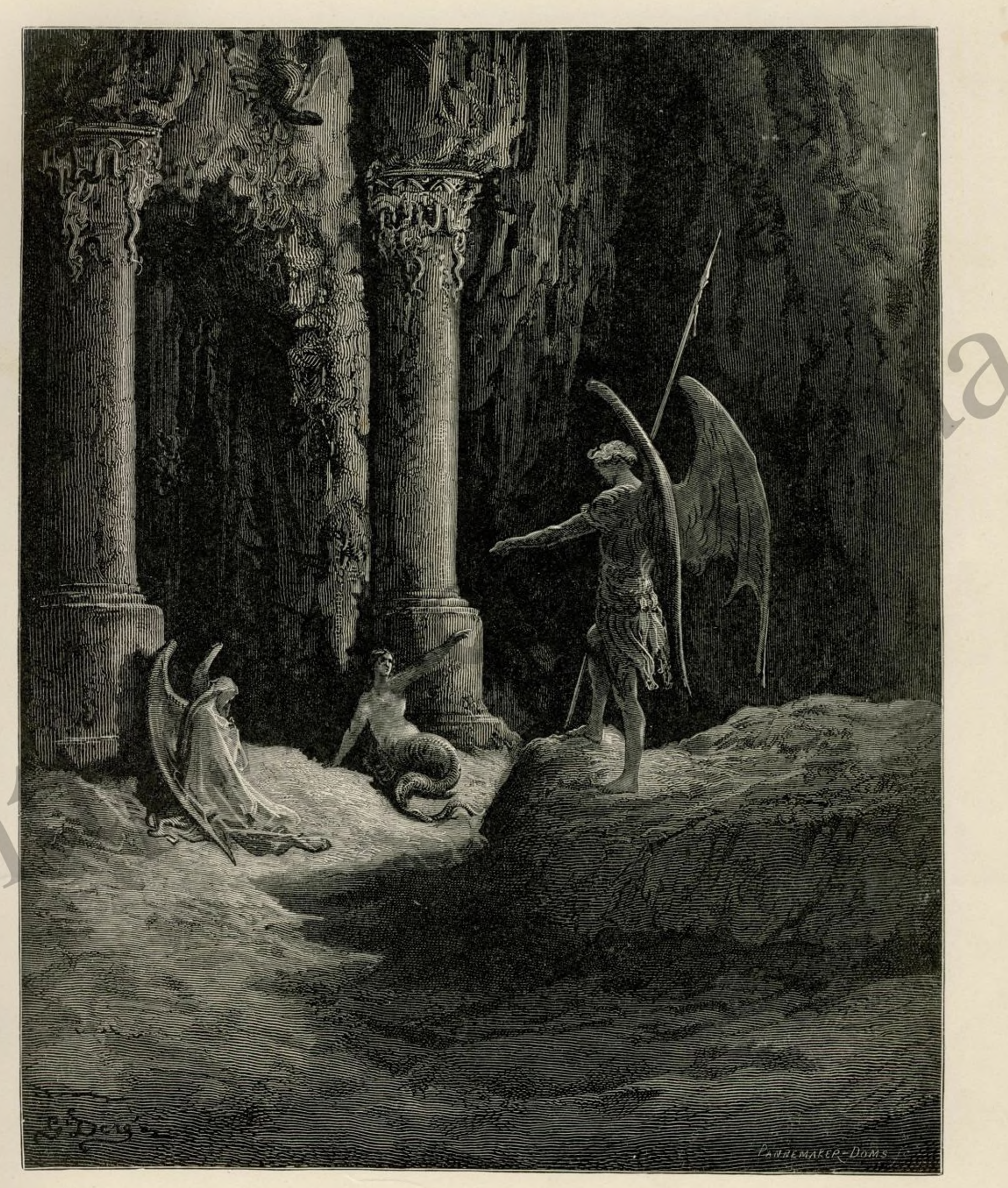
7

По обѣ стороны ихъ сидѣло два грозныхъ призрака.

Пѣснь 2. стр. 38.

. . . . Before the gates there sat

On either side a formidable shape.

PANNEMAKER-DOMS

пляски къ Лапландскимъ вѣдьмамъ, отъ чьихъ заклинаній погасаетъ на небѣ утомленная луна.

Другое существо, если можно назвать такъ нѣчто, не имѣвшее никакого образа, нѣчто невещественное, безъ формъ, безъ членовъ, или суставовъ, походило, какъ оба они, скорѣе на призракъ, черный какъ Ночь, злобный какъ десять Фурій [69]), ужасный какъ Адъ; онъ потрясалъ страшнымъ копьемъ. То, что казалось его головой, было увѣнчано какъ бы подобіемъ царской короны.

Сатана уже приближается къ нему; чудовище, съ такой же быстротой, грозными шагами устремляется впередъ; Адъ дрожитъ подъ его стопой. Но неукротимый Врагъ съ изумленіемъ смотритъ на видѣніе, стараясь разгадать его—съ изумленіемъ только, не съ ужасомъ: кромѣ Бога и Сына Божія онъ не чтитъ и не страшится ничего созданнаго. Онъ съ презрѣніемъ смотритъ на чудовище, и, первый, обращается къ нему съ такими словами:

«Откуда ты? Кто ты, проклятый призракъ? Какъ осмѣливаешься ты, ужасное, мрачное видѣніе, безобразнымъ своимъ челомъ заграждать мнѣ путь къ тѣмъ вратамъ? Я пройду черезъ нихъ, и знай, не у тебя стану просить позволенія. Удались, или ты поплатишься за свое безуміе, и на опытѣ узнаешь, исчадіе Ада, что значитъ бороться съ небесными Духами.»

На это, чудовище, пылая злобой, отвѣчаетъ ему: «Это ты, Ангелъ—измѣнникъ, ты, что первый нарушилъ въ Небѣ миръ и вѣру, невозмутимо хранившіеся до тѣхъ поръ? Твои это гордые замыслы увлекли къ возстанію треть небесныхъ Ангеловъ; и за это преступленіе ты и твои сообщники, отвергнутые Богомъ, осуждены вѣчно влачить здѣсь дни въ страданіяхъ и мукахъ? И ты, достояніе Ада, причисляешь себя къ лику небесныхъ Ангеловъ! Ты осмѣливаешься произносить надменныя и дерзкія рѣчи здѣсь, въ моемъ царствѣ! Я царь здѣсь, и пусть отъ этого вдвое увеличится твоя ярость,—твой царь и повелитель! Прочь отсюда, спѣши назадъ къ мѣсту твоего наказанія, вѣроломный бѣглецъ; трепещи, чтобы я скорпіоновымъ бичомъ не ускорилъ твоего полета, или однимъ ударомъ этого копья не нанесъ тебѣ боли, еще неизвѣданной тобой, которая повергнетъ тебя въ небывалый ужасъ!»

Lured with the smell of infant blood, to dance
With Lapland witches, while the lab'ring moon
Eclipses at their charms. The other shape,
If shape it might be call'd that shape had none
Distinguishable in member, joint, or limb,
Or substance might be call'd that shadow seem'd,
For each seem'd either; black it stood as Night,
Fierce as ten Furies, terrible as Hell,
And shook a dreadful dart. What seem'd his head
The likeness of a kingly crown had on.
Satan was now at hand, and from his seat,
The monster moving onward, came as fast
With horrid strides. Hell trembled as he strode.
Th' undaunted Fiend what this might be admired—
Admired, not fear'd; God and his Son except,
Created thing nought valued he nor shunn'd;
And with disdainful look thus first began:
 Whence and what art thou, execrable shape,
That darest, though grim and terrible, advance
Thy miscreated front athwart my way
To yonder gates? Through them I mean to pass,
That be assured, without leave ask'd of thee:
Retire or taste thy folly, and learn by proof,
Hell-born, not to contend with Spirits of Heav'n.
 To whom the goblin full of wrath reply'd,
Art thou that traitor Angel, art thou He,
Who first brocke peace in Heav'n and faith, till then
Unbroken, and in proud rebellious arms
Drew after him the third part of Heav'n's sons,
Conjúred against the High'st, for which both thou
And they, outcast from God, are here condemn'd
To waste eternal days in woe and pain?
And reckon'st thou thyself with Spirits of Heav'n,
Hell-doom'd, and breath'st defiance here and scorn
Where I reign king, and to enrage thee more,
Thy king and lord? Back to thy punishment,
False fugitive, and to thy speed add wings,
Lest with a whip of scorpions I pursue
Thy ling'ring, or with one stroke of this dart
Strange horror seize thee, and pangs unfelt before.

Такъ говорило грозное чудовище: и при этихъ рѣчахъ и угрозахъ стало еще въ десять разъ ужаснѣе и безобразнѣе. Сатана стоялъ передъ нимъ безъ страха; но онъ сгоралъ гнѣвомъ. Такъ, пылающая комета, озаряя сѣверное небо, покрываетъ собой все огромное созвѣздіе Зміеносца [70] и съ ужасныхъ волосъ своихъ сотрясаетъ на землю заразы и войны. Оба противника мѣтятъ поразить другъ друга въ голову однимъ смертельнымъ ударомъ; второго не разсчитываетъ наносить ихъ безпощадная рука. Взгляды ихъ встрѣтились; они были грозны, словно двѣ черныя тучи, когда онѣ, обремененныя громами, висятъ надъ Каспіемъ, неподвижно остановясь одна противъ другой, пока не подуетъ вѣтеръ, вѣстникъ ихъ грозной встрѣчи въ воздухѣ; таковы оба могучіе противника; отъ нахмуренныхъ бровей ихъ, казалось, Адъ омрачился еще больше. Такъ стояли они, равные въ силѣ: такіе страшные соперники сходятся лишь разъ! Готово было свершиться нѣчто ужасное, отъ чего содрогнулся бы весь Адъ, если бы чудовище, полу-женщина, полу-змѣй, сидѣвшее подлѣ адскихъ вратъ и хранившее роковой ключъ, не бросилось между ними съ раздирающимъ, отвратительнымъ воплемъ:

«Отецъ мой! О, зачѣмъ подымаешь ты руку на единственнаго твоего сына! А ты, о сынъ, какимъ безумнымъ гнѣвомъ одержимъ ты, чтобы направлять смертоносный мечъ на голову твоего отца? И кому же послужишь ты этимъ? Ты знаешь? Тому, Кто возсѣдаетъ наверху и смѣется надъ презрѣннымъ рабомъ, покорно исполняющимъ велѣнія Его гнѣва, который Онъ называетъ правосудіемъ, — гнѣва рокового для васъ: онъ погубитъ васъ обоихъ».

Эти слова останавливаютъ чудовище, заразу Ада; тогда Сатана обращаетъ рѣчь къ ужасной женщинѣ:

«Твой возгласъ такъ страненъ, такъ странны твои рѣчи, что, когда ты бросилась между нами, рука моя, не любящая медлить, остановилась; иначе я показалъ бы тебѣ на дѣлѣ, что̀ она можетъ сдѣлать. Но я хочу прежде узнать отъ тебя, что ты за существо, ты, чудовище двойственнаго вида, и почему, впервые встрѣтясь со мной въ этой адской долинѣ, ты называешь меня отцомъ, а этотъ призракъ зовешь

So spake the grisly terror, and in shape,
So speaking and so threat'ning, grew tenfold
More dreadful and deform. On th' other side,
Incensed with indignation, Satan stood
Unterrify'd, and like a comet burn'd,
That fires the length of Ophiuchus huge
In th' arctic sky, and from his horrid hair
Shakes pestilence and war. Each at the head
Levell'd his deadly aim; their fatal hands
No second stroke intend, and such a frown
Each cast at th' other, as when two black clouds,
With Heav'n's artill'ry fraught come rattling on
Over the Caspian; then stand front to front
Hov'ring a space, till winds the signal blow
To join their dark encounter in mid-air.
So frown'd the mighty combatants, that Hell
Grew darker at their frown, so match'd they stood:
For never but once more was either like
To meet so great a foe: and now great deeds
Had been achieved, whereof all Hell had rung,
Had not the snaky sorceress that sat
Fast by Hell gate, and kept the fatal key,
Ris'n, and with hideous outcry rush'd between.
O Father, what intends thy hand, she cry'd
Against thy only Son? What fury, O Son,
Possesses thee to bend that mortal dart
Against thy Father's head? and know'st for whom?
For Him who sits above and laughs the while
At thee ordain'd his drudge, to execute
What'er his wrath, which he calls justice, bids:
His wrath, which one day will destroy ye both.
She spake, and at her words the hellish pest
Forbore; then these to her Satan return'd.
So strange thy outcry, and thy words so strange
Thou interposest, that my sudden hand
Prevented, spares to tell thee yet by deeds
What it intends, till first I know of thee,
What thing thou art, thus double-form'd, and why
In this infernal vale first met thou call'st
Me Father, and that phantasm call'st my Son;

моимъ сыномъ? Я не знаю тебя, и никогда не видѣлъ ничего противнѣе тебя и его».

«Развѣ ты забылъ меня!» отвѣчаетъ ему привратница Ада. «Неужели я кажусь такъ отвратительна твоимъ глазамъ? А какой прекрасной считалась я когда-то на Небѣ! Въ собраніи всѣхъ Серафимовъ, твоихъ союзниковъ въ смѣломъ заговорѣ противъ Царя Небесъ, тебя внезапно поразила страшная боль; глаза твои омрачились, ты лишился чувствъ, между тѣмъ чело твое горѣло яркимъ пламенемъ; оно широко разверзлось съ лѣвой стороны, и, похожая на тебя видомъ, окруженная блескомъ, сіяющая божественной красотой, я вышла изъ твоей головы, во всеоружіи, какъ богиня. Все небесное воинство было объято изумленіемъ; сначала всѣ отвернулись отъ меня съ испугомъ, и назвали меня Грѣхомъ.[71] Я казалась имъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ: но они свыклись со мной, я стала нравиться имъ; своей чарующей прелестью я привлекла къ себѣ наиболѣе враждебныхъ, и тебя сильнѣе всѣхъ. Ты чаще всѣхъ обращалъ на меня твои взоры, видя во мнѣ свой собственный, совершенный образъ; ты загорѣлся ко мнѣ любовью; втайнѣ ты дѣлилъ со мной ея наслажденія, и чрево мое почувствовало возраставшее бремя.

«Между тѣмъ въ Небѣ вспыхнула война; эѳирныя долины превратились въ поля битвъ. Полная побѣда (и могло ли быть иначе) осталась за нашимъ Всесильнымъ Врагомъ; наша сторона потерпѣла пораженіе на всемъ эѳирномъ пространствѣ. Низвергнуты были наши легіоны; стремглавъ полетѣли они съ небесныхъ высотъ внизъ, въ эту пропасть. Въ общемъ паденіи пала и я. Тогда былъ врученъ мнѣ могущественный этотъ ключъ, съ приказаніемъ держать адскія врата всегда запертыми, чтобы никто не могъ пройти черезъ нихъ, если они не будутъ отперты мною. Одинокая, задумчиво сидѣла я на ихъ порогѣ; но не долго продолжалось это спокойствіе: вдругъ я почувствовала въ своей утробѣ, оплодотворенной тобою и неимовѣрно расширившейся теперь, страшныя движенія и жестокія муки родовъ; наконецъ, гнусный плодъ, сынъ твой, котораго ты видишь здѣсь, съ стремительной силой вырвался изъ моихъ внутренностей; отъ страха и боли исказилась такъ вся нижняя часть моего тѣла.

I know thee not, nor ever saw till now
Sight more detestable than him and thee.
T' whom thus the portress of Hell gate reply'd:
Hast thou forgot me then, and do I seem
Now in thine eyes so foul? once deem'd so fair
In Heav'n, when at th' assembly, and in sight
Of all the Seraphim with thee combined
In bold conspiracy against Heav'n's King,
All on a sudden miserable pain
Surprised thee, dim thine eyes, and dizzy swum
In darkness, while thy head flames thick and fast
Threw forth, till on the left side op'ning wide.
Likest to thee in shape and count'nance bright,
Then shining heav'nly fair, a Goddess arm'd
Out of thy head I sprung; amazement seized
All th' host of Heav'n; back they recoil'd, afraid
At first, and call'd me Sin, and for a sign
Portentous held me; but familiar grown
I pleased, and with attractive graces won
The most averse, thee chiefly, who full oft
Thyself in me thy perfect image viewing
Becam'st enamour'd and, such joy thou took'st
With me in secret, that my womb conceived
A growing burthen. Meanwhile war arose,
And fields were fought in Heav'n; wherein remain'd
(For what could else?) to our Almighty Foe
Clear victory; to our part loss and rout
Through all the empyrean. Down they fell,
Driv'n headlong from the pitch of Heav'n, down
Into this deep, and in the general fall
I also; at which time this powerful key
Into my hand was giv'n, with charge to keep
These gates for ever shut; which none can pass
Without my op'ning. Pensive here I sat
Alone; but long I sat not, till my womb
Pregnant by thee, and now excessive grown,
Prodigious motion felt and rueful throes.
At last this odious offspring whom thou seest
Thine own begotten, breaking violent way,
Tore through my entrails, that with fear and pain
Distorted, all my nether shape thus grew
Transform'd: but he my inbred enemy

А онъ, рожденный мною врагъ, вышелъ изъ моего чрева, потрясая смертоноснымъ копьемъ, разрушающимъ все, до чего оно прикоснется. Я бѣжала отъ него, воскликнувъ: „*Смерть!*“ Адъ задрожалъ отъ ужаснаго имени, по всѣмъ ущельямъ его, со вздохомъ пронесся отголосокъ: «Смерть!» Я бѣжала,—чудовище за мной (кажется его больше воспламеняло сладострастіе, чѣмъ злоба), все ближе, ближе, наконецъ оно настигаетъ меня, свою мать, объятую ужасомъ, и силой сжимаетъ меня въ преступныхъ объятіяхъ! Плодомъ гнуснаго насилія были эти лающія чудовища; ты видишь, они съ неумолчнымъ крикомъ окружаютъ меня постоянно; я ежечасно зарождаю ихъ; ежечасно произвожу ихъ на свѣтъ. Муки мои безконечны: чудовища эти, когда хотятъ, съ воемъ вползаютъ назадъ въ мою утробу, грызутъ мои внутренности, служащія имъ пищей; потомъ снова вырываются оттуда, наводя на меня такой ужасъ, что я никогда не нахожу себѣ ни отдыха, ни покоя.

«Призракъ этотъ, всегда сидящій напротивъ меня, эта отвратительная Смерть, мой сынъ и врагъ, еще больше разжигаетъ этихъ чудовищъ; за неимѣніемъ другой добычи, онъ скоро пожралъ бы меня, свою мать, если бы не вѣдалъ, что съ концомъ моей жизни конецъ и ему, и что горька придусь я ему. Я буду для него когда-нибудь смертельнымъ ядомъ. Таково рѣшеніе Судьбы. Но тебя, отецъ мой, о, предупреждаю тебя, бойся его смертоносныхъ стрѣлъ; не обольщай себя тщетной надеждой, что съ этимъ оружіемъ, хотя оно и небеснаго закала, ты неуязвимъ; кромѣ Того, Кто царитъ тамъ на верху, никто не можетъ устоять передъ сокрушительнымъ ударомъ!»

Она умолкла; хитрый Врагъ тотчасъ же пользуется ея открытіемъ; онъ смягчается, и нѣжно отвѣчаетъ ей: «Милая дочь, если ты признаешь меня своимъ родителемъ и представляешь мнѣ здѣсь прекраснаго моего сына, драгоцѣнный залогъ тѣхъ наслажденій, какія мы вкушали съ тобой въ Небѣ, тѣхъ радостей, что наполняли насъ тогда блаженствомъ—грустно вспомнить объ нихъ теперь, послѣ ужасной перемѣны, поразившей насъ такъ нечаянно, неожиданно,—знай, не какъ врагъ пришелъ я къ вамъ, напротивъ, я пришелъ освободить изъ этого печальнаго жилища мрака и

Forth issued, brandishing his fatal dart,
Made to destroy. I fled, and cry'd out Death;
Hell trembled at the hideous name, and sigh'd
From all her caves, and back resounded Death.
I fled, but he pursued (though more, it seems,
Inflamed with lust than rage), and swifter far,
Me overtook his mother all dismay'd,
And in embraces forcible and foul
Ingend'ring with me, of that rape begot
These yelling monsters, that with ceaseless cry
Surround me, as thou saw'st, hourly conceived
And hourly born, with sorrow infinite
To me; for when they list, into the womb
That breed them they return, and howl and gnaw
My bowels, their repast; then bursting forth
Afresh with conscious terrors vex me round,
That rest or intermission none I find.
Before mine eyes in opposition sits
Grim Death, my son and foe, who sets them on,
And me, his parent, would full soon devour
For want of other prey, but that he knows
His end with mine involved; and knows that I
Should prove a bitter morsel, and his bane,
Whenever that shall be. So Fate pronounced.
But thou, O Father, forewarn thee, shun
His deadly arrow; neither vainly hope
To be invulnerable in those bright arms,
Though temper'd heav'nly, for that mortal dint,
Save he who reigns above, none can resist.
She finish'd, and the subtle Fiend his lore
Soon learn'd, now milder, and thus answer'd smooth.
Dear Daughter, since thou claim'st me for thy sire,
And my fair son here show'st me, the dear pledge
Of dalliance had with thee in Heav'n, and joys
Then sweet, now sad to mention, through dire change
Befall'n us unforeseen, unthought of; know
I come no enemy, but to set free
From out this dark and dismal house of pain

страданій васъ обоихъ и всѣхъ небесныхъ Духовъ, которые, вооружась за наши законныя права, пали вмѣстѣ съ нами съ горнихъ высотъ. Я посланъ отъ нихъ, и одинъ принялъ на себя трудное порученіе, жертвуя собою для всѣхъ; одинокими стопами иду я черезъ бездонную глубину, чтобы въ безпредѣльной пустотѣ пространства отыскать одно предсказанное мѣсто; по вѣрнымъ признакамъ, оно только что должно быть создано, круглое и обширное. Это мѣсто блаженства, преддверіе Неба; населено оно существами, вдругъ созданными быть-можетъ для того, чтобы занять наше мѣсто на Небѣ; но ихъ Творецъ помѣстилъ ихъ подальше отъ Себя изъ опасенія, чтобы отъ избытка могущественнаго населенія не поднялись въ небесномъ царствѣ новые раздоры: правда это, или скрывается подъ этимъ болѣе глубокая тайна, я узнаю ее; развѣдавъ все, я немедленно вернусь назадъ; тогда я переселю васъ, тебя и Смерть, въ такое мѣсто, гдѣ вы будете жить на свободѣ, гдѣ на тихихъ крыльяхъ вы незримо будете носиться вверхъ и внизъ въ чистомъ воздухѣ, пропитанномъ ароматами. Тамъ будетъ вамъ много пищи; чтобы постоянно насыщать васъ, безъ конца, безъ мѣры, все будетъ тамъ вашей добычей!»

Онъ кончилъ; оба чудовища, казалось, были въ восторгѣ. Смерть искривила свое страшное лицо отвратительной улыбкой, услышавъ, что голодъ ея будетъ насыщенъ, и радуется своему чреву, предназначенному для такой обильной пищи: не менѣе ликуетъ и злая мать ея, и такъ обращается къ своему родителю:

«Я храню ключъ отъ адской бездны, по данному мнѣ праву и по волѣ Всемогущаго Царя Небесъ. Онъ заповѣдалъ мнѣ вовѣкъ не отворять этихъ адамантовыхъ вратъ. Противъ всякаго насилія здѣсь стоитъ наготовѣ Смерть съ своимъ непобѣдимымъ копьемъ; ее не осилитъ никакая смертная власть. Но развѣ я обязана покоряться повелѣніямъ свыше Того, Кто ненавидитъ меня, Кто сбросилъ меня въ этотъ мракъ, въ этотъ глубокій Тартаръ, чтобы исполнять здѣсь ненавистную должность! Я, рожденная дочерью Неба, должна томиться здѣсь въ нескончаемыхъ мукахъ, въ вѣчномъ страхѣ отъ завываній моихъ собственныхъ исчадій, пожирающихъ мои внутренности? Ты мой отецъ, мой создатель, ты далъ мнѣ

Both him and thee, and all the heav'nly host
Of Spirits, that in our just pretences arm'd
Fell with us from on high: from them I go
This uncouth errand sole and one for all
Myself expose, with lonely steps to tread
Th' unfounded deep, and through the void immense
To search with wand'ring quest a place foretold
Should be, and, by concurring signs, ere now
Created vast ane round, a place of bliss
In the purlieus of Heav'n, and therein placed
A race of upstart creatures te supply
Perhaps our vacant room, though more removed;
Lest Heav'n surcharged with potent multitude
Might hap to move new broils: Be this or aught
Than this more secret now design'd, I haste
To know, and this once known, shall soon return,
And bring ye to the place where thou and Death
Shall dwell at ease, and up and down unseen
Wing silently the buxom air, embalm'd
With odours: there ye shall be fed and fill'd
Immeasurably, all thigns shall bo your prey.

He ceased, for both seem'd highly pleased; and Death
Grinn'd horrible a ghastly smile, to hear
His famine should be fill'd, and blest his maw
Destined to that good hour: no less rejoiced
His mother bad and thus bespake her sire:

The key of this infernal pit by due,
And by command of Heav'n's all-pow'rful King,
I keep, by him forbidden to unlock
These adamantine gates; against all force
Death ready stands to interpose his dart,
Fearless to be o'ermatch'd by living might.
But what owe I to his commands above
Who hates me, and hath hither thrust me down
Into this gloom of Tartarus profound,
To sit in hateful office here confined,
Inhabitant of Heav'n, and heav'nly born,
Here in perpetual agony and pain
With terrors and with clamours compass'd round
Of mine own brood, that on my bowels feed?
Thou art my father, thou my author, thou

жизнь: кому же, кромѣ тебя, должна я повиноваться, за кѣмъ слѣдовать, кромѣ тебя? Ты перенесешь меня въ тотъ новый міръ блаженства и свѣта, къ сладостной жизни боговъ; тамъ, сидя по правую твою руку, какъ подобаетъ твоей дочери и твоей возлюбленной, полная сладострастія, я буду царствовать безконечно».

Сказавъ это, она срываетъ съ пояса роковой ключъ, злополучное орудіе всѣхъ нашихъ бѣдствій. Развернувъ свой чудовищный хвостъ, приближается она къ адскимъ вратамъ, быстро поднимаетъ тяжелый засовъ, который, кромѣ нея, не могли бы сдвинуть всѣ Стигійскія силы; ключъ повертываетъ въ глубинѣ замка сложныя пружины, и всѣ болты и запоры изъ тяжеловѣснаго желѣза и твердаго гранита падаютъ сами собой. Вдругъ, съ страшнымъ шумомъ, съ пронзительнымъ визгомъ, распахнулись настежь адскія врата, и какъ громъ загрохотали на своихъ петляхъ; весь Эребъ [72] потрясся до основанія. Она отворила ихъ, но вновь запереть ихъ было уже не въ ея власти: врата стояли широко открытыми. Цѣлое войско, въ строевомъ порядкѣ, съ знаменами, съ развернутыми флангами, съ конницей и обозомъ, свободно прошло бы черезъ ихъ обширное отверстіе; какъ изъ горнила, клубятся изъ ихъ пасти вихри дыма и багровое пламя.

Вдругъ глазамъ Сатаны и двухъ призраковъ открылись тайны первобытной бездны: океанъ мрака, безпредѣльный, необъятный, гдѣ теряется все—пространство, время, размѣры; гдѣ маститые прадѣды Природы, древняя Ночь и Хаосъ, среди шума безконечныхъ войнъ, въ вѣчномъ безначаліи, держатся однимъ безпорядкомъ.

Четыре яростныхъ соперника: холодъ и жаръ, влажность и сухость, оспариваютъ здѣсь другъ у друга первенство, выдвигая въ бой атомы, зачатки матеріи. Легкіе и тяжелые, твердые, мягкіе, быстрые или медленные, всѣ они строятся подъ разныя знамена враждебныхъ силъ; воинственные легіоны ихъ безчисленны, какъ жгучіе пески Баркарейскихъ или Киринейскихъ [73] степей, что вздымаемые борьбой вихрей отягчаютъ легкія крылья вѣтровъ. На чью сторону пристаетъ больше этихъ атомовъ, тотъ на минуту одерживаетъ верхъ. Хаосъ, судья ихъ распрей, своими приго-

My being gav'st me; whom should I obey
But thee, whom follow? thou wilt bring me soon
To that new world of light and bliss, among
The Gods who live at ease, where I shall reign
At thy right hand voluptuous, as beseems
Thy daughter and thy darling, without end.
 Thus saying, from her side the fatal key,
Sad instrument of all our woe, she took;
And tow'rds the gate rolling her bestial train,
Forthwith the huge portcullis high up-drew,
Which but herself, not all the Stygian pow'rs
Could once have moved; then in the key-hole turns
Th' intricate wards, and ev'ry bolt and bar
Of massy iron or solid rock with ease
Unfastens. On a sudden open fly
With impetuous recoil and jarring sound
Th' infernal doors, and on their hinges grate
Harsh thunder, that the lowest bottom shook
Of Erebus. She open'd; but to shut
Excell'd her pow'r: the gates wide open stood,
That with extended wings a banner'd host
Under spread ensings marching might pass through
With horse and chariots rank'd in loose array;
So wide they stood, and like a furnace mouth
Cast forth redounding smoke and ruddy flame.
 Before their eyes in sudden view appear
The secrets of the hoary deep, a dark
Illimitable ocean, without bound,
Without dimension, where lenght, breadth, and highth,
And time, and place, are lost; where eldest Night
And Chaos, ancestors of Nature, hold
Eternal anarchy, amidst the noise
Of endless wars, and by confusion stand.
For hot, cold, moist, and dry, four champions fierce
Strive here for mast'ry, and to battle bring
Their embryon atoms; they around the flag
Of each his faction, in their sev'ral clans,
Light-arm'd or heavy, sharp, smooth, swift, or slow
Swarm populous, unnumber'd as the sands
Of Barca or Cyrene's torrid soil,
Levy'd to side with warring winds, and poise
Their lighter wings. To whom these most adhere,
He rules a moment. Chaos umpire sits,
And by decision more embroils the fray

ворами увеличиваетъ безпорядокъ, главную опору его царства: подлѣ него правитъ другой верховный судья—Случай.

На краю этой дикой бездны, колыбели, а можетъ-быть и могилы природы, гдѣ нѣтъ ни моря, ни суши, ни воздуха, ни огня, но все это представляетъ стремительное, безпорядочное броженіе будущихъ плодотворныхъ зачатковъ, и всѣ они были бы въ вѣчной враждѣ между собой, если бы Всемогущій Зиждитель не повелѣвалъ имъ создавать изъ этихъ темныхъ веществъ новыхъ міровъ, — на краю этой бездны стоялъ осторожный Врагъ, у рубежа Ада. Задумчиво созерцая даль, онъ думалъ о своемъ смѣломъ путешествіи: не малое пространство предстоитъ ему пройти. Ужасные, разрушительные звуки поражаютъ его слухъ: не такъ страшно бушуетъ Беллона [74] (если можно сравнивать великое съ малымъ), когда своими осадными орудіями разрушаетъ громадный городъ; не такъ великъ былъ бы шумъ, если бы рушился сводъ небесный, или, если бы разнузданные элементы вдругъ сорвали землю съ ея неподвижной оси. Наконецъ, Сатана распускаетъ свои широкія крылья, подобныя громаднымъ парусамъ, и, ногой отпихнувъ отъ себя почву, подымается въ волнахъ пара.

Отважно пролетаетъ онъ большое пространство, какъ бы несомый на облачномъ тронѣ; но вдругъ эти клубы разсыпаются подъ нимъ, и онъ остается въ безпредѣльной пустотѣ: тщетно размахиваетъ онъ громадными крылами; какъ свинецъ падаетъ онъ на десять тысячъ стадій въ глубину, и до этого часа все бы летѣлъ внизъ, если бы на несчастіе, сильнымъ взрывомъ горючей селитры изъ проносившейся мимо огненной тучи, не подняло его на столько же кверху. Бѣшеный вихрь остановился, угаснувъ въ болотистой трясинѣ,—пространство то было ни вода, ни суша. Утопая въ вязкой почвѣ, Сатана то старается удержаться на ней ногами, то помогаетъ себѣ крыльями; онъ пускаетъ въ ходъ и весла, и парусъ. Такъ крылатый Грифъ [75] стремится черезъ пустыню, черезъ горы и болотистыя долины, преслѣдуя Аримасповъ, похитившихъ золото, ввѣренное его бдительной стражѣ: подобно ему, безстрашно преслѣдуетъ Врагъ свой путь черезъ топи и стремнины, въ стихіяхъ то сгущенныхъ, то рѣдкихъ, про-

By which he reigns: next him high arbiter
Chance governs all. Into this wild abyss,
The womb of Nature, and perhaps her grave,
Of neither sea, nor shore, nor air, nor fire,
But all these in their pregnant causes mix'd
Confus'dly, and which thus must ever fight,
Unless th' Almighty Maker them ordain
His dark materials to create more worlds;
Into this wild abyss the wary Fiend
Stood on the brink of Hell and look'd a while,
Pond'ring his voyage; for no narrow frith
He had to cross. Nor was his ear less peal'd
With noises loud and ruinous (to compare
Great things with small) than when Bellona storms
With all her batt'ring engines bent, to raze
Some capital city; or less than if this frame
Of Heav'n were falling, and these elements
In mutiny had from her axle torn
The stedfast earth. At last sail-broad vans
He spreads for flight, and in the surging smoke
Uplifted spurns the ground; thence many a league,
As in a cloudy chair, ascending rides
Audacious; but that seat soon falling, meets
A vast vacuity: all unawares
Flutt'ring his pennons vain, plumb down he drops
Ten thousand fathom deep, and to this hour
Down had been falling, had not by ill chance,
The strong rebuff of some tumultuous cloud.
Instinct with fire and nitre, hurried him
As many miles aloft: that fury stay'd,
Quench'd in a boggy Syrtis, neither sea,
Nor good dry land: nigh founder'd on he fares,
Treading the crude consistence, half on foot,
Half flying; behoves him now both oar and sail.
As when a Gryphon through the wilderness
With winged course, o'er hill or moory dale,
Pursues the Arimaspian, who by stealth
Had from his warkeful custody purloin'd
The guarded gold: so eagerly the Fiend
O'er bog, or steep, through strait, rough, dense, or rare,

биваясь впередъ руками, ногами, крыльями, головой; онъ плыветъ, ныряетъ, пускается въ бродъ, ползетъ, летитъ.

Вдругъ, изъ глубины мрака, поражаетъ его слухъ дикій, оглушительный шумъ; гулъ смутныхъ голосовъ, звуковъ. Туда неустрашимо поворачиваетъ онъ; онъ хочетъ видѣть Владыку или Духа, царствующаго въ глубочайшей изъ безднъ, среди этого шума, чтобы спросить кратчайшій путь изъ мрака къ предѣламъ свѣта. Вдругъ онъ видитъ тронъ Хаоса; широко раскинутъ его мрачный шатеръ надъ безпредѣльной бездной; съ нимъ рядомъ сидитъ на тронѣ соучастница его царства, древнѣйшая изъ всего созданнаго [76], Ночь, въ своей темной одеждѣ. Подлѣ нихъ толпятся Оркусъ, Гадесъ, Демогоргонъ [77], имя котораго всегда было страшно; далѣе Молва и Случай, Мятежъ, Смятенье и Распря, съ тысячью разнородныхъ устъ.

Сатана смѣло идетъ прямо къ нимъ и говоритъ: «Власти, Духи этихъ глубочайшихъ безднъ, Хаосъ и ты, древняя Ночь, я прибылъ къ вамъ не какъ лазутчикъ, съ тѣмъ чтобы изслѣдовать ваше царство и нарушить его тайны; я невольно забрелъ въ эту мрачную пустыню, такъ какъ путь мой къ свѣту лежитъ черезъ ваше обширное царство. Одинъ, безъ проводника, я сбился съ пути, отыскивая въ этомъ мракѣ дорогу туда, гдѣ границы вашего сумрачнаго царства соприкасаются съ Небомъ. Есть недалеко отсюда мѣсто, недавно отнятое Царемъ Неба отъ вашихъ владѣній; чтобы достигнуть его, предпринялъ я странствіе чрезъ такую глубь. Укажите мнѣ путь: награда за эту услугу не будетъ ничтожна; если мнѣ удастся выгнать побѣдителя изъ той страны, потерянной вами (въ этомъ заключается цѣль моего путешествія), я опять возвращу ее къ первобытному мраку, снова водворю въ ней знамя древней Ночи. Вамъ достанутся всѣ плоды моихъ побѣдъ, мнѣ—одно мщеніе».

Такъ говоритъ Сатана. Древній Анархъ, съ измѣнившимся лицомъ, нетвердымъ голосомъ отвѣчаетъ ему:

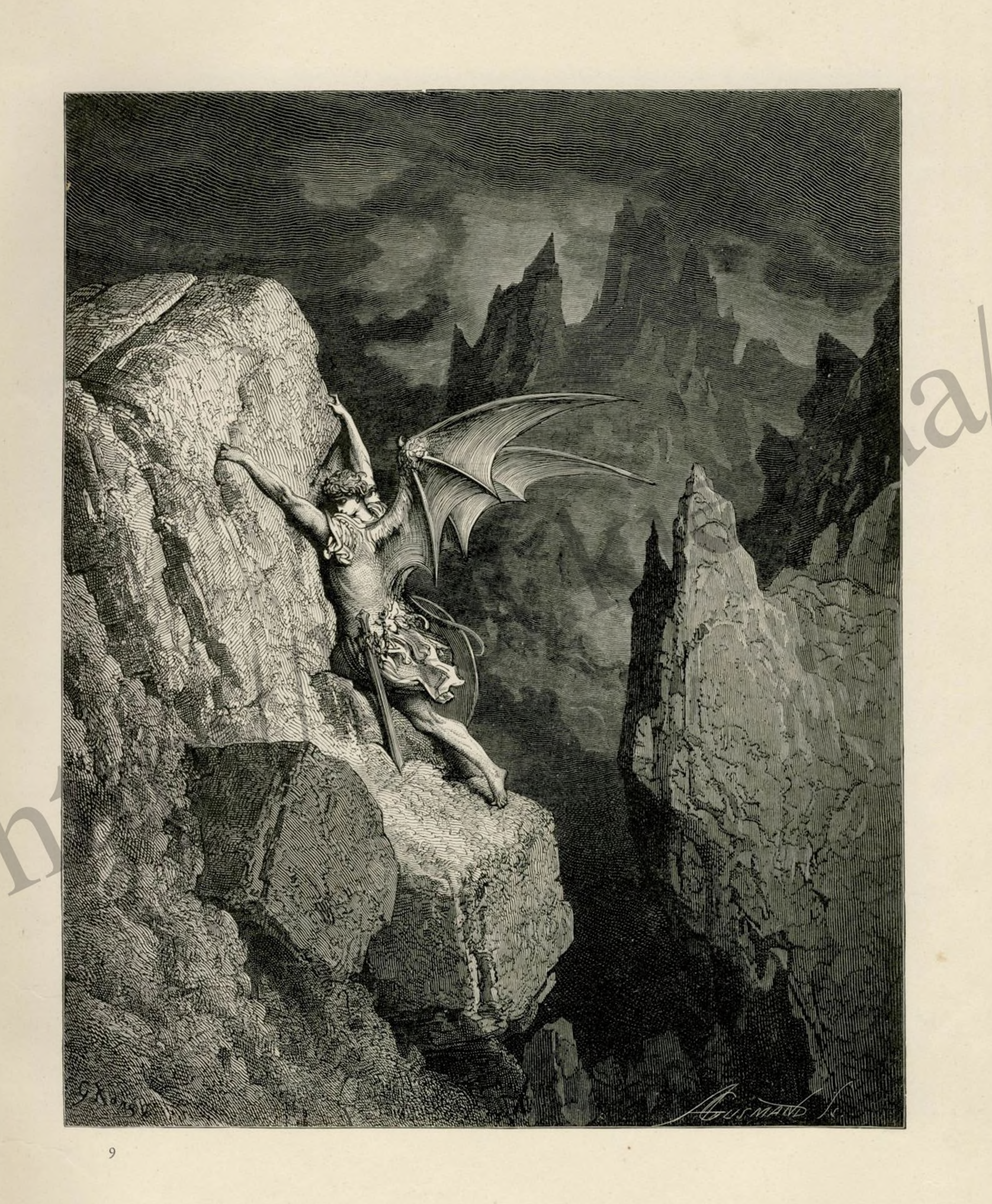
«Я знаю тебя, чужестранецъ; ты могучій вождь Ангеловъ, воевавшій недавно съ Царемъ Небесъ, и побѣжденный Имъ. Я видѣлъ и слышалъ все это; не можетъ такое многочисленное воинство безмолвно летѣть че-

With head, hands, wings, or feet pursues his way,
And swims, or sinks, or wades, or creeps, or flies:
At length a universal hubbub wild
Of stunning sounds and voices all confused,
Borne through the hollow dark assaults his ear
With loudest vehemence: thither he plies,
Undaunted to meet there whatever Pow'r
Or Spirit of the nethermost abyss
Might in that noise reside, of whom to ask
Which way the nearest coast of darkness lies
Bord'ring on light; when strait behold the throne
Of Chaos, and his dark pavilion spread
Wide on the wasteful deep; with him enthroned
Sat sable-vested Night, eldest of things,
The consort of his reign; and by them stood
Orcus and Ades, and the dreaded name
Of Demogorgon; Rumour next and Chance,
And Tumult and Confusion, all embroil'd,
And Discord, with a thousand various mouths.
T' whom Satan turning boldly, thus: Ye Pow'rs
And Spirits of this nethermost abyss
Chaos and ancient Night, I come no spy,
With purpose to explore or to disturb
The secrets of your realm, but by constraint
Wand'ring this darksome desert, as my way
Lies through your spacious empire up to light,
Alone, and without guide, half lost, I seek
What readiest path leads where your gloomy bounds
Confine with Heav'n; or if some other place
From your dominion won, th' ethereal King
Possesses lately, thither to arrive
I travel this profound; direct my course;
Directed no mean recompense it brings
To your behoof, if I that region lost,
All usurpation thence expell'd, reduce
To her original darkness and your sway
(Which is my present journey), and once more
Erect the standard there of ancient Night;
Yours be th' advantage all, mine the revenge.
Thus Satan; and him thus the Anarch old,
With falt'ring speech and visage incomposed,
Answer'd: I know thee, stranger, who thou art;
That mighty leading Angel, who of late
Made head against Heav'n's King, though overthrown.
I saw and heard; for such a num'rous host
Fled not in silence through the frighted deep

Пробиваясь впередъ руками, ногами, крыльями, головой; онъ плыветъ, ныряетъ, пускается въ бродъ, ползетъ, летитъ.

Пѣснь 2, стр. 46.

With head, hands, wings, or feet pursues his way,
And swims, or sinks, or wades, or creeps, or flies.

9

Небеса наполнились восторгомъ и громкое «Осанна!» торжественно разнеслось по всему небесному пространству.

Пѣснь 3. стр. 57.

. . . . Heav'n rung
With jubilee, and loud Hosanna's fill'd
Th' eternal regions: . . . .

G. Doré

резъ бездну, испуганную его паденіемъ; низвергнутые Ангелы неслись стремглавъ; смятеніе, ужасъ, разрушеніе были неописанные; Небесныя врата разверзлись, и милліоны побѣдоносныхъ легіоновъ бросились преслѣдовать васъ. Я возсѣдаю здѣсь на границахъ моего царства, у меня едва достаетъ силы сохранить то, что еще осталось въ моей власти; и тому угрожаетъ опасность отъ вашихъ междоусобныхъ распрей, ослабляющихъ державу древней Ночи: сначала Адъ, ваша темница, занялъ громадное пространство въ глубинахъ бездны, теперь недавно, Небо и Земля, новый міръ, на золотой цѣпи повисъ надъ моимъ царствомъ съ той стороны Неба, откуда совершилось паденіе твоихъ легіоновъ. Если туда лежитъ твой путь, то онъ не далекъ, но опасностей на немъ много. Иди же, спѣши! Опустошеніе, гибель, смятенье—мое достояніе».

Онъ умолкъ. Сатана не останавливается для отвѣта, но, радуясь, что уже виденъ берегъ его странствія, съ новыми силами поднимается вверхъ, и подобно огненной пирамидѣ несется черезъ безпредѣльную пустоту, среди враждующихъ стихій, которыя окружаютъ его со всѣхъ сторонъ. Быстро мчится онъ впередъ. Не столько опасностей видѣлъ Арго [78], когда проходилъ Босфоръ, между нависшими скалами; не такъ гибельна была участь Улисса, когда онъ съ страшными опасностями пробирался между Харибдой [79] и другой пучиной: съ такимъ трудомъ и среди такихъ опасностей летитъ Сатана. Но какъ только перешелъ онъ черезъ нихъ, какъ только палъ человѣкъ, о, какая произошла перемѣна!—Грѣхъ и Смерть, слѣдуя по слѣдамъ врага (на то была воля Неба), вымостили широкую торную дорогу надъ мрачной бездной; клокочущая пучина съ покорностью держитъ этотъ мостъ баснословной длины, проведенный отъ предѣловъ Ада къ орбитѣ бреннаго земного шара. По этому пути злые Духи безпрепятственно проходятъ взадъ и впередъ, чтобы соблазнять или наказывать смертныхъ, и только тѣ спасены отъ нихъ, кого хранитъ особая милость Господа Бога и святыхъ Ангеловъ.

Но вотъ онъ, наконецъ, священный проблескъ свѣта! Отъ стѣнъ небесныхъ, далеко въ нѣдра печальной Ночи, проникаетъ мерцаніе зари. Здѣсь начинаются предѣлы Природы; Хаосъ удаляется, какъ побѣжденный

With ruin upon ruin, rout on rout,
Confusion worse confounded; and Heav'n gates
Pour'd out by millions her victorious bands
Pursuing. I upon my frontiers here
Keep residence; if all I can will serve
That little which is left so to defend,
Encroach'd on still through your intestine broils,
Weak'ning the sceptre of old Night: first Hell
Your dungeon stretching far and wide beneath:
Now lately Heav'n and Earth, another world,
Hung o'er my realm, link'd in a golden chain
To that side Heav'n from whence your legions fell:
If that way be your walk, you have not far;
So much the nearer danger; go and speed:
Havock, and spoil, and ruin, are my gain.
He ceased, and Satan stay'd not to reply;
But glad that now his sea should find a shore,
With fresh alacrity and force renew'd,
Springs upward like a pyramid of fire
Into the wild expanse, and through the shock
Of fighting elements, on all sides round
Environ'd, wins his way; harder beset
And more endanger'd than when Argo pass'd
Through Bosphorus, betwixt the justling rocks;
Or when Ulysses on the larboard shunn'd
Charybdis, and by th' other whirpool steer'd.
So he with difficulty and labour hard
Moved on, with difficulty and labour he;
But he once past, soon after when man fell,
Strange alteration! Sin and Death amain
Following his track, such was the will of Heav'n.
Paved after him a broad and beaten way
Over the dark abyss, whose boiling gulf
Tamely endured a bridge of wondrous length
From Hell continued reaching th' utmost orb
Of this frail world; by which the Spirits perverse
With easy intercourse pass to and fro,
To tempt or punish mortals, expect whom
God and good Angels guard by special grace.
But now at last the sacred influence
Of light appears, and from the walls of Heav'n
Shoots far into the bosom of dim Night
A glimm'ring dawn. Here Nature first begins
Her farthest verge, and Chaos to retire

врагъ, изъ своихъ послѣднихъ укрѣпленій; онъ уже не шумитъ такъ, враждебный гулъ его утишился. Сатана летитъ не съ такимъ трудомъ, и наконецъ, при слабомъ мерцаніи свѣта, совсѣмъ легко скользитъ по успокоеннымъ волнамъ. Такъ корабль, разбитый бурею, лишенный всѣхъ снастей, радостно вступаетъ въ гавань. Въ легкомъ, почти воздушномъ пространствѣ, Сатана паритъ на широко распущенныхъ крыльяхъ; онъ уже видитъ вдали эмпирейное Небо, раскинувшееся такъ широко и далеко, что глазъ его не можетъ опредѣлить—какой оно формы, квадратное или круглое. Онъ видитъ опаловыя башни своей былой отчизны и зубцы ея стѣнъ изъ чудныхъ сапфировъ. Вскорѣ онъ открываетъ и новый міръ, повѣшенный на золотой цѣпи; онъ кажется ему звѣздой самой малой величины, рядомъ съ луной. Туда, исполненный злобнаго мщенія, устремляется Духъ проклятья, въ часъ, заклейменный проклятьемъ.

As from her outmost works a broken foe
With tumult less, and with less hostile din,
That Satan with less toil, and now with ease,
Wafts on the calmer wave by dubious light,
And like a weather-beaten vessel holds
Gladly the port, though shrouds and tackle torn;
Or in the emptier waste, resembling air,
Weighs his spread wings, at leisure to behold
Far off th' empyreal Heav'n, extended wide
In circuit, undetermined square or round,
With opal tow'rs and battlements adorn'd
Of living sapphire, once his native seat;
And fast by hanging in a golden chain
This pendent world, in bigness as a star
Of smallest magnitude close by the moon.
Thither full fraught with mischievous revenge,
Accursed and in a cursed hour he hies.

ПѢСНЬ 3-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Господь, возсѣдая на Своемъ тронѣ, видитъ, какъ Сатана летитъ къ новосозданному міру; Онъ показываетъ его Сыну, возсѣдающему одесную Его; предсказываетъ успѣхъ Сатаны въ совращеніи человѣческаго рода; Господь оправдываетъ Свое правосудіе и мудрость отъ всякаго нареканія тѣмъ, что создалъ Человѣка свободнымъ и слѣдовательно способнымъ противустоять искусителю. Однако, Онъ объявляетъ Свое намѣреніе помиловать Человѣка, потому что онъ палъ не отъ своей собственной испорченности, какъ Сатана, но будучи соблазненъ своимъ врагомъ. Сынъ Божій воздаетъ хвалу Отцу за изъявленіе Его милости къ Человѣку; но Господь объявляетъ, что милость Его не можетъ быть дарована безъ того, чтобы не было удовлетворено небесное правосудіе; покушаясь на Божество, Человѣкъ оскорбилъ величіе Божіе; за то онъ, со всѣмъ его потомствомъ, обреченъ на смерть, и долженъ умереть, если не найдется кого-либо достойнаго отвѣтить за его вину и принять на себя его наказаніе. Сынъ Божій добровольно предлагаетъ Себя искупительной жертвой за Человѣка; Отецъ принимаетъ эту жертву, повелѣваетъ воплощеніе Сына и превозноситъ Его славу превыше всѣхъ именъ на Небѣ и на Землѣ. Онъ повелѣваетъ всѣмъ Ангеламъ славословить Его; они повинуются и дивными хорами воспѣваютъ гимны, и прославляютъ на арфахъ Отца и Сына. Между тѣмъ, Сатана опускается къ крайней планетѣ нашего міра; блуждая по ней, онъ прежде всего находитъ мѣсто, названное впослѣдствіи Преддверіемъ Тщеславія: кто и что взлетаетъ туда. — Оттуда врагъ достигаетъ вратъ Неба; описаніе лѣстницы, ведущей къ нимъ, и надгорнихъ водъ; протекающихъ вокругъ Небесъ. Далѣе Сатана летитъ къ шару Солнца; здѣсь онъ встрѣчаетъ Уріила, правителя этой планеты; но прежде чѣмъ заговорить съ нимъ, Сатана принимаетъ на себя видъ Ангела нижняго чина; притворяясь, будто онъ горячо желаетъ увидѣть новый міръ и Человѣка, котораго помѣстилъ въ немъ Господь, онъ вывѣдываетъ гдѣ находится жилище Человѣка. Уріилъ указываетъ ему дорогу: Сатана летитъ, и опускается на вершину Нифата.

ПРИВѢТЪ тебѣ, священный Свѣтъ! Первородный сынъ Неба, лучъ, соприсносущный Вѣчному и самъ вѣчный! Дерзну ли назвать тебя такъ, не заслуживая порицанья? Вѣдь Богъ есть Свѣтъ, отъ вѣка обитающій въ неприступномъ свѣтѣ,—значитъ Онъ обитаетъ въ тебѣ, лучезарное изліяніе несотвореннаго свѣтозарнаго естества! Или лучше назвать тебя чистымъ токомъ эѳира? Но кто можетъ повѣдать, гдѣ твой источникъ? Ты былъ прежде Солнца, прежде Неба, и повинуясь гласу Божію, какъ ризой облекъ міръ, рождавшійся изъ глубины мрачныхъ водъ и безобразнаго хаоса безконечной пустоты.

BOOK 3. THE ARGUMENT.

God, sitting on his throne, sees Satan fiying towards this world, newly created; shews him to the Son who sat at his right hand; foretells the succes of Satan in perverting mankind; clears his own justice and wisdom from all imputation, having created Man free and able enough to have withstood his tempter; yet declares his purpose of grace towards him, in regard he fell not of his own malice, as did Satan, but by him seduced. The Son of God renders praises to his Father for the manifestation of his gracious purpose towards Man; but God again declares, that grace cannot be extended towards Man without the satisfaction of divine justice: Man hath offended the Majesty of God by aspiring to Godhead, and therefore, with all his progeny, devoted to death, must die, unless some one can be found sufficient to answer for his offence, and undergo his punishment. The Son of God freely offers himself a ransom for Man: the Father accepts him ordains his incarnation, pronounces his exaltation above all names in Heaven and Earth; commands all the Angels to adore him: they obey, and hymning to their harps in full choir, celebrate the Father and the Son. Meanwhile Satan alights upon the bare convex of this world's outermost orb; where wandering he first finds a place since called the Limbo of Vanity: what persons and things fly up thither: thence comes to the gate of Heaven, described ascending by stairs, and the waters above the firmament that flow about it: His passage thence to the orb of the Sun; he finds there Uriel, the regent of that orb, but first changes himself into the shape of a meaner Angel; and pretending a zealous desire to behold the new creation, and Man whom God had placed here, inquires of him the place of his habitation, and is directed: alights first on Mount Niphates.

Hail, holy Light, offspring of Heav'n first-born,
Or of th' Eternal coeternal beam,
May I expreses thee unblamed? since God ist Light,
And never but in unaproached light
Dwelt from eternity, dwelt then in thee,
Bright effluence of bright essence increate.

Or hear'st thou rather, pure ethereal stream,
Whose fountain who shall tell? Before the Sun,
Before the Heav'ns thou wert, and at the voice
Of God, as with a mantle, didst invest
The rising world of waters dark and deep,
Won from the void and formless infinite.

Долго былъ я заключенъ въ области мрака, и теперь, избѣгнувъ Стигійской пучины, я вновь мчусь къ тебѣ смѣлыми крылами. Когда въ полетѣ моемъ я проносился чрезъ непроглядную тьму или тотъ полу-сумракъ, я воспѣвалъ Хаосъ и вѣчную Ночь иными звуками, чѣмъ тѣ, что извлекала лира Орфея. [80] Небесная Муза наставляла меня, и я отважно спускался въ глубь мрачной бездны и снова возносился наверхъ. Но великъ, безпримѣрно тяжелъ былъ мой трудъ! Теперь я спасенъ, я снова ощущаю, Свѣтъ, твою живительную силу! Но ты не вернешься къ моимъ очамъ; тщетно вращаются они, чтобы встрѣтить одинъ изъ твоихъ всепроникающихъ лучей — даже слабаго мерцанія зари не доходитъ до нихъ: или темная вода навѣкъ погасила ихъ орбиты, или густая ткань застлала ихъ темнымъ покровомъ. Но все же, воспламененный любовью къ священнымъ пѣснопѣньямъ, я не перестаю витать въ мѣстахъ, обитаемыхъ Музами. Свѣтлые ручьи, тѣнистыя рощи, озаренные солнцемъ холмы, и главное ты, о Сіонъ, и веселые ручьи, съ тихимъ журчаніемъ льющіеся къ святому подножію, къ вамъ уношусь я въ тихіе часы ночи. Тамъ иногда вспоминаю я тѣхъ двухъ мужей, которые раздѣляли мою участь,—о, если бы и въ славѣ я могъ сравняться съ ними!—слѣпца Тамириса, слѣпца Меонида, и васъ, Тирезіасъ и Финей [81], древніе пророки. Тогда духъ мой питается мыслями, невольно рождающими гармоническіе звуки. Такъ безсонная птица поетъ въ сумракѣ ночи, и, скрываясь въ густой тѣни, разливается звонкой трелью.

Съ каждымъ годомъ возвращаются весна и лѣто, осень и зима, ко мнѣ же день никогда не вернется. Никогда не увижу я больше ни сіянія утра, ни вечерней зари, ни весеннихъ цвѣтовъ, ни лѣтнихъ розъ, ни пасущихся стадъ, ни божественнаго лица человѣка! Какъ темная туча окружаетъ меня вѣчный мракъ. Я отрѣзанъ отъ веселаго общенія съ людьми; въ книгѣ чуднаго знанія твореній Природы лежатъ предо мною однѣ пустыя страницы, онѣ стерты, уничтожены для меня, и одна изъ дверей Мудрости закрыта навсегда.

Блистай же тѣмъ ярче внутри меня, о божественный Свѣтъ! Проникни всѣ способности моего духа! дай зрѣніе душѣ моей; изгони, разсѣй до ма-

Thee I revisit now with bolder wing,
Escaped the Stygian pool; though long detain'd
In that obscure sojourn, while in my flight
Through utter and through middle darkness borne
With other notes than to th' Orphéan lyre
I sung of Chaos and eternal Night,
Taught by the heav'nly Muse to venture down
The dark descent, and up to re-ascend,
Though hard and rare: thee I revisit safe,
And feel thy sov'reign vital lamp: but thou
Revisit'st not these eyes, that roll in vain
To find thy piercing ray, and find no dawn;
So thick a drop serene hath quench'd their orbs,
Or dim suffusion veil'd. Yet not the more
Cease I to wander where the Muses haunt
Clear spring, or shady grove, or sunny hill,
Smit with the love of sacred song; but chief
Thee, Sion, and the flow'ry brooks beneath,
That wash thy hallow'd feet, and warbling flow,
Nightly I visit: nor sometimes forget
Those other two equall'd with me in fate,
So were I equall'd with them in renown,
Blind Thamyris and blind Maeonides,
And Tiresias and Phineus prophets old:
Then feed on thoughts, that voluntary move
Harmonious numbers; as the wakeful bird
Sings darkling, and in shadiest covert hid
Tunes her nocturnal note. Thus with the year
Seasons return, but not to me returns
Day, or the sweet approach of ev'n or morn,
Or sight of vernal bloom, or summer's rose,
Or flocks, or herds, or human face divine;
But cloud instead, and ever-during dark
Surrounds me from the cheerful ways of men
Cut off, and for the Book of knowledge fair
Presented with an universal blank
Of Nature's works, to me expunged and rased,
And Wisdom at one entrance quite shut out.
So much the rather thou, celestial Light,
Shine inward, and the mind through all her pow'rs
Irradiate, there plant eyes; all mist from thence
Purge and disperse, that I may see and tell

лѣйшаго облачка весь туманъ передъ моимъ духовнымъ взоромъ, чтобъ я могъ узрѣть и повѣдать вещи, невидимыя смертному взору.

Съ горнихъ высотъ чистаго эѳира, Всемогущій Отецъ, возсѣдающій на тронѣ славы превыше всѣхъ высотъ, опускаетъ Свое око внизъ, чтобы обозрѣть дѣла Своихъ собственныхъ рукъ и дѣла Своихъ созданій. Всѣ святыя силы Неба окружаютъ Его, безчисленныя какъ звѣзды; лицезрѣніе Его наполняетъ ихъ невыразимымъ блаженствомъ. Направо отъ Него сидитъ Его Единородный Сынъ, лучезарный образъ Его славы. Прежде всего обращаетъ Онъ Свой взоръ на землю, и видитъ нашихъ прародителей, первую и единственную чету, заключавшую въ себѣ весь человѣческій родъ. Она наслаждалась въ блаженномъ саду безсмертными плодами радости и любви, нескончаемой радости, безраздѣльной любви въ счастливомъ одиночествѣ.

Потомъ обозрѣваетъ Онъ Адъ и пучину между Адомъ и землею, и видитъ Сатану. Въ темномъ воздухѣ величественно парилъ онъ отъ предѣловъ Ночи вдоль небесной стѣны. Онъ уже готовъ былъ опустить утомленныя крылья и ступить нетерпѣливой ногой на обнаженную поверхность вновь сотвореннаго міра, который кажется ему твердой землей безъ небесной тверди; но чѣмъ она окружена — океаномъ или воздухомъ — онъ не можетъ опредѣлить навѣрное. Господь, увидѣвъ его съ Своей выси, откуда всевидящее око Его обнимаетъ все,—минувшее, настоящее, будущее,—такъ пророчески говоритъ Своему единственному Сыну:

«Единородный Сынъ Мой, Ты видишь, какой злобой кипитъ нашъ Противникъ? Ни преграды Ада, назначеннаго ему жилищемъ, ни тяжесть оковъ, ни безпредѣльная бездна, ничто не могло остановить его: — такъ дышитъ онъ безнадежнымъ мщеніемъ, которое падетъ на его же собственную мятежную голову. Расторгнувъ всѣ преграды, онъ летитъ теперь въ области свѣта, задѣвая своимъ крыломъ Небо, прямо къ ново-созданному міру; онъ ищетъ человѣка, помѣщеннаго тамъ Моей рукою, и обдумываетъ, нельзя ли погубить его силой, или, что еще опаснѣе, совратить его коварнымъ обманомъ. И совратитъ. Человѣкъ послушается его льстивой лжи, и легко преступитъ Мой единственный завѣтъ, единственный

Of things inivisible to mortal sight.
Now had th' Almighty Father from above,
From the pure empyrean where he sits
High throned above all highth, bent down his eye,
His own works and their works at once to view:
About him all the sanctities of Heav'n
Stood thick as stars, and from his sight received
Beatitude past utterance; on his right
The radiant image of his glory sat,
His only Son: on earth he first beheld
Our two first parents, yet then only two
Of mankind, in the happy garden placed,
Reaping immortal fruits of joy and love,
Uninterrupted joy, unrivall'd love,
In blissful solitude. He then survey'd
Hell and the gulf between, and Satan there
Coasting the wall of Heav'n on this side Night,
In the dun air sublime, and ready now
To stoop with wearied wings and willing feet
On the bare outside of this world, that seem'd
Firm land embosom'd, without firmament,
Uncertain which, in ocean or in air.
Him God beholding from his prospect high,
Wherein past, present, future, he beholds,
Thus to his only Son foreseeing spake:
Only begotten Son, seest thou what rage
Transports our Adversary? whom no bounds
Prescribed, no bars of Hell, nor all the chains
Heap'd on him there, nor yet the main abyss
Wide interrupt can hold; so bent he seems
On desperate revenge, that shall redound
Upon his own rebellious head. And now,
Through all restraint broke loose, he wings his way
Not far off Heav'n, in the precincts of light,
Directly tow'rds the new-created world,
And man there placed, with purpose to assay
If him by force he can destroy, or worse,
By some false guile pervert; and shall pervert,
For Man will hearken to his glozing lies,
And easily transgress the sole command,

залогъ его послушанія: такъ падетъ онъ, и въ немъ все его невѣрное потомство. Кого, неблагодарный, можетъ винить въ этомъ, кромѣ себя самого? Онъ получилъ отъ Меня все, что только могъ имѣть. Я создалъ его правымъ и непорочнымъ; онъ настолько силенъ, чтобы сопротивляться злу, но и пасть въ его волѣ. Такъ созданы Мною всѣ небесныя Силы, всѣ Духи, какъ тѣ, что устояли, такъ и тѣ, что пали; устоявшіе—устояли по своей волѣ, падшіе—пали также по своей волѣ. Безъ свободы, чѣмъ могли бы они неоспоримо доказать Мнѣ свою вѣрность, любовь, твердую вѣру въ Меня? Если бы они исполняли свой долгъ не по собственной волѣ, а только повинуясь необходимости, въ чемъ была бы ихъ заслуга? Можетъ ли Мнѣ быть пріятно такое послушаніе, когда воля и разумъ (разумъ также руководитъ выборомъ), оба напрасные и безполезные, лишенные свободы, оба бездѣйствующіе, рабски покоряются необходимости, а не Мнѣ? И такъ они были созданы справедливо, и не могутъ обвинять ни своего Творца, ни свою природу, ни судьбу свою въ томъ, чтобы волей ихъ управляло предопредѣленіе [82]), начертанное непреложными законами высшаго предвѣдѣнія; не Мои законы повелѣвали имъ возстаніе, оно было ихъ собственнымъ дѣломъ. Я предвидѣлъ это, но это предвидѣніе не имѣло вліянія на ихъ преступленіе; и не будучи предвидѣно, оно, тѣмъ не менѣе, было бы совершено. И такъ, безъ малѣйшаго принужденія, безъ тѣни вмѣшательства судьбы, безъ Моего неуклоннаго предназначенія, они предадутся злу, — сами виновники, какъ своихъ сужденій, такъ и своего выбора. Я создалъ ихъ свободными, и они должны оставаться свободными, пока сами не надѣнутъ на себя ярма, или Я долженъ измѣнить ихъ природу и вѣчный, непреложный законъ, даровавшій имъ свободу. Они сами рѣшили свое паденіе. Первые виновники пали, развращенные и обманутые сами собой; Человѣкъ же падетъ, прельщенный ими: поэтому Человѣкъ будетъ помилованъ; тѣмъ же нѣтъ прощенія. Мое правосудіе и милосердіе превознесутъ славу Мою на Небесахъ и на Землѣ, но милосердіе Мое отъ начала до конца возсіяетъ всего ярче».

Когда Господь изрекалъ Свои слова, все Небо наполнилось благоуханіемъ амврозіи, и въ сердцахъ избранныхъ, блаженныхъ Духовъ разлилась

Sole pledge of his obedience: So will fall,
He and his faithless progeny. Whose fault?
Whose but his own? Ingrate, he had of me
All he could have; I made him just and right,
Sufficient to have stood, though free to fall.
Such I created all th' ethereal Pow'rs
And Spirits, both them who stood and them who fail'd:
Freely they stood, who stood,—and fell, who fell.
Not free, what proof conld they have giv'n sincere
Of true allegiance, constant faith, or love,
Where only what they needs must do appear'd,
Not what they would? what praise could they receive?
What pleasure I from such obedience paid,
When will and reason (reason also is choice)
Useless and vain, of freedom both despoil'd,
Made passive both, had served necessity,
Not me? They therefore as to right belong'd,
So were created, nor can justly accuse
Their Maker, or their making, or their fate,
As if predestination over-ruled
Their will, disposed by absolute decree
Or high forknowledge; they themselves decreed
Their own revolt, not I. If I foreknew,
Foreknowledge had no influence on their fault,
Which had no less proved certain unforeknown.
So without least impulse or shadow of fate,
Or aught by me immutably foreseen,
They trespass, authors to themselves in all
Both what they judge and what they chose; for so
I form'd them free, and free they must remain,
Till they enthrall themselves: I else must change
Their nature, and revoke the high decree
Unchangeable, eternal, wich ordain'd their fall.
The first sort by their own suggestion fell,
Self-tempted, self-depraved: Man falls, deceived
By the' other first: Man therefore shall find grace,
The other none; in mercy and justice both,
Through Heav'n and Earth, so shall my glory excel,
But mercy first and last shall brightest shine.
Thus while God spake, ambrosial fragrance fill'd
All Heav'n, and in the blessed Spirits elect
Sense of new joy ineffable diffused.
Beyond compare the Son of God was seen
Most glorious; in him all his Father shone

новая, несказанная радость. Но Сына Божія озаряла несравненная слава: въ Немъ отразился весь образъ Отца; ликъ Его сіялъ божественнымъ состраданіемъ, безконечной любовью, безпредѣльнымъ милосердіемъ; чувства эти Онъ излилъ такъ Своему Отцу:

«Отецъ Мой! полно благости послѣднее слово Твоего верховнаго приговора: Человѣкъ будетъ помилованъ! Все Небо и вся Земля высоко превознесутъ хвалу Твою; у подножія Твоего трона, безчисленныя уста въ гимнахъ и священныхъ пѣснопѣніяхъ вѣчно будутъ благословлять Твое имя. Но, о Отецъ Мой! неужели Человѣкъ обреченъ на погибель, Человѣкъ, позднѣйшее Твое созданіе, любимѣйшій и младшій изъ Твоихъ сыновъ, неужели долженъ погибнуть онъ, совращенный обманомъ, хотя бы и собственное его безуміе было тому виною? О, пусть удалится отъ Тебя эта мысль, дальше отгони ее отъ Себя, Отецъ Мой и непогрѣшимый Судія всего сотвореннаго! Возможно ли, чтобы Противникъ достигъ своей цѣли, восторжествовавъ надъ Тобою, чтобы онъ исполнилъ всю свою злобу, обративъ въ ничто Твою благость? Захочешь ли Ты, чтобы онъ исполнилъ свое мщеніе, хотя за это ждетъ его еще болѣе тяжкое наказаніе, и гордо вернулся въ Адъ, увлекая туда за собою весь развращенный имъ родъ человѣческій? Неужели, ради его, Ты Самъ уничтожишь Свое созданіе и откажешься отъ того, что было создано Тобою для Твоей славы? Тогда величіе Твое и благость беззащитно подверглись бы сомнѣнію и богохульству».

Всемогущій Творецъ отвѣчаетъ Ему:

«Сынъ Мой! высшая отрада Моей души! о Сынъ Моихъ нѣдръ, Сынъ, Мое единственное Слово, Моя премудрость и творческая сила, Ты проникъ Мою мысль и все, что рѣшено въ Моихъ вѣчныхъ предначертаніяхъ: Человѣкъ не погибнетъ совсѣмъ; кто захочетъ—спасется: не собственной силой, но единственно Моимъ милосердіемъ. Еще разъ возстановлю Я его упадшія силы, которыя грѣхъ уничтожитъ въ немъ, сдѣлавъ ихъ орудіемъ его порочныхъ, непомѣрныхъ страстей. Я поддержу его, чтобы онъ могъ бороться съ своимъ смертельнымъ врагомъ равнымъ оружіемъ; пусть онъ видитъ, какъ слабо его падшее существо, пусть видитъ, что Мнѣ Одному обязанъ онъ своимъ спасеніемъ, Мнѣ, и никому иному. Нѣкоторые изъ нихъ, Мои

Substantially express'd; and in his face
Divine compassion visibly appear'd,
Love without end, and without measure grace;
Which utt'ring, thus he to his Father spake:
O Father, gracious was that word which closed
Thy sov'reign sentence, that Man should find grace;
For which both Heav'n and Earth shall high extol
Thy praises, whit th' innumerable sound
Of hymns and sacred songs, wherewith thy throne
Encompass'd shall resound thee ever blest.
For should Man finally be lost, should Man,
Thy creature late so loved, thy youngest son,
Fall circumvented thus by fraud, though join'd
With his own folly? that be from thee far,
That far be from thee, Father, who art Judge
Of all things made, and judgest only right.
Or shall the Adversary thus obtain
His end, and frustrate thine? Shall he fulfil
His malice, and thy goodness bring to nought,
Or proud return, though to his heavier doom,
Yet with revenge accomplish'd, and to Hell
Draw after him the whole race of mankind,
By him corrupted? Or, wilt thou thyself
Abolish thy creation, and unmake,
For him, what for thy glory thou hast made?
So should thy goodness and thy greatness both
Be question'd and blasphemed without defence
To whom the great Creator thus reply'd:
O Son, in whom my soul hath chief delight,
Son of my bosom, Son who art alone
My word, my wisdom, and effectual might,
All has thou spoken as my thoughts are; all
As my eternal purpose hath decreed.
Man shall not quite be lost, but saved who will,
Yet not of will in him, but grace in me
Freely vouchsafed. Once more I will renew
His lapsed pow'rs, though forfeit and enthrall'd
By sin to foul exorbitant disires;
Upheld by me, yet once more he shall stand
On even ground against his mortal foe,
By me upheld, that he may know how frail
His fall'n condition is, and to me owe
All his deliv'rance, and to none but me.
Some I have chosen of peculiar grace

избранники, будутъ удостоены особенной Моей милости: такова Моя воля.

«Другіе часто будутъ слышать Мой голосъ; онъ будетъ часто напоминать имъ ихъ прегрѣшенія, убѣждая ихъ умилостивить разгнѣваннаго на нихъ Бога, пока еще ихъ призываетъ Его милосердіе. Такимъ образомъ Я буду просвѣтлять омраченныя ихъ чувства; Я смягчу ихъ каменныя сердца для молитвы, для раскаянія, для покорности, какую они должны своему Богу, покорности не насильственной, но искренней. Тогда, къ молитвамъ ихъ, къ раскаянію, никогда ни ухо Мое не будетъ глухо, ни око закрыто. Я вселю въ нихъ судью, посредника между Мной и ими, Совѣсть. Тотъ, кто будетъ слушаться ея, отъ свѣта переходя къ высшему свѣту, и настойчиво стремясь къ цѣли, достигнетъ спасенія. Тотъ же, кто насмѣется надъ Моимъ долготерпѣніемъ и благостью, не узнаетъ пощады. Черствое сердце еще болѣе очерствѣетъ, ослѣпленные взоры ослѣпятся еще болѣе, чтобы грѣшники сбивались съ пути и глубже падали. Только этихъ изгоняю Я изъ Своего милосердія. Но это еще не все: ослушаніемъ своимъ Человѣкъ безчестно нарушитъ обѣтъ вѣрности; оскорбивъ Верховную Власть Неба, посягнувъ на Божество, онъ потеряетъ все. Чѣмъ же онъ искупитъ свое преступленіе? Обреченный на разрушеніе, онъ долженъ умереть, онъ и все его потомство. Или нѣтъ правосудія, или онъ долженъ быть осужденъ на смерть, если не найдется кого, кто былъ бы достоинъ, и добровольно захотѣлъ принести себя въ жертву суровому правосудію, требующему смерти за смерть. Скажите, небесныя Силы, гдѣ найти такую любовь? Кто изъ васъ рѣшится самъ сдѣлаться смертнымъ, чтобы искупить смертельный грѣхъ Человѣка? Какой праведный спасетъ неправеднаго? Во всемъ Небѣ существуетъ ли такая высокая любовь?»

Вопросилъ Онъ; но безмолвенъ небесный хоръ, и тишина была въ Небѣ. Никто не дерзалъ выступить защитникомъ или ходатаемъ за Человѣка, тѣмъ менѣе принять на свою голову смертельную кару, чтобы искупить человѣческій грѣхъ. Такъ, безъ искупленія, весь родъ человѣческій долженъ былъ погибнуть, осужденный строгимъ приговоромъ на Смерть и Адъ. Но Сынъ Божій, неисчерпаемый источникъ божественной любви, опять началъ Свое драгоцѣнное ходатайство:

Elect above the rest; so is my will:
The rest shall hear me call, and oft be warn'd
Their sinful state, and to appease betimes
Th' incensed Deity, while offer'd grace
Invites; for I will clear their senses dark.
What may suffice, and soften stony hearts
To pray, repent, and bring obedience due.
To pray'r, repentance, and obedience due,
Though but endeavour'd with sincere intent,
Mine ear shall not be slow, mine eye not shut.
And I will place within them as a guide
My umpire Conscience; whom if they will hear,
Light after light well used they shall attain,
And, to the end persisting, safe arrive.
This my long suff'rance and my day of grace
They who neglect and scorn, shall never taste;
But hard be harden'd, blind de blinded more
That they may stumble on, and deeper fall:
And none but such from mercy I exclude.
But yet all is not done: Man disobeying,
Disloyal breaks his fealty, and sins
Against the High Supremacy of Heav'n,
Affecting Godhead, and so losing all,
To expiate his treason hath nought left.
But to destruction sacred and devote,
He, with his whole posterity, must die;
Die he or justice must; unless for him
Some other able, and as willing, pay
The rigid satisfaction, death for death.
Say, heav'nly Pow'rs, where shall we find such love?
Which of ye will be mortal to redeem
Man's mortal crime, and just th' unjust to save?
Dwells in all Heaven charity so dear?
He ask'd; but all the heav'nly choir stood mute,
And silence was in Heav'n: on Man's behalf
Patron or intercessor none appear'd,
Much less that durst upon his own head draw
The deadly forfeiture, and ransom set.
And now without redemption all mankind
Must have been lost, adjudged to Death and Hell
By doom severe, had not the Son of God,
In whom the fulness dwells of love divine,
His dearest mediation thus renew'd:

«Отецъ! Твое слово непреложно: Человѣкъ будетъ помилованъ. И развѣ милосердіе не найдетъ средствъ для этого? Оно самый быстрый изъ Твоихъ крылатыхъ вѣстниковъ, оно находитъ дорогу ко всѣмъ Твоимъ дѣтямъ, и является имъ неожиданно, предупреждая ихъ прошенія и мольбы. Неужели Ты не ниспошлешь его человѣку? И развѣ онъ можетъ самъ снискать Твою помощь, когда умретъ въ грѣхахъ и погибнетъ! Чѣмъ же искупитъ онъ свои грѣхи, когда онъ не можетъ возносить къ Тебѣ ни молитвъ, ни подобающихъ жертвъ? Отецъ! обрати на Меня Твои взоры, прими Меня въ жертву за него; Я приношу Тебѣ жизнь за жизнь! Пусть на Меня падетъ Твой гнѣвъ; считай Меня Человѣкомъ: ради его оставлю Я Твое лоно, добровольно лишусь этой славы, раздѣляемой съ Тобою, и наконецъ, съ радостью умру за него; на Мнѣ пусть истощитъ смерть всю свою ярость. Не долго Я пробуду плѣнникомъ ея мрачнаго царства: Ты, Отецъ Мой, вложилъ въ Меня вѣчную жизнь, Я живу въ Тебѣ! Отдавая Себя во власть смерти, Я отдаю ей только то, что смертно; когда же великій долгъ будетъ выплаченъ, Ты не оставишь Меня на жертву могильнаго ужаса, не потерпишь, чтобы чистая душа Моя подверглась разрушенію. Нѣтъ, Я побѣдоносно возстану, покорю Своего побѣдителя, отниму у него добычу, которою онъ такъ гордится. Смерть уязвится смертельной раной, и, опозоренная, будетъ пресмыкаться въ прахѣ, лишась своего смертоноснаго жала. Черезъ всю безпредѣльность пространства, съ громкимъ тріумфомъ, повлеку Я за Собою плѣненный Адъ и покажу Тебѣ Владыкъ мрака въ оковахъ. Ты возрадуешься при этомъ зрѣлищѣ, и съ улыбкою взглянешь съ Небесъ на Своего Сына. Я же, воскрешенный Тобою, уничтожу всѣхъ Моихъ враговъ. Смерть Я поражу послѣ всѣхъ, и пусть скелетъ ея утолитъ голодъ могилы. Тогда, окруженный сонмами искупленныхъ Мною, послѣ долгаго отсутствія, Я опять вернусь на Небо, опять, о Отецъ Мой! буду созерцать Твой ликъ, который, не затемняясь болѣе ни однимъ облакомъ гнѣва, будетъ сіять тихой радостью примиренія. Вражды не будетъ болѣе, и вблизи Тебя будетъ разливаться одна радость».

Здѣсь Сынъ Божій умолкъ, но кроткій взоръ Его, самое молчаніе Его,

Father, thy word is past, Man shall find grace;
And shall grace not find means, that finds her way,
The speediest of thy winged messengers,
To visit all thy creatures,and to all
Comes unprevented, unimplored, unsought?
Happy for man, so coming: he her aid
Can never seek, once dead in sins and lost:
Atonement for himself or off'ring meet,
Indebted and undone, hath none to bring.
Behold me then; me for him, life for life
I offer: on me let thine anger fall;
Account me Man: I for his sake will leave
Thy bosom, and this glory next to thee
Freely put off, and for him lastly die
Well pleased; on me let Death wreak all his rage:
Under his gloomy pow'r I shall not long
Lie vanquish'd: thou hast given me to possess
Life in myself for ever; by thee I live,
Though now to Death I yield, and am his due
All that of me can die; yet that debt paid,
Thou wilt not leave me in the loathsome grave
His prey, nor suffer my unspotted soul
For ever with corruption there to dwell;
But I shall rise victorious and subdue
My Vanquisher, spoil'd of his vaunted spoil;
Death his death's wound shall then receive, and stoop
Inglorious, of his mortal sting disarm'd.
I through the ample air in triumph high
Shall lead Hell captive maugre Hell, and show
The Pow'rs of darkness bound. Thou at the sight
Pleased, out of Heaven shalt look down and smile,
While by thee raised I ruin all my foes,
Death last, and with his carcase glut the grave:
Then with the multitude of my redeem'd
Shall enter Heav'n long absent, and return
Father, to see thy face, wherein no cloud
Of anger shall remain, but peace assured
And reconcilement! wrath shall be no more
Thenceforth, but in thy presence joy entire.
His words here ended, but his meek aspect
Silent yet spake, and breath'd immortal love

еще говорили: все въ Немъ дышало безсмертной любовью къ смертному человѣку, любовью, уступавшей только одному чувству—сыновней покорности. Добровольно и радостно принося Себя въ жертву, Онъ ждетъ воли Своего Вѣчнаго Отца. Всѣ небесные Духи, пораженные восторгомъ, недоумѣваютъ, что означаетъ божественная рѣчь, не постигая ея цѣли. Но скоро Всемогущій отвѣчаетъ Своему Сыну:

«О Ты, на Небѣ и на Землѣ единственный, обрѣтшій спасеніе человѣческому роду! О Ты, Моя единственная радость! Ты знаешь, какъ драгоцѣнны для Меня всѣ Мои творенія; Человѣкъ, хотя и сотворенный послѣднимъ, не послѣдній въ Моей любви: ради его Я отрываю Тебя отъ Своего лона и отъ правой руки Своей; Я лишусь Тебя на нѣкоторое время, чтобы спасти весь его погибшій родъ. Одинъ Ты можешь искупить его: и такъ, къ Твоему божественному естеству присоедини его человѣческую природу; будь на Землѣ Человѣкомъ среди людей. Когда наступитъ время, Ты облечешься плотью, дивно родясь отъ Дѣвы: будь новымъ Адамомъ, и, хотя сынъ Адама, сдѣлайся Главой всего человѣческаго рода. Какъ отъ него погибли люди, такъ отъ Тебя, какъ отъ новаго корня, возродятся тѣ, кому положено спастись; безъ Тебя нѣтъ спасенія никому. Грѣхъ Адама палъ на все его потомство; Твоей заслугой очистится лишь тотъ, кто откажется отъ своихъ собственныхъ дѣяній, какъ правыхъ, такъ и неправыхъ, и будетъ жить въ Тебѣ, въ Тебѣ почерпая новую жизнь. И такъ Человѣкъ, какъ повелѣваетъ высшее правосудіе, отвѣтитъ за долгъ человѣка, будетъ судимъ и преданъ смерти; потомъ возстанетъ изъ мертвыхъ и воскреситъ съ Собою всѣхъ Своихъ братьевъ, искупленныхъ Его дорогою жизнью. Такъ небесная любовь побѣдитъ злобу Ада, предавъ Себя смерти, и такой дорогой цѣною искупитъ то, что адская злоба такъ легко сгубила, и вѣчно будетъ губить въ тѣхъ, которые не принимаютъ милости, когда она имъ дается.

«Снизойдя до принятія человѣческой плоти, о Сынъ Мой, Ты не унизишь и не измѣнишь Своего божественнаго естества: Ты, равный Богу, возсѣдающій вмѣстѣ съ Нимъ на тронѣ въ сіяніи славы, одинаково съ Нимъ вкушающій блаженство Божества, Ты все оставляешь, чтобы спасти

To mortal men, above which only shone
Filial obedience; as a sacrifice
Glad to be offer'd he attends the will
Of his great Father. Admiration seized
All Heav'n, what this might mean, and whither tend,
Wond'ring; but soon th' Almighty thus reply'd:
O thou in Heav'n and Earth the only peace
Found out for mankind under wrath! O thou
My sole complacence! well thou know'st how dear
To me are all my works, nor Man the least,
Though last created; that for him I spare
The. from my bosom and right hand, to save,
By losing thee a while, the whole race lost.
Thou therefore whom thou only canst redeem
Their nature also to thy nature join;
And be thyself Man among men on earth,
Made flesh, when time shall be, of virgin seed,
By wondrous birth: be thou in Adam's room
The Head of all mankind, though Adam's son.
As in him perish all men, so in thee,
As from a second root, shall be restored
As many as are restored; without thee none.
His crime makes guilty all his sons; thy merit
Imputed shall absolve them who renounce
Their own both righteous and unrighteous deeds,
And live in thee transplanted, and from thee
Receive new life. So Man, as ist most just,
Shall satisfy for man, be judged and die,
And dying rise, and rising with him raise
His brethren ransom'd with his own dear life.
So heav'nly love shall outdo hellish hate,
Giving to death, and dying to redeem,
So dearly to redeem what hellish hate
So easily destroy'd, and still destroys
In those who, when thye may, accept not grace.
Nor shalt thou by descending to assume
Man's nature, lessen or degrade thine own.
Because thou hast, though throned in highest bliss
Equal to God, and equally enjoying
God-like fruition, quitted all to save

міръ отъ конечной гибели. Твоя заслуга, болѣе чѣмъ Твое рожденіе, даетъ Тебѣ право называться Сыномъ Божіимъ; божественной добротой захотѣлъ Ты заслужить это имя, болѣе чѣмъ могуществомъ и властью. Въ Тебѣ обиліе любви превышаетъ обиліе Твоей славы, и великимъ смиреніемъ Своимъ Ты вознесешь съ Собою и человѣческій Свой образъ къ этому трону. Здѣсь будешь возсѣдать Ты во плоти, здѣсь будешь царствовать, какъ Богъ и какъ Человѣкъ, Ты, Сынъ Бога и Сынъ Человѣка, Помазанный Царь вселенной. Царствуй же вѣчно, возвеличься Твоей заслугой! Даю Тебѣ всю власть; Тебѣ, какъ Верховной Главѣ, подчиняю Я всѣ Силы, Троны, Княжества, Власти. На Небесахъ, на Землѣ, или въ Аду, подъ землею, всякое колѣно да преклонится предъ Тобою. Когда же Ты сойдешь съ Небесъ, и окруженный славой, появишься на облакахъ, по знаку Твоему Архангелы призовутъ народы къ Твоему страшному суду; тогда живые со всѣхъ концовъ міра и мертвые всѣхъ минувшихъ вѣковъ, пробужденные отъ своего сна громомъ трубныхъ звуковъ, поспѣшатъ на всеобщее судилище. Среди всѣхъ Твоихъ святыхъ, Ты будешь судить грѣшныхъ людей и Ангеловъ; виновные будутъ низвержены Твоимъ приговоромъ въ бездну; Адъ, наполнивъ свое число, съ тѣхъ поръ запрется навѣки.

«Міръ между тѣмъ будетъ разрушенъ огнемъ, и изъ пепла его возникнутъ новое Небо и Земля: тамъ будутъ жить праведники; послѣ долгихъ скорбей увидятъ они наконецъ золотые вѣка, богатые высокими дѣлами, и будутъ наслаждаться радостями любви и святой правды. Тогда Ты положишь Свой царственный скипетръ, онъ будетъ уже не нуженъ: Богъ будетъ Все во Всемъ. Небесные Престолы, славьте Того, Который умираетъ, чтобы исполнилось все это. Поклоняйтесь Сыну и чтите Его, какъ Меня!»

Едва кончилъ Всевышній, какъ среди Ангеловъ раздались восклицанія радости, громкія какъ пѣснь безчисленнаго хора, мелодическія какъ звукъ небесныхъ голосовъ. Небеса наполнились восторгомъ и громкое «Осанна!» торжественно разнеслось по всему небесному пространству. Въ благого-

A world from utter loss, and hast been found
By merit more than birthright, Son of God,
Found worthiest to be so by being good,
Far more than great or high; because in thee
Love hath abounded more than glory abounds,
Therefore thy humiliation shall exalt
With thee thy manhood also to this throne:
Here shalt thou sit incarnate, here shalt reign
Both God and Man, Son both of God and Man,
Anointed Universal King: all pow'r
I give thee; reign for ever, and assume
Thy mertis, under thee as Head Supreme
Thrones, Princedoms, Pow'rs, Dominions I reduce:
All knees to thee shall bow, of them that bide
In Heav'n, or Earth, or under Earth in Hell,
When thou attended gloriously from Heav'n
Shalt in the sky appear, and from thee send
The summoning Arch-Angels to proclaim
Thy dread tribunal, forthwith from all winds
The living, and forthwith the cited dead
Of all past ages, to the gen'ral doom
Shall hasten; such a peal shall rouse their sleep.
Then all thy saints assembled, thou shalt judge
Bad men and Angels, they arraign'd shall sink
Beneath thy sentence: Hell, her numbers full,
Thenceforth shall be for ever shut. Mean-while
The world shall burn, and from her ashes spring
New Heav'n and Earth, wherein the just shall dwell,
And after all their tribulations long
See golden days, fruitful of golden deeds,
With joy and love triumphing, and fair truth.
Then thou thy regal sceptre shalt lay by,
For regal sceptre then no more shall need,
God shall be All in All. But all ye Gods,
Adore him, who to compass all this dies:
Adore the Son, and honour him as me.
No sooner had th' Almyghty ceased, but all
The multitude of Angels, with a shout
Lout as from numbers without number, sweet
As from blest voices, utt'ring joy, Heav'n rung
With jubilee, and loud Hosanna's fill'd
Th' eternal regions: lowly reverent

вѣйномъ восторгѣ, всѣ небесныя силы смиренно преклоняются передъ престоломъ Всевышняго Отца и Сына, повергая къ его подножію свои вѣнцы, обвитые амарантомъ и золотомъ, безсмертнымъ амарантомъ, цвѣткомъ, который впервые расцвѣлъ въ Эдемѣ подлѣ дерева жизни, но послѣ грѣха человѣка былъ снова возвращенъ на Небо, свою отчизну: гдѣ онъ цвѣлъ прежде, тамъ и теперь цвѣтетъ, осѣняя ключъ жизни и рѣку блаженства, протекающую среди Небесъ, гдѣ по цвѣтущимъ Елисейскимъ [83] полямъ она катитъ свои янтарныя воды.

Гирляндами этихъ неувядаемыхъ цвѣтовъ избранные Духи украшаютъ свои блистательные кудри. Теперь эти гирлянды сброшены и густымъ цвѣточнымъ покровомъ устилаютъ небесное подножіе, сіяющее подобно морю драгоцѣнныхъ яшмъ и улыбающееся подъ пурпуромъ небесныхъ розъ. Потомъ Ангелы опять возлагаютъ вѣнцы на свои головы и берутъ золотыя арфы; эти блестящія арфы, дивно настроенныя, висятъ у Ангеловъ сбоку, какъ колчаны. Нѣжные звуки чарующей симфоніи, предвѣстницы священныхъ пѣснопѣній, возбуждаютъ высокій восторгъ. Ни одинъ голосъ не молчитъ: всѣ участвуютъ въ дивномъ хорѣ, — такая гармонія царствуетъ въ Небѣ.

Тебя, Отецъ, воспѣли они прежде, Тебя, Всесильный, Неизмѣнный, Безконечный, Безсмертный, Вѣчный Царь! Тебя, Творецъ всей твари, Источникъ Свѣта, невидимый Самъ, когда въ потокахъ лучезарнаго сіянія возсѣдаешь Ты на Твоемъ неприступномъ тронѣ; но даже когда Ты ослабишь блескъ Твоихъ лучей, и изъ-за облаковъ, облекающихъ Твой тронъ подобно лучезарному ковчегу, покажется край Твоей одежды, темный отъ чрезмѣрнаго блеска, — Небо ослѣпляется; самые блестящіе Серафимы не приближаются къ Тебѣ иначе, какъ обоими крылами закрывъ свои очи.

Тебя воспѣли они потомъ, бывшій до начала вѣковъ, Зачатый Сынъ, Божественное Подобіе, въ Чьемъ свѣтломъ образѣ сіяетъ Всемогущій Отецъ, иначе видимый только сквозь облака. На Тебѣ запечатлѣно величіе Его славы: въ Тебѣ обитаетъ пресвятой Его Духъ. Твоею рукою со-

Tow'rds either throne they bow, and to the ground
With solemn adoration down they cast
Their crowns, inwove with amarant and gold;
Immortal amarant; a flow'r which once
In Paradise, fast by the tree of life,
Began to bloom; but soon, for man's offence,
To Heav'n removed, where first it grew, there grows,
And flow'rs aloft, shading the fount of life,
And where the riv'r of bliss through midst of Heav'n
Rolls o'er Elysian flow'rs her amber stream;
With these, that never fade, the Spirits elect
Bind their resplendent locks inwreath'd with beams,
Now in loose garlands thick thrown off, the bright
Pavement, that like a sea of jasper shone,
Impurpled with celestial roses smiled.
Then crown'd again, their golden harps they took,
Harps ever tuned, that glitt'ring by their side
Like quivers hung, and with preamble sweet
Of charming symphony they introduce
Their sacred song, and waken raptures high;
No voice exempt, no voice but well could join
Melodious part, such concord is in Heav'n.
Thee, Father, first they sung, Omnipotent,
Immutable, Immortal, Infinite,
Eternal King; thee, Author of all being,
Fountain of Light, thyself invisible
Amidst the glorious brightness where thou sitt'st
Throned inaccessible, but when thou shad'st
The full blaze of thy beams, and through a cloud
Drawn round about thee like a radiant shrine,
Dark with excesive bright thy skirts appear,
Yet dazzle Heav'n, that brightest Seraphim
Approach not, but with both wings veil their eyes:
Thee, next they sang, of all creation first,
Begotten Son, Divine Similitude,
In whose conspicuous count'nance, without cloud
Made visible, th' Almighty Father shines,
Whom else no creature can behold: on thee
Impress'd th' effulgence of his glory 'bides,
Transfused on thee his ample Spirit rests.

творилъ Онъ Небеса Небесъ и всѣ небесныя Силы; Твоею рукою низвергнулъ Онъ гордыхъ мятежниковъ въ тотъ день, когда Ты, ополченный громами Твоего Отца, потрясая вѣчныя основанія Небесъ, летѣлъ въ пылающей колесницѣ и безпощадно гналъ разстроенные ряды мятежныхъ Ангеловъ. Когда же Ты со славой возвратился назадъ, всѣ Силы небесныя громкими кликами прославили Тебя, Единороднаго Сына Божія. Ты, строгій мститель Его враговъ, не такъ поступилъ съ Человѣкомъ, погибшимъ жертвой ихъ коварства. Ты, Отецъ милосердія и благости, не осудилъ грѣшника такъ строго, Ты сострадалъ объ немъ. Какъ только, Господи, возлюбленный и единственный Сынъ Твой увидѣлъ въ божественномъ взорѣ, что Ты намѣренъ смягчить Твой судъ надъ слабымъ человѣкомъ, Онъ, чтобы умилостивить Твой гнѣвъ и положить конецъ борьбѣ между милосердіемъ и правосудіемъ, борьбѣ, которая еще нерѣшительно отражалась на Твоемъ челѣ,—Онъ отказывается отъ блаженства Небесъ, гдѣ Онъ сидитъ по правую Твою руку, и добровольно предаетъ Себя смерти, чтобы искупить вину человѣка. О безпримѣрная любовь! любовь, доступная лишь Божеству! Хвала Тебѣ, Сынъ Божій, Спаситель людей! Имя Твое да будетъ отнынѣ обильнымъ источникомъ моихъ пѣсенъ! Никогда арфа моя не забудетъ хвалить Тебя нераздѣльно съ Твоимъ Отцомъ!

Такъ въ надзвѣздной обители Неба протекали счастливые часы въ радости и торжественныхъ пѣснопѣніяхъ. Между тѣмъ, Сатана опускается на твердый и темный шаръ нашей круглой земли, отдѣлявшій другіе блестящіе шары меньшей величины отъ Хаоса и вторженій древняго Мрака. То, что издали казалось ему шаромъ, теперь растянулось впереди необъятнымъ пространствомъ, сумрачнымъ, пустымъ, дикимъ, съ нахмуренной надъ нимъ беззвѣздной Ночью и безъ умолку бушующими кругомъ бурями неистоваго Хаоса. Сурово было тамъ небо; только съ одной стороны, обращенной въ вышину, хотя и въ неизмѣримой дали, озарялись тѣ мѣста слабымъ отблескомъ, падающимъ отъ небесной стѣны; тамъ буря ревѣла не такъ неистово. По этому пространному полю свободно разгуливаетъ Врагъ. Такъ коршунъ, свившій гнѣздо на вершинѣ Имауса [84], снѣжный хребетъ котораго служитъ преградой кочующему Татарину, летитъ прочь отъ мѣстъ, бѣдныхъ

He Heav'n of Heav'ns and all the Pow'rs therein
By thee created, and by thee threw down
Th' aspiring Dominations: thou that day
Thy Father's dreadful thunder didst not spare,
Nor stop thy flaming chariot-wheels, that shook
Heav'n's everlasting frame while o'er the necks
Thou drov'st of warring Angels disarray'd.
Back from pursuit thy Pow'rs with loud acclaim
Thee only' extoll'd, Son of thy Father's might,
To execute fierce vengeance on his foes,
Not so on Man: Him thro' their malice fall'n,
Father of mercy and grace, thou didst not doom
So strictly, but much more to pity incline;
No sooner did thy dear and only Son
Perceive thee purposed not to doom frail Man
So strictly, but much more to pity inclined,
He to appease thy wrath, and end the strife
Of mercy and justice in thy face discern'd,
Regardless of the bliss wherein he sat
Second to thee, offer'd himself to die
For man's offence. O unexampled love!
Love no where to be found less than Divine!

Hail Son of God, Saviour of Men, thy name
Shall be the copious matter of my song
Henceforth, and never shall my harp thy praise
Forget, nor from thy Father's praise disjoin,
Thus they in Heav'n, above the starry sphere,
Their happy hours in joy and hymning spent.
Mean while upon the firm opacous globe
Of this round world, whose first convex divides
The luminous inferior orbs, inclosed
From Chaos and th'inroad of Darkness old,
Satan alighted walks: a globe far off
It seem'd, now seems a boundless continent
Dark, waste, and wild, under the frown of Night
Starless exposed, and ever-threat'ning storms
Of Chaos blust'ring round, inclement sky;
Save on that side which from the wall of Heav'n,
Though distant far some small reflection gains
Of glimm'ring air less vex'd with tempest loud:
Here walk'd the Fiend at large in spacious field.
As when a vulture on Imaus bred,
Whose snowy ridge the roving Tartar bounds,
Dislodging from a region scarce of prey

8*

добычей, и чтобы въ волю насытиться мясомъ ягнятъ и козлятъ, пасущихся на лугахъ, устремляется къ истокамъ Ганга и Гидаспа, индійскихъ рѣкъ. Но по пути онъ опускается на безплодныя Серикансія равнины, гдѣ Китаецъ, гонимый парусами и вѣтромъ, несется въ своей легкой камышевой телѣжкѣ [85]. Такъ по этому бурному земляному морю одиноко блуждалъ Врагъ, отыскивая добычи;—одиноко... не бывало здѣсь еще ни единаго созданія, ни одареннаго, ни неодареннаго жизнью, ни единаго еще.

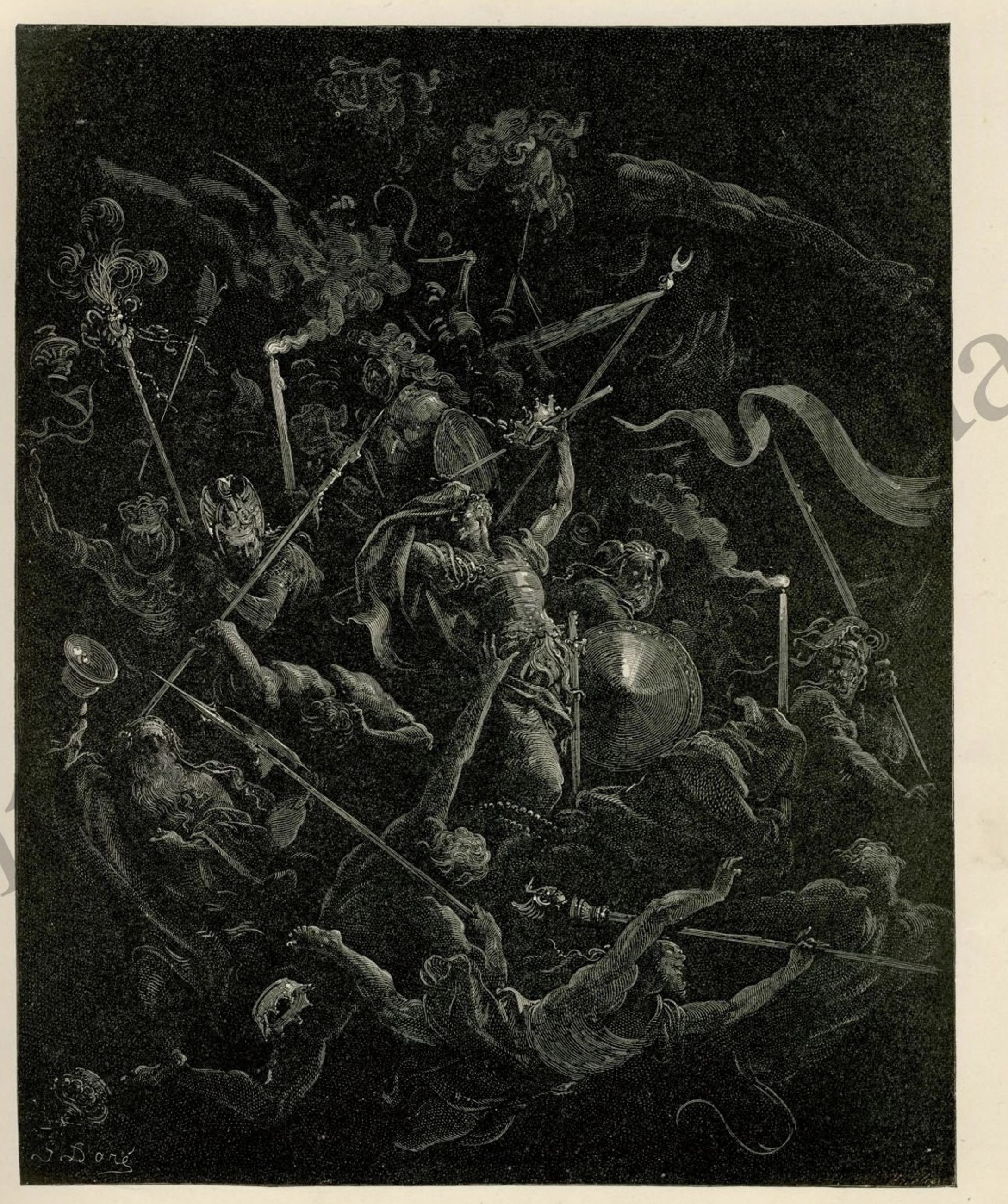
Но впослѣдствіи, когда грѣхъ наполнилъ тщеславіемъ человѣческія дѣла, словно воздушные пары, поднялись сюда съ земли всѣ предметы человѣческой суетности и пустоты, всѣ праздныя вещи, также какъ и всѣ тѣ, кто на этихъ пустыхъ вещахъ основывалъ свои надежды на славу, на безсмертіе, на счастье въ этой или будущей жизни. Всѣ, стремившіеся заслужить лишь людскую похвалу и получившіе въ этомъ мірѣ награду, плодъ ихъ тяжкаго суевѣрія или слѣпого рвенія, находятъ здѣсь, какъ справедливое воздаяніе, награду, столь же ничтожную, какъ ихъ дѣла. Сюда собираются всѣ произведенія Природы, вышедшія изъ ея рукъ неоконченными или неудавшимися, въ видѣ незрѣлыхъ зародышей или чудовищъ. Уничтожась на землѣ, они летятъ сюда и бродятъ въ пустотѣ до окончательнаго уничтоженія. Здѣсь собирается все это, а не на сосѣдней лунѣ, какъ воображали нѣкоторые.—Нѣтъ, серебристыя поля этой планеты скорѣе служатъ жилищемъ Святыхъ или Духовъ, занимающихъ середину между Ангеломъ и человѣкомъ. Изъ первыхъ стеклись туда дѣти беззаконнаго союза сыновъ и дочерей земли, гиганты древняго міра съ ихъ тщеславными подвигами, прославившими ихъ въ свое время, строители, воздвигнувшіе въ равнинѣ Сеннаарской Вавилонскую башню. Преслѣдуя безумную мечту, они и здѣсь построили бы новые Вавилоны, еслибъ было изъ чего. Иные являлись по одиночкѣ въ разныя времена, какъ Эмпедоклъ, восторженно бросившійся въ пламя Этны, чтобы его сочли богомъ, или Клеомбротъ [86], бросившійся въ море, чтобы скорѣе насладиться Елисейскими полями, о которыхъ мечталъ Платонъ. Но слишкомъ долго было бы исчислять всѣхъ этихъ безумцевъ, неразвитыхъ зародышей, идіотовъ, отшельниковъ, монаховъ въ бѣлыхъ, черныхъ, сѣрыхъ одеждахъ [87], со всѣмъ

To gorge the flesh of lambs or yeanling kids
On hills where flocks are fed, flies toward the springs
Of Ganges or Hydaspes, Indian streams;
But in his way lights on the barren plains
Of Sericana, where Chineses drive
With sails and wind their cany waggons light:
So on this windy sea of land, the Fiend
Walk'd up and down alone, bent on his prey:
Alone; for other creature in this place,
Living or lifeless, to be found was none;
None yet, but store hereafrer from the earth
Up hither like aëreal vapours flew
Of all things transitory and vain, when sin
With vanity had fill'd the works of men;
Both all things vain, and all who in vain things
Built their fond hopes of glory, or lasting fame,
Or happiness, in this or th' other life;
All who have their reward on earth, the fruits
Of painful superstition and blind zeal,
Nought seeking but the praise of men, here find
Fit retribution, empty as their deeds:
All th' unaccomplish'd works of Nature's hand,
Abortive, monstrous, or unkindly mix'd,
Dissolved on earth, fleet hither, and in vain,
Till final dissolution, wander here;
Not in the neighb'ring moon, as some have dream'd;
Those argent fields more likely habitants,
Translated Saints or middle Spirits, hold
Betwixt th' angelical and human kind.
Hither of ill-join'd sons and daughters born
First from the ancient world those giants came,
With many a vain exploit, though then renown'd:
The builders next of Babel on the plain
Of Sennaar, and still with vain design
New Babels, had they wherewithal, would build:
Others came single; he who to be deem'd
A God, leap'd fondly into Ætna flames,
Empedocles; and he who to enjoy
Plato's Elysium, leap'd into the sea,
Cleombrotus; and many more too long,
Embryos and idiots, eremites and friars
White, black and grey, with all their trumpery.

Но слишкомъ долго было бы исчислять всѣхъ этихъ безумцевъ, неразвитыхъ зародышей, идіотовъ, отшельниковъ, монаховъ . . . . . .

Пѣснь 3, стр. 60.

. . . . . And many more too long,
Embryos and idiots, ...

II

ихъ лицемѣрнымъ притворствомъ. Тутъ бродятъ пилигримы, въ заблужденіи своемъ искавшіе на Голгоѳѣ, Того, Кто живетъ на Небесахъ; святоши, которые облекаются передъ смертью въ рясу Доминиканца или Францисканца, воображая подъ прикрытіемъ этой одежды попасть въ Рай. Вотъ они проходятъ семь планетъ [88], проходятъ неподвижныя звѣзды и хрустальную сферу, которая первая пришла въ движеніе и уравновѣшиваетъ колеблющіяся свѣтила, — предметъ стольких разсужденій. У небесной двери, Святый Петръ со своими ключами какъ будто давно ожидаетъ ихъ. Вотъ они уже у небесной лѣстницы, они заносятъ ногу на ея ступени... но смотрите!... стремительный порывъ двухъ встрѣчныхъ вѣтровъ опрокидываетъ ихъ и сноситъ на десять тысячъ стадій внизъ, въ пустоту пространства. Вы увидѣли бы, какъ кружились тутъ, разрываясь на клочки, клобуки, капюшоны, рясы, съ тѣми, кого они облекали; какъ разносились вѣтрами святыни, четки, индульгенціи, разрѣшенія, помилованія, буллы: все это крутилось и взвивалось въ вихрѣ, уносясь далеко отъ земли въ преддверіе Ада, обширную бездну, названную съ тѣхъ поръ Раемъ Безумныхъ [89]. Тогда мѣсто это было еще не заселено, никто не бывалъ здѣсь, но впослѣдствіи лишь немногимъ оно стало незнакомо. Врагъ, на пути своемъ, напалъ на этотъ темный шаръ; долго бродилъ онъ по немъ, пока слабый лучъ свѣта не привлекъ его къ себѣ. Поспѣшно направляетъ онъ туда свои шаги. Издали еще видитъ онъ обширное зданіе, великолѣпными ступенями восходящее до стѣны небесной. На самомъ верху виднѣлось сооруженіе еще болѣе роскошное и величавое, какъ бы врата царскаго дворца. Фронтонъ его горѣлъ золотомъ и алмазами; порталъ былъ залитъ блескомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ Востока. Даже отдаленное подражаніе такому зданію невозможно на землѣ, и никакая кисть не способна изобразить его. Такова была лѣстница, по которой восходили и нисходили толпами Ангелы, блестящіе хранители Неба, видѣнная во снѣ Іаковомъ, когда онъ, бѣжавъ отъ Исава въ Харранъ, заснулъ подъ открытымъ небомъ, въ полѣ, близъ Лузы. Пробудясь, онъ воскликнулъ: «Это врата небесныя!» [90] Каждая ступень этой необъятной лѣстницы имѣла таинственное значеніе. Она не всегда стояла тамъ, порой она невидимо

Here Pilgrims roam, that stray'd so far to seek
In Golgotha him dead, who lives in Heav'n:
And they who, to be sure of Paradise,
Dying put on the weeds of Dominic,
Or in Franciscan think to pass disguised:
They pass the planets sev'n, and pass the fix'd,
And that crystalline sphere whose balance weighs
The trepidation talk'd, and that first moved;
And now Saint Peter at Heav'n's wicket seems
To wait them with his keys, and now at foot
Of Heav'n's ascent they lift their feet, when lo,
A violent cross wind from either coast
Blows them transverse ten thousand leagues awry
Into the devious air; then might ye see
Cowls, hoods, and habits, with their wearers, tost
And flutter'd into rags; then reliques, beads,
Indulgences, dispenses, pardons, bulls,
The sport of winds: all these upwhirl'd aloft
Fly o'er the backside of the world far off
Into a Limbo large and broad, since call'd
The Paradise of Fools, to few unknown
Long after, now unpeopled, and untrod.
All this dark globe the Fiend found as he pass'd,
And long he wander'd, till at last a gleam
Of dawning light turn'd thitherward in haste
His travell'd steps: far distant he descries
Ascending by degrees magnificent
Up to the wall of Heav'n a structure high;
At top whereof, but far more rich, appear'd
The work as of a kingly palace gate,
With frontispiece of diamond and gold
Embellish'd: thick with sparkling orient gems
The portal shone, inimitable on earth
By model, or by shading pencil drawn.
The stairs were such as whereon Jacob saw
Angels ascending and descending, bands
Of guardians bright, when he from Esau fled
To Padan-Aram in the field of Luz,
Dreaming by night under the open sky,
And waking cry'd, This is the gate of Heav'n.
Each stair mysteriously was meant, nor stood
There always, but drawn up to Heav'n sometimes

уходила въ Небеса. Подъ ней разстилалось море блестящимъ потокомъ яшмъ и жемчуговъ; впослѣдствіи, души праведныхъ, покинувъ землю, стали переноситься черезъ его поверхность на крыльяхъ Ангеловъ или на небесныхъ колесницахъ, несомыхъ огненными конями[91]).

Теперь лѣстница эта была опущена, для того ли чтобы соблазнить Врага легкостью восхода, или для того, чтобы сильнѣе пробудить въ немъ скорбь объ его печальномъ изгнаніи отъ вратъ блаженства. Прямо противъ этихъ воротъ открывалась дорога, спускавшаяся на Землю къ блаженной странѣ Рая, широкая дорога, гораздо шире той, что впослѣдствіи вела на Сіонскую гору и въ Обѣтованную землю, возлюбленную Богомъ, хотя и этотъ путь былъ широкъ; по немъ часто проходили Ангелы, чтобы возвѣщать тѣмъ счастливымъ племенамъ волю Всевышняго, и Самъ Онъ съ любовью взиралъ на нихъ отъ Панеи[92]), у истока рѣки Іорданской, до Вирсавіи, гдѣ Святая Земля граничитъ съ Египтомъ и берегами Аравіи. Такъ широко было отверстіе, полагавшее предѣлы царству мрака, подобно берегамъ, сдерживающимъ волны океана. Отсюда, стоя на нижней ступени золотой лѣстницы, ведущей къ вратамъ Неба, Сатана смотритъ внизъ, пораженный величіемъ міозданія. Такъ развѣдчикъ, всю ночь пробродивъ съ опасностью жизни по темнымъ и пустыннымъ дорогамъ, достигаетъ наконецъ вершины горы, и при первомъ отрадномъ проблескѣ зари, неожиданно видитъ передъ собою неизвѣстную землю съ цвѣтущими нивами, или великолѣпный городъ съ блистающими шпилями и башнями, уже позолоченными лучами восходящаго солнца. Такимъ же удивленіемъ пораженъ Духъ зла, хотя онъ и привыкъ къ созерцанію Неба; но при видѣ всѣхъ этихъ міровъ, представшихъ передъ нимъ въ такой красотѣ, еще болѣе чѣмъ удивленіе, охватываетъ его зависть.

Взоръ его обнималъ вселенную (Сатана стоялъ высоко надъ сводами всѣхъ міровъ, подъ тѣнью Ночи) отъ восточной точки Вѣсовъ до той звѣзды [93]), на которую перенеслась Андромеда, далеко за горизонтъ Атлантическаго океана; потомъ обозрѣваетъ онъ всю ея широту, отъ одного полюса до другого, и, не размышляя дольше, ринулся внизъ къ первой планетѣ; быстро и легко разсѣкаютъ его крылья чистый мраморный воз-

Viewless: and underneath a bright sea flow'd
Of jasper, or of liquid pearl, whereon
Who after came from earth, sailing arrived,
Wafted by Angels, or flew o'er the lake
Rapt in a chariot drawn by fiery steeds.
The stairs were then let down, whether to dare
The Fiend by easy ascent, or aggravate
His sad exclusion from the doors of bliss:
Direct against which open'd from beneath,
Just o'er the blissful seat of Paradise,
A passage down to th' Earth, a passage wide,
Wider by far than that of after-times
Over mount Sion, and, though that were large,
Over the Promised Land, to God so dear,
By which, to visit oft those happy tribes,
On high behests his Angels to and fro
Pass'd frequent, and his eye with choice regard
From Paneas the fount of Jordan's flood
To Beërsaba, where the Holy Land
Borders on Egypt and th' Arabian shore:
So wide the op'ning seem'd, where bounds were set
To darkness, such as bound the ocean wave.
Satan from hence, now on the lower stair
That scaled by steps of gold to Heaven gate,
Looks down with wonder at the sudden view
Of all this world at once. As when a scout
Through dark and desert ways with peril gone
All night, at last by break of cheerful dawn
Obtains the brow of some high-climbing hill,
Which to his eye discovers unaware
The goodly prospect of some foreign land
First seen, or some renown'd metropolis
With glist'ring spires and pinnacles adorn'd,
Which now the rising Sun gilds with his beams:
Such wonder seized, though after Heaven seen,
The Spirit malighn, but much more envy seized,
At sight of all this world beheld so fair.
Round he surveys (and well might, where he stood
So high above the circling canopy
Of Night's extended shade) from eastern point
Of Libra to the fleecy star that bears
Andromeda far off Atlantic seas
Beyond th' horizon; then from pole to pole
He views in breadth, and without longer pause
Down right into the world's first region throws
His flight precipitant, and winds with ease

духъ [94], свободно пролетая извилистыми путями среди безчисленныхъ свѣтилъ, которыя издали казались ему блестящими звѣздами; вблизи же то были міры, или счастливые острова, подобные можетъ быть тѣмъ Гесперійскимъ садамъ [95], что славились въ древности своей красотою. О, чудныя рощи, тѣнистыя дубравы, цвѣтущія долины, острова трижды счастливые, какіе счастливцы обитаютъ на васъ? Сатана не останавливается, чтобы узнать объ этомъ. Одно только свѣтило привлекаетъ его взоры: золотое Солнце, блескомъ болѣе всего подходящее къ Небу: къ нему направляетъ онъ свой полетъ въ тиши небесной тверди (какъ онъ летѣлъ: вверхъ или внизъ, отъ центра или къ центру, или вдоль пространства— трудно сказать); онъ приближается къ мѣсту, гдѣ горитъ великое свѣтило, изливающее потоки свѣта на простыя созвѣздія, совершающія свое круговращеніе далеко отъ его царственнаго взора. Этотъ звѣздный хороводъ плавнымъ и неизмѣннымъ движеніемъ своимъ отмѣчаетъ дни, мѣсяцы и годы; быстро кружится онъ вокругъ чуднаго свѣтила, обращаясь всегда по направленію его магнетическихъ лучей, благотворно согрѣвающихъ вселенную и невидимо проникающихъ живительной силой самыя нѣдра земныя и глубину морскую; такъ дивно поставлена блестящая планета! На ней останавливается Врагъ, затемнивъ свѣтлый шаръ Солнца такимъ малымъ пятномъ, какого можетъ быть астрономъ и не разглядѣлъ бы въ свою зрительную трубу.

Сатана пораженъ блескомъ свѣтила, несравненнаго ни съ чѣмъ на землѣ—ни съ металломъ, ни съ камнемъ. Не всѣ части его одинаковы, но всѣ проникнуты яркимъ свѣтомъ, какъ бываетъ проникнуто огнемъ раскаленное желѣзо. Если сравнивать его съ металломъ, то частью оно было похоже на золото, частью на чистое серебро; если же уподобить его блескъ драгоцѣннымъ камнямъ, то оно сіяло всѣми переливами карбункула, хризолита, или рубина, топаза, или всѣми цвѣтами двѣнадцати камней, блестѣвшихъ на наперсникѣ [96] Аарона; или можно еще сравнить его съ камнемъ, болѣе существовавшимъ въ мечтахъ, чѣмъ въ дѣйствительности, съ тѣмъ камнемъ, что здѣсь на землѣ такъ долго и тщетно искали философы, хотя своимъ могущественнымъ искусствомъ они сумѣли

Through the pure marble air his oblique way
Amongst innumerable stars, that shone
Stars distant, but nigh hand seem'd other worlds,
Or other worlds they seem'd, or happy isles,
Like those Hesperian gardens famed of old,
Fortunate fields, and groves, and flow'ry vales,
Thrice happy isles; but who dwelt happy there
He stay'd not to inquire: above them all
The golden Sun, in splendour likest Heav'n,
Allured his eye: thither his course he bends
Through the calm firmament (but up or down.
By centre, or eccentric, hard to tell,
Or longitude) where the great luminary
Aloof the vulgar constellations thick,
That from his lordly eye keep distance due,
Dispenses light from far, they as they move
Their starry dance in numbers that compute
Days, months, and years, tow'rds his all-cheering lamp
Turn swift their various motions, or are turn'd
By his magnetic beam, that gently warms
The universe, and to each inward part
With gentle penetration, though unseen,
Shoots invisible virtue ev'n to the deep;
So wondrously was set his station bright.
There lands the Fiend, a spot like which perhaps
Astronomer in the Sun's lucent orb
Through his glazed optic tube yet never saw.
The place he found beyond expression bright,
Compar'd with aught on earth, metal or stone;
Not all parts like, but all alike inform'd
With radiant light, as glowing iron with fire:
If metal, part seem'd gold, part silver clear;
If stone, carbuncle most, or chrysolite,
Ruby or topaz, to the twelve that shone
In Aaron's breast-plate, and a stone besides
Imagined rather oft than elsewhere seen,
That stone, or like to that which here below
Philosophers in vain so long have sought;
In vain, though by their pow'rful art they bind

связать крылатаго Гермеса, и даже, въ разныхъ видахъ вызывали изъ моря древняго Протея [97], съ помощью химической колбы принуждая его принимать свой первобытный видъ. Что жъ удивительнаго, что тѣ поля и страны выдыхаютъ изъ себя чистый Элексиръ, что рѣки тамъ текутъ золотомъ, если Солнце, этотъ великій химикъ, на такомъ далекомъ разстояніи отъ насъ, однимъ чудодѣйственнымъ прикосновеніемъ своихъ лучей, здѣсь, въ темнотѣ, творитъ съ помощію земной влаги такое множество драгоцѣнностей самыхъ яркихъ красокъ и поразительной красоты?

Здѣсь Дьяволъ находитъ много новыхъ предметовъ удивленія, но они не поражаютъ его. Широко и далеко господствуетъ его взоръ,—никакая тѣнь, никакое препятствіе не мѣшаютъ зрѣнію. Здѣсь все одно солнечное сіяніе; какъ полуденное солнце сосредоточиваетъ силу своихъ лучей на экваторѣ, такъ и здѣсь лучи его постоянно падаютъ вертикально, отчего кругомъ не ложится тѣни ни отъ какого темнаго тѣла; воздухъ здѣсь такъ чистъ и прозраченъ, какъ нигдѣ, и взоръ Сатаны проникаетъ въ неизмѣримую даль. Вдругъ онъ видитъ стоящаго на горизонтѣ свѣтозарнаго Ангела, того самаго, котораго видѣлъ Іоаннъ, также на Солнцѣ [98]. Лицо Ангела было обернуто въ другую сторону, но блескъ его не былъ скрытъ; на головѣ его сіяла золотая тіара изъ солнечныхъ лучей, чудныя кудри золотистыми волнами разсыпались по крылатымъ плечамъ. Онъ, казалось, занятъ былъ исполненіемъ какого-то важнаго велѣнья, и погруженъ въ глубокое размышленіе. Велика была радость нечистаго Духа при видѣ Ангела: теперь онъ надѣялся найти вождя, который направитъ его блуждающій полетъ къ Раю, счастливому жилищу человѣка, къ мѣсту, гдѣ должны были кончиться его странствія и начаться наши горести. Но прежде Сатана думаетъ измѣнить свой настоящій видъ, опасаясь подвергнуть себя иначе опасности или затрудненіямъ, и вотъ онъ превращается въ юнаго Херувима изъ младшихъ чиновъ. Лицо его сіяло небесной улыбкой, весь образъ его былъ полонъ юной прелести, такъ искусно умѣлъ онъ притворяться. Воздушныя кудри развѣваются изъ-подъ золотого вѣнца и ласкаютъ его нѣжныя ланиты; перья его крыльевъ блистаютъ самыми яркими красками и усѣяны золотыми блестками; приподнятая одежда обли-

Volatile Hermes, and call up unbound
In various shapes old Proteus from the sea,
Drain'd through a limbec to his native form.
What wonder then if fields and regions here
Breathe forth Elixir pure, and rivers run
Potable gold, when with one virtuous touch
Th' arch-chemic Sun, so far from us remote,
Produces with terrestrial humour mix'd
Here in the dark so many precious things
Of colour glorious and effect so rare?
Here matter new to gaze the Devil met
Undazzled; far and wide his eye commands;
For sight no obstacle found here, nor shade,
But all sunshine, as when his beams at noon
Culminate from th' equator, as they now
Shot upward still direct, whence no way round
Shadow from body opaque can fall; and th' air,
No where so clear, sharpen'd his visual ray
To objects distant far, whereby he soon
Saw within ken a glorious Angel stand,
The same whom John saw also in the Sun.
His back was turn'd, but not his brightness hid:
Of beaming sunny rays a golden tiar
Circled his head, nor less his locks behind
Illustrious on his shoulders fledge with wings
Lay waving round. On some great charge employ'd
He seem'd, or fix'd in cogitation deep.
Glad was the Spirit impure, as now in hope
To find who might direct his wand'ring flight
To Paradise, the happy seat of Man,
His journey's end, and our beginning woe.
But first he casts to change his proper shape,
Which else might work him danger or delay:
And now a stripling Cherub he appears,
Not of the prime, yet such as in his face
Youth smiled celestial, and to ev'ry limb
Suitable grace diffused, so well he feign'd:
Under a coronet his flowing hair
In curls on either cheek play'd; wings he wore
Of many a colour'd plume, sprinkled with gold;
His habit fit for speed succinct, and held

чаетъ въ немъ странника; серебряный посохъ какъ бы поддерживаетъ его легкую походку. Недолго оставался онъ незамѣченнымъ; прежде чѣмъ онъ приблизился, блестящій Ангелъ, предупрежденный слухомъ, обратилъ къ нему свой лучезарный ликъ. Сатана мгновенно узнаетъ его: это Архангелъ Уріилъ [99], одинъ изъ семи Ангеловъ, постоянно находящихся въ присутствіи Бога; они всѣхъ ближе стоятъ къ Его трону, ожидая Его велѣній: это Его очи; быстро пролетаютъ Ангелы всѣ Небеса, или спускаются къ Землѣ, разнося Его велѣнія черезъ сушу и воды, черезъ моря и земли. Сатана приближается къ нему и говоритъ:

«Уріилъ, ты одинъ изъ семи свѣтлыхъ Ангеловъ, стоящихъ въ сіяніи славы передъ высокимъ трономъ Господнимъ, ты одинъ изъ первыхъ возвѣстителей Его великой воли въ высочайшихъ Небесахъ, гдѣ всѣ небесные Духи съ нетерпѣніемъ ждутъ тебя, посланника Божія. И здѣсь вѣрно, по Высочайшей волѣ, ты исполняешь ту же почетную должность и, какъ око Господне, часто обозрѣваешь это новое шаровидное твореніе? Меня влекло непреодолимое желаніе увидѣть, узнать чудный новый міръ, а главное Человѣка, котораго такъ возлюбилъ и облагодѣтельствовалъ Господь и для котораго создалъ всѣ эти дивныя творенія. Я оставилъ хоры Херувимовъ и одиноко предпринялъ невѣдомый путь. Скажи мнѣ, о лучезарнѣйшій изъ Серафимовъ, какой изъ всѣхъ этихъ блестящихъ шаровъ назначенъ быть жилищемъ человѣку? Или у него нѣтъ опредѣленнаго жилища, а онъ можетъ выбирать по своей волѣ тотъ или другой изъ этихъ свѣтлыхъ міровъ? Я желалъ бы найти его, чтобы тайно или явно съ восхищеніемъ взглянуть на того, кому Всемогущій Творецъ даровалъ міры, изливъ на него всѣ свои щедроты. Да восхвалимъ мы оба въ этомъ новомъ твореніи, какъ и во всѣхъ дѣлахъ Его, имя Творца Вселенной, правосудно изгнавшаго мятежныхъ Ангеловъ въ преисподній Адъ, и для вознагражденія этой потери сотворившаго новый счастливый родъ—Человѣка, ожидая отъ него большей преданности себѣ.—Премудры всѣ пути Его!»

Такъ говорилъ вѣроломный Лицемѣръ, не будучи узнанъ: притворство обманываетъ Ангеловъ такъ же, какъ и людей. Изъ всѣхъ пороковъ, допускаемыхъ волею Провидѣнія на землѣ и на Небесахъ, онъ единственный

Before his decent steps a silver wand.
He drew not nigh unheard: the Angel bright,
Ere he drew nigh, his radiant visage turn'd,
Admonish'd by his ear, and straight was known
Th' Arch-Angel Uriel, one of the seven
Who in God's presence, nearest to his throne,
Stand ready at command, and are his eyes
That run through all the Heav'ns, or down to th' Earth
Bear his swift errands over moist and dry,
O'er sea and land: him Satan thus accosts:
  Uriel, for thou of those sev'n Spirits that stand
In sight of God's high throne, gloriously bright,
The first art wont his great authentic will
Interpreter through highest Heav'n to bring,
Where all his sons thy embassy attend;
And here art likeliest, by Supreme decree,
Like honour to obtain, and as his eye
To visit oft this new creation round;
Unspeakable desire to see, and know
All these his wondrous works, but chiefly Man,
His chief delight and favour; him for whom
All these his works so wondrous he ordain'd,
Hath brought me from the choirs of Cherubim
Alone thus wand'ring. Brightest Seraph, tell
In which of all these shining orbs hath Man
His fixed seat, or fixed seat hath none,
But all these shining orbs his choice to dwell;
That I may find him, and with secret gaze
Or open admiration him behold,
On whom the great Creator hath bestow'd
Worlds, and on whom hath all these graces pour'd;
That both in him and all things, as is meet,
The Universal Maker we may praise,
Who justly hath driv'n out his rebel foes
To deepest Hell; and to repair that loss
Created this new happy race of Men
To serve him better: wise are all his ways.
  So spake the false Dissembler unperceived;
For neither Man nor Angel can discern
Hypocrisy, the only evil that walks
Invisible, except to God alone,
By his permissive will, thro' Heav'n and Earth:

ходитъ скрытно для всѣхъ, кромѣ одного Бога: и часто Разумъ бодрствуетъ, но Подозрѣніе засыпаетъ у его двери, или предоставляетъ охраненіе ея Простотѣ, а Доброта не подозрѣваетъ зла тамъ, гдѣ его не видно. Вотъ почему этотъ разъ былъ обманутъ самъ Уріилъ, правитель Солнца, Духъ, одаренный самымъ проницательнымъ зрѣніемъ. На лживую рѣчь дерзкаго самозванца онъ чистосердечно отвѣчаетъ:

«Прекрасный Ангелъ, твое желаніе видѣть новыя творенія Господни, чтобы прославить великаго Зиждителя, не заслуживаетъ порицанія. Напротивъ, чѣмъ сильнѣе оно, тѣмъ болѣе достойно похвалы; значитъ, горячо оно было въ тебѣ, если ты оставилъ твою небесную обитель и такъ одиноко предпринялъ этотъ путь, чтобы собственными глазами видѣть то, о чемъ другіе довольствуются знать по разсказамъ, какіе доходятъ до нихъ въ Небѣ. Дѣйствительно, дивны всѣ созданія Творца, созерцаніе ихъ радуетъ душу и навѣки остается въ памяти, какъ одно изъ лучшихъ наслажденій! Какой умъ можетъ исчислить ихъ или постигнуть безконечную премудрость, вызвавшую ихъ къ жизни, но сокрывшую ихъ глубокія причины? Я видѣлъ какъ по Его слову, безформенная масса, первоначальная матерія земли, стала слагаться въ одно цѣлое: Хаосъ услышалъ голосъ Всемогущаго, дикое Смятеніе покорилось закону, Безпредѣльность вступила въ предѣлы. По второму Его велѣнію, Мракъ бѣжалъ, возсіялъ Свѣтъ, изъ Неустройства возникъ Порядокъ. Стихіи плотныя и тяжелыя: Земля, Вода, Огонь, Воздухъ, быстро заняли каждая свое опредѣленное мѣсто; эѳирное же вещество Небесъ поднялось вверхъ; мало-помалу оно стало свертываться въ шарообразныя формы, и превратилось въ безчисленныя звѣзды, какъ ты ихъ видишь на Небѣ; каждая изъ нихъ имѣетъ свое назначенное мѣсто, свое теченіе. Остальное, словно стѣной, окружаетъ вселенную. Взгляни внизъ, на тотъ шаръ; сторона его, обращенная къ намъ, свѣтится отраженнымъ отсюда свѣтомъ. Это Земля, жилище Человѣка. Свѣтъ, изливаемый отсюда, даетъ ей день, иначе ею завладѣла бы ночь, царствующая теперь на противуположномъ полушаріи; но и тамъ благодѣтельно является на помощь близкая Луна (такъ называется прекрасная планета, что ты видишь по ту сторону земли). Она

And oft though Wisdom wake, Suspicion sleeps
At Wisdom's gate, and to Simplicity
Resigns her charge, while Goodness thinks no ill
Where no ill seems: which now for once beguiled
Uriel, though regent of the Sun, and held
The sharpest sighted Spirit of all in Heav'n;
Who to the fraudulent impostor foul
In his uprighteness answer thus return'd:
  Fair Angel, thy desire, which tends to know
The works of God, thereby to glorify
The great Work-Master, leads to no excess
That reaches blame, but rather merits praise
The more it seems excess, that led thee hither
From thy empyreal mansion thus alone,
To witness with thine eyes what some perhaps
Contented with report hear only in Heav'n:
For wonderful indeed are all his works,
Pleasant to know, and worthiest to be all
Had in remembrance always with delight:
But what created mind can comprehend
Their number, or the wisdom infinite
That brought them forth, but hid their causes deep?
I saw when at his word the formless mass,
This world's material mould, came to a heap:
Confusion heard his voice, and wild Uproar
Stood ruled, stood vast Infinitude confined;
Till at his second bidding Darkness fled,
Light shone, and Order from Disorder sprung:
Swift to their sev'ral quarters hasted then
The cumbrous elements, Earth, Flood, Air, Fire;
And this ethereal quintessence of Heav'n
Flew upward, spirited with various forms,
That roll'd orbicular, and turn'd to stars
Numberless, as thou seest, and how they move:
Each had his place appointed, each his course;
The rest in circuit walls this universe.
Look downward on that globe, whose hither side
With light from hence, though but reflected, shines;
That place is Earth, the seat of Man; that light
His day, which else, as th' other hemisphere,
Night would invade; but there the neighb'ring moon
(So call that opposite fair star) her aid

Онъ ринулся съ Солнца внизъ, къ земному шару.

Пѣснь 3, стр. 67.

. . . . Tow'rd the coast of earth beneath,

Down from th' ecliptic. . . . .

G. Doré

ежемѣсячно завершаетъ свой кругъ, постоянно возобновляя его въ небесныхъ равнинахъ, откуда тройственный ликъ ея заимствуетъ свѣтъ и, наполняясь имъ, снова возвращаетъ его отъ себя, чтобы освѣщать Землю; блѣдные лучи кроткаго свѣтила изгоняютъ мракъ ночи.

«Видишь то мѣсто, что я тебѣ показываю? Это и есть Рай, жилище Адама, а та густая тѣнь—его шатеръ. Теперь ты не можешь сбиться съ пути; я же долженъ спѣшить къ своимъ дѣламъ.»

Такъ сказалъ Ангелъ, и отправился въ свой путь. Сатана почтительно склонился передъ нимъ: такъ повелѣваетъ обычай Неба, гдѣ высшимъ Духамъ всегда воздаются должныя почести и уваженіе низшими чинами Ангеловъ [100]. Простясь, онъ ринулся съ Солнца внизъ, къ земному шару; надежда на успѣхъ придаетъ еще больше быстроты его крыльямъ, и, описывая въ воздухѣ безчисленные круги, стремительно несется онъ, не останавливаясь, пока не достигаетъ вершины Нифата [101].

Timely interposes, and her monthly round
Still ending still, renewing, through mid Heav'n,
With borrow'd light her countenance triform
Hence fills and empties to englighten th' Earth,
And in her pale dominion checks the night.
That spot to which I point is Paradise,
Adam's abode, those lofty shades his bow'r.
Thy way thou canst not miss, me mine requires.

Thus said, he turn'd; and Satan bowing low,
As to superior Spirits is wont in Heav'n,
Where honour due and rev'rence none neglects,
Took leave, and tow'rd the coast of earth beneath,
Down from th' ecliptic, sped with hoped success.
Throws his steep flight in many an aery wheel,
Nor stay'd, till on Niphates' top he lights.

ПѢСНЬ 4-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сатана, въ виду Эдема, вблизи того мѣста, гдѣ онъ долженъ привести въ исполненіе дерзкое предпріятіе противъ Бога и Человѣка предпріятіе, которое онъ одинъ взялъ на себя, впадаетъ въ сомнѣніе; имъ овладѣваютъ различныя страсти: страхъ, зависть, отчаяніе; наконецъ онъ утверждается въ своемъ зломъ намѣреніи, и направляется къ Раю; описаніе его мѣстоположенія; Сатана переступаетъ его предѣлы; садится въ видѣ морского ворона на Древо Жизни, какъ на самое высокое въ саду, съ цѣлью осмотрѣться кругомъ. Описаніе сада: Сатана въ первый разъ видитъ Адама и Еву; его удивленіе при видѣ совершенства ихъ формъ и счастливаго состоянія; но это не измѣняетъ его рѣшенія погубить ихъ; онъ подслушиваетъ ихъ разговоръ, потомъ узнаетъ, что имъ запрещено подъ страхомъ смерти вкушать отъ Древа Познанія; на этомъ намѣревается онъ основать свое искушеніе, склонивъ ихъ на ослушаніе; потомъ оставляетъ ихъ на нѣкоторое время, чтобы какими-либо другими средствами еще больше разузнать объ ихъ состояніи. Между тѣмъ Уріилъ, спустясь на солнечномъ лучѣ, предостерегаетъ Гавріила, на обязанности котораго лежало охраненіе райскихъ вратъ, что какой-то злой Духъ бѣжалъ изъ бездны, и въ полдень пролеталъ черезъ его сферу въ видѣ добраго Ангела, внизъ, къ Раю, но потомъ выдалъ себя на горѣ дикими своими движеніями. Гавріилъ обѣщаетъ разыскать его до восхода солнца. Съ наступленіемъ ночи, Адамъ и Ева говорятъ о томъ, что имъ надо идти на покой: описаніе ихъ шалаша; ихъ вечерняя молитва. Гавріилъ выводитъ свои отряды ночной стражи для обхода вокругъ Рая, посылаетъ двухъ сильныхъ Ангеловъ къ шалашу Адама, изъ опасенія чтобы злой Духъ не причинилъ вреда Адаму и Евѣ, во время ихъ сна; тамъ Ангелы застаютъ надъ ухомъ Евы Сатану, соблазняющаго ее во снѣ, и насильно ведутъ его къ Гавріилу; Архангелъ допрашиваетъ его, онъ даетъ презрительный отвѣтъ, готовится къ сопротивленію, но знакъ на Небѣ останавливаетъ его, и онъ бѣжитъ изъ Рая.

О! зачѣмъ молчалъ тогда тотъ благодѣтельный голосъ, громко раздавшійся съ Неба пророку, видѣвшему откровеніе Апокалипсиса [102]), когда вторично пораженный Драконъ яростно устремился на землю, чтобы выместить свою злобу на человѣческомъ родѣ.

«Горе живущимъ на землѣ!» вѣщалъ тотъ голосъ. О, еслибъ наши прародители могли слышать его, пока еще было время; предостереженные противъ тайнаго врага, они можетъ быть избѣгли бы его пагубныхъ сѣтей. Вотъ онъ уже тутъ, пылающій злобой. Сперва искуситель, потомъ обвинитель человѣчества, онъ хочетъ, чтобы невинный и слабый чело-

BOOK 4. THE ARGUMENT.

Satan now in prospect of Eden, and nigh the place where he must now attempt the bold enterprise which he undertook alone against God and Man, falls into many doubts with himself, and many passions, fear, envy, and despair; but at length confirms himself in evil journeys on to Paradise, whose outward prospect and situation is described, overleaps the bounds, sits in the shape of a cormorant on the Tree of Life, as highest in the garden, to look about him. The garden described: Satan's first sight of Adam and Eve; his wonder at their excellent form and happy state, but with resolution to work their fall; overhears their discourse, thence gathers, that the Tree of Knowledge was forbidden them to eat of, under penalty of Death; and thereon intends to found his temptation, by seducing them to transgress; then leaves them a while, to know further of their state by some other means. Meanwhile Uriel, descending on a sun-beam, warns Gabriel, who had in charge the gate of Paradise, that some evil Spirit had escaped the deep, and passed at noon by his sphere in the shape of a good Angel down to Paradise, discovered after by his furious gestures in the Mount. Gabriel promises to find him ere morning. Night coming on, Adam and Eve discourse of going to their rest: their bower described; their evening worship. Gabriel drawing forth his bands of night-watch to walk the round of Paradise, appoints two strong Angels to Adam's bower, lest the evil Spirit should be there doing some harm to Adam or Eve sleeping; there they find him at the ear of Eve, tempting her in a dream, and bring him, though unwilling, to Gabriel; by whom questioned, he scornfully answers, prepares resistance, but hindered by a sign from Heaven, flies out of Paradise.

O for that warning voice, which he who saw
Th' Apocalypse heard cry in Heav'n aloud,
Then when the Dragon, put to second rout,
Came furious down to be revenged on men,
Woe to th' inhabitants on earth! that now,
While time was, our first parents had been warn'd
The coming of their secret foe, and 'scaped,
Haply so 'scaped, his mortal snare: for now
Satan, now first inflamed with rage, came down
The tempter ere th' accuser of mankind,

вѣкъ поплатился за всѣ его потери въ первой битвѣ и низверженіе въ Адъ. Однако, какъ ни былъ онъ дерзокъ и безстрашенъ вдали отъ цѣли, теперь быстрое приближеніе къ ней не радуетъ его, и, приступая къ своему отважному предпріятію, онъ не можетъ похвалиться смѣлостью. Ужасная мысль, созрѣвъ теперь вполнѣ, кипитъ и бушуетъ въ его мятежной груди, подобно адской машинѣ, которая, извергнувъ смертоносный зарядъ, отпрядываетъ назадъ сама на себя. Сомнѣніе и ужасъ потрясаютъ его смущенный духъ; со дна души цѣлый Адъ встаетъ передъ нимъ: Адъ его неразлучный спутникъ; онъ всегда внутри его и вокругъ него. Ни на одинъ шагъ не можетъ онъ бѣжать отъ Ада, все равно какъ перемѣнивъ мѣсто, не можетъ скрыться отъ самого себя. Теперь Совѣсть будитъ дремавшее Отчаяніе; въ душѣ падшаго Ангела пробуждается горькое воспоминаніе о томъ, чѣмъ онъ былъ, чѣмъ сталъ, чѣмъ будетъ еще, когда бо́льшія злодѣянія навлекутъ на него еще болѣе жестокія страданія. То обращаетъ онъ свой печальный взоръ къ Эдему, который лежалъ передъ нимъ во всей своей красѣ, то съ глубокой скорбью взглянетъ на Небо и на Солнце, во всемъ блескѣ пылавшее на своемъ полуденномъ тронѣ, и послѣ долгихъ, мучительныхъ думъ, произноситъ со вздохомъ:

«О ты, увѣнчанное высшимъ блескомъ, ты смотришь съ высоты царства, гдѣ ты одинъ владыка, какъ богъ этого новаго міра; передъ твоимъ взоромъ всѣ свѣтила скрываютъ свои померкшія главы, къ тебѣ взываю я, но не голосомъ друга. Я произношу твое имя, о Солнце, для того только, чтобы сказать тебѣ, какъ я ненавижу твои лучи; они слишкомъ живо напоминаютъ мнѣ былое величіе, когда, въ славѣ, возвышался я нѣкогда надъ твоей сферой.

«Гордость и, что еще пагубнѣе, честолюбіе низринули меня съ этой высоты: я дерзнулъ въ самомъ Небѣ ополчиться противъ всесильнаго Царя Небесъ! О, зачѣмъ? Такой ли благодарности заслуживалъ Онъ отъ меня, Онъ, создавшій меня въ томъ высокомъ достоинствѣ, въ какомъ я блисталъ, никогда не упрекавшій меня Своими благодѣяніями? Не тяжело было служеніе Ему: воздавать Ему хвалы, — можно ли требовать менѣе?

To wreck on innocent frail man his loss
Of that first battle, and his flight to Hell:
Yet not rejoicing in his speed, though bold
Far off and fearless, no with cause to boast,
Begins his dire attempt, which nigh the birth
Now rolling, boils in his tumultuous breast,
And, like a dev'lish engine, back recoils
Upon himself: horror and doubt distract
His troubled thoughts, and from the bottom stir
The Hell within him; for within him Hell
He brings, and round about him; nor from Hell
One step no more than from himself can fly
By change of place: now Conscience wakes Despair
That slumber'd, wakes the bitter memory
Of what he was, what is, and what must be
Worse; of worse deeds worse suff'rings must ensue.
Sometimes tow'rds Eden, which now in his view
Lay pleasant, his grieved look he fixes sad;
Sometimes tow'rds Heav'n and the full-blazing Sun,
Which now sat high in his meridian tow'r:
Then much revolving, thus in sighs began:
O thou that with surpassing glory crown'd,
Looks't from thy sole dominion like the God
Of this new world; at whose sight all the stars
Hide their diminish'd heads: to thee I call,
But with no friendly voice, and add thy name,
O Sun, to tell the how I hate thy beams,
That bring to my remembrance from what state
I fell, how glorious once above thy sphere;
Till pride and worse ambition threw me down
Warring in Heav'n against Heav'n's matchless King:
Ah wherefore! he deserved no such return
From me, whom he created what I was
In that bright eminence, and with his good
Upbraided none; nor was his service hard.

Что могло быть легче и законнѣе этой дани! Но вся Его благость родила во мнѣ одно зло, одну ненависть. Стоя такъ высоко, я негодовалъ на всякое подчиненіе; я возмечталъ, что, возвысясь еще на одну ступень, я не буду имѣть себѣ равнаго и мгновенно избавлюсь отъ непомѣрнаго долга вѣчной благодарности. Тяжелъ долгъ, который платятъ безъ конца, всегда оставаясь должникомъ. Я забывалъ то, что получалъ безпрестанно, не понималъ, что благодарное сердце никогда не остается въ долгу, а постоянно платитъ, получая и уплачивая въ одно и то же время. Неужели такъ велика была эта тягость? О, зачѣмъ всемогущее Провидѣніе не создало меня простымъ Ангеломъ! Тогда я бы вѣчно наслаждался блаженствомъ; безумныя надежды, честолюбивые помыслы не вкрались бы въ мою душу. Впрочемъ, почему же нѣтъ? Если бы другой, столь же могущественный Духъ добивался высшей власти, какъ бы ничтоженъ я ни былъ, я былъ бы увлеченъ въ заговоръ. Однакоже, другіе Духи, равные мнѣ, не поддались соблазну; ничто не поколебало ихъ вѣрности ни извнѣ, ни внутри, такъ хорошо были они вооружены противъ всякаго искушенія. Но развѣ у тебя не было свободной воли и силы, чтобы оставаться твердымъ, какъ они? Увы! все это было у тебя: на что же ты ропщешь? Кого или что можешь ты обвинять? Развѣ безграничную любовь, на всѣхъ одинаково распространенную съ Небесъ?

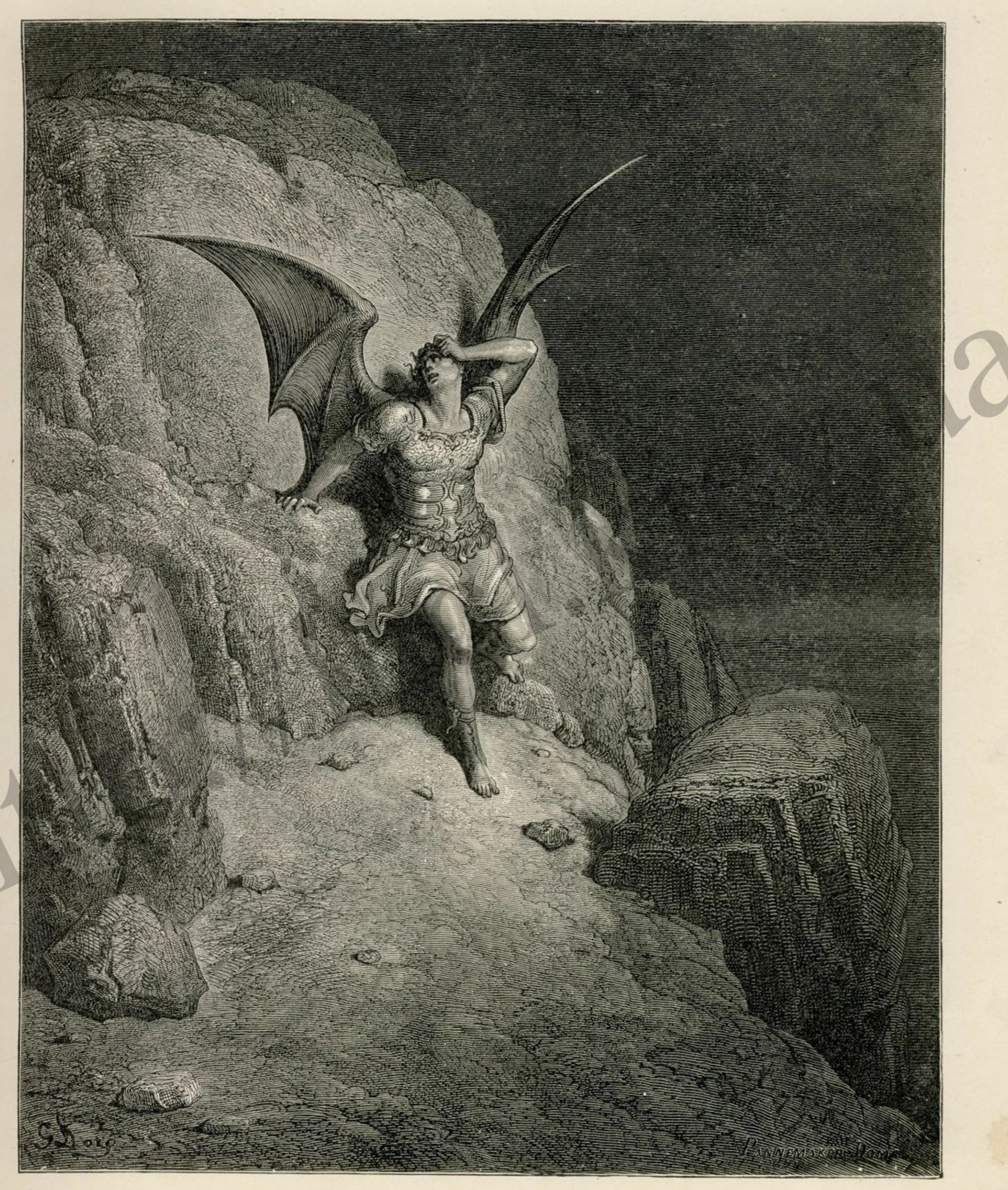
«О, да будетъ проклята эта любовь! Любовь и ненависть, обѣ приносятъ мнѣ одно вѣчное страданіе.—Нѣтъ! скорѣе будь проклятъ ты самъ! По своей собственной волѣ, самъ ты свободно избралъ то, въ чемъ теперь такъ справедливо раскаиваешься! О, горе мнѣ несчастному! Куда бѣжать мнѣ отъ вѣчнаго гнѣва, отъ безпредѣльнаго отчаянія! Куда бы я ни бѣжалъ, Адъ будетъ преслѣдовать меня; Адъ — это я самъ! Глубока адская бездна; но бездна внутри меня еще глубже; широко разверстая пасть ея ежеминутно грозитъ поглотить меня, и въ сравненіи съ этой страшной пучиной, Адъ, со всѣми его муками, кажется мнѣ Небомъ! О, смирись же наконецъ! Неужели въ твоемъ сердцѣ нѣтъ мѣста раскаянію, прощенію? Нѣтъ, допустить въ себѣ эти чувства, значитъ покориться. Покориться! Гордость и страхъ стыда передъ Духами, оставленными мной

What could be less than to afford him praise,
The easiest recompense, and pay him thanks,
How due! yet all his good proved ill in me,
And wrought but malice; lifted up so high,
I sdeingn'd subjection, and thought one step higher
Would set me high'st, and in a moment quit
The debt immense of endless gratitude,
So burdensome still paying, still to owe,
Forgetful what from Him I still received,
And understood not that a grateful mind
By owing owes not, but still pays, at once
Indebted and discharged: what burden then?
O had his pow'rful destiny ordain'd
Me some inferior Angel, I had stood
Then happy; no unbounded hope had raised
Ambition. Yet, why not? some other Pow'r,
As great might have aspired, and me, though mean,
Drawn to his part; but other Pow'rs as great
Fell not, but stand unshaken, from within
Or from without, to all temptations arm'd.
Hadst thou the same free will and pow'r to stand?
Thou hadst. Whom hast thou then or what t' accuse,
But Heav'n's free love dealt equally to all?
  Be then his love accursed, since love or hate,
To me alike, it deals eternal woe.
Nay, cursed be thou; since against his thy will
Chose freely what it now so justly rues.
Me miserable! which way shall I fly
Infinite wrath, and infinite despair?
Which way I fly is Hell; myself am Hell;
And in the lowest deep a lower deep
Still threat'ning to devour me opens wide,
To which the Hell I suffer seems a Heav'n.
O then at last relent. Is there no place
Left for repentance, none for pardon left?
None left but by submission; and that word
Disdain forbids me, and my dread of shame

О, горе мнѣ, несчастному! Куда бѣжать мнѣ отъ вѣчнаго гнѣва, отъ безпредѣльнаго отчаянія!

Пѣснь 4, стр. 70.

Me miserable! which way shall I fly
Infinite wrath, and infinite despair?

въ безднѣ, не позволяютъ мнѣ произнести этого слова. Не рабствомъ, другими надеждами обольщалъ я ихъ, хвалясь покорить Самого Всемогущаго! Увы, не знаютъ они, какъ дорого стóитъ мнѣ это дерзкое тщеславіе, какія тайныя муки терзаютъ мою душу, въ то время, какъ на моемъ адскомъ тронѣ принимаю я ихъ поклоненіе! Чѣмъ выше ставятъ меня корона и скипетръ, тѣмъ глубже и паденіе, я выше ихъ однимъ страданіемъ! И вотъ всѣ радости честолюбія! Но допустимъ, что я могъ бы раскаяться, былъ бы помилованъ и возвращенъ въ прежнее состояніе,— о! въ высокомъ положеніи какъ скоро вернулись бы опять высокія мысли. Какъ скоро отрекся бы я отъ клятвъ, данныхъ въ минуту притворной покорности! Обѣты, насильно вырванные страданіемъ, были бы признаны недѣйствительными. Никогда не можетъ быть искренняго примиренія тамъ, гдѣ раны смертельной ненависти проникли такъ глубоко. И такъ, это повлекло бы меня лишь къ новой измѣнѣ и еще глубочайшему паденію.

«Слишкомъ дорогой цѣной купилъ бы я короткій мигъ перемирія, заплативъ за него удвоенными страданіями. Онъ, Каратель мой, знаетъ это; Онъ такъ же далекъ отъ того, чтобы даровать мнѣ миръ, какъ я отъ того, чтобы вымаливать его. Ты видишь, всякая надежда погибла! Взамѣнъ насъ, отверженныхъ, изгнанныхъ, Онъ создалъ Человѣка, свою новую отраду, и для него этотъ новый міръ. И такъ, прости надежда! а вмѣстѣ съ надеждой прости страхъ, прости раскаяніе! Добро исчезло для меня безъ возврата: ты, о зло, будь моимъ благомъ! Посредствомъ тебя, я по крайней мѣрѣ раздѣлю владычество съ Царемъ Небесъ; посредствомъ тебя, быть-можетъ буду я царить надъ полу-вселенной, и Человѣкъ и новый тотъ міръ скоро узнаютъ это.»

Пока онъ говорилъ такъ, всѣ страсти, бушевавшія въ немъ, отражались на его лицѣ; три раза покрывалось оно блѣдностью; гнѣвъ, зависть, отчаяніе искажали принятыя имъ черты, и выдали бы обманщика, если бы его увидѣлъ чей нибудь глазъ, потому что такія бурныя чувства никогда не волнуютъ яснаго чела небесныхъ Духовъ. Сатана, скоро самъ замѣтивъ это, старается подавить свою душевную тревогу и принять

Among the Spirits beneath, whom I seduced
With other promises and other vaunts
Than to submit, boasting I could subdue
Th' Omnipotent. Ay me, they little know
How dearly I abide that boast so vain,
Under what torments inwardly I groan,
While they adore me on the throne of Hell!
Whit diadem and sceptre high advanced,
The lower still I fall, only supreme
In misery! such joy ambition finds.
But say I could repent, and could obtain
By act of grace my former state, how soon
Would highth recall high thoughts, how soon unsay
What feign'd submission swore! ease would recant
Vows made in pain, as violent and void;
For never can true reconcilement grow
Where wounds of deadly hate have pierced so deep:
Which would but lead me to a worse relapse,
And heavier fall: so should I purchase dear
Short intermission bought with double smart.
This knows my Punisher: therefore, as far
From granting he, as I from begging peace.
All hope excluded thus, behold, instead
Of us outcast, exiled, his new delight,
Mankind created, and for him this world.
So farewell hope, and with hope farewell fear,
Farewell remorse: all good to me is lost:
Evil be thou my good; by thee at least
Divided empire with Heav'n's King I hold,
By thee, and more than half perhaps will reign;
As Man ere long, and this new world shall know.
  Thus while he spake, each passion dimm'd his face;
Thrice changed with pale, ire, envy, and despair;
Which marr'd his borrow'd visage, and betray'd
Him counterfeit, if any eye beheld.
For heav'nly minds from such distempers foul
Are ever clear. Whereof he soon aware
Each perturbation smooth'd with outward calm,

спокойный видъ. Искусный лицемѣръ, онъ первый, чтобъ скрыть свою глубокую злобу, свое ненасытное мщеніе, надѣлъ личину святой добродѣтели; однако онъ еще не настолько былъ опытенъ въ своемъ искусствѣ, чтобы обмануть Уріила, уже предупрежденнаго ранѣе. Взоръ Архангела слѣдилъ за его полетомъ; онъ увидѣлъ, какъ на Ассирійской горѣ черты его измѣнялись отъ волненія, несвойственнаго блаженнымъ Духамъ; онъ замѣтилъ всѣ дикія движенія, всѣ отчаянные порывы Сатаны, когда тотъ предполагалъ, что онъ совсѣмъ одинъ, что никто не можетъ видѣть его, наблюдать за нимъ.

Падшій Ангелъ продолжаетъ свой путь, и наконецъ приближается къ предѣламъ Эдема, гдѣ прекрасный Рай, уже близкій теперь, вѣнчалъ своей зеленой оградой, словно валомъ, плоскую вершину дикой горы. Крутые, щетинистые склоны ея густо заросли причудливымъ кустарникомъ, и дѣлали ее неприступной; вверху подымались, уходя въ недосягаемую высь, величавые кедры, пихты, сосны, широколиственныя пальмы. Въ этой роскошной лѣсной картинѣ, ряды деревьевъ возвышались другъ надъ другомъ, образуя тѣнистыми вершинами величественный амфитеатръ. Но еще выше ихъ верхушекъ, зеленѣла высокая стѣна Рая; съ нея открывался нашему прародителю обширный видъ на всѣ страны, лежащія внизу.

Еще выше этой стѣны, въ самомъ Раю, возвышались кругомъ прекраснѣйшія деревья, обремененныя роскошными плодами; цвѣты и плоды въ одно и то же время золотились и пестрѣли на нихъ самыми яркими красками. Солнце изливало на нихъ свои лучи радостнѣе, чѣмъ озаряетъ оно легкія вечернія тучки, или блеститъ въ разноцвѣтной радугѣ, когда Богъ орошаетъ дождемъ землю. Такъ плѣнителенъ былъ видъ Рая. Чѣмъ дальше летитъ Сатана, тѣмъ чище и чище становится воздухъ, вливающій въ сердце чудную весеннюю радость, способную изгнать всякую тоску, кромѣ тоски отчаянія. Легкіе вѣтерки, нѣжно играя благовонными крылами, вѣютъ душистымъ бальзамомъ, и шепчутъ, откуда они похитили эти ароматы. Такъ, мореходцы, обогнувъ мысъ Доброй Надежды и миновавъ Мозамбикъ, чувствуютъ дыханіе сѣверо-восточнаго вѣтра, приносящаго съ ароматныхъ береговъ Счастливой Аравіи, далеко въ море, благовонія Сабеи:

Artificer of fraud; and was the first
That practised falsehood under saintly show,
Deep malice to conceal, couch'd with revenge:
Yet not enough had practised to deceive
Uriel once warn'd; whose eye pursued him down
The way he went, and on th' Assyrian mount
Saw him disfigured more than could befall
Spirit of happy sort; his gestures fierce
He mark'd and mad demeanour, then alone,
As he supposed, all unobserved, unseen.
So on he fares, and to the border comes
Of Eden, where delicious Paradise,
Now nearer, crowns with her inclosure green,
As with a rural mound, the champaign head
Of steep wilderness, whose hairy sides
With thicket overgrown, grotesque and wild,
Access deny'd; and over head up grew,
Insuperable height of loftiest shade,
Cedar, and pine, and fir, and branching palm;
A sylvan scene; and as the ranks ascend
Shade above shade, a woody theatre
Of stateliest view. Yet higher than their tops
The verdurous wall of Paradise up sprung;
Which to our gen'ral sire gave prospect large,
Into his nether empire neighb'ring round:
And higher than that wall a circling row
Of goodliest tress loaden with fairest fruit,
Blossoms and fruits at once of golden hue,
Appear'd with gay enamel'd colours mix'd:
On which the Sun more glad impress'd his beams
Than in fair ev'ning cloud, or humid bow,
When God hath show'r'd the earth: so lovely seem'd
That landskip: and of pure now purer air
Meets his approach, and to the heart inspires
Vernal delight and joy, able to drive
All sadness but despair: now gentle gales,
Fanning their odorif'rous wings, dispense
Native perfumes, and whisper whence they stole
Those balmy spoils. As when to them who sail
Beyond the Cape of Hope, and now are past
Mozambique, off at sea north-est winds blow
Sabean odours from the spicy shore

Въ раздумьи, медленно поднялся Сатана на крутую, дикую гору.

Пѣснь 4, стр. 73.

Now to th' ascent of that steep savage hill
Satan had journey'd on, pensive and slow.

они замедляютъ ходъ корабля, чтобы дольше наслаждаться благодатнымъ воздухомъ, который самъ старикъ Океанъ вдыхаетъ съ улыбкой. Такими же чудными ароматами вѣяло теперь на Врага, пришедшаго отравить ихъ, хотя они не были ему такъ противны, какъ Асмодею [103] рыбьи испаренія, принудившія этого бѣса оставить жену сына Товіина, плѣнившую его своею красотою, и бѣжать изъ земли Мидійской, откуда небесное правосудіе преслѣдовало его до Египта, гдѣ оковало его цѣпями.

Въ раздумьи, медленно поднялся Сатана на крутую, дикую гору; но далѣе не было пути, такъ густо переплелись вѣтви и корни разнородныхъ кустарниковъ и травъ, образовавъ сплошную, колючую изгородь, непроходимую ни для человѣка, ни для звѣря. Единственныя врата Рая лежали на востокѣ, по ту сторону горы; вѣроломный преступникъ видитъ ихъ, но пренебрегаетъ настоящимъ входомъ; съ презрѣніемъ, однимъ легкимъ прыжкомъ, онъ минуетъ всѣ преграды той горы, подобной высочайшей стѣнѣ, и прямо становится на ноги въ серединѣ Рая. Такъ хищный волкъ, принужденный голодомъ выслѣживать новую добычу, примѣчаетъ мѣста, куда вечеромъ пастухи загоняютъ стада въ огороженные плетни среди поля, считая ихъ тамъ въ безопасности; хищникъ легко перескакиваетъ черезъ плетень въ середину овчарни. Такъ еще, воръ, задумавшій обобрать сокровища богатаго гражданина, который, надѣясь на крѣпость запоровъ тяжелыхъ дверей своего жилища, не боится взлома, влѣзаетъ въ домъ черезъ окно или крышу. Такъ первый, величайшій хищникъ, ворвался въ овчарню Господню; такъ, позже, развратные наемники вторгались въ храмъ Божій.

Сатана взмахиваетъ крылами и взлетаетъ на Древо Жизни, дерево стоявшее по серединѣ Рая, высочайшее изъ всѣхъ. Сатана садится на его вершину въ видѣ морского ворона; но истинная жизнь не возвратилась ему: сидя на Древѣ Жизни, онъ обдумываетъ, какъ нанести смерть живущимъ. Не помышляя о силѣ дерева, дающаго жизнь, онъ избираетъ его только для того, чтобы дальше видѣть всю мѣстность, между тѣмъ какъ, при лучшемъ употребленіи, оно могло бы служить залогомъ безсмертія. Такъ справедливо то, что, кромѣ Бога, никто не умѣетъ правильно позна-

Of Araby the Blest; with such delay
Well pleased they slack their course, and many a league
Cheer'd with the grateful smell old Ocean smiles:
So entertain'd those odorous sweet the Fiend
Who came their bane, though with them better pleased
Than Asmodëus with the fishy fume
That drove him, though enamour'd from the spouse,
Of Tobit's son, and with a vengeance sent
From Media post to Egypt, there fast bound.
  Now to th' ascent of that steep savage hill
Satan had journey'd on, pensive and slow;
But furher way found none, so thick intwined,
As one continued brake, the undergrowth
Of shrubs and tangling bushes had perplex'd
All path of man or beast that pass'd that way:
One gate there only was, and that look'd east
On th' other side; which when th' arch-felon saw,
Due entrance he disdain'd, and in contempt,
At one slight bound high overleap'd all bound
Of hill or highest wall, and sheer within
Lights on his feet. As when a prowling wolf,
Whom hunger drives to seek new haunt for prey,
Watching where sepherds pen their flocks at eve
In hurdled cots amid the field secure,
Leaps o'er the fence with ease into the fold:
Or as a thief bent to unhoard the cash
Of some rich burgher, whose substantial doors,
Cross-barr'd and bolted fast, fear no assault,
In at the window climbs, or o'er the tiles:
So clomb this first grand thief into God's fold;
So since into his church lewd hirelings climb.
  Thence up he flew, and on the tree of life,
The middle tree and highest there that grew,
Sat like a cormorant: yet not true life
Thereby regain'd but sat divising death
To them who lived; nor on the virtue thought
Of that life-giving plant, but only used
For prospect, what well used had been the pledge
Of immortality. So little knows
Any, but God alone, to value right

вать настоящаго блага, и что злоупотребленіе и низкія цѣли извращаютъ самыя святыя вещи.

Сатана опускаетъ взоры на землю, и съ новымъ изумленіемъ смотритъ на все, что сотворено для счастья человѣка, на всѣ богатства Природы, заключенныя въ тѣсномъ уголкѣ ея; онъ на Землѣ вновь созерцаетъ Небо.

Блаженный этотъ Рай или садъ Божій, былъ насажденъ самимъ Всевышнимъ на восточной сторонѣ Эдема. Страна эта распространялась на востокъ, отъ Гаурана[104] до гордыхъ башенъ пышной Селевкіи, сооруженной владыками Греціи, или до Ѳелассара, гдѣ задолго до нихъ жили сыны Эдема. Это очаровательное мѣсто назначилъ Богъ для Своего еще болѣе очаровательнаго сада; Онъ повелѣлъ плодородной почвѣ произрастить въ немъ всѣ благороднѣйшія древесныя породы, самыя пріятныя для зрѣнія, обонянія, вкуса. Посреди сада, возвышаясь надъ всѣми деревьями, росло Древо Жизни, разливавшее отъ своихъ золотыхъ плодовъ благоуханіе амврозіи; а рядомъ съ жизнію стояла наша смерть, Древо Познанія,—познанія добра, купленнаго дорогою цѣною познанія зла.

На югѣ, черезъ Эдемъ протекала широкая рѣка; она нигдѣ не поворачивала своего теченія, но скрывалась въ лѣсистой горѣ, проходя въ ея глубокихъ нѣдрахъ. Богъ перекинулъ эту гору черезъ быстрый потокъ для того, чтобы она служила черноземомъ Его саду; рыхлая земля, утоляя свою жажду, нѣжно всасывала въ себя чистую струю, и она, поднявшись наверхъ, прозрачнымъ ключомъ вырывалась наружу и орошала садъ множествомъ ручейковъ. Всѣ эти ручейки, соединяясь въ одинъ потокъ, катились внизъ по крутому обрыву, навстрѣчу рѣкѣ, которая выходила тамъ изъ своего мрачнаго подземнаго прохода, и раздѣлялась на четыре главныхъ потока[105]; ихъ воды бѣжали въ разныя стороны и протекали черезъ многія великія царства и земли. Безполезно было бы называть ихъ; лучше я опишу, если доступно Искусству нарисовать такую картину, какъ изъ сафирныхъ водъ этого ключа прозрачные ручейки, катясь по золотому песку и жемчужинамъ востока, вились безчисленными изгибами; подъ прохладой нависшихъ вѣтвей, несли они свои нектарныя струи, омывая каждое растеніе и питая цвѣты, достойные Рая. Не Искусство по

The good before him, but perverts best things
To worst abuse, or to their meanest use.
Beneath him, with new wonder, now he views
To all delight of human sense exposed
In narrow room Natur's whole wealth, yea more,
A Heav'n on Earth: for blissful Paradise
Of God the garden was, by him in th' east
Of Eden planted: Eden stretch'd her line
From Auran eastward to the royal tow'rs
Of great Seleucia, built by Grecian kings,
Or where the sons of Eden long before
Dwelt in Telassar. In this pleasant soil
His far more pleasant garden God ordain'd;
Out of the fertile ground he caused to grow
All trees of noblest kind for sight, smell, taste;
And all amid them stood the tree of life,
High eminent, blooming ambroisial fruit
Of vegetable gold; and next to life,
Our death, the tree of knowledge, grew fast by,
Knowledge of good bought dear by knowing ill.

Southward through Eden went a river large,
Nor changed his course, but thro' the shaggy hill
Pass'd underneath ingulf'd; for God had thrown
That mountain as his garden mould high raised
Upon the rapid current, which thro' veins
Of porous earth with kindly thirst up drawn,
Rose a fresh fountain, and with many a rill
Water'd the garden: thence united fell
Down the steep glade, and met the nether flood,
Which from his darksome passage now appears,
And now divided into four main streams,
Runs diverse, wand'ring many a famous realm
And country, whereof here needs no account;
But rather to tell how, if Art could tell,
How from that sapphire fount the crisped brooks,
Rolling on orient pearl and sands of gold,
With mazy error under pendent shades
Ran nectar, visiting each plant, and fed
Flow'rs, worthy of Paradise, which not nice Art

Такъ прекрасенъ былъ этотъ сельскій видъ, пріютъ счастія, гдѣ одна чудная картина смѣнялась другой.

Пѣснь 4, стр. 75.

. . . . Thus was this place
A happy rural seat of various view.

C. LAPLANTE

правиламъ разсадило ихъ рядами и замысловатыми клумбами, но Природа щедрою рукою разбросала ихъ по холмамъ, пригоркамъ и долинамъ; она раскрывала ихъ почки и на лугахъ, гдѣ ихъ ласкалъ первый теплый лучъ Солнца, и въ непроницаемой чащѣ, которую даже въ полуденный зной омрачала густая тѣнь.

Такъ прекрасенъ былъ этотъ сельскій видъ, пріютъ счастія, гдѣ одна чудная картина смѣнялась другой. Тамъ, въ душистыхъ рощахъ, на роскошныхъ деревьяхъ, блестятъ слезы ароматныхъ смолъ и бальзамовъ, или золотятся, улыбаясь на своихъ вѣтвяхъ, разнородные плоды дивнаго вкуса. Если вѣрить сказкѣ о Гесперійскихъ садахъ, то чудо это могло быть только здѣсь. Между этими чудными рощами открывались поляны, или отлогіе склоны съ стадами, пасущимися на нѣжной травѣ. Тамъ возвышались холмы, увѣнчанные пальмами; здѣсь разстилался роскошный коверъ долинъ, усѣянный цвѣтами; они пестрѣли всевозможными красками, и среди нихъ алѣла, безъ шиповъ, роза. Съ другой стороны темнѣли гроты, пещеры, манившіе къ себѣ прохладной тѣнью; ихъ нѣжно обвивали гирлянды виноградныхъ лозъ, роскошно раскинутыхъ надъ ними зеленымъ шатромъ со сквозящими въ немъ пурпуровыми гроздьями. Въ то же время звонкія струи водъ, падающихъ со склоновъ холмовъ, разбѣгались ручьями, или сливались озерами, въ хрустальныя зеркала которыхъ глядѣлись узорчатые берега, осѣненные миртами. Хоры пернатыхъ раздавались въ воздухѣ, а вѣтерки, весенніе вѣтерки, дышавшіе ароматомъ лѣсовъ и полей, наполняли звуками дрожащіе листья, между тѣмъ какъ всемірный Панъ въ воздушной пляскѣ съ Граціями и Горами велъ за собой вѣчную весну [106]. Ничто не могло равняться прелести этого Эдемскаго Рая: ни та прекрасная Эннейская долина, гдѣ Прозерпина [107], срывая цвѣты, сама цвѣтокъ еще болѣе прекрасный, была похищена мрачнымъ Плутономъ, что заставило убитую горемъ Цереру искать ее по всему свѣту; ни тихая роща Дафны на берегу Оронта; ни вдохновенный Кастальскій источникъ; ни опоясанный рѣкою Тритономъ Низейскій островъ, гдѣ престарѣлый Хамъ, котораго язычники называли Аммономъ, а Ливійцы Юпитеромъ, скрылъ Амалѳею и цвѣтущаго сына ея, юнаго Вакха, отъ глазъ мачихи его Реи;

In beds and curious knots, but Nature boon
Pour'd forth profuse on hill, and dale, and plain,
Both where the morning Sun first warmly smote
The open field, and where the unpierced shade
Imbrown'd the noontide bow'rs. Thus was this place
A happy rural seat of various view!
Groves whose rich trees wept od'rous gums and balm
Others whose fruit burnish'd with golden rind
Hung amiable, Hesperian fables true,
If true, here only, and of dilicious taste:
Betwixt them lawns, or level downs, and flocks
Grazing the tender herb, were interposed,
Or palmy hillock; or the flow'ry lap
Of some irriguous valley spread her store,
Flow'rs of all hue, and without thron the rose:
Another side, umbrageous grots and caves
Of cool recess, o'er which the mantling vine
Lays forth her purple grape, and gently creeps
Luxuriant: mean while murm'ring waters fall
Down the slope hills, dispersed, or in lake,
That to the fringed bank with myrtle crown'd
Her crystal mirror holds, unite their streams.
The birds their choir apply; airs, vernal airs,
Breathing the smell of field and grove, attune
The trembling leaves, while universal Pan,
Knit with the Greaces and the Hours in dance,
Led on th' eternal spring. Not that fair field
Of Enna, where Proserpine gath'ring flow'rs,
Herself a fairer flow'r by gloomy Dis
Was gather'd, which cost Ceres all that pain
To seek her through the world, nor that sweet grove
Of Daphne by Orontes, and th' inspired
Castalian spring, might with this Paradise
Of Eden strive; nor that Nyseian ilse
Girt with the river Triton, where old Cham,
Whom gentiles Ammon call and Lybian Jove,
Hid Amalthea and her florid son
Young Bacchus from his step-dame Rhea's eye;

ни гора Амгара въ жаркомъ поясѣ Эѳіопской страны, близъ истоковъ Нила, гдѣ Абиссинскіе цари хранили своихъ дѣтей,—эта гора, окруженная сіяющими скалами такой вышины, что въ цѣлый день едва можно добраться до ея вершины: ее многіе принимали за настоящій Рай, но и она далеко уступала тому Ассирійскому саду, гдѣ теперь адскій Духъ безъ наслажденія смотрѣлъ на всѣ наслажденія собранныя вмѣстѣ и на всѣхъ живыхъ существъ, новыхъ и странныхъ для его взора.

Двое изъ нихъ далеко превосходили всѣхъ остальныхъ благородствомъ формъ, высокимъ, прямымъ станомъ, прямымъ какъ у боговъ; облеченные врожденнымъ достоинствомъ, въ наготѣ, полной величія, они казались владыками всего окружающаго, и были достойны этого. Въ ихъ божественныхъ взорахъ отражался образъ ихъ Великаго Творца, истина, мудрость, святость строгая и чистая, строгая, но заключающаяся въ истинной сыновней свободѣ. Два эти созданія были неодинаковы; ихъ отличалъ, повидимому, разный полъ; мужчина сотворенъ былъ для мысли и силы, женщина — для нѣжности и кроткой, очаровательной прелести; онъ — для Бога только, она — для Бога, но въ немъ, своемъ мужѣ. Высокое чело мужчины было прекрасно; величественный взглядъ его выражалъ неограниченное господство; его черныя, подобныя гіацинту кудри, раздѣленныя посерединѣ лба, гордо падали, подобно гроздьямъ, на мощныя плечи, но не опускались ниже. Волосы женщины разсыпались золотыми волнами, какъ покровомъ окутывая весь ея тонкій станъ; прихотливыя кольца ихъ вились словно усики виноградной лозы, — символъ зависимости, но зависимости добровольной; она съ стыдливой покорностью подчиняется кроткой власти, съ женственной гордостью и нѣжнымъ сопротивленіемъ замедляя желанную ласку. Никакія ихъ тайныя части не были скрыты; виновнаго стыда еще не существовало тогда: безчестнаго стыда, подъ видомъ чести позорящаго созданія Природы. О стыдъ! дитя порока, сколько бѣдъ нанесъ ты человѣчеству подъ личиной непорочности! Ты лишилъ человѣка величайшаго блага его жизни—простоты и чистой невинности.

Счастливая чета ходила въ Раю нагою, и въ своемъ невѣдѣніи зла

Nor where Abassin kings their issue guard,
Mount Amara, though this by some supposed
True Paradise under the Ethiop line
By Nilus' head, inclosed with shining rock,
A whole day's journey high, but wide remote
From this Assyrian garden, where the Fiend
Saw undelighted all delight, all kind
Of living creatures, new to sight, and strange.
  Two of far nobler shape erect and tall,
Godlike erect, with native honour clad
In naked majesty seem'd lords of all,
And worthy seem'd; for in their looks divine
The image of their glorious Maker shone,
Truth, wisdom, sanctitude severe and pure,
(Severe but in true filial freedom placed),
Whence true authority in men; though both
Not equal, as their sex not equal seem'd:
For contemplation he and valour form'd;
For softness she and sweet attractive grace;
He for God only, she for God in him:
His fair large front and eye sublime, declared
Absolute rule; and hyacinthine locks
Round from his parted forelock manly hung
Clust'ring, but not beneath his shoulders broad:
She, as a veil down to the slender waist,
Her unadorned golden tresses wore
Dishevell'd, but in wanton ringlets waved
As the vine curls her tendrils; which imply'd
Subjection, but required with gentle sway,
And by her yielded, by him best received;
Yielded with coy submission, modest pride,
And sweet reluctant amorous delay.
Nor those mysterious parts were then conceal'd,
Then was not guilty shame, dishonest shame
Of Nature's works, honour dishonourable,
Sin-bred, how have ye troubled all mankind
With shows instead, mere shows of seeming pure,
And banish'd from man's life his happiest life,
Simplicity and spotless innocence!
  So pass'd they naked on, nor shunn'd the sight

Душистые плоды служили имъ пищей, а кожей съ нихъ черпали они воду изъ свѣтлаго ручья.

Пѣснь 4, стр. 77.

The savoury pulp they chew, and in the rind
Still as they thirsted scoop the brimming stream.

G. Doré
GAUCHARD Sc

не избѣгала взоровъ ни Бога, ни Ангеловъ; такъ ходила рука въ руку чета, прекраснѣе которой никогда съ тѣхъ поръ не соединяли объятія любви. Адамъ былъ красивѣйшій изъ всѣхъ мужей, родившихся впослѣдствіи, его сыновъ; Ева—прекраснѣе всѣхъ своихъ дочерей. Въ прохладѣ свѣтлаго ручья, подъ тѣнью деревьевъ, нѣжно шептавшихся между собою, оба сѣли на зеленой лужайкѣ. Работа въ ихъ чудномъ саду утомляла ихъ лишь настолько, чтобы окончивъ свой трудъ, они еще болѣе могли наслаждаться прохладой Зефира, чтобы сладость отдыха была для нихъ еще слаще, и утоленіе жажды и голода еще пріятнѣе. Они вкушали за своей вечерней трапезой нектарные плоды, которые услужливо наклонялись къ нимъ гибкими вѣтвями, въ то время какъ они, полу-лежа, отдыхали на мягкомъ пуху зеленаго ложа, усѣяннаго цвѣтами. Душистые плоды служили имъ пищей, а кожей съ нихъ черпали они воду изъ свѣтлаго ручья. Не было при этомъ недостатка ни въ нѣжныхъ разговорахъ, ни въ милыхъ улыбкахъ, ни въ невинныхъ шуткахъ, какъ свойственно молодой, прекрасной парѣ, соединенной въ счастливомъ брачномъ союзѣ и остающейся съ глазу на глазъ, какъ они. Вокругъ нихъ весело рѣзвились всѣ звѣри земные, впослѣдствіи одичавшіе и скрывшіеся въ горахъ, пустыняхъ и пещерахъ. Левъ, играя, выдѣлывалъ передъ ними разные прыжки, и въ своихъ лапахъ убаюкивалъ барашка. Медвѣди, тигры, пантеры, леопарды скакали и играли между собой на ихъ глазахъ. Неуклюжій слонъ, для ихъ развлеченія, выказывалъ всю свою силу и все свое искусство владѣть гибкимъ хоботомъ. Хитрая змѣя, подкравшись къ нимъ, то свертывалась вся какъ Гордіевъ узелъ, то извивалась во всѣ стороны своими подвижными кольцами, какъ бы предупреждая о своемъ гибельномъ коварствѣ, непонятномъ тогда. Другія животныя отдыхали на травѣ; одни, насытясь сочномъ кормомъ, неподвижно лежали съ открытыми глазами, другія медленно шли на мѣсто покоя, такъ какъ заходящее солнце, склоняясь ниже и ниже, уже опускалось къ островамъ океана, и вверху, на небѣ, загорались звѣзды, предвѣстницы ночи. А Сатана все еще смотрѣлъ въ нѣмомъ изумленіи, какъ въ первую минуту; наконецъ, едва начиная владѣть измѣнившимъ ему голосомъ, онъ горестно восклицаетъ:

Of God or Angel, for they thought no ill.
So hand in hand they pass'd, the loviliest pair
That ever since in love's embraces met:
Adam the goodliest man of men since born
His sons: the fairest of her daughters Eve.
Under a tuft of shade that on a green
Stood whisp'ring soft, by a fresh fountain side
They sat them down; and after no more toil
Of their sweet gard'ning labour than sufficed
To recommend cool Zephyr, and made ease
More easy, wholesome thirst and appetite
More grateful, to their supper-fruits they fell,
Nectarine fruits which the compliant boughs
Yielded them. side-long as they sat recline
On the soft downy bank damask'd with flow'rs.
The savoury pulp they chew, and in the rind
Still as they thirsted scoop the brimming stream;
Nor gentle purpose, nor endearing smiles
Wanted, nor youthful dalliance as beseems
Fair couple link'd in happy nuptial league,
Alone as they. About them frisking play'd
All beasts of th' earth, since wild, and of all chase
In wood or wilderness, forest or den;
Sporting the lion ramp'd, and in his paw
Dandled the kid; bears, tigers, ounces, pards,
Gambol'd before them: th' unwieldly elephant,
To make them mirth, used all his might, and wreath'd
His lithe proboscis; close the serpent sly
Insinuating, wove with Gordian twine
His braided train, and of his fatal guile
Gave proof unheeded: others on the grass
Couch'd, and now fill'd with pasture, gazing sat,
Or bedward ruminating: for the Sun,
Declined, was hasting now with prone career
To the' ocean isles, and in th' ascending scale
Of Heav'n the stars that usher ev'ning rose:
When Satan still in gaze, as first he stood,
Scarce thus at lenght fail'd speech recover'd sad:

«О Адъ! Что видятъ мои грустные взоры? Какъ! наше мѣсто уже занято; то блаженство, какимъ наслаждались мы, дано новымъ созданіямъ, рожденнымъ, можетъ быть, изъ праха! Не Духи эти созданія, но немногимъ уступаютъ свѣтлымъ небеснымъ Духамъ! Мысли мои съ изумленіемъ останавливаются на нихъ; я чувствую, что могъ бы любить ихъ, такъ живо сіяетъ въ нихъ подобіе Божества и такъ сотворившая рука щедро надѣлила ихъ красотою! Прелестная чета! Ты и не подозрѣваешь, какъ близка твоя перемѣна! Всѣ твои радости исчезнутъ; ихъ заступитъ горе, горе тѣмъ болѣе чувствительное, чѣмъ выше блаженство, какимъ ты наслаждаешься теперь. Счастливы вы, но такое счастіе надо беречь больше; ваше высокое жилище, вашъ Рай, слишкомъ слабо защищено Небомъ противъ такого врага, какой теперь проникъ въ него. Увы! я врагъ вашъ, но врагъ не злонамѣренный; видя васъ такими покинутыми, я могъ бы даже чувствовать къ вамъ состраданіе, я, не видѣвшій состраданія къ себѣ! Я ищу съ вами союза, дружбы, такой тѣсной, такой неразрывной, чтобы съ этихъ поръ мнѣ жить всегда съ вами, или вамъ со мною. Можетъ быть, мое жилище понравится вамъ менѣе, чѣмъ этотъ прекрасный Рай. Примите произведеніе вашего Творца, каково оно есть. Онъ далъ мнѣ его: я охотно дѣлюсь имъ съ вами. Чтобы принять васъ обоихъ, Адъ откроетъ свои самыя широкія врата, и вышлетъ вамъ навстрѣчу всѣхъ своихъ царей. Тамъ будетъ болѣе простора для вашего многочисленнаго потомства, чѣмъ въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ. Если же мѣсто не слишкомъ хорошо, вините Того, Кто принудилъ меня мстить оскорбившему меня врагу на васъ, не сдѣлавшихъ мнѣ никакого зла. И хотя бы ваша беззащитная невинность и тронула меня, а я дѣйствительно тронутъ ею, то болѣе справедливыя причины, общее благо, честь царства, которое мщеніе мое расширитъ покореніемъ этого новаго міра, повелѣваютъ мнѣ исполнить то, чего безъ этихъ причинъ я самъ бы ужаснулся, я, Духъ проклятья!»

Такъ говорилъ Врагъ, оправдывая свое адское дѣло необходимостью, обычнымъ извиненіемъ тирановъ. Потомъ съ высокаго дерева, гдѣ онъ сидѣлъ, спускается онъ къ рѣзвымъ стадамъ четвероногихъ; онъ прини-

O Hell! what do mine eyes with grief behold!
Into our room of bliss thus high advanced
Creatures of other mould, earth-born perhaps,
Not Spirits, yet to heav'nly Spirits bright
Little inferior; whom my thoughts pursue
With wonder, and could love, so lively shines
In them divine resemblance, and such grace
The Hand that form'd them on their shape hath pour'd.
Ah, gentle pair, ye little think how nigh
Your change approaches, when all these delights
Will vanish and deliver ye to woe,
More woe, the more your taste is now of joy!
Happy, but for so happy ill secured
Long to continue, and this high seat your Heav'n
Ill fenced for Heav'n to keep out such a foe
As now is enter'd; yet no purposed foe
To you, whom I could pity thus forlorn
Though I unpitied: League with you I seek,
And mutual amity so strait, so close,
That I with you must dwell, or you with me
Henceforth. My dwelling haply may not please,
Like this fair Paradise, your sense; yet such
Accept your Maker's work; he gave it me,
Which I as freely give: Hell shall unfold,
To entertain you two, her widest gates,
And send forth all her kings; there will be room,
Not like these narrow limits, to receive
Your num'rous offspring; if no better place,
Thank him who puts me loath to this revenge
On you who wrong me not, for him who wrong'd
And should I at your harmless innocence
Melt, as I do, yet public reason just,
Honour and empire with revenge enlarged,
By conqu'ring this new world, compels me now
To do what else, though damn'd, I should abhor.
So spake the Fiend, and with necessity,
The tyrant's plea, excused his dev'lish deeds.
Then from his lofty stand on that high tree
Down he alights among the sportful herd

маетъ на себя видъ то того, то другого изъ нихъ, смотря по тому, въ какомъ видѣ легче достигнуть цѣли: ближе разсмотрѣть добычу, незамѣтно подстеречь своихъ жертвъ, и изъ ихъ словъ и поступковъ подробнѣе узнать ихъ состояніе. Вотъ, въ видѣ льва, онъ гордо выступаетъ передъ ними, сверкая глазами; теперь слѣдитъ за ними въ видѣ тигра. Будто играя съ двумя хорошенькими ланями, нечаянно попавшимися ему на опушкѣ лѣса, онъ то припадетъ къ землѣ, то вдругъ вскочитъ на ноги, подкрадывается, перемѣняетъ мѣсто, отыскивая самую удобную засаду, откуда бы онъ могъ броситься и разомъ схватить обѣихъ въ свои лапы. Вдругъ Адамъ, первый изъ мужей, обращается къ первой изъ женъ, Евѣ, съ такой трогательной рѣчью:—онъ, весь превратясь въ слухъ, впивается въ слова новой для него рѣчи:

«Единственная подруга, единственная участница всѣхъ этихъ радостей, самое драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ! Какъ безконечно благъ Творецъ, создавшій насъ, и для насъ весь этотъ обширный міръ; въ благостяхъ Своихъ Онъ столько же щедръ, сколько безпредѣленъ. Онъ изъ праха вызвалъ насъ къ жизни, и помѣстилъ насъ здѣсь, въ этомъ блаженствѣ. Мы ничего не заслужили отъ Его руки, ничего не можемъ сдѣлать для Него. Чего же требуетъ Онъ отъ насъ взамѣнъ? Единственнаго и легкаго обѣта: изъ всѣхъ деревьевъ въ Раю, приносящихъ намъ такіе чудесные, разнообразные плоды, Онъ запрещаетъ намъ вкушать только отъ одного дерева познанія, посаженнаго подлѣ дерева жизни. Такъ близко къ жизни стоитъ смерть! Но что же такое смерть? Должно быть, нѣчто ужасное; ты знаешь сама, смертью угрожалъ Богъ, если мы вкусимъ отъ того дерева. Вотъ единственный знакъ послушанія, требуемый нашимъ Создателемъ за всѣ дары величія и силы, какими Онъ надѣлилъ насъ, давъ намъ господство надъ всѣми тварями, населяющими землю, воздухъ и воды. Не будемъ же считать тяжелымъ этотъ единственный запретъ; свободные во всемъ остальномъ, мы имѣемъ неограниченный выборъ безчисленныхъ удовольствій. Будемъ вовѣки прославлять Господа и превозносить Его благость, занимаясь нашей пріятной работой, уходомъ за деревьями и цвѣтами въ этомъ чудномъ саду. Если бы

Of those four-footed kinds, himself now one,
Now other, as their shape served best his end
Nearer to view his prey, and unespy'd
To mark what of their state he more might learn
By word or action marked; about them round
A lion now he stalks with fiery glare;
Then as a tiger, who by chance hath spy'd
In some purlieu two gentle fawns at play,
Straight couches close, then rising changes oft
His couchant watch, as one who chose his ground
Whence rushing he might surest seize them both
Griped in each paw: when Adam, first of men
To first of women Eve, thus moving speech,
Turn'd him all ear to hear new utt'rance flow:
Sole partner, and sole part, of all these joys,
Dearer thyself than all; needs must the Pow'r
That made us, and for us this ample world,
Be infinitely good, and of his good
As liberal and free as infinite;
That raised us from the dust, and placed us here
In all this happiness, who at his hand
Have nothing merited, nor can perform
Aught whereof he hath need; he who requires
From us no other service than to keep
This one, this easy charge, of all the trees
In Paradise that bear delicious fruit
So various, not to taste that only tree
Of knowledge, planted by the tree of life;
So near grows death to life, whate'er death is,
Some dreadful thing no doubt; for well thou know'st
God hath pronounced it death to taste that tree,
The only sing of our obedience left
Among so many signs of pow'r and rule
Conferr'd upon us, and dominion giv'n
Over all other creatures that possess
Earth, air, and sea. Then let us not think hard
One easy prohibition, who enjoy
Free leave so large to all things else, and choice
Unlimited of manifold delights:
But let us ever praise him, and extol
His bounty, following our delightful task

трудъ этотъ и былъ утомителенъ, вмѣстѣ съ тобою, онъ покажется мнѣ сладкимъ».

На что Ева отвѣчаетъ такъ: «О ты, отъ кого и для кого я создана, я — плоть отъ твоей плоти, ты, безъ кого существованіе мое не имѣло бы цѣли, мой путеводитель, моя глава; слова твои мудры и справедливы. Да, мы должны восхвалять нашего Создателя, ежедневно воздавать Ему благодаренія: тѣмъ болѣе я, получившая несравненно бо̀льшую долю счастія, счастія наслаждаться тобою, какъ высшимъ существомъ, между тѣмъ какъ ты нигдѣ не можешь найти никого равнаго тебѣ.

«Часто вспоминаю я тотъ день, когда впервые, пробудясь отъ сна, я увидѣла себя покоющуюся на цвѣтахъ въ тѣни деревьевъ, и удивлялась: кто я, гдѣ я, откуда я взялась? кто и какъ принесъ меня сюда? Неподалеку, изъ глубины грота, съ тихимъ журчаніемъ струился источникъ, и разливался дальше водяной пеленой, неподвижной и чистой, какъ небо; съ неопытнымъ чувствомъ, я пошла туда и легла на зеленомъ берегу, чтобы посмотрѣть на прозрачное, гладкое озеро, казавшееся мнѣ вторымъ небомъ. Когда же я наклонилась къ нему, вдругъ, напротивъ меня, въ этой блестящей влагѣ, появился образъ, и также склонясь, смотрѣлъ на меня. Я, въ испугѣ, быстро отступила назадъ; видѣніе отступило также; но, прельщенная имъ, я скоро вернулась; тотчасъ же вернулось и оно, отвѣчая мнѣ такими же взглядами сочувствія и любви. И долго не могла я отвести глазъ отъ милаго образа, и до сихъ поръ все глядѣла бы на него, томясь напраснымъ желаніемъ, если бы какой-то голосъ не воззвалъ ко мнѣ: то, что ты видишь тамъ, чѣмъ ты любуешься, прекрасное созданіе, это ты сама; это твой собственный образъ, съ тобою онъ появляется, и съ тобою исчезаетъ. Но слѣдуй за мною; я поведу тебя туда, гдѣ не одинъ призракъ встрѣтитъ твои нѣжныя объятія, а тотъ, чей образъ ты носишь сама; ты будешь имъ наслаждаться, онъ будетъ твой неразлучно: ты дашь ему многихъ подобныхъ тебѣ, и назовешься матерью Человѣческаго Рода. Что оставалось мнѣ дѣлать, какъ не слѣдовать за невидимымъ вождемъ? И вотъ, я увидѣла тебя подъ платаномъ; прекрасенъ былъ твой стройный образъ, хотя онъ показался мнѣ не такъ кра-

To prune these growing plants, and tend these flow'rs;
Which, were it toilsome, yet with thee were sweet.
  To whom thus Eve reply'd: O thou for whom
And from whom I was form'd flesh of thy flesh,
And without whom am to no end, my guide
And head, what thou hast said is just and right.
For we to him indeed all praises owe,
And daily thanks; I chiefly who enjoy
So far the happier lot, enjoying thee
Pre-eminent by so much odds, while thou
Like consort to thyself canst no where find,
  That day I oft remember, when from sleep
I first awaked, and found myself reposed
Under a shade on flow'rs, much wond'ring where
And what I was, whence thither brought, and how.
Not distant far from thence a murm'ring sound
Of waters issued from a cave, and spread
Into a liquid plain, then stood unmoved
Pure as th' expanse of Heav'n. I thither went
With unexperienced thought, and laid me down
On the green bank, to look into the clear
Smooth lake, that to me seem'd another sky.
As I bent down to look, just opposite
A shape within the wat'ry gleam appear'd,
Bending to look on me. I started back;
It started back: but pleased I soon return'd;
Pleased it return'd as soon with answ'ring looks
Of sympathy and love: there I had fix'd
Mine eyes till now, and pined with vain desire,
Had not a voice thus warn'd me What thou seest,
What there thou seest, fair Creature, is thyself;
With thee it came and goes; but follow me,
And I will bring thee where no shadow stays
Thy coming, and thy soft embraces, he
Whose image thou art; him thou shalt enjoy
Inseparably thine: to him shalt bear
Multitudes like thyself, and thence be call'd
Mother of Human Race. What could I do
But follow straight, invisibly thus led?
Till I espy'd thee, fair indeed and tall,
Under a platan; yet methought less fair,

сивъ, не такъ привлекательно нѣженъ, какъ то милое и кроткое видѣніе, представшее мнѣ въ водѣ. Я обернулась и хотѣла бѣжать, ты бросился за мной, восклицая: Вернись, прекрасная Ева; отъ кого бѣжишь ты? Ты создана отъ того, отъ кого ты удаляешься, ты плоть отъ его плоти, кость отъ кости его: чтобы ты получила жизнь, я отдалъ часть самого себя; ты создана изъ моего ребра, ближайшаго къ сердцу, для того чтобы всегда была ты подлѣ меня, моимъ утѣшеніемъ и радостью. Тебя ищу я, часть моей души, я требую тебя, какъ другую мою половину! При этихъ словахъ нѣжная рука твоя коснулась моей. Я предалась тебѣ, и съ той минуты узнала, какъ далеко превосходятъ красоту мужественная прелесть и умъ мужа, что одно только и есть истинно прекрасно».

Такъ говорила наша праматерь, и со взоромъ, полнымъ безпорочной супружеской любви, съ тихой лаской, нѣжно обнявъ нашего прародителя, прижимается къ нему; ея открытая грудь колышется подъ золотыми волнами разсыпанныхъ по ней волосъ, и прикасается къ его груди. Онъ, восхищенный ея красотой, ея скромной и покорной прелестью, улыбается ей съ величественною нѣжностію. Такъ Юпитеръ улыбался Юнонѣ, оплодотворяя облака, разсыпавшія на землю цвѣты Мая. Съ чистѣйшими поцѣлуями, прижимаетъ онъ свои уста къ устамъ праматери людского рода. Дьяволъ отъ зависти отворачивается отъ нихъ, но потомъ опять искоса бросаетъ въ ихъ сторону ревнивый, злобный взглядъ, и мысленно вырывается у него такой ропотъ: «О, ненавистное, мучительное зрѣлище! Эти два существа, въ объятіяхъ другъ друга, воплощаютъ въ себѣ все райское блаженство Эдема! Неужели они должны пить полную чашу счастія, а я—навѣки оставаться брошеннымъ въ Аду, куда не заглядываетъ ни радость, ни любовь, но горятъ одни бурныя желанія, не послѣднее изъ нашихъ страданій, желанія, всегда раздражаемыя безъ удовлетворенія! Однако, чтобъ не забыть мнѣ того, что узналъ я изъ ихъ собственныхъ устъ! Кажется, не все здѣсь принадлежитъ имъ. Есть здѣсь какое-то роковое дерево, называемое деревомъ Познаніе; имъ запрещено вкушать его плоды. Познаніе запрещено? Запрещеніе подозрительное, лишенное смысла! Почему бы ихъ Творецъ завидовалъ имъ въ этомъ? Можетъ ли

Less winning soft, less amiably mild,
Than that smooth wat'ry image. Back I turn'd:
Thou following cry'dst aloud, Return, fair Eve;
Whom fly'st thou? whom thou fly'st, him thou art:
His flesh, his bone: to give thee being I lent
Out of my side to thee, nearest my heart
Substantial life, to have thee by my side
Henceforth an individual solace dear;
Part of my soul I seek thee, and thee claim
My other half: with that thy gentle hand
Seized mine: I yielded, and from that time see
How beauty is excell'd by manly grace
And wisdom, which alone is truly fair.
So spake our gen'ral mother, and with eyes
Of conjugal attraction unreproved,
And meek surrender, half embracing lean'd
On our first father; half her swelling breast
Naked met his under the flowing gold
Of her loose tresses hid: he in delight,
Both of her beauty and submissive charms,
Smiled with superior love, as Jupiter
On Juno smiles when he impregns the clouds
That shed May flow'rs; and press'd her matron lip
With kisses pure. Aside the Devil turn'd
For envy, yet with jealous leer malign
Eyed them askance, and to himself thus 'plain'd.
Sight hateful! sight tormentig! thus these two,
Imparadised in one another's arms,
The happier Eden, shall enjoy their fill
Of bliss on bliss; while I to Hell am thrust,
Where neither joy nor love, but fierce desire,
Among our other torments not the least,
Still unfulfill'd with pain of longing, pines.
Yet let me not forget what I have gain'd
From their own mouths: all is not theirs, it seems;
One fatal tree there stands, of Knowledge call'd,
Forbidden them to taste: Knowledge forbidden?
Suspicious, reasonless. Why should their Lord
Envy them that? Can it be sin to know?

быть преступленіе въ знаніи, можетъ ли быть въ немъ смерть? И неужели они существуютъ однимъ невѣдѣніемъ? Неужели блаженное состояніе ихъ зависитъ отъ этого доказательства ихъ послушанія и вѣры? О, какое превосходное основаніе, чтобы устроить ихъ гибель! Хорошо же! я разожгу въ нихъ жажду знанія, внушу имъ не слушаться завистливаго завѣта, придуманнаго для того, чтобы держать въ вѣчномъ униженіи тѣхъ, кого познаніе сравняло бы съ богами: они захотятъ этой чести, — вкусятъ и умрутъ. Что можетъ быть вѣроятнѣе такого исхода? Но прежде я долженъ внимательно обойти кругомъ весь этотъ садъ, обыскать каждый уголокъ. Можетъ быть, случай нечаянно приведетъ меня навстрѣчу какому нибудь небесному Духу, бродящему по берегу ручья, или скрывшемуся въ прохладной тѣни, и я вывѣдаю отъ него то, что мнѣ надо еще узнать. Живи пока, счастливая чета! Пользуйся, до моего возвращенія, краткой минутой счастія,—долгія страданія послѣдуютъ за нимъ!»

Сказавъ это, онъ съ презрѣніемъ гордо отходитъ, но съ хитростью, осторожно идетъ бродить по лѣсамъ и полямъ, по холмамъ и долинамъ. Между тѣмъ Солнце медленно склонялось уже къ той крайней точкѣ горизонта, гдѣ земля и море какъ бы сливаются съ небеснымъ сводомъ; послѣдніе лучи его, простираясь вдоль горизонта, золотили восточныя врата Рая. Врата эти были въ алебастровой горѣ; до облаковъ подымалась ея вершина и виднѣлась далеко. Съ земли только одна извилистая тропинка вела на ея крутизну; со всѣхъ другихъ сторонъ ее окружали неприступныя, нависшія скалы. Среди ихъ грозныхъ столбовъ сидѣлъ Гавріилъ, вождь Ангельской стражи. Онъ ждалъ ночи. Вокругъ него, юные воины Неба, сложивъ съ себя оружіе, проводили время въ геройскихъ играхъ; однако щиты ихъ, шлемы и копья висѣли близъ нихъ, сіяя золотомъ и алмазами. Вдругъ, на солнечномъ лучѣ спускается къ нимъ, въ вечернемъ сумракѣ, Уріилъ. Такъ быстро падаетъ звѣзда, катясь по небу осенней ночью, когда воздухъ наполненъ воспламененными парами, указывая мореплавателю ту точку въ пространствѣ, откуда разразится на него грозная буря. Прибывшій Архангелъ поспѣшно говоритъ Гавріилу:

«Тебѣ, Гавріилъ, назначено жребіемъ быть строгимъ и бдительнымъ

Can it be death? And do they only stand
By ignorance? Is that their happy state,
The proof of their obedience and their faith?
O fair foundation laid whereon to build
Their ruin! Hence I will excite their minds
With more desire to know, and to reject
Envious commands, invented with design
To keep them low whom knowledge might exalt
Equal with Gods: aspiring to be such,
They taste and die. What likelier can ensue?
But first with narrow search I must walk round
This garden, and no corner leave unspy'd:
A chance but chance may lead where I may meet
Some wand'ring Spirit of Heav'n by fountain side,
Or in thick shade retired, from him to draw
What further would be learn'd. Live while ye may,
Yet happy pair; enjoy, till I return,
Short pleasures, for long woes are to succeed.
So saying, his proud step he scornful turn'd,
But with sly circumspection, and began
Thro' wood, thro' waste, o'er hill, o'er dale, his roam.
Meanwhile in utmost longitude, where Heav'n
With earth and ocean meets, the setting Sun
Slowly descended, and with right aspéct
Against the eastern gate of Paradise
Levell'd his ev'ning rays: it was a rock
Of alabaster, piled up to the clouds,
Conspicuous far, winding with one ascent
Accessible from earth, one entrance high;
The rest was craggy cliff, that overhung
Still as it rose, impossible to climb.
Betwixt these rocky pillars Gabriel sat.
Chief of th' angelic guards, awaiting night;
About him exercised heroic games
Th' unarm'd youth of Heav'n, but nigh at hand
Celestial armoury, shields, helms, and spears,
Hung high with diamond flaming, and with gold.
Thither came Uriel, gliding through th' even
On a sun-beam, swift as a shooting star
In autumn thwarts the night, when vapours fired
Impress the air, and shows the mariner
From what point of his compass to beware
Impetuous winds. He thus began in haste:
Gabriel, to thee thy course by lot hath giv'n
Charge and strict watch, that to this happy place

Такъ обѣщалъ Ангелъ, и Уріилъ возвратился къ своему посту.

Пѣснь 4, стр. 83.

So promised he; and Uriel to his charge
Return'd . . . .

17

хранителемъ этого счастливаго мѣста, чтобы никакое зло не проникло въ него, или не приблизилось къ нему. Сегодня, въ полуденный часъ, въ моей сферѣ явился Духъ; его привело, какъ онъ говорилъ, пламенное желаніе узнать новыя творенія Всевышняго, особенно же Человѣка, послѣдній образъ Божій. Я указалъ ему путь, въ который онъ спѣшилъ, и слѣдилъ за его полетомъ; но когда онъ опустился на гору, лежащую въ сѣверной сторонѣ Эдема, я замѣтилъ въ немъ взоры чуждые Небу, омраченные страстями. Я долго слѣдилъ за нимъ, пока онъ не скрылся въ тѣни. Меня страшитъ, не вырвался ли изъ бездны какой нибудь изъ изгнанныхъ Духовъ, чтобы посѣять новыя смуты. Ты долженъ позаботиться отыскать его.»

На это крылатый воинъ отвѣчаетъ: «Я не удивляюсь, Уріилъ, что ты, витающій въ блестящей сферѣ Солнца, можешь своимъ совершеннымъ взоромъ проникать безпредѣльное пространство; но никто не можетъ пройти черезъ эти врата; ихъ охраняетъ Ангельская стража. Она никого не пропуститъ, въ комъ бы не была увѣрена, что онъ пришлецъ съ Неба. Съ полуденнаго часа ни одинъ изъ небесныхъ Духовъ не являлся сюда. Если же иной Духъ, какъ ты описываешь, съ какимъ-либо злымъ намѣреніемъ проскользнулъ черезъ эти земные предѣлы, то самъ ты знаешь— трудно вещественными преградами удержать эѳирную сущность. Но если тотъ, про кого ты говоришь, подъ какимъ бы ни было видомъ дѣйствительно скрывается въ оградѣ Рая, завтра, до разсвѣта, я открою его.»

Такъ обѣщалъ Ангелъ, и Уріилъ возвратился къ своему посту на томъ же самомъ блестящемъ лучѣ; съ конца его, поднятаго въ ту минуту, онъ опустился прямо къ Солнцу, зашедшему за Азорскіе острова. Или первобытное ли свѣтило, въ неимовѣрно быстромъ вращеніи, свершило дневной кругъ, или менѣе быстрая земля, въ своемъ кратчайшемъ пути къ востоку, оставила тамъ огненный шаръ, обливавшій пурпуромъ и золотомъ легкія облака, окружавшія его западный тронъ [108].

Наконецъ, тихая ночь сошла на землю, и сѣрый сумракъ облекъ все въ свою темную одежду. Ночи сопутствовала тишина: звѣри и птицы скрылись въ ночныя убѣжища; одни покоятся на мягкой травѣ, другіе

No evil thing approach or enter in.
This day at highth of noon came to my sphere
A Spirit, zealous, as he seem'd, to know
More of th' Almighty's works, and chiefly Man,
God's latest image: I described his way
Bent all on speed, and mark'd his aery gait;
But in the mount that lies from Eden north,
Where he first lighted, soon discern'd his looks
Alien from Heav'n, with passions far obscured:
Mine eye pursued him still, but under shade
Lost sight of him. One of the banish'd crew,
I fear, hath ventured from the deep, to raise
New troubles: him thy care must be to find.
  To whom the winged warrior thus return'd:
Uriel, no wonder if thy perfect sight,
Amid the Sun's bright circle, where thou sitt'st,
See far and wide: in at this gate none pass
The vigilance here placed, but such as come
Well known from Heav'n: and since meridian hour
No creature thence: if Spirit of other sort
So minded, have o'erleap'd these earthy bounds
On purpose, hard thou know'st it to exclude
Spiritual substance with corporeal bar.
But if within the circuit of these walks,
In whatsoever shape he lurk, of whom
Thou tell'st, by morrow dawning I shall know.
  So promised he; and Uriel to his charge
Return'd on that bright beam, whose point now raised,
Bore him slope downward to the Sun, now fall'n
Beneath th' Azores; whether the prime orb,
Incredible how swift, had thither roll'd
Diurnal, or this less volùble earth,
By shorter flight to th' east, had left him there
Arraying with reflected purple and gold
The clouds that on his western throne attend.
  Now came still ev'ning on, and twilight grey
Had in her sober liv'ry all things clad;
Silence accompanied: for beast and bird,
They to their grassy couch, these to their nests,

въ гнѣздахъ. Не спитъ одинъ соловей: всю ночь поетъ онъ свою страстную пѣснь. Тишина восхищалась той пѣснью. Вотъ небесный сводъ засіялъ живыми сафирами: Гесперъ [109], вождь звѣзднаго сонма, блеститъ ярче всѣхъ, пока царица ночи, Луна, величественно не взошла изъ-за облаковъ и не разлила своего несравненнаго сіянія, набросивъ на сумракъ ночи серебристый покровъ свой.

Тогда Адамъ говоритъ Евѣ: «Прекрасная подруга! этотъ ночной часъ, этотъ покой, въ который погружена вся природа, все призываетъ насъ къ такому же отдыху. Какъ день смѣняется ночью, такъ предназначилъ Богъ человѣку, чтобы трудъ смѣнялся отдыхомъ. Вечерняя роса смыкаетъ сладкой дремотой наши отяжелѣвшія вѣки. Другія созданія цѣлый день бродятъ праздно, не зная никакой обязанности; они менѣе нуждаются въ отдыхѣ. Человѣку опредѣленъ ежедневный трудъ, тѣлесный или духовный, доказательство его достоинства и вниманія Небеснаго Отца ко всѣмъ его поступкамъ. Животнымъ Господь позволяетъ въ бездѣйствіи бродить по произволу, и не спроситъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Завтра, раньше чѣмъ заалѣетъ свѣжая утренняя заря на востокѣ, съ первымъ лучомъ разсвѣта, мы должны встать и снова возвратиться къ нашему пріятному труду: тамъ надо исправить цвѣтущія бесѣдки, въ другомъ мѣстѣ прочистить зеленыя аллеи, наше убѣжище во время полуденнаго зноя; онѣ совсѣмъ заросли густо переплетенными вѣтвями, которыя смѣются надъ нашими безсильными стараніями, и требуютъ не однѣхъ нашихъ, а многихъ рукъ, чтобы справиться съ ихъ своевольной роскошью; также, осыпавшіеся цвѣты, капающія изъ древесныхъ стволовъ смолы, неприглядно засоряютъ садъ; все это мы должны очистить, если хотимъ гулять въ немъ съ удовольствіемъ. А теперь, по волѣ Природы, ночь зоветъ насъ къ покою».

Ева, блистая совершенствомъ красоты, такъ отвѣчаетъ ему: «Виновникъ моей жизни и мой повелитель, я безпрекословно повинуюсь тебѣ; такъ назначено Богомъ: Богъ есть твой законъ, мой законъ — ты; не знать ничего болѣе, есть высшее знаніе женщины, величайшее ея счастіе и слава. Бесѣдуя съ тобою, я забываю о времени, съ тобою всѣ времена года и перемѣны ихъ одинаково пріятны мнѣ. Сладко мнѣ дыханіе Утра, сладокъ

Were slunk, all but the wakeful nightingale:
She all night long her am'rous descant sung:
Silence was pleased. Now glow'd the firmament
With living sapphires: Hesperus, that led
The starry host, rode brightest, till the Moon,
Rising in clouded majesty, at length
Apparent queen, unveil'd her peerless light,
And o'er the dark her silver mantle threw.
When Adam thus to Eve: Fair Consort, th' hour
Of night, and all things now retired to rest,
Mind us of like repose, since God hath set
Labour and rest, as day and night, to men
Successive; and the timely dew of sleep
Now falling, with soft slumb'rous weight inclines
Our eye-lids. Other creatures all day long
Rove idle, unemploy'd, and less need rest;
Man hath his daily work of body or mind
Appointed, which declares his dignity,
And the regard of Heav'n on all his ways;
While other animals inactive range;
And of their doing God takes no account.
To-morrow, ere fresh morning streak the east
With first approach of light, we must be ris'n,
And at our pleasant labour, to reform
Yon flow'ry arbours, yonder alleys green,
Our walk at noon, with branches overgrown,
That mock our scant manuring, and require
More hands than ours to lop their wanton growth:
Those blossoms also, and those dropping gums,
That lie bestrown unsightly and unsmooth,
Ask riddance, if we mean to tread with ease;
Meanwhile, as Nature wills, Night bids us rest.
To whom thus Eve, with prefect beauty adorn'd:
My Author and Disposer, what thou bidst,
Unargued, I obey; so God ordains;
God is thy law, thou mine; to know no more
Is woman's happiest knowledge and her praise,
With thee conversing I forget all time;
All seasons and their change, all please alike.
Sweet is the breath of Morn, her rising sweet,

разсвѣтъ его съ очаровательнымъ пѣніемъ раннихъ пташекъ; пріятно мнѣ Солнце, когда въ этомъ чудномъ саду озаряетъ оно своими первыми лучами траву, деревья, плоды, цвѣты, блестящіе отъ росы; ароматна плодородная земля послѣ теплыхъ дождей; сладокъ тихій вечеръ съ его благодарнымъ отдыхомъ; чудесна безмолвная Ночь съ ея торжественнымъ пѣвцомъ, и эта прекрасная Луна, и эти небесныя жемчужины, звѣздная ея свита. Но ни дыханіе Утра съ очаровательнымъ пѣніемъ раннихъ птичекъ, ни восходъ Солнца, озаряющаго этотъ чудесный садъ, ни плоды, ни трава и цвѣты съ блестящей на нихъ росой, ни ароматъ послѣ дождя, ни нѣжная прелесть тихаго вечера, ни безмолвная Ночь съ ея торжественнымъ пѣвцомъ, ни прогулка при сіяніи Луны, или при трепетномъ блескѣ звѣздъ, безъ тебя, ничто мнѣ не мило.

«Но зачѣмъ же эти свѣтила сіяютъ всю ночь? Кто видитъ это чудесное зрѣлище, когда глаза всѣхъ сомкнуты сномъ?»

Прародитель нашъ отвѣчаетъ: «Дочь Бога и Человѣка, Ева, образецъ совершенства! эти свѣтила, обходя каждыя сутки вокругъ земли, изъ страны въ страну разливаютъ свѣтъ, предназначенный нерожденнымъ еще народамъ. Они заходятъ и восходятъ, чтобы ночь, при помощи полнаго мрака, снова не завладѣла своимъ древнимъ царствомъ и не уничтожила всей жизни въ природѣ. Слабый огонь ихъ не только даетъ свѣтъ, но благотворнымъ тепломъ согрѣваетъ и питаетъ всѣ произведенія земли, готовя ихъ къ воспріятію могучихъ лучей Солнца, которое разовьетъ и усовершенствуетъ ихъ. И такъ, свѣтила эти, хотя никто не созерцаетъ ихъ въ глубокой ночи, сіяютъ не напрасно. Не думай также, что безъ существованія человѣка красота Неба осталась бы безъ зрителей и слава Божія безъ похвалъ. И во время нашего сна, и во время нашего бодрствованія, по Землѣ ходятъ незримо милліоны безплотныхъ созданій; день и ночь созерцаютъ они творенія Всевышняго и неустанно славятъ Его. Какъ часто съ высоты холмовъ или изъ глубины зеленыхъ дубравъ, полночнымъ эхомъ доносятся къ намъ звуки небесныхъ голосовъ, воспѣвающихъ величіе Создателя! То поетъ одинъ голосъ, то ему отвѣчаетъ полный звучный хоръ. Часто, стоя на стражѣ, или обходя ночнымъ дозоромъ,

With charm of earliest birds; pleasant the Sun,
When first on this delightful land he spreads
His orient beams, on herb, tree, fruit, and flower,
Glist'ring with dew; fragrant the fertile earth
After soft show'rs; and sweet the coming on
Of grateful ev'ning mild; then silent Night,
With this her solemn bird, and this fair Moon,
And these the gems of Heav'n, her starry train;
But neither breath of Morn, when she ascends
With charm of earliest birds; nor rising Sun
On this delightful land; nor herb, fruit, flower,
Glist'ring with dew; nor fragrance after showers;
Nor grateful ev'ning mild; nor silent Night
With this her solemn bird, nor walk by Moon,
Or glitt'ring star-light, without thee is sweet.
But wherefore all night long shine these? For whom
This glorious sight, when sleep hath shut all eyes?
To whom our general ancestor reply'd:
Daughter of God and Man, accomplish'd Eve,
These have their course to finish round the earth
By morrow ev'ning, and from land to land
In order, though to nations yet unborn,
Minist'ring light prepared, they set and rise;
Lest total darkness should by night regain
Her old possession, and extinguish life
In nature and all things, which these soft fires
Not only enlighten, but with kindly heat
Of various influence, foment and warm,
Temper or nourish, or in part shed down
Their stellar virtue on all kinds that grow
On earth, made hereby apter to receive
Perfection from the Sun's more potent ray.
These then, though unbeheld in deep of night,
Shine not in vain; nor think, tho' men were none,
That Heav'n would want spectators, God want praise.
Millions of spiritual creatures walk the earth
Unseen, both when we wake and when we sleep.
All these with ceaseless praise his works behold,
Bot day and night. How often from the steep
Of echoing hill or thicket have we heard
Celestial voices to the midnight air,
Sole, or responsive each to other's note,
Singing their great Creator! Oft in bands
While they keep watch, or nightly rounding walk

сонмы Ангеловъ играютъ на различныхъ инструментахъ; небесныя струны звучатъ дивными аккордами, которые, сливаясь съ ангельскими пѣснопѣніями, возносятся къ Небу, вознося къ нему и наши мысли.»

Бесѣдуя такъ между собою, идутъ они рука объ руку въ свою благословенную кущу. Самъ Великій Садовникъ выбралъ для нея мѣсто, когда устроивалъ этотъ Рай для наслажденія Человѣка. Густолиственный сводъ ея изъ твердыхъ, душистыхъ листьевъ, перевивался лаврами и миртами; акантъ и разные благовонные кустарники подымались вокругъ зеленой стѣной; среди ея зелени самые прелестные цвѣты — разноцвѣтный ирисъ, розы, жасмины чудной мозаикой раскинули свои цвѣтущія головки; подъ ногами фіалки, крокусы, гіацинты устилали землю роскошными узорами: драгоцѣннѣйшіе камни не могли бы блистать такими яркими цвѣтами. Ни одно изъ другихъ созданій, ни звѣрь, ни птица, ни насѣкомое, ни пресмыкающееся не смѣли войти сюда: такъ благоговѣли они передъ Человѣкомъ! Въ такой тѣнистой прохладѣ, въ такомъ тихомъ, священномъ уединеніи никогда не спали ни Панъ, ни Сильванъ, вымышленные лѣсные боги, никогда ни Нимфы, ни Фавны [110], не посѣщали такихъ пріютовъ.

Въ этой сокровенной сѣни Ева впервые украсила свое брачное ложе цвѣтами, гирляндами, усыпала его душистыми травами, а небесные хоры воспѣли свадебный гимнъ въ тотъ день, когда Ангелъ, покровитель браковъ, привелъ Еву къ нашему прародителю. Въ нагой красѣ своей, безъ украшеній, она была милѣе Пандоры [111], которую боги надѣлили всѣми дарами, и которая, увы, причинила столько же несчастій, когда, приведенная Гермесомъ къ безразсудному сыну Іафета, своими чарующими взглядами обворожила человѣчество, изъ мести тому, кто похитилъ священный огонь у Зевса.

Подойдя къ своему тѣнистому крову, Адамъ и его подруга останавливаются; оба оборачиваются, и подъ открытомъ небомъ совершаютъ молитву Предвѣчному Богу, сотворившему облака и воздухъ, небесную твердь и землю, и сіяющій шаръ луны, и звѣздный сводъ, созерцаемый ими.

«Всемогущій Творецъ! Ты создалъ ночь, Ты же сотворилъ и минувшій день. Мы провели его въ трудахъ, назначенныхъ намъ Тобою, счастли-

With heav'nly touch of instrumental sounds,
In full harmonic number join'd, their songs
Divide the night, and lift our thoughts to Heav'n.
Thus talking hand in hand alone they pass'd
On to their blissful bow'r; it was a place
Chosen by the Sov'reing Planter, when he framed
All things to Man's delightful use. The roof
Of thickest covert was inwoven shade
Laurel and myrtle, and what higher grew
Of firm and fragrant leaf: on either side
Acanthus, and each odorous bushy shrub
Fenced up the verdant wall; each beauteous flow'r,
Iris all hues, roses, and jessamine,
Rear'd high their flourish'd heads between, and wrought
Mosaic; underfoot the violet,
Crocus, and hyacinth, with rich inlay
Broider'd the ground, more colour'd than with stone
Of costliest emblem. Other creature here,
Beast, bird, insect, or worm, durst enter none:
Such was their awe of Man. In shadier bower
More sacred and sequester'd, though but feign'd,
Pan or Sylvanus never slept, nor Nymph
Nor Faunus haunted. Here, in close recess,
With flowers, garlands, and sweet-smelling herbs,
Espoused Eve deck'd first her nuptial bed,
And heav'nly choirs the hymenean sung,
What day the genial Angel to our sire
Brought her in naked beauty more adorn'd,
More lovely than Pandora, whom the Gods
Endow'd with all their gifts: and O too like
In sad event, when to th' unwiser son
Of Japhet brought by Hermes, she ensnared
Mankind with her fair looks, to be avenged
On him who had stole Jove's authentic fire.
Thus at their shady lodge arrived, both stood,
Both turn'd, and under open sky adored
The God that made both sky, air, earth, and heav'n
Which they beheld, the moon's resplendent globe,
And starry pole: Thou also mand'st the night,
Maker omnipotent, and thou the day,
Which we in our appointed work employ'd

вые нашей взаимной помощью, нашей взаимной любовью, заповѣданной Тобою, этимъ вѣнцомъ всего нашего благополучія! Ты насадилъ этотъ чудесный садъ, слишкомъ обширный для насъ; намъ не съ кѣмъ раздѣлить Твоихъ щедротъ, и обильные дары Твои падаютъ на землю никѣмъ не пожатые. Но Ты обѣщалъ, что отъ насъ двоихъ произойдетъ потомство, которое населитъ всю землю и вмѣстѣ съ нами будетъ прославлять Твою безконечную благость, какъ въ часъ пробужденія, такъ и въ тихій часъ, когда мы призываемъ сонъ, одинъ изъ Твоихъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ.»

Такъ единодушно сотворили они молитву, безъ всякихъ обрядовъ, кромѣ одного высокаго благоговѣнія, обряда самаго пріятнаго Богу. Рука въ руку вступаютъ они вглубь своей кущи; не надо имъ снимать стѣснительныхъ одеждъ, какія мы носимъ; они ложатся рядомъ другъ возлѣ друга. Адамъ, какъ я думаю, не отвращалъ взоровъ отъ прекрасной супруги, также и Ева не отказывалась отъ исполненія таинственныхъ законовъ святой супружеской любви. Одни лицемѣры, надѣвающіе на себя личину чистоты и невинности, строго порицаютъ и называютъ нечистымъ то, что освящено Самимъ Богомъ, и что нѣкоторымъ Онъ повелѣваетъ, и позволяетъ всѣмъ. Творецъ нашъ повелѣлъ намъ размножаться. Кто же можетъ требовать воздержанія любви, какъ не губитель нашъ, врагъ Бога и Человѣка?

Хвала тебѣ, супружеская Любовь, таинственный законъ природы, истинный источникъ жизни, единственная собственность въ Раю, гдѣ всѣ остальныя блага были общимъ достояніемъ всѣхъ! Ты избавила человѣка отъ слѣпой похоти, приличной однимъ безсловеснымъ скотамъ. Черезъ тебя впервые были познаны освященныя, очищенныя и скрѣпленныя тобою дорогія узы крови, и святыя слова—отецъ, сынъ, братъ. Прочь отъ меня самая мысль, о цѣломудренный бракъ, чтобы можно было видѣть въ тебѣ грѣхъ или стыдъ, или считать тебя недостойнымъ проникать въ самое чистое убѣжище! Ты вѣчный источникъ семейныхъ радостей, непорочно и свято твое ложе, было и будетъ: на немъ возлегали святые и патріархи. Для тебя Любовь вооружается золотыми стрѣлами, для тебя зажигаетъ она свой вѣчный свѣтильникъ и вѣетъ своими пурпурными крылами. Въ тебѣ истинное царство любви со всѣми ея наслажденіями, какихъ не да-

Have finish'd, happy in our mutual help
And mutual love, the crown of all our bliss
Ordain'd by thee; and this delicious place
For us too large, where thy abundance wants
Partakers, and uncropt falls to the ground.
But thou hast promised from us two a race
To fill the earth, who shall with us extol
Thy goodness infinite, both when we wake
And when we seek, as now, thy gift of sleep.
This said unanimous, and other rites
Observing none, but adoration pure
Which God likes best, into their inmost bower
Handed they went; and eased the putting off
These troublesome disguises which we wear,
Straight side by side were laid; nor turn'd I ween
Adam from his spouse, nor Eve the rites
Mysterious of connubial love refused:
Whatever hypocrites austerely talk
Of purity, and place, and innocence,
Defaming as impure what God declares
Pure, and command to some, leaves free to all.
Our Maker bids increase; who bids abstain
But our Destroyer, foe to God and Man?
Hail wedded Love, mysterious law, true source
Of human offspring, sole propriety
In Paradise of all things common else.
By thee adult'rous lust was driven from men,
Among the bestial herds to range; by thee,
Founded in reason, loyal, just, and pure,
Relations dear, and all the charities
Of father, son, and brother, first were known.
Far be't, that I should write thee sin or blame,
Or think thee unbefitting holiest place,
Perpetual fountain of domestic sweets,
Whose bed is undefiled and chaste pronounced,
Present, or past, as saints and patriarch used.
Here Love his golden shafts employs, here lights
His constant lamp, and waves his purple wings,
Reigns here and revels; not in the bought smile

дутъ притворныя улыбки продажной красавицы и купленные восторги безъ любви, безъ радости; не найти этихъ чистыхъ наслажденій ни въ случайныхъ увлеченіяхъ, ни въ пиршествахъ и полночныхъ балахъ съ плясками и безумнымъ маскарадомъ, или серенадами, что влюбленный юноша поетъ своей гордой красавицѣ, отъ которой было бы ему лучше отвернуться съ презрѣніемъ.

Подъ трели соловьиной пѣсни, уснули супруги въ объятіяхъ другъ друга, а съ цвѣтущаго свода сыпались на ихъ нагіе члены розы, освѣженныя уже утренней росой. Спи, наслаждайся, счастливая чета! О, какъ бы счастливѣе была ты, если бы не искала высшаго благополучія и не переступала предѣловъ своего знанія.

Ночь объяла уже своей мрачной тѣнью половину обширнаго подлуннаго свода. Въ обычный часъ, Херувимы вышли изъ алебастровыхъ вратъ, и въ полномъ вооруженіи выстроились въ ряды, приготовляясь къ ночному обходу. Тогда Гавріилъ сказалъ Херувиму, ближайшему къ нему по власти:

«Уззіилъ, возьми съ собою половину легіона, отправься на южную сторону Рая, и зорко слѣди за всѣмъ; я съ другой половиной обойду сѣверъ, и, заключивъ кругъ, мы сойдемся на западѣ.»

Ангельскій легіонъ раздѣляется, словно пламя; одна половина идетъ туда, куда показываетъ щитъ Гавріила, другая—куда смотритъ его копье. Потомъ Гавріилъ призываетъ двухъ сильныхъ и мудрыхъ Ангеловъ, стоявшихъ близъ него, и отдаетъ имъ такое приказаніе:

«Итуріилъ и Зефонъ, со всей быстротой вашихъ крыльевъ летите въ Эдемъ; со тщаніемъ осмотрите весь садъ, ни одного уголка не оставьте не обысканнымъ, а главное, берегите убѣжище тѣхъ двухъ прекрасныхъ созданій,—можетъ быть они уже спятъ въ эту минуту, не подозрѣвая опасности. Въ вечернюю пору, передъ самымъ закатомъ, явился мнѣ Ангелъ, чтобы предостеречь меня, что какой-то изъ адскихъ Духовъ летѣлъ туда (кто-бъ могъ это думать?). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ проникъ черезъ преграды Ада съ гибельнымъ намѣреніемъ. Гдѣ бы вы ни нашли его, схватите его и приведите ко мнѣ.»

Of harlots, loveless, joysless, unendear'd,
Casual fruition; nor in court-amours,
Mix'd dance, or wanton mask, or midnight ball,
Or serenate, which the starved lover sings
To his proud fair, best quitted with disdain.

These, lull'd by nightingales, embracing, slept,
And on their naked limbs the flow'ry roof
Shower'd roses, which the morn repair'd. Sleep on,
Blest pair! and O yet happiest, if ye seek
No happier state, and know to know no more.

Now had Night measured with her shadowy cone
Half way up hill this vast sublunar vault,
And from their ivory port the Cherubim
Forth issuing at th' accustom'd hour, stood arm'd
To their night-watches in warlike parade,
When Gabriel to his next in power thus spake:

Uzziel, half these draw off, and coast the south
With strictest watch; these other wheel the north;
Our circuit meets full west. As flame they part;
Half wheeling to the shield, half to the spear.
From these, two strong and subtle Spirits he call'd
That near him stood, and gave them thus in charge:

Ithuriel and Zephon, with wing'd speed
Search thro' this garden; leave unsearch'd no nook;
But chiefly where those two fair creatures lodge,
Now laid perhaps asleep, secure of harm.
This evening from the Sun's decline arrived
Who tells of some infernal Spirit seen
Hitherward bent (who could have thought?) escaped
The bars of Hell, on errand bad no doubt:
Such where ye find, seize fast, and hither bring.

Два Ангела направляются искать врага прямо къ кущѣ.

Пѣснь 4, стр. 89.

. . . . These to the bower direct,
Jn search of whom they sought.

G^e Doré
Jonnard

Сказавъ это, онъ повелъ блестящую стражу, затмевавшую своимъ блескомъ сіяніе луны. Два Ангела направляются искать врага прямо къ кущѣ, — и тамъ находятъ его. Онъ, въ видѣ жабы, забился подъ самое ухо Евы, стараясь адской силой проникнуть до органовъ ея воображенія, и посредствомъ ихъ отуманить ее мечтами, фантастическими призраками и грезами; или, вдохнувъ свой ядъ, онъ думалъ отравить имъ тѣхъ чувственныхъ духовъ, что поднимаются изъ самой чистой крови, подобно легкимъ парамъ, выходящимъ отъ дыханія свѣтлаго потока. Тогда онъ надѣялся возбудить въ душѣ Евы недовольство, безпокойныя мысли, источникъ тщетныхъ надеждъ, тщетныхъ цѣлей, необузданныхъ желаній, разжигаемыхъ высокомѣрными мечтами, рождающими гордость.

Въ ту минуту, какъ Сатана приводилъ въ исполненіе этотъ черный умыселъ, Итуріилъ слегка прикоснулся къ нему своимъ копьемъ: притворство не можетъ переносить прикосновенія небеснаго оружія, и тотчасъ же невольно принимаетъ свой настоящій образъ. Сатана, открытый Ангеломъ, содрогается и встаетъ, пораженный удивленіемъ. Такъ, когда на груду пороха, сложеннаго въ магазинѣ на случай ожидаемой войны, попадетъ искра, черныя зерна мгновенно вспыхиваютъ и взрываются на воздухъ. Такъ же быстро воспрянулъ Врагъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Оба прекрасные Ангела невольно отступаютъ, внезапно увидѣвъ передъ собой ужаснаго царя; но, недоступные страху, вскорѣ приближаются къ нему съ такою рѣчью:

«Скажи, который ты изъ мятежныхъ Духовъ, приговоренныхъ къ адскимъ мукамъ? Какъ могъ ты вырваться изъ твоей темницы? Зачѣмъ, измѣнивъ свой видъ, какъ врагъ въ засадѣ, сидишь ты здѣсь, у этого изголовья?»

«Такъ вы не знаете меня? презрительно отвѣчаетъ Сатана, — я не извѣстенъ вамъ? Однако, нѣкогда вы меня знавали, но не равнымъ себѣ: тогда я возсѣдалъ на такой высотѣ, куда вы не дерзали подняться. Не знать меня, значитъ сознаваться въ своей собственной неизвѣстности, какъ ничтожнѣйшихъ изъ вашей толпы. Если же вы знаете—кто я, то къ чему этому вопросъ? Начало вашего посольства такъ же безполезно, какъ безплоденъ будетъ и конецъ его.»

So saying, on he led his radiant files,
Dazzling the moon; these to the bower direct,
In search of whom they sought: him there they found,
Squat like a toad, close at the ear of Eve,
Assaying by his devilish art to reach
The organs of her fancy, and with them forge
Illusions as he list, phantasms and dreams;
Or if, inspiring venom, he might taint
Th' animal spirits that from pure blood arise,
Like gentle breaths from rivers pure, thence raise
At least distemper'd, discontented thoughts,
Vain hopes, vain aims, inordinate desires,
Blown up with high conceits, ingendering pride.

Him thus intent Ithuriel wit his spear
Touch'd lightly; for no falsehood can endure
Touch of celestial temper, but returns
Of force to its own likeness. Up he starts,
Discover'd and surprised. As when a spark
Lights on a heap of nitrous powder, laid
Fit for the tun some magazine to store
Against a rumour'd war, the smutty grain
With sudden blaze diffused, inflames the air;
So started up in his own shape the Fiend.
Back stept those two fair Angels, half amazed
So sudden to behold the grysly king;
Yet thus, unmoved with fear, accost him soon:

Which of those rebel Spirits, adjudged to Hell,
Com's thou, escaped thy prison? and transform'd,
Why sat'st thou like an enemy in wait.
Here watching at the head of these that sleep?

Know ye not then, said Satan, fill'd with scorn,
Know ye not me? Ye knew me once no mate
For you; there sitting where ye durst not soar.
Not to know me, argues yourselves unknown
The lowest of your throng; or if ye know,
Why ask ye, and superfluous begin
Your message, like to end as much in vain?

На это Зефонъ, платя за презрѣніе презрѣніемъ, такъ отвѣчаетъ:

«Не думай, мятежникъ, чтобы тебя можно было узнать, что черты твои сохранили тотъ лучезарный блескъ, какимъ сіялъ ты въ Небѣ, свѣтлый и чистый. Когда ты измѣнилъ Богу, этотъ блескъ покинулъ тебя, и сталъ ты теперь ужасенъ, какъ твое преступленіе, какъ мѣсто проклятія, куда ты низверженъ. Но слѣдуй за нами; повѣрь, ты дашь отчетъ тому, кто послалъ насъ, чьему охраненію ввѣрено это неприкосновенное мѣсто и безопасность этой четы.»

Такъ говорилъ Херувимъ; и слова его, произнесенныя съ строгой важностію, придавали его юношеской красотѣ неотразимую прелесть. Дьяволъ стоялъ посрамленный; онъ чувствовалъ могущественную власть добра, онъ видѣлъ добродѣтель въ самомъ привлекательномъ ея образѣ, — видѣлъ, и горько сожалѣлъ о томъ, что утратилъ; но болѣе всего скорбѣлъ онъ о томъ, что блескъ его такъ видимо помрачился; однако, онъ все еще остается неустрашимымъ, какъ прежде.

«Если я долженъ бороться, говоритъ онъ, то пусть это будетъ борьба равнаго съ равнымъ, съ пославшимъ васъ, но не съ посланцемъ, или я всѣхъ вмѣстѣ вызову на бой: такъ я болѣе пріобрѣту славы, или менѣе потерплю стыда.»

Зефонъ смѣло возражаетъ: «Твой страхъ избавляетъ насъ отъ труда доказать тебѣ, что, слабѣйшій изъ насъ, одинъ, можетъ сдѣлать противъ тебя, преступнаго, слѣдовательно безсильнаго.»

Врагъ ничего не отвѣчалъ; злоба душила его; но онъ идетъ, надменно поднявъ голову, какъ гордый конь, который мчится, закусивъ желѣзныя удила. Сражаться, такъ же какъ бѣжать, онъ считалъ безполезнымъ; ужасъ, посланный свыше, укротилъ его сердце, не вѣдавшее страха ни передъ чѣмъ другимъ. Они приближаются уже къ западной сторонѣ, гдѣ, обойдя кругъ, ангельскіе легіоны сходились съ обѣихъ сторонъ, и ставъ вмѣстѣ, ожидали новыхъ приказаній. Вождь ихъ, Гавріилъ, стоявшій въ ихъ главѣ, возвышая голосъ, говоритъ:

«О, друзья, я слышу быстрые шаги; они спѣшатъ по этой дорогѣ; вотъ, сквозь сумракъ, я различаю Итуріила и Зефона; я вижу ихъ те-

To whom thus Zephon, answering scorn with scorn.
Think not, revolted Spirit, thy shape the same,
Or undiminish'd brightness, to be know
As when thou stood'st in Heav'n upright and pure;
That glory then, when thou no more wast good.
Departed from thee; and thou resembles now
Thy sin and place of doom obscure and foul.
But come; for thou, be sure, shalt give account
To him who sent us, whose charge is to keep
This place inviolable, and these from harm.

So spake the Cherub; and his grave rebuke,
Severe in youtful beauty, added grace
Invincible. Abash'd the Devil stood,
And felt how awful goodness is, and saw
Virtue in her shape how lovely; saw and pined
His loss; but chiefly to find here observed
His lustre visibly impair'd; yet seem'd
Undaunted If I must contend, said he,
Best with the best, the sender not the sent,
Or all at once; more glory will be won.
Or less be lost Thy fear, said Zephon bold,
Will save us trial what the least can do
Single against the wicked, and thence weak.

The Fiend reply'd not, overcome with rage;
But like a proud steed rein'd, went haughty on,
Champing his iron curb. To strive or fly
He held it vain; awe from above had quell'd
His heart, not else dismay'd. Now drew they nigh
The western point, where those half-rounding guards
Just met, and closing stood in squadron join'd,
Awaiting next command. To whom their chief,
Gabriel from the front, thus call'd aloud:

O friends, I hear the tread of nimble feet
Hasting this way, and now by glimpse discern
Ithuriel and Zephon through the shade,

перь; съ ними идетъ третій, царь по осанкѣ, хотя блескъ его померкъ; по его поступи и свирѣпому виду, то долженъ быть князь Ада. Едва ли уйдетъ онъ отсюда безъ борьбы. Мужайтесь! взглядъ его вызываетъ на брань.»

Едва онъ окончилъ, какъ Итуріилъ и Зефонъ подходятъ къ нему, и вкратцѣ доносятъ, кто ихъ плѣнникъ, гдѣ они нашли его, за какимъ дѣломъ застали, и въ какомъ видѣ онъ пресмыкался.

Съ грознымъ взглядомъ говоритъ ему Гавріилъ:

«Сатана, зачѣмъ переступилъ ты предписанные тебѣ предѣлы? Зачѣмъ пришелъ ты тревожить тѣхъ, кого не увлекъ твой примѣръ, кому даны право и власть требовать у тебя отчета о твоемъ дерзкомъ появленіи здѣсь? Зачѣмъ хотѣлъ ты нарушить сонъ и покой тѣхъ, кого Господь помѣстилъ здѣсь, въ жилищѣ блаженства?»

Съ презрительнымъ взглядомъ Сатана отвѣчаетъ: «Гавріилъ! въ Небѣ ты считался мудрымъ; я самъ былъ того же мнѣнія; но твой вопросъ вводитъ меня въ сомнѣніе. Скажи мнѣ, кто же радуется своимъ мукамъ? Кто, найдя къ тому средства, не бѣжалъ бы изъ Ада, если бы былъ низверженъ въ него? Будь увѣренъ, ты самъ поступилъ бы такъ же, ты отважился бы на самый дерзкій полетъ, лишь бы бѣжать какъ можно дальше отъ страданій, въ такое мѣсто, гдѣ бы тебѣ улыбалась надежда, что муки твои замѣнятся спокойствіемъ, и всѣ скорби скоро вознаградятся наслажденіемъ. Вотъ чего искалъ я здѣсь; но ты не можешь понять этого: ты знаешь только одно благо, и не испыталъ несчастія. И что же говоришь ты мнѣ о волѣ Того, Кто ввергъ насъ въ оковы? Зачѣмъ же Онъ не заградилъ крѣпче Своихъ желѣзныхъ вратъ, если навѣки хотѣлъ заточить насъ въ мрачной тюрьмѣ? Вотъ отвѣтъ на твой вопросъ. Все остальное тебѣ передано вѣрно; они точно нашли меня тамъ, гдѣ сказали; но въ чемъ же тутъ насиліе или враждебныя цѣли?»

Такъ говоритъ онъ съ презрѣніемъ. Разгнѣванный небесный воинъ, полу-презрительно, полу-насмѣшливо возражаетъ: «О, какого премудраго судіи лишилось Небо, потерявъ Сатану! Безуміе низвергло его съ Небесъ,

And with them comes a third of regal port,
But faded splendour wan; who, by his gait
And fierce demeanour, seems the prince of Hell,
Not likely to part hence without contest:
Stand firm, for in his look defiance lours.

He scarce had ended, when those two approach'd,
And brief related whom they brought, where found,
How busy'd, in what form and posture couch'd.

To whom with stern regard thus Gabriel spake:
Why hast thou, Satan, broke the bounds prescribed
To thy transgressions, and disturb'd the charge
Of others, who approve not to transgress
By thy example, but have pow'r and right
To guestion thy bold entrance on this place:
Employ'd seems to violate sleep, and those
Whose dwelling God hath planted here in bliss?

To whom thus Satan with contemptuous brow:
Gabriel, thou hadst in Heav'n th' esteem of wise,
And such I held thee; but this question ask'd
Puts me in doubt. Lives there who loves his pain?
Who would not, finding way, break loose from Hell,
Though thither doom'd? Thou would'st thyself, no doubt,
And boldly venture to whatever place
Farthest from pain, where thou might'st hope to change
Torment with ease, and soonest recompense
Dole with delight, which in this place I sought;
To thee no reason, who knowest only good,
But evil hast not try'd: and wilt object
His will who bounds us? Let him surer bar
His iron gates, if he intends our stay
In that dark durance: thus much what was ask'd.
The rest is true, they found me where they say;
But that emplies not violence or harm.

Thus he in scorn. The warlike Angel moved
Disdainfully, half smiling thus reply'd:

O loss of one in Heav'n to judge of wise,
Since Satan fell, whom folly overthrew,

теперь, столько же полный имъ, онъ вырвался изъ своей темницы, и въ тяжеломъ сомнѣніи не знаетъ считать мудрымъ или нѣтъ того, кто задаетъ ему вопросъ: какая дерзкая отвага привела его сюда, какъ осмѣлился онъ самовольно переступить предѣлы Ада, назначеннаго ему жилищемъ? Онъ считаетъ разумнымъ бѣжать отъ страданій, избавиться отъ кары! Думай такъ, высокомѣрный, до той поры, пока гнѣвъ Божій, который ты снова навлекъ на себя бѣгствомъ, не надетъ па тебя въ семь разъ сильнѣе, и карающій бичъ опять не прогонитъ въ Адъ эту мудрость, все еще не научившую тебя, что никакія страданія не могутъ равняться съ вѣчнымъ гнѣвомъ раздраженнаго Творца. Но отчего же ты одинъ? Отчего весь Адъ не ринулся за тобою? Развѣ страданія ихъ легче? Развѣ они не хотятъ бѣжать отъ мукъ? Или у тебя меньше мужества, чтобы сносить ихъ? О, храбрый вождь, онъ первый бѣжитъ отъ мученій! Если бы ты открылъ своему покинутому воинству причину твоего побѣга, навѣрное ты не былъ бы здѣсь единственнымъ бѣглецомъ.»

На это Врагъ, грозно нахмуривъ чело, отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, я не бѣгу отъ страданій, и никому не уступлю въ мужествѣ. Ты хорошо знаешь, дерзкій Ангелъ, уступалъ ли я тебѣ тогда въ битвѣ, пока не подоспѣли къ тебѣ на помощь разрушительные громовые залпы; безъ нихъ твое копье не внушало мнѣ страха. Но слова твои, брошенныя наудачу, какъ и раньше, доказываютъ только твою неопытность; ты не знаешь, что полководецъ, вѣрный своему долгу и наученный тяжелымъ опытомъ и прошлыми неудачами, никогда не станетъ подвергать всего своего войска случайностямъ невѣдомаго, опаснаго пути, прежде чѣмъ не разслѣдуетъ его самъ. Вотъ почему я первый, одинъ, предпринялъ отважный полетъ черезъ пустыню бездны, чтобы высмотрѣть этотъ новосозданный міръ, молва о которомъ достигла до Ада. Я надѣюсь найти здѣсь лучшее пристанище; я помѣщу мое сокрушенное воинство здѣсь, на землѣ, или въ воздушномъ пространствѣ, хотя бы для завоеванія его намъ снова пришлось испытать, какую силу противупоставишь намъ ты, съ твоими блистательными легіонами. О, пусть лучше служатъ они своему Владыкѣ тамъ, на Небесахъ, пусть воспѣваютъ гимны, пресмыкаясь пе-

And now returns him from his prison 'scaped,
Gravely in doubt whether to hold them wise
Or not, who ask what boldness brought him hither,
Unlicensed from his bounds in Hell prescribed;
So wise he judges it to fly from pain
However, and to 'scape his punishment.
So judge thou still, presumptuous, till the wrath,
Which thou incurr'st by flying, meet thy flight
Sev'nfold, and scourge that wisdom back to Hell
Which taught thee yet no better, that no pain
Can equal anger infinite provoked.
But wherefore thou alone? Wherefore with thee
Came not all Hell broke loose? Is pain to them
Less pain, less to be fled? or thou than they
Less hardy to endure? Courageous Chief,
The first in flight from pain, hadst thou alleged
To thy deserted host this cause of flight,
Thou surely hadst not come sole fugitive.
To which the Fiend thus answer'd, frowning stern:

Not that I less endure, or shrink from pain,
Insulting Angel; well thou know'st I stood
Thy fiercest, when in battle to thy aid
The blasting volley'd thunder made all speed,
And seconded thy else not dreaded spear
But still thy words at random, as before,
Argue thy inexperience what behoves
From hard assays and ill successes past,
A faithful leader, not to hazard all
Through ways of danger by himself untry'd:
I therefore, I alone first undertook
To wing the desolate abyss, and spy
This new-created world, whereof in Hell
Fame is not silent, here in hope to find
Better abode, and my afflicted Pow'rs
To settle here on earth, or in mid-air
Though for possesion put to try once more
What thou and thy gay legions dare against;
Whose easier bus'ness were to serve their Lord

редъ Его трономъ, на отмѣренномъ имъ разстояніи; раболѣпствовать ихъ дѣло, не сражаться!»

На это небесный воинъ поспѣшно отвѣчаетъ:

«То говоришь ты одно, то другое; сначала говорилъ ты, что находишь разумнымъ бѣжать отъ мукъ, потомъ явно призналъ себя лазутчикомъ, — все это обличаетъ въ тебѣ лгуна, обманщика, а не полководца. И ты, Сатана, осмѣливаешься хвалиться вѣрностію долгу? Вѣрность! о святое слово! Какъ оскверняешь ты его! Ты вѣренъ? Кому же? твоей мятежной шайкѣ, демонскому скопищу, войску, достойному своего вождя? Или въ томъ состоитъ ваша честь, ваша вѣрность клятвѣ, ваше повиновеніе долгу воина, чтобъ быть клятвопреступниками передъ Высшей Властью? Но ты, хитрый лицемѣръ, дерзающій представлять изъ себя защитника свободы, кто больше тебя унижался и ползалъ, кто подобострастнѣе тебя поклонялся грозному Владыкѣ Небесъ? И ты дѣлалъ это въ надеждѣ низвергнуть Его, и самому завладѣть Его трономъ! Но вотъ тебѣ мой совѣтъ. Прочь отсюда! спѣши туда, откуда ты бѣжалъ; если же отнынѣ ты появишься когда-нибудь въ этихъ священныхъ предѣлахъ, то я въ оковахъ повлеку тебя назадъ въ адскую пропасть, и такой печатью запечатаю адскія врата, что впередъ ты не станешь издѣваться надъ слабостью ихъ запоровъ.»

Такъ грозилъ Ангелъ; но Сатана, не внимая угрозамъ, и еще болѣе разгораясь яростью, вновь возражаетъ:

«Когда я буду твоимъ плѣнникомъ, тогда говори о цѣпяхъ, гордый Херувимъ! Но прежде приготовься испытать на себѣ тяжесть моей мощной руки, тяжесть, какой ты еще никогда не извѣдалъ, хотя на твоихъ крыльяхъ катается Царь Небесъ, и ты съ подобными тебѣ рабами, какъ ты, привычными къ ярму, возишь Его торжественную колесницу по вымощенному звѣздами Небу.»

Пока онъ говорилъ такъ, свѣтлый ангельскій легіонъ запылалъ багровымъ пламенемъ, и полумѣсяцемъ сомкнувъ свои ряды, тѣсно окружилъ его, устремивъ на него копья. Такъ на полѣ, когда дары Цереры созрѣютъ для жатвы, клонится къ землѣ густой лѣсъ колосьевъ, колеблемыхъ вѣт-

High up in Heav'n, with song to hymn his throne
And practised distances to cringe, not fight.

To whom the warrior Angel soon reply'd:
To say and straight unsay, pretending first
Wise to fly pain, professing next the spy,
Argues no leader, but a liar traced,
Satan, and couldst thou faithful add? O name,
O sacred name of faithfulness profaned!
Faithful to whom? to thy rebellious crew?
Army of Fiends, fit body to fit head.
Was this your discipline and faith engaged,
Your military obedience, to dissolve
Allegiance to th' acknowledged Pow'r Supreme?
And thou, sly hypocrite, who now woulds seem
Patron of liberty, who more than thou
Once fawn'd, and cringed, and servilely adored
Heav'n's awful Monarch? wherefore but in hope
To dispossess him, and thyself to reign?
But mark what I arreed thee now, Avaunt;
Fly thither whence thou fledst: if from this hour
Within these hallow'd limits thou appear,
Back to th' infernal pit I drag thee chain'd,
And seal thee so, as henceforth not to scorn
The facile gates of Hell too slightly barr'd.
So threaten'd he; but Satan to no threats
Gave heed, but, waxing more in rage, reply'd:
Then when I am thy captive, talk of chains,
Proud limitery Cherub; but ere then
Far heavier load thyself expect to feel
From my prevailing arm, though Heav'n's King
Ride on thy wings, and thou with thy compeers,
Used to th' yoke, draw'st his triumphant wheels
In progress through the road of Heav'n star-paved.
While thus he spake, th' angelic squadron bright
Turn'd fiery red, sharp'ning in mooned horns
Their phalanx, and began to hem him round
With ported spears, as thick as when a field
Of Ceres ripe for harvest waving bends
Her bearded grove of ears, which way the wind

ромъ; со страхомъ смотритъ на нихъ озабоченный земледѣлецъ, боясь, чтобы на его гумнѣ вся жатва, дававшая такъ много надеждъ, не оставила одной мякины.

Сатана, встревоженный грозившей опасностью, напрягая всѣ свои силы, стоялъ непоколебимо, какъ Тенерифъ или Атласъ. Фигура его стала расти выше и выше; онъ головой касался облаковъ; на перьяхъ его шлема сидѣлъ Ужасъ, въ рукахъ онъ сжималъ копье и щитъ. Страшныя дѣла готовы были свершиться! Отъ этого столкновенія не только Рай, но можетъ быть весь звѣздный сводъ Небесъ и всѣ стихіи были бы разрушены, развѣяны какъ прахъ, если бы Всевышній, въ предотвращеніе губительной битвы, не поднялъ на Небѣ своихъ золотыхъ вѣсовъ. Мы теперь видимъ ихъ въ звѣздномъ пространствѣ, между Астреею и Скорпіономъ [112]. На этихъ вѣсахъ Богъ впервые взвѣсилъ все созданное Имъ, и привелъ въ равновѣсіе шаръ земной съ его атмосферой. И теперь еще Всевышній взвѣшиваетъ на нихъ всѣ міровыя событія, судьбы царствъ и сраженій. Въ чаши этихъ вѣсовъ Онъ положилъ два жребія: въ одну бѣгство Сатаны, въ другую — бой; послѣдняя чаша быстро взлетѣла наверхъ и ударилась о перекладину. Гавріилъ такъ обращается тогда къ Врагу:

«Сатана, я знаю твою силу, ты знаешь мою; не наши эти силы; онѣ даны намъ свыше. И развѣ не безумно съ нашей стороны хвалиться могуществомъ нашего оружія, когда оно сильно настолько лишь, насколько допускаетъ это небесная воля. Моя сила теперь удвоена; я растопчу тебя, какъ прахъ,—вотъ доказательство: взгляни наверхъ! прочитай твою судьбу въ небесномъ знакѣ, гдѣ взвѣшена твоя участь; ты видишь, какъ легокъ и слабъ ты, чтобъ сопротивляться.»

Сатана глядитъ на Небо и видитъ, какъ высоко поднялась его чаша. Онъ ничего не сказалъ, но съ ропотомъ отступилъ, и съ нимъ отошли ночныя тѣни.

Sways them; the careful plowman doubting stands,
Lest on the threshing-floor his hopeful sheaves
Prove chaff. On th' other side Satan, alarm'd,
Collecting all his might, dilated stood,
Like Teneriff or Atlas, unremoved:
His stature reach'd the sky, and on his crest
Sat Horror plumed; nor wanted in his grasp
What seem'd both spear and shield. Now dreadful deeds
Might have ensued, nor only Paradise
In this commotion, but the starry cope
Of Heav'n perhaps, or all the elements
At least had gone to wrack, disturb'd and torn
With violence of this conflict, had not soon
Th' Eternal to prevent such horrid fray,
Hung forth in Heav'n his golden scales, yet seen
Betwixt Astrea and the Scorpion sign,
Wherein all things created first he weigh'd,
The pendulous round earth with balanced air
In counterpoise, now ponders all events,
Battles, and realms: in these he put two weights,
The sequel each of parting and of fight;
The latter quick up flew, and kick'd the beam;
Which Gabriel spying, thus bespake the Fiend:
Satan, I know thy strength, and thou know'st mine;
Neither our own, but giv'n. What folly then
To boast what arms can do? since thine no more
Than Heav'n permits, nor mine, though doubled now
To trample thee as mire: for proof look up,
And read thy lot in yon celestial sign,
Where thou art weigh'd and shown how light, how weak,
If thou resist. The Fiend look'd up, and knew
His mounted scale aloft: nor more; but fled
Murm'ring, and with him fled the shades of night.

Онъ ничего не сказалъ, но съ ропотомъ отступилъ, и съ нимъ отошли ночныя тѣни.

Пѣснь 4. стр. 94.

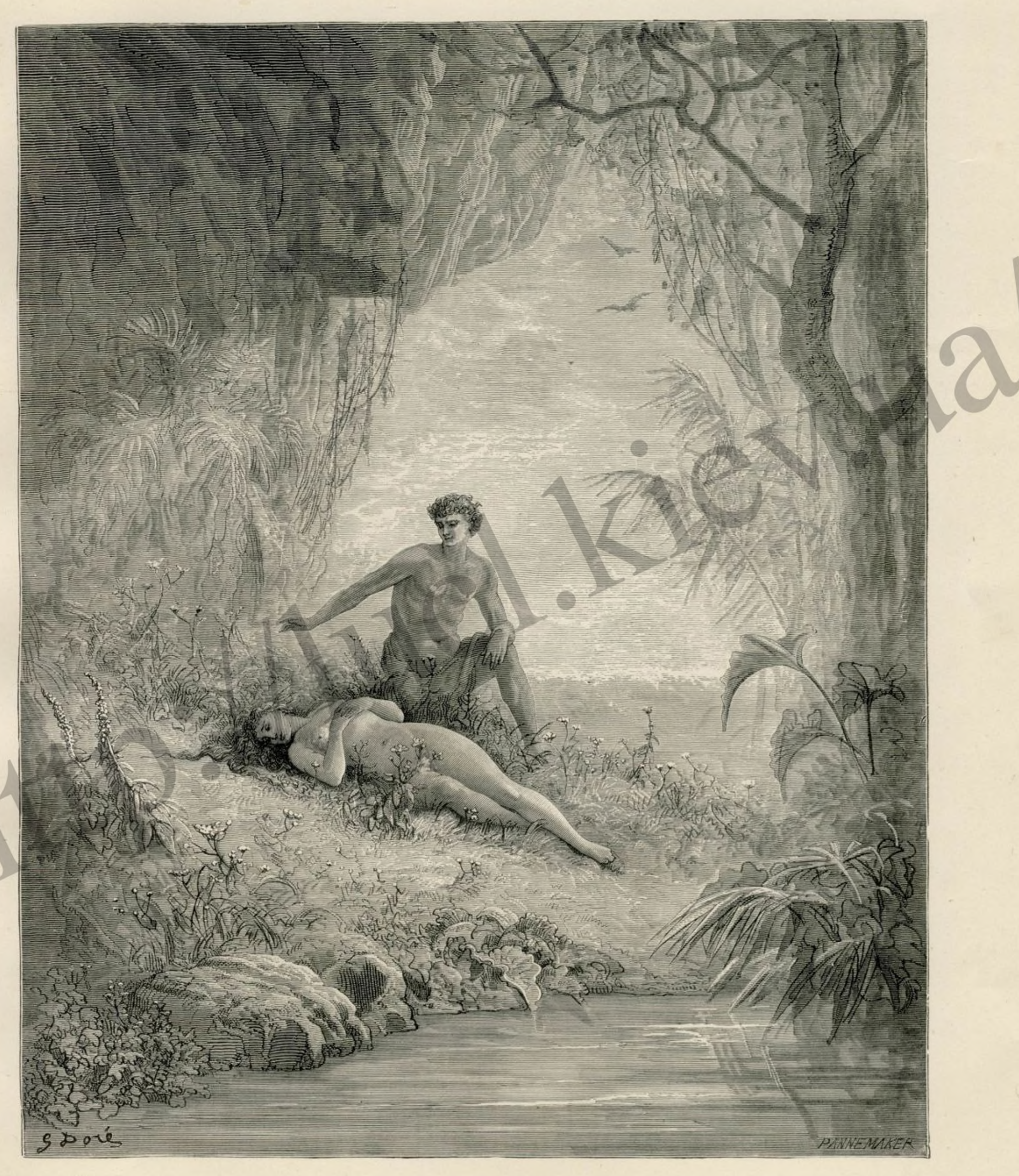
. . . . Nor more; but fled
Murm'ring, and with him fled the shades of night.

G. Doré
J. GAUCHARD SC.

Адамъ съ любовью склонился надъ своей подругой, восторженно любуясь ея красотою.

Пѣснь 5. стр. 95.

. . . . He on his side
Leaning, half raised, with looks of cordial love
Hung over her enamour'd.

G Doré
PANNEMAKER

ПѢСНЬ 5-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Настаетъ утро; Ева разсказываетъ Адаму свой тревожный сонъ; этотъ сонъ огорчаетъ его, но онъ успокоиваетъ свою подругу. Они выходятъ на свою ежедневную работу; у дверей кущи, они воспѣваютъ утренній гимнъ. Богъ, желая предупредить всякое оправданіе со стороны человѣка, посылаетъ Рафаила напомнить ему о долгѣ послушанія передъ Богомъ и о его свободной волѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупредить его о близости врага, о томъ, кто онъ, почему сдѣлался его врагомъ, и обо всемъ, что полезно было знать Адаму. Рафаилъ сходитъ въ Рай; его прибытіе туда. Адамъ, сидя у входа своей кущи, издали видитъ приближеніе его: онъ идетъ навстрѣчу Ангелу, приводитъ его въ свою бесѣдку, угощаетъ его самыми лучшими райскими плодами, сорванными Евою; ихъ разговоръ за столомъ. Рафаилъ исполняетъ данное ему порученіе, напоминаетъ Адаму объ его состояніи и о врагѣ: разсказываетъ, по просьбѣ Адама, кто этотъ врагъ, что побудило его къ враждѣ, начиная отъ перваго возмущенія его въ Небѣ; какъ мятежный духъ увлекъ свои легіоны на сѣверную сторону Неба, какъ возбуждалъ ихъ тамъ вмѣстѣ съ нимъ возстать противъ Бога, убѣдивъ всѣхъ, кромѣ Серафима Авдіила, который не убѣдился его доводами, оспаривалъ ихъ и оставилъ мятежника.

На востокѣ, розовыми стопами приближалось утро, осыпая землю драгоцѣннымъ жемчугомъ, когда Адамъ проснулся въ обычный часъ. Спокойно и ровно обращалась въ немъ чистая кровь, потому и сонъ его былъ легокъ какъ воздухъ, и незамѣтно разсѣивался отъ шелеста листьевъ, опахалъ Авроры, отъ журчанья ручьевъ, еще окутанныхъ ночными парами, отъ звонкой ранней пѣсни птичекъ, порхавшихъ на каждой вѣткѣ. Онъ былъ удивленъ, увидя, что Ева еще спитъ, съ безпорядочно раскинутыми волосами, съ лицомъ, пылающимъ какъ бы отъ тревожнаго сна. Приблизясь къ ней, Адамъ съ любовью склонился надъ своей подругой, восторженно любуясь ея красотою, блиставшей несравненной прелестью и на яву и во снѣ. Тихо коснувшись руки ея, онъ шепчетъ ей голосомъ нѣжнымъ, какъ дуновеніе Зефира на Флору: «Проснись, прелестная по-

---

BOOK 5. THE ARGUMENT.

Morning approached, Eve relates to Adam her troublesome dream; he likes it not, yet comforts her: They come forth to their day labours. Their morning hymn at the door of their bower. God, to render man inexcusable, sends Raphael to admonish him of his obedience, of his free estate, of his enemy near at hand, who he is, and why his enemy, and whatever else may avail Adam to know. Raphael comes down to Paradise, his appearence described, his coming discerned by Adam afar off, sitting at the door of his bower; he goes out to meet him, bring him to his lodge, entertains him with the choicest fruits of Paradise got together by Eve; their discourse at table: Raphael performs his message, minds Adam of his state and of his enemy: relates, at Adam's request, who that enemy is, and how he came to be so, beginning from his first revolt in Heaven, and the occasion thereof; how he drew his legions after him to the parts of the north and there incited them to rebel with him, persuading all but only Abdiel a Seraph; who in argument dissuades and opposes him, then forsakes him.

Now morn her rosy steps in th' eastern clime
Advancing, sow'd the earth with orient pearl,
When Adam waked, so custom'd, for his sleep
Was aery light from pure digestion bred
And temp'rate vapours bland, which th' only sound
Of leaves and fuming rills, Aurora's fan,
Lightly dispersed, and the shrill matin song
Of birds on ev'ry bough; so much the more
His wonder was to find unwaken'd Eve
With tresses discomposed, and glowing cheek,
As through unquiet rest: he on his side
Leaning, half raised, with looks of cordial love
Hung over her enamour'd; and beheld
Beauty, which whether waking or asleep,
Shot forth peculiar graces; then with voice
Mild, as when Zaphyrus on Flora breathes,
Her hand soft touching, whisper'd thus: Awake,

друга, моя жена, которую я искалъ такъ долго, послѣдній и лучшій даръ Неба, вѣчный источникъ новыхъ восторговъ, проснись; уже утро сіяетъ, и освѣженныя росой поля призываютъ насъ къ себѣ; мы теряемъ лучшую утреннюю пору; мы видѣли бы теперь, какъ подвигается ростъ нашихъ нѣжныхъ растеній, какъ цвѣтутъ лимонныя рощи, какъ слезится мирра и бальзамическій тростникъ, какъ окрашивается вся Природа въ ея яркія краски, какъ пчела извлекаетъ изъ цвѣтка сладкій, душистый сокъ.»

Нѣжный шопотъ будитъ ее, но она испуганнымъ взоромъ смотритъ на Адама; потомъ, прижавъ его къ сердцу, говоритъ ему:

«О ты, моя слава, мое совершенство, въ тебѣ одномъ нахожу покой и счастіе! Какая отрада для меня видѣть твое лицо и свѣтлое утро! Но въ эту ночь (о, подобной ночи я до сихъ поръ не знала), я видѣла сонъ,— и, не знаю, сонъ ли то былъ, потому что я видѣла въ немъ не тебя, какъ бывало, не труды прошедшаго дня, или планы будущаго утра,—нѣтъ! я томилась какимъ-то соблазномъ, какою-то тревогою, какой не знавало еще мое сердце до этой печальной ночи. Мнѣ снилось, что кто-то такъ нѣжно шепчетъ мнѣ на ухо,—зоветъ на прогулку. Я думала сначала, что слышу твой голосъ; онъ говорилъ: Зачѣмъ спишь ты, Ева, теперь, въ чудный часъ прохлады, тишины, когда ночное безмолвіе нарушается лишь трелями соловья, который одинъ не спитъ и заливается своей сладостной пѣснью, вдохновенной ему любовью?

«Полный кругъ луны сіяетъ на Небѣ и своимъ мягкимъ свѣтомъ возвышаетъ красоту природы, придавая ей мечтательную прелесть. И все это напрасно, никто не созерцаетъ этой картины. Небо не спитъ, всѣ очи его открыты. Кого же хочетъ оно видѣть, какъ не одну тебя, желаніе всей Природы? Присутствіе твое радуетъ все, что есть живого; твоя красота влечетъ къ тебѣ неотразимо; видѣвъ тебя разъ, хочется вѣчно смотрѣть на тебя.

«Я встала,—я думала, ты зовешь меня, но тебя не было; я пошла искать тебя, и, какъ будто, иду я, одна, по разнымъ тропинкамъ, и вдругъ прихожу къ тому запрещенному древу познанія. Прекрасно было оно; теперь моему воображенію оно казалось еще красивѣе, чѣмъ при днев-

My fairest, my espoused, my latest found,
Heav'n's last best gift, my ever new delight,
Awake; the morning shines, and the fresh field
Calls us; we lose the prime, to mark how spring
Our tender plants, how blows the citron grove
What drops the myrrh, and what the balmy reed,
Now Nature paints her colours, how the bee
Sits on the bloom extracting liquid sweet.

Such whisp'ring waked her, but with startled eye
On Adam, whom embracing, thus she spake:

O sole in whom my thoughts find all repose,
My glory, my perfection, glad I see
Thy face, and morn return'd; for I this night
(Such night till this I never pass'd) have dream'd,
If dream'd, not as I oft am wont, of thee,
Works of day past, or morrow's next design,
But of offence and trouble, which my mind
Knew never till this irksome night. Methought,
Close at mine ear one call'd me forth to walk,
With gentle voice; I thought it thine: it said,
Why sleep'st thou, Eve? now is the pleasant time,
The cool, the silent, save where silence yields
To the night-warbling bird, that now awake
Tunes sweetest his love-labour'd song; now reigns
Full orb'd the moon, and with more pleasing light
Shadowy sets off the face of things; in vain,
If none regard; Heav'n wakes with all his eyes,
Whom to behold but thee, Natur's desire?
In whose sight all things joy, with ravishment
Attracted by thy beauty still to gaze.

I rose as at thy call, but found thee not;
To find thee I directed then my walk;
And on, methought, alone I pass'd through ways
That brought me on a sudden to the tree
Of interdicted knowledge: fair it seem'd,
Much fairer to my fancy than by day:

номъ свѣтѣ. Я съ изумленіемъ смотрѣла на него; вдругъ вижу, стоитъ подлѣ дерева кто-то крылатый, какъ тѣ посланники Небесъ, что мы часто видимъ у себя. Его кудри, влажныя отъ росы, разливали ароматъ амврозіи; онъ также смотрѣлъ на дерево: «О чудное дерево», восклицаетъ онъ, «ты такъ обременено плодами, неужели никто не удостоитъ облегчить тебя отъ этой тягости и отвѣдать твою сладость, ни Богъ, ни Человѣкъ? Развѣ всѣ такъ пренебрегаютъ знаніемъ? Какая причина, кромѣ зависти, могла запретить вкушать твои плоды? Пусть запрещаетъ, кто хочетъ; никто не заставитъ меня дольше отказываться отъ предлагаемаго тобою блага. И съ какою же цѣлью тогда было бы ты посажено здѣсь?» Сказалъ и, не задумываясь, смѣлой рукой срываетъ плодъ, вкушаетъ его! Вся кровь во мнѣ застыла отъ страха при этихъ дерзкихъ словахъ и преступномъ поступкѣ; но онъ въ восторгѣ восклицаетъ: «О божественный плодъ, сладокъ ты самъ по себѣ, но какъ плодъ запрещенный, еще слаще; дѣйствительно, тебя вкушать могутъ лишь боги, однако ты можешь людей превращать въ боговъ: и отчего же людямъ не сдѣлаться богами? Чѣмъ болѣе сообщается благо, тѣмъ обильнѣе плоды его. Творецъ ничуть не потеряетъ отъ этого, напротивъ, это только возвеличитъ Его славу. Приблизься сюда, счастливое созданіе, ангельски прекрасная Ева, раздѣли со мною этотъ плодъ; ты счастлива, но можешь быть еще счастливѣе, хотя достойнѣе счастія быть не можешь. Отвѣдай этотъ плодъ и будь богиней среди боговъ; ты не будешь болѣе ограничиваться одной землею, но—то будешь парить въ воздухѣ, какъ мы, то возноситься на Небо; по твоему достоинству оно давно должно принадлежать тебѣ. Ты увидишь какъ живутъ боги, и такъ будешь жить сама».

«Сказавъ это, онъ подходитъ ко мнѣ, и подноситъ мнѣ къ самымъ устамъ половину того самаго плода, что онъ сорвалъ. Чудесный ароматъ возбудилъ во мнѣ такое желаніе вкусить плода, что я, казалось мнѣ, не могла противиться дольше. Тогда мгновенно я поднялась до облаковъ; глубоко подо мною разстилалась громадная поверхность земли — величественная, разнообразная картина. Я дивилась своему полету и перемѣнѣ, вознесшей меня на такую высоту. Вдругъ спутникъ мой исчезаетъ, и я,

And as I wond'ring look'd, beside it stood
One shaped and wing'd, like one of those from Heav'n
By us oft seen. His dewy locks distill'd
Ambrosia: on that tree he also gazed;
And O fair plant, said he, with fruit surcharged,
Deigns none to ease thy load and taste thy sweet,
Nor God, nor Man? is knowledge so despised?
Or envy, or what reserve forbid to taste?
Forbid who will, none shall from me withhold
Longer thy offer'd good: why else set here?
This said, he paused not, buth with vent'rous arm
He pluck'd, he tasted! Me damp horror chill'd
At such bold words vouch'd with a deed so bold:
But he thus overjoy'd, O fruit divine,
Sweet of thyself, but much more sweet thus cropt,
Forbidden here, it seems, as only fit
For Gods, yet able to make Gods of Men:
And why not Gods of Men, since good, the more
Communicated, more abundant grows,
The Author not impair'd, but honour'd more?
Here, happy creature, fair angelic Eve,
Partake thou also; happy though thou art,
Hoppier thou may'st be, worthier canst not be:
Taste this, and be henceforth among the Gods
Thyself a Goddess, not to earth confin'd,
But sometimes in the air, as we, sometimes
Ascend to Heav'n, by merit thine, and see
What life the Gods live there, and such live thou.
So saying, he drew nigh, and to me held
Ev'n to my mouth, of that same fruit held part
Which he had pluck'd. The pleasant sav'ry smell
So quiken'd appetite, that I, methought,
Could not but taste. Forthwith up to the clouds
With him I flew, and underneath beheld
The earth outstretch'd immense, a prospect wide
And various; wond'ring at my flight and change
To this high exaltation; suddenly
My guide was gone, and I, methought, sunk down,

какъ будто бы, упала внизъ, и заснула глубокимъ сномъ. О, какъ я рада была, когда пробудилась, что это былъ лишь сонъ!» Такъ разсказывала Ева про тревожную ночь. Огорченный Адамъ отвѣчалъ ей:

«Совершеннѣйшій мой образъ, лучшая моя половина! Твое душевное смятеніе въ эту ночь огорчаетъ меня также; меня безпокоитъ этотъ странный сонъ; боюсь, не таится ли въ немъ зла. Но откуда же можетъ придти зло? въ тебѣ оно не можетъ быть, ты создана непорочной! Но знай, въ душѣ нашей хранится много низшихъ способностей духа; онѣ всѣ подчинены Разуму, какъ главѣ. Между ними первое мѣсто занимаетъ Воображеніе: изъ всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, о какихъ даютъ ему представленіе пять бдительныхъ чувствъ, оно создаетъ видѣнія, легкіе образы; Разумъ даетъ имъ смыслъ, раздѣляя или связывая ихъ между собою, и отсюда происходитъ все, что мы принимаемъ или отрицаемъ, все, что зовемъ наукой или мнѣніемъ. Когда Природа покоится, Разумъ удаляется въ свой глубокій тайникъ; часто, въ его отсутствіе, Воображеніе, любящее играть его роль, бодрствуетъ, чтобы подражать ему; но, неправильно связывая образы, часто, особенно въ сновидѣніяхъ, производитъ нелѣпыя представленія, перепутывая въ нихъ слова и дѣла минувшаго дня или временъ давно прошедшихъ.

«Мнѣ кажется, въ этомъ снѣ твоемъ есть нѣкоторое сходство съ нашей послѣдней вечернею бесѣдой, только съ какими-то странными прибавленіями. Но не печалься. Зло можетъ закрасться въ душу Человѣка и даже боговъ, безъ ихъ вѣдома, и исчезаетъ, не оставляя въ ней никакого дурного слѣда. Надѣюсь, что на яву ты никогда не согласишься на поступокъ, котораго ты ужаснулась и во снѣ. Итакъ, не падай духомъ, не омрачай твоихъ взоровъ, всегда радостныхъ и ясныхъ, какъ первая улыбка веселаго утра. Встанемъ, пойдемъ на нашу пріятную работу въ тѣни рощъ, у ручьевъ, среди цвѣтовъ, благоухающихъ теперь изъ полу-открытыхъ чашечекъ самыми чудными ароматами, которыхъ они не тратили ночью, чтобы сберечь ихъ для тебя.»

Такъ старался онъ развеселить свою прекрасную подругу, и она повеселѣла; но изъ глазъ ея въ безмолвіи скатились двѣ слезы; она отерла

And fell asleep; but O how glad I waked
To find this but a dream! Thus Eve her night
Related, and thus Adam answer'd sad:
Best image of myself and dearer half,
The trouble of thy thoughts this night in sleep
Affects me equally; nor can I like
This uncouth dream, of evil sprung I fear;
Yet evil whence? In thee can harbour none,
Created pure. But know, that in the soul
Are many lesser faculties, that serve
Reason as chief: among these Fancy next
Her office holds. Of all external things
Which the five watchful senses represent,
She forms imaginations, aery shapes;
Which Reason joining or disjoining, frames
All what we affirm or what deny, and call
Our knowledge or opinion, then retires
Into her private cell when Nature rests.
Oft in her absence mimic Fancy wakes
To imitate her; misjoining shapes
Wild work produces oft, and most in dreams,
Ill matching words and deeds long past or late
Some such resemblances methinks I find
Of our last evening's talk, in this thy dream,
But with addition strange; yet be not sad.
Evil into the mind of God or Man
May come and go, so unapproved, and leave
No spot or blame behind: Which gives me hope
That what in sleep thou didst abhor to dream
Waking thou never wilt consent to do.
Be not dishearten'd then, nor cloud those looks
That wont to be more cheerful and serene
Than when fair morning first smiles on the world;
And let us to our fresh employments rise
Among the groves, the fountains, and the flowers
That open now their choicest bosom'd smells,
Reserved from night, and kept for thee in store.
So cheer'd he his fair spouse, and she was cheer'd;
But silently a gentle tear let fall

ихъ волосами; еще двѣ драгоцѣнныя капли готовы были упасть изъ ихъ прелестныхъ хрустальныхъ источниковъ, но Адамъ поцѣлуемъ осушилъ эти нѣжные знаки кроткаго раскаянія и благоговѣйнаго страха невинной души, содрогающейся при одной мысли о грѣхѣ.

Успокоясь, они спѣшатъ въ поля; но, выйдя изъ своего тѣнистаго крова и встрѣтивъ первый разсвѣтъ утра и только что взошедшее Солнце, выплывшее изъ-за океана и росистыми лучами освѣтившее весь востокъ Рая и счастливыя равнины Эдема, они прежде всего низко преклоняются передъ величіемъ Творца и совершаютъ молитву, каждое утро повторяемую ими, но всегда въ новыхъ выраженіяхъ: святой восторгъ каждый разъ внушалъ имъ новыя слова для восхваленія Создателя, и молитва ихъ, пѣли ли они ее или говорили, всегда безъ приготовленій, краснорѣчиво лилась изъ ихъ устъ, въ прозѣ или въ стихахъ, такихъ сладкозвучныхъ, что ни лютни, ни арфы ничего не прибавили бы къ ихъ чудесной гармоніи. Они начали такъ:

«Все это Твои дивныя созданія, Отецъ Всеблагой, Всемогущій! вся эта чудная красота вселенной—твореніе Твоей руки! Какъ же дивенъ Ты Самъ, Неизреченный, возсѣдающій превыше Небесъ, незримый для насъ, или слабо лишь видимый въ этихъ малѣйшихъ Твоихъ твореніяхъ. Но и въ нихъ является Твоя несказанная благость и могущество. Повѣдайте вы объ Немъ, вамъ доступнѣе это, о Ангелы, сыны свѣта: вы созерцаете Его, и съ пѣснопѣніями и хорами, радостные, окружаете Его тронъ, въ вѣчномъ сіяніи дня безъ ночи, вы, жители Небесъ!

«Да соединятся на Землѣ всѣ твари и да прославятъ Того, Кто есть начало, конецъ, середина всего, будучи Самъ безконеченъ.

«Ты, прекраснѣйшая изъ звѣздъ, послѣдняя спутница ночи и вѣрная предвозвѣстница дня, когда, переставъ принадлежать сумраку, ты вѣнчаешь своей блестящей діадемой улыбающееся утро, прославь Творца въ твоей свѣтлой сферѣ, въ тотъ сладкій часъ, когда загорается первый лучъ денницы.

«Ты, Солнце, око и душа этого пространнаго міра, познай въ Немъ твоего Владыку, въ вѣчномъ теченіи возвѣщай Его славу, когда ты восходишь, когда высоко сіяешь въ полдень и когда угасаешь.

From either eye, and wiped them with her hair.
Two other precious drops that ready stood,
Each in their crystal sluice, he ere they fell
Kiss'd, as the gracious signs of sweet remorse
And pious awe, that fear'd to have offended.
So all was clear'd, and to the field they haste.
But first, from under shady arborous roof
Soon as they forth were come to open sight
Of day-spring, and the Sun, who scarce up risen,
With wheels yet hov'ring o'er the ocean brim,
Shot parallel to th' earth his dewy ray,
Discovering in wide landskip all the east
Of Paradise and Eden's happy plains,
Lowly they bow'd, adoring, and began
Their orisons, each morning duly paid
In various style; for neither various style
Nor holy rapture wanted they to praise
Their Maker, in fit strains pronounced or sung
Unmeditated; such prompt eloquence
Flow'd from their lips, in prose or num'rous verse,
More tuneable than needed lute or harp
To add more sweetness; and they thus began:

These are thy glorious works, Parent of Good,
Almighty, thine this universal frame,
Thus wondrous fair: thyself how wondrous then!
Unspeakable, who sit'st above these Heav'ns
To us invisible, or dimly seen
In these thy lowest works: yet these declare
Thy goodness beyond thought, and pow'r divine.
Speak ye who best can tell, ye sons of light,
Angels; for ye behold Him, and with songs
And choral symphonies, day without night,
Circle his throne rejoicing! ye in Heav'n,
On Earth join all ye Creatures to extol
Him first, him last, him midst, and without end.
Fairest of stars, last in the train of night,
If better thou belong not to the dawn,
Sure pledge of day, that crown'st the smiling morn
With thy bright circlet, praise him in thy sphere,
While day arises, that sweet hour of prime.
Thou Sun, of this great world both eye and soul,
Acknowledge him thy greater; sound his praise
In thy eternal course, both when thou climb'st,
And when high noon hast gain'd, and when thou fall'st.

«Луна, ты, встрѣчающая восходъ великаго свѣтила и исчезающая вмѣстѣ съ неподвижными звѣздами, вправленными каждая въ свою летящую орбиту, и вы, планеты, блуждающія, свѣтила, всѣ пять [113] кружащіяся въ таинственномъ танцѣ подъ звуки небесныхъ гармоній, возвѣстите хвалу Того, Кто изъ мрака вызвалъ свѣтъ.

«Воздухъ и вы, Стихіи, первое рожденіе чрева Природы, вы, въ четверномъ союзѣ [114] совершающія вѣчный круговоротъ, безконечно разнообразныя, всепроникающія и всесозидающія, въ постоянныхъ вашихъ превращеніяхъ, воздавайте неумолчныя, всегда новыя хвалы Великому Творцу.

«Вы, Пары и Туманы, восходящіе теперь съ холмовъ, съ дымящихся водъ, сумрачные и сѣрые, пока Солнце не позлатитъ вашей волнистой пелены, подымайтесь лишь во славу великаго Зиждителя міра; покрываете ли вы тучами потемнѣвшее небо, поите ли жаждущую землю, падая дождемъ, въ восхожденіи или паденіи, превозносите всегда Его славу!

«Вы, Вѣтры, дующіе съ четырехъ концовъ Свѣта, дыханіемъ вашимъ тихимъ или бурнымъ, разносите Его хвалу. Вы, Сосны и всѣ деревья, склоняйте ваши вершины въ знакъ поклоненія Ему! Источники, и вы, ручьи, текущіе съ тихимъ журчаньемъ, хвалите Его вашимъ нѣжнымъ ропотомъ. Да соединятся голоса всякой живой души: вы, Птицы, устремляющія вашъ полетъ къ вратамъ небеснымъ, на вашихъ крыльяхъ, въ пѣсняхъ вашихъ возносите Его хвалу!

«Вы, скользящіе въ водахъ, и вы, живущіе на землѣ, всѣ вы, величественно попирающіе ее, или смиренно ползающіе по ней, свидѣтельствуйте — храню ли я молчаніе: утромъ и вечеромъ воспѣваю я Его славу холмамъ и долинамъ, ручьямъ и тѣнистымъ рощамъ, и пѣснь моя научаетъ ихъ повторять хвалу Его.

«Хвала Тебѣ, Владыка вселенной! будь милостивъ къ намъ, посылай намъ всегда одно благо, и если ночь породила или скрыла зло, изгони его, какъ теперь свѣтъ изгоняетъ тьму!»

Такъ, непорочные, молились они, и въ сердца ихъ снизошелъ глубокій миръ и обычное спокойствіе. По росѣ и цвѣтамъ, спѣшатъ они къ своимъ утреннимъ сельскимъ работамъ; они идутъ туда, гдѣ ряды фруктовыхъ

Moon, that now meets the orient Sun, now fly'st,
With the fix'd stars, fix'd in their orb that flies,
And ye five other wand'ring fires that move
In mystic dance not without song, resound
His praise, who out of darkness call'd up light.
Air, and ye Elements, the eldest birth
Of Nature's womb, that in quaternion run
Perpetual circle, multiform, and mix
And nourish all things; let your ceaseless change
Vary to our great Maker still new praise.
Ye Mists and Exhalations that now rise
From hill or steaming lake, dusky or grey,
Till the Sun paint your fleecy skirts with gold,
In honour to the world's great Author rise,
Whether to deck with clouds th' uncolour'd sky,
Or wet the thirsty earth with falling show'rs,
Rising or falling still advance his praise.
His praise, ye Winds, that from four quarters blow
Breathe soft or loud; and wave your tops, ye Pines,
With every plant; in sign of worship wave.
Fountains, and ye that warble, as ye flow,
Melodious murmurs, warbling tune his praise.
Join voices all ye living Souls; ye Birds;
That singing up to Heaven-gate ascend,
Bear on your wings and in your notes his praise.
Ye that in waters glide, and ye that walk
The earth, and stately tread, or lowly creep,
Witness if I be silent, morn or ev'n,
To hill or valley, fountain, or fresh shade,
Made vocal by my song, and taught his praise.
Hail Universal Lord, be bounteous still
To give us only good; and if the night
Have gather'd aught of evil, or conceal'd,
Disperse it, as now light dispels the dark.
So pray'd they innocent, and to their thoughts
Firm peace recover'd soon, and wonted calm.
On to their morning's rural work they haste,
Among sweet dews and flow'rs; where any row
Of fruit-trees over-woody reach'd too far

деревьевъ далеко простирали слишкомъ густыя вѣтви, и ждали руки, которая бы остановила ихъ безплодное сплетеніе. Потомъ идутъ они сочетать виноградную лозу съ вязомъ; и лоза стремится въ его супружескія объятія, принося ему въ даръ свои гроздья, украшающія его безплодную листву.

Царь Небесъ съ состраданіемъ взиралъ на занятія нашихъ прародителей; Онъ призываетъ Рафаила — Ангела, благосклоннаго къ людямъ, удостоившаго сопутствовать Товію и оказать ему помощь въ бракѣ съ дѣвицей, семь разъ обрученной [115].

«Рафаилъ, рекъ Онъ, тебѣ извѣстно, что Сатана, бѣжавъ изъ черной бездны, внесъ уже смятеніе въ Рай; ты знаешь, какъ онъ встревожилъ въ эту ночь человѣческую чету, и намѣревается сгубить въ ней весь человѣческій родъ. Лети туда, посвяти полъ-дня на бесѣду съ Адамомъ; говори съ нимъ, какъ другъ говоритъ съ другомъ. Ты найдешь его въ тѣни его кущи, куда онъ удаляется отъ полуденнаго зноя, и вкушаетъ пищу или отдыхаетъ отъ дневного труда. Веди съ нимъ такую бесѣду, чтобы напомнить ему объ его счастливомъ состояніи и о томъ, что это счастіе въ его власти и зависитъ отъ его собственной воли, воли, хотя свободной, но перемѣнчивой; предостереги его, чтобы онъ не слишкомъ полагался на свою неприкосновенность; повѣдай ему, какая ждетъ его опасность, и отъ кого. Какой врагъ, самъ недавно низверженный съ Неба, замышляетъ теперь паденіе другихъ, чтобы лишить ихъ такого же блаженства. Не силой намѣренъ онъ дѣйствовать; нѣтъ, — она была бы отражена, — но хитростью и ложью. Повѣдай ему все это; павъ по своей собственной волѣ, пусть не оправдывается потомъ нечаянностью, не ропщетъ, что не былъ предостереженъ, наставленъ.»

Такъ изрекъ Предвѣчный Отецъ, въ высшемъ Своемъ правосудіи. Крылатый посланникъ не медлитъ, получивъ повелѣніе; онъ воздушно отдѣляется изъ безчисленнаго сонма небесныхъ силъ, среди котораго онъ стоялъ, закрывшись великолѣпными своими крылами, и летитъ въ небесную даль. По всему небесному пути ангельскіе хоры разступаются передъ нимъ въ обѣ стороны, пока онъ не долетѣлъ до воротъ небесныхъ. Сами собой ши-

Their pamper'd boughs, and needed hands to check
Fruitless embraces; or they led the vine
To wed her elm; she spoused about him twines
Her marriageable arms, and with her brings
Her dow'r th' adopted clusters, to adorn
His barrn leaves. Them thus employ'd beheld
With pity Heav'n's high King, and to him call'd
Raphael, the sociable Spirit, that deign'd
To travel with Tobias, and secured
His marriage with the sev'ntimes-wedded maid.
Raphael, said he, thou hear'st what stir on Earth
Satan from Hell, 'scaped thro' the darksome gulf,
Hath raised in Paradise, and how disturb'd
This night the human pair, how he disigns
In them at once to ruin all mankind.
Go, therefore, half this day as friend with friend
Converse with Adam, in what bow'r or shade
Thou find'st him from the heat of noon retired,
To respite his day-labour with repast,
Or with repose; and such discourse bring on
As may advise him of his happy state,
Happiness in his pow'r left free to will,
Left to his own free will, his will though free,
Yet mutable; whence warn him to beware
He swerve not too secure. Tell him withal
His danger, and from whom; what enemy,
Late fall'n himself from Heav'n, is plotting now
The fall of others from like state of bliss.
By violence? No, for that shall be withstood:
But by deceit and lies. This let him know.
Lest wilfull transgressing he pretend
Surprisal, unadmonish'd, unforewarn'd.
So spake th' Eternal Father and fulfill'd
All justice: nor delay'd the winged Saint
After his charge received; but from among
Thousand celestial Ardors, where he stood
Veil'd with his gorgeous wings, up springing light.
Flew through the midst of Heav'n; th' angelic choirs
On each hand parting, to his speed gave way.
Through all th' empyreal road; till at the gate
Of Heav'n arrived, the gate self-open'd wide

роко растворились они на своихъ золотыхъ петляхъ: такъ они были устроены Божественнымъ Зодчимъ. Ничто не препятствовало зрѣнію Ангела, ни тучи, ни звѣзды; хотя Земля почти ничѣмъ не отличалась отъ другихъ блестящихъ шаровъ, но онъ видитъ ее, какъ ни мала она; видитъ садъ Господень, увѣнчанный кедрами и господствующій надъ всѣми холмами. Такъ, но съ меньшей ясностью, наблюдатель ночного неба черезъ зрительную трубу Галилея видитъ на Лунѣ воображаемыя земли, страны; такъ кормчему, когда онъ подходитъ къ Цикладскимъ островамъ, Делосъ и Самосъ кажутся издали туманными пятнами. Туда, къ этой Землѣ, направляетъ Архангелъ свой быстрый полетъ. Въ необозримомъ воздушномъ морѣ плыветъ онъ среди міровъ, то на неподвижныхъ крылахъ несясь теченіемъ полярныхъ вѣтровъ, то широкими взмахами разсѣкая упругій воздухъ. Наконецъ, онъ достигаетъ вышины орлинаго полета; пернатый міръ принимаетъ его за Феникса [116], и съ изумленіемъ смотритъ на него, какъ на ту единственную птицу, когда она летѣла въ Ѳивы, въ Египтѣ, чтобы сложить свои останки въ великолѣпномъ храмѣ Солнца.

Вдругъ, принявъ свой настоящій видъ, крылатымъ Серафимомъ опускается онъ на вершину утеса съ восточной стороны Рая. Шесть крылъ осѣняютъ его божественный станъ: два первыхъ, съ широкихъ плечъ переходили на грудь, покрывая ее словно царской мантіей; два другихъ, сіяя небесными цвѣтами, звѣзднымъ поясомъ облегали станъ, скрывая подъ своимъ золотистымъ пухомъ чресла и лядвіи Серафима; третья пара своей блестящей лазурью осѣняла его пяты. Подобно сыну Маіи [117], стоялъ Ангелъ, сотрясая крылами, отъ которыхъ далеко кругомъ распространялось небесное благоуханіе.

Ангельская стража Эдема тотчасъ же узнала его. Всѣ встаютъ передъ нимъ въ знакъ уваженія къ его сану и высокому посольству,—всѣ догадываются, что онъ несетъ важное велѣніе. Миновавъ ихъ блестящіе шатры, черезъ благоухающія рощи, наполненныя ароматами кассіи, нарда [118] и бальзамныхъ деревьевъ, проходитъ онъ въ блаженную долину, дикое, но очаровательное мѣсто. Здѣсь природа, рѣзвая, какъ въ пору первой юности, давала полную волю своей дѣвственной фантазіи и, роскошно раз-

On golden hinges turning, as by work
Divine the Sov'reign Architect had framed.
From hence no cloud, or, to obstruct his sight,
Star interposed, however small, he sees,
Not unconform to other shining globes,
Earth and the gard'n of God, with cedars crown'd
Above all hills. As when by night the glass
Of Galileo, less assured, observes
Imagined lands and regions in the moon:
Or pilot, from amidst the Cyclades
Delos or Samos first appearing, kens
A cloudy spot. Down thither prone in flight
He speeds, and through the vast ethereal sky
Sails between worlds and worlds, with steady wing
Now on the polar winds, then with quick fan
Winnows the buxom air; till within soar
Of tow'ring eagles, to all the fowls he seems
A Phaenix, gazed by all, as that sole bird,
When to inshrine his reliques in the Sun's
Bright temple, to Egyptian Thebes he flies.
At once on th' eastern cliff of Paradise
He lights, and to his proper shape returns,
A seraph wing'd; six wings he wore, to shade
His lineaments divine; the pair that clad
Each shoulder broad, came mantling o'er his breast
With regal ornament; the middle pair
Girt like a starry zone his waist, and round
Skirted his loins and thighs with downy gold
And colours dipt in Heav'n; the third his feet
Shadow'd from either heel with eather'd mail,
Sky-tinctured grain. Like Maia's son he stood
And shook his plumes that heavnly fragrnace fill'd
The circuit wide. Straight knew him all the bands
Of Angels under watch; and to his state,
And to his message high in honour rise;
For on some message high they guess'd him bound.
Their glitt'ring tents he pass'd, and now is come
Into the blissful field, though groves of myrrh
And flow'ring odours, cassia, nard, and balm:
A wilderness of sweets; for Nature here
Wanton'd as in her prime, and play'd at will

Взгляни, тамъ на востокѣ, между деревьями, какое чудное существо приближается сюда!

Пѣснь 5, стр. 103.

. . . . Behold
Eastward among those trees, what glorious shape
Comes this way moving.

G. Doré
PANNEMAKER

сыпая всюду свои благодатные дары, дикой красотою затмевала всѣ чудеса искусства.

Когда Ангелъ шелъ черезъ ароматную рощу, Адамъ замѣтилъ его приближеніе; онъ сидѣлъ у входа своей прохладной кущи, между тѣмъ какъ Солнце, въ это время достигшее полудня, бросало прямо на землю жгучіе лучи, проникая тепломъ глубочайшія ея нѣдра, — тепло, излишнее для Адама. Ева, внутри кущи, готовила къ обычному часу обѣдъ изъ душистыхъ плодовъ, пріятныхъ для вкуса и способныхъ удовлетворить голодъ, а для утоленія жажды — нектарные напитки изъ молочныхъ струй, виноградныхъ гроздій и ягодъ. Адамъ зоветъ Еву:

«Спѣши сюда, Ева; взгляни,—это достойно твоего созерцанія,—взгляни, тамъ на востокѣ, между деревьями, какое чудное существо приближается сюда! Какъ будто среди дня восходитъ вновь свѣтлое утро. Быть можетъ, этотъ посланникъ несетъ намъ важное велѣніе съ Неба, и удостоитъ быть сегодня нашимъ гостемъ. Иди же скорѣе, приготовь въ избыткѣ все, что у тебя есть въ запасѣ, чтобы намъ съ честію принять небеснаго странника. Мы предлагаемъ нашимъ благодѣтелямъ ихъ же собственные дары: щедро надѣленные, мы должны сами быть щедры; природа чѣмъ больше даетъ, тѣмъ становится плодороднѣе; это поучаетъ и насъ не беречь запасовъ.»

Ева отвѣчаетъ: «Адамъ, священный образъ, созданный изъ одушевленнаго Богомъ праха [119], зачѣмъ дѣлать намъ большіе запасы? Объ этомъ заботятся для насъ всѣ времена года, всякіе плоды круглый годъ созрѣваютъ для насъ на вѣтвяхъ; оставаться долго не могутъ лишь тѣ, которые впитываютъ въ себя излишнюю влажность, или твердѣютъ отъ времени. Но я поспѣшу, и съ каждаго дерева, съ каждой тяжело обремененной вѣтки сорву лучшіе и самые сочные плоды, чтобы угостить небеснаго гостя, и онъ увидитъ, что Богъ, здѣсь на Землѣ, разливаетъ Свои благодѣянія такъ же щедро, какъ на Небѣ.»

Сказавъ это, она поспѣшно уходитъ, полная гостепріимной заботы: какіе плоды выбрать? Какъ красивѣе разложить ихъ и подать въ такомъ порядкѣ, чтобъ не было непріятной смѣси вкусовъ, а напротивъ, чтобы каждая перемѣна возбуждала вкусъ болѣе и болѣе? Переходя отъ дерева

Her virgin fancies, pouring forth more sweet,
Wild above rule or art, enormous bliss.
Him through the spicy forest onward come
Adam discern'd, as in the door he sat
Of his cool bow'r, while now the mounted Sun
Shot down direct his fervid rays to warm
Earth's inmost womb, more warmth than Adam needs:
And Eve within, due at her hour prepared
For dinner sav'ry fruits, of taste to please
True appetite, and not disrelish thirst
Of nect'rous draughts between, from milky stream,
Berry or grape. To whom thus Adam call'd:
Haste hither, Eve, and, worth thy sight, behold
Eastward among those trees, what glorious shape
Comes this way moving; seems another morn
Risen on mid-noon; some great behest from Heav'n
To us perhaps he bring, and will vouchsafe
This day to be our guest. But go with speed,
And what thy stores contain bring forth, and pour
Abundance, fit to honour and receive
Our heav'nly stranger: well we may afford
Our givers their own gifts, and large bestow
From large bestow'd, where Nature multiplies
Her fertile growth, and by disburd'ning grow
More fruitful; which instructs us not to spare.
To whom thus Eve: Adam, earth's hallow'd mould,
Of God inspired, small store will serve, where store,
All seasons, ripe for use hangs on the stalk,
Save what by frugal storing firmness gains
To nourish, and superfluous moist consumes:
But I will haste, and from each bow and brake,
Each plant and juiciest gourd, will pluck such choice
To entertain our Angel guest, as he
Beholding shall confess, that here on Earth
God hath dispensed his bounties as in Heav'n.
So saying, with dispatchful looks in haste
She turns, on hospitable thoughts intent
What choice to choose for delicacy best,
What order, so contrived as not to mix
Tastes, not well join'd, inelegant, but bring
Taste after taste upheld with kindliest change;

къ дереву, съ каждой нѣжной вѣтки срываетъ она все, что плодоносная мать—земля, производитъ лучшаго въ обѣихъ Индіяхъ, Западной и Восточной, на берегахъ Понта или Африки, или на томъ островѣ, гдѣ царствовалъ Алкиной [120]. Щедрой рукою убираетъ она столъ нѣжнѣйшими фруктами всевозможныхъ родовъ; у однихъ кожица гладкая, у другихъ колючая; одни заключены въ тонкую скорлупу, другіе покрыты нѣжнымъ пухомъ. Изъ виноградныхъ гроздьевъ выжимаетъ она невинный напитокъ, такъ же, какъ сладкій сокъ изъ разныхъ ягодъ; изъ сладкихъ ядрышекъ плодовъ извлекаетъ она густыя, душистыя сливки. Въ чистыхъ сосудахъ для этихъ напитковъ у нея нѣтъ недостатка. Потомъ она усыпаетъ полъ розами и листьями душистыхъ кустарниковъ.

Между тѣмъ Адамъ пошелъ навстрѣчу богоподобному гостю. Никакая свита не сопровождала нашего прародителя, кромѣ его собственныхъ совершенствъ: этотъ первый царь самъ составлялъ весь свой дворъ, и его шествіе было торжественнѣе всѣхъ скучныхъ процессій, какія тянутся за монархами, ослѣпляя толпу богатымъ убранствомъ коней и множествомъ золотыхъ позументовъ на ливреяхъ челяди.

Близость Ангела не пугаетъ Адама, но онъ покорно и почтительно приближается къ посланнику Небесъ и, низко склонясь передъ нимъ, какъ передъ высшимъ существомъ, говоритъ такъ: «О, свѣтлый небожитель! Кто же другой можетъ такъ блистать? Если, сойдя съ высшихъ троновъ, ты не надолго покинулъ твою блаженную обитель, чтобы удостоить твоимъ присутствіемъ здѣшнія мѣста, то благоволи отдохнуть у насъ, — насъ здѣсь только двое, но Господь даровалъ въ наше владѣніе всю эту обширную мѣстность; зайди подъ тѣнь той бесѣдки и вкуси лучшихъ плодовъ нашего сада, пока не спадетъ полуденный зной и не наступитъ прохлады, когда Солнце приблизится къ закату.»

На это кротко отвѣчаетъ Ангелъ: «Адамъ, я для того и пришелъ сюда. Ты самъ такъ созданъ и жилище твое такъ прекрасно, что ты нерѣдко можешь просить насъ, Духовъ небесныхъ, посѣщать тебя. Веди меня въ твою тѣнистую кущу; отъ полдня до вечера я свободенъ.» Такъ пошли они къ лѣсному пріюту, который, весь въ цвѣтахъ и ароматахъ, улыбался

Bestirs her then, and from each tender stalk
Whatever Earth, all-bearing mother, yields
In India East or West, or middle shore
In Pontus or the Punic coast, or where
Alcinous reign'd, fruit of all kinds, in coat
Rough or smooth rined, or bearded husk, or shell,
She gathers, tribute large, and on the board
Heaps with unsparing hand. For drink, the grape
She crushes, inoffensive must, and meaths
From many a berry, and from sweet kernels press'd
She tempers dulcet creams, nor these to hold
Wants her fit vessels pure, then strews the ground
With rose and odours from the shrub unfumed.
Mean while our primitive great sire, to meet
His god-like guest, walks forth, without more train
Accompany'd than with his own complete
Perfections: in himself was all his state,
More solemn than the tedious pomp that waits
On princes, when their rich retinue long
Of horses led, and grooms besmear'd with gold,
Dazzles the crowd, and sets them all agape.

Nearer his presence Adam, though not awed,
Yet with submiss approach and rev'rence meek,
As to a superior nature, bowing low,
Thus said: Native of Heav'n, for other place
None can than Heav'n such glorious shape contain;
Since by descending from the thrones above,
Those happy places thou hast deign'd a while
To want, and honour these, vouchsafe with us
Two only, who yet by sov'reign gift possess
This spacious ground, in yonder shady bow'r
To rest, and what the garden choicest bears
To sit and taste, till this meridian heat
Be over, and the Sun more cool decline.
Whom thus th'angelic virtue answer'd mild:
Adam, I therefore came; nor art thou such
Created, or such place hast here to dwell,
As may not oft invite, though Spirits of Heav'n,
To visit thee. Lead on then where thy bow'r
O'ershades; for these mid hours, till ev'ning rise,
I have at will. So to the sylvan lodge

словно храмъ Помоны [121]. А Ева, ничѣмъ не украшенная, кромѣ своей собственной красы, прелестнѣе, очаровательнѣе лѣсной нимфы или самой прекрасной изъ трехъ богинь, [122] что, обнаженныя, на горѣ Идѣ оспаривали между собою первенство красоты,—Ева стояла, готовая принять небеснаго гостя. Сама непорочность, она не нуждалась въ покровѣ; никакая нечистая мысль не вызывала краски на ея лицѣ. Ангелъ привѣтствуетъ ее тѣмъ самымъ святымъ привѣтомъ, какой впослѣдствіи услышала благодатная Дѣва Марія, вторая Ева.

«Радуйся, Матерь человѣческаго рода, чье плодородное чрево наполнитъ міръ сынами, болѣе многочисленными, чѣмъ эти разнородные плоды съ древесъ Господнихъ, обременяющіе этотъ столъ!»—Возвышеніе изъ дерна служило имъ столомъ; его окружали дерновыя сидѣнья. На обширномъ его квадратѣ красовались всѣ дары осени; впрочемъ, здѣсь и весна и осень шли всегда рука въ руку. Побесѣдовавъ нѣсколько времени, безъ опасенія за то, что пища простынетъ, прародитель нашъ началъ такъ: «Божественный путникъ, удостой вкусить благихъ даровъ, какіе Кормилецъ нашъ велитъ производить землѣ для нашего питанія и удовольствія. Быть можетъ, пища эта не такъ пріятна для безплотныхъ существъ: я не знаю другой; эту лишь даетъ намъ здѣсь небесный Отецъ.» Ангелъ отвѣчалъ:

«То, что даетъ Онъ (хвала Его имени!) Человѣку, существу отчасти духовному, можетъ служить пріятной пищей и чистѣйшимъ Духамъ: какъ ваше разумное, такъ равно ихъ чистое, духовное существо требуетъ пищи; и тѣ и другіе одинаково обладаютъ низшими чувственными способностями: слухомъ, зрѣніемъ, обоняніемъ, осязаніемъ, вкусомъ; вкусъ очищаетъ пищу, переработываетъ ее, и вещественное превращается въ духовное. Знай, что все сотворенное въ мірѣ требуетъ питанія, чтобъ поддерживать жизнь: сами стихіи взаимно питаютъ другъ друга; грубѣйшія питаютъ болѣе тонкія. Земля даетъ пищу морямъ; земля и море вмѣстѣ питаютъ воздухъ; а тотъ, въ свою очередь, питаетъ небесныя свѣтила. Луна, какъ ближайшая къ его сферѣ, первая получаетъ отъ него питаніе, избытокъ котораго образуетъ тѣ пятна, что видны на ней въ полнолунье: это неочищенные пары, еще непревращенные въ ея составъ. Влажными испареніями Луны

They came, that like Pomona's arbour smiled
With flow'rets deck'd and fragrant smells; but Eve
Undeck'd save with herself, more lovely fair
Than Wood-Nymph, or the fairest Goddess feign'd
Of three that in mount Ida naked strove,
Stood to entertain her guest from Heav'n. No veil
She needed, virtue-proof; no thought infirm
Alter'd her cheek. On whom the Angel, Hail
Bestow'd: the holy salutation used
Long after to blest Mary, second Eve.
Hail Mother of Mankind, whose fruitful womb
Shall fill the world more num'rous with thy sons,
Than with these various fruits the trees of God
Have heap'd this table. Raised of grassy turf
Their table was, and mossy seats had round,
And on her ample square, from side to side,
All autumn piled, tho' spring and autumn here
Danced hand in hand. A while discourse they hold;
No fear lest dinner cool; when thus began
Our author: Heav'nly stranger, please to taste
These bounties which our Nourisher, from whom
All perfect good, unmeasured out, descends,
To us for food, and for delight hath caused
The earth to yield; unsav'ry food perhaps
To spiritual natures: only this I know,
That one celestial Father gives to all.
To whom the Angel: Therefore, what he gives
(Whose praise be ever sung) to Man in part
Spiritual, may of purest Spirits be found
No ingrateful food: and food alike those pure
Intelligential substances require,
As doth your rational; and both contain
Within them ev'ry lower faculty
Of sense, whereby they hear, see, smell, touch, taste,
Tasting concoct, digest, assimilate,
And corporeal to incorporeal turn.
For know, whatever was created, needs
To be sustain'd and fed: of elements
The grosser feeds the purer, earth the sea,
Earth and the sea feed air; the air those fires
Ethereal, and as lowest first the moon;
Whence in her visage round those spots, unpurged
Vapours not yet into her subtance turn'd.
Nor doth the moon no nourishment exhale

питаются высшія планеты, а Солнце, взамѣнъ свѣта, изливаемаго имъ на всѣ свѣтила, отъ всѣхъ получаетъ питаніе, или въ ихъ влажныхъ парахъ, или въ испареніяхъ океана, куда оно погружается каждый вечеръ. Хотя въ Небесахъ на деревахъ жизни созрѣваютъ плоды съ ароматомъ амврозіи и лоза сочится нектаромъ; хотя по утрамъ сбираемъ мы съ листьевъ медовую росу, и поля усыпаны жемчужными зернами, однакоже Создатель надѣлилъ и это мѣсто такой красотою, такими разнообразными благами, что его можно сравнить съ Небомъ. Не думай, чтобъ я неохотно раздѣлилъ съ вами пищу.» Такъ они сѣли и приступили къ трапезѣ. Ангелъ вкушалъ не для вида только, какъ обыкновенно толкуютъ теологи, но дѣйствительно утолялъ голодъ; пищеварительнымъ жаромъ пища претворялась въ его небесное естество; излишекъ отдѣляется у Духовъ легкимъ испареніемъ. Что же удивительнаго, если алхимикъ, посредствомъ жара, можетъ, или считаетъ возможнымъ, черный уголь превратить въ чистое, какъ изъ руды, золото? Ева служила имъ за столомъ въ своей цѣломудренной наготѣ, и наполняла ихъ чаши пріятными напитками. О, невинность, достойная Рая! Если бы когда нибудь сыны Неба могли почувствовать страсть, то при видѣ тебя, это было бы простительно. Но въ ихъ сердцахъ любовь не знаетъ ни страстныхъ желаній, ни ревности, этого ада оскорбленной любви.

Такъ, не обременяя себя яствами и напитками, утоляли они голодъ и жажду. Вдругъ Адаму пришла мысль не пропускать благопріятнаго случая узнать въ этой высокой бесѣдѣ о тайнахъ высшаго міра, о тѣхъ небожителяхъ, превосходство которыхъ надъ собою онъ видѣлъ въ ихъ лучезарномъ божественномъ образѣ, могущество которыхъ такъ далеко превышало человѣческую силу. Къ небесному посланнику такъ обращаетъ онъ осторожную рѣчь:

«Жилецъ обители Бога, я вижу теперь всю твою милость къ Человѣку; ты удостоилъ зайти подъ его скромный кровъ и вкусить этихъ земныхъ плодовъ, не ангельской пищи; но ты принимаешь ее такъ охотно, что кажется охотнѣе ты не могъ бы вкушать роскошныхъ яствъ небеснаго пира: Какое же однако сравненіе!»

From her moist continent to higher orbs.
The Sun, that light imparts to all, receives
From all his alimental recompense
In humid exhalation, and at even
Sups with the ocean. Though in Heav'n the trees
Of life ambrosial fruitage bear, and vines
Yield nectar; though from off the boughs each morn
We brush mellifluous dews, and find the ground
Cover'd with pearly grain, yet God hath here
Vary'd his bounty so with new delights,
As may compare with Heaven; and to taste
Think not I shall be nice. So down they sat
And to their viands fell; nor seemingly
The Angel, nor in mist, the common gloss
Of Theologians; but with keen dispatch
Of real hunger and concoctive heat
To transubstantiate: what redounds, transpires
Through Spirits with ease: nor wonder, if by fire
Of sooty coal th' empyric alchemist
Can turn, or holds it possible to turn,
Metals of drossiest ore to perfect gold,
As from the mine. Meanwhile at table Eve
Minister'd naked, and their flowing cups
With pleasant liquors crown'd. O innocence
Deserving Paradise! if ever, then,
Then had the sons of God excuse to have been
Enamour'd at thy sight; but in those hearts
Love unlibidinous reign'd, nor jealousy
Was understood, the injured lover's Hell.
  Thus, when with meats and drinks they had sufficed,
Not burden'd nature, sudden mind arose
In Adam, not to let th' occasion pass
Giv'n him by this great conference, to know
Of things above his world, and of their being
Who dwell in Heav'n, whose excellence he saw
Transcend his own so far, whose radiant forms
Divine effulgence, whose high pow'r so far
Exceeded human; and his wary speech
Thus to th' empyreal minister he framed:
  Inhabitant with God, now know I well
Thy favour in this honour done to Man,
Under whose lowly roof thou hast vouchsafed
To enter, and these earthly fruits to taste,
Food not of Angels, yet accepted so,
As that more willingly thou coulds not seem
At Heav'n's high feasts to have fed: yet what compare?

На это крылатый Іерархъ отвѣчаетъ: «О, Адамъ! есть Одинъ только Всемогущій Создатель; отъ Него все происходитъ...

Пѣснь 5, стр. 107.

To whom the winged Hierarch reply'd:
O Adam, one Almighty is, from whom
All things proceed . . . .

G Doré

На это крылатый Iерархъ [123]) отвѣчаетъ: «О, Адамъ! есть Одинъ только Всемогущiй Создатель; отъ Него все происходитъ, и къ Нему же возвращается все, что не совратилось отъ добра къ злу. Все создано Имъ совершеннымъ, все почерпнуто изъ одного первоначальнаго источника и одарено различными формами, различными степенями бытiя, а все живое — жизненной силой. Но всякое вещество становится утонченнѣе, духовнѣе, чище, по мѣрѣ приближенiя къ Всевышнему, и по мѣрѣ усилiй, какiя употребляетъ всякое существо, вращаясь въ опредѣленной ему сферѣ, чтобы достигнуть этой близости, пока тѣло не возвысится до духа, въ предѣлахъ, предназначенныхъ для каждой породы существъ. Такъ, изъ корня выходитъ болѣе легкiй зеленый стебель; изъ этого еще тончайшiе листья, наконецъ, развернувшiйся роскошный цвѣтокъ, достигая еще высшей степени совершенства, выдыхаетъ ароматы. Такъ цвѣты и плоды, пища человѣка, постепенно утончаясь, одухотворяется и преобразуется въ жизненную силу, животную и духовную: она даетъ тѣлу жизнь и чувство, воображенiе и способность разсуждать; отсюда душа получаетъ разумъ, въ которомъ и заключается ея сущность, постигаетъ ли она разсужденiемъ или непосредственно вникаетъ въ смыслъ всего созданнаго. Первое принадлежитъ по преимуществу вамъ, второе — намъ; твоя и наша душа отличаются лишь разными степенями; сущность ихъ одна и та же: и такъ, не удивляйся, что я не отказываюсь отъ того, что создано Богомъ на ваше благо, но, какъ вы, претворяю пищу въ мое собственное существо. Настанетъ быть можетъ время, когда человѣческая природа получитъ свойства ангельской и будетъ питаться небесной пищей, не находя ее слишкомъ воздушной. Отъ этой пищи, тѣла ваши, ставъ современемъ болѣе тонкими, болѣе совершенными, могутъ, наконецъ, принять чистую духовную сущность. Какъ мы, вознесетесь вы на крыльяхъ въ эѳирную сферу, выбирая по волѣ жилище здѣсь, или въ Небесномъ Раю, если будете хранить послушанiе и вѣрно, неизмѣнно, всецѣло любить Того, Кто васъ создалъ. Пока, недоступные высшему блаженству, наслаждайтесь всей полнотой счастiя, какое доступно въ вашемъ блаженномъ состоянiи.»

На это патрiархъ человѣческаго рода возражаетъ: «О, благодѣтельный

To whom the winged Hierarch reply'd:
O Adam, one Almighty is, from whom
All things proceed, and up to him return,
If not depraved from good, created all
Such to perfection, one first matter all,
Endued with various forms, various degrees
Of substance, and in things that live, of life:
But more refined, more spirituous, and pure,
As nearer to him placed, or nearer tending
Each in their sev'ral active spheres assign'd,
Till body up to spirit work, in bounds
Proportion'd to each kind. So from the root
Springs lighter the green stalk, from thence the leaves
More aery, last the bright consummate flow'r
Spirits odórous breathes: flow'rs and their fruit,
Man's nourishment, by gradual scale sublimed,
To vital spirits aspire, to animal,
To intellectual: give both life and sense,
Fancy and understanding; whence the soul
Reason receives, and reason is her being
Discursive or intuitive: discourse
Is oftest yours; the latter most is ours,
Diff'ring but in degree; of kind the same.
Wonder not then, what God for you saw good,
If I refuse not, but convert, as you,
To proper substance: time may come, when Men
With Angels may participate, and find
No inconvenient diet, nor too light fare;
And from these corp'ral nutriments, perhaps
Your bodies may at last turn all to spirit,
Improved by tract of time, and wing'd ascend
Ethereal, as we, or may at choice
Here or in heav'nly Paradises dwell;
If ye be found obedient, and retain
Unalterably firm his love entire,
Whose progeny you are. Meanwhile enjoy
Your fill what happiness this happy state
Can comprehend, incapable of more.
To whom the patriarch of mankind reply'd:
Of favourable Spirit, propitous guest,

Ангелъ, нашъ благодатный гость! какъ хорошо указалъ ты намъ путь къ знанію, ты открылъ намъ всю лѣстницу природы, отъ центра до окружности вселенной. По ней, въ созерцаніи твореній Господнихъ, шагъ за шагомъ, можемъ мы вознестись до Неба. Но скажи, что значитъ это предостереженіе: «если вы будете хранить послушаніе?» Развѣ мы можемъ быть непослушны Богу, развѣ можемъ перестать любить Того, Кто создалъ насъ изъ праха, и въ этомъ дивномъ жилищѣ наградилъ насъ высшей мѣрой блаженства, какое доступно человѣческому желанію?»

Ангелъ отвѣчаетъ: «Сынъ Неба и Земли, слушай со вниманіемъ! Блаженствомъ своимъ обязанъ ты Богу, но оставаться блаженнымъ зависитъ отъ тебя самого, отъ твоего послушанія: будь твердъ въ немъ. Вотъ что значило мое предостереженіе; помни мой совѣтъ. Богъ создалъ тебя совершеннымъ, но не непогрѣшимымъ; Онъ сотворилъ тебя добрымъ, но оставаться такимъ предоставилъ твоей собственной власти. Онъ далъ тебѣ свободную волю; она не подчинена неотразимой судьбѣ или неизбѣжной необходимости. Онъ хочетъ отъ насъ добровольнаго служенія, — вынужденное не было бы принято Имъ и не можетъ быть Ему угодно. Если сердце не свободно, какъ же убѣдиться, покоряется ли оно по своему собственному влеченію, или, не имѣя выбора, подчиняется лишь неизбѣжному року? Я самъ и всѣ ангельскія силы, стоящія передъ трономъ Господнимъ, сохраняемъ наше блаженство, какъ вы ваше, пока мы послушны: это единственный залогъ нашего счастія. Мы служимъ свободно, потому что свободно любимъ; въ нашей волѣ любить или нѣтъ: отсюда зависитъ блаженство или паденіе. И нѣкоторые пали: ослушаніе низвергнуло ихъ съ Неба въ глубочайшую бездну Ада. О, ужасное паденіе! Съ такой высоты блаженства — пасть въ такую бездну страданій!»

Нашъ великій прародитель возражаетъ: «Внимателенъ былъ мой слухъ къ твоимъ словамъ, божественный Наставникъ! Онъ плѣненъ ими болѣе, чѣмъ пѣніемъ Херувимовъ, доносящимся къ намъ съ горъ въ тишинѣ ночи. Да, я зналъ, что наша воля и дѣйствія наши свободны; но мы никогда не перестанемъ любить нашего Творца, повиноваться Тому, Чья единственная заповѣдь такъ справедлива: постоянно мои мысли твердо

Well hast thou taught the way that might direct
Our knowledge, and the scale of nature set
From centre to circumference, whereon
In contemplation of created things,
By steps we may ascend to God. But say,
What meant that caution join'd, If ye be found
Obedient? Can we want obedience then
To him, or possibly his love desert,
Who form'd us from the dust, and placed us here
Full to the utmost measure of what bliss
Human desire can seek or apprehend?
To whom the Angel: Son of Heav'n and Earth,
Attend. That thou art happy, owe to God;
That thou continuest such, owe to thyself;
That is, to thy obedience: therein stand.
This was that caution giv'n thee; be advised.
God made thee perfect, not imutable;
And good he made thee; but to persevere
He left it in thy pow'r; ordain'd thy will
By nature free, not over-ruled by fate
Inextricable, or strict necessity,
Our voluntary service he requires,
Not our necessitated: such with him
Finds no acceptance, nor can find: for how
Can hearts, not free, be try'd whether they serve
Willing or no, who will but what they must
By destiny, and can no other choose?
Myself and all th' angelic host, that stand
In sight of God entrohned, our happy state
Hold, as you yours, while our obedience holds:
On other surety none. Freely we serve,
Because we freely love, as in our will
To love or not: in this we stand or fall:
And some are fall'n, to disobedience fall'n,
And so from Heav'n to deepest Hell. O fall,
From what high state of bliss into what woe!
To whom our great progenitor: Thy words
Attentive, and with more delighted ear,
Divine Instructor, I have heard, than when
Cherubic songs by night from neighb'ring hills
Aëreal music send: nor knew I not
To be both will and deed created free:
Yet that we never shall forget to love
Our Maker, and obey him whose command

убѣждали меня въ этомъ, убѣждаютъ и теперь. Однако, то, что совершилось въ Небѣ, какъ ты сказалъ, рождаетъ во мнѣ безпокойство, но еще болѣе желаніе услышать, если ты соблаговолишь разсказать подробнѣе, о случившемся тамъ великомъ событіи. Чудесенъ долженъ быть этотъ разсказъ, достойный чтобы внимать ему въ благоговѣйномъ молчаніи. День еще великъ, едва половину пути свершило Солнце въ обширномъ небесномъ кругѣ, и едва перешло на другую.»

Такъ просилъ Адамъ; Рафаилъ, послѣ короткаго молчанія, начинаетъ такъ:

«Высокую задачу налагаешь ты на меня, о, первенецъ людского рода! задачу грустную и трудную: какъ передамъ я понятно для человѣческихъ чувствъ о незримыхъ подвигахъ ангельскихъ битвъ? Какъ разсказать безъ скорби о паденіи безчисленныхъ Духовъ, нѣкогда столь великихъ, столь совершенныхъ до ихъ измѣны? Какъ разоблачить, наконецъ, тайны небеснаго міра, которыя можетъ быть не позволено открывать? Но для твоего блага это разрѣшено. То, что выше человѣческаго ума, передамъ я такъ, чтобы ты могъ меня понять: духовныя вещи я представлю въ вещественныхъ образахъ. Но что̀, если Земля есть не что иное, какъ тѣнь Неба, и то, что совершается въ обоихъ мірахъ, имѣетъ между собой болѣе сходства, чѣмъ думаютъ на землѣ.

«Когда еще не было этого міра, и дикій Хаосъ царствовалъ тамъ, гдѣ нынѣ движутся небесныя свѣтила, гдѣ нынѣ Земля покоится на своемъ уравновѣшенномъ центрѣ, — въ одинъ изъ дней, составляющихъ великій небесный годъ (хотя въ вѣчности—время, соединенное съ движеніемъ, измѣряетъ теченіе вещей настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ), все ангельское воинство, всѣ небесныя силы, по высочайшему велѣнію созванныя со всѣхъ концовъ Неба, предстали предъ трономъ Всевышняго. Вожди этого безчисленнаго воинства блистали во главѣ своихъ легіоновъ. Тысячи тысячъ знаменъ, хоругвей высоко развѣвались въ воздухѣ, между передними и задними рядами, служа отличіемъ степеней, чиновъ, іерархій, или нося на своихъ блестящихъ тканяхъ, какъ священныя воспоминанія, изображенія высокихъ подвиговъ рвенія и любви. Всѣ легіоны, кругъ

Single is yet so just, my constant thoughts
Assured me, and still assure: tho' what thou tell'st
Hath pass'd in Heav'n, some doubt within me move,
But more desire to hear, if thou consent,
The full relation, which must needs be strange,
Worthy of sacred silence to be heard;
And we have yet large day; for scarce the Sun
Hath finish'd half his journey, and scarce begins
His other half in the great zone of Heav'n.
Thus Adam made request: and Raphael,
After short pause, assenting, thus began:
High matter thou enjoin'st me, O prime of men,
Sad task and hard; for how shall I relate
To human sense th' ivisible exploits
Of warring Spirits? How without remorse
The ruin of so many, glorious once
And perfect while they stood? How last unfold
The secrets of another world, perhaps
Not lawful to reveal? yet for thy good
This is dispensed; and what surmounts the reach
Of human sence, I shall delineate so.

By lik'nig spiritual to corp'ral forms,
As may express them best: though what if Earth
Be but the shadow of Heav'n, and things therein
Each to other like, more than on earth is thought?
As yet this world was not, and Chaos wild
Reign'd where these Heav'ns now roll, where Earth now rests
Upon her centre poised; when on a day
(For time, though in eternity, apply'd
To motion, measures all things durable
By present, past and future) on such day
As Heav'n's great year brings forth, th' empyreal host
Of angels by imperial summons call'd,
Innumerable before th' Almighty's throne
Forthwith from all the ends of Heav'n appear'd,
Under their Hierarchs in order bright:
Ten thousand ensigns high advanced.
Standards and gonfalons 'twixt van and rear
Stream in the air, and for distinction serve
Of hierarchies, of orders, and degrees;
Or in their glitt'ring tissues bear emblazed
Holy memorials, acts of zeal and love

въ кругѣ, безчисленными рядами встали въ необъятный кругъ; среди него возсѣдалъ Предвѣчный Отецъ, а въ Его лонѣ былъ Сынъ, и какъ изъ пылающей горы, вершина которой невидима отъ сіянія, раздался Его голосъ:

«Внемлите всѣ Ангелы, рожденіе свѣта, Престолы, Начала, Могущества, Власти и Силы, внемлите Моему велѣнію, непреложному навѣки: днесь рожденъ Мною Тотъ, Кого Я объявляю единственнымъ Моимъ Сыномъ; на этой священной горѣ помазанъ мною Тотъ, Кого вы видите одесную Меня. Да будетъ Онъ вашимъ Главою. Своимъ собственнымъ именемъ поклялся Я въ томъ, что всякое колѣно на Небѣ преклонится передъ Нимъ, и всякій языкъ исповѣдуетъ въ Немъ Господа. Подъ державой великаго Намѣстника Божія, въ тѣсномъ союзѣ, какъ одна нераздѣльная душа, наслаждайтесь вѣчнымъ блаженствомъ. Кто ослушается Его, ослушается Меня, нарушитъ союзъ. Въ тотъ день онъ будетъ отверженъ отъ Бога, отъ блаженства лицезрѣнія, и низринутъ въ кромѣшную тьму, поглощенъ бездной, — тамъ назначено ему мѣсто, и не будетъ ни искупленія, ни конца его мукамъ.»

«Такъ изрекъ Вседержитель; всѣ, казалось, были довольны Его словами; казалось такъ, но не всѣ были довольны. Тотъ день, какъ всегда торжественные дни, прошелъ въ пѣснопѣніяхъ и танцахъ вокругъ священной горы, мистическихъ танцахъ; всего ближе сравнить ихъ съ вращеніемъ планетъ и неподвижныхъ свѣтилъ звѣздной сферы, когда они въ своемъ запутанномъ лабиринтѣ сталкиваются, чудно сплетаются и совершаютъ свое теченіе тѣмъ правильнѣе, чѣмъ неправильнѣе кажется оно. Небесная гармонія сопровождала ихъ движенія такими чарующими звуками, что ухо Самого Бога внимало имъ съ наслажденіемъ.

«Приближался уже вечеръ (у насъ также чередуются вечеръ и утро; необходимости намъ въ этомъ нѣтъ, но для пріятной перемѣны); окончивъ небесные хороводы, Ангелы приступили къ сладкой трапезѣ. Какъ стояли они въ кругахъ, такъ и воздвиглись передъ ними столы. Мгновенно явилась на нихъ ангельская пища: рубиновый нектаръ, произведеніе чудныхъ лозъ Неба, пѣнился въ тяжелыхъ золотыхъ, жемчужныхъ и алмаз-

Recorded eminent. Thus when in orbs
Of circuit inexpressible they stood,
Orb within orb, the Father infinite,
By whom in bliss imbosom'd sat the Son,
Amidst as from a flaming mount, whose top
Brightness had made invisible, thus spake:
Hear, all ye Angels, progeny of light,
Thrones, Dominations, Princedoms, Virtues, Pow'rs,
Hear my decree, which unrevoked shall stand:
This day I have begot whom I declare
My only Son; and on this holy hill
Him have anointed, whom ye now behold
At my right hand; your Head I him appoint;
And by myself have sworn, to him shall bow
All knees in Heav'n, and shall confess him Lord:
Under his great vicegerent reign abide
United as one individual soul,
For ever happy. Him who disobeys,
Me disobeys, breaks union, and that day
Cast out from God and blessed vision, falls
Into utter darkness, deep ingulph'd, his place
Ordain'd without redemption, without end.
So spake th' Omnipotent: and with his words
All seem'd well pleased; all seem'd but were not all.
That day, as other solemn days, they spent
In song and dance about the sacred hill;
Mystical dance, which yonder starry sphere
Of planets and of fix'd, in all her wheels
Resembles nearest, mazes intricate,
Eccentric, intervolved, yet regular
Then most, when most irregular they seem;
And in their motions harmony divine
So smooths her charming tones, that God's own ear
Listens delighted. Ev'ning now approach'd
(For we have also our ev'ning and our morn,
We ours for change delectable, not need)
Forthwith from dance to sweet repast they turn
Desirous; all in circles as they stood,
Tables are set, and on a sudden piled
With angels' food, and rubied nectar flows
In pearl, in diamond, and massy gold,
Fruit of delicious vines, the growth of Heav'n.

ныхъ чашахъ. Покоясь на цвѣтахъ, въ вѣнкахъ изъ душистыхъ цвѣтовъ, вкушали мы и пили въ безмятежномъ согласіи, упоенные безсмертіемъ и радостію, передъ взоромъ Всеблагого Отца, и Онъ обильной рукою осыпалъ насъ щедротами и съ любовію взиралъ на нашу радость. Между тѣмъ, ароматная ночь, рожденная дыханіемъ облаковъ съ той высокой горы Господней, гдѣ находится источникъ свѣта и мрака, измѣнила блестящій ликъ Небесъ; пріятнымъ сумракомъ покрылись они (ночь не облекается тамъ болѣе темнымъ покровомъ); небесная роса, изливая благоуханія розъ, склоняла ко сну всѣ очи, кромѣ недремлющихъ очей Господнихъ. По всей небесной равнинѣ, болѣе пространной, чѣмъ весь земной шаръ, еслибъ развернуть его въ плоскость (такъ обширны обители Божіи), разсѣялось ангельское воинство; раздѣлясь рядами на легіоны, оно расположилось станомъ по берегамъ источниковъ жизни, среди деревьевъ жизни. Мгновенно безчисленными рядами раскинулись шатры: въ ихъ небесной сѣни спали Ангелы, подъ прохладнымъ вѣяніемъ вѣтерковъ. Всѣ покоились сномъ, кромѣ тѣхъ очередныхъ Ангеловъ, которые всю ночь должны пѣть сладкозвучные гимны около трона Господня.

«Не спалъ еще Сатана, — такъ зовется онъ теперь, прежнее его имя не произносится болѣе на Небѣ,—но не спалъ по другой причинѣ. Онъ, одинъ изъ первыхъ, если не первый Архангелъ по власти, по чину, по милости къ нему Бога, вдругъ закипѣлъ завистію къ Сыну Божію, Котораго въ тотъ день такъ возвеличилъ Отецъ и провозгласилъ Мессіей, помазаннымъ Царемъ. Его гордость не могла перенести такого зрѣлища; онъ почелъ себя униженнымъ: негодованіе, злоба глубоко запали въ него, и какъ только насталъ сумрачный часъ полночи, другъ тишины и покоя, онъ рѣшился со всѣми своими легіонами уйти, оставить высочайшій тронъ въ презрѣніи, безъ поклоненія, безъ покорныхъ слугъ. Онъ разбудилъ старшаго изъ своихъ подчиненныхъ, и говоритъ ему шопотомъ:

«Ты спишь, милый собратъ? Какъ могъ сонъ склонить твои вѣки? Или ты позабылъ велѣніе, провозглашенное вчера устами Всемогущаго Царя Небесъ. Ты привыкъ дѣлиться со мною мыслями, и у меня не было отъ тебя тайнъ: на яву составляли мы одну душу, какъ же теперь разлу-

On flow'rs reposed, and with fresh flow'rets crown'd,
They eat, they drink, and in communion sweet
Quaff immortality and joy, secure
Of surfeit, where full measure only bounds
Excess, before th' All-bounteous King, who show'r'd
With copious hand, rejoicing in their joy.
Now when ambroisial night with clouds exhaled
From that high mount of God, whence light and shade
Spring both, the face of brightest Heav'n had chang'd
To grateful twilight (for night comes not there
In darker veil) and roseate dews disposed
All but th' unsleeping eyes of God to rest:
Wide over all the plain, and wider far
Than all this globous earth in plain outspread
(Such are the courts of God) th' angelic throng,
Dispersed in bands and files, their camp extend
By living streams among the trees of life,
Pavilions numberless, and sudden rear'd
Celestial tabernacles, where they slept
Fann'd with cool winds; save those who in their course
Melodious hymns about the sov'reign throne
Alternate all night long: but not so waked
Satan; so call him now, his former name
Is heard no more in Heav'n; he of the first,
If not the first Arch-Angel, great in pow'r,
In favour, and pre-eminence, yet fraught
With envy' gainst the Son of God, that day
Honour'd by his great Father, and proclaim'd
Messiah King anointed, could not bear
Through pride that sight, and thought himself impair'd.
Deep malice thence conceiving, and disdain,
Soon as midnight brought on the dusky hour
Friendliest to sleep and silence, he resolved
With all his legions to dislodge, and leave
Unworshipp'd, unobey'd the throne supreme
Contemptuous, and his next subordinate
Awak'ning, thus to him in secret spake:
Sleep'st thou companion dear? What sleep can close
Thy eye-lids? and remember'st what decree
Of yesterday, so late hath pass'd the lips
Of Heav'n's Almighty! Thou to me thy thoughts
Wast wont, I mine to thee was wont to impart;
Both waking we were one; how then can now

чить насъ сонъ? Ты знаешь, намъ даны новые законы; новые законы, даваемые Властелиномъ, могутъ возбудить въ насъ, его подвластныхъ, новыя мысли, соображенія возможныхъ послѣдствій: говорить болѣе объ этомъ предметѣ здѣсь не безопасно. Собери вождей всѣхъ милліардовъ, состоящихъ подъ нашею властію; скажи имъ, что получено приказаніе, прежде чѣмъ отойдутъ темныя тѣни ночи, со всѣми полками, чьи знамена развѣваются подъ моей властію, спѣшить летучимъ маршемъ на сѣверъ, въ наши владѣнія; что мы должны сдѣлать тамъ приготовленія для достойнаго пріема нашего Царя, великаго Мессіи, и Его новыхъ велѣній; Онъ вскорѣ намѣренъ съ тріумфомъ обойти всѣ іерархіи, и начертать имъ законы.»

«Такъ говорилъ вѣроломный Архангелъ, вливая ядъ своей рѣчи въ сердце неосторожнаго собрата. Тотъ собираетъ подвластныхъ ему вождей, по нѣскольку вмѣстѣ или по одиночкѣ, и объявляетъ имъ, какъ былъ наученъ, что по Высочайшему велѣнію, прежде чѣмъ ночь, темная ночь покинетъ Небо, всѣ іерархіи великаго знамени должны двинуться отсюда. Онъ повторяетъ имъ вымышленную причину, и чтобы вывѣдать мысли однихъ или поколебать другихъ, бросаетъ имъ разжигающіе, двусмысленные намеки. Всѣ повинуются обычному знаку и властному голосу своего великаго вождя. И точно, славно было его имя, и великъ онъ былъ на Небѣ! Какъ утренняя звѣзда ведетъ за собою всю звѣздную вереницу, такъ всѣхъ притягиваетъ къ себѣ его блестящій образъ, и ложью онъ увлекаетъ за собой третью часть небеснаго воинства.

«Между тѣмъ Предвѣчный, окомъ, проникающимъ сокровеннѣйшія думы, съ высоты святой горы, гдѣ ночью горятъ золотые свѣтильники, увидѣлъ (и безъ ихъ свѣта) возникающій мятежъ. Онъ увидѣлъ, кто распространилъ смуту между сынами зари [124)] и какія силы соединились для борьбы противъ Его высокаго повелѣнія. Съ улыбкой обращаетъ Онъ рѣчь къ Своему единородному Сыну:

«Сынъ Мой, въ Комъ вижу Я Мою славу въ полномъ ея сіяніи, Наслѣдникъ всей Моей власти, близка для Насъ дума, какъ обезпечить Наше всемогущество, какія принять мѣры, чтобы удержать за Собою древ-

Thy sleep dissent? New laws thou seest imposed;
New laws from him who reigns, new minds may raise
In us who serve, new counsels to debate
What doubtful may ensue: more in this place
To utter is not safe. Assemble thou
Of all those myriads which we lead the chief:
Tell them that by command, ere yet dim night
Her shadowy cloud withdraws, I am to haste,
And all who under me their banders wave,
Homeward with flying march where we possess
The quarters of the north: there to prepare
Fit entertainment to receive our King
The great Messiah, and his new commands;
Who speedily through all the hierarchies
Intends to pass triumphant, and give laws.
So spake the false Arch-Angel, and infused
Bad influence into th' unwary breast
Of his associate: he together calls,
Or sev'ral one by one, the regent pow'rs,
Under him regent: tells, as he was taught,
That the Most High commanding, now ere night,
Now ere dim night had disencumber'd Heav'n,
The great hierarchal standard was to move;
Tells the suggested cause, and casts between
Ambiguous words and jealousies, to sound
Or taint integrity: but all obey'd
The wonted signal and superior voice
Of their great potentate; for great indeed
His name, and high was his degree in Heav'n!
His count'nance, as the morning star that guides
The starry flock, allured them, and with lies
Drew after him the third part of Heav'n's host.
Meanwhile th' Eternal Eye, whose sight discerns
Abstrusest thoughts, from forth his holy mount,
And from within the golden lamps that burn
Nightly before him, saw without their light
Rebellion rising, saw in whom, how spread
Among the sons of morn, what multitudes
Were banded to oppose his high decree;
And smiling to his only Son, thus said:
Son, thou in whom my glory I behold
In full resplendence, Heir of all my might,
Nearly it now concerns us to be sure
Of our omnipotence, and with what arms

нѣйшія права Божества и власти. На Насъ возсталъ врагъ; онъ намѣренъ въ обширномъ полуночномъ краѣ воздвигнуть тронъ, равный Нашему. Но, не довольствуясь этимъ, онъ питаетъ мысль—въ войнѣ испытать могущество Нашей власти и права. Обдумаемъ Наши дѣйствія, двинемъ противъ этой опасности всѣ силы, какія у Насъ остались, все обратимъ на защиту, чтобы не утратить Нашего высокаго трона, святилища Нашего, Нашей горы.»

«Съ яснымъ, спокойнымъ челомъ, невыразимо кроткій, блистая божественнымъ сіяніемъ, Сынъ отвѣчаетъ:

«Всемогущій Отецъ, Ты справедливо смѣешься надъ Своими врагами; Ты такъ недостижимъ, что Тебѣ смѣшны ихъ тщетныя предпріятія, ихъ дерзкій, напрасный мятежъ. Ихъ ненависть возвеличитъ Мою славу; они познаютъ державную власть, данную Мнѣ, чтобы обуздать ихъ гордыню; они увидятъ — сильна ли Моя рука, чтобы смирить мятежниковъ, и считать ли имъ Меня послѣднимъ въ Небѣ.»

«Такъ сказалъ Сынъ. Между тѣмъ Сатана съ своими силами былъ уже далеко; быстро неслось крылатое воинство, несмѣтное какъ звѣзды ночи или капли росы, эти звѣзды утра, чудными жемчужинами дрожащія въ солнечныхъ лучахъ на каждомъ листкѣ, на каждомъ цвѣткѣ. Оно прошло обширныя страны, прошло три степени могучихъ царствъ Серафимовъ, Державъ, Престоловъ. Передъ этими странами, всѣ твои владѣнія, Адамъ, меньше чѣмъ этотъ садъ, въ сравненіи со всѣми землями, со всѣми морями, со всѣмъ земнымъ шаромъ во всю его долготу. Пройдя ихъ, наконецъ, достигаетъ оно предѣловъ сѣвера, а Сатана — царскаго своего трона. На высокомъ холмѣ возвышается онъ и блеститъ издали словно гора, воздвигнутая на горѣ, съ пирамидами и башнями, высѣченными изъ цѣльныхъ алмазныхъ глыбъ и золотыхъ скалъ. Таковъ былъ дворецъ великаго Люцифера [125] (на человѣческомъ языкѣ подобныя сооруженія называются дворцами). Во всемъ представляясь равнымъ Богу, въ подражаніе той горѣ, откуда передъ лицомъ всего Неба былъ провозглашенъ Мессія, назвалъ онъ гору, гдѣ возвышался его дворецъ, Горою Союза. Онъ собралъ туда всѣ свои силы, и объявилъ, что ему повелѣно привести ихъ сюда для совѣщанія о торжественномъ пріемѣ ихъ Царя, Котораго надо ждать

We mean to hold what anciently we claim
Of Deity or empire; such a foe
Is rising, who intends to erect his throne
Equal to ours, throughout the spacious north;
Nor so content, hath in his thought to try
In battle what our pow'r is, or our right.
Let us advise, and to this hazard draw
With speed what force is left, and all employ
In our defence, lest unawares we lose
This our high place, our sanctuary, our hill.
To whom the Son, with calm aspéct and clear,
Lightning divine, ineffable, serene,
Made answer: Mighty Father, thou thy foes
Justly hast in derision, and secure
Laugh'st at their vain designs and tumults vain,
Matter to me of glory, whom their hate
Illustrates, when they see all regal pow'r
Giv'n me to quell their pride, and in event
Know whether I be dextrous to subdue
Thy rebels, or be found the worst in Heav'n.
So spake the Son; but Satan with his pow'rs
Far was advanced on winged speed, and host
Innumerable as the stars of night,
Or stars of morning, dew-drops, which the Sun
Impearls on ev'ry leaf and ev'ry flow'r.
Regions they pass'd, the mighty regencies
Of Seraphim, and Potentates, and Thrones,
In their triple degrees; regions to which
All thy dominion, Adam, is no more
Than what this garden is to all the earth,
And all the sea, from one entire globose
Stretch'd into longitude; which having pass'd,
At length into the limits of the north
They came, and Satan to his royal seat
High on a hill, far blazing, as a mount
Raised on a mount, with piramids and tow'rs
From diamond quarries hewn, and rocks of gold;
The palace of great Lucifer (so call
That structure in the dialect of men
Interpreted) which not long after, he
Affecting all equality with God,
In imitation of that mount whereon
Messiah was declared in sight of Heav'n,
The Mountain of the Congregation call'd;
For hither he asssembled all his train,
Pretending so commanded to consult
About the great reception of their King,

вскорѣ. Съ коварнымъ искусствомъ поддѣлываясь подъ языкъ истины, онъ такъ привлекаетъ ихъ слухъ къ вниманію:

«Престолы, Власти, Царства, Начала, Силы! если только эти великолѣпные титулы не должны остаться однимъ лишь пустымъ звукомъ, съ тѣхъ поръ какъ, по объявленному закону, другой захватилъ неограниченную власть надъ всѣми, затмивъ насъ подъ именемъ Помазаннаго Царя! Ради Него сдѣланъ этотъ быстрый полночной походъ; такъ поспѣшно собрались мы сюда единственно для того, чтобы обсудить, съ какими новыми почестями принять Того, Кто наложилъ на насъ небывалую дань, дань колѣнопреклоненія, униженнаго паденія передъ Нимъ ницъ! Платить ее Одному было уже слишкомъ тяжело, каково же будетъ воздавать ее вдвойнѣ, еще Тому, Кого Онъ провозгласилъ образомъ Своимъ? О, если бы благороднѣйшія мысли могли поднять нашъ духъ и внушить намъ средство свергнуть это иго! Или вы хотите сгибать передъ Нимъ шею и преклонять послушное колѣно? Нѣтъ, вы не захотите этого, или я ошибаюсь въ васъ, или вы сами забыли, что отчизна ваша Небо, что вы сыны Неба, которымъ никто не владѣлъ ранѣе насъ; и если мы не всѣ равны, то всѣ свободны, и въ свободѣ всѣ равны. Чины, степени не противорѣчатъ свободѣ; они вполнѣ совмѣстимы съ ней. Кто же, на какомъ основаніи, по какому праву, можетъ присвоивать себѣ монархическую власть надъ равными ему, если не по власти и блеску, то равными по свободѣ? И кто же можетъ подчинять насъ уставу, закону? Кто чуждъ заблужденій, тому не надо закона, тѣмъ менѣе такого, который повелѣвалъ бы признавать надъ собой Владыку и воздавать ему почести и поклоненія, какъ бы въ поруганіе нашихъ царственныхъ титуловъ, доказывающихъ, что намъ назначено повелѣвать, а не раболѣпствовать!»

«До сихъ поръ дерзкая рѣчь не встрѣчала возраженія. Но тутъ, Серафимъ Авдіилъ, пламенно преданный Богу, послушный божественнымъ велѣніямъ, всталъ и, горя усердіемъ и гнѣвомъ, такъ прервалъ яростный потокъ безумной рѣчи:

«О святотатственная, ложная, надменная рѣчь! Чье ухо въ Небѣ ожидало когда нибудь услышать подобныя слова, тѣмъ менѣе отъ тебя, не-

Thither to come, and with calumnious art
Of counterfeited truth, thus held their ears:
  Thrones, Dominations, Princedoms, Virtues, Pow'rs,
If these magnific titles yet remain
Not merely titular; since by decree
Another now hath to himself ingross'd
All pow'r, and us eclipsed under the name
Of King Anointed, for whom all this haste
Of midnight march, and hurried meeting here,
This only to consult, how we may best,
With what may be devised of honours new,
Receive him coming to receive from us
Knee-tribute yet unpaid, prostration vile,
Too much to one, but double how endured,
To one and to his image now proclaim'd?
But what if better counsels might erect
Our minds, and teach us to cast off this yoke?
Will ye submit your necks, and choose to bend
The supple knee? Ye will not, if I trust
To know ye right; or if ye know yourselves
Natives and sons of Heav'n possess'd before
By none, and if not equal all, yet free,
Equally free; for orders and degrees
Jar noth with liberty, but well consist.
Who can in reason then or right assume
Monarchy over such as live by right
His equals, if in pow'r and splendour less,
In freedom equal? or can introduce
Law and edict on us, who without law
Err not? much less for this to be our Lord,
And look for adoration to th' abuse
Of those imperial titles which assert
Our being ordain'd to govern, not to serve.
  Thus far his bold discourse without control
Had audience, when among the Seraphim
Abdiel, that whom none with more zeal adored
The Deity, and divine commands obey'd,
Stood up, and in a flamme of zeal severe,
The current of his fury thus opposed:
  O argument blasphémous, false, and proud!
Words which no ear ever to hear in Heav'n
Expected, least of all from thee, Ingrate,

благодарный, когда ты самъ такъ высоко стоишь надъ небесными чинами? Какъ смѣешь ты дѣлать нечестивые укоры и порицать справедливый законъ, подтвержденный клятвой Всемогущаго? Онъ клялся, что передъ Его Сыномъ, Которому по праву даровалъ Онъ державный скипетръ, преклонятся всѣ колѣна, всѣ воздадутъ Ему почести и признаютъ въ Немъ законнаго Царя! Несправедливо, говоришь ты, неслыханно несправедливо, чтобы свободныя существа были подчинены законамъ, чтобы равный царствовалъ надъ равными, одинъ надъ всѣми съ властью, которую отъ Него никто не наслѣдуетъ? Не станешь ли ты предписывать законы Богу? Не станешь ли ты оспаривать права свободы у Того, Кто сдѣлалъ тебя тѣмъ, что ты есть, Кто создалъ всѣ небесныя Силы такъ, какъ Ему было угодно, ограничивъ ихъ существа? Но мы по опыту знаемъ, какъ Онъ благъ къ намъ, какъ Онъ печется о нашемъ величіи и счастіи. О, какъ далекъ Онъ отъ мысли унижать насъ; напротивъ, чтобы еще болѣе возвысить наше счастіе, скрѣпляетъ Онъ нашъ союзъ подъ властію единой главы. Но, пусть будетъ по твоему, допустимъ, что несправедливо, чтобы равный неограниченно царствовалъ надъ равными себѣ: неужели считаешь ты себя, какъ ни славенъ и ни великъ ты, въ себѣ одномъ соединяя всѣ свойства ангельской природы, неужели считаешь ты себя равнымъ зачатому Имъ Сыну? Этому живому Слову Всемогущаго Отца, Которымъ Онъ создалъ все живущее, и тебя самого, создалъ всѣхъ небесныхъ Духовъ, увѣнчалъ ихъ разными степенями славы и далъ имъ, смотря по чину, царственные титулы Престоловъ, Властей, Князей, Началъ, Силъ! Не затмятся эти имена царствомъ Сына Божія, но просвѣтятся еще болѣе; Онъ, Глава нашъ, такъ снизойдя до насъ, будетъ ближе къ намъ; Его законы будутъ нашимъ закономъ; всѣ почести, воздаваемыя Ему, обратятся на насъ самихъ. И такъ, укроти твою нечестивую злобу и не совращай другихъ. Спѣши лучше смягчить гнѣвъ Отца и гнѣвъ Сына, пока раскаяніе, принесенное во время, еще можетъ заслужить тебѣ прощеніе.»

«Такъ говорилъ пламенный Ангелъ; но ни одинъ голосъ не поддержалъ его; рвеніе его нашли неумѣстнымъ, смѣшнымъ, опрометчивымъ. Отступникъ торжествовалъ, и еще надменнѣе возразилъ Ангелу:

In place thyself so high above thy peers.
Canst thou with impious obloquy condemn
The just decree of God, pronounced and sworn,
That to his only Son, by right endued
With regal sceptre, ev'ry soul in Heav'n
Shall bend the knee, and in that honour due
Confess him rightful King? Unjust, thou say'st,
Flatly unjust, to bind with laws the free,
And equal over equals to let reign,
One over all with unsucceeded pow'r.
Shalt thou give law to God? Shalt thou dispute
With him the points of liberty, who made
Thee what thou art, and form'd the pow'rs of Heav'n
Such as he pleased, and circumscribed their being?
Yet, by experience taught, we know how good,
And of our good and of our dignity
How provident he is, how far from thought
To make us less, bent rather to exalt
Our happy state under one head more near
United. But to grant it thee unjust,
That equal over equals monarch reign:
Thyself, though great and glorious, dost thou count,
Or all angelic nature join'd in one,
Equal to him begotten Son? by whom
As by his Word the mighty Father made
All things, ev'n thee; and all the Spirits of Heav'n
By him created in their bright degrees,
Crown'd them with groly, and to their glory named
Thrones, Dominations, Princedoms, Virtues, Pow'rs,
Essential Pow'rs; nor by his reign obscured,
But more illustrious made; since he the Head
One of our number thus reduced becomes;
His laws our lows; all honour to him done
Returns our own. Cease then this impious rage
And tempt not these: but hasten to appease
Th' incensed Father and th' incensed Son,
While pardon may be found, in time besought
  So spake the fervent Angel; but his zeal
None seconded, as out of season judged,
Or singular and rash, whereat rejoiced,
Th' Apostate and more haughty thus replied:

«Такъ вотъ какъ мы были созданы, говоришь ты? Мы твореніе второстепенныхъ рукъ? Отецъ предоставилъ этотъ трудъ Сыну! Странное ученіе, и совершенно новое! Желали бы мы знать, кто передалъ тебѣ его? Кто видѣлъ, когда совершалось это твореніе? Ты помнишь свое происхожденіе, знаешь день, когда Творецъ далъ тебѣ бытіе? Ты не знаешь такого времени, когда бы мы не были тѣмъ, что есть теперь; мы не знаемъ никого, созданнаго до насъ. Когда роковое теченіе вещей завершило свой полный кругъ, достигнувъ того мига, что Небо, наша отчизна, получило способность производить, мы возникли собственной нашей жизненной силой; мы, сыны эѳира, сами собою зачаты, сами собою рождены. Мы никому не обязаны нашимъ могуществомъ. Нашей собственной рукою сотворимъ мы величайшія дѣла, чтобъ испытать, равенъ ли Онъ намъ. Ты увидишь тогда, какъ приступимъ мы къ Всесильному трону: съ смиренными мольбами или съ оружіемъ? Поди, передай эту вѣсть Помазанному Царю; лети скорѣе, пока тебя не постигло зло.»

«Сказалъ онъ, и, подобно шуму глубокихъ водъ, глухой ропотъ одобренія несмѣтнаго воинства былъ эхомъ его словъ. Пылающій Серафимъ, одинъ среди враговъ, безстрашно отвѣчалъ:

«О ты, отверженный Богомъ, о Духъ проклятія, лишенный всего святого! Твоя гибель рѣшена; я вижу, это несчастное воинство опутано твоими коварными сѣтями; какъ заразило ихъ твое преступленіе, такъ же раздѣлятъ они и твою кару. Не безпокойся болѣе о томъ, какъ свергнуть иго Мессіи: ты не удостоишься теперь тѣхъ кроткихъ законовъ; иной приговоръ неизбѣжно ждетъ тебя. Тотъ золотой скипетръ, который ты отвергъ, обратится теперь въ желѣзный бичъ, — онъ сломитъ, смиритъ твою строптивость. Ты далъ мнѣ хорошій совѣтъ: я бѣгу; но не по твоему наставленію, не передъ твоими угрозами; я бѣгу отъ этихъ злочестивыхъ шатровъ, обреченныхъ проклятію, изъ опасенія чтобы гнѣвъ, готовый разразиться надъ тобой, не охватилъ всѣхъ безъ различія яростнымъ пламенемъ. Знай, скоро испытаетъ твоя глава пожирающій огонь Его громовъ. Тогда, въ стенаніяхъ познаешь ты Кто тебя создалъ, познавъ Того, Кто можетъ тебя уничтожить.»

That we were form'd then, say'st thou? and the work
Of secondary hands, by task transferr'd
From Father to his Son? Strange point, and new!
Doctrine which we would know whence learn'd: who saw
When this creation was? Remember'st thou
Thy making, while the Maker gave thee being;
We know no time when we were not as now;
Know none before us, self-begot, self-raised
By our own quick'ning pow'r, when fatal course
Had circled his full orb, the birth mature
Of this our native Heav'n, ethereal sons.
Our puissance is our own; our own right hand
Shall teach us highest deeds, by proof to try
Who is our equal: then thou shalt behold
Whether by supplication we intend
Address, and to begirt th' almighty throne
Beseeching or besieging. This report,
These tidings, carry to th' Anointed King;
And fly, ere evil intercept thy flight.
He said, and as the sound of waters deep
Hoarse murmur echo'd to his words applause
Through the infinite host; nor less for that
The flaming Seraph fearless, though alone
Encompass'd round with foes, thus answer'd bold:
O alienate from God, O Spirit accursed,
Forsaken of all good! I see thy fall
Determined, and thy hapless crew involved
In this perfidious fraud, contagion spread
Both of thy crime and punishment: henceforth
No more be troubled how to quit the yoke
Of God's Messiah: those indulgent laws
Will not be now vouchsafed; other decrees
Against thee are gone forth without recall;
That golden sceptre, which thou didst reject,
Is now an iron rod, to bruise and break
Thy disobedience. Well thou didst advise.
Yet not for thy advice or threats I fly
These wicked tents devoted, lest the wrath
Impendent, raging into sudden flame,
Distinguish not; for soon expect to feel
His thunder on thy head, devouring fire.
Then who created thee lamenting learn,
When who can uncreate thee thou shalt know.

«Такъ говорилъ Серафимъ Авдiилъ, одинъ оставшiйся вѣрнымъ среди всѣхъ невѣрныхъ; среди безчисленныхъ сонмовъ мятежниковъ, онъ одинъ твердо, безстрашно, непоколебимо сохранилъ свою вѣрность, свою любовь, свою преданность; ничто не могло ни обольстить, ни устрашить его. Число, примѣръ возставшихъ, ничто не совратило его съ истиннаго пути и не заставило измѣнить своей твердой вѣрѣ, хотя онъ стоялъ одинъ противъ всѣхъ. Онъ вышелъ изъ ихъ рядовъ, и пошелъ прочь; длинный путь надо было ему пройти среди насмѣшекъ враждебной толпы. Выше ея оскорбленiй, онъ переноситъ ихъ не страшась насилiя, и съ презрѣнiемъ отворачивается отъ гордыхъ башенъ, обреченныхъ на быстрое разрушенiе.»

So spake the Seraph Abdiel, faithful found
Among the faithless, faithful only he;
Among innumerable false, unmoved,
Unshaken, unseduced, unterrified,
His loyalty he kept, his love, his zeal;
Nor number, nor example, with him wrought
To swerve from truth, or change his constant mind,
Though single. From amidst them forth he pass'd,
Long way through hostile scorn, which he sustain'd
Superior, nor of violence fear'd aught;
And with retorted scorn his back he turn'd
On those proud tow'rs to swift destruction doom'd.

ПѢСНЬ 6-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Рафаилъ продолжаетъ разсказывать, какъ Михаилъ и Гавріилъ были посланы сражаться съ Сатаной и его Ангелами. Описаніе первой битвы. Сатана и его Силы удаляются съ наступленіемъ ночи; Сатана созываетъ совѣтъ, изобрѣтаетъ адскія машины, которыя на другой день битвы приводятъ въ нѣкоторое смятеніе Михаила и его Ангеловъ; но они вырываютъ горы и подавляютъ ими Сатанинскія силы и машины. Однако, такъ какъ возмущеніе не прекращалось, Богъ на третій день посылаетъ Мессію, Своего Сына, Которому Онъ предоставилъ славу этой побѣды. Сынъ Божій, облеченный могуществомъ Отца, приближается къ мѣсту битвы. Онъ повелѣваетъ Своимъ легіонамъ стоять спокойно по ту и по другую сторону, а Самъ устремляется съ Своей колесницей и громомъ въ середину враговъ, неспособныхъ сопротивляться Ему, и преслѣдуетъ ихъ до небесной стѣны; послѣдняя разверзается, и мятежники въ смятеніи и ужасѣ низвергаются въ мѣсто, уготованное въ безднѣ для наказанія ихъ. Мессія съ торжествомъ возвращается къ Отцу.

„Всю ночь, никѣмъ не преслѣдуемый, продолжалъ безстрашный Ангелъ свой путь черезъ пространныя равнины Небесъ, пока утро, пробужденное свершающими свой кругъ часами, не отворило пурпурною рукою врата свѣта.

«Есть пещера въ горѣ Господней, подлѣ самаго Его трона; оттуда, въ постоянномъ круговоротѣ, входятъ и выходятъ, чередуясь, свѣтъ и мракъ, и отъ этого бываетъ на Небѣ пріятная перемѣна — подобіе дня и ночи.

«Свѣтъ выходитъ, а въ другую дверь проскользаетъ мракъ, пока не настанетъ его часъ накинуть свой покровъ на Небо, хотя то, что называется тамъ ночью, здѣсь показалось бы лишь пріятнымъ сумракомъ. Теперь выходило утро во всемъ блескѣ, какимъ сіяетъ оно въ высшей небесной сферѣ, все залитое эмпирейнымъ золотомъ: ночь исчезла передъ нимъ, пронзенная лучами востока.

BOOK 6. THE ARGUMENT.

Raphael continues to relate how Michael and Gabriel were sent forth to battle against Satan and his Angels. The first fight described: Satan and his Powers retire under night: He calls a council, invents devilish engines, which in the second day's fight put Michael and his Angels to some disorder; but they at length pulling up mountains, overwhelmed both the force and machines of Satan: Yet the tumult not so ending, God on the third day sends Messiah his Son, for whom he had reserved the glory of that victory: He, in the power of his Father, coming to the place, and causing his legions to stand still on either side, with his chariot and thunder driving into the midst of his enemies, pursues them, unable to resist, towards the wall of Heaven; which opening, they leap down with horror and confusion into the place of punishment prepared for them in the deep: Messiah returns with triumph to his Father.

All night the dreadless Angel unpursu'd,
Through Heav'n's wide champain held his way, till morn,
Waked by the cirkling hours, with rosy hand
Unbarr'd the gates of light. There is a cave
Within the mount of God, fast by his throne,
Where light and darkness in perpetual round
Lodge and dislodge by turns, which makes through Heav'n
Grateful vicissitude, like day and night;
Light issues forth, and at the other door
Obsequious darkness enters, till her hour
To veil the Heav'n, though darkness there might well
Seem twilight here: and now went forth the morn
Such as in highest Heav'n, array'd in gold
Empyreal; from before her vainsh'd night,
Shot through with orient beams; when all the plain,

«Вдругъ Ангелъ видитъ, что вся равнина сплошь покрыта блестящимъ воинствомъ въ боевомъ строѣ, колесницами, сверкающимъ оружіемъ, огненными конями; все сіяло и горѣло передъ нимъ; онъ увидѣлъ войну, войну во всей ея грозѣ,—значитъ здѣсь уже извѣстно то, что онъ несъ, какъ новость.

«Радостно вмѣшивается онъ въ дружескіе ряды этой рати; его встрѣчаютъ съ радостію и громкими кликами, что одинъ изъ всѣхъ миріадъ павшихъ, одинъ онъ устоялъ и вернулся. Осыпая хвалами, ведутъ его къ святой горѣ, къ высшему трону, и изъ середины золотого облака раздается кроткій голосъ:

«Служитель Божій, твой поступокъ похваленъ! Со славой выдержалъ ты лучшій бой, одинъ противъ цѣлыхъ сонмовъ мятежниковъ стоявъ за правое дѣло, болѣе могущественный словомъ, чѣмъ они своимъ оружіемъ. За свидѣтельство истины ты понесъ всеобщія укоризны, которыя ужаснѣе насилія, но ты заботился лишь о томъ, чтобы быть правымъ передъ лицомъ Бога, хотя бы міры всѣ считали тебя порочнымъ! Теперь тебѣ остается одержать еще побѣду, но уже не столь трудную: ты съ дружескимъ войскомъ вернешься къ врагамъ, покрытый славой болѣе, чѣмъ былъ ты покрытъ насмѣшками, покидая ихъ станъ. Сила обуздаетъ тѣхъ, которые отказались принять своимъ закономъ разумъ, здравый разумъ, и царемъ своимъ Мессію, царствующаго по праву Своихъ высокихъ достоинствъ. Иди, Михаилъ, Князь небесныхъ воинствъ, и ты, Гавріилъ, первый послѣ него по доблести, ведите въ бой этихъ непобѣдимыхъ сыновъ Моихъ, ведите Моихъ вооруженныхъ Святыхъ; тысячи, милліоны ихъ стоятъ готовые къ бою: число ихъ равно тому мятежному войску, отвергшему Бога. Безстрашно разите ихъ огнемъ и грознымъ мечомъ, преслѣдуйте ихъ до предѣловъ Неба, изгоните ихъ отъ лица Бога и обители блаженства въ мѣсто ихъ кары, въ глубь Тартара, уже широко разверзшаго свой огненный Хаосъ для ихъ паденія [126].»

«Такъ изрекъ Владычный голосъ; и густыя тучи стали заволакивать всю гору, взвились черные клубы дыма, изъ нихъ съ силой вырывалось пламя, признакъ пробужденнаго гнѣва, и грозно раздался свыше звукъ небесной трубы.

Cover'd with thick embattled squadrons bright,
Chariots and flaming arms, and fiery steeds,
Reflecting blaze on blaze, first met his view.
War he perceived, war in procinct, and found
Already known what he for news had thought
To have reported. Gladly then he mix'd
Among those friendly Pow'rs, who him received
With joy and acclamations loud, that one,
That of so many myriads fall'n, yet one
Return'd not lost. On to the sacred hill
They led him, high applauded, and present
Before the seat supreme; from whence a voice
From midst a golden cloud thus mild was heard:
Servant of God, well done! well hast thou fought
The better fight, who singly hast maintain'd
Against revolted multitudes the cause
Of truth, in word mightier than they in arms;
And for the testimony of truth hast borne
Universal reproach (far worse to bear
Than violence): for this was all thy care
To stand approved in sight of God, though worlds
Judged thee perverse: the easier conquest now
Remains thee, aided by this host of friends.
Back on thy foes more glorious to return
Than scorn'd thou didst depart, and to subdue
By force, who reason for their law refuse,
Right reason for their law, and for their king
Messiah, who by right of merit reigns.
Go Michael, of celestial armies prince,
And thou in military prowess next
Gabriel, lead forth to battle these my sons
Invincible, lead forth my armed Saints,
By thousands and by millions ranged for fight
Equal in number to that Godless crew
Rebellious; them with fire and hostile arms
Fearless assault, and to the brow of Heav'n
Pursuing, drive them out from God and bliss
Into their place of punishment, the gulf
Of Tartarus, which ready opens wide
His fiery Chaos to receive their fall.
So spake the sov'reign voice, and clouds began
To darken all the hill, and smoke to roll
In dusky wreaths, reluctant flames, the sign
Of wrath awaked; nor with less dread the loud
Ethereal trumped from on high 'gan blow:

«По этому знаку всѣ воинскія Силы, сохранившія вѣрность Небу, соединились въ могучую четырехстороннюю фалангу, и въ несокрушимомъ союзѣ, молча двинулись ихъ блестящіе легіоны подъ гармоническіе звуки боевой музыки, которая вдохновляетъ ихъ отвагой на геройскіе подвиги, подъ предводительствомъ ихъ богоподобныхъ вождей, въ защиту правъ Бога и Его Мессіи. Они идутъ неразрывнымъ строемъ: ни горы, ни узкія долины, ни лѣса, ни рѣки не нарушаютъ ихъ стойкихъ рядовъ. Высоко надъ небеснымъ подножіемъ несутся они, и воздухъ послушно служитъ опорой ихъ легкимъ стопамъ.

«Въ такомъ порядкѣ слетались въ Эдемъ безчисленныя птицы, чтобы ты, Адамъ, далъ имъ названія. Такъ проходятъ небесные легіоны многія страны, многія пространныя области, изъ которыхъ каждая въ десять разъ обширнѣе этого земного міра.

«Наконецъ, далеко на сѣверномъ горизонтѣ, разстилаясь отъ одного его края до другого, открылась намъ огненная страна въ видѣ ратнаго ополченія. Подходимъ ближе, и видимъ всѣ соединенныя силы Сатаны: какъ буря неслись онѣ, сверкая лучами прямыхъ, неподвижныхъ копій, сплошной стѣной шлемовъ, безчисленнымъ множествомъ щитовъ съ дерзкими, хвастливыми изображеніями. Они думали въ этотъ самый день силой или хитростью овладѣть горой Господней и на престолъ Его возвести надменнаго соперника, завистника Его славы. Но не пройдя и половины пути, увидѣли безуміе и тщетность своей мысли.

«Сначала казалось намъ чуднымъ, чтобы Ангелы сражались съ Ангелами, чтобы мы, дѣти Единаго Отца, встрѣтились въ ожесточенномъ бою, когда такъ часто встрѣчались мы въ дни празднествъ и въ единодушной любви и радости воспѣвали гимны Предвѣчному. Но раздался грохотъ битвы, и дикіе клики брани заглушили всякое кроткое чувство.

«Среди своихъ легіоновъ, возвышаясь надъ всѣми, на колесницѣ, сіяющей подобно солнцу, какъ богъ, возсѣдалъ Отступникъ. Жалкое подобіе божественнаго величія, онъ былъ окруженъ пылающими Херувимами и золотыми щитами. Онъ встаетъ съ своего пышнаго трона, такъ какъ теперь оба воинства отдѣлялись лишь узкимъ пространствомъ (ужасный

At which command the powers militant
That stood for Heav'n, in mighty quadrate join'd
Of union irresistible, moved on
In silence their bright legions, to the sound
Of instrumental harmony, that breath'd
Heroic ardour to advent'rous deeds
Under their God-like leaders, in the cause
Of God and his Messiah. On they move
Indissolubly firm: nor obvious hill,
Nor strait'ning vale, nor wood, nor stream divides
Their perfect ranks; for high above the ground
Their march was, and the passive air upbore
Their nimble tread. As when the total kind
Of birds, in orderly array on wing,
Came summon'd over Eden, to receive
Their names of thee; so over many a tract
Of Heav'n they march'd, and many a province wide
Tenfold the length of this terrrene. At last,
Far in th' horizon to the north appear'd
From skirt to skirt a fiery region stretch'd
In battailous aspect, and nearer view
Bristled with upright beams innumerable
Of rigid spears, and helmets throng'd, and shields
Various, with boastful argument portray'd,
The banded Pow'rs of Satan hasting on
With furious expedition; for they ween'd
That self-same day by fight, or by surprise,
To win the mount of God, and on his throne
To set the envier of his state, the proud
Aspirer, but their thoughts proved fond and vain
In the mid-way: though strange to us it seem'd
At first, that Angel should with Angel war,
And in fierce hosting meet, who wont to meet
So oft in festivals of joy and love
Unanimous, as sons of one great sire
Hymning th' Eternal Father; but the shout
Of battle now began, and rushing sound
Of onset ended soon each milder thought.
High in the midst exalted as a God,
Th' Apostate in his sun-bright chariot sat,
Idol of majesty divine, inclosed
With flaming Cherubim and golden shields;
Then lighted from his gorgeous throne, for now
'Twixt host and host but narrow space was left

промежутокъ!). Сошлись они фронтъ противъ фронта; на страшную длину растянулись грозные ряды. Но, до начала битвы, Сатана, покрытый бронею изъ адаманта и золота, надменными, обширными шагами проходитъ передъ рядами своего мрачнаго войска; онъ возвышается подобно башнѣ. Авдіилъ не вынесъ этого зрѣлища: онъ стоялъ въ это время среди самыхъ доблестныхъ воиновъ, готовясь къ геройскимъ подвигамъ, и такъ излилъ чувства своего пламеннаго сердца:

«О, Небо! Зачѣмъ остается такое подобіе съ образомъ Всевышняго въ томъ, въ комъ нѣтъ ни вѣры, ни правды? Зачѣмъ сила и могущество не покидаютъ того, въ комъ нѣтъ болѣе добродѣтели, зачѣмъ слабость не есть удѣлъ дерзкихъ? Онъ кажется непобѣдимъ, но, уповая на помощь Всемогущаго, я помѣряюсь съ нимъ силой, уже извѣдавъ умъ его порочный и лживый; и не справедливо ли, чтобы тотъ, кто побѣдилъ словомъ, ратуя за истину, одержалъ побѣду и оружіемъ, одинаково восторжествовавъ въ обоихъ спорахъ? Хотя груба и постыдна борьба, когда разумъ споритъ съ силой, но тѣмъ законнѣе, чтобъ одержалъ верхъ разумъ.»

«Размышляя такъ, выходитъ онъ изъ строя, и на полъ-пути встрѣчаетъ своего смѣлаго врага, который, видя себя предупрежденнымъ, разъяряется еще болѣе. Авдіилъ безстрашно бросаетъ ему вызовъ:

«Гордецъ, къ тебѣ ли идутъ навстрѣчу? Ты надѣялся безъ препятствій достигнуть той высоты, на какую ты посягалъ, и на то, что тронъ Господень останется безъ защитниковъ; ты думалъ, они разсѣются отъ страха передъ твоимъ оружіемъ, или передъ могуществомъ твоего слова. Безумецъ! ты не подумалъ, какъ тщетно подымать оружіе противъ Вседержителя, Который изъ малѣйшей пылинки могъ бы поднять несмѣтные легіоны, чтобы поразить твое безуміе! Который однимъ мановеніемъ десницы, досягающей далѣе всякихъ предѣловъ, сразу можетъ обратить тебя въ ничто и погрузить твои легіоны въ бездну мрака! Но ты видишь: не всѣ послѣдовали за тобою: нашлись такіе, что предпочли вѣру и любовь къ Богу. Ты не видѣлъ ихъ, когда среди твоихъ силъ я одинъ подымалъ голосъ противъ всѣхъ; ты считалъ, что я одинъ въ заблужденіи. Сочти теперь всѣхъ, кто его раздѣляетъ, и познай, хотя уже поздно,

(A dreadful interval), and front to front
Presented, stood in terrible array,
Of hideous length. Before the cloudy van,
On the rough edge of battle ere it join'd,
Satan, with vast and haughty strides advanced,
Came tow'ring, arm'd in adamant and gold:
Abdiel that sight endured not, where he stood
Among the mightiest, bent on highest deeds,
And thus his own undaunted heart explores:
O Heav'n! that such resemblance of the High'st
Should yet remain, where faith and reälty
Remain not! wherefore should not strength and might
There fail where virtue fails, or weakest prove
Where boldest, though to sight unconquerable?
His puissance, trusting in th' Almighty's aid,
I mean to try, whose reason I have try'd
Unsound and false: nor is it aught but just
That he who in debate of truth hath won
Should win in arms, in both disputes alike
Victor: though brutish that contést and foul,
When reason hath to deal with force, yet so
Most reason is that reason overcome.
So pondering, and from his armed peers
Forth stepping opposite, half-way he met
His daring foe, at this prevention more
Incensed; and thus securely him defy'd:
Pround, art thou met? Thy hope was to have reach'd
The height of thy aspiring unopposed,
The throne of God unguarded, and his side
Abandon'd at the terror of thy pow'r
Or potent tongue: fool! not to think how vain
Against th' Omnipotent to rise in arms!
Who out of smallest things could without end
Have raised incessant armies to defeat
Thy folly! or with solitary hand
Reaching beyond all limit, at one blow,
Unaided, could have finish'd thee, and whelm'd
Thy legions under darkness! but thou seest
All are not of thy train: there be who faith
Prefer, and piety to God, though then
To thee not visible, when I alone
Seem'd in thy world erroneous to dissent

что истина бываетъ иногда на сторонѣ меньшинства, когда тысячи въ заблужденіи.»

«Смѣривъ его презрительнымъ взглядомъ, великій врагъ отвѣчаетъ: «Въ часъ гибельный для тебя, для меня въ желанный часъ мщенія, возвращаешься ты изъ бѣгства, бунтовщикъ! Тебя-то и искалъ я прежде всѣхъ! получи заслуженную награду; первый узнай силу этой десницы, раздраженной тобою, также какъ первый ты, вдохновенный духомъ противорѣчія, дерзкимъ языкомъ осмѣлился возстать противъ третьей части боговъ, собравшихся въ великомъ синодѣ для утвержденія своихъ божественныхъ правъ. Пока жива въ нихъ божественная мощь, никого не допустятъ они до неограниченной власти. Ты вѣрно спѣшилъ опередить твоихъ собратовъ, въ надеждѣ сорвать съ меня перышко, и этимъ подвигомъ показать всѣмъ, что ты сразилъ меня. Но я промедлю еще минуту, чтобы отвѣтить тебѣ (не хвались, что я смолкъ передъ тобою), — знай: я думалъ прежде, что для небесныхъ Духовъ Свобода и Небо нераздѣльны: теперь я вижу, какъ многіе изъ лѣни предпочитаютъ рабство! Этихъ слугъ, пріученныхъ распѣвать гимны на празднествахъ, этихъ небесныхъ пѣснопѣвцевъ, вотъ кого собралъ ты подъ свои знамена! ты вооружилъ рабство на борьбу съ свободой. Что изъ нихъ выше—покажетъ сегодняшній день.»

«На это Авдіилъ возражаетъ строго и кратко: «Отступникъ, ты все еще въ заблужденіи; совратившись съ истиннаго пути, ты вѣчно будешь блуждать во мракѣ. Напрасно клеймишь ты именемъ рабства служеніе Тому, Кому Богомъ и Природой назначено воздавать эту честь. Богъ и Природа повелѣваютъ это поклоненіе, когда Тотъ Кто царствуетъ достойнѣе, выше всѣхъ кто подъ его началомъ. Служить безумцу, дерзнувшему возмутиться противъ достойнѣйшаго себя, какъ служатъ тебѣ твои приверженцы, вотъ истинное рабство. Самъ ты, правда, лишился свободы, ставъ рабомъ самого себя, и ты осмѣливаешься дерзко поносить наше священное служеніе. Царствуй ты въ Аду, твоемъ царствѣ, меня же оставь служить на Небѣ Богу, вѣчно Славному, покоряться божественнымъ Его законамъ, достойнымъ повиновенія. Но знай, не царства, цѣпи

From all; my sect thou seest; now learn, too late,
How few sometimes may know, when thousands err.
Whom the grand foe, with scornful eye askance,
Thus answer'd: Ill for thee, but in wish'd hour
Of my revenge, first sought for thou return'st
From flight, seditious Angel, to receive
Thy merited reward, the first assay
Of this right hand provoked, since first that tongue,
Inspired with contradiction, durst oppose
A third part of the Gods, in synod met
Their deities to assert, who while they feel
Vigour divine within them, can allow
Omnipotence to none. But well thou com'st
Before thy fellows, ambitious to win
From me some plume, that thy success may show
Destruction to the rest. This pause between
(Unanswer'd lest thou boast) to let thee know;
At first I thought that Liberty and Heav'n
To heav'nly souls had been all one; but now
I see that most through sloth had rather serve,
Minist'ring Spirits, train'd up in feast and song:
Such hast thou arm'd, the minstrelsy of Heav'n,
Servility with freedom to contend,
As both their deeds compared this day shall prove.
To whom in brief thus Abdiel stern reply'd:
Apostate, still thou err'st, nor end wilt find
Of erring, from the path of truth remote.
Unjustly thou deprav'st it with the name
Of Servitude to serve whom God ordains,
Or Nature; God and Nature bid the same,
When he who rules is worthiest, and excels
Them whom he governs. This is servitude,
To serve th' unwise, or him who hath rebell'd
Against his worthier, as thine now serve thee,
Thyself not free, but to thyself enthrall'd;
Yet lewdly dar'st our minist'ring upbraid.
Reign thou in Hell, thy kingdom; let me serve
In Heav'n God ever blest, and his divine
Behests obey, worthiest to be obey'd;
Yet chains in Hell, not realms expect: meanwhile

Прими этотъ привѣтъ на твою нечестивую главу.

Пѣснь 6. стр. 123.

This greeting on thy impious crest receive.

J. Huyot

Загорѣлся яростный бой; такого дикаго шума еще никогда не слышало Небо.

Пѣснь 6, стр. 123.

. . . . Now storming fury rose.
And clamour such as heard in Heav'n till now
Was never . . . .

G. Doré

ждутъ тебя въ Аду: пока же, отъ меня, вернувшагося, по твоему, изъ бѣгства, прими этотъ привѣтъ на твою нечестивую главу.»

«Сказалъ, и высоко занесенная рука, какъ громовой ударъ, падаетъ на горделивую голову Сатаны; быстрѣе взгляда, быстрѣе мысли былъ благородный ударъ: никакой щитъ не могъ отразить его. На десять страшныхъ шаговъ отпрянулъ Сатана; на десятомъ палъ на колѣно, но успѣлъ удержаться громаднымъ копьемъ. Такъ на землѣ подземныя бури или пробивающія себѣ путь воды покачнутъ иногда гору, и она, съ покрывающимъ ее лѣсомъ, нависнетъ надъ моремъ. Мятежные Троны были поражены изумленіемъ при видѣ такого паденія сильнѣйшаго изъ нихъ; это еще болѣе разожгло ихъ злобу. Наши, исполненные радости, испускаютъ кликъ — предвѣстникъ побѣды и нетерпѣливаго желанія битвы. Тотчасъ Михаилъ повелѣлъ трубить въ Архангельскую трубу. По всему пространству Небесъ пронесся ея звукъ; вѣрное войско огласило воздухъ громкимъ «Осанна» Всевышнему. Но и враждебное войско не теряло времени; столь же грозное, ринулось и оно въ ужасную сѣчу.

«Загорѣлся яростный бой; такого дикаго шума еще никогда не слышало Небо; звенитъ оружіе, ударяясь о броню, бѣшено гремятъ колеса мѣдныхъ колесницъ. Ужасенъ былъ грохотъ битвы! Надъ нами съ пронзительнымъ свистомъ летятъ тучи раскаленныхъ стрѣлъ, образуя огненный сводъ надъ обоими войсками. Подъ этимъ огненнымъ куполомъ обѣ стороны стремительно наступаютъ другъ на друга и смѣшиваются въ гибельной, кипящей дикой яростью схваткѣ. Дрожало все Небо, и если бы Земля была уже создана тогда, вся Земля потряслась бы до основанія. И удивительно ли? Когда съ обѣихъ сторонъ, пылая гнѣвомъ, сражались милліоны Ангеловъ, изъ которыхъ слабѣйшій могъ бы обратить эти стихіи въ свое оружіе и сражаться всѣми ихъ силами. Каковы же были силы этихъ безчисленныхъ сонмовъ, когда они подняли свой ужасный мятежъ! Они не могли разрушить своей блаженной отчизны, но могли бы сильно потрясти ее, если бы Вѣчный Всемогущій Царь, съ высоты Своего небеснаго трона, могучей десницей не положилъ предѣла ихъ силѣ.

«Каждый легіонъ ихъ равнялся по силѣ цѣлому многочисленному войску;

From me return'd, as erst thou saidst, from flight,
This greeting on thy impious crest receive.
So saying, a noble stroke he lifted high,
Which hung not, but so swift with tempest fell
On the proud crest of Satan, that no sight,
Nor motion of swift thought, less could his shield
Such ruin intercept. Ten paces huge
He back recoil'd; the tenth on bended knee
His massy spear upstay'd, as if on earth
Winds under ground, or waters forcing way
Sidelong, had push'd a mountain from his seat,
Half sunk with all his pines. Amazement seized
The rebel Thrones, but greater rage, to see
Thus foil'd their mightiest; ours joy fill'd and shout,
Presage of victory and fierce desire
Of battle; whereat Michael bid sound
Th' Arch-Angel trumpet: through the vast of Heav'n
It sounded, and the faithful armies rung
Hosannah to the Highest: nor stood at gaze
The adverse legions, nor less hideous join'd
The horrid shock. Now storming fury rose,
And clamour such as heard in Heav'n till now
Was never: arms on armour clashing bray'd
Horrible discord, and the madding wheels
Of brazen chariots raged; dire was the noise
Of conflict; over head the dismal hiss
Of fiery darts in flaming volleys flew,
And flying vaulted either host with fire.
So under fiery cope together rush'd
Both battles main, with ruinous assault
And inextinguishable rage All Heav'n
Resounded; and had Earth been then, all Earth
Had to her centre shook What wonder? when
Millions of fierce encount'ring Angels fought
On either side, the least of whom could wield
These elements, and arm him with the force
Of all their regions: how much more of pow'r
Army 'gainst army numberless, to raise
Dreadful combustion warring, and disturb,
Though not destroy, their happy native seat;
Had not th' Eternal King omnipotent
From his strong hold of Heav'n high over-ruled
And limited their might; though number'd such
As each divided legion might have seem'd

каждый воинъ былъ цѣлый легіонъ; каждый вождь былъ воинъ, и каждый простой ратникъ обладалъ опытностью полководца, зная когда наступать или останавливаться, какъ пользоваться разными оборотами битвы, смыкать или открывать грозные ряды; о бѣгствѣ, объ отступленіи никто и не мыслилъ, ни одинъ поступокъ не обличалъ въ нихъ страха: каждый полагался самъ на себя, будто одна его рука должна была рѣшить побѣду.

«Славные, безсмертные подвиги совершались; они были безчисленны! Сраженіе, занимая громаднѣйшее пространство, измѣнялось каждую минуту: то сражались на твердой почвѣ стоя, то, взвившись на широкихъ крыльяхъ, лютымъ боемъ терзали воздухъ, и воздухъ казался тогда борющимся огнемъ. Долго чаша побѣды не склонялась ни въ ту, ни въ другую сторону, пока Сатана, — онъ выказалъ въ тотъ день исполинскую силу, не встрѣтивъ еще равнаго себѣ, — пробившись сквозь страшную сѣчу въ смятенныхъ рядахъ Серафимовъ, не увидѣлъ, наконецъ, Михаила, который однимъ взмахомъ меча скашивалъ цѣлые полки. Съ ужаснаго размаха его сильныхъ мышцъ падало безпощадное лезвее, опустошая все кругомъ. Сатана спѣшитъ дать отпоръ гибельнымъ ударамъ и подставляетъ свой несокрушимый щитъ, — громадный кругъ, въ десять рядовъ покрытый адамантовыми плитами. При его приближеніи, великій Архангелъ останавливаетъ сокрушительные удары: онъ радуется въ надеждѣ сейчасъ же окончить междоусобную войну въ Небѣ, сразивъ главнаго врага, или заковавъ его въ цѣпи плѣннымъ. Съ пылающимъ лицомъ, гнѣвно сдвинувъ брови, онъ первый обращается къ нему такъ:

«Виновникъ зла, до твоего возмущенія чуждаго Небу, неизвѣстнаго даже по имени, теперь, какъ ты видишь, изобильно порожденнаго ненавистной войной, ненавистной для всѣхъ, хотя, по справедливости, главная ея тяжесть падетъ на тебя и твоихъ сообщниковъ. Зачѣмъ смутилъ ты благодатный миръ Небесъ, внесъ въ природу ужасъ, невѣдомый до твоего преступнаго бунта? Какъ могла твоя злоба заразить милліоны Духовъ, нѣкогда чистыхъ и вѣрныхъ, теперь же исполненныхъ лжи? Но не думай нарушить нашъ святой миръ; Небо изгонитъ тебя изъ своихъ предѣловъ. Небо, обитель блаженства, не терпитъ дѣяній насилія и войны. Исчезни,

A num'rous host, in strenght each armed hand
A legion, led in fight yet leader seem'd
Each warrior single, as in chief, expert
When to advance, or stand, or turn the sway
Of battle, open when, and when to close
The ridges of grim war: no thought of flight,
None of retreat, no unbecoming deed
That argued fear: each on himself rely'd,
As only in his arm the moment lay
Of victory: deeds of eternal fame
Were done, but infinite; for wide was spread
That war, and various; sometimes on firm ground
A standing fight, then soaring on main wing,
Tormented all the air: all air seem'd then
Conflicting fire. Long time in even scale
The battle hung; till Satan, who that day
Prodigious pow'r had shown, and met in arms
No equal, ranging through the dire attack
Of fighting Seraphim confused, at length
Saw where the sword of Michael smote, and fell'd
Squadrons at once; with huge two handed sway
Brandish'd aloft the horrid edge came down
Wide wasting: such destruction to withstand
He hasted, and opposed the rocky orb
Of tenfold adamant, his ample shield:
A vas circumference. At his approach
The great Arch-Angel from his warlike toil
Surceased, and glad, as hoping here to end
Intestine war in heav'n, th' arch-foe subdued,
Or captive dragg'd in chains, with hostile frown
And visage all inflamed, first thus began:
  Author of evil, unknown till thy revolt,
Unnam'd in Heav'n, now plenteous, as thou seest
These acts of hateful strife, hateful to all,
Though heaviest by just measure on thyself
And thy adherents, how hast thou disturb'd
Heav'n's blessed peace, and into nature brought
Misery, uncreated till the crime
Of thy rebellion? How hast thou instill'd
Thy malice into thousands, once upright
And faithful, now proved false? But think not here
To trouble holly rest; Heav'n casts thee out
From all her confines. Heav'n the seat of bliss,
Brooks not the works of violence and war,

и зло, твое исчадіе, да отойдетъ вмѣстѣ съ тобою въ обитель зла; Адъ да разверзнется для тебя и твоей злочестивой шайки; тамъ сѣй раздоры, пока этотъ карающій мечъ не рѣшитъ твоей участи, или другое внезапное мщеніе, окрыленное Господомъ, повергнетъ тебя въ страшнѣйшія муки.»

«Такъ говорилъ Князь ангельскихъ силъ. Супостатъ отвѣчаетъ ему: «Не думай пустой угрозой, которую разнесетъ вѣтеръ, устрашить того, кого не могъ устрашить дѣлами. Обратилъ ли ты въ бѣгство слабѣйшаго изъ моихъ воиновъ? И если кто палъ, тотъ не вставалъ ли вновь, непобѣжденнымъ? Не думаешь ли ты легче справиться со мною повелительной рѣчью, и угрозами изгнать меня отсюда? Не заблуждайся, не такъ окончится борьба, которую ты называешь зломъ, а мы считаемъ нашей славой. Мы одержимъ побѣду, или самое это Небо превратимъ въ измышленный тобою Адъ,—если не царствовать, то мы будемъ жить здѣсь свободными. Собери же всѣ твои силы, призови на помощь Того, Кого величаешь ты Всемогущимъ; я не отступаю; тебя-то и искалъ я вдали и вблизи.»

«Умолкли!... И оба готовятся къ бою, небывалому, неизобразимому! Кто, даже на языкѣ Ангеловъ, можетъ дать о немъ понятіе? Съ чѣмъ сравнить его на землѣ, что могло бы возвысить человѣческое воображеніе до представленія всего величія богоподобныхъ силъ? Двигались они впередъ или стояли неподвижно,—по осанкѣ, поступи, оружію, это были боги, достойные рѣшать судьбу небеснаго владычества. Взмахнулись огненные мечи, описавъ въ воздухѣ ужасные круги; щиты, подобные двумъ громаднымъ солнцамъ, пылаютъ одинъ противъ другого, и въ ужасѣ стоитъ Ожиданіе. Быстро раздвинулись ангельскіе сонмы, оставивъ имъ широкое поле, тамъ гдѣ прежде была самая густая сѣча: всѣ страшатся быть вблизи подобнаго боя. Такъ какъ я долженъ описывать здѣсь величайшія вещи въ слабыхъ образахъ, то подобное было бы, если бы вдругъ разрушился порядокъ Природы, если бы возникла война между созвѣздіями, и двѣ планеты, зловѣщія, грозныя, стремительно несясь другъ на друга, яростно столкнулись среди неба и смѣшали въ бою свои враждебныя сферы.

«Оба вмѣстѣ грозно поднимаютъ руки, сильнѣйшія послѣ руки Все-

Hence then, and evil go with thee along,
Thy offspring, to the place of evil, Hell,
Thou and thy wicked crew; there mingle broils
Ere this avenging sword begin thy doom,
Or some more sudden vengeance wing'd from God
Precipitate thee with augmented pain.
 So spake the Prince of Angels: to whom thus
The Adversary: Nor think thou with wind
Of aery threats to awe whom yet with deeds
Thou canst not. Hast thou turn'd the least of these
To flight, or if to fall, but that they rise
Unvanquish'd, easier to transact with me
That thou shouldst hope, imperious, and with threats
To chase me hence? Err not that so shall end
The strife which thou call'st evil, but we style
The strife of glory; which we mean to win,
Or turn this Heav'n itself into the Hell
Thou fablest, here however to dwell free,
If not to reign. Meanwhile thy utmost force,
And join him named Almighty to thy aid,
I fly not, but have sought thee far and nigh.
 They ended parle, and both address'd for fight
Unspeakable: for who, though with the tongue
Of Angels, can relate, or to what things
Liken on earth conspicuous, that may lift
Human imagination to such height
Of Godlike pow'r? for likest Gods they seem'd,
Stood they or moved, in stature, motion, arms,
Fit to decide the empire of great Heav'n.
Now waved their fiery swords, and in the air
Made horrid circles: two broad suns their shields
Blazed opposite, while Expectation stood
In horror: from each hand with speed retired,
Where erst was thickest fight, the angelic throng,
And left large field, unsafe within the wind
Of such commotion: such as, to set forth
Great things by small, if Nature's concord broke,
Among the constellations war were sprung,
Two planets rushing from aspect malign
Of fiercest opposition in mid-sky
Should combat, and their jarring spheres confound.
 Together both with next to almighty arm
Uplifted imminent, one stroke they aim'd

могущаго, оба мѣтятъ рѣшить все однимъ ударомъ, — повторять его было недостойно ихъ славы. Оба казались равны въ силѣ, въ быстротѣ и ловкости; но мечъ Михаила, изъ Господней оружейной, былъ такого закала, что никакое лезвее, никакая твердыня не могли устоять противъ него. Онъ встрѣчаетъ мечъ Сатаны, тяжело опускавшійся, чтобы пасть могучимъ ударомъ, и мгновенно разсѣкаетъ его на-двое; потомъ, не останавливаясь, быстрымъ поворотомъ меча пронзаетъ весь правый бокъ противника, раскрывъ широкую рану. Впервые узналъ Сатана боль; въ судорогахъ метался онъ туда и сюда, съ такой болью прошелъ черезъ него острый мечъ. Но эѳирная сущность не можетъ долго быть раздѣленной; она срослась, изъ раны вытекъ потокъ нектарной влаги; она текла какъ кровь, такая кровь, какую могутъ проливать небесные Духи. Вся нѣкогда столь блестящая броня Сатаны обагрилась ею.

«Тогда со всѣхъ сторонъ устремились къ нему на защиту многочисленные легіоны сильнѣйшихъ его ангеловъ; одни заграждаютъ его собою, другіе уносятъ его на щитахъ къ колесницѣ, стоявшей вдали, за предѣлами боя. Они возлагаютъ на нее супостата. Онъ скрежещетъ зубами отъ боли, отъ злобы и стыда: теперь онъ не могъ сказать, что ему нѣтъ равнаго. Какъ страдала его гордость, какъ былъ униженъ онъ, безумно считавшій себя равнымъ Богу!

«Однако рана его скоро закрылась, такъ какъ Духи живутъ всѣми частями своего состава; они не могутъ, какъ бренный человѣкъ, умереть, когда будетъ уничтожена какая нибудь отдѣльная часть—сердце, голова, печень, легкія. Подобно воздуху, неосязаемый составъ ихъ не можетъ получить смертельной раны: они вполнѣ живутъ сердцемъ, вполнѣ живутъ головою, зрѣніемъ, слухомъ, разумомъ, чувствами; по желанію принимаютъ члены и какой хотятъ цвѣтъ и видъ, увеличивая или уменьшая свой объемъ.

«Между тѣмъ много совершалось достопамятныхъ подвиговъ и въ другихъ мѣстахъ, тамъ гдѣ подвизались полки Гавріила. Съ своими неустрашимыми знаменами врѣзался онъ въ густые ряды Молоха, свирѣпаго царя, который, вызывая его на брань, грозился влачить его прикованнаго

That might determine, and not need repeat,
As not of pow'r at once; nor odds appear'd
In might of swift prevention. But the sword
Of Michael from the armoury of God,
Was giv'n him temper'd so, that neither keen
Nor solid might resist that edge. It met
The sword of Satan with steep force to smite
Descending, and in half cut sheer; nor stay'd,
But with swift wheel reverse, deep ent'ring shared
All his right side: then Satan first knew pain,
And writhed him to and fro convolved; so sore
The griding sword with discontinuous wound
Pass'd through him: but th' ethereal substance closed,
Not long divisible; and from the gash
A stream of nect'rous humour issuing, flow'd
Sanguine, such as celestial Spirits may bleed,
And all his armour stain'd ere while so bright.
  Forthwith on all sides to his aid was run
By angels many and strong, who interposed
Defence, while others bore him on their shields
Back to his chariot, where it stood retired
From off the files of war: there they him laid
Gnashing for anguish, and despite, and shame,
To find himself not matchless, and his pride
Humbled by such rebuke, so far beneath
His confidence to equal God in pow'r.
  Yet soon he heal'd; for Spirits that live throughout
Vital in ev'ry part, not as frail man
All entrails, heart or head, liver or reins,
Cannot but by annihilating die;
Nor in their liquid texture mortal wound
Receive, no more than can the fluid air.
All heart they live, all head, all eye, all ear,
All intellect, all sense: and as they please,
They limb themselves: and colour, shape, or size
Assume, as likes them best, condense or rare.
  Meanwhile in other parts like deeds deserved
Memorial, where the might of Gabriel fought,
And with fierce ensigns pierced the deep array
Of Moloch, furious king; who him defy'd,
And at his chariot-wheels to drag him bound

Впервые узналъ Сатана боль; въ судорогахъ метался онъ туда и сюда.

Пѣснь 6. стр. 126.

. . . . Then Satan first knew pain,
And writhed him to and fro convolved.

G. Doré
Pisan.

къ колесамъ своей колесницы. Самого святого имени Бога не щадилъ богохульный языкъ. Но, вдругъ разсѣченный до пояса, онъ бѣжитъ съ разбитымъ оружіемъ, рыча отъ неиспытанной еще боли. На обоихъ крылахъ, Уріилъ и Рафаилъ побѣждаютъ Адрамелеха и Асмодея [127], двухъ кичливыхъ враговъ, какъ ни громадна была ихъ сила, какъ ни крѣпка алмазная броня. Пали оба могучіе Престола, негодовавшіе быть ниже Бога, но въ бѣгствѣ научившіеся смирять свои мысли, когда, несмотря на щиты и кольчуги, изнемогали отъ жестокихъ ранъ.

«И Авдіилъ не уставалъ громить нечестивое войско; въ два удара онъ сразилъ Аріила и Аріоха; стихла подъ огненными ударами ярость Рамаила [128].

«Тысячи другихъ могъ бы я тебѣ назвать и обезсмертить имена ихъ здѣсь на землѣ, но эти избранники Божіи, довольствуясь славой въ Небесахъ, не ищутъ человѣческой похвалы. И враги наши также творили чудеса геройства и силы, также жадно стремились къ славѣ, но имена ихъ изглажены изъ священной книги Небесъ; пусть навѣкъ остаются они безъ имени, во мракѣ забвенія: таковъ ихъ жребій! Не хвалы заслуживаетъ сила, когда она не на сторонѣ правды, а порицанія и позора, какъ ни заносчиво, тщеславная, стремится она къ славѣ и думаетъ достигнуть этого безчестіемъ: и такъ, вѣчное забвеніе да будетъ ихъ удѣломъ.

«Теперь, когда усмирены были главные вожди, вражескіе полки дрогнули; въ нихъ распространился безпорядокъ, смятеніе. Все поле усѣялось разбитымъ оружіемъ; опрокинутыя колесницы съ ихъ вождями и огненными взмыленными конями грудами лежали другъ на другѣ. Тѣ, что еще держались, въ безсиліи отступали сквозь изнеможенные ряды сатанинскаго войска, которое едва могло защищаться. Впервые познавъ страхъ и боль, блѣднѣя, позорно бѣгутъ они; въ такое бѣдствіе ввергъ грѣхъ ослушанія этихъ ангеловъ, не знавшихъ до той поры, что значитъ бѣгство, страхъ или страданіе.

«Не то было съ несокрушимымъ святымъ воинствомъ. Твердо наступало оно четырехсторонней фалангой, неразрозненное, неуязвимое, въ не-

Threaten'd; nor from the Holy One of Heav'n
Refrain'd his tongue blasphemous; but anon
Down cloven to the waist, with shatter'd arms
And uncouth pein fled bellowing. On each wing
Uriel and Raphaël his vaunting foe,
Though huge, and in a rock of diamond arm'd,
Vanquish'd Adramelech and Asmadai,
Two potent Thrones, that to be less than Gods
Disdain'd, but meaner thoughts learn'd in their flight,
Mangled with ghastly wounds through plate and mail.
Nor stood unmindful Abdiel to annoy
The atheist crew, but with redoubled blow
Ariel and Arioch, and the violence
Of Ramiel scorch'd and blasted overthrew.
I might relate of thousands, and their names
Eternize here on earth; but those elect
Angels, contented with their fame in Heaven,
Seek not the praise of men. The other sort
In might though wondrous, and in acts of war,
Nor of renown less eager, yet by doom
Cancell'd from Heaven and sacred memory
Nameless in dark oblivion let them dwell.
For strenght from truth divided and from just,
Illaudable, nought merits but dispraise
And ignominy; yet to glory aspires
Vain-glorious, and through infamy seeks fame:
Therefore eternal silence be their doom.
And now their mightiest quell'd, the battle swerved,
With many an inroad gored; deformed rout
Enter'd, and foul disorder: all the ground
With shiver'd armour strewn, and on a heap
Chariot and charioteer lay overturn'd,
And fiery foaming steeds: what stood, recoil'd
O'erwearied, through the faint Satanic host
Defensive scarce, or with pale fear surprised,
Then first with fear surprised and sense of pain,
Fled ignominious, to such evil brought
By sin of disobedience, till that hour
Not liable to fear, or flight, or pain.
Far otherwise th'-inviolable Saints
In cubic phalanx firm advanced entire,

проницаемыхъ броняхъ: такое высокое преимущество надъ врагомъ дала имъ непорочность; за то что они не согрѣшили, за то что они не ослушались, они оставались въ бою неутомимы, и хотя нѣкоторые яростью битвы вытѣснялись изъ строя, но не испытывали боли отъ ранъ.

«Уже ночь наступала, распространяя темноту надъ Небомъ; съ ней вмѣстѣ водворился благотворный отдыхъ и смолкъ ужасный шумъ брани. Скрылись подъ сумрачнымъ покровомъ и побѣдители, и побѣжденные. Михаилъ съ своими побѣдоносными Ангелами расположился станомъ на полѣ битвы и поставилъ кругомъ стражу изъ пламенныхъ Херувимовъ. Съ другой стороны, Сатана съ своими мятежниками, углубляясь далѣе и далѣе, совсѣмъ исчезъ во мракѣ. Но не вѣдаетъ онъ покоя: среди ночи сзываетъ онъ на совѣтъ своихъ полководцевъ, и безъ смущенія начинаетъ рѣчь:

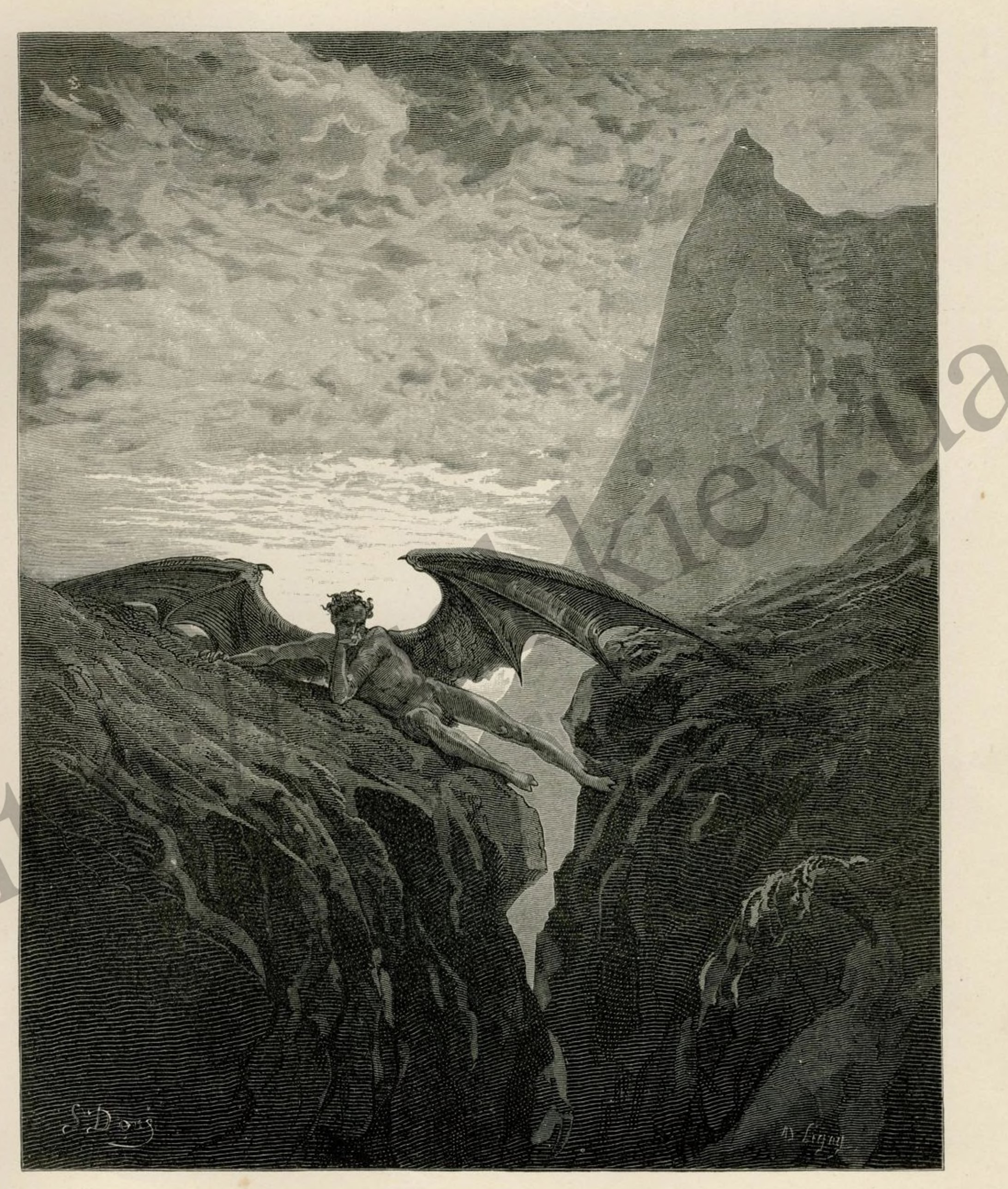
«О вы, дорогіе сподвижники, испытанные теперь въ опасностяхъ и доказавшіе, что вы непобѣдимы въ брани, достойны вы не только свободы,—слишкомъ малое требованіе,—но всего, къ чему мы стремимся: почестей, владычества, славы! Цѣлый день вы стойко держались въ сомнительномъ бою! (если это возможно было одинъ день, отчего не можетъ быть такъ всю вѣчность?) Съ высоты Своего трона, Властелинъ Небесъ послалъ на насъ все, что было сильнѣйшаго, считая эти силы достаточными для покоренія насъ Своей волѣ. Но Онъ ошибся! и такъ, Онъ можетъ ошибаться въ грядущемъ, хотя до сихъ поръ считался всевѣдущимъ. Правда, слабѣйшіе по оружію, мы потерпѣли неудачу, познали невѣдомую раньше боль; но узнавъ, мы ее тотчасъ же презрѣли; мы знаемъ теперь, что наше эѳирное существо не подвержено смертельному пораженію, что оно неразрушимо; сколько бы язвъ ни пронзило его, оно быстро исцѣляется собственною силою. Противъ столь ничтожнаго зла немудрено придумать средство. Быть можетъ, въ слѣдующей битвѣ, лучше вооруженные, сильнѣйшимъ оружіемъ мы поправимъ свое дѣло, ухудшимъ положеніе врага, или по крайней мѣрѣ возстановимъ то равенство, которое должно быть между нами по закону природы. Если же въ другой, скрытой причинѣ заключается ихъ превосходство, поспѣшимъ въ общемъ совѣтѣ, внима-

Invulnerable, impenetrably arm'd:
Such high advantages their innocence
Gave them above their foes, not to have sinn'd,
Not to have disobey'd: in fight they stood
Unwearied, unobnoxious to be pain'd
By wound, tho' from their place by violence moved.
Now Night her course began, and over Heaven
Inducing darkness, grateful truce impossed,
And silence on the odious din of war.
Under her cloudy covert both retired,
Victor and vanquish'd, on the foughten field
Michaël and his angels prevalent
Encamping, placed in guard their watches round,
Cherubic waving fires. On th' other part
Satan with his rebellious disappear'd,
Far in the dark dislodged; and void of rest,
His potentates to council call'd by night;
And in the midst thus undismay'd began:
O now in danger try'd, now known in arms,
Not to be overpow'r'd, Companions dear,
Found worthy not of liberty alone,
Too mean pretence, but what we more affect,
Honour, dominion, glory, and renown;
Who have sustain'd one day in doubtful fight
(And if one day, why not eternal days?)
What Heaven's Lord had pow'rfullest send
Against us from about his throne, and judged
Sufficient to subdue us to his will,
But proves not so: then fallible, it seems,
Of future we may deem him, though till now
Omniscient thought. True is, less firmly arm'd,
Some disadvantage we endured and pain,
Till now not known; but known, as soon contemn'd;
Since now we find this our empyreal form
Incapable of mortal injury,
Imperishable, and though pierced with wound
Soon closing, and by native vigour heal'd.
Of evil then so small, as easy think
The remedy; perhaps more valid arms,
Weapons more violent, when next we meet,
May serve to better us, and worse our foes;
Or equal what between us made the odds,
In nature none. If other hidden cause
Left them superior, while we can preserve

Уже ночь наступала.

Пѣснь 6. стр. 128.

Now Night her course began . . . .

Михаилъ съ своими побѣдоносными Ангелами расположился станомъ на полѣ битвы и поставилъ кругомъ стражу изъ пламенныхъ Херувимовъ.

Пѣснь 6. стр. 128.

. . . . On the foughten field
Michaël and his angels prevalent
Encamping, placed in guard their watches round,
Cherubic waving fires. . . . .

тельнымъ изслѣдованіемъ открыть эту причину, пока не затмился нашъ разумъ, нашъ здравый разсудокъ.»

«Онъ сѣлъ; за нимъ встаетъ Низрохъ [129], первый изъ князей. Измученный, съ раздробленнымъ, смятымъ оружіемъ, онъ имѣлъ видъ воина, бѣжавшаго съ поля жестокой битвы. Онъ мрачно возражаетъ:

«Избавитель отъ новыхъ Владыкъ, ты ведешь насъ къ свободѣ, ты хочешь завоевать намъ наши божественныя права: но и для самихъ боговъ тяжелъ и слишкомъ неравенъ этотъ бой противъ врага неуязвимаго, нечувствительнаго къ боли. Такое неравенство грозитъ намъ неминуемой гибелью. Къ чему послужатъ намъ мужество и сила, хотя бы и несравненныя, когда ихъ побѣждаетъ страданіе, которое покоряетъ себѣ все и заставляетъ опускаться самыя могучія руки? Можетъ быть, мы могли бы отказаться отъ чувства наслажденія жизнію и, не сѣтуя, жили бы довольные: а это самая спокойная жизнь; но страданіе есть верхъ несчастія, ужаснѣйшее изъ золъ, и доходя до крайней степени, превосходитъ всякое терпѣніе. Кто вымыслитъ средство, какимъ мы могли бы ранить неуязвимаго до сихъ поръ врага, или дастъ намъ оружіе одинаковой силы,— тому, по моему мнѣнію, мы будемъ обязаны не менѣе чѣмъ нашему избавителю.»

«На это Сатана отвѣчаетъ съ спокойнымъ взоромъ: «То, что ты справедливо считаешь столь важнымъ для нашего успѣха, уже придумано мною. Кто изъ насъ, созерцая блестящую поверхность этой эѳирной почвы, на которой мы стоимъ, этой обширной тверди, украшенной растеніями, плодами, цвѣтами съ благоуханіемъ амврозіи, драгоцѣнными каменьями и золотомъ,—кто смотритъ на эти вещи столь поверхностнымъ окомъ, чтобъ не размыслить о томъ, какъ онѣ зарождаются въ глубокихъ нѣдрахъ земли? Изъ кипящей огненной пѣны возникаютъ черныя, грубыя сѣмена; когда же ихъ коснется небесный лучъ, оживотворенные имъ, они выходятъ на поверхность и развиваются во всей красѣ при озаряющемъ ихъ свѣтѣ.

«Вотъ это-то вещество, насыщенное внутреннимъ огнемъ, похитимъ мы изъ его мрачнаго глубокаго родника, крѣпко сожмемъ его въ пустыхъ стволахъ, длинныхъ и круглыхъ, и съ другого отверстія зажжемъ его;

Unhurt our minds and understanding sound,
Due search and consultation will disclose.
He sat; and in th' assembly next upstood
Nisroch, of principalities the prime.
As one he stood escaped from cruel fight,
Sore toil'd, his riven arms to havoc hewn,
And cloudy in aspect, thus answ'ring spake:
Deliverer from new Lords, leader to free
Enjoyment of our right as Gods: yet hard
For Gods, and too unequal work we find,
Against unpain'd, impassive; from which evil
Ruin must needs ensue; for what avails
Valour or strength, though matchless, quell'd with pain
Which all subdues, and makes remiss the hands
Of mightiest? Sense of pleasure we may well
Spare out of life perhaps, and not repine,
But live content, which is the calmest life:
But pain is perfect misery, the worst
Of evils, and excessive, overturns
All patience. He who therefore can invent
With what more forcible we may offend
Our yet unwounded enemies, or arm
Ourselves with like defence, to me deserves
No less than for deliverance what we owe.
Whereto, with look composed, Satan reply'd:
Not uninvented that, which thou aright
Believ'st so main to our success, I bring.
Which of us who beholds the bright surface
Of this ethereous mould whereon we stand,
This continent of spacious Heav'n, adorn'd
With plant, fruit, flow'r ambrosial, gems, and gold;
Whose eye so superficially surveys
These things, as not to mind from whence they grow
Deep under ground, materials dark and crude,
Of spirituous and fiery spume, till touch'd
With Heaven's ray, and temper'd, they shoot forth
So bounteous, op'ning to the ambient light?
These in their dark nativity the deep
Shall yield us, pregnant with infernal flame;
Which into hollow engines, long and round,

лишь только огонь прикоснется къ нему, мгновенно расширясь, стремительно, съ громовымъ трескомъ вырвется оно, разрушая все на своемъ пути, и разорветъ враговъ на части. Въ страхѣ, они подумаютъ, что мы обезоружили Громовержца, Который Одинъ владѣетъ этимъ страшнымъ оружіемъ. Нашъ трудъ не потребуетъ много времени; мы окончимъ его до утра. И такъ, мужайтесь, отбросимъ страхъ; къ силѣ присоединивъ разумъ, мы ничего не должны считать труднымъ, а тѣмъ менѣе приходить въ отчаяніе.»

«Онъ кончилъ, и слова его вновь пробудили упавшую бодрость и оживили ослабѣвшія надежды. Всѣ дивились открытію; каждый недоумѣвалъ, какъ ему не пришло этой мысли; разъ открытое средство казалось теперь столь простымъ, между тѣмъ какъ раньше большинство сочло бы его невозможнымъ. Быть можетъ, въ грядущіе вѣка, если зло проникнетъ въ міръ, одинъ изъ твоихъ сыновъ, Адамъ, для своихъ злобныхъ цѣлей, по дьявольскому наущенію, изобрѣтетъ подобное оружіе на муку сыновъ человѣческихъ, которые, узнавъ грѣхъ, будутъ воевать и уничтожать другъ друга.

«Не медля изъ совѣта летятъ они къ работѣ; никто не противится; безчисленныя руки готовы. Въ одну минуту глубоко перерываютъ они огромное пространство небесной почвы, и тамъ, въ глубинѣ, видятъ первобытные элементы природы въ ихъ грубыхъ зачаткахъ; они находятъ пѣну селитры и сѣры, смѣшиваютъ ихъ, пережигаютъ хитрымъ способомъ и, очистивъ, превращаютъ въ черныя зерна, и насыпаютъ ихъ цѣлыя груды.

«Одни разрываютъ скрытыя жилы металловъ и камней (такъ же устроена внутренность и этой земли), изъ нихъ куютъ они орудія и дѣлаютъ ядра, вѣстники разрушенія; другіе добываютъ зажигательные фитили, одного прикосновенія которыхъ достаточно для гибельнаго залпа. Такъ, до разсвѣта, безъ всякаго свидѣтеля, кромѣ ночи, въ величайшей тайнѣ, окончили они свою работу и все привели въ порядокъ осторожно, безмолвно, не возбудивъ ничьего подозрѣнія.

«Лишь только прекрасное утро появилось на восточной сторонѣ Не-

Thick ramm'd, at th' other bore with touch of fire
Dilated and infuriate, shall send forth
From far, with tund'ring noise among our foes,
Such implements of mischief, as shall dash
To pieces, and o'erwhelm whatever stands
Adverse, that they shall fear we have disarm'd
The Thund'rer of his only dreaded bolt.
Nor long shall be our labour; yet ere dawn,
Effect shall end our wish. Meanwhile revive;
Abandon fear; to strength and council join'd
Think nothing hard, much less to be despair'd.
He ended, and his words their drooping cheer
Enlighten'd, and their languish'd hope revived.
Th' invention all admired, and each, how he
To be th' inventor miss'd, so easy it seem'd
Once found, which yet unfound most would have thought
Impossible; yet haply of thy race
In future days, if malice should abound,
Some one intent on mischief, or inspired
With dev'lish machination, might devise
Like instrument to plague the sons of men
For sin, on war and mutual slaughter bent.
Forthwith from council to the work they flew,
None arguing stood; innumerable hands
Were ready; in a moment up they turn'd
Wide the celestial soil, and saw beneath
Th' originals of nature in their crude
Conception; sulphurous and nitrous foam
They found, they mingled, and with subtle art,
Concocted and adjusted they reduced
To blackest grain, and into store convey'd.
Part hidden veins digg'd up (nor hath this earth
Entrails unlike) of mineral and stone,
Whereof to found their engines and their balls
Of missive ruin; part incentive reed
Provide, pernicious with one touch to fire.
So all ere day-spring, under conscious night,
Secret they finish'd, and in order set,
With silent circumspection unespy'd.
Now when fair morn orient in Heav'n appear'd,

бесъ, встали побѣдоносные Ангелы; утренняя труба призываетъ къ оружію! Быстро сбирается блестящее воинство въ полныхъ доспѣхахъ, сіяющихъ золотомъ. Нѣкоторые съ высоты холмовъ озираютъ мѣстность сквозь первый проблескъ утра, и развѣдчики въ легкомъ вооруженіи разсыпаются во всѣ стороны, чтобъ узнать — далеко ли врагъ, гдѣ его станъ, бѣжалъ онъ или готовится къ битвѣ, идетъ или стоитъ на мѣстѣ? Вскорѣ они завидѣли его: медленнымъ шагомъ, но густо сомкнутыми рядами, шли вражескіе полки, распустивъ знамена. Поспѣшно летитъ назадъ Зофіилъ, самый быстрокрылый изъ Херувимовъ, и среди воздуха громко восклицаетъ:

«Къ оружію, воины, къ оружію! врагъ близокъ! Напрасно мы думали, что онъ обратился въ бѣгство; сегодня онъ избавляетъ насъ отъ труда преслѣдовать его. Не бойтесь, онъ не бѣжалъ; онъ идетъ, какъ черная туча; на лицахъ у всѣхъ увѣренность и мрачная рѣшимость. Крѣпче утвердите адамантовыя латы, надежнѣй надвиньте шлемы; подымая или опуская широкій щитъ, крѣпче держите его. По всѣмъ признакамъ, не мелкій дождь стрѣлъ посыплется на насъ сегодня, но, подобно страшной бурѣ, огненныя, полетятъ онѣ на насъ.»

«Такъ предостерегалъ онъ свѣтлое воинство; всѣ сами знали опасность. Быстро построясь въ боевой порядокъ, отбросивъ все, что могло имъ замедлить движеніе, тронулись впередъ легіоны. Вдругъ видятъ: невдалекѣ приближаются къ нимъ необъятныя массы вражескихъ войскъ; тяжело ступали они, влача въ серединѣ свои адскія орудія, окруженныя со всѣхъ сторонъ густыми рядами всадниковъ, чтобы скрыть хитрость. Увидѣвъ другъ друга, обѣ рати стали; но вдругъ Сатана появляется во главѣ своихъ войскъ, и слышно было его громкое повелѣніе:

«Передніе ряды, раздвиньтесь вправо и влѣво, пусть видятъ всѣ, кто насъ ненавидитъ, какъ мы ищемъ примиренія; съ открытой грудью стоимъ мы, готовые принять ихъ въ объятія, если они не отвергнутъ ихъ и ожесточенно не обратятъ къ намъ тыла. Въ этомъ я сомнѣваюсь. Но, что бы ни случилось, Небо свидѣтель, будь свидѣтель, о Небо! съ нашей стороны предложеніе радушно. Вы, кого я назначилъ, къ дѣлу! Коснитесь слегка того, что мы предлагаемъ, но громко, чтобы всѣ могли слышать.»

Up rose the victor Angels, and to arms
The matin-trumpet sung. In arms they stood
Of golden panoply, refulgent host,
Soon banded: others from the dawning hills
Look'd round, and scouts each coast light-armed scour,
Each quarter, to descry the distant foe,
Where lodged, or wither fled, or if for fight,
In motion or in halt. Him soon they met
Under spread ensigns moving nigh, in slow
But firm battalion. Back with speediest sail
Zophiel, of Cherubim the swiftest wing,
Came flying, and in mid-air aloud thus cry'd:
Arm, Warriors, arm for fight: the foe at hand,
Whom fled we thought, will save us long pursuit
This day. Fear not his flight: so thick a cloud
He comes, and settled in his face I see
Sad resolution and secure. Let each
His adamantine coat gird well, and each
Fit well his helm, gripe fast his orbed shield,
Borne ev'n or high; for this day will pour down,
If I conjecture aught, no drizzling show'r,
But rattling storm of arrows barb'd with fire.

So warn'd he them, aware themselves, and soon
In order, quit of all impediment;
Instant without disturb they took alarm,
And onward moved embattled; when behold,
Not distant far with heavy pace the foe
Approaching gross and huge, in hollow cube
Training his devilish engin'ry, impaled
On ev'ry side with shadowing squadrons deep,
To hide the fraud. At interview both stood
A while; but suddenly at head appear'd
Satan, and thus was heard commanding loud:
Vanguard, to right and left the front unfold,
That all may see who hate us, how we seek
Peace and composure, and with open breast
Stand ready to receive them, if they like
Our overture, and turn not back perverse;
But that I doubt. However witness Heaven,
Heav'n witness thou anon, while we discharge
Freely our part; ye who appointed stand,
Do as ye have in charge, and briefly touch
What we propound, and loud that all may hear.

«Такъ издѣваясь, едва окончилъ онъ загадочныя слова, какъ вправо и влѣво раздвинулись передніе ряды, отойдя къ флангамъ. Вдругъ что-то невиданное, странное открылось нашимъ взорамъ: въ три ряда, возвышаясь другъ надъ другомъ, лежали на колесахъ столбы мѣдные, желѣзные, каменные съ виду—всего скорѣе можно было принять это за столбы, или выдолбленные и очищенные отъ вѣтвей стволы срубленныхъ въ лѣсу дубовъ и сосенъ, если бы ужасное отверстіе ихъ не разѣвало на насъ широкой пасти и не предвѣщало коварнаго перемирія. За каждымъ орудіемъ стоялъ Серафимъ; въ рукѣ держалъ онъ трость съ зажженнымъ концомъ. Мы стояли въ ожиданіи, колеблясь между неизвѣстностію и удивленіемъ. Но не долго! Вдругъ всѣ эти Серафимы протянули впередъ свои трости и чуть-чуть прикоснулись ими къ узкимъ отверстіямъ тѣхъ столбовъ. Мгновенно заревомъ вспыхнуло Небо и тотчасъ же стемнѣло въ клубахъ дыма; глубокія пасти адскихъ машинъ, изрыгавшія ихъ, дикимъ ревомъ своимъ потрясали воздухъ и разрывали свои собственныя внутренности, выбрасывая адское пламя, пучки громовыхъ стрѣлъ и градъ желѣзныхъ шаровъ. Они направлены были въ ряды побѣдоноснаго войска, и поражали съ такою неистовой силой, что воины, стоявшіе прежде непоколебимо какъ скалы, не могли устоять противъ нихъ и валились тысячами. Ангелы, Архангелы падаютъ другъ на друга; тяжелые доспѣхи увеличиваютъ ихъ бѣдствіе; безъ этихъ броней, какъ Духи, они легко могли бы избѣгнуть ужасныхъ ударовъ, быстро удалясь или внезапно уменьшивъ свой объемъ; теперь же всѣ пришли въ постыдное смятеніе, всѣ ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. Тщетно расширяютъ они прежде столь тѣсные ряды. Что было дѣлать? Устремиться впередъ? Но они были бы со стыдомъ отброшены, опрокинуты снова, и только подвергли бы себя еще большимъ насмѣшкамъ врага. Легко было различить, какъ выступилъ впередъ другой рядъ Серафимовъ, готовясь пустить въ насъ второй залпъ громовыхъ ударовъ. Вернуться потерпѣвъ пораженіе страшило насъ всего болѣе. Сатана, понявъ наше трудное положеніе, съ насмѣшкой взываетъ къ своимъ собратьямъ:

«Друзья, что жъ не двигаются впередъ эти гордые побѣдители? А какъ

So scoffing in ambiguous words, he scarce
Had ended; when to right and left the front
Divided, and to either flank retired:
Which to our eyes discover'd, new and strange,
A triple mounted row of pillars laid
On wheels (for like to pillars most they seem'd,
Or hollow'd bodies made of oak or fir,
With branches lopt in wood or mountain fell'd)
Brass, iron, stony mold, had not their mouths
With hideous orifice gaped on us wide,
Portending hollow truce. At each, behind,
A Seraph stood, and in his hand, a reed
Stood waving, tipt with fire; while we suspense
Collected stood within our thoughts amused,
Not long, for sudden all at once their reeds
Put forth, and to a narrow vent apply'd
With nicest touch. Immediate in a flame,
But soon obscured with smoke, all Heav'n appear'd
From those deep-throated engines belch'd, whose roar
Imbowel'd with outrageous noise the air,
And all her entrails tore, disgorging foul
Their dev'lish glut, chain'd thunderbolts and hail
Of iron globes; which on the victor host
Levell'd with such impetuous fury smote,
That whom they hit, none on their feet might stand,
Though standing else as rocks, but down they fell
By thousands, Angel on Arch-Angel roll'd;
The sooner for their arms; unarm'd they might
Have easily as Spirits evanded swift
By quick contraction or remove; but now
Foul dissipation follow'd and forced rout;
Nor served it to relax their serried files.
What should they do? If on they rush'd, repulse
Repeated, and indecent overthrow
Doubled, would render them yet more despised,
And to their foes a laughter; for in view
Stood rank'd of Seraphim another row,
In posture to displode their second tire
Of thunder: back defeated to return
They worse abhorr'd. Satan beheld their plight,
And to his mates thus in derision call'd:
O Friends, why come not on these victors pround?

грозно они приближались; когда же мы радушно встрѣтили ихъ съ открытыми челомъ и грудью (что же мы могли еще сдѣлать?) и предложили имъ условія мира, вдругъ они измѣнили мысли, бѣгутъ и такъ странно кривляются, точно пляшутъ. Однако, для танцевъ движенія ихъ, кажется, нѣсколько сумасбродны; можетъ быть, они обезумѣли съ радости отъ предложеннаго мира? Но, я полагаю, еслибъ они еще разъ услышали наши предложенія, то вѣрно живо пришли бы къ рѣшенію.»

«На это Веліалъ отвѣчаетъ въ такомъ же игривомъ духѣ:

«О вождь, условія мира, что мы имъ послали, условія полновѣсныя, тяжелаго содержанія, и выражены съ такою силой, что, какъ мы видѣли, всѣхъ заняли, и многихъ сбили съ ногъ. Кто получилъ ихъ прямо въ лицо, тотъ уже навѣрное хорошо понялъ ихъ отъ головы до пятъ; если же они не будутъ поняты, то за ними есть еще одно преимущество: они показываютъ намъ, когда наши враги перестаютъ ходить прямо.»

«Такъ подшучивали они и издѣвались надъ нами; въ гордыхъ мысляхъ они считали побѣду несомнѣнной; посредствомъ ихъ изобрѣтенія, имъ казалось такъ легко сравняться съ Всевышнимъ; теперь они презирали Его громъ, смѣялись надъ Его воинствомъ, пока стояло оно въ смущеніи; но такъ стояло оно не долго. Гнѣвъ ускорилъ его рѣшимость и открылъ орудія, способныя бороться съ адскимъ оружіемъ. Вдругъ (дивись силѣ, какую вложилъ Господь въ Своихъ могучихъ Ангеловъ!) они бросаютъ оружіе, и, быстрые какъ молнія, бѣгутъ, летятъ къ отдаленнымъ горамъ (на землѣ это пріятное разнообразіе горъ и долинъ есть подражаніе Неба). Они расшатываютъ эти горы, срываютъ ихъ съ глубокаго ихъ основанія и, поднявъ за косматыя вершины, со всѣмъ, что на нихъ есть — съ утесами, рѣками, лѣсами, тащатъ ихъ въ могучихъ рукахъ.

«Вообрази смятеніе и ужасъ, объявшіе мятежныхъ воиновъ, когда они увидѣли, что на нихъ грозно идутъ горы, сорванныя съ основанія. И вотъ громады эти наваливаются на тройной рядъ ихъ проклятыхъ орудій, и глубоко погребаютъ подъ своей тяжестью всѣ ихъ надежды; потомъ пораженіе распространяется и на нихъ: громадныя скалы, мысы летятъ на ихъ головы, затмевая воздухъ, и подавляютъ цѣлые легіоны. Ихъ соб-

Ere while they fierce were coming; and when we
To entertain them fair with open front
And breast (what could we more?) propounded terms
Of compositions, straight they changed their minds,
Flew off, and into strange vagaries fell,
As they would dance; yet for a dance thy seem'd
Somewhat extravagant and wild, perhaps
For joy of offer'd peace. But I suppose,
If our proposals once again were heard,
We should compel them to a quick result.
To whom thus Belial, in like gamesome mood:
Leader, the terms we sent were terms of weight,
Of hard contents, and full of force urged home,
Such as we might perceive amused them all,
And stumbled many; who receives them right,
Had need from head to foot well understand;
Not understood, this gift they have besides,
They show us when our foes walk not upright.
So they among themselves in pleasant vein,
Stood scoffing, heighten'd in their thoughts beyond
All doubt of victory; Eternal Might
To match with their inventions they presumed
So easy, and of his thunder made a scorn,
And all his host derided, while they stood
A while in trouble: but they stood not long;
Rage prompted them at length, and found them arms
Against such hellish mischief fit to oppose
Forthwith (behold the excellence, the pow'r,
Which God hath in his mighty Angels placed!)
Their arms away they threw, and to the hills
(For earth hath this variety from Heav'n)
Of pleasure situate in hill and dale)
Light as the lightning glimpse they ran, they flew:
From their foundations loos'ning to and fro,
They pluck'd the seated hills with all their load,
Rocks, waters, woods, and, by the shaggy tops
Uplifting, bore them in their hands. Amaze,
Be sure, and terror seized the rebel host,
When coming towards them so dread they saw
The bottom of the mountains upward turn'd;
Till on those cursed engines triple-row
They saw them whelm'd, and all their confidence
Under the weight of mountains burried deep;
Themselves invaded next, and on their heads
Main promontories flung, which in the air
Came shadowing, and oppress'd whole legions arm'd.

ственнное оружіе, раздробленное, смятое, вдаваясь въ ихъ естество, причиняетъ имъ невыразимыя муки. Долго слышались ихъ тяжкіе стоны; долго боролись они подъ давившими ихъ громадами, пока могли освободиться изъ этой темницы, хотя были Духами чистѣйшаго свѣта. Да, нѣкогда были они такими, теперь же ихъ естество огрубѣло отъ ихъ преступленія.

«Слѣдуя нашему примѣру, и они прибѣгаютъ къ тѣмъ же орудіямъ: они также исторгаютъ ближайшія горы; тогда въ воздухѣ горы сталкиваются съ горами, яростно швыряемыя съ обѣихъ сторонъ, и падаютъ съ грохотомъ. Какъ бы подъ землею, сражались мы подъ ихъ грозной тѣнью. Адскій былъ шумъ и трескъ! Въ сравненіи съ этой борьбою, война показалась бы мирною забавой. Страшное смятеніе возрастало съ каждой минутой: все Небо обратилось бы въ развалины, если бы Всемогущій Отецъ, возсѣдающій въ Святилищѣ Небесъ на неприступномъ Своемъ тронѣ, Самъ не положилъ предѣла этой битвѣ. Онъ предвидѣлъ все, и допустилъ распрю, дабы исполнить Свое великое рѣшеніе: прославить Помазаннаго Сына и явить все могущество, дарованное Ему для сокрушенія враговъ. Онъ такъ вѣщаетъ Своему Сыну, Соучастнику Его трона:

«Возлюбленный Сынъ! Лучезарное сіяніе Моей славы! Сынъ, видимый образъ невидимаго Моего Божества! Твоя десница да исполнитъ Мои велѣнія.

«Второй Всемогущій, два дня протекло, два дня по небесному счету, какъ Михаилъ съ своими Силами пошелъ усмирять непокорныхъ. Ужасна ихъ брань, иною и быть она не могла между двумя подобными соперниками. Я предоставилъ ихъ собственнымъ силамъ, и Ты знаешь—Я создалъ ихъ равными, одинъ грѣхъ положилъ между ними различіе; теперь оно еще нечувствительно, такъ какъ Я отлагалъ ихъ приговоръ; поэтому брань ихъ и держится въ равновѣсіи; она вѣчно можетъ продолжаться безъ рѣшительнаго исхода.

«Утомленная война истощила всѣ свои средства, дала полную волю неукротимой ярости, горы сдѣлала оружіемъ, что грозитъ опустошить Небо и опасно для всей природы. Два дня протекли; третій принадлежитъ Тебѣ, Тебѣ опредѣлилъ Я этотъ день. Я терпѣлъ до сихъ поръ, чтобы предоставить Тебѣ славу окончанія этой великой брани: никто,

Their armour help'd their harm, crush'd in and bruis'd
Into their substance pent, which wrought them pain
Implacable, and many a dolorous groan
Long struggling underneath, ere they could wind
Out of such pris'n, though Spirits of purest light;
Purest at first, now gross by sinning grown.
The rest in imitation to like arms
Betook them, and the neighb'ring hills uptore:
So hills amid the air encounter'd hills,
Hurl'd to and fro with jaculation dire,
That under ground they fought in dismal shade:
Infernal noise! War seem'd a civil game
To this uproar: horrid confusion heap'd
Upon confusion rose: and now all Heav'n
Had gone to wrack, with ruin overspread,
Had not th' Almighty Father, where he sits
Shrined in his sanctuary of Heav'n secure,
Consulting on the sum of things, foreseen
This tumult, and permitted all, advised:
That his great purpose he might so fulfil,
To honour his anointed Son avenged
Upon his enemies, and to declare
All pow'r on him transferr'd: whence to his Son
Th' Accessor of his throne, he thus began:
Effulgence of my glory, Son beloved,
Son in whose face invisible is beheld
Visibly what by Deity I am,
And in whose hand what by decree I do.
Second Omnipotence, two days are past,
Two days, as we compute the days of Heav'n,
Since Michael and his Pow'rs went forth to tame
These disobedient. Sore hath been their fight,
As likeliest was, when two such foes met arm'd;
For to themselves I left them, and thou know'st
Equal in their creation they were form'd,
Save what sin hath impair'd, which yet hath wrought
Insensibly, for I suspend their doom;
Whence in perpetual fight they needs must last
Endless, and no solution will be found.
War wearied hath perform'd what war can do,
And to disorder'd rage let loose the reins,
With mountains as with weapons arm'd, which makes
Wild work in Heav'n, and dang'rous to the main.
Two days are therefore past; the third is thine;
For thee I have ordain'd it and thus far
Have suffer'd, that the glory may be thine

кромѣ Тебя, не можетъ укротить ее. Въ Тебя Я вложилъ такую великую силу и благость, чтобы и въ Небѣ и въ Аду всѣ познали Твое несравненное могущество. Я допустилъ это безумное возстаніе для того, чтобы Ты явилъ Себя достойнѣйшимъ Наслѣдникомъ и Царемъ: по заслуженному праву царствуешь Ты, Царь, Помазанный Мною. Гряди, Ты, Сильнѣйшій въ силѣ Твоего Отца, возсядь на Мою колесницу, со всей быстротой направь ея колеса, пусть потрясутся ими основы Небесъ, возьми все Мое ополченіе, Мой лукъ и громъ: все Мое непобѣдимое оружіе. Препояшь могучія чресла Твои мечомъ: рази этихъ сыновъ мрака, изгони ихъ изъ предѣловъ Небесъ въ глубочайшую бездну; пусть узнаютъ тамъ, какъ сами того хотѣли, что значитъ отвергать Бога и Мессію, Помазаннаго Имъ Царя!»

«Онъ рекъ, и свѣтъ Его лица прямо возсіялъ на Сына, и Сынъ неизреченно отразилъ въ Себѣ Отца. Богъ Сынъ отвѣчалъ:

«Отецъ, Владыко небесныхъ Престоловъ! О Первый, Высочайшій, Святѣйшій, о Ты, Несравненный, всегда Ты ищешь прославить Твоего Сына, Который, какъ подобаетъ, всегда славитъ Твое имя. Мою славу, величіе, все Мое счастіе полагаю Я въ томъ, чтобы Ты, довольный Мною, изрекъ, что воля Твоя исполнена; творить Твою волю, въ томъ все Мое блаженство! Скипетръ и могущество, Твои дары, Я принимаю; еще радостнѣе сложу ихъ съ Себя, когда, по окончаніи вѣковъ, Ты будешь Все во Всемъ, Я въ Тебѣ буду вѣчно, а во Мнѣ всѣ возлюбленные Тобою.

«Но кого Ты ненавидишь, Я ненавижу. Я, образъ Твой во всемъ, могу облечься Твоимъ гнѣвомъ, такъ же какъ облекаюсь Твоимъ милосердіемъ. Вооруженный Твоею силою, Я очищу Небо отъ мятежниковъ, низвергну ихъ въ приготовленное имъ печальное жилище, въ оковы тьмы, гдѣ червь ихъ не умретъ [130] за то, что могли они возстать противъ Тебя, когда повиновеніе Тебѣ есть величайшее блаженство. Тогда всѣ Твои Святые, отдѣлясь отъ нечистыхъ Духовъ, окружатъ Твою святую гору и воспоютъ Тебѣ непритворныя аллилуія, и въ гимнахъ громко восхвалятъ Твое имя: и Я буду стоять во главѣ ихъ.»

«Сказалъ Онъ, склонился на скипетръ и возсталъ съ престола, гдѣ

Of ending this great war, since none but Thou
Can end it. Into Thee such virtue and grace
Immense I have transfused, that all may know
In Heav'n and Hell thy pow'r above compare;
And this perverse commotion govern'd thus,
To manifest thee worthiest to be Heir
Of all things; to be Heir and to be King
By sacred unction, thy deserv'd right.
Go then, thou Mightiest in thy Father's might,
Ascend my chariot, guide the rapid wheels
That shake Heav'n's basis, bring forth all my war,
My bow and thunder; my almighty arms
Gird on, and sword upon thy puissant thigh:
Pursue these sons of darkness, drive them out
From all Heav'n's bounds into the utter deep;
There let them learn, as likes them, to despise
God and Messiah his anointed King.
He said, and on His Son with rays direct
Shone full; he all his Father full express'd
Ineffably into his face received;
And thus the filial Godhead answ'ring, spake:
O Father, O Supreme of Heav'nly Thrones,
First, Highest Holiest, Best, thou always seek'st
To glorify thy Son; I always thee,
As is most just; this I my glory account,
My exaltation, and my whole delight,
That thou in me well pleased, declar'st thy will
Fulfill'd; which to fulfil is all my bliss.
Sceptre and pow'r, thy giving, I assume,
And gladlier shall resign, when in thee end
Thou shalt be All in All, and I in thee
For ever, and in me all whom thou lov'st:
But whom thou hat'st, I hate, and can put on
Thy terrors, as I put thy mildness on,
Image of thee in all things; and shall soon,
Arm'd with thy might, rid Heav'n of these rebell'd
To their prepared ill mansion driv'n down,
To chains of darkness, and th' undying worm,
That from thy just obedience could revolt,
Whom to obey is happiness entire.
Then shall thy Saints unmix'd, and from th' impure
Far separate, circling thy holy mount,
Unfeigned Hallelujahs to thee sing,
Hymns of high praise: and I among them Chief.
So said, he o'er his sceptre bowing, rose

Онъ сидѣлъ одесную вѣчной Славы; и занялось въ Небесахъ третіе священное утро. Какъ вихрь понеслась колесница Отчаго Божества; густое пламя отбрасывалось отъ нея; сами собой вращались колеса, оживленныя Духомъ [131]. Четыре небесныхъ вида, подобные Херувимамъ, сопровождали колесницу: у каждаго было четыре чудныхъ лика; подобно звѣздамъ, тѣла ихъ и крылья усѣяны очами; очи блестятъ на колесахъ изъ беррила [132], и изъ нихъ сыплются искры. Надъ главами Херувимовъ хрустальный сводъ, а на немъ сафирный тронъ, выложенный чистѣйшимъ янтаремъ и всѣми цвѣтами радуги.

«Ополченный небеснымъ оружіемъ какъ лучезарнымъ Уримомъ [133], твореніемъ божественнаго искусства, восходитъ Мессія на колесницу. Одесную Его сѣла Побѣда съ орлиными крылами; на раменахъ Его виситъ лукъ и колчанъ, наполненный трехконечными громовыми стрѣлами. Кругомъ разливаются волны пламени, сыплются страшныя искры изъ густыхъ клубовъ дыма. Тысячи тысячъ Святыхъ окружаютъ Его; далеко сіяло Его шествіе. Двадцать тысячъ Господнихъ колесницъ сопровождало Его, по десяти тысячъ съ каждой стороны (я слышалъ это число). Возсѣдая на сафирномъ тронѣ, въ лучезарномъ сіяніи, величественно несся Онъ на крыльяхъ Херувимовъ, на хрустальномъ небѣ. Вѣрные Ангелы первые увидѣли Его. Неописанной радостію наполнились ихъ сердца, когда, несомое Ангелами, высоко засіяло широкое знамя Мессіи, Его великій знакъ на Небѣ. Подъ эту хоругвь быстро собираетъ Михаилъ свое далеко растянутое по обоимъ крыламъ войско, и подъ начальствомъ Божественнаго Вождя оно составляетъ одну могучую рать.

«Божественная сила очищаетъ передъ Нимъ путь; Онъ повелѣваетъ вырваннымъ горамъ возвратиться каждой на свое мѣсто, и онѣ покорно повинуются Его голосу. Небо приняло свой обычный видъ; снова улыбались холмы, и усѣялись цвѣтами долины.

«Несчастные враги видятъ все это, но продолжаютъ коснѣть въ упорствѣ; они собираютъ свои силы для мятежнаго боя. Безумцы въ отчаяніи думаютъ черпать надежду! Такая злоба возможна ли въ небесныхъ Духахъ! Но какое знаменіе убѣдитъ гордеца, какое чудо смягчитъ

From the right hand of glory where he sat;
And the third sacred morn began to shine,
Dawning through Heav'n. Forth rush'd with whirlwind sound
The chariot of paternal Deity,
Flashing thick flames, wheel within wheel undrawn,
Itself instinct with Spirit, but convoy'd
By four Cherubic shapes: four faces each
Had wondrous; as with stars their bodies all
And wings were set with eyes, with eyes the wheels
Of beryl, and careering fires between;
Over their heads a crystal firmament,
Whereon a sapphire throne, inlaid with pure
Amber, and colours of the show'ry arch.
He in celestial panoply all arm'd
Of radiant Urim, wark divinely wrought,
Ascended. At his right hand victory
Sat eagle-wing'd; beside him hung his bow
And quiver with three-bolted thunder stored;
And from about him fierce effusion roll'd
Of smoke and bick'ring flame and sparkles dire:
Attended with then thousand thousand Saints,
He onward came; far off his coming shone;
And twenty thousand (I their number heard)
Chariots of God, half on each hand were seen.
He on the wings of Cherub rode sublime
On the crystalline sky, in sapphire throned
Illustrious far and wide, but by his own
First seen; them unexpected joy surprised,
When the great ensign oi Messiah blazed
Aloft, by Angels borne, his sign in Heav'n;
Under whose conduct Michael soon reduced
His army, circumfused on either wing,
Under their Head embody'd all in one.
Before him pow'r divine his way prepared:
At his command th' uprooted hills retired
Each to his place; they heard his voice, and went
Obsequious; Heav'n his wonted face renew'd,
And with fresh flow'rets hill and valley smiled.
This saw his hapless foes, but stood obdured,
And to rebellious fight rallied their Pow'rs
Insensate, hope conceiving from despair.
In Heav'ly Spirits could such perverseness dwell?
But to convince the proud what signs avail,

закоснѣлое сердце? Что болѣе всего могло бы обратить ихъ, лишь ожесточаетъ ихъ еще сильнѣе. При видѣ славы Сына Божія, они приходятъ въ ярость; зависть терзаетъ ихъ; стремясь къ такому же величію, отважно готовятся они къ новому бою, возмечтавъ, что если не силой, то хитростію они, наконецъ, одолѣютъ Бога и Мессію или погибнутъ во всеобщей, конечной гибели. И вотъ они двинулись на послѣдній бой, презирая бѣгство или постыдное отступленіе.

«Тогда преславный Сынъ Божій такъ обращается ко всему Своему воинству, по правую и по лѣвую Его руку:

«Оставайтесь на вашихъ мѣстахъ, въ этомъ блестящемъ порядкѣ; вы, всѣ Святые, стойте спокойно; вѣрные Ангелы, да будетъ этотъ день для васъ днемъ отдохновенія. Вѣрно, безстрашно служили вы правому дѣлу; служба ваша угодна Богу; какъ было даровано вамъ, такъ и дѣйствовали вы непобѣдимо; но наказаніе мятежниковъ, проклятыхъ Богомъ, принадлежитъ другой рукѣ: Единый ихъ мститель [134] — Богъ или Тотъ, Кому Онъ поручитъ. Не число и не множество совершитъ дѣло этого дня; стойте спокойно, и вы увидите, какъ негодованіе Божіе изольется черезъ Меня на нечестивыхъ. Не васъ, Меня ненавидятъ они, Мнѣ завидуютъ, на Меня направлена вся ихъ ярость, за то, что возвеличилъ Меня Всевышній Отецъ, Которому принадлежитъ на Небеси царство и сила и слава. Поэтому и судъ надъ ними предоставилъ Онъ Мнѣ; они хотятъ въ битвѣ измѣрить со Мною свои силы: желаніе ихъ исполнится; они узнаютъ, кто сильнѣе: всѣ они вмѣстѣ противъ Меня, или Я Одинъ противъ ихъ всѣхъ. Одною силою измѣряютъ они все, не признавая другихъ достоинствъ въ своемъ владыкѣ; пусть сила рѣшитъ нашъ споръ,—другой борьбы Я ихъ не удостою.»

«Такъ сказалъ Сынъ Божій, и ликъ Его покрылся такою грозою, что ничей взоръ не могъ вынести ее, и гнѣвно обратился на враговъ. Мгновенно четыре Херувима, распустивъ звѣздныя свои крылья, простерли кругомъ ужасную тѣнь, и колеса грозной Его колесницы покатились съ шумомъ, подобнымъ шуму бурныхъ волнъ или безчисленнаго войска. Мрачный какъ ночь, мчится Онъ прямо на нечестивыхъ враговъ; подъ горя-

Or wonders move th' obdurate to relent?
They, harden'd more by what might most reclaim,
Grieving to see his glory, at the sight
Took envy; and aspiring to his heighth,
Stood re-embattled fierce, by force or fraud
Weening to prosper, and at length prevail
Against God and Messiah, or to fall
In universal ruin last; and now
To final battle drew, disdaining flight
Or faint retreat; when the great Son of God
To all his host on either hand thus spake:
  Stand still in bright array, ye Saints; here stand
Ye Angels arm'd, this day from battle rest:
Faithful hath been your warfare, and of God
Accepted, fearless in his righteous cause;
And as ye have received, so have ye done
Invincibly: but of this cursed crew
The punishment to other hand belongs:
Vengeance is his, or whose he sole appoints;
Number to this day's work is not ordain'd,
Nor multitude; stand only and behold
God's indignation on these Godless pour'd
By me; not you, but me, they have despised,
Yet envy'd. Against me is all their rage,
Because the Father,t' whom in Heav'n supreme
Kingdom and pow'r, and glory appertains,
Hath honour'd me according to his will.
Therefore to me their doom he hath assign'd;
That they may have their wish, to try with me
In battle which the stronger proves: they all,
Or I alone against them, since by strength
They measure all, of other excellence
Not emulous, nor care who them excels;
Nor other strife with them do I vouchsafe.
  So spake the Son, and into terror changed
His count'nance, too severe to be beheld,
And full of wrath bent on his enemies.
At once the Four spread out their starry wings
With dreadful shade contiguous, and the orbs
Of his fierce chariot roll'd, as with the sound
Of torrent floods, or of a num'rous host.
He on his impious foes right onward drove,
Gloomy as night: under his burning wheels

щими колесами Его колесницы все дрожитъ на неподвижной тверди небесной, все, кромѣ трона Господня. Скоро Онъ влетаетъ въ середину враговъ; въ правой Его рукѣ десять тысячъ громовъ; Онъ мечетъ ихъ передъ Собою какъ язвы, пронзающія глубь души. Ошеломленные, они лишаются способности сопротивляться; мужество покидаетъ ихъ; они бросаютъ безполезное оружіе. Онъ попираетъ щиты и шлемы, и гордыя головы павшихъ Престоловъ, распростертыхъ могучихъ Серафимовъ. О, какъ желали бы они теперь, чтобы снова были брошены на нихъ горы, чтобы подъ ними укрыться отъ Его гнѣва! Такой же страшной грозой летятъ на нихъ тучи стрѣлъ изъ очей четырехъ Четырехъ-ликихъ, изъ живыхъ колесъ, усѣянныхъ безчисленными очами. Одинъ Духъ управлялъ ими, и каждый глазъ, горя молніями, жжетъ преступниковъ палящимъ огнемъ. Послѣднія силы ихъ упадаютъ, измѣняетъ имъ обычная отвага, и въ изнеможеніи падаютъ они подъ бременемъ стыда и горя. А Онъ не явилъ еще и половины Своей силы; Онъ сдержалъ Свои громы, потому что не хотѣлъ истреблять мятежниковъ, но только навѣкъ изгнать ихъ изъ Неба. Онъ поднялъ поверженныхъ ницъ, и какъ робкое стадо козлищъ, отъ страха тѣснящихся другъ къ другу, погналъ ихъ передъ Собою, разя громами. Такъ преслѣдовалъ Онъ ихъ всѣми ужасами страха до самыхъ предѣловъ хрустальной ограды Неба. Широко разверзлась она въ обѣ стороны, и въ это обширное отверстіе открылся ихъ взорамъ зіяющій мракъ пучины.

«При видѣ чудовищной бездны, они съ ужасомъ отступаютъ назадъ; но снова отпрянувъ отъ большаго еще ужаса, сами бросаются стремглавъ съ края Небесъ и, объятые пламенемъ вѣчнаго гнѣва, летятъ въ бездонную пропасть.

«Адъ услышалъ нестерпимый грохотъ; Адъ увидѣлъ Небеса, низвергающіяся съ Небесъ, и бѣжалъ бы отъ ужаса, но слишкомъ глубоко было мрачное его основаніе, и слишкомъ крѣпко былъ онъ прикованъ тамъ неумолимой Судьбою.

«Девять дней низвергались они: встревоженный Хаосъ ревѣлъ, и въ десять разъ увеличился его безпорядокъ, когда летѣли они черезъ его

The steadfast empyréan shook throughout
All but the throne itself of God. Full soon
Among them he arrived; in his right hand
Grasping ten thousand thunders, which he sent
Before him, such as in their souls infix'd
Plagues. They astonish'd all resistance lost,
All courage; down their idle weapons dropt,
O'er shields and helms and helmed heads he rode
Of Thrones and mighty Seraphim prostráte,
That wish'd the mountains now might be again
Thrown on them, as a shelter from his ire.
Nor less on either side tempestuous fell
His arrow, from the fourfold-visaged Four,
Distinct with eyes and from the living wheels
Distinct alike with multitude of eyes;
One Spirit in them ruled, and ev'ry eye
Glared lightning, and shot forth pernicious fire
Among th' accursed, that wither'd all their strength.
And of their wonted vigour left them drain'd,
Exhausted, spiritless, afflicted, fall'n.
Yet half his strenght he put not forth, but scheck'd
His thunder in mid volley; for he meant
Not to destroy, but root them out of Heav'n.
The overthown he raised, and, as a herd
Of goats or tim'rous flock together throng'd,
Drove them before him thunder-struck, pursued
With terrors and with furies to the bounds
And crystal wall of Heav'n; which opening wide,
Roll'd inward, and a spacious gap disclosed
Into the wasteful deep. The monstrous sight
Struck them with horror backward, but far worse
Urged them behind: headlong themselves they threw
Down from the verge of Heav'n; eternal wrath
Burnt after them to the bottomless pit.
Hell heard th' unsufferable noise; Hell saw
Heav'n ruining from Heav'n, and would have fled
Affrighted; but strict Fate had cast too deep
Her dark foundations, and too fast had bound.
Nine days they fell: confounded Chaos rear'd,
And felt tenfold confusion in their fall

Девять дней низвергались они........

Пѣснь 6. стр. 138.

Nine days they fell........

Наконецъ Адъ принялъ ихъ въ свою разверстую пасть и, поглотивъ добычу, закрылся.

Пѣснь 6, стр. 139.

. . . . Hell at last
Yawning, received them whole, and on them closed.

Gve Doré
HOTELIN

дикое царство; такимъ разрушеніемъ грозило всему это страшное паденіе. Наконецъ Адъ принялъ ихъ въ свою разверстую пасть и, поглотивъ добычу, закрылся: Адъ, горящій неугасимымъ огнемъ, обитель страданій и скорби, достойное ихъ жилище. Успокоенныя Небеса радовались, небесная стѣна сошлась снова, и отверстіе въ ней быстро заградилось.

«Изгнавъ враговъ, Мессія, Единый Побѣдитель, обратилъ назадъ побѣдоносную колесницу; навстрѣчу Ему, съ кликами восторга, идутъ всѣ Святые, неподвижно и безмолвно взиравшіе на Его великіе подвиги; всѣ блестящіе легіоны шли по порядку, осѣненные пальмовыми вѣтвями, воспѣвая Его побѣду, славя Его, побѣдоноснаго Царя, Сына Божія и Господа, Кому дано владычество, какъ достойнѣйшему Владыкѣ.

«Въ славѣ, торжественно проносится Онъ посреди Неба къ Всемогущему Отцу, возсѣдающему на тронѣ въ своей обители на высотѣ высотъ. Отецъ принялъ Сына въ сіяніе славы, гдѣ Онъ пребываетъ нынѣ одесную вѣчнаго блаженства.

«Такъ, облекая небесныя вещи земными образами, исполнилъ я твою просьбу, Адамъ, для того чтобы прошедшее послужило тебѣ урокомъ въ будущемъ. Я открылъ тебѣ то, что быть можетъ навѣки оставалось бы скрытымъ отъ людского рода: раздоръ и войну на Небѣ между ангельскими Силами, глубокое паденіе тѣхъ, что стремились слишкомъ высоко и возстали вмѣстѣ съ Сатаною, этимъ мятежникомъ, который теперь измышляетъ какъ бы погубить тебя. Онъ завидуетъ твоему блаженному состоянію и хочетъ соблазнить тебя на ослушаніе для того, чтобы, лишенный счастія, ты раздѣлилъ его кару, вѣчныя муки: онъ насмѣялся бы надъ Творцомъ, сдѣлавъ тебя участникомъ своего бѣдствія, и это мщеніе было бы для него величайшей отрадой. Но не слушай его обольщеній, предостерегай твою подругу, какъ слабѣйшую. Да послужитъ тебѣ урокомъ примѣръ страшной кары за ослушаніе. Они могли бы остаться твердыми, однако пали; помни это, и страшись преступленія.»

Through his wild anarchy, so huge a rout
Incumber'd him with ruin. Hell at last
Yawning, received them whole, and on them closed:
Hell, their fit habitation, fraught with fire
Unquenchable, the house of woe and pain.
Disburden'd Heav'n rejoiced, and soon repair'd
Her mural breach, returning whence it roll'd.
Sole victor from th' expulsion of his foes,
Messiah his triumphal chariot turn'd:
To meet him, all his saints, who silent stood
Eye-witnesses of his almighty acts,
With jubilee advanced; and as they went,
Shaded with branching palm, each order bright,
Sung triumph, and him sung victorious King,
Son, Heir, and Lord, to him dominion given,
Worthiest to reign. He celebrated rode
Triumphant through mid Heav'n, into the courts
And temple of his Mighty Father throned
On high; who into glory him received;
Where now he sits at the right hand of bliss.

Thus measuring things in Heav'n by things on Earth,
At thy request, and that thou may'st beware
By what is past, to thee I have reveal'd
What might have else to human race been hid;
The discord which befel, and war in Heav'n
Among th' Angelic Pow'rs, and the deep fall,
Of those too high aspiring, who rebell'd
With Satan; he who envies now thy state,
Who now is plotting how he may seduce
Thee also from obedience, that with him
Bereaved of happiness thou may'st partake
His punishment, eternal misery:
Which would be all his solace and revenge,
As a despite done against the Most High,
Thee once to gain companion of his woe.
But listen not to his temptations, warn
Thy weaker; let it profit thee to have heard,
By terrible example, the reward
Of disobedience. Firm they might have stood,
Yet fell; remember, and fear to transgress.

ПѢСНЬ 7-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Рафаилъ, по просьбѣ Адама, разсказываетъ какъ и для чего былъ созданъ міръ: Богъ, изгнавъ изъ Неба Сатану и его Ангеловъ, изъявляетъ желаніе создать другой міръ и другихъ существъ, чтобы населить его.—Онъ со славой посылаетъ Сына Своего, окруженнаго многочисленными Ангелами, совершить дѣло творенія въ шесть дней; Ангелы въ гимнахъ прославляютъ дѣла рукъ Его и возвращеніе Его на Небеса.

СОЙДИ съ Небесъ, Уранія [135]), если справедливо называть тебя этимъ именемъ! Вдохновенный твоимъ божественнымъ голосомъ, я вознесся выше Олимпа, выше полета крыльевъ Пегаса. Но не имя твое призываю, а духъ твой! Ты не принадлежишь къ девяти музамъ, жилище твое не на вершинѣ древняго Олимпа, ты рождена небомъ: прежде чѣмъ возникли горы или потекли рѣки, ты вела бесѣду съ вѣчною Премудростію, съ Премудростію, твоею сестрою, и пѣла съ ней вмѣстѣ передъ Всемогущимъ Отцомъ, плѣняя Его небеснымъ пѣніемъ. Вознесенный тобою, я, земной странникъ, дерзко проникъ въ Небеса Небесъ, вдыхалъ эмпирейный воздухъ, который ты смягчила для меня. Теперь съ такой же безопасностію низведи меня къ родной моей стихіи, чтобы съ крылатаго коня, мчащагося безъ узды, не пасть мнѣ на поля Ликійскія (какъ нѣкогда Беллеро-

BOOK 7. THE ARGUMENT.

Raphael, at the request of Adam, relates how and wherefore this world was first created: that God, after the expelling of Satan and his Angels out of Heaven, declared his pleasure to create another world and other creatures to dwell therein; sends his Son with glory and attendance of Angels to perform the work of creation in six days: the Angels celebrate with hymns the performance thereof, and his reascension into Heaven.

Descend from Heav'n, Urania, by that name
If rightly thou art call'd, whose voice divine
Following, above th' Olimpian hill I soar,
Above the flight of Pegasean wing.
The meaning, not the name I call: for thou
Nor of the Muses nine, nor on the top
Of old Olympus dwell'st, but heav'nly born:
Before the hills appear'd, or fountain flow'd,
Thou with eternal Wisdom didst converse,
Wisdom thy sister, and with her didst play
In presence of th' Almighty Father, pleased
With thy celestial song. Up led by thee
Into the Heav'n of Heav'ns I have presumed,
An earthly guest, and drawn empyreal air,
Thy temp'ring. With like safety guided down,
Return me to my native element;
Lest from this flying steed, unrein'd (as once
Bellerophon. though from a lower clime),

фонъ [136], хотя тотъ палъ съ низшей сферы), не зная, въ отчаяніи, куда направить блуждающія стопы. Еще столько же осталось мнѣ воспѣть, но въ болѣе тѣсныхъ границахъ видимой дневной сферы. Остановясь на землѣ, я не буду болѣе уноситься въ высшіе полюсы; болѣе безопасно буду я пѣть голосомъ смертнаго; не лишился онъ звучности, не онѣмѣлъ, хотя и выпали мнѣ на долю дурные дни, да, выпали мнѣ дурные дни. Живу я среди злыхъ языковъ, во мракѣ, въ одиночествѣ, окруженный опасностями. Но нѣтъ, не одинокъ я, пока посѣщаешь ты мои грезы, когда ложится ночная тѣнь или когда алѣетъ заря на востокѣ. Руководи мою пѣснь, Уранія! доставь мнѣ достойныхъ, хотя и не многочисленныхъ слушателей; но отдали отъ меня буйные крики Бахуса и его шумной ватаги, этого племени дикихъ варваровъ, растерзавшихъ въ Родопѣ Ѳракійскаго пѣвца [137], котораго съ восторгомъ слушали лѣса и горы, пока дикіе крики не заглушили и арфы, и голоса пѣвца. Муза не могла спасти своего сына. Но ты не оставишь безъ помощи того, кто тебя призываетъ: ты—дочь Неба, та была одна пустая мечта.

Повѣдай, богиня, что произошло, когда Рафаилъ, дружелюбный Архангелъ, страшнымъ примѣромъ того, что постигло на Небѣ вѣроломныхъ, предостерегъ Адама не нарушать заповѣдей Божіихъ, чтобы въ Раю Адамъ съ своимъ потомствомъ не подверглись такой же участи, если будетъ пренебрежена заповѣдь Господня—не прикасаться къ запрещенному дереву, эта единственная заповѣдь, которую такъ легко было соблюсти при столь огромномъ выборѣ всего, что могло услаждать вкусъ, какъ бы прихотливъ онъ ни былъ.

Адамъ и его подруга съ вниманіемъ слушали Ангела. Они были поражены и глубоко задумались надъ разсказомъ о такихъ высокихъ и чудныхъ предметахъ, о такихъ немыслимыхъ вещахъ, какъ вражда на Небѣ, война и смятеніе вблизи божественнаго мира, въ жилищѣ блаженства, хотя зло, несовмѣстимое съ блаженствомъ и скоро отраженное, подобно водамъ потока, обратилось на тѣхъ же, отъ кого произошло. Но мало-помалу Адамъ подавляетъ сомнѣнія, возникшія въ его сердцѣ; слышанное возбуждаетъ въ немъ желаніе, еще безгрѣшное, узнать о предметахъ, ко-

Dismounted, on th' Aleian field I fall
Erroneous there to wander and forlorn.
Half yet remains unsung, but narrower bound
Within the visible diurnal sphere;
Standing on earth, not rapt above the pole,
More safe I sing with mortal voice, unchanged
To hoarse or mute, though fall'n on evil days
On evil days though fall'n, and evil tongues;
In darkness and with dangers compass'd round,
And solitude; yet not alone, while thou
Visit'st my slumbers nightly, or when morn
Purples the east: still govern thou my song,
Urania, and fit audience find, though few;
But drive far off the barb'rous dissonance
Of Bacchus and his revellers, the race
Of that wild rout that tore the Thracian bard
In Rhodope, where woods and rocks had ears
To rapture till the savage clamour drown'd
Both harp and voice; nor could the Muse defend
Her son. So fail not thou, who thee implores;
For thou art heav'nly, she an empty dream.
Say, Goddes, what ensued when Raphaël,
The affable Arch-Angel, had forewarn'd
Adam, by dire example, to beware
Apostasy, by what befel in Heav'n
To those apostates, lest the like befal
In Paradise to Adam or his race,
Charged not to touch the interdicted tree,
If they trangress, and slight that sole command,
So easily obey'd amid the choice
Of all tastes else to please their appetite,
Though wand'ring. He with his consorted Eve
The story heard attentive, and was fill'd
With admiration and deep muse, to hear
Of things so high and strange, things to their thought
So unimaginable as hate in Heav'n,
And war so near the peace of God in bliss
With such confusion: but the evil soon
Driv'n back, redounded as a flood on those
From whom it sprung, imposible to mix
With blessedness. Whence Adam soon repeal'd
The doubts that in his heart arose: and now
Led on, yet sinless, with desire to know
What nearer might concern him; how this world

торые касаются его ближе. Какъ произошелъ этотъ видимый міръ — Небо и Земля? Когда и изъ чего были они сотворены? Что происходило въ Эдемѣ и внѣ его, прежде чѣмъ онъ началъ его знать? Такъ странникъ, едва утоливъ жажду, снова чувствуетъ ее при видѣ свѣтлыхъ струй быстраго ручья, съ журчаньемъ несущагося мимо: Адамъ продолжаетъ вопрошать небеснаго гостя:

«Великія вещи, тайны, неизвѣстныя здѣшнему міру, открылъ ты намъ, небесный посланникъ! Ты милостію Божіей посланъ къ намъ съ высоты Небесъ, чтобы во-время предостеречь насъ отъ того, что могло бы вовлечь насъ въ погибель, отъ тайной опасности, предвидѣть которую не могъ человѣческій умъ. Вѣчной благодарностію обязаны мы за это безконечно Благому, и торжественно обѣщаемъ свято хранить Его высокую волю: въ этомъ будетъ вся цѣль нашей жизни. Но если ты милостиво соблаговолилъ для назиданія нашего сообщить намъ вещи, превосходящія разумъ смертныхъ, но которыя намъ полезно было знать, какъ полагала высшая премудрость, то удостой теперь сойти ниже и разскажи то, что знать намъ полезно, быть можетъ, не менѣе перваго: какъ создано было Небо, видимое нами въ такой необъятной выси, украшенное безчисленнымъ множествомъ движущихся свѣтилъ? И что такое этотъ воздухъ, что наполняетъ все пространство и, необъятно разливаясь въ немъ, окружаетъ весь шаръ цвѣтущей Земли? Что побудило Творца, въ Его святомъ предвѣчномъ покоѣ, такъ поздно приступить къ созиданію въ нѣдрахъ Хаоса? Во сколько времени совершено было твореніе? Если тебѣ не запрещено, открой намъ все, о чемъ мы тебя спрашиваемъ не изъ желанія проникнуть въ тайны Его вѣчнаго царства, но для того, чтобы еще болѣе прославлять Его творенія, познавая ихъ болѣе.

«Великое дневное свѣтило не скоро еще окончитъ свой путь, хотя уже приближается къ склону; услышавъ твой голосъ, могучій твой голосъ, оно замедлитъ свое теченіе, чтобъ слышать твое повѣствованіе о томъ, какъ оно родилось, о томъ какъ создался міръ изъ неопредѣленной бездны; а если бы вечерняя звѣзда и мѣсяцъ поспѣшили придти послушать тебя, то съ ними воцарится ночное безмолвіе; сонъ, бодрствуя, будетъ внимать

Of Heav'n and Earth conspicuous, first began;
When, and whereof created; for what cause
What within Eden or without was done
Before his memory, as one whose drouth
Yet scarce allay'd, still eyes the current stream,
Whose liquid murmur heard new thirst excites,
Proceeded thus to ask his heav'nly guest:
  Great things, and full of wonder in our ears,
Far diff'ring from this world, thou hast reveal'd,
Divine interpreter, by favour sent
Down from the empyréan, to forewarn
Us timely of what might else have been our loss,
Unknown, which human knowledge could not reach:
For which to th' infinitely Good we owe
Immortal thanks, and his admonishment
Receive with solemn purpose, to observe
Immutably his sov'reign will, the end
Of what we are. But since thou hast vouchsafed
Gently for our instruction to impart
Things above earthly thought, which yet concern'd
Our knowing, as to highest wisdom seem'd,
Deign to descend now lower, and relate
What may no less perhaps avail us known:
How first began this Heav'n which we behold
Distant so high, with moving fires adorn'd
Innumerable, and this which yields or fills
All space, the ambient air wide interfused
Embracing round this florid Earth; what cause
Moved the Creator in his holy rest
Through all eternity so late to build
In Chaos, and the work begun, how soon
Absolved, if unforbid thou may'st unfold
What we, not to explore the secrets, ask
Of his eternal empire, but the more
To magnify his works, the more we know.
  And the great light of day yet wants to run
Much of his race, though steep; suspense in Heav'n,
Held by thy voice, thy potent voice, he hears,
And longer will delay to hear thee tell
His generation, and the rising birth
Of nature from the unapparent deep;
Or if the star of ev'ning and the moon
Haste to thy audience, night with her will bring
Silence, and sleep list'ning to thee will watch;

тебѣ, или мы повелимъ ему удалиться, пока ты не кончишь великаго повѣствованія, и простимся съ тобой еще до разсвѣта.»

Такъ упрашивалъ Адамъ высокаго гостя, и Ангелъ божественнымъ голосомъ кротко отвѣчалъ ему:

«Исполню я и эту просьбу, такъ скромно выраженную тобою: но какія слова, какой языкъ Серафимовъ можетъ повѣдать твореніе Всемогущей десницы, и въ состояніи ли человѣческій умъ постигнуть его? Однако, все, что можетъ быть тебѣ доступно, все, что послужитъ къ возвеличенію Творца и возвышенію твоего счастія, не будетъ скрыто отъ твоего уха. Мнѣ дано повелѣніе свыше удовлетворить твоему желанію просвѣтиться въ извѣстныхъ предѣлахъ; далѣе этого воздерживайся отъ вопросовъ; не думай своимъ собственнымъ воображеніемъ разгадать тайны, скрытыя незримымъ Царемъ, Единымъ Всевѣдущимъ, въ глубокой ночи, непроницаемыя ни для кого ни на Землѣ, ни на Небѣ. Кромѣ того есть много предметовъ для твоего изслѣдованія и познанія. Но знаніе—подобно пищѣ: оно не должно превышать мѣры, иначе умъ не въ состояніи вмѣстить его; избытокъ знанія отягощаетъ умъ, и тогда мудрость легко превращается въ безуміе, какъ лишняя пища разсѣевается вѣтромъ.

«Узнай же!.. Послѣ того какъ Люциферъ (такъ называется тотъ, что сіялъ нѣкогда среди ангельскаго воинства, какъ эта звѣзда среди звѣздъ) палъ съ своими пылающими легіонами въ бездну, назначенное ему мѣсто, Сынъ Божій съ Своими Святыми побѣдоносно возвратился назадъ къ Предвѣчному Отцу. Всемогущій съ высоты Своего трона, взирая на ихъ великое множество, сказалъ Сыну:

«Завистливый врагъ нашъ ошибся, какъ видно, считая всѣхъ мятежниками, подобно себѣ. Онъ думалъ всѣхъ возбудить къ возстанію, лишить Насъ престола, овладѣть неприступной горой, высочайшимъ жилищемъ Божества; и хитростью онъ увлекъ многихъ, навѣкъ лишивъ ихъ здѣсь мѣста. Однако, Я вижу, еще болѣе осталось вѣрныхъ: Небо не опустѣло; довольно въ немъ свѣтлыхъ жителей для населенія его царствъ, какъ они ни обширны, и для исполненія въ этомъ великомъ храмѣ всѣхъ торжествъ и священнодѣйствій.

Or we can bid his absence, till thy song
End and dismiss thee ere the morning shine.
Thus Adam his illustrious guest besought;
And thus the God-like Angel answer'd mild:
This also thy request with caution ask'd
Obtain; though to recount almighty works,
What words or tongue of Seraph can suffice,
Or heart of man suffice to comprehend?
Yet what thou canst attain, which best may serve
To glorify the Maker and infer
Thee also happier, shall not be withheld
Thy hearing; such commission from above
I have received, to answer thy desire
Of knowledge within bounds; beyond abstain
To ask, nor let thine own inventions hope
Things not reveal'd, which th' invisible King,
Only omniscient, hath suppress'd in night;
To none communicable in Earth or Heav'n:
Enough is left besides to search and know:
But knowledge is as food, and needs no less
Her temp'rance over appetite, to know
In measure what the mind may well contain;
Oppresses else with surfeit, and soon turns
Wisdom to folly, as nourischment to wind.
Know then, that after Lucifer from Heav'n
(So call him, brighter once amidst the host
Of Angels than that star the stars among)
Fell with his flaming legions through the deep
Into his place, and the great Son return'd
Victorious with his saints, th' Omnipotent
Eternal Father from his throne beheld
Their multitude, and to his Son thus spake;
At least our envious foe hath fail'd, who thought
All like himself rebellious: by whose aid
This inaccesible high strength, the seat
Of Deity supreme, us dispossess'd
He trusted to have seized, and into fraud
Drew many, whom their place knows here no more;
Yet far the greater part have kept, I see,
Their station; Heav'n yet populous retains
Number sufficient to possess her realms
Though wide, and this high temple to frequent
With ministeries due and solemn rites:

«Но чтобы онъ не возносился уже сдѣланнымъ зломъ, не ликовалъ, что онъ опустошилъ Небо и нанесъ Мнѣ потерю, если можно считать потерей, что Небо лишилось мятежниковъ, добровольно себя погубившихъ, то Мнѣ легко ее исправить. Въ одно мгновеніе создамъ Я новый міръ; отъ одного человѣка произведу безчисленный родъ человѣческій; въ томъ мірѣ будетъ обитать онъ, не въ здѣшнемъ, пока, возвышаясь по мѣрѣ своихъ достоинствъ, послѣ долгаго испытанія его повиновенія, не откроетъ онъ себѣ, наконецъ, пути къ горнему царству. Тогда Земля будетъ Небомъ, а Небо Землею: будетъ одно царство, въ вѣчной радости и ненарушимомъ согласіи.

«Вы, небесныя Силы, распространитесь по всѣмъ небеснымъ странамъ, а Ты, Мое Слово, Единородный Сынъ Мой, Ты совершишь это твореніе: по слову Твоему да совершится все. Дарую Тебѣ Мою силу и всеосѣняющій Духъ Мой. Иди, повели безднѣ стать Небомъ и Землею въ начертанныхъ Тобою предѣлахъ. Нѣтъ въ пространствѣ ни предѣловъ, ни пустоты: Я наполняю безконечность. Безгранична Моя власть, но Я не распространяю повсюду Моей благости; въ Моей волѣ творить или не творить. Необходимость, случай — для Меня не существуютъ: въ Моей волѣ заключается судьба.»

«Сказалъ Всемогущій, и Слово Его, Сыновнее Божество, совершаетъ Его велѣніе. Быстрѣе времени и движенія, за словомъ Божіимъ мгновенно являются Его дѣла. Трудно на земномъ языкѣ повѣдать ихъ смертному такъ, чтобы они были доступны его понятіямъ. Великое торжество было на Небѣ, великая радость, когда произнесъ Всемогущій Свою волю! «Слава Всевышнему!» воспѣли небесные голоса, благополучіе будущему человѣческому роду, миръ его обители! Слава Тому, Чей праведный гнѣвъ изгналъ злыхъ далеко отъ лица Своего и отъ жилища праведныхъ: Слава и хвала Тому, Кто въ премудрости Своей изъ зла повелѣлъ быть добру! Вмѣсто злыхъ Духовъ создано будетъ лучшее племя, и благость Господня разольется на всѣ міры и вѣка вѣковъ.»

«Такъ воспѣвали небесныя Силы. Между тѣмъ явился Сынъ, готовый къ великому дѣлу: Онъ препоясанъ былъ Всемогуществомъ, увѣнчанъ лучами божественнаго величія; мудрость, безпредѣльная любовь — весь

But lest his heart exalt him in the harm
Already done, to have dispeopled Heav'n,
My damage fondly deem'd, I can repair
That detriment, if such it be to lose
Self lost, and in a moment will create
Another world; out of one man a race
Of men innumerable, there to dwell,
Not here, till by degrees of merit raised,
They open to themselves at length the way
Up hither, under long obedience try'd,
And Earth be changed to Heav'n, and Heav'n to Earth,
One kingdom, joy and union without end.
Mean while inhabit lax, ey Pow'rs of Heav'n;
And thou, my Word, begotten Son by thee
This I perform; speak thou and be it done.
My overshadowing Spirit and might with thee
I send along; ride forth, and bid the deep
Within appointed bounds be Heav'n end Earth,
Boundless the deep, because I am who fill
Infinitude, nor vacuous the space.
Though I uncircumscribed myself retire
And put not forth my goodness which is free
To act or not, necessity and chance
Approach not me; and what I will is fate.
So spake th' Almighty, and to what he spake,
His Word, the filial Godhead, gave effect.
Immediate are the acts of God, more swift
Than time or motion; but to human ears
Cannot without process of speech be told;
So told as earthly notion can receive.
Great triumph and rejoicing was in Heav'n,
When such was heard declared th' Almighty's will.
Glory they sung to the Most High, good will
To future men, and in their dwellings peace:
Glory to him, whose just avenging ire
Had driven out th' ungodly from his sight
And th'habitations of the just: to him
Glory and praise, whose wisdom has ordain'd
Good out of evil to create, instead
Of Spirits malign, a better race to bring
Into their vacant room, and thence diffuse
His good to worlds and ages infinite.
So sang the Hierarchies: Mean while the Son
On his great expedition now appear'd,
Girt with omnipotence, with radiance crown'd
Of majesty divine: sapience and love

Отецъ сіялъ въ Немъ. Колесницу Его окружали безчисленные Херувимы и Серафимы, Господства, Престолы, Силы, крылатые Духи, крылатыя колесницы изъ оружейной Господней, искони вѣковъ, въ полномъ убранствѣ, миріадами стоящія между двумя мѣдными горами, всегда наготовѣ для торжественныхъ дней. Оживленныя Духомъ жизни, сами собой несутся за Владыкой небесныя колесницы. Съ дивнымъ звукомъ широко разверзлись на золотыхъ своихъ петляхъ вѣчныя врата передъ Царемъ Славы, грядущимъ въ могущественномъ Своемъ Словѣ и Духѣ создавать новые міры.

«Всѣ стояли еще на предѣлахъ небесной тверди, созерцая съ окраины необъятную бездну, бурную какъ океанъ, черную, пустынную, дикую, всю встревоженную свирѣпыми бурями, подобно горамъ вздымавшую свои волны, грозя затопить ими Небо и смѣшать полюсы съ центромъ.

«Укротитесь вы, бурныя волны, утихни бездна!» раздалось Всемогущее Слово, «да прекратятся ваши смуты!» И, блистая Отчей славой, на крылахъ Херувимовъ понесся Сынъ Божій въ глубь Хаоса, къ нерожденному міру — и Хаосъ услышалъ божественный голосъ. Всѣ свѣтлые Ангелы понеслись за Нимъ для созерцанія творчества и чудесъ божественнаго могущества. Вотъ Онъ останавливаетъ пламенныя колеса и беретъ въ десницу изготовленный прежде вѣковъ въ сокровищницѣ Господней золотой циркуль, чтобы очертить границу вселенной и всего созданія. Одинъ конецъ ставитъ Онъ въ центръ, другимъ обводитъ въ необъятной глуби мрака, и вѣщаетъ: «До этой черты прострися, о міръ! вотъ твоя граница и окружность!»

«Такъ сотворилъ Богъ Небо и Землю, вещества еще пустыя, не имѣвшія образа. Глубокая мгла покрывала бездну: но Духъ Божій животворно распростеръ крылья надъ тихой влагой, и влилъ въ жидкую громаду жизненную силу и жизненную теплоту, низвергнувъ въ глубину пучины черные, холодные осадки, враждебные жизни. Тогда сталъ Онъ устраивать міръ: однородныя части съ однородными сложилъ Онъ въ шары, всему остальному далъ свое мѣсто, наполнивъ промежутки воздухомъ, и въ вѣчномъ равновѣсіи закачалась Земля на своемъ центрѣ.

«Да будетъ свѣтъ!» сказалъ Богъ; мгновенно возсіялъ изъ бездны эѳир-

Immense, and all his Father in him shone.
About his chariot numberless were pour'd
Cherub and Seraph, Potentates and Thrones,
And Virtues, winged Spirits, and chariots wing'd
From th' armoury of God, where stand of old
Myriads between two brazen mountains lodged
Against a solemn day, harness'd at hand,
Celestial equipage: and now came forth
Spontaneous, for within them Spirit lived,
Attendant on their Lord: Heav'n open'd wide
Her ever-during gates, harmonious sound!
On golden hinges mowing, to let forth
The King of Glory in his pow'rful Word
And Spirit coming to create new worlds.
On heav'nly ground they stood, and from the shore
They view'd the fast immeasurable abyss
Outrageous as a sea, dark, wasteful, wild,
Up from the bottom turn'd by furious winds
And surging waves, as mountains, to assault
Heavn's height, and with the centre mix the pole.
Silence, ye troubled waves, and thou deep, peace,
Said then th' omnific Word; your discord end.
Nor stay'd, but on the wings of Cherubim
Uplifted, in paternal glory rode
Far into Chaos, and the world unborn;
For Chaos heard his voice: him all his train
Follow'd in bright procession, to behold
Creation, and the wonders of his might.
Then stay'd the fervid wheels, and in his hand
He took the golden compasses, prepared
In God's eternal store, to circumscribe
This universe, and all created things.
One foot be center'd, and the other turn'd
Round trough the vast profundity obscure,
And said, Thus far extend, thus far the bounds,
This be thy just circumference, O world!
Thus God the Heav'n created, thus the Earth,
Matter unform'd and void. Darkness profound
Cover'd th' abyss; but on the wat'ry calm
His brooding wings the Spirit of God outspread,
And vital virtue infused and vital warmth
Throughout the fluid mass, but downward purged
The black tartareous cold infernal dregs
Adverse to life: then founded, then conglobed
Like things to like, the rest to sev'ral place
Disparted, and between spun out the air;
And Earth, self-balanced, on her centre hung.
Let there be light, said God; and forthwith light

ный свѣтъ, первенецъ созданія, чистѣйшей сущности сущность. Отъ востока, мѣста своего рожденія, круглымъ, лучезарнымъ облакомъ протекаетъ онъ сквозь воздушный мракъ. Въ этой облачной скиніи скрывался онъ нѣкоторое время; Солнца еще не было. Увидѣлъ Богъ, что свѣтъ прекрасенъ, и отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы полушаріемъ. Свѣтъ назвалъ Онъ Днемъ, а мракъ Ночью. Такъ вечеръ и утро были въ день первый. Восхвалили, воспѣли его всѣ небесные хоры, когда изъ тьмы впервые блеснулъ свѣтъ востока, въ этотъ день рожденія Неба и Земли, ликованіями радости наполнили они глубины необъятнаго шара и, играя на золотыхъ арфахъ, прославляли въ гимнахъ Бога и дѣла Его. Они воспѣвали Творца, когда насталъ первый вечеръ и когда возсіяло первое утро.

«Опять сказалъ Богъ: «да будетъ твердь среди водъ, и да отдѣлятся ею воды отъ водъ!» И создалъ Богъ твердь, влажный покровъ изъ чистѣйшей, прозрачной воздушной стихіи, облекающій всю окружность огромнаго шара; эта крѣпкая, надежная оболочка отдѣлила нижнія воды отъ водъ горнихъ: какъ земля, такъ и весь міръ былъ созданъ Творцомъ на лонѣ тихихъ водъ, окружающихъ вселенную безпредѣльнымъ хрустальнымъ океаномъ, который удаляетъ отъ предѣловъ его бурный Хаосъ, чтобы отъ столкновенія съ нимъ не разрушилось все зданіе новаго міра. Небо Богъ назвалъ Твердью. Такъ небесные хоры воспѣвали вечеръ и утро дня второго.

«Земля была образована; но, какъ незрѣлый зародышъ, покоясь въ лонѣ водъ, еще не являлась наружу. Не напрасно разливался безбрежный океанъ по всему лицу земли: плодотворнымъ тепломъ и влагою проникалъ онъ весь смягченный ея шаръ; и всеобщая мать, напоенная произрастительной влагой, готова уже была къ зачатію. Тогда Богъ сказалъ: «Вы, воды поднебесныя, соберитесь въ одно мѣсто, и да появится суша!» Мгновенно вышли изъ водъ громадныя горы; широкіе, обнаженные хребты ихъ касались облаковъ, вершины доходили до неба. Насколько подымаются вверхъ эти громады, настолько же осѣдаютъ, опускаются внизъ широкія и глубокія впадины, обширныя ложа водъ: радостно устремляются туда воды, скатываясь съ суши, подобно тому какъ капли воды, падая

Ethereal first of things, quintessence pure,
Sprung from the deep, and from her native east
To journey through the aery gloom began,
Sphered in a radiant cloud; for eyt the sun
Was not: she in a cloudy tabernacle
Sojourn'd the while. God saw the light was good;
And light from darkness by the hemishere
Divided: light the Day, and darkness Night
He named. Thus was the first day ev'n and morn:
Nor past uncelebrated, nor unsung
By the celestial choirs, when orient light
Exhaling first from darkness they beheld
Birth-day of Heav'n and Earth; with joy and shout
The hollow universal orb they fill'd,
And touch'd their golden harps, and hymning praised
God and his works; Creator him they sung,
Both when first ev'ning was, and when first morn.
  Again, God said, Let there be firmament
Amid the waters, and let it divide
The waters from the waters. And God made
The firmament, expanse of liquid, pure,
Transparent, elemental air, diffused
In circuit to the uttermost convex
Of this great round: partition firm and sure,
The waters underneath from those above
Dividing far as earth, so he the world
Built on circumfluous waters calm, in wide
Crystalline ocean, and the loud misrule
Of Chaos far removed, lest fierce extremes
Contiguous might distemper the whole frame:
And Heav'n he named the Firmament. So ev'n
And morning chorus sung the second day.
  The earth was form'd, but in the womb as yet
Of waters, embryon immature involved,
Appear'd not. Over all the face of th' earth
Main ocean flow'd, not idle, but with warm
Prolific humour soft'ning all her globe,
Fermented the great mother to conceive.
Satiate with genial moisture, when God said,
Be gather'd now, ye waters under Heav'n
Into one place, and let dry land appear.
Immediately the mountains huge appear
Emergent, and their broad bare backs upheave
Into the clouds: their tops ascend the sky:
So high heaved the tumid hills, so low
Down sunk a hollow bottom broad and deep,
Capacious bed of waters: thither they
Hasted with glad precipitance, uproll'd
As drops on dust conglobing from the dry;

Стекаются водяныя толпы, катя валъ за валомъ, какъ находили дорогу, то бурными стремнинами низвергаясь съ крутыхъ обрывовъ, то тихо разливаясь по равнинамъ.

Пѣснь 7, стр. 147.

. . . . So the wat'ry throng,
Wave rolling after wave, where way they found;
If steep, with torrent rapture; if through plain,
Soft—ebbening:

G. Doré
C. LAPLANTE

въ пыль, свертываются въ ней шарами; другія встаютъ хрустальной стѣною, или падаютъ прямыми столбами, мчась со всѣхъ сторонъ: съ такой стремительностію двинуло ихъ великое Слово. Какъ при звукѣ трубномъ рати сбираются подъ свои знамена (объ этомъ ты уже слышалъ), стекаются водяныя толпы, катя валъ за валомъ, какъ находили дорогу, то бурными стремнинами низвергаясь съ крутыхъ обрывовъ, то тихо разливаясь по равнинамъ: ни скалы, ни горы не удерживаютъ ихъ; онѣ пролагаютъ себѣ путь подъ землею, извилинами обтекаютъ кругомъ, прорывая глубокія ложа въ мягкомъ илѣ, который легко уступаетъ имъ, пока не повелѣлъ Господь быть сушѣ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ текутъ теперь рѣки, пролагающія водяные пути. Сушу назвалъ Богъ Землею, а большое вмѣстилище водъ Моремъ: и увидѣлъ, что хорошо это, и сказалъ: «Да произраститъ земля зеленыя травы, злаки съ сѣменами, и плодовыя деревья, приносящія по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя ихъ на землѣ.»

«Сказалъ Онъ, и обнаженная до тѣхъ поръ земля, дикая и пустынная, неукрашенная, неприглядная, одѣлась вдругъ нѣжной травой, и весело зазеленѣла вся ея поверхность. Растенія развернули разнообразные свои листья, и вдругъ зацвѣли, блистая роскошью красокъ, проливая радость и ароматы на грудь матери-земли. Едва распустились листья, тотчасъ же густо покрылся гроздьями виноградникъ, на ползучихъ вѣтвяхъ появилась душистая тыква; словно рать встали въ поляхъ колосья, и низкіе кусты переплелись зелеными кудрями. Наконецъ, точно подъ музыку, поднялись стройныя деревья и распростерли вѣтви, обремененныя плодами или усѣянныя цвѣтомъ. Высокими лѣсами увѣнчались горы, рощи осѣнили долины, берега источниковъ и рѣкъ. Земля тогда стала подобна Небу. Боги могли бы избрать ее своимъ жилищемъ или съ восхищеніемъ прогуливаться подъ ея священной сѣнью. Богъ еще не орошалъ землю дождемъ, и не было еще человѣка, чтобы воздѣлывать ее, но изъ земли выступали росистые пары и увлажали каждое растеніе, сотворенное Богомъ, прежде чѣмъ выходило оно изъ почвы, каждую былинку, прежде чѣмъ вырастала она на зеленомъ стеблѣ.

Part rise in crystal wall, or ridge direct,
For haste: such flight the great command impress'd
On the swift floods. As armies at the call
Of trumpet (for of armies thou hast heard)
Troop to their standard, so the wat'ry throng,
Wave rolling after wave, where way they found;
If steep, with torrent rapture; if through plain,
Soft-ebbing: nor withstood them rock or hill,
But they or under ground, or circuit wide
With serpent error wand'ring, found their way,
And on the washy oose deep channels wore;
Easy, ere God had bid the ground be dry,
All but within those banks, where rivers now
Stream, and perpetual draw their humid train.
The dry land, Earth, and the great receptacle
Of congregated waters he call'd Seas:
And saw that is was good, and said, Let th' earth
Put forth the verdant grass, herb yielding seed,
And fruit-tree yielding fruit after her kind,
Whose seed is in herself upon the earth.
  He scarce had said, when the bare earth, till then
Desert and bare, unsightly, unadorn'd,
Brought forth the tender grass, whose verdure clad
Her universal face with pleasand green;
Then herbs of every leaf, that sudden flow'r'd
Opening their various colours, and made gay
Her bosom smelling sweet: and these scarce blown.
Forth flourish'd thick the clust'ring vine, forth crept
The smelling gourd, upstood the corny reed
Embattled in her field, and th' humble shrub,
And bush with frizzled hair implicit. Last
Rose, as in dance, the stately trees, and spread
Their branches; hung with copious fruit, or gemm'd
Their blossoms: with high woods the hills were crown'd
With tufts the valleys, and each fountain side
With borders long the rivers: that earth now
Seem'd like to Heav'n, a seat where Gods might dwell,
Or wander with delight, and love to haunt
Her sacred shades. Though God had yet not rain'd
Upon the earth, and man to till the ground
None was, but from the earth a dewy mist
Went up and water'd all the ground· and each
Plant of the field, which, ere it was in th' earth
God made, and ev'ry herb, before it grew
On the green stem; God saw that it was good:

Богъ увидѣлъ, что хорошо Его твореніе: и вечеръ и утро прославили день третій.

«Сказалъ опять Всемогущій: «Да будутъ Свѣтила въ вышинѣ обширной тверди небесной, для отдѣленія дня отъ ночи, да послужатъ они для знаменій, для обозначенія круговорота временъ, дней и годовъ. И да будутъ они свѣтильниками, чтобы свѣтить на землю: таково Мое назначеніе имъ на тверди небесной:» и стало такъ.

«И создалъ Богъ два великихъ свѣтила, великихъ по своей пользѣ Человѣку: большее для управленія днемъ, меньшее для управленія ночью. Потомъ создалъ Онъ звѣзды и поставилъ ихъ на тверди небесной, чтобы онѣ свѣтили землѣ, управляли днемъ и ночью и отдѣляли свѣтъ отъ тьмы. Обозрѣлъ Господь Свое великое твореніе и увидѣлъ, что оно хорошо.

«Первымъ изъ небесныхъ тѣлъ создалъ Онъ солнце, громадный шаръ, вначалѣ несвѣтлый, хотя онъ и былъ изъ эѳирнаго вещества; потомъ сотворилъ шарообразную луну и звѣзды различной величины; Онъ усѣялъ ими Небо, какъ поле. Послѣ этого изъ облачной скиніи, хранилища свѣта, взялъ Онъ большую его часть, перемѣстивъ ее въ шаръ солнца, сотворенный пористымъ, чтобы притягивать и впивать въ себя льющійся свѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердымъ, чтобы удерживать собранные лучи. И сталъ этотъ шаръ великимъ храмомъ свѣта. Въ немъ, какъ въ источникѣ, другія свѣтила черпаютъ въ свои золотыя урны потоки свѣта; здѣсь золотитъ свои рога утренняя планета. Свое малое количество свѣтовой силы они увеличиваютъ, окрашиваясь лучами того великаго свѣтила, или отражая ихъ, хотя человѣческому глазу оно представляется въ уменьшенномъ видѣ отъ громадной дали.

«Впервые показалось съ востока чудное свѣтило дня и, озаривъ весь горизонтъ блескомъ своихъ лучей, радостно начало свое шествіе на западъ по высокому пути небесному. Разсвѣтающая заря и Плеяды [138] предшествовали ему, кружась въ дивномъ танцѣ и свѣтясь своимъ тихимъ свѣтомъ.

«Прямо противъ него, на западѣ, вышла луна, но уже безъ такого блеска; какъ въ зеркало смотрится солнце въ ея круглый ликъ, даруя

So ev'n and morn recorded the third day.
Again the Almighty spake. Let there be Lights
High in th' expanse of Heav'n, to divide
The day from night: and let them be for signs,
For seasons, and for days, and circling years;
And let them be for lights, as I ordain
Their office in the firmament of Heav'n.
To give light on th earth: and it was so.
And God made two great lights, great for their use
To Man; the greater to have rule by day,
The less by night altern; and made the stars
And set them in the firmament of Heav'n
T'illuminate the earth, and rule the day
In their vicissitude, and rule the night,
And light from darkness to divide. God saw,
Surveying his great work, that it was good:
For, of celestial bodies, first the sun,
A mighty sphere, he framed, unlightsome first,
Though of ethereal mould: then form'd the moon
Globose, and ev'ry magnitude of stars,
And sow'd with stars the Heav'n thick as a field:
Of light by far the greater part be took,
Transplanted from her cloudy shrine, and placed
In the sun's orb, made porous to receive
And drink the liquid light, firm to retain
Her gather'd beams, great palace now of light.
Hither, as to their fountain, other stars
Repairing, in their golden urns draw light,
And hence the morning planet gilds her horns;
By tincture or reflection they augment
Their small peculiar, though for human sight
So far remote, with diminution seen.
First in his east the glorious lamp was seen,
Regent of day, and all th' horizon round
Invested with bright rays, jocund to run
His longitude through Heav'n's high road. The grey
Dawn and the Pleiades before him danced,
Shedding sweet influence. Less bright the moon,
But opposite in levell'd west was set
His mirror, with full face borrowing her light
From him, for other light she needed none

И Богъ сказалъ: «Да произведутъ воды пресмыкающихся, обильныхъ зародышами, душу живую; и птицы на крыльяхъ да полетятъ надъ землею по открытой тверди небесной».

Пѣснь 7. стр. 149.

And God said, Let the waters generate
Reptile with spawn abundant, living soul:
And let fowl fly above the earth, with wings
Display'd on th' open firmament of Heav'n.

31

Левіаѳанъ, величайшій изъ всѣхъ живыхъ тварей, распростерся на морской глуби, точно мысъ; спитъ онъ, или плыветъ, онъ кажется движущейся землей; жабрами онъ вбираетъ въ себя цѣлое море, и опять выбрасываетъ его изъ пасти.

Пѣснь 7, стр. 149.

. . . . There leviathan,
Hugest of living creatures, of the deep
Stretch'd like a promontory, sleeps or swims,
And seems a moving land, and at his gills
Draws in, and at his trunk spouts out a sea.

ему свѣтъ: она такъ поставлена, что другого свѣта ей не надо. Луна остается въ такомъ отдаленіи до наступленія ночи: тогда, совершивъ свой оборотъ на великой небесной оси, въ свой чередъ сіяетъ она на востокѣ владычицей неба, вмѣстѣ съ тысячами меньшихъ свѣтилъ и тысячами тысячъ звѣздъ, которыя словно золотыми блестками усѣяли вдругъ все небесное полушаріе. Такъ въ первый разъ украшенные блестящими свѣтилами своими, заходящими и восходящими, радостный вечеръ и радостное утро увѣнчали день четвертый.

«И Богъ сказалъ: «Да произведутъ воды пресмыкающихся, обильныхъ зародышами, душу живую; и птицы на крыльяхъ да полетятъ надъ землею по открытой тверди небесной.» И сотворилъ Господь огромныхъ китовъ и всѣхъ живыхъ тварей пресмыкающихся, которыя обильно размножились въ водахъ, каждая по своему роду; и создалъ всѣхъ птицъ пернатыхъ по роду ихъ. Увидѣлъ Богъ, что все хорошо, и благословилъ ихъ, сказавъ: «Плодитесь, размножайтесь и наполняйте воды въ моряхъ, рѣкахъ и озерахъ; а птицы да размножатся на землѣ.»

«Мгновенно проливы и моря, каждый заливчикъ и бухта закипѣли безчисленнымъ множествомъ выводковъ, миріадами рыбъ; распустивъ свои плавники, скользятъ онѣ подъ изумрудной волной, сверкая блестящими чешуями; въ иныхъ мѣстахъ онѣ собрались стаями, точно мели среди моря; порознь или по нѣскольку вмѣстѣ ищутъ онѣ морскихъ травъ, ихъ пищи, теряясь въ коралловыхъ рощахъ; другія въ рѣзвыхъ играхъ быстро мелькаютъ на солнцѣ, показывая ему на мигъ свой водяной нарядъ въ золотыхъ крапинахъ; иныя спокойно лежатъ въ жемчужныхъ раковинахъ и вбираютъ въ себя влагу, другія же, точно покрытыя панцыремъ, изъ-подъ скалъ подстерегаютъ добычу. Тюлени и дельфины, извиваясь, играютъ на гладкой поверхности моря; тамъ тяжеловѣсныя громады, ворочаясь въ водѣ, неуклюжими движеніями вздымаютъ волны въ океанѣ. Левіаѳанъ, величайшій изъ всѣхъ живыхъ тварей, распростерся на морской глуби, точно мысъ; спитъ онъ или плыветъ, онъ кажется движущейся землей; жабрами онъ вбираетъ въ себя цѣлое море, и опять выбрасываетъ его изъ пасти.

In that aspect; and still that distance keeps
Till night, then in the east her turn she shines,
Revolved on Heav'n's great axle; and her reign
With thousand lesser lights dividual holds,
With thousand thousand stars, that then appear'd
Spangling the hemisphere. Then first adorn'd
With her bright luminaries that set and rose,
Glad ev'ning and glad morn crow'd the fourth day
And God said, Let the waters generate
Reptile with spawn abundant, living soul:
And let fowl fly above the earth, with wings
Display'd on th' open firmament of Heav'n.
And God created the great whales, and each
Soul living, each that crept, which plenteously
The waters generated by their kinds,
And ev'ry bird of wing after his kind;
And saw that it was good, and bless'd them, saying,
Be fruitful, multiply, and in the seas,
And lakes, and running streams, the waters fill;
And let the fowl be multiply'd on th' earth.
Forthwith the sounds and seas, each creek and bay
With fry innumerable swarm, and shoals
Of fish that with their finds and shining scales
Glide under the green wave, in sculls that oft
Bank the mid-sea: part single or with mate
Graze the sea-weed their pasture, and through groves
Of coral stray, or sporting with quick glance,
Show to the sun their waved coats dropt with gold,
Or in their pearly shells at ease, attend
Moist nutriment, or under rooks their food
In jointed armour watch. On smooth the seal,
And bended dolphins play: part huge of bulk
Wallowing unwieldy, enormous in their gait,
Tempest the ocean: there leviathan,
Hugest of living creatures, on the deep
Stretch'd like a promontory, sleeps or swims,
And seems a moving land, and at his gills
Draws in, and at his trunk spouts out a sea.

«Между тѣмъ въ теплыхъ пещерахъ, въ болотахъ, на берегахъ морей и рѣкъ готово выйти такое же многочисленное племя, получившее жизнь изъ яйца: согрѣтое, оно раскрывается и черезъ отверстіе осторожно выпускаетъ птенца, еще голаго; но онъ скоро оперяется, расширяетъ крылья и съ крикомъ взвивается въ поднебесье, презрительно смотря на землю изъ облачной выси, гдѣ орелъ и аистъ на утесахъ и на вершинахъ кедровъ вьютъ свои гнѣзда.

«Однѣ разсѣиваются въ одиночку по воздуху, другія, умныя птицы, собираются въ стаи и треугольникомъ пролагаютъ себѣ путь общими силами, разумѣя времена года; высоко летятъ воздушные ихъ караваны черезъ моря, черезъ разныя страны; соединенныя движенія ихъ крыльевъ облегчаютъ общій полетъ: такъ совершаетъ свое ежегодное странствіе осторожный журавль, несясь по вѣтру; воздухъ раздѣляется передъ ними, разсѣкаемый безчисленными крыльями.

«Порхая съ вѣтки на вѣтку, мелкія пташки красуются разноцвѣтными перышками и до поздняго вечера веселятъ лѣса пѣснями; а торжественная пѣснь соловья не умолкаетъ и тогда: всю ночь раздаются сладостные ея звуки.

«Другія въ серебристыхъ озерахъ и рѣкахъ купаютъ пушистую грудь. Лебедь, выгибая шею между двумя бѣлыми крылами, покрывающими его словно мантіей, величаво плыветъ, ногами, какъ веслами, разсѣкая воду; часто онъ покидаетъ водяную стихію и на сильныхъ крыльяхъ подымается въ высокую воздушную область. Иныя твердо ходятъ по землѣ; таковъ пѣтухъ, украшенный гребнемъ и оглашающій своимъ крикомъ тихіе часы, и та птица съ великолѣпнымъ хвостомъ, что по яркимъ цвѣтамъ радуги усѣянъ глазами, похожими на звѣзды. Такъ воды населились рыбами, а воздухъ птицами, и вечеръ и утро торжественно прославили день пятый.

«Шестой, послѣдній день творенія, насталъ при звукахъ арфъ вечернихъ и утреннихъ, и сказалъ Господь: «Да произведетъ земля душу живую по роду ея, скотовъ и гадовъ, и звѣрей земныхъ по роду ихъ.»

«Земля повиновалась; мгновенно разверзла она плодородныя нѣдра и произвела разомъ безчисленныхъ живыхъ тварей совершенныхъ формъ,

Meanwhile the tepid caves, and fens, and shores
Their brood as num'rous hatch, from th' egg that soon
Bursting with kindly rupture forth disclosed
Their callow young, but feather'd soon and fledge
They summ'd their pans, and soaring th' air sublime,
With clang despised the ground, under a cloud
In prospect: there the eagle and the stork
On cliffs and cedar tops their eyries build:
Part loosely wing the region, part more wise
In common, ranged in figure, wedge their way
Intelligent of seasons, and set forth
Their aëry caravan high over seas
Flying, and over lands, with mutual wing,
Easing their flight: so steers the prudent crane
Her annual voyage, borne on winds; the air
Floats as they pass, fann'd with unnumber'd plumes.
From branch to branch the smaller brids with song
Solaced the woods, and spread their painted wings
Till ev'n, nor then the solemn nightingale
Ceased warbling, but all night tuned her soft lays:
Others on silver lakes and rivers bathed
Their downy breast. The swan with arched neck
Between her white wings mantling proudly, rows
Her state with oary feet; yet oft they quit
The dank, and rising on stiff pennons, tow'r
The mid aëreal sky: others on ground
Walk'd firm; the crested cock, whose clarion sounds
The silent hours, and th' other whose gay train
Adorns him, coloured with the florid hue
Of rainbows and starry eyes. The waters thus
With fish replenish'd, and the air with fowl
Ev'ning and morn solemnized the fifth day.
The sixth, and of creation last, arose
With ev'ning harps and matin, when God said,
Let th' earth bring forth soul-living in her kind,
Cattle and creeping things, and beast of th' earth,
Each in their kind. The earth obey'd; and straight
Opening her fertile womb, teem'd at a birth
Innum'rous living creatures, perfect forms,

Между тѣмъ въ теплыхъ пещерахъ, въ болотахъ, на берегахъ морей и рѣкъ, готово выйти такое же многочисленное племя, получившее жизнь изъ яйца.

Пѣснь 7, стр. 150.

Meanwhile the tepid caves, and fens, and shores
Their brood as num'rous hatch, from th' egg.

со всѣми членами въ полномъ развитіи. Вышелъ изъ земли, какъ изъ своего логовища, хищный звѣрь, живущій въ дремучихъ лѣсахъ, въ кустахъ и пещерахъ; среди деревьевъ они поднялись попарно, встали и пошли. На поляхъ и зеленыхъ лугахъ поднялся скотъ, то по одиночкѣ, то по нѣсколько паръ, то большими стадами, и тотчасъ же начиналъ пастись; въ великомъ множествѣ рождала ихъ земля: вотъ выходитъ до половины левъ, когтями раздирая землю, чтобы освободить остальную часть тѣла; наконецъ, прыжкомъ онъ разрываетъ послѣднія узы, потрясая косматой гривой. Подымаются барсы, леопарды и тигры, подобно кроту, буграми взрывая вокругъ себя землю; быстрый олень выставляетъ изъ-подъ земли вѣтвистые рога; бегемотъ, величайшій изъ земнородныхъ, съ трудомъ подымаетъ огромное свое тѣло изъ вязкой глины. Подобно растеніямъ встаютъ, блея, стада пушистыхъ овецъ; гиппопотамъ и чешуйчатый крокодилъ колеблются между землей и водами.

«Въ то же время возникаетъ все пресмыкающееся по землѣ: черви и насѣкомыя; послѣднія расправляютъ вѣеромъ прозрачныя крылышки и нѣжные члены, уже одѣтые въ роскошный лѣтній нарядъ изъ золота и пурпура, изумруда и лазури; первые нитью растягиваются по землѣ, оставляя по себѣ длинный извилистый слѣдъ. Не всѣ они принадлежатъ къ малѣйшимъ созданіямъ природы; нѣкоторые, изъ змѣиной породы, поразительной длины и толщины, извиваются чешуйчатыми кольцами и одарены крыльями.

«Прежде всѣхъ выползъ бережливый муравей, озабоченный думой о будущемъ: въ его маленькомъ тѣлѣ заключено великое сердце. Соединеніе всѣхъ его племенъ въ одну общину, можетъ быть, послужитъ современемъ образцомъ истиннаго равенства. За нимъ появилась съ многочисленнымъ роемъ пчела, которая чуднымъ сокомъ кормитъ своего лѣниваго супруга, строитъ свои восковые соты и наполняетъ ихъ медомъ. Безчисленны остальные; ты знаешь ихъ свойства, самъ далъ имъ имена, которыя повторять нѣтъ нужды. Извѣстна тебѣ также и змѣя, хитрѣйшая изъ всѣхъ полевыхъ тварей; она бываетъ громадныхъ размѣровъ, съ мѣдными глазами и волосатой гривой ужаснаго вида. Но для тебя эта тварь безвредна, и повинуется твоему голосу.

Limb'd and full grown. Out of the ground up rose
As from his lair the wild beast, where he wons
In forest wild, in thicket, brake, or den;
Among the trees in pairs they rose, they walk'd:
The cattle in the fields and meadows green:
Those rare and solitary, these in flocks,
Past'ring at once, and in broad herds upsprung.
The grassy clods now calved; now half appear'd
The tawny lion, pawing to get free
His hinder parts, then springs as broke from bonds,
And rampant shakes his brinded mane: the ounce,
The libbard, and the tiger, as the mole
Rising, the crumbled earth above them threw
In hillocs: the swift stag from under ground
Bore up his branching head; scarce from his mould
Behemoth, biggest born of earth, upheaved
His vastness; fleeced the flocks and bleating rose,
As plants: ambiguous between sea and land
The river-horse and scaly crocodile.
At once came forth whatever creeps the ground,
Insect or worm: those waved their limber fans
For wings, and smallest lineaments exact
In all the liveries deck'd of summer's pride,
With spots of gold and purple, azure and green:
These as a line their long dimension drew,
Streaking the ground with sinuous trace; not all
Minims of nature; some of serpent kind,
Wondrous in length and corpulence, involved
Their snaky folds, and added wings. First crept
The parsimonious emmet, provident
Of future, in small room large heart inclosed,
Pattern of just equality perhaps
Hereafter, join'd in her popular tribes
Of commonalty: swarming next appear'd
The female bee, that feeds her husband drone
Deliciously, and builds her waxen cells
With honey stored. The rest are numberless,
And thou their natures know'st, and gav'st them names
Needless to thee repeated; nor unknown
The serpent, subtlest beast of all the field,
Of huge extent sometimes, with brazen eyes
And hairy mane terrific, though to thee
Not noxious, but obedient at thy call.

«Небеса блистали во всей своей славѣ, и двигались по тому начертанію, какое дано имъ было впервые рукою великаго Двигателя. Устроенная вполнѣ земля прелестно улыбалась въ великолѣпномъ своемъ уборѣ. Воздухъ, вода, земля, все было населено — летали тамъ птицы, плавали рыбы, ходили звѣри, а шестой день еще не былъ оконченъ.

«Недоставало еще совершеннѣйшаго творенія, цѣли всего что было совершено: существа, съ головой не склоненной къ землѣ, не скотского, какъ другія созданія, но одареннаго священнымъ разумомъ, прямымъ станомъ, высокимъ и яснымъ челомъ,—существа, которое бы обладало самосознаніемъ, было бы достойно управлять всѣмъ остальнымъ и сообщаться съ Небомъ, всегда съ благодарностію помня откуда ниспосланы ему всѣ блага, и туда благоговѣйно устремляло бы сердце, голосъ и взоры, воздавая честь и поклоненіе Всевышнему Богу, поставившему его владыкой надъ всѣмъ Своимъ твореніемъ. Поэтому Всемогущій и Вездѣсущій Отецъ (гдѣ же нѣтъ присутствія Его?) во всеуслышаніе сказалъ Своему Сыну:

«Сотворимъ теперь Человѣка по Нашему образу, Человѣка по Нашему подобію, и да владычествуетъ онъ надъ рыбами и птицами въ водахъ и воздухѣ, и надъ скотомъ въ полѣ, и надъ всею землею, и надъ всякой ползающей тварью, пресмыкающейся по землѣ.»

«Сказалъ Онъ и сотворилъ тебя, Адамъ, тебя, о Человѣкъ, прахъ земной, и въ ноздри твои вдунулъ дыханіе жизни: по Своему собственному образу создалъ Онъ тебя, по истинному образу Божію, и вложилъ въ тебя душу живую. Тебя Онъ создалъ мужемъ, подругу твою женою, для размноженія твоего рода. Потомъ Онъ благословилъ родъ человѣческій и сказалъ: «плодитесь, размножайтесь, наполняйте землю, обладайте ею, и владычествуйте надъ рыбами морскими, надъ птицами небесными, надъ всякимъ животнымъ, движущимся по землѣ.» Оттуда, гдѣ ты былъ созданъ, — то мѣсто не имѣло еще названія, какъ и всѣ остальныя, — Онъ перенесъ тебя, какъ тебѣ извѣстно, въ эту очаровательную рощу, въ садъ, насажденный божественными деревьями, пріятными для взора и вкуса, и далъ тебѣ волю вкушать отъ всѣхъ ихъ вкусныхъ плодовъ. Здѣсь соединены всѣ ихъ породы, какія только производитъ земля въ безконечномъ

Now Heav'n in all her glory shone, and roll'd
Her motions, as the great first Mover's hand
First wheel'd their course; earth in her rich attire
Consummate lovely smiled; air, water, earth,
By fowl, fish, beast, was flown, was swum, was walk'd
Frequent; and of the sixth day yet remain'd;
There wanted yet the master-work, the end
Of all yet done: a creature who not prone
And brute as other creatures, but endued
With sanctity of reason, might erect
His stature, and upright with front serene
Govern the rest, self-knowing, and from thence
Magnanimous to correspond with Heav'n,
But grateful to acknowledge whence his good
Descends; thither with heart, and voice, and eyes
Directed in devotion, to adore
And worship God supreme, who made him chief
Of all his works. Therefore th' Omnipotent
Eternal Father (for where is not he
Present?) thus to his Son audibly spake:
Let us make now Man in our image, Man
In our similitude, and let them rule
Over the fish and fowl of sea and air,
Beast of the field, and over all the earth,
And ev'ry creeping thing that creeps the ground.
This said, he form'd thee, Adam, thee, O Man,
Dust of the ground, and in thy nostrils breathed
The breath of life: in his own image of God
Express; and thou becam'st a living soul.
Male he created thee, but thy consort
Female for race; then bless'd mankind, and said,
Be fruitful, multiply, and fill the earth,
Subdue it, and throughout dominion hold
Over fish of the sea, and fowl of th' air,
And ev'ry living thing that moves on th' earth.
Wherever thus created, for no place
Is yet distinct by name, thence, as thou know'st
He brought thee into this dilicious grove,
This garden, planted with the trees of God,
Delectable both to behold and taste;
And freely all their pleasant fruit for food
Gave thee; all sorts are here that all th' earth yields,

На землѣ седьмой вечеръ восходилъ надъ Эдемомъ.

Пѣснь 7, стр. 153.

.... And now on earth the seventh
Ev'ning arose in Eden ....

G. Doré

разнообразіи! Но къ плоду дерева, которое даетъ познаніе добра и зла, ты не можешь прикасаться; въ день, когда ты вкусишь отъ него, ты умрешь: карой за то назначена смерть. Остерегайся, обуздывай свои желанія, чтобы не постигъ тебя внезапно Грѣхъ и черная спутница его, Смерть.

«Окончилъ Господь дѣла Свои, обозрѣлъ все что сдѣлалъ, нашелъ и увидѣлъ, что все хорошо въ совершенствѣ; такъ вечеръ и утро заключили шестой день. Тогда Творецъ, хотя и не чувствовалъ утомленія, опочилъ отъ Своихъ трудовъ и воспріялъ обратный путь на Небеса Небесъ, Свое высокое жилище, чтобы посмотрѣть, какой видъ представляетъ съ высоты Его трона новосозданный міръ, увеличившій Его царство, отвѣчаютъ ли величіе и красота Его творенія высокой Его мысли.

«Онъ возносится среди ликованій и дивныхъ звуковъ десятковъ тысячъ арфъ, сливавшихъ свои аккорды въ ангельской гармоніи. На землѣ, въ воздухѣ раздавались эти звуки (тебѣ они памятны, ты слышалъ ихъ). Небеса и всѣ созвѣздія повторяли ихъ; планеты остановились, внимая, пока возносился торжественный, ликующій поѣздъ.

«Растворитесь, о врата вѣчныя!» пѣли Ангелы, «отверзите, о Небеса, живыя врата ваши! примите великаго Творца, со славой грядущаго послѣ Своего труда назадъ на Небо, послѣ шестидневнаго труда Своего, созданія міра! Отнынѣ, врата, отверзайтесь часто: Господь, радующійся о праведныхъ, часто соблаговолитъ посѣщать ихъ селенія, и въ частомъ сообщеніи съ міромъ будетъ посылать туда Своихъ крылатыхъ вѣстниковъ для возвѣщенія Высочайшей милости.»

«Такъ пѣли ангельскіе лики, возносясь въ торжественномъ шествіи: широко разверзлись сіяющія врата Небесъ, и Сынъ Божій направился прямо къ вѣчному жилищу Господню. Широкій, величественный путь: пыль его — золото, вымощенъ онъ звѣздами, подобно тому какъ представляется тебѣ ночью млечный путь, этотъ небесный поясъ, усѣянный звѣздной пылью.

«И вотъ на землѣ седьмой вечеръ восходилъ надъ Эдемомъ. Солнце скрылось, и съ востока наступалъ сумракъ, предвѣстникъ ночи, когда Сыновнее Могущество достигло святой горы, превыспренней вершины Не-

Variety without end; but of the tree,
Which, tasted, works knowledge of good and evil,
Thou may'st not; in the day thou eat'st, thou dy'st;
Death is the penalty imposed; beware,
And govern well thy appetite, lest Sin
Surprise thee, and her black attendant Death.
Here finish'd he and all that he had made
View'd: and behold all was entirely good;
So even and morn accomplish'd the sixth day:
Yet not till the Creator from his work
Desisting, though unweary'd, up return'd,
Up to the Heav'n of Heav'ns, his high abode,
Thence to behold this new-created world
Th' addition of his empire, how it show'd
In prospect from his throne, how good, how fair,
Answ'ring his great idea. Up he rode,
Follow'd with acclamation, and the sound
Symphonious of ten thousand harps, that tuned
Angelic harmonies. The earth, the air
Resounded (thou remember'st, for thou heard'st);
The Heav'ns, and all the constellations rung;
The planets in their stations list'ning stood,
While the bright pomp ascended jubilant.
Open ye everlasting gates, they sung;
Open, ye Heav'ns, your living doors: let in
The great Creator from his work return'd
Magnificent, his six days' work, a world;
Open, and henceforth oft; for God will deign
To visit oft the dwellings of just men
Delighted, and with frequent intercourse
Thither will send his winged messengers
On errands of supernal grace. So sung
The glorious train ascending. He through Heav'n,
That open'd wide her blazing portals, led
To God's eternal house direct the way:
A broad and ample road, whose dust is gold,
And pavement stars, as stars to thee appear,
Seen in the galaxy, that milky way,
Which nightly as a circling zone thou seest
Powder'd with stars. And now on earth the seventh
Ev'ning arose in Eden, for the sun
Was set, and twilight from the east came on,
Forerunning night; when at the holy mount
Of Heavn's high-seated top, the imperial throne

бесъ, великаго царскаго престола Божества, навѣки непоколебимаго и неприкосновеннаго, и возсѣло вмѣстѣ съ Всемогущимъ Отцомъ, Который, не оставляя престола Своего (таково свойство Вездѣсущности), невидимо присутствовалъ при твореніи, повелѣвая имъ, какъ Начало и Конецъ всѣхъ вещей. Теперь, почивъ отъ дѣлъ, Онъ благословилъ и освятилъ седьмой день, такъ какъ этотъ день былъ отдыхомъ отъ всѣхъ трудовъ Его. Однако, онъ не былъ проведенъ въ священной тишинѣ: неумолчно лились звуки арфъ, нѣжныхъ и торжественныхъ свирѣлей, тимпановъ; всѣ сладкозвучные органы, всѣ златострунные инструменты соединились въ сладостной музыкѣ; съ ней вмѣстѣ пѣли ангельскіе хоры или отдѣльные голоса; облака ѳиміама, курящагося въ золотыхъ кадильницахъ, скрывали гору. Ангелы воспѣвали шестидневныя дѣла творенія.

«Велики дѣла Твои, Іегова! безконечно Твое могущество! Какая мысль постигнетъ Тебя, какой языкъ можетъ повѣдать о Тебѣ! Ты возвращаешься теперь еще въ большемъ величіи, чѣмъ послѣ побѣды надъ исполинскими Ангелами! Въ тотъ день громы Твои прославили Тебя, но созидать славнѣе, чѣмъ разрушать созданное. Кто можетъ сравниться съ Тобою, Всесильный Царь! Кто ограничитъ Твою державу? Мгновенно разрушилъ Ты гордыя надежды супостатовъ и тщеславные ихъ совѣты, когда обуяла ихъ нечестивая мысль—умалить Тебя и отторгнуть отъ Тебя несмѣтныхъ Твоихъ поклонниковъ. Кто ищетъ унизить Тебя, тотъ, вопреки своему намѣренію, лишь болѣе обнаруживаетъ Твое могущество: Ты пользуешься злобой врага и обращаешь ее во благо, какъ доказываетъ созданіе этого новаго міра, другого Неба, созданнаго въ нашихъ очахъ, недалеко отъ небесныхъ вратъ, на лонѣ свѣтлыхъ водъ хрустальнаго моря [139]. Безпредѣльное пространство его усѣяно звѣздами, и каждая звѣзда есть, можетъ быть, цѣлый міръ, предназначенное жилище; но Тебѣ Одному извѣстны тѣ времена. Среди тѣхъ міровъ находится жилище человѣка—Земля, съ ея нижнимъ океаномъ, омывающимъ это прекрасное жилище. Трижды счастливы люди и сыны людскіе, которыхъ Богъ такъ возвеличилъ, создалъ по образу Своему, чтобы жить тамъ и поклоняться Ему въ благодарность за то, что имъ дано владычество надъ всѣмъ сотвореннымъ на землѣ, въ водахъ,

Of Godhead, fix'd for ever firm and sure,
The Filial Pow'r arrived, and sat him down
Wit his great Father (for he also went
Invisible yet stay'd (such privilege
Hath Omnipresence) and the work ordain'd
Author and End of all things, and from work
Now resting bless'd and hallow'd the sev'nth day,
As resting on that day from all his work,
But not in silence holy kept: the harp
Had work and rested not, the solemn pipe,
And dulcimer, all organs of sweet stop,
All sounds on fret by string or golden wire,
Temper'd soft tunings, intermix'd with voice
Choral on unison: of incense clouds
Fuming from golden censers hid the mount.
Creation and the six days' acts they sung:
  Great are thy works, Jehovah! infinite
Thy pow'r! What thought can measure thee, or tongue
Relate thee! Greater now in thy return
Than from the giant Angels! thee that day
Thy thunders magnify'd! but to create
Is greater than created to destroy.
Who can impair thee, mighty King, or bound
Thy empire! Easily the proud attempt
Of Spirits apostate and their counsels vain
Thou hast repell'd, while impiously they thought
Thee to diminish, and from thee withdraw
The number of thy worshippers. Who seeks
To lessen thee, against his purpose serves
To manifest the more thy might: his evil
Thou usest, and from thence creat'st more good.
Witness this new-made world, another Heav'n
From Heav'n-gate not far, founded in view
On the clear Hyaline, the glassy sea:
Of amplitude almost immense, with stars
Num'rous, and ev'ry star perhaps a world
Of destined habitations; but thou know'st
Their seasons: among these the seat of Men,
Earth with her nether ocean circumfused,
Their pleasant dwelling-place. Thrice happy Men,
And sons of Men, whom God hath thus advanced,
Created in his image, there to dwell
And worship him, and in reward to rule
Over his works, on earth, in sea, or air,

въ воздухѣ, и умножать племя святыхъ и праведныхъ, поклоняющихся Ему! Трикраты счастливы они, если постигнутъ свое счастіе и не уклонятся отъ пути истины!»

«Такъ пѣли они, и «аллилуія» оглашали Небо. Такъ торжествуемъ былъ день Субботній, день покоя.

«Теперь я исполнилъ, какъ видишь, твою просьбу: ты желалъ узнать происхожденіе міра, начало всѣхъ вещей, все, что было искони до твоего бытія, чтобы потомство, поученное тобою, также узнало объ этомъ. Если хочешь спросить еще что, не превышающее мѣры, предписанной человѣку, говори.»

And multiply a race of worshippers
Holy and just! thrice happy if they know
Their happiness, and persevere upright!
So sung they, and the empyréan rung
With Halleluiahs. Thus was Sabbath kept.
And thy request think now fulfill'd, that ask'd
How first this world and face of things began,
And what before thy memory was done
From the beginning, that posterity
Inform'd by thee might know; if else thou seek'st
Aught, not surpassing human measure, say.

ПѢСНЬ 8-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Адамъ спрашиваетъ о движеніи небесныхъ тѣлъ; Ангелъ отвѣчаетъ ему неопредѣленно и совѣтуетъ заниматься тѣмъ, что можетъ быть ему полезнѣе; Адамъ соглашается съ этимъ, и, желая удержать Рафаила, разсказываетъ ему все, что онъ помнитъ со времени собственнаго сотворенія: перенесеніе его въ Рай, бесѣду съ Богомъ объ одиночествѣ и необходимости общества; первую встрѣчу и брачный союзъ съ Евою; разговоръ его объ этомъ съ Ангеломъ, который, повторивъ ему свои наставленія, возвращается на Небо.

Ангелъ окончилъ, но чарующій голосъ все звучалъ еще въ ушахъ Адама; долго казалось ему, что Ангелъ еще говоритъ, и онъ все слушалъ, неподвижно устремивъ на него очи. Наконецъ, какъ бы внезапно пробудясь, съ благодарностію произноситъ:

«Какое благодареніе, какую равную награду воздамъ тебѣ, божественный лѣтописецъ! Ты обильно утолилъ мою жажду познанія, и такъ дружески соблаговолилъ снисходительно открыть мнѣ тайны, которыхъ иначе я не могъ бы постигнуть. Съ удивленіемъ, но и съ восторгомъ внималъ я тебѣ, воздавая должную славу Высочайшему Творцу. Еще остаются во мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія; ты одинъ можешь разрѣшить ихъ.

«Когда я созерцаю великолѣпное это зданіе, этотъ міръ, Небо и Землю, и исчисляю обширность ихъ, земля представляется мнѣ точкой, песчинкой, атомомъ, въ сравненіи съ твердью и всѣми ея сочтенными Богомъ свѣтилами, что, какъ кажется, вращаются въ непостижимыхъ простран-

BOOK 8. THE ARGUMENT.

Adam inquires concerning celestial motions; is doubtfully answered, and exhorted to search rather things more worthy of knowledge: Adam assents: and, still desirous to detain Raphael relates to him what he remembered since his own creation, his placing in Paradise, his talk with God concerning solitude and fit society, his first meeting and nuptials with Eve, his discourse with the Angel thereupon; who, after admonitions repeated departs.

The Angel ended, and in Adam's ear
So charming left his voice, that he awhile
Thought him still speaking, still stood fix'd to hear;
Then, as new waked, thus gratefully reply'd:
  What thanks sufficient, or what recompense
Equal have I to render thee, divine
Historian, who thus largely hast allay'd
The thirst I had of knowledge, and vauchsafed
This friendly condescension to relate
Things else by me unsearchable, now heard
With wonder, but delight, and, as is due,
With glory attributed to the High
Creator? Something yet of doubt remains.
Which only thy solution can resolve.
  When I behold this goodly frame, this world,
Of Heav'n and Earth consisting, and compute
Their magnitudes; this earth, a spot, a grain,
An atom, with the firmament compared
And all her number'd stars, that seem to roll
Spaces incomprehensible (for such

ствахъ (это доказываетъ ихъ разстояніе и быстрое ежедневное возвращеніе). Неужели для того только, чтобы въ теченіе дня и ночи давать свѣтъ темной землѣ, этой малой точкѣ, движутся они всѣ, безъ всякой другой пользы, въ громадномъ своемъ обходѣ? Размышляя объ этомъ, я часто удивляюсь, какъ Природа, мудрая и бережливая, могла допустить подобную несоразмѣрность, создавъ расточительной рукою такое множество благородныхъ, великихъ тѣлъ, повидимому, для одной этой цѣли, и предназначивъ ихъ шарамъ безостановочное движеніе, изо дня въ день возобновляемое, между тѣмъ какъ неподвижная земля, которая могла бы вращаться въ менѣе обширномъ кругѣ, которой служатъ тѣла болѣе благородныя, чѣмъ она сама, безъ малѣйшаго движенія достигаетъ своей цѣли и принимаетъ тепло и свѣтъ, какъ дань, посылаемую ей изъ неизмѣримой выси съ такой невещественной быстротою, что нѣтъ числа, чтобы изобразить ее».

Такъ говорилъ нашъ прародитель, и по лицу его видно было, что онъ намѣревался бесѣдовать о важныхъ, таинственныхъ предметахъ. Замѣтивъ это, Ева, сидѣвшая въ сторонѣ, встала съ величіемъ скромности, съ такой прелестью въ движеніи, что, увидѣвъ ее, каждый пожелалъ бы, чтобы она осталась. Она пошла къ цвѣтамъ и плодовымъ деревьямъ, своимъ питомцамъ, посмотрѣть какъ развиваются ихъ цвѣты и почки. При ея приближеніи они расцвѣтали пышнѣе и росли радостнѣе подъ прикосновеніемъ прекрасной руки.

Она удалилась не потому, чтобы такая бесѣда не занимала ее, или что слуху ея недоступны были высокіе предметы, но она хотѣла насладиться ими изъ устъ Адама, быть его единственной слушательницей. Разсказъ своего супруга она предпочитала разсказу Ангела; его хотѣлось ей спросить обо всемъ, зная, что его повѣствованіе будетъ прерываться пріятными отступленіями, а высокіе споры разрѣшаться супружеской лаской: не однимъ краснорѣчіемъ плѣняли ее уста супруга. О, гдѣ встрѣтить теперь подобную чету, подобный союзъ любви и взаимнаго уваженія! Съ видомъ богини удаляется Ева; ее, какъ царицу, окружаетъ блестящая свита плѣнительныхъ грацій, бросающихъ во всѣ очи стрѣлы, зажигавшія все вокругъ желаніемъ всегда бы смотрѣть на нее.

Their distance argues, and their swift return
Diurnal) merely to officiate light
Round this opacous earth, this punctual spot,
One day and night, in all their vast survey
Useles besides; reasoning I oft admire
Now Nature, wise and frugal, could commit
Such disproportions, with superfluous hand
So many nobler bodies to create,
Greater, so manifold to this one use,
For aught appears, and on their orbs impose
Such restless revolution, day by day
Repeated, while the sedentary earth,
That better might with far less compass move,
Served by more noble than herself, attains
Her end without least motion, and receives
As tribute, such a sumless journey brought
Of incorporeal speed, her warmth and light;
Speed, to describe whose swiftness number fails.
So spake our sire, and by his count'nance seem'd
Ent'ring on studious thoughts abstruse; which Eve
Perceiving where she sat retired in sight,
With lowliness majestic from her seat,
And grace that won who saw to wish her stay,
Rose and went forth among her fruits and flow'rs,
To visit how they prosper'd, bud and bloom,
Her nursery: they at her coming sprung,
And touch'd by her fair tendence, gladlier grew
Yet went she not, as not with such discourse
Delighted, or not capable her ear
Of what was high: such pleasure she reserved,
Adam relating, she sole auditress;
Her husband, the relator, she preferr'd
Before the Angel, and of him to ask
Chose rather. He, she knew, would intermix
Grateful digressions, and solve high dispute
Whit conjugal caresses; from his lip
Not words alone pleased her. O when meet now
Such pairs, in love and mutual honour join'd!
With Goddess-like demeanour forth she went,
Not unatended, for on her, as queen,
A pomp of winning graces waited still,
And from about her shot darts of desire
Into all eyes to wish her still in sight.

Тогда Рафаилъ, дружелюбный и снисходительный, такъ отвѣчалъ на сомнѣнія Адама:

«Твоихъ вопросовъ и пытливости я не порицаю; Небо есть книга, открытая передъ тобою Богомъ, чтобъ ты могъ читать въ ней дивныя Его творенія, узнавать времена года, часы, дни, мѣсяцы, годы. Для уразумѣнія этого, тебѣ все равно, вращается Земля или Небо, лишь были бы твои исчисленія вѣрны. Остальное Великій Зодчій премудро скрылъ отъ человѣка и Ангеловъ и не обнаружилъ Своихъ тайнъ; пусть не допытываются до нихъ тѣ, кто долженъ только удивляться имъ. Если же вздумаетъ кто пускаться въ догадки,—все мірозданіе предоставлено Имъ для ихъ споровъ, быть можетъ, чтобы посмѣяться надъ жалкими мудрствованіями тѣхъ, что современемъ будутъ исчислять звѣзды, составлять планы Неба. Какихъ различныхъ системъ не придумаютъ они для великаго зданія! Какъ будутъ строить и перестраивать ихъ, стараясь придать имъ видъ истины, какъ будутъ запутывать центрическими и эксцентрическими путями, циклами и эпициклами, начертывая круги въ кругахъ. Я угадываю это по твоимъ разсужденіямъ, а ими будутъ руководиться твои потомки. Ты думаешь, что величайшія и болѣе блестящія тѣла не должны служить тѣламъ меньшимъ, лишеннымъ свѣта, и что напрасно совершаютъ Небеса вѣчное свое теченіе, тогда какъ Земля стоитъ неподвижно и одна получаетъ пользу отъ всѣхъ другихъ тѣлъ. Но разсуди сперва, что величина и блескъ не составляютъ еще превосходства: земля, столь малая въ сравненіи съ Небомъ, безъ блеска, можетъ заключать въ себѣ болѣе важныя достоинства, чѣмъ солнце, которое сіяло бы безплодно, если бы свѣтъ его, безполезный для него самого, не падалъ на плодоносную землю; лишь отъ соприкосновенія съ нею лучи его проявляютъ свою силу; иначе они пропадали бы безъ дѣйствія. Но не землѣ служатъ тѣ блестящія свѣтила, а тебѣ, жителю земли. Безпредѣльность же небесныхъ пространствъ да повѣдаетъ славу и великолѣпіе Творца обширной вселенной: для того такъ далеко простеръ Онъ Свою черту, дабы человѣкъ зналъ, что онъ живетъ не въ собственномъ жилищѣ, что слишкомъ обширно это зданіе, чтобы могъ онъ его наполнить, занимая малѣйшую его часть. Все прочее предназначено

And Raphael, now to Adam's doubt proposed,
Benevolent and facile, thus reply'd:
To ask or search I blame thee not; for Heav'n
Is as the book of God before thee set,
Wherein to read his wondrous works, and learn
His seasons, hours, or days, or months, or years.
This to attain, whether Heav'n move or Earth,
Imports not, if thou reckon right: the rest
From Man or Angel the Great Architect
Did wisely to conceal, and not divulge
His secrets, to be scann'd by them who ought
Rather admire: or if they list to try
Conjecture, he his fabric of the Heav'ns
Hath left to their disputes, perhaps to move
His laughter at their quaint opinions wide
Hereafter, when they come to model Heav'n
And calculate the stars, how they will wield
The mighty frame, how build, unbuild, contrive
To save appearances, how gird the sphere
With centric and eccentric scribbled o'er,
Cycle and epicycle, orb in orb.

Already by thy reasoning this I guess
Who art to lead thy offspring, and supposest
That bodies bright and greater should not serve
The less not bright, nor Heav'n such journeys run,
Earth sitting still, when she alone receives
The benefit. Consider first, that great
Or bright infers not excelence: the earth,
Though, in comparison of Heav'n, so small,
Nor glist'ring, may of solid good contain
More plenty than the sun that barren shines,
Whose virtue on itself works no effect,
But in the fruitful earth; there first received
His beams, unactive else, their vigour find.
Yet not to earth are those bright luminaries
Officious, but to thee earth's habitant.
And for the Heav'n's wide circuit, let it speak
The Maker's high magnificence, who built
So spacious, and his line stretch'd out so far,
That man may know he dwells not in his own:
An edifice too large for him to fill,
Lodged in a small partition, and the rest

для употребленій, вѣдомыхъ Одному Творцу. Въ быстротѣ тѣхъ безчисленныхъ круговъ познай Его Всемогущество: Онъ веществу могъ дать почти духовную скорость. Что скажешь ты о моей быстротѣ? Я утромъ отправился въ путь съ высоты Небесъ, обители Бога, и раньше полудня прибылъ въ Эдемъ, пролетѣвъ разстояніе, невыразимое никакими числами.

«Я разсуждаю съ тобою такъ, допуская движеніе въ Небесахъ, единственно для убѣжденія тебя въ томъ, какъ слабы основанія твоихъ сомнѣній; я не утверждаю, что оно есть въ дѣйствительности, хотя бы и казалось тебѣ такъ съ земли, гдѣ ты живешь. Богъ помѣстилъ Небо въ такой дали отъ Земли, чтобы скрыть Свои пути отъ ума человѣческаго; всякій, кто дерзнетъ устремить къ нимъ око, будетъ лишь заблуждаться въ вещахъ слишкомъ высокихъ, и не пріобрѣтетъ никакой пользы.

«Что если бы солнце стояло въ средоточіи вселенной, а другія свѣтила, движимыя какъ его, такъ и своею собственной притягательной силой, описывали вокругъ него различные круги? [140]) Неровное ихъ теченіе ты видишь въ шести изъ этихъ свѣтилъ; они то возвышаются, то опускаются, то будто прячутся, идутъ впередъ, отступаютъ или стоятъ неподвижно. Что если бы седьмая изъ планетъ, земля, представляясь неподвижной, нечувствительно увлекалась тремя различными движеніями? Ты приписалъ бы это движеніе тремъ различнымъ сферамъ, предполагая, что онѣ вращаются въ противоположныхъ направленіяхъ и перекрещиваются въ своемъ косвенномъ пути? Или долженъ ты освободить солнце отъ великаго труда, или предположить невидимаго ночного и дневного двигателя, быстро вращающагося выше всѣхъ звѣздъ, подобно колесу дня и ночи. Но какъ же тебѣ вѣрить этому, если дѣятельная земля сама стремится къ востоку на встрѣчу дня, и однимъ полушаріемъ своимъ, противоположнымъ лучамъ солнца, погружена въ ночь, въ то время какъ другое освѣщено свѣтиломъ дня? Что если этотъ свѣтъ, отраженный землею сквозь прозрачный кристаллъ воздуха, служитъ свѣтиломъ лунѣ, освѣщая ее днемъ, какъ она свѣтитъ землѣ ночью? Обоюдная услуга, если на лунѣ есть также земли, поля и жители. Ты видишь на ней пятна, похожія на облака: изъ облаковъ можетъ падать дождь, а дождь

Ordain'd for uses to his Lord best known.
The swiftness of those circles attribute,
Though numberless, to his omnipotence,
That to corporeal substances could add
Speed almost spiritual. Me thou think'st not slow,
Who since the morning-hour set out from Heav'n,
Where God resides, and ere mid-day arrived
In Eden, distance inexpressible
By numbers that have name. But this I urge,
Admitting motion in the Heav'ns, to show
Invalid that which thee to doubt it moved;
Not that I so affirm, though so it seem
To thee who hast thy dwelling here on earth.
God, to remove his ways from human sence,
Placed Heav'n from Earth so far, that earthly sight,
If it presume, might err in things too high,
And no advantage gain. What if the sun
Be centre to the world, and other stars,
By his attractive virtue and their own
Incited, dance about him various rounds?
Their wand'ring course now high, now low, then hid,
Progressive, retrograde, or standing still,
In six thou seest, and what if sev'nth to these
The planet earth, so steadfast though she seem,
Insensibly three diff'rent motions move?
Which else to sev'ral spheres thou must ascribe,
Moved contrary with thwart obliquities,
Or save the sun his labour, and that swift
Nocturnal and diurnal rhomb, supposed,
Invisible else above all stars, the wheel
Of day and night; which needs not thy belief,
If earth industrious of herself fetch day
Travelling east, and with her part averse
From the sun's beam meet night, her other part
Still luminous by his ray. What if that light,
Sent from her through the wide transpicuous air,
To the terrestrial moon, be as a star
Enlight'ning her by day, as she by night
This earth? reciprocal, if land be there,
Fields and inhabitants. Her spots thou seest
As clouds, and clouds may rain, and rain produce

можетъ производить на размягченной почвѣ плоды въ пищу живущимъ въ томъ мірѣ. Можетъ быть, ты откроешь другія солнца, сопровождаемыя лунами, изливающими свои лучи, мужскіе и женскіе: эти два великіе рода одушевляютъ вселенную и, быть можетъ, населятъ всѣ міры живыми существами. Могутъ ли находиться въ природѣ пространныя пустыни, міры безплодные, необитаемые живыми существами, назначенные единственно для того, чтобы черезъ столь далекое разстояніе бросать слабые лучи свѣта на этотъ обитаемый міръ, въ свою очередь отражающій полученный свѣтъ,—вопросъ сомнительный. Но правильна эта система или нѣтъ, солнце ли, владычествуя на высотѣ небесъ, восходитъ надъ землею, или земля восходитъ надъ солнцемъ; оно ли съ востока начинаетъ пламенный свой путь, или земля мирно подвигается въ своемъ тихомъ пути съ запада, покоясь на своей легкой оси, между тѣмъ какъ та движется и такъ же плавно, неслышно уноситъ тебя вмѣстѣ съ окружающею атмосферой,—не утруждай напрасно твоихъ мыслей надъ этими сокровенными тайнами, предоставь ихъ Богу Всевышнему. Служи Ему и страшись Его! Да располагаетъ Онъ по волѣ Своей всѣми созданіями, гдѣ бы они ни были поставлены: наслаждайся тѣмъ, что даровано тебѣ—Раемъ и твоею прекрасною Евой. Небо слишкомъ далеко отъ тебя, чтобы знать что тамъ происходитъ. Будь смиренно мудръ; помышляй лишь о себѣ и о томъ, что касается тебя и твоей жизни; не мечтай о другихъ мірахъ, о созданіяхъ, на нихъ живущихъ, ихъ судьбѣ, степени ихъ блаженства; довольствуйся тѣмъ, что тебѣ открыто не только о Землѣ, но даже о высочайшемъ Небѣ.»

Адамъ, просвѣщенный въ своихъ сомнѣніяхъ, отвѣчаетъ: «Чистый небесный Разумъ, свѣтлый Ангелъ, ты вполнѣ удовлетворилъ меня, избавилъ отъ многихъ заботъ; ты показалъ мнѣ легчайшій путь жизни, научилъ не отравлять безпокойными мыслями сладости этой жизни, отъ которой Господь повелѣлъ удалиться всѣмъ тревогамъ и заботамъ; онѣ не смѣютъ коснуться насъ, если мы сами не будемъ искать ихъ въ пустыхъ мечтахъ, въ суетныхъ знаніяхъ! Но умъ или воображеніе, не зная предѣловъ, блуждаютъ въ безконечномъ лабиринтѣ, пока предостереженіе

Fruits in her soften'd soil, for some to eat
Allotted there; and other suns perhaps
With their attendant moons thou wilt descry,
Communicating male and female light,
Which two great sexes animate the world,
Stored in each orb perhaps with some that live.
For such vast room in nature unpossess'd
By living soul, desert and desolate,
Only to shine, yet scarce to contribute
Each orb a glimpse of light, convey'd so far
Down to this habitable, which returns
Light back to them, is obvious to dispute.
But whether thus these things, or whether not;
Whether the sun predominant in Heav'n
Rise on the earth, or earth rise on the sun,
He from the east his flaming road begin,
Or she from west her silent course advance
With inoffensive pace that spinning sleeps
On her soft axle, while she paces even,
And bears thee soft with the smooth air along.
Solicit not thoughts with matters hid;
Leave them to God above; him serve and fear!
Of other creatures, as him pleases best,
Wherever placed, let him dispose: joy thou
In what he gives to thee, this Paradise
And thy fair Eve. Heav'n is for thee too high
To know what passes there. Be lowly wise:
Think only what concerns thee and thy being;
Dream not of other worlds, what creatures there
Live, in what state, condition, or degree,
Contented that thus far hath been reveal'd
Not of Earth only, but of highest Heav'n.
To whom thus Adam, clear'd of doubt, reply'd:
How fully hast thou satisfy'd me, pure
Intelligence of Heav'n, Angel serene,
And freed from intricacies, taught to live
The easiest way; nor with parplexing thoughts
To interrupt the sweet of life, from which
God hath bid dwell far off all anxious cares,
And not molest us unless we ourselves
Seek them with wand'ring thoughts, and notions vain!
But apt the mind or fancy is to rove
Uncheck'd, and of her roving is no end;

или опытъ не научатъ насъ, что высшая мудрость состоитъ не въ глубокомъ познанiи далекихъ отъ насъ вещей, отвлеченныхъ, темныхъ, но въ разумѣнiи того, что видимъ мы передъ собою въ ежедневной жизни. Все остальное—дымъ, суета, безумiе, могущее сдѣлать насъ еще болѣе неопытными, не приготовленными въ сужденiи о вещахъ, наиболѣе намъ близкихъ, вѣчно недовольными. Итакъ, спустимся съ этой высоты, пусть будетъ полетъ нашъ смиреннѣе: побесѣдуемъ о предметахъ болѣе близкихъ, полезныхъ; можетъ быть, это доставитъ мнѣ случай обратиться къ тебѣ съ вопросомъ, который ты не найдешь лишнимъ и съ обычной твоей добротою удостоишь отвѣтомъ.

«Ты повѣдалъ мнѣ событiя, происшедшiя ранѣе моей памяти; теперь выслушай мою повѣсть, которой ты, можетъ быть, не слышалъ. День еще не на закатѣ; ты видишь, какъ я ищу предлога удержать тебя здѣсь, поэтому и прошу выслушать мой разсказъ. Это было бы безумiемъ, если бы я не надѣялся получить отъ тебя отвѣта. Съ тѣхъ поръ, какъ я сижу такъ съ тобою, мнѣ кажется будто я на Небѣ; рѣчь Твоя сладостнѣе для моего слуха, чѣмъ пальмовые плоды, которые послѣ трудовъ утоляютъ всего прiятнѣе и жажду, и голодъ: въ тихiй часъ отдыха они прiятны, но скоро насыщаютъ и прiѣдаются, твои же слова, проникнутыя божественной благодатью, питаютъ своей сладостiю душу, никогда не насыщая.»

Рафаилъ съ небесною кротостью отвѣчаетъ на это: «Праотецъ человѣческаго рода, и твои уста не лишены сладости и языкъ краснорѣчiя, и на тебя Господь щедро излилъ Свои дары, какъ внѣшнiе, такъ и внутреннiе; ты Его прекрасный образъ: говоришь ты или молчишь, красоты и благородства полны каждое твое слово, каждое движенiе. Мы, жители Неба, смотримъ на тебя, живущаго на землѣ, не иначе какъ на нашего собрата по служенiю Богу, и съ радостiю изслѣдуемъ въ Человѣкѣ пути Божiи; мы видимъ, что Господь возвеличилъ тебя, и возлюбилъ Человѣка наравнѣ съ нами.

«И такъ, разсказывай. Въ тотъ день я былъ въ отсутствiи: трудное, мрачное путешествiе долженъ я былъ свершить къ далекимъ вратамъ Ада.

Till warn'd or by experience taught, she learn,
That not to know at large of things remote
From use, obscure and subtle, but to know
That which before us lies in daily life,
Is the prime wisdom; what is more is fume,
Or emptiness, or fond impertinence,
And renders us in things that most concern
Unpractised, unprepared, and still to seek.
Therefore from this high pitch let us descend
A lower flight, and speak of things at hand
Useful, whence haply mention may arise
Of something not unseasonable to ask
By suffrance, and thy wonted favour deign'd
  Thee I have heard relating what was done
Ere my remembrance: now hear me relate
My story, which perhaps thou hast not heard;
And day is yet not spent; till then thou seest
How subtly to detain thee I devise,
Inviting thee to hear while I relate,
Fond, were it not in hope of thy reply:
For while I sit with thee, I seem in Heav'n;
And sweeter thy discourse is to my ear
Than fruits of palm-tree pleasantest to thirst
And hunger both, from labour, at the hour
Of sweet repast: they satiate and soon fill,
Though pleasant, but thy words, with grace divine
Imbued, bring to their sweetness no satiety.
  To whom thus Raphael answer'd heav'nly meek:
Nor are thy lips ungraceful, Sire of men,
Nor tongue ineloquent; for God on thee
Abundantly his gifts hath also pour'd
Inward and outward both, his image fair:
Speaking or mute, all comeliness and grace
Attends thee, and each word, each motion forms:
Nor less think we in Heav'n of thee on Earth
Than of our fellow-servant, and inquire
Gladly into the ways of God with Man:
For God, we see hath honour'd thee, and set
On Man his equal love: say therefore on;
For I that day was absent, as befel,
Bound on a voyage uncouth and obscure,
Far on excursion tow'rd the gates of Hell;

Цѣлый четырехсторонній легіонъ (такое дано было намъ велѣніе) стоялъ на стражѣ, чтобы какой нибудь соглядатай или врагъ не вышелъ оттуда, въ то время когда Богъ будетъ занятъ твореніемъ; иначе, дерзкое вторженіе раздражило бы Его такъ, что твореніе Онъ смѣшалъ бы съ разрушеніемъ. Никогда не дерзнули бы они ни на что безъ Его воли, но Верховный Царь возлагаетъ на насъ Свои высокія велѣнія, дабы явить Свое величіе и пріучать насъ къ быстрому повиновенію.

«Крѣпки были ужасныя врата, подъ крѣпкими затворами, подъ твердыми оградами; но издали еще слышенъ былъ оттуда шумъ,—то были звуки не веселія и пѣсенъ, а стенанія, вопли, крики дикаго бѣшенства и мукъ. Съ какою радостію вернулись мы въ горнія страны свѣта раньше вечера Субботы: такъ было намъ повелѣно. Но твой разсказъ, я жду его; онъ доставитъ мнѣ не менѣе удовольствія, чѣмъ мои слова доставили тебѣ.»

Такъ говорила богоподобная Власть; нашъ праотецъ отвѣчалъ: «Мудрено человѣку повѣдать, какъ началась человѣческая жизнь. Кто же знаетъ свое собственное начало? Только желаніе продлить бесѣду съ тобою заставляетъ меня говорить.

«Словно бы пробудясь отъ глубокаго сна, увидѣлъ я себя; я спокойно лежалъ на цвѣтущей травѣ, въ благовонной влагѣ, которая скоро была высушена солнечными лучами, впивавшими испаряющуюся сырость. Прямо къ Небу обратилъ я мои удивленные взоры, и созерцалъ нѣсколько времени его обширный сводъ; потомъ, какъ бы въ стремленіи къ нему, повинуясь невольному внутреннему движенію, я поднялся и всталъ на ноги. Я увидѣлъ вокругъ себя холмы, долины, тѣнистый лѣсъ, поля, облитыя лучами солнца, льющіяся съ тихимъ говоромъ рѣки: вездѣ двигались живыя созданія; одни ходили, другія лежали; въ вѣтвяхъ пѣли птицы: вся природа улыбалась; сердце мое утопало въ ароматахъ и радости.

«Наконецъ, я сталъ разсматривать самого себя, всѣ свои члены; то пройдусь, то побѣгу, и гибкіе члены повинуются управляющей ими жизненной силѣ. Но кто я, гдѣ, откуда явился? этого я не вѣдалъ. Пробую говорить—и сейчасъ же заговорилъ; языкъ мой повинуется и немедленно

Squared in ful legion (such command we had)
To see that none thence issued forth a spy,
Or enemy, while God was in his work,
Lest he, incensed at such eruption bold,
Destruction with creation might have mix'd.
Not that they durst without his leave attempt,
But us he sends upon his high behests
For state, as Sov'reign King, and to inure
Our prompt obedience. Fast we found, fast shut
The dismale gates, and barricado'd strong;
But long ere our approaching, heard within
Noise, other than the sound of dance or song;
Torment, and loud lament, and furious rage.
Glad we return'd up to the coasts of light
Ere Sabbath ev'ning: so we had in charge.
But thy relation now; for I attend,
Pleased with thy words, no less than thou with mine.
So spake the God-like Pow'r, and thus our sire:
For man to tell how human life began
Is hard; for who himself beginning knew?
Desire with thee still longer to converse
Induced me. As new waked from soundest sleep
Soft on the flowery herb I found me laid
In balmy sweat, which with his beams the sun
Soon dry'd, and on the reeking moisture fed.
Straight toward Heav'n my wond'ring eyes I turn'd,
And gazed a while the ample sky, till raised
By quick instenctive motion, up I sprung,
As thitherward endeav'ring, and upright
Stoot on my feet. About me round I saw
Hill, dale, and shady woods, and sunny plains,
And liquid lapse of murm'ring streams: by these,
Creatures that lived, and moved, and walk'd, or flew:
Birds on the branches warbling: all things smiled;
With fragrance and with joy my heart o'erflow'd.
Myself I then perused, and limb by limb
Survey'd, and sometimes went, and sometimes ran
With supple joints, as lively vigour led:
But who I was, or where, or from what cause,
Knew not. To speak I try'd, and forthwith spake;
My tongue obey'd, and readily could name

даетъ названія всему, что я вижу. О Солнце, воскликнулъ я, дивное свѣтило! и ты, озаряемая имъ Земля, веселая и цвѣтущая, вы, Горы и Долины, вы, Рѣки, Лѣса и Поля, и вы, красивыя Творенія, одаренныя движеніемъ и жизнію, скажите, скажите, если видѣли, какъ явился я здѣсь? откуда? Не самъ же собою: значитъ, я созданъ великимъ Творцомъ, великимъ благостію столько же, какъ силою! Скажите мнѣ, какъ могу я узнать Его, какъ поклоняться мнѣ Тому, Кто даровалъ мнѣ движеніе, жизнь, блаженство, которое, я чувствую это, выше чѣмъ я могу сознать теперь.

«Взывая такъ, я блуждалъ, стремясь не зная куда, и удаляясь отъ того мѣста, гдѣ впервые вдохнулъ воздухъ, впервые увидѣлъ этотъ чудесный свѣтъ; но ни откуда не слыша отвѣта, въ раздумьи, сѣлъ подъ тѣнью на зеленый дернъ, усѣянный цвѣтами. Здѣсь въ первый разъ овладѣлъ мною тихій сонъ и своимъ нѣжнымъ гнетомъ сковалъ мои усыпленныя чувства, не тревожа ихъ, хотя мнѣ казалось, что я нечувствительно перехожу къ первобытному моему состоянію и сейчасъ же разсѣюсь въ ничто. Вдругъ сновидѣніе тихо встало къ моему изголовью; изъ чуднаго представленія, какое нарисовало оно въ моемъ воображеніи, я увѣрился въ своемъ бытіи, въ томъ, что я живу еще. Приснилось мнѣ, будто Кто-то божественнаго вида подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Твое жилище ожидаетъ тебя, Адамъ; встань, Первенецъ человѣческаго рода, предназначенный быть Отцомъ безчисленнаго потомства. Ты звалъ Меня, и Я пришелъ, чтобы ввести тебя въ блаженный садъ, приготовленный для твоего жилища.» Сказавъ это, Онъ беретъ меня за руку, поднимаетъ и ведетъ меня, не ступая, а какъ бы скользя по воздуху, черезъ поля и воды, и наконецъ, возводитъ на лѣсистую гору. На самой вершинѣ ея была обширная равнина, обнесенная кругомъ прекраснѣйшими деревьями, съ живописными дорожками, съ тѣнистыми купами рощъ. Все, что я видѣлъ ранѣе на землѣ, въ сравненіи съ этимъ мѣстомъ, почти перестало казаться мнѣ прекраснымъ. Каждое дерево обременено было дивными плодами, висѣвшими такъ соблазнительно для глазъ; во мнѣ вдругъ родилось желаніе сорвать ихъ и вкусить. Тутъ я проснулся, и въ самомъ дѣлѣ вижу передъ

Whate'er I saw. Thou Sun, said I, fair light,
And thou enlighten'd Earth, so fresh and gay;
Ye Hills and Dales, ye Rivers, Woods, and Plains,
And ye that live and move, fair Creatures, tell,
Tell if ye saw, how came I thus? how here?
Not of myself; by some great Maker then,
In goodness and in pow'r pre-eminent!
Tell me, how may I know him, how adore,
From whom I have that thus I move and live,
And feel that I am happier than I know.
While thus I call'd, and stray'd I knew not whither,
From where I first drew air, and first beheld
This happy light, when answer none return'd
On a green shady bank profuse of flow'rs,
Pensive I sat me down; there gentle sleep
First found me, and with soft oppression seized
My droused sense, untroubled, though I thought
I then was passing to my former state
Insensible, and forthwith to dissolve:
When suddenly stood at my head a dream,
Whose inward apparition gently moved
My fancy to believe I yet had being,
And lived. One came, methought, of shape divine,
And said, Thy mansion wants thee Adam; rise,
First man, of men innumerable ordain'd
First Father; call'd by thee, I come thy guide
To the garden of bliss, thy seat prepared.
So saying, by the hand he took me raised,
And over fields and waters, as in air
Smooth sliding without step, last led me up
A woody mountain, whose high top was plain;
A circuit wide, inclosed, with goodliest trees
Planted, with walks and bow'rs, that what I saw
Of earth before scarce pleasant seem'd. Each tree
Loaden with fairest fruit, that hung to th' eye
Tempting, stirr'd in me sudden appetite
To pluck and eat; whereat I waked, and found

моими глазами все то, что такъ живо представилъ мнѣ сонъ. Снова пошелъ бы я бродить на удачу, какъ вдругъ среди деревьевъ показался Тотъ путеводитель, Который возвелъ меня сюда. Божественное явленіе!

«Исполненный радости, но съ трепетнымъ благоговѣніемъ, палъ я къ Его стопамъ въ смиренномъ поклоненіи. Онъ поднялъ меня и кротко сказалъ: «Я Тотъ, Кого ты ищешь, Я Творецъ всего, что ты видишь вокругъ себя, внизу, и вверху, надъ тобою. Этотъ Рай Я дарую тебѣ; считай его своимъ, храни и воздѣлывай его, и вкушай въ немъ всѣ плоды. Отъ всякого дерева, растущаго въ саду, вкушай свободно, съ веселымъ сердцемъ; не бойся неурожая. Но, помни, что Я скажу тебѣ о деревѣ, дающемъ познаніе добра и зла, деревѣ, посаженномъ Мною среди сада подлѣ дерева жизни для испытанія твоего послушанія и вѣрности: страшись прикасаться къ нему, страшись горькихъ послѣдствій. Знай, въ тотъ день, когда вкусишь ты отъ его плода, нарушивъ этимъ Мою единственную заповѣдь, ты подвергнешь себя неизбѣжной смерти. Съ того дня станешь ты смертнымъ, лишишься этого блаженнаго состоянія и будешь изгнанъ отсюда въ міръ страданій и скорби.»

«Грозно произнесъ Онъ строгую заповѣдь; понынѣ въ ушахъ моихъ страшно звучитъ Его голосъ, хотя въ моей власти не навлекать на себя Его гнѣва. Но скоро ликъ Его сталъ попрежнему ясенъ, и Онъ милостиво вѣщалъ опять:

«Не только эти прекрасные предѣлы, но всю землю дарую Я тебѣ и твоему потомству: будьте ея владыками, обладайте ею и всѣмъ, что живетъ на ней, въ моряхъ, въ воздухѣ, всѣми звѣрями, рыбами, птицами. Въ знакъ твоей власти, смотри, вотъ всѣ животныя и птицы, по ихъ породамъ: Я призвалъ ихъ къ тебѣ, чтобы они получили отъ тебя имена и изъявили тебѣ нижайшую преданность и покорность. Подвластны тебѣ и всѣ рыбы въ водяныхъ ихъ жилищахъ; онѣ не призваны къ тебѣ, потому что не могутъ перемѣнить своей стихіи на воздухъ, слишкомъ легкій для ихъ дыханія.» При этихъ словахъ, всѣ птицы и звѣри приближаются ко мнѣ по-парно; животныя съ ласкою склоняютъ колѣна, птицы преклоняются предо мною, складывая крылья. Когда они проходили мимо меня,

Before mine eyes all real, as the dream
Had lively shadow'd. Here had new begun
My wand'ring, had not he who was my guide
Up hither, from among the trees appear'd,
Presence divine. Rejoicing, but with awe,
In adoration at his feet I fell
Submiss: he rear'd me, and Whom thou sought'st I am,
Said mildly; Author of all this thou seest
Above, or round about thee, or beneath.
This Paradise I give thee: count it thine
To till and keep, and of the fruit to eat.
Of every tree that in the garden grows
Eat freely with glad heart; fear here no dearth;
But of the tree whose operation brings
Knowledge of good and ill, which I have set
The pledge of thy obedience and thy faith,
Amid the garden, by the tree of life,
Remember what I warn thee: Shun to taste,
And shun the bitter consequence; for know,
The day thou eat'st thereof, my sole command
Transgress'd, inevitably thou shalt die;
From that day mortal, and this happy state
Shalt lose; expell'd from hence into a world
Of woe and sorrow. Sternly he pronounced
The rigid interdiction, which resounds
Yet dreatful in mine ear, though in my choice
Not to incur; but soon his clear aspect
Return'd, and gracious purpose thus renew'd:
Not only these fair bounds, but all the earth
To the and to thy race I give: as lords
Posses it, and all things that therein live,
Or live in sea, or air; beast, fish and fowl.
In sign whereof each bird and beast behold
After their kinds: I bring them to receive
From thee their names, and pay thee fealty
With low subjection. Understand the same
Of fish within their wat'ry residence,
Not hither summon'd, since they cannot change
Their element to draw the thinner air.
As thus he spake, each bird and beast behold
Approaching two and two; these cow'ring low
With blandisment, each bird stoop'd on his wing.

я давалъ имъ имена, постигая ихъ природу: такую внезапную прозорливость даровалъ мнѣ Господь! Но среди этихъ созданій я не находилъ того, котораго все еще не доставало мнѣ, какъ мнѣ казалось, и я дерзнулъ обратиться къ небесному Видѣнію:

«О, какимъ именемъ назвать Тебя? Ты выше всѣхъ созданій, выше человѣка, или еще высшаго чѣмъ человѣкъ, Ты превышаешь всякое имя! Какъ воздать Тебѣ поклоненіе, Творецъ вселенной и всѣхъ этихъ благъ, дарованныхъ человѣку? Для его счастія такою щедрою рукою разсыпалъ Ты всѣ эти дары! Но я не вижу созданія, которое бы раздѣлило ихъ со мною. Въ одиночествѣ возможно ли счастіе? Можетъ ли кто наслаждаться одинъ, или, наслаждаясь всѣмъ, будетъ ли счастливъ?» Такъ говорилъ я дерзновенно, и Свѣтлое Видѣніе, еще болѣе просвѣтлѣвшее отъ небесной улыбки, отвѣчало мнѣ:

«Что называешь ты одиночествомъ? Развѣ земля не населена различными родами живыхъ созданій, и воздухъ не полонъ ими? Развѣ не въ твоей власти призвать ихъ, чтобы они увеселяли тебя своими играми? Не понятенъ развѣ тебѣ ихъ языкъ и обычай? У нихъ также есть разумъ; не пренебрегай ими. Ищи развлеченій съ ними и управляй ими; царство твое обширно.» Такъ вѣщалъ Всемірный Владыко; казалось, Онъ повелѣвалъ мнѣ. Но я молилъ Его позволить мнѣ сказать еще слово, и такъ обратился къ Нему съ смиренною рѣчью:

«Да не оскорбятъ Тебя мои слова, о Небесная Сила! Создатель мой, будь милостивъ къ моей рѣчи! Не Ты ли создалъ меня, чтобы заступать здѣсь Твое мѣсто, а всѣхъ этихъ тварей поставилъ такъ несравненно ниже меня? Между неравными какое можетъ быть общество? Какое счастіе, какое истинное наслажденіе? Взаимное удовольствіе получается и дается въ равной мѣрѣ; его не можетъ быть въ неравенствѣ, когда одинъ силенъ, другой постоянно приниженъ; такія существа не могутъ сойтись надолго, скоро оба испытываютъ одинаковую скуку. Я говорю о такомъ обществѣ, какого я ищу, обществѣ, способномъ раздѣлять разумныя наслажденія, а можетъ ли звѣрь быть въ этомъ товарищемъ человѣку? Всякое существо ищетъ удовольствія съ подобнымъ себѣ.—Ты Самъ такъ

I named them as they pass'd, and understood
Their nature; with such knowledge God indued
My sudden apprehension: but in these
I found not what methought I wanted still;
And to the heav'nly Vision thus presumed:
O by what name, for thou above all these,
Above mankind, or aught than mankind higher,
Surpassest far my naming, how may I
Adore thee, Author of this universe,
And all this good to man? for whose well being
So amply, and with hands so liberal
Thou hast provided all things! but with me
I see not who partakes. In solitude
What happines? Who can enjoy alone,
Or all enjoying, what contentment find?
Thus I presumptuous; and the Vision bright,
As with a smile more brighten'd, thus reply'd:
What call'st thou solitude? Is not the earth
With various living creatures, and the air
Replenish'd? and all these at thy command
To come and play before thee? Know'st thou not
Their language and their ways? They also know,
And reason not contemptibly. With these
Find pastime, and bear rule; thy realm is large
So spake the universal Lord, and seem'd
So ordering. I, with leave of speech implored,
And humble deprecation, thus reply'd:
Let not my words offend thee, Heav'nly Pow'r!
My Maker, be propitious while I speak!
Hast thou not made me here thy substitute,
And these inferior far beneath me set?
Among unequals what society
Can sort? what harmony or true delight?
Which must be mutual, in proportion due
Giv'n and received; but in disparity,
The one intense, the other still remiss
Cannot well suit with either, but soon prove
Tedious alike: Of fellowship I speak
Such as I seek, fit to participate
All rational delight, wherein the brute
Cannot be human consort: they rejoice

разумно сочеталъ ихъ: левъ ищетъ львицу, обезьяна не живетъ съ воломъ, еще менѣе того сообщается со скотомъ птица, или рыба съ пернатыми. Какія же отношенія могутъ быть у человѣка съ животнымъ: всего менѣе способенъ онъ на это.»

«Всемогущій, не гнѣваясь, отвѣчалъ: «Я вижу, Адамъ, ты представляешь себѣ чистое, возвышенное счастіе въ выборѣ соучастника жизни, и въ самомъ удовольствіи не находишь радости, оставаясь одинокимъ. Что же думаешь ты обо Мнѣ, и о Моемъ состояніи? Считаешь ли ты полнымъ Мое блаженство? Я Одинъ во всей вѣчности, нѣтъ ни второго по Мнѣ, ни подобнаго Мнѣ, еще менѣе Мнѣ равнаго. Съ кѣмъ же Мнѣ бесѣдовать, кромѣ созданій, Мною сотворенныхъ? А они ниже Меня! Безконечно далѣе они отъ Меня, чѣмъ отъ тебя всѣ остальныя твари.»

«Онъ умолкъ; я смиренно отвѣтилъ: «Всевышній Создатель, безсильна мысль человѣческая, чтобы постигнуть высоту и глубину Твоихъ вѣчныхъ путей! Ты Самъ есть совершенство, въ Тебѣ нѣтъ ни одного недостатка. Не такъ сотворенъ человѣкъ; онъ совершенствуется лишь постепенно; отсюда его желаніе сообщества себѣ подобнаго; онъ ищетъ въ немъ поддержки, облегченія своихъ недостатковъ. Ты не имѣешь потребности въ размноженіи, Ты безконеченъ. Одинъ Ты заключаешь въ Себѣ всѣ числа. Но человѣкъ численностію долженъ восполнить несовершенство своего существа, производить себѣ подобныхъ, и, для размноженія образа своего, несовершеннаго въ немъ одномъ, требуетъ взаимной любви, нѣжнѣйшей дружбы. Въ тайнѣ Твоего величія, Одинъ во всю вѣчность, Ты не можешь имѣть лучшаго сообщества кромѣ Самого Себя, и не ищешь другого; но если бы Тебѣ это было угодно, Ты могъ бы поднять Твое созданіе до высоты, достойной такого союза, Ты могъ бы обоготворить его. Но я не могу возвысить до своего сообщества этихъ скотовъ, склоненныхъ къ землѣ, и находить удовольствіе съ ними.» Такъ, дерзновенный, говорилъ я съ дозволенною Имъ свободой и былъ Имъ услышанъ; и такой милосердный отвѣтъ изрекъ Его божественный голосъ:

«До этой минуты, Адамъ, Мнѣ угодно было испытывать тебя: Я вижу, ты постигъ не только животныхъ, которымъ ты далъ вѣрныя имена, но

Each with their kind; lion with lioness;
So fitly them in pairs thou hast combined:
Much less can bird with beast, or fish with fowl
So well converse; nor with the ox the ape:
Worse then can man with beast, and least of all.
Whereto th' Almighty answer'd not displeased:
A nice and subtle happiness I see
Thou to thyself proposest in the choice
Of thy associates, Adam, and wilt taste
Not pleasure, though in pleasure, solitary.
What think'st thou then of me, and this my state?
Seem I to thee sufficiently possess'd
Of happiness, or not, who am alone
From all eternity? for none I know
Second to me, or like, equal much less.
How have I then with whom to hold converse
Save with the creatures which I made? and those
To me inferior! infinite descents
Beneath what other creatures are to thee.
He ceased; I lowly answer'd: To attain
The height and depth of thy eternal ways,
All human thoughts come short, Supreme of things!
Thou in thyself art perfect, and in thee
Is no deficience found. Not so is Man,
But in degree; the cause of his desire
By conversation with his like to help,
Or solace his defects. No need that thou
Should'st propagate, already infinite,
And trough all numbers absolute, though one;
But Man by number is to manifest
His single imperfection, and beget
Like of his like, his image multiply'd
In unity defective, which requires
Collat'ral love, and dearest amity.
Thou in thy secrecy, although alone,
Best with thyself accompany'd, seek'st not
Social communication; yet so pleased,
Canst raise thy creature to what height thou wilt
Of union or communion, deify'd:
I by conversing cannot these erect
From prone, nor in their ways complacence find.
Thus I embolden'd spake, and freedom used
Permissive, and acceptance found; which gain'd
This answer from the gracious voice divine:
Thus far to try thee, Adam, I was pleased:
And find thee knowing not of beasts alone,
Which thou hast rightly named, but of thyself;

и самого себя. Въ словахъ твоихъ ясно выразился тотъ свободный духъ, который Я вложилъ въ тебя, Мой образъ, не дарованный Мною безсловеснымъ тварямъ; вотъ почему сообщество ихъ для тебя не годится; ты правъ, смѣло отвергая его. Оставайся при этихъ мысляхъ. Прежде чѣмъ ты сталъ говорить, Я зналъ, что не хорошо Человѣку быть одному. Не тѣхъ тварей, что видишь ты здѣсь, назначалъ я для сожительства съ тобою; я предлагалъ его тебѣ только для того, чтобы испытать, какъ будешь ты судить о томъ, что тебѣ прилично. Существо, которое Я теперь приведу къ тебѣ, понравится тебѣ, будь въ томъ увѣренъ; въ немъ найдешь ты свой образъ, истинную свою опору, другую свою половину, все, чего желаетъ такъ твое сердце.»

«Онъ умолкъ, или я пересталъ Его слышать. Небесное величіе такъ удручило мое земное существо, я такъ долго напрягалъ свои силы въ божественной, высокой бесѣдѣ, что, какъ бы ослѣпленный предметомъ слишкомъ высокимъ для моихъ понятій, въ изнеможеніи упалъ я на землю, и во снѣ искалъ подкрѣпленія. Природа немедленно послала его мнѣ на помощь, и онъ сомкнулъ мои очи. Сомкнулись сномъ глаза мои, но воображеніе мое, внутренній взоръ мой остался открытымъ. Я былъ въ состояніи восторга: казалось мнѣ, хотя я спалъ, будто вижу я, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я лежалъ, Тотъ лучезарный образъ, Который былъ передо мною на яву. Онъ наклонился надо мною, отверзъ лѣвый бокъ мой и вынулъ изъ него ребро, горячее отъ сердечной крови, источника жизни; глубока была рана; но она мгновенно наполнилась плотію и исцѣлилась.

«Онъ сталъ перстами Своими слагать и образовывать ребро въ форму: изъ творческой руки Его вышло созданіе, подобное человѣку, но другого пола и такой прелестной красоты, что все, казавшееся мнѣ прекраснымъ въ мірѣ, теперь казалось ничтожнымъ, или служило лишь отблескомъ прелестнаго ея образа, соединяясь въ ней одной, въ ея очахъ, разлившихъ въ сердцѣ моемъ еще незнакомое чувство блаженства. Присутствіе ея оживляло всю природу духомъ любви и страстнымъ восторгомъ. Она исчезла, и я остался во мракѣ. Я проснулся, я хотѣлъ отыскать ее, или

Expressing well the spirit within thee free,
My image not imparted to the brute,
Whose fellowship therefore unmeet for thee,
Good reason was thou freely should'st dislike:
And be so minded still. I, ere thou spak'st,
Knew it not good for Man to be alone;
And no such company as then thou saw'st
Intended thee; for trial only brought.
To see how thou could'st judge of fit and meet.
What next I bring shall please thee; be assured;
Thy likeness, thy fit help, thy other self,
Thy wish exactly to thy heart's desire.
He ended, or I heard no more, for now
My earthly by his heav'nly overpower'd,
Which it had long stood under, strain'd to th' hight
In that celestial colloquy sublime,
As with an object that excels the sence
Dazzled and spent, sunk down, and sought repair
Of sleep, which instantly fell on me, call'd
By nature as in aid, and closed mine eyes.
Mine eyes he closed, but open left the cell
Of fancy, my internal sight; by which
Abstract, as in a trance methought I saw,
Though sleeping, where I lay, and saw the shape
Still glorious before whom awake I stood;
Who stooping, open'd my left side, and took
From thence a rib, with cordial spirits warm,
And life-blood streaming fresh; wide was the wound;
But suddenly with flesh fill'd up, and heal'd.
The rib he form'd and fashion'd with his hands:
Under his forming hands a creature grew,
Manlike but different sex; so lovely fair,
That what seem'd fair in all the world, seem'd now
Mean, or in her summ'd up, in her contain'd
And in her looks: which from that time infused
Sweetnes into my heart, unfelt before;
And into all things from her air inspired
The spirit of love and amorous delight.
She disappear'd, and left me dark. I waked
To find her, or for ever to deplore

вѣчно оплакивать ея потерю, и навсегда отказаться отъ всѣхъ другихъ наслажденій.

«Я уже отчаивался, какъ вдругъ вижу ее недалеко отъ себя, такою точно, какою явилась она мнѣ во снѣ, украшенною всѣмъ, что могли расточить Земля и Небо, чтобы сдѣлать ее очаровательной. Она приближалась, ведомая своимъ небеснымъ Творцомъ. Онъ былъ незримъ, но голосъ Его руководилъ ею, уже посвятивъ ее въ священныя таинства и обряды брака. Полонъ прелести былъ каждый ея шагъ! Въ очахъ ея сіяло Небо! любовь и достоинство въ каждомъ движеніи! Я не могъ удержать своего восторга и воскликнулъ:

«Да, этотъ даръ превосходитъ все! Ты исполнилъ Свое слово, великодушный, милосердый Творецъ, Податель всѣхъ этихъ дивныхъ красотъ! Это прекраснѣйшій изъ всѣхъ Твоихъ даровъ, и Ты не пожалѣлъ его мнѣ! Теперь вижу я кость отъ моей кости, плоть отъ плоти моей, себя самого вижу я въ ней! Жена, имя ей, отъ Мужа взятая; поэтому мужъ забудетъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей: и будутъ они одна плоть, одно сердце, одна душа.»

«Она услышала меня, и хотя ее привела ко мнѣ рука Господня, но ея невинность, дѣвственное цѣломудріе, ея добродѣтель, сознаніе своего достоинства, достоинства, которое требуетъ должной себѣ дани, не навязчиво, но всегда сдержанно, что дѣлаетъ ее еще милѣе,—словомъ, сама природа заговорила въ ней такъ сильно, хотя она была чиста отъ всякой нескромной мысли, — что, увидя меня, она удалилась. Я послѣдовалъ за нею: она понимала значеніе чести, и съ величавой покорностію склонилась на мои убѣжденія. Какъ заря краснѣла она, когда я повелъ ее въ брачную кущу. Всѣ Небеса благословили тотъ часъ, всѣ счастливыя созвѣздія излили на него свою благотворную силу! Земля встрѣтила его своимъ привѣтомъ, веселились холмы и долины; радостно пѣли птицы; прохладные вѣтерки, тихіе зефиры шептались въ лѣсахъ; играя, они съ крыльевъ своихъ осыпали насъ розами, вѣяли на насъ ароматами, похищенными съ пахучихъ растеній, пока влюбленный пѣвецъ ночи не запѣлъ намъ

Her loss, and other pleasures all abjure:
When, out of hope, behold her, not far off,
Such as I saw her in my dream, adorn'd
With what all Earth or Heaven could bestow
To make her amiable! On she came,
Led by her Heav'nly Maker though unseen
And guided by his voice; nor uninform'd
Of nuptial sanctity and mariage rites.
Grace was in all her steps! Heav'n in her eye!
In ev'ry gesture dignity and love!
I overjoy'd, could not forbear aloud:
This turn hath made amends! Thou hast fulfill'd
Thy words, Creator bounteous and benign,
Giver of all things fair, but fairest this
Of all thy gifts, nor enviest! I now see
Bone of my bone, flesh of my flesh, myself
Before me! Woman is her name; of Man
Extracted. For this cause he shall forego
Father and mother, and to his wife adhere:
And they shall be one flesh, one heart, one soul.

She heard me thus; and tho' divinely brought,
Yet innocence and virgin modesty,
Her virtue and the conscience of her worth,
That would be woo'd, at not unsought be won,
Not obvious, not obtrusive, but retired,
The more desirable; or to say all,
Nature herself, though pure of sinful thought,
Wrought in her so, that seeing me, she turn'd.
I follow'd her: she what was honour knew,
And with obsequious majesty approved
My pleaded reason. To the nuptial bower
I led her, blushing like the morn. All Heav'n,
And happy constellations on that hour
Shed their selectest influence! The earth
Gave sign of gratulation, and each hill!
Joyous the birds; fresh gales and gentle airs
Whisper'd it to the woods, and from their wings
Flung rose, flung odours from the spicy shrub,
Disporting, till the amorous bird of night

брачнаго гимна, торопя вечернюю звѣзду взойти поскорѣе надъ вершиной холма и зажечь брачный свѣтильникъ.

«Я разсказалъ тебѣ все, что назначено было моимъ удѣломъ, и довелъ мой разсказъ до вѣнца земного блаженства, какимъ я наслаждаюсь. Признаюсь тебѣ, я нахожу наслажденіе и въ другихъ благахъ, но пользованіе ими или лишеніе ихъ не возбуждаетъ въ душѣ моей ни волненія, ни пламеннаго желанія; таковы тонкія удовольствія вкуса, зрѣнія, обонянія; видъ зелени, цвѣтовъ, плодовъ, звучное пѣніе птицъ, прогулка; все мнѣ пріятно. Но здѣсь испытываю я совсѣмъ другое чувство, съ восторгомъ созерцаю, съ восторгомъ прикасаюсь. Здѣсь впервые узналъ я страсть, непонятную тревогу! Во всѣхъ другихъ удовольствіяхъ я спокоенъ и сознаю свое превосходство; здѣсь лишь я слабъ противъ могущественнаго взгляда красоты. Можетъ быть, то была ошибка природы, оставившей во мнѣ какую нибудь часть не довольно сильною, такъ что я не могу противустоять этому очарованію, или изъ моего бока извлечено было болѣе, чѣмъ нужно: по крайней мѣрѣ, внѣшнихъ украшеній расточила она женщинѣ слишкомъ много, не давъ ей такого же внутренняго совершенства. Я хорошо понимаю, что, превосходя меня внѣшней красотою, по уму, по душевнымъ свойствамъ, согласно первоначальной цѣли природы, она ниже меня; въ ней также менѣе отразился образъ Творца, создавшаго насъ обоихъ; въ чертахъ ея слабѣе выражается отпечатокъ господства, даннаго намъ надъ всѣми тварями. Однакоже, когда я приближаюсь къ ея прелестному существу, она представляется мнѣ такою совершенною, такъ вполнѣ законченною въ самой себѣ, съ такимъ благородствомъ сознающею свои права, что все, что говоритъ она или дѣлаетъ, кажется мнѣ самымъ мудрымъ, самымъ добродѣтельнымъ, благоразумнымъ, прекраснымъ! Самое высокое знаніе молчитъ, уничтожается въ ея присутствіи! Сама мудрость, помрачаясь въ бесѣдѣ съ нею, теряется и походитъ на безуміе. Могущество, разумъ, все покоряется ей, какъ будто она первая вышла изъ рукъ Творца, а не была создана послѣ меня, случайно. Наконецъ, въ довершеніе всего, величіе души, благородство, основали въ ней свое избранное жилище, и окружили ее благоговѣйнымъ уваженіемъ, словно ангельской стражей!»

Sung spousal, and bid haste the ev'ning star
On his hill-top, to light the bridal lamp.
  Thus have I told thee all my state, and brought
My story to the sum of earthly bliss
Which I enjoy; and must confess to find
In all things else delight indeed, but such
As used or not, works in the mind no change,
Nor vehement desire; these delicacies
I mean of taste, sight, smell, herbs, fruits, and flow'rs.
Walks, and the melody of birds; but here
Far otherwise, transported I behold,
Transported touch. Here passion first I felt,
Commotion strange, in all enjoyments else
Superior and unmoved; here only weak
Against the charm of beauty's pow'rful glance.
Or nature fail'd in me, and left some part
Non proof enough such object to sustain;
Or from my side subducting, took perhaps
More than enough: at least on her bestow'd
Too much of ornament; in outward show
Elaborate; of inward, less exact.
For well I understand, in the prime end
Of nature, her th' inferior in the mind
And inward faculties, which most excel
In outward; also her resembling less
His image who made both, and less expressing
The character of that dominion giv'n
O'er other creatures: yet, when I approach
Her loveliness, so absolute she seems,
And in herself, complete; so well to know
Her own, that what she wills to do or say,
Seems wisest, virtuousest, discreetest, best!
All higher knowledge in ner presence falls
Degraded! Wisdom in discourse wit her
Loses, discount'nanced, and like folly shows.
Authority and reason on her wait,
As one intended first, not after made
Occasionally; and to consumate all,
Greatness of Mind and Nobleness their seat
Build in her loveliest, and create an awe
About her, as a guard angelic placed!

На это Ангелъ, съ омраченнымъ челомъ, отвѣчаетъ Адаму: «Не обвиняй Природу; она исполнила свой долгъ,—заботься объ исполненіи твоего. Не будь недовѣрчивъ къ мудрости; она не покинетъ тебя, если ты самъ не станешь отвергать ее тогда, когда болѣе всего будешь нуждаться въ ней, придавая слишкомъ высокую цѣну вещамъ, наименѣе возвышеннымъ, какъ ты самъ разумѣешь. Чѣмъ восхищаешься ты? Что приводитъ тебя въ такой восторгъ? Внѣшность? Прекрасна она, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, и вполнѣ достойна твоей нѣжности, любви, уваженія, но не подчиненія. Взвѣсь свои и ея достоинства, и знай себѣ цѣну. Часто ничто не бываетъ такъ полезно, какъ уваженіе самого себя, основанное на справедливости и благоразуміи, и выраженное съ достоинствомъ. Чѣмъ лучше будешь владѣть ты этимъ искусствомъ, тѣмъ скорѣе будетъ она признавать въ тебѣ свою главу, и отдастъ преимущество твоимъ истиннымъ совершенствамъ передъ своей обольстительной внѣшностію. Красота дана ей чтобы больше нравиться тебѣ; такое благоговѣніе внушаетъ она къ себѣ для того, чтобы ты могъ съ достоинствомъ любить твою подругу, которая сейчасъ же замѣчаетъ, когда ты перестаешь быть разумнымъ. Но если наслажденіе, соединенное съ размноженіемъ человѣческаго рода, ставишь ты выше всѣхъ другихъ наслажденій, то подумай, то же самое дано скоту и послѣднему животному; чувство это не было бы общимъ безсловеснымъ тварямъ и человѣку, если бы оно достойно было возбуждать восторгъ, покорять душу человѣка или волновать ее страстію. Люби въ своей подругѣ то, что ты находишь въ ней возвышеннаго: ея человѣческое достоинство, разумъ. Въ любви ищи радостей, не въ страсти, въ которой нѣтъ настоящей любви. Любовь облагораживаетъ мысли, возвышаетъ душу; она основывается на разумѣ и благоразумна; она послужитъ тебѣ лѣстницей, по которой ты можешь возвыситься до любви небесной, если не погрязнешь въ чувственныхъ наслажденіяхъ: поэтому и не была избрана тебѣ подруга среди существъ, недостойныхъ тебя.»

Адамъ, нѣсколько смущенный, отвѣчаетъ на это: «Нѣтъ, не внѣшняя красота ея восхищаетъ меня такъ, не чувственное наслажденіе, даръ, раздѣляемый всѣми существами (хотя я имѣю несравненно высшее

To whom the Angel, with contracted brow:
Accuse not Nature; she hath done her part:
Do thou but thine, and be not diffident
Of wisdom; she deserts thee not, if thou
Dismiss not her, when most thou need'st her nigh,
By attributing overmuch to things
Less excellent, as thou thyself perceiv'st.
For what admir'st thou? what transports thee so?
An outside? Fair no doubt, and worthy well
Thy cherishing, thy honouring, and thy love;
Not thy subjection. Weigh with her thyself,
Then value. Oft-times nothing profits more
Than self-esteem, grounded on just and right
Well managed. Of that skill the more thou know'st,
The more she will acknowledge thee her head.
And to realities yield all her shows;
Made so adorn for thy delight the more,
So awful, that with honour thou may'st love
Thy mate, who sees when thou art seen least wise.
But if the sense of touch, whereby mankind
Is propagated, seem such dear delight
Beyond all other, think the same vouchsafed
To cattle and each beast; which would not be
To them made common and divulged, if aught
Therein enjoy'd were worthy to subdue
The soul of man, or passion in him move.
What higher in her society thou find'st
Attractive, human, rational, love still.
In loving thou dost well, in passion not,
Wherein true love consists not. Love refines
The thoughts, and heart enlarges; hath his seat
In reason, and is judicious; is the scale
By which to heav'nly love thou may'st ascend,
Not sunk in carnal pleasure: for which cause
Among to beasts no mate for thee was found.
To whom thus, half abash'd, Adam reply'd:
Neither her outside, form'd so fair, nor aught
In procreation, common to all kinds,
(Though higher of the genial bed by far,

мнѣніе о брачномъ ложѣ, внушающемъ мнѣ таинственное благоговѣніе); всего болѣе плѣняетъ меня прелесть всѣхъ ея поступковъ, очаровательная скромность въ каждомъ движеніи и словѣ, ея любовь и нѣжное угожденіе, эти неоспоримыя доказательства тѣснаго союза сердецъ, одной души въ насъ обоихъ: такая гармонія между супругами отраднѣе для глазъ, чѣмъ самые стройные звуки для слуха. Но я не порабощенъ всѣмъ этимъ: открываю тебѣ всю свою душу, нѣтъ, я не побѣжденъ; душа моя доступна разнообразнымъ впечатлѣніямъ, какія производятъ на нее различные предметы въ природѣ; я сохранилъ всю свою свободу, я выбираю лучшее, слѣдую тому, что считаю лучшимъ. Любовь ты не осуждаешь; напротивъ, любовь, говоришь ты, приводитъ насъ къ Небу; она есть и путь, и вождь къ нему. Прости за мой вопросъ, и если не воспрещено тебѣ это, скажи, любовь доступна ли небеснымъ Духамъ? Какъ выражаютъ они это чувство? Одними ли взглядами? сліяніемъ лучезарныхъ лучей, духовнымъ только, или дѣйствительнымъ прикосновеніемъ?»

На это Ангелъ, вспыхнувъ румянцемъ небесныхъ розъ, цвѣтомъ любви, отвѣчаетъ съ улыбкой: «Довольствуйся знать, что мы счастливы; а безъ любви нѣтъ счастія. То чистое наслажденіе, какое испытываешь ты тѣлесно (ты созданъ былъ чистымъ), испытываемъ мы въ высочайшей степени, не связанные никакими препятствіями: ни плотію, ни суставами, ни членами,—легче чѣмъ воздухъ съ воздухомъ сливаются Духи въ объятія; сліяніе ихъ полно; чистое влечется къ чистому безъ ограниченій, какъ въ соединеніи плоти съ плотію или души съ душою. Но я не могу теперь сказать тебѣ болѣе; солнце заходитъ за берега зеленыхъ мысовъ и цвѣтущіе острова Гесперидъ: знакъ уходить мнѣ отсюда. Будь твердъ, живи въ счастіи, люби! но болѣе всего люби Создавшаго тебя: любить Его значитъ повиноваться Ему, хранить Его высокое повелѣніе [141]). Берегись, чтобы страсть не затмила твоего разсудка и не вовлекла въ то, чего не допустила бы свободная воля. Въ твоихъ рукахъ счастіе или несчастіе твое собственное и всѣхъ твоихъ сыновъ. Будь твердъ! Твое постоянство будетъ радовать меня и всѣхъ блаженныхъ Духовъ. Стой крѣпко! устоять или пасть зависитъ единственно отъ

And with mysterious reverence I deem)
So much delights me as those graceful acts,
Those thousand decencies, that daily flow
From all her words and actions, mix'd with love
And sweet compliance; which declare unfeign'd
Union of mind, or in us both one soul:
Harmony to behold in wedded pair,
More grateful than harmonious sounds to th' ear.
Yet these subject not: I to thee disclose
What inward thence I feel, not therefore foil'd,
Who meet with various objects, from the sense
Variously representing; yet, still free,
Approve the best, and follow what I approve.
To love thou blam'st me not; for love thou say'st
Leads up to Heav'n; is both the way and guide.
Bear with me then, if lawful what I ask:
Love not the heav'nly Spirits? and how their love
Express they? by looks only? or do they mix
Irradiance, virtual or immediate touch?
To whom the Angel, with a smile that glow'd
Celestial rosy red (love's proper hue)
Answer'd: Let it suffice thee that thou know'st
Us happy; and without love no happiness.
Whatever pure thou in the body enjoy'st
(And pure thou wert created) we enjoy
In eminence, and obstacle find none
Of membrane, joint, or limb exclusive bars.
Easier than air with air, if Spirits embrace,
Total they mix, union of pure with pure
Desiring; not restrain'd conveyance need,
As flesh to mix with flesh, or soul with soul.
But I can now no more; the parting sun
Beyond the earth's green cape and verdant isles
Hesperian sets, my signal to depart.
Be strong, live happy, and love, but first of all,
Him whom to love is to obey, and keep
His great command: take heed lest passion sway
Thy judgment to do aught which else free will
Would not admit; thine and of all thy sons
The weal or woe in thee is placed; beware.
I in thy persevering shall rejoice,
And all the Blest. Stand fast; to stand or fall
Free in thine own arbitrement it lies

твоей свободной воли. Одаренный внутреннимъ совершенствомъ, не ищи помощи извнѣ и отгоняй всякій соблазнъ къ ослушанію.»

Съ этими словами Ангелъ всталъ; Адамъ съ благословеніями провожаетъ его: «Если намъ надо разстаться, иди, небесный Гость, божественный Вѣстникъ высочайшей благости Того, Кому я поклоняюсь! Какъ кротко снизошелъ ты до меня, благодатный! всю жизнь съ благодарностію буду я вспоминать это. Будь всегда благодѣтелемъ, другомъ человѣческаго рода и приходи чаще!»

Такъ разстались они; изъ густолиственный тѣни Ангелъ вознесся на Небо, Адамъ вернулся въ свою кущу.

Perfect within, no outward aid require;
And all temptation to transgress repel.
So saying, he arose; whom Adam thus
Follow'd with benediction: Since to part,
Go heav'nly Guest, ethereal Messenger,
Sent from whose sov'reign goodness I adore.
Gentle to me and affable hath been
Thy condescension, and shall be honour'd ever
With grateful memory; thou to mankind
Be good and friendly still, and oft return.
So parted they; the Angel up to Heav'n
From the thick shade, and Adam to his bower.

Такъ разстались они; изъ густолиственной тѣни Ангелъ вознесся на Небо,

Адамъ вернулся въ свою кущу.

Пѣснь 8, стр. 172.

So parted they; the Angel up to Heav'n
From the thick shade, and Adam to his bower.

ПѢСНЬ 9-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сатана, съ своей коварной цѣлью обойдя землю, почью, въ видѣ тумана возвращается въ Рай и вселяется въ спящаго змѣя. Адамъ и Ева съ восхожденіемъ солнца идутъ къ своимъ трудамъ; Ева предлагаетъ раздѣлить ихъ такъ, чтобы работать въ разныхъ мѣстахъ, отдѣльно другъ отъ друга. Адамъ не соглашается, представляя опасность этого; онъ боится, чтобы врагъ, на счетъ котораго ихъ предостерегали, не соблазнилъ Еву, встрѣтивъ ее одну. Ева обижается такимъ недовѣріемъ къ ея благоразумію и твердости, и настаиваетъ на томъ, чтобы идти одной, желая испытать свою силу. Адамъ, наконецъ, соглашается. Змѣй встрѣчаетъ Еву одну; его хитрое приближеніе къ ней; сначала онъ смотритъ на Еву, потомъ заговариваетъ съ нею, въ льстивыхъ похвалахъ превознося ее выше всѣхъ созданій. Ева, услышавъ змѣя говорящимъ, спрашиваетъ его, какъ достигъ онъ человѣческой рѣчи и разума, чего не имѣлъ до тѣхъ поръ. Змѣй отвѣчаетъ, что вкусивъ отъ плода одного дерева въ саду, достигъ онъ дара слова и разума, не владѣвъ до тѣхъ поръ ни тѣмъ, ни другимъ. Ева проситъ его привести ее къ тому дереву, и узнаетъ въ немъ запрещенное древо познанія. Змѣй, ставъ смѣлѣе, разными убѣжденіями и хитростями уговариваетъ ее, наконецъ, вкусить. Ева, восхищенная вкусомъ плода, колеблется—подѣлиться имъ съ Адамомъ, или нѣтъ; наконецъ, несетъ ему плодъ и разсказываетъ, что убѣдило ее вкусить его. Адамъ сначала пораженъ ужасомъ, но видя, что Ева погибла, рѣшается изъ любви къ ней погибнуть съ ней вмѣстѣ; онъ также вкушаетъ плода, ослабляя этимъ ея грѣхъ. Послѣдствія преступленія; оба ищутъ прикрыть свою наготу, и кончаютъ раздоромъ и упреками другъ друга.

ПРОШЛО безвозвратно то время, когда Богъ и Ангелы были гостями Человѣка, бесѣдовали съ нимъ, какъ съ другомъ, раздѣляя его сельскую трапезу и благосклонно внимая его свободной рѣчи. Грустно долженъ я теперь настроить мой голосъ: со стороны Человѣка долженъ я воспѣть нарушеніе клятвы, невѣрность, возмущеніе, ослушаніе! со стороны Неба, оскорбленнаго человѣкомъ, отчужденіе, гнѣвъ, справедливое негодованіе и приговоръ, повергшій міръ въ міръ горестей, грѣха, неразлучной его тѣни,—Смерти, и Болѣзни, предвѣстницы смерти. Грустная задача! предметъ тяжелый, но не менѣе, а еще болѣе героическій, чѣмъ гнѣвъ суроваго Ахиллеса, когда онъ трижды преслѣдовалъ вокругъ стѣнъ Трои

BOOK 9. THE ARGUMENT.

Satan, having compassed the earth with meditadet guile, returns as a mist by night into Paradise, enters into the serpent sleeping. Adam and Eve in the morning go forth to their labours, which Eve proposes to divide in several places, each labouring apart: Adam consents not, alleging the danger, lest that enemy, of whom they were forewarned, schould attempt her, found alone; Eve, loath to be thought not circumspect or firm enough, urges her going apart, the rather disirous to make trial of her strength: Adam at last yields: The serpent finds her alone; his subtle approach, first gazing, then speaking, with much flattery extolling Eve above all other creatures. Eve wondering to hear the serpent speak, asks how he attained to human speech and such understanding not till now: the Serpent answers, that by tasting of a certain tree in the garden he attained both to speech and reason, till then void of both: Eve requires him to bring her to that tree, and finds it to be the tree of knowledge forbidden: The Serpent, now grown bolder, with many wiles and arguments, induces her at length to eat; she, pleased with the taste, deliberates a while whether to mpart thereof to Adam or not, at last brings him of the fruit, relates what persuaded her to eat thereof: Adam, at first amazed, but perceiving her lost, resolves, through vehemence of love, to perish with her: and extenuating the trespass, eats also of the fruit: The effects thereof in them both; they seek to cover their nakedness; then fall to variance and accusation of one another.

No more of talk where God or Angel guest
With Man, as with his friend, familiar used
To sit indulgent, and with him partake
Rural repast, permitting him the while
Venial discourse, unblamed: I now must change
Those notes to tragic; foul distrust, and breach
Disloyal on the part of Man, revolt,
And disobedience: on the part of Heav'n
Now alienated, distance and distaste,
Anger and just rebuke, and judgment given,
That brought into this world a world of woe,
Sin and her shadow Death, and Misery,
Death's harbinger. Sad task! yet argument
Not less but more heroic than the wrath
Of stern Achilles on his foe pursued
Thrice fugitive about Troy wall; or rage

бѣжавшаго врага, или ярость Турна[142], когда онъ лишился надежды на бракъ съ Лавиніей, или ненависть Нептуна или Юноны, столь пагубная для Грековъ и Цитерскаго сына. Какъ ни высокъ мой предметъ, я воспою его, если подкрѣпитъ меня для того небесная моя покровительница, которая, предупреждая мой призывъ, удостоиваетъ посѣщать меня въ безмолвіи ночи, съ тѣхъ поръ, какъ воспѣваю я въ своей героической пѣснѣ предметъ этотъ, давно мною избранный, но поздно такъ воспѣваемый, и нашептываетъ мнѣ во снѣ стихъ легкій, не рождавшійся въ моей мысли.

Отъ природы неспособенъ я славить битвы, единственный предметъ, считавшійся донынѣ достойнымъ вдохновеній героической музы. Великое искусство! въ длинныхъ, скучныхъ стихахъ рубить вымышленныхъ рыцарей въ небывалыхъ сраженіяхъ, между тѣмъ какъ благороднѣйшее мужество, терпѣніе, высокіе подвиги мученичества остаются невоспѣтыми; или описывать скачки и игры, турнирные снаряды, гербы на щитахъ съ замысловатыми девизами, коней, попоны, пустой блескъ сбруй, пьедесталы, великолѣпныхъ рыцарей, устремляющихся на турниръ и ристалище, пиршества въ роскошныхъ чертогахъ, толпу царедворцевъ! Могутъ ли подобные вымыслы, произведенія ничтожнаго ума, прославить имя поэта или его твореніе!

Мнѣ, не имѣющему ни умѣнія, ни знанія, чтобы описывать эти предметы, остается предметъ высочайшій; онъ одинъ можетъ обезсмертить мое имя, если только времена слишкомъ поздні, или суровый климатъ, или годы не ослабятъ моего полета: это легко могло бы случиться, если бы трудъ этотъ весь принадлежалъ мнѣ, а не божественной Музѣ, которая ночною порою ввѣряетъ мнѣ свои пѣсни.

Солнце скрылось, а за нимъ и звѣзда Геспера, кратковременная посредница между днемъ и ночью, приносящая на Землю полусвѣтъ сумерекъ. Ночь, отъ одного конца полушарія до другого, распростерла свой покровъ по всему горизонту, когда Сатана, изгнанный изъ Эдема угрозами Гавріила, изощрясь въ коварствѣ и хитрыхъ замыслахъ на погибель Человѣка, безстрашно возвратился туда снова, — онъ презиралъ

Of Turnus for Lavinia disespoused,
Or Neptune's ire or Juno's, that so long
Perplex'd the Greak and Cytherea's son:
If answerable style I can obtain
Of my celestial patroness, who deigns
Her nightly visitation unimplored,
And dictates to me slumb'ring, or inspires
Easy my unpremeditated verse.
Since first this subject for heroic song
Pleased me long choosing, and beginning late;
Not sedulous by nature to indite
Wars, hitherto the only argument
Heroic deem'd, chief mast'ry to dissect
With long and tedious havoc fabled knights
In battles feign'd; the better fortitude
Of patience and heroic martyrdom
Unsung; or to describe races and games,
Or tilting furniture, emblazon'd shields,
Impresses quaint, caparisons and steeds;
Bases and tinsel trappings, gorgeous knights
At joust and tournament; then marshal'd feast
Served up in hall with sewers and seneschals;
The skill of artifice or office mean,
Not that which justly gives heroic name
To person or to poem. Me of these
Nor skill'd nor studious, higher argument
Remains, sufficient of itself to raise
That name, unless an age too late, or cold
Climate, or years, damp my intended wing
Depress'd, and much they may, if all be mine,
Not hers who brings it nightly to my ear.
The sun was sunk, and after him the star
Of Hesperus, whose office is to bring
Twilight upon the earth, short arbiter
'Twixt day and night, and now from end to end
Nights hemisphere had veil'd th' horizon round,
When Satan, who late fled before the threats
Of Gabriel out of Eden, now improved
In meditated fraud and malice, bent
On Man's destruction, maugre what might hap

Сатана низвергается вмѣстѣ съ рѣкою и вмѣстѣ съ нею выходитъ, окутанный вечернимъ туманомъ.

Пѣснь 9, стр. 175.

In with the river sunk, and with it rose
Satan involved in rising mist.

Jonnard

жесточайшую кару, какая бы могла постигнуть его за это. Наступала ночь, когда онъ улетѣлъ изъ Рая; въ полночь онъ вернулся, обойдя всю землю. Онъ избѣгалъ дня съ тѣхъ поръ какъ Уріилъ, правитель солнца, открылъ его появленіе въ Эдемѣ и предостерегъ охранявшихъ его входъ Херувимовъ. Онъ былъ изгнанъ оттуда, и, терзаемый злобой, цѣлыхъ семь ночей носился во мракѣ. Три раза обошелъ онъ равноденственный кругъ; четыре раза, пронесясь отъ полюса къ полюсу, перешелъ оба колюра [143] и пересѣкъ колесницу ночи. На восьмую ночь онъ вернулся къ Раю, и со стороны, противоположной вратамъ, охраняемымъ херувимскою стражей, нашелъ, неподозрѣваемый ею, потаенный путь.

Было тамъ мѣсто,—теперь его нѣтъ, но не время, а грѣхъ стеръ его съ лица земного,—гдѣ Тигръ, у подножія Рая, ввергался въ пучину и исчезалъ подъ землею, пока часть его водъ не подымалась ключомъ у дерева жизни. Сатана низвергается вмѣстѣ съ рѣкою и вмѣстѣ съ нею выходитъ, окутанный вечернимъ туманомъ. Потомъ онъ ищетъ мѣста, гдѣ бы ему укрыться. Обошелъ онъ и моря, и землю. Изъ Эдема онъ устремился къ Понту [144], къ Меотійскимъ болотамъ, поднялся вверхъ за берега Оби; оттуда спустился къ южному полюсу; потомъ пронесся съ востока на западъ, отъ береговъ Оронта до океана, загражденнаго перешейкомъ Дарійскимъ, а отъ него до странъ, гдѣ текутъ рѣки Гангъ и Индъ. Такъ облетѣлъ онъ шаръ земной въ тщательныхъ поискахъ. Съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ онъ всѣхъ животныхъ, чтобы отыскать то, которое всего способнѣе служить его коварнымъ замысламъ, и нашелъ, что змѣй хитрѣе всѣхъ земныхъ тварей. Послѣ долгихъ размышленій и колебаній, онъ, наконецъ, рѣшается; онъ выбираетъ змѣя какъ наилучшій сосудъ коварства, оболочку, въ которую ему всего удобнѣе войти, чтобы скрыть свои черные умыслы отъ проницательнѣйшихъ взоровъ. Въ лукавомъ змѣѣ хитрость не пробудитъ ни чьего подозрѣнія, — умъ и коварство ему врожденны, тогда какъ въ другомъ животномъ она покажется превышающей его понятіе, и это легко могутъ счесть за навожденіе діавольской силы. Итакъ, онъ рѣшился; но печаль, терзавшая его душу, невольно вырывается въ страстной жалобѣ:

Of heavier on himself, fearless return'd,
By night he fled, and at midnight return'd
From compassing the earth, cautious of day,
Since Uriel, regent of the sun, descry'd
His entrance, and forewarn'd the Cherubim
That kept their watch: thence full of anguish driven,
The space of sev'n continued nights he rode
With darkness; thrice the equinostial line
He circled; four times cross'd the car of night
From pole to pole, travérsing each colúre;
On th' eighth return'd, and on the coast averse
From entrance or Cherubic watch, by stealth
Found insuspected way. There was a place,
Now not, tho' sin not time, first wrought the change,
Where Tigris at the foot of Paradise
Into a gulf shot under ground, till part
Rose up a fountain by the tree of life:
In with the river sunk, and with it rose
Satan involved in rising mist, then sought
Where to lie hid. Sea he had search'd and land
From Eden over Pontus, and the pool
Maeotis, up beyond the river Ob;
Downward as far antarctic; and in length
West from Orontes to the ocean barr'd
At Darient, thence to the land where flows
Ganges and Indus: thus the orb he roam'd
With narrow search, and with inspection deep
Consider'd every creature; which of all
Most opportune might serve his wiles, and found
The serpent subtlest beast of all the field.
Him after long debate, irresolute
Of thoughts revolved, his final sentence chose
Fit vessel, fittest imp of fraud, in whom
To enter and his dark suggestions hide
From sharpest sight: for in the wily snake,
Whatever sleights none would suspicious mark,
As from his wit and native subtlety
Proceeding, which in other beasts observed
Doubt might beget of diabolic power
Active within beyond the sense of brute.
Thus he resolved; but first from inward grief
His bursting passion into plaints thus pour'd:

«О Земля, какъ ты похожа на Небо, если еще не превосходнѣе его! жилище, достойное боговъ! вѣдь тебя созидала позднѣйшая мысль, преобразуя то, что уже устарѣло! И развѣ послѣ лучшаго создалъ бы Богъ худшее!

«Земное Небо, вокругъ тебя вращаются другія свѣтящіяся Небеса; но для тебя одной услужливо держатъ они свои яркіе свѣтильники, свѣтъ надъ свѣтомъ! На тебѣ одной, кажется, сосредоточиваютъ они все священное вліяніе своихъ благотворныхъ лучей! Какъ въ Небѣ Богъ есть средоточіе всего, и въ то же время все Собой обнимаетъ, такъ и ты, будучи средоточіемъ этихъ міровъ, получаешь съ нихъ дань. Не въ нихъ самихъ, а въ тебѣ проявляется ихъ плодотворная сила: въ травахъ, растеніяхъ, въ благороднѣйшихъ породахъ созданій, которыя постепенно совершенствуются въ формахъ, чувствахъ, понятіи, пока все это не соединяется въ высшей степени въ Человѣкѣ. Съ какимъ восторгомъ пробѣгалъ бы я твое пространство, какую радость, если бы радость была мнѣ доступна, доставляло бы мнѣ это очаровательное разнообразіе долинъ и холмовъ, рѣкъ, лѣсовъ, равнинъ! Пробѣгалъ бы я землю и моря, берега, увѣнчанные лѣсами, горы, пещеры, ущелія! Но нигдѣ, нигдѣ не нахожу я себѣ убѣжища! чѣмъ больше вижу я вокругъ себя радостей, тѣмъ сильнѣе чувствую свои внутреннія страданія, терзаемый вѣчнымъ, мучительнымъ противорѣчіемъ: все прекрасное становится для меня отравой, и въ Небѣ состояніе мое было бы еще хуже. Но нѣтъ, ни здѣсь, ни въ Небѣ не ищу я жилища, иначе какъ полнымъ властелиномъ Верховныхъ Небесъ. Не надежда найти облегченія моихъ страданій привела меня сюда; нѣтъ, я хочу другихъ сдѣлать такими же какъ я самъ, хотя бы за это пришлось мнѣ страдать еще болѣе. — Въ одномъ безпощадномъ разрушеніи находятъ отраду мои мысли. Если погублю я того, для кого создано было все это, или вовлеку его въ то, что послужитъ къ его невозвратной гибели, все окружающее послѣдуетъ за нимъ, тѣсно съ нимъ связанное въ счастіи и гибели. Такъ пусть же все гибнетъ! пусть въ природѣ царствуетъ разрушеніе! Мнѣ, мнѣ одному изъ адскихъ силъ будетъ принадлежать вся слава: въ одинъ день уничтожу я то, что Онъ, вели-

O Earth, how like to Heav'n, if not preferr'd
More justly! seat worthier of Gods! as built
With second thoughts, reforming what was old!
For what God after better worse would build!
Terrestrial Heav'n, danced round by other Heav'ns
That shine, yet bear their bright officious lamps,
Light above light, for thee alone, as seems,
In thee concentring all their precious beams
Of sacred influence! As God in Heav'n
Is centre, yet extends to all, so thou
Centring receiv'st from all those orbs; in thee,
Not in themselves, all their known virtue appears
Productive in herb, plant, and nobler birth
Of creatures animate with gradual life
Of growth, sense, reason, all summ'd up in Man.
Whit what delight could I have walk'd thee round,
If I could joy in aught, sweet interchange
Of hill and valley, rivers, woods and plains;
Now land, now sea, and shores with forests crown'd,
Rocks, dens, and caves! but I in none of these
Find place or refuge; and the more I see
Pleasures about me, so much more I feel
Torment within me, as from the hateful siege
Of contraries: all good to me becomes
Bane, and in Heav'n much worse would be my state.
But neither here seek I, no, nor in Heav'n
To dwell, unless by mast'ring Heav'n's Supreme;
Nor hope to be myself less miserable
By what I seek, but others to make such
As I, though thereby worse to me redound:
For only in destroying I find ease
To my relentless thoughts; and him destroy'd,
Or won to what may work his utter loss,
For whom all this was made, all this will soon
Follow, as to him link'd in weal or woe;
In woe then, that destruction wide may range,
To me shall be the glory sole among
Th' infernal Pow'rs, in one day to have marr'd
What he, Almighty styled, six nights and days

«О Земля, какъ ты похожа на Небо, если еще не превосходнѣе его!

Пѣснь 9, стр. 176.

O Earth, how like to Heav'n, if not preferr'd
More justly! ....

G. Doré
F. GOEBEL Sc.

чающій Себя Всемогущимъ, творилъ шесть дней и ночей безпрерывно! И кто вѣдаетъ, когда Онъ задумалъ Свой планъ, хотя быть можетъ не ранѣе, какъ въ ту самую ночь, когда я освободилъ отъ низкаго рабства чуть не половину ангельскихъ силъ, убавивъ сонмы Его поклонниковъ. Онъ хотѣлъ отомстить, вознаградить Свою потерю; но истощилась ли вся Его былая сила, такъ что Онъ не могъ создать новыхъ Ангеловъ, если только когда нибудь были они Его созданіемъ, или, чтобы оскорбить насъ больнѣе, рѣшилъ Онъ замѣнить насъ существомъ, сотвореннымъ изъ праха, возвеличить его, несмотря на низость происхожденія, и надѣлить его небесными дарами, дарами, похищенными у насъ! Онъ исполнилъ то, что задумалъ.

«Онъ сотворилъ Человѣка, устроилъ для него весь этотъ великолѣпный міръ, нарекъ его властителемъ земли, назначенной ему жилищемъ. О какое униженіе! Ангельскія крылья поработилъ Онъ на служеніе ему; пламенныхъ Херувимовъ назначилъ служить ему на землѣ, быть его стражей. Я страшусь ея неусыпныхъ взоровъ, и чтобы укрыться отъ нихъ, подъ покровомъ ночного тумана, крадусь во тьмѣ по лѣснымъ чащамъ, обыскиваю каждый кустъ, не попадется ли подъ нимъ спящей змѣи, чтобы скрыть въ ея безчисленныхъ изгибахъ и себя, и свои черные умыслы.

«О низкій позоръ! я, недавно боровшійся съ богами, чтобы занять высочайшее мѣсто между ними, теперь долженъ пресмыкаться въ видѣ гада, смѣшать съ этимъ презрѣннымъ прахомъ чистое естество того, кто стремился къ божескому величію! Но до чего не унижается честолюбіе и мщеніе? Кто стремится на верхъ могущества, долженъ умѣть и опускаться такъ же низко, выносить самыя унизительныя положенія. Мщеніе, сначала столь сладкое, вскорѣ становится горькимъ для самого мстителя! Но пусть такъ: я на все рѣшаюсь! лишь бы ударъ мой направленъ былъ вѣрно, и если не попалъ выше, пусть поразитъ, по крайней мѣрѣ, того, кто теперь возбуждаетъ мою ненависть, — этого новаго любимца Неба, это созданіе персти, этого сына досады, созданнаго Творцомъ изъ праха намъ въ поруганіе. И такъ, ненависть да будетъ воздаяніемъ за ненависть!»

Continued making, and who knows how long
Before had been contriving, though perhaps
Not longer than since I in one night freed
From servitude inglorious well nigh half
Th' angelic name, and thinner left the throng
Of his adorers; he to be avenged,
And to repair his numbers thus impair'd,
Whether such virtue spent of old now fail'd
More Angels to create, if they at least
Are his created, or to spite us more,
Determined to advance into our room
A creature form'd of earth, and him endow,
Exalted from so base original,
With heav'nly spoils, our spoils. What he decreed
He effected; Man he made and for him built
Magnificent this world, and earth his seat,
Him lord pronounced, and, O indignity!
Subjected to his service Angel wings,
And flaming ministers, to watch and tend
Their earthly charge. Of these the vigilance
I dread, and to elude, thus wrapt in mist
Of midnight vapour, glide obscure, and pry
In evry bush and brake; where hap may find
The serpent sleeping, in whose mazy folds
To hide me, and the dark intent I bring.
O foul descent! that I, who erst contended
With Gods to sit the high'st, am now constrain'd
Into a beast, and mix'd with bestial slime,
This essence to incarnate and imbrute,
That to the height of deity aspired!
But what will not ambition and revenge
Descend to? Who aspires must down as low
As high he soar'd obnoxious first or last
To basest things. Revenge, at first though sweet,
Bitter ere long back on itself recoils.
Let it: I reck not, so it light well aim'd,
Since higher I fall short, on him who next
Provokes my envy, this new favourite
Of Heav'n, this man of clay, son of despite,
Whom us the more to spite his Maker raised
From dust. Spite then with spite is best repaid.

Сказалъ и, подобно черному туману, разстилающемуся по землѣ, по чащамъ сухимъ и влажнымъ, продолжаетъ свои ночные поиски въ мѣстахъ, гдѣ всего скорѣе могъ найти змѣя. Наконецъ, находитъ его: онъ крѣпко спалъ, свернутый въ лабиринтъ колецъ, въ серединѣ которыхъ спрятана была его голова, наполненная тонкими хитростями. Будучи невиннымъ, онъ еще не скрывался въ страшной тѣни мрачныхъ пещеръ, но, не чувствуя и не возбуждая страха, спокойно спалъ на свѣжей травѣ. Діаволъ входитъ въ него черезъ ротъ, овладѣваетъ его грубымъ инстинктомъ, входитъ въ мозгъ его, въ сердце, и даетъ ему силу разума. Но онъ не потревожилъ сна змѣя и, скрытый въ немъ, ждалъ приближенія утра.

Уже начинало свѣтать; озарились священнымъ свѣтомъ влажные цвѣты Эдема, испарявшіе утреннія благоуханія, все что дышитъ, возсылало съ великаго алтаря природы безмолвную хвалу къ престолу Творца и угодные Ему ароматы. Въ эту минуту вышла изъ своей кущи человѣческая чета и присоединила словесное благодареніе къ хору созданій, лишенныхъ дара слова. Окончивъ молитву, супруги наслаждались ароматомъ и свѣжестію утра, потомъ стали совѣщаться, какъ лучше раздѣлить все возрастающій трудъ ихъ: и точно, работы было такъ много, что она превосходила силы двухъ этихъ созданій, обработывавшихъ столь обширный садъ. Ева первая говоритъ мужу:

«Адамъ, какъ бы ни украшали мы этотъ садъ, исполняя пріятный трудъ воспитанія этихъ деревьевъ, цвѣтовъ, растеній, но, пока еще много рукъ не будутъ помогать намъ, работа будетъ только расти отъ нашихъ усилій. Все, что въ теченіе дня подрѣжемъ мы лишняго, подвяжемъ, поддержимъ подпорками, въ одну или двѣ ночи, какъ бы насмѣхаясь надъ нашимъ стараніемъ, разрастается съ прежней роскошью, стремясь къ первобытной дикости. Дай мнѣ совѣтъ, или выслушай, какая мысль пришла мнѣ на умъ: раздѣлимъ работу; ты иди туда, куда выберешь, или гдѣ нужнѣе твоя забота, иди, обвей жимолость вокругъ той бесѣдки, направь побѣги плюща, который опуталъ всѣ вѣтви; а я въ другой сторонѣ, тамъ гдѣ растутъ розы съ миртами, найду себѣ работу до полдня. Когда цѣлый день мы работаемъ вмѣстѣ, постоянно другъ возлѣ друга,

So saying through each thicket dank or dry,
Like a black mist low creeping, he held on
His midnight search, where soonest he might find
The serpent: him fast sleeping soon he found,
In labyrinth of many a round self-roll'd,
His head the midst, well stored with subtle whiles:
Nor yet in horrid shade or dismal den,
Nor nocent yet, but on the grassy herb
Fearless, unfear'd, he slept. In at his mouth
The devil enter'd, and his brutal sense,
In heart or head, possessing soon inspired
With act intellegential; but his sleep
Disturb'd not, waiting close th' approach of morn.
Now when as sacred light began to dawn
In Eden on the humid flow'rs, that breathed
Their morning incense, when all things that breathe,
From th' earth's great altar send up silent praise
To th' Creator, and his nostrils fill
With grateful smell, forth came the human pair,
And join'd their vocal worship to the choir
Of creatures wanting voice: that done partake
The season, prime for sweetest scents and airs;
Then commune how that day they best may ply
Their growing work: for much their work outgrew
The hands dispatch of two gard'ning so wide:
And Eve first to her husband thus began:
Adam, well may we labour still to dress
This garden, still to tend plant, herb, and flow'r,
Our pleasant task injoin'd; but till more hands
Aid us, the work under our labour grows,
Luxurious by restraint; what we by day
Lop overgrown, or prune, or prop, or bind,
One night or two with wanton growth derides
Tending to wild. Thou therefore now advise,
Or hear what to my mind first thoughts present:
Let us divide our labours; thou where choice
Leads thee, or where most needs, whether to wind
The woodbine round this arbour, or direct
The clasping ivy where to climb; while I
In yonder spring of roses, intermix'd
With myrtle, find what to redress till noon:
For while so near each other thus all day

Онъ крѣпко спалъ, свернутый въ лабиринтъ колецъ.

Пѣснь 9. стр. 178.

. . . . Him fast sleeping soon he found,
Jn labyrinth of many a round self-roll'd.

G. Doré
L. GAUCHARD

удивительно ли, что взгляды, улыбки, разговоры, вызываемые какимъ нибудь новымъ предметомъ, прерываютъ нашу работу, и хотя мы начнемъ ее рано, но она не спорится; такъ подходитъ часъ вечерней трапезы, вовсе не заслуженной нами.»

На это Адамъ нѣжно отвѣчаетъ: «О, единственная Ева, единственная моя спутница, несравненная, существо самое дорогое для меня въ мірѣ! Прекрасно твое намѣреніе, прекрасно то, что ты думаешь, какъ лучше исполнить работу, назначенную намъ здѣсь Богомъ; я нахожу твое рвеніе похвальнымъ: ничѣмъ женщина не можетъ украсить себя болѣе, какъ заботой о домашнемъ благѣ и поощреніемъ мужа къ полезному труду. Однако Господь не возложилъ на насъ такого строгаго труда, чтобы мы не могли удѣлить минуты для отдыха во время пищи, или разговора между собою (пищи ума), не смѣли бы помѣняться нѣжнымъ взглядомъ или улыбкою (улыбка есть принадлежность разума), которая не дана животнымъ и есть пища любви, одной изъ высочайшихъ цѣлей человѣческой жизни. Не для тяжелаго труда создалъ Онъ насъ, но для удовольствія, всегда согласнаго съ разумомъ. Повѣрь, общими силами мы легко защитимъ отъ одичанія тѣнистыя рощи и дорожки на всемъ пространствѣ нашихъ прогулокъ, и уже не далеко то время, когда намъ будутъ помогать юныя руки. Впрочемъ, если быть постоянно вмѣстѣ утомляетъ тебя, я могъ бы согласиться на короткую разлуку; иногда одиночество есть самое лучшее общество, и послѣ разлуки свиданіе еще слаще. Но меня тревожитъ другое сомнѣніе: я боюсь, чтобы вдали отъ меня не постигла тебя опасность. Помнишь, какое мы получили предостереженіе, какой злой врагъ завидуетъ нашему счастію, безвозвратно потерявъ свое, какъ хитрымъ нападеніемъ намѣревается навлечь на насъ позоръ и несчастіе. Онъ вѣрно гдѣ нибудь вблизи алчно слѣдитъ за нами въ надеждѣ уловить удобную минуту для исполненія своей цѣли, минуту, когда онъ увидитъ насъ порознь. Когда мы вмѣстѣ, ему не удастся опутать насъ своими сѣтями, такъ какъ мы всегда подадимъ другъ другу быструю помощь. Главная его цѣль отвлечь насъ отъ вѣрности Богу, или нарушить супружескую любовь, которой онъ, можетъ быть, завидуетъ болѣе всего.

Our task we choose, what wonder if so near
Looks intervene and smiles, or object new
Casual discourse draw on, which intermits
Our day's work brought to little, though begun
Early, and th' hour of supper comes unearn'd.
  To whom mild answer Adam thus return'd:
Sole Eve, associate sole; to me beyond
Compare above all living creatures dear,
Well hast thou motion'd, well thy thoughts employ'd
How we might best fulfil the work which here
God hath assign'd us; nor of me shalt pass
Unpraised: for nothing lovelier can be found
In woman, than to study household good,
And good works in her husband to promote.
Yet not so strictly hath our Lord imposed
Labour, as to debar us when we need
Refreshment, whether food, or talk between,
(Food of the mind) or this sweet intercourse
Of looks and smiles (for smiles from reason flow)
To brute deny'd, and are of love the food;
Love not the lowest end of human life.
For not to irksome toil, but to delight
He made us, and delight to reason join'd.
These paths and bow'rs doubt not but our joint hands
Will keep from wilderness with ease, as wide
As we need walk, till younger hands ere long
Assist us: but if much converse perhaps
Thee satiate, to short absence I could yield;
For solitude sometimes is best society,
And short retirement urges sweet return.
But other doubt possesses me, lest harm
Befall thee, severed from me; for thou know'st
What hath been warn'd us; what malicious foe,
Envying our happiness, and of his own
Despairing, seeks to work us woe and shame
By sly assault; and somewhere nigh at hand
Watches, no doubt, with greedy hope to find
His wish and best advantage. us asunder,
Hopeless to circumvent us join'd, where each
To other speedy aid might lend at need.
Whether his first design be to withdraw
Our fealty from God. or to disturb
Conjugal love, than which perhaps no bliss
Enjoy'd by us excites his envy more;

Таковы ли его намѣренія, или еще хуже, не удаляйся отъ вѣрнаго бока, давшаго тебѣ жизнь и всегда готоваго на твою защиту и помощь. Когда женѣ угрожаетъ опасность или безчестіе, всего спокойнѣе и приличнѣе ей быть подлѣ мужа; онъ всегда защититъ ее или раздѣлитъ съ ней худшую участь.»

Ева, въ своемъ дѣвственномъ величіи, какъ любящее существо, оскорбленное жесткимъ словомъ, съ нѣжною строгостію отвѣчаетъ:

«Сынъ Земли и Неба, Властелинъ всей Земли! я знаю, что есть у насъ такой врагъ, что ищетъ онъ нашей гибели; ты самъ говорилъ мнѣ объ этомъ, и я слышала слова Ангела, когда онъ уходилъ; я только что вернулась, когда закрывались цвѣты въ ту вечернюю пору, и стояла позади въ тѣнистомъ уголкѣ. Но, чтобы ты могъ сомнѣваться въ вѣрности моей Богу или тебѣ, потому что есть врагъ, который можетъ искусить ее, этого я не ожидала отъ тебя слышать. Насилія съ его стороны ты не можешь бояться; мы не подвержены смерти, страданіямъ; ни то, ни другое не можетъ насъ коснуться, мы отразимъ ихъ. Тебя, безъ сомнѣнія, страшитъ его коварство: ты боишься, чтобы онъ хитрымъ обманомъ не обольстилъ меня, не поколебалъ моей любви и вѣрности! О, Адамъ, какъ могли родиться въ твоей душѣ подобныя мысли? Какъ могъ ты думать такъ дурно о той, которая такъ дорога тебѣ?»

Адамъ кротко успокоиваетъ ее такими словами: «Дочь Бога и Человѣка, безсмертная Ева, я знаю, непорочна ты и невинна! Я совѣтую тебѣ не удаляться отъ моихъ глазъ, не отъ недовѣрія къ тебѣ, но для избѣжанія самой попытки, замышленной нашимъ врагомъ. Обольститель, хотя бы и потерпѣлъ неудачу, всегда оставляетъ какъ бы тѣнь безчестія на томъ, кто подвергался его соблазну, какъ бы заставляя предполагать, что онъ не считалъ вѣру того достаточно твердою, чтобы устоять противъ искушенія. Ты сама пришла бы въ негодованіе и гнѣвъ, увидя намѣреніе оскорбить тебя, хотя бы попытка и осталась безплодной. И такъ, не понимай ложно моей заботы охранить тебя отъ оскорбленія, угрожающаго тебѣ, если ты будешь одна. Какъ ни дерзокъ врагъ, едва ли посмѣетъ онъ напасть на обоихъ насъ вмѣстѣ; если же и осмѣлится, то первое на-

Or this, or worse, leave not the faithful side
That gave thee being, still shades thee, and protects.
The wife, where danger or dishonour lurks,
Safest and seemliest by her husband stays;
Who guards her, or with her the worst endures.
To whom the virgin majesty of Eve,
As one who loves, and some unkindness meets,
With sweet austere composure thus reply'd:
Offspring of Heav'n and Earth, and all Earth's Lord,
That such an enemy we have, who seeks
Our ruin, both by thee inform'd I learn,
And from the parting Angel overheard,
As in a shady nook I stood behind,
Just then return'd at shut of ev'ning flow'rs.
But that thou should'st my firmness therefore doubt
To God or thee, because we have a foe
May tempt it, I expected not to hear.
His violence thou fear'st not, being such
As we, not capable of death or pain,
Can either not receive, or can repel.
His fraud is then thy fear; which plain infers
Thy equal fear that my firm faith and love
Can by his fraud be shaken or seduced?
Thoughts, which how found their harbour in thy breast,
Adam, mis-thought of her to thee so dear?
To whom with healing words Adam reply'd:
Daughter of God and Man, immortal Eve,
For such thou art, from sin and blame entire:
Not diffident of thee do I dissuade
Thy absence from my sight, but to avoid
Th' attempt itself, intended by our foe.
For he who tempts, though in vain, at least asperses
The tempted with dishonour foul, supposed
Not incorruptible of faith, not proof
Against temptation. Thou thyself with scorn
And anger would'st resent the offer'd wrong,
Though ineffectual found: misdeem not then,
If such affront I labour to avert
From thee alone, which on us both at once
The enemy, though bold, will hardly dare,
Or daring, first on me th' assault shall light.

паденіе сдѣлаетъ на меня. Не пренебрегай его коварствомъ и злобой: хитеръ долженъ быть тотъ, кто сумѣлъ соблазнить Ангеловъ. Не считай также излишнею мою помощь: твои взоры возбуждаютъ всѣ мои душевныя силы; въ твоемъ присутствіи я становлюсь мудрѣе, бдительнѣе, сильнѣе, даже тѣлесная сила увеличилась бы во мнѣ, еслибъ то было нужно. Стыдъ быть побѣжденнымъ или униженнымъ въ твоихъ глазахъ придалъ бы мнѣ непобѣдимое мужество. Отчего же ты въ моемъ присутствіи не испытываешь того же чувства и не хочешь, чтобы твоя добродѣтель подвергнулась испытанію при мнѣ, лучшемъ свидѣтелѣ твоей побѣды?»

Такъ говорилъ Адамъ, исполненный супружеской любви и семейной заботы; но Ева подумала, что онъ сомнѣвается въ ея искренней вѣрѣ; опять нѣжнымъ голосомъ она возражаетъ:

«Если намъ назначено жить въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ намъ всегда угрожаетъ врагъ хитростію или насиліемъ, и не дано одинаковой силы обороняться противъ него, еслибы онъ встрѣтилъ насъ порознь, можемъ ли мы быть счастливы въ вѣчномъ страхѣ несчастія? Однако несчастіе не есть еще предшествіе грѣха: если врагъ осмѣлится соблазнять насъ, добродѣтель наша будетъ оскорблена, это правда, его сомнѣніемъ въ ней, но безчестіе отъ этого оскорбленія падетъ не на насъ, а на него самого: зачѣмъ же намъ избѣгать его или бояться? Напротивъ, мы заслужимъ вдвое болѣе чести, поборовъ его козни, и пріобрѣтемъ душевный миръ и милость Неба, свидѣтеля этого дѣла. И что такое вѣрность, любовь, добродѣтель, если онѣ не подвергались испытанію, никогда не выдерживали борьбы безъ посторонней помощи? Не будемъ напрасно обвинять премудраго Творца, будто Онъ далъ намъ такое несовершенное счастіе, которое не одинаково ограждено отъ опасности вмѣстѣ мы или порознь. Если такъ, непрочно же наше счастіе! Эдемъ, подвергнутый такимъ опасностямъ, не былъ бы для насъ Эдемомъ.»

На это Адамъ отвѣчаетъ ей съ жаромъ: «О Женщина! все прекрасно такъ, какъ опредѣлила тому быть Всевышняя воля; изъ творческой руки Создателя не вышло ничего несовершеннаго; нѣтъ никакихъ недостатковъ въ Его твореніяхъ, и тѣмъ менѣе въ человѣкѣ, или въ томъ, что должно

Nor thou his malice and false guile contemn;
Subtle he needs must be who could seduce
Angels; nor think supperfluous other's aid.
I from the influence of thy looks receive
Access in ev'ry virtue; in thy sight
More wise, more watchful, stronger, if need were
Of outward strength; while shame, thou looking on,
Shame to he overcome or over-reach'd
Would utmost vigour raise, and raised unite.
Why should'st not thou like sense within thee feel
When I am present, and thy trial choose
With me, best witness of thy virtue try'd?
So spake domestic Adam, in his care
And matrimonial love: but Eve, who thought
Less attribúted te her faith sincere,
Thus her reply with accent sweet renew'd:
If this be our condition, thus to dwell
In narrow circuit straighten'd by a foe,
Subtle or violent, we not endued
Single with like defence, wherever met,
How are wehappy, still in fear of harm?
But harm precedes not sin: only our foe
Tempting, affronts us with his foul esteem
Of our integrity: his foul esteem
Sticks no dishonour on our front, but turns
Foul on himself: then wherefore shunn'd or fear'd
By us? who rather double honour gain
From his surmise proved false, find peace within,
Favour from Heav'n, our witness from th' event
And what is faith, love, virtue unassay'd
Alone, without exterior help sustain'd?
Let us not then suspect our happy state
Left so imperfect by the Maker wise,
As not secure to single or combined.
Frail is our happiness, if this be so,
And Eden were no Eden thus exposed.
To whom thus Adam fervently reply'd:
O Woman, best are all things as the will
Of God ordain'd them; his creating hand
Nothing imperfect or deficient left
Of all that he created, much less Man,
Or aught that might his happy state secure,

быть охраной его блаженства — охраной отъ внѣшней силы. Опасность заключается въ немъ самомъ, но въ его же власти отклонить ее. Зло не можетъ его постигнуть безъ его воли, но эту волю Богъ создалъ свободной. Кто покоряется разуму, тотъ лишь свободенъ; разумъ же Онъ создалъ здравымъ, но строго повелѣлъ ему постоянно бодрствовать, чтобы ложная наружность добра не ввела его въ заблужденіе, и онъ, въ свою очередь, не направилъ бы ложно воли къ нарушенію строжайшаго завѣта Господня. Ты видишь, не недовѣріе, но нѣжная любовь побуждаетъ меня часто остерегать тебя; ты же остерегай меня. Тверды мы, но можемъ уклониться отъ истиннаго пути; разумъ, обольщенный благовидной цѣлью врага, забывъ внушенное ему строжайшее бдѣніе, невольно можетъ поддаться обману. И такъ, не ищи искушенія; лучше избѣгай его, что будетъ для тебя гораздо легче, если ты не будешь отдаляться отъ меня: испытаніе само придетъ, не нужно его искать. Если ты хочешь доказать свою твердость, докажи прежде свое послушаніе. Кто будетъ судьею твоей твердости, кто засвидѣтельствуетъ о ней, если не будетъ свидѣтеля искушенія? Но если ты думаешь, что врагъ скорѣе неожиданно нападетъ на насъ обоихъ, чѣмъ на одну тебя, когда ты такъ предостережена противъ него, иди: оставаясь здѣсь противъ воли, ты все равно была бы далеко. Иди, въ твоей врожденной невинности, призови всю твою добродѣтель, ищи въ ней опоры, — Творецъ исполнилъ Свой долгъ передъ тобою; исполни твой.»

Такъ говорилъ патріархъ человѣческаго рода. Но Ева настаивала, хотя покорно. Она въ послѣдній разъ возражаетъ:

«И такъ ты позволяешь; я иду тѣмъ охотнѣе послѣ такого предостереженія, особенно послѣ твоихъ послѣднихъ словъ: ты самъ разсудилъ, что искушеніе можетъ постигнуть насъ обоихъ, когда мы менѣе всего будемъ ожидать его, и менѣе всего, быть можетъ, готовы будемъ къ защитѣ. Не думаю, чтобы такой гордый врагъ напалъ сперва на слабѣйшую сторону; но если бы онъ рѣшился на это, тѣмъ позорнѣе будетъ для него отраженіе.»

Съ такими словами, она нѣжно освобождаетъ свою руку изъ руки мужа,

Secure from outward force. Within himself
The danger lies, yet lies, within his pow'r:
Against his will he can receive no harm.
But God left free the will; for what obeys
Reason is free, and reason he made right;
But bid her well be ware, and still erect,
Lest by some fair appearing good surprised,
She dictate false, and misinform the will
To do what God expressly hath forbid.
Not then mistrust, but tender love enjoins,
That I should mind thee oft; and mind thou me.
Firm we subsist, yet possible to swerve,
Since reason not impossibly may meet
Some specious object by the foe suborn'd,
And fall into deception unaware,
Not keeping strictest watch, as she was warn'd.
Seek not temptation then; which to avoid
Were better, and most likely if from me
Thou sever not: trial will come unsought.
Would'st thou approve thy constancy, approve
First thy obedience: th' other who can know,
Not seeing thee attempted, who attest?
But if thou think, trial unsought may find
Us both securer than thus warn'd thou seem'st,
Go: for thy stay, not free, absents thee more.
Go, in thy native innocence, rely
On what thou hast of virtue, summon all,
For God tow'rds thee hath done his part; do thine.
  So spake the patriarch of mankind: but Eve
Persisted, yet submiss, though last, reply'd:
  With thy permission then, and thus forewarn'd
Chiefly by what thy own last reas'ning words
Touch'd only, that our trial, when least sought,
May find us both perhaps far less prepared,
The willinger I go; nor much expect
A foe so proud will first the weaker seek:
So bent, the more shall shame him his repulse.
  Thus saying, from her husband's hand her hand

и, подобно лѣсной нимфѣ, Ореадѣ или Дріадѣ, спутницамъ Діаны, направляетъ легкіе шаги къ рощамъ. Но легкостію, величіемъ поступи она превосходила богиню Делоса [145], хотя не была вооружена, какъ та, колчаномъ и лукомъ, но лишь садовыми орудіями, которыя были сдѣланы при помощи простого, невиннаго искусства, незнакомаго съ силой преступнаго огня [146], или были принесены Ангелами.

Въ такомъ украшеніи всего болѣе походила она на Палею [147], или на Помону, бѣжавшую отъ Вертумна, или на Цереру, въ цвѣтѣ лѣтъ, когда та не была еще матерью Прозерпины, рожденной отъ Зевса. Долго, съ восторгомъ провожалъ ее Адамъ пламеннымъ взоромъ; но еще болѣе хотѣлось ему, чтобы она осталась. Нѣсколько разъ онъ повторяетъ ей просьбу возвратиться скорѣе; она обѣщаетъ къ полдню быть въ кущѣ, все приготовить къ полуденной трапезѣ и слѣдующему за ней отдыху.

О, злополучная Ева, какъ обманывалась ты въ своемъ возвращеніи! О преступное дѣло! Съ этой минуты нѣтъ для тебя въ Раю ни сладкихъ яствъ, ни безмятежнаго отдыха! Среди благовонныхъ цвѣтовъ, въ прохладной тѣни скрыта западня; адская злоба грозитъ пресѣчь тебѣ путь, или отослать тебя по немъ обратно, лишенную невинности, вѣрности, блаженства.

Да, съ первымъ проблескомъ утра, Врагъ, въ образѣ змѣя, вышелъ изъ своего убѣжища и пустился на поиски туда, гдѣ всего скорѣе могъ встрѣтить чету, заключавшую въ себѣ весь родъ человѣческій, его добычу, цѣль его мщенія. Онъ искалъ ихъ въ рощахъ, въ поляхъ, тамъ, гдѣ всего живописнѣе раскинулись группы цвѣтовъ и деревьевъ, разсаженныхъ ими въ мѣстахъ любимыхъ прогулокъ; на берегахъ источниковъ, у ручейковъ, журчащихъ въ тѣни деревъ. Онъ искалъ ихъ обоихъ, но желалъ, чтобы ему удалось встрѣтить Еву одну; онъ желалъ, но не смѣлъ надѣяться на столь рѣдкій случай, какъ вдругъ, сверхъ всякаго чаянія, желаніе его исполняется: онъ подстерегаетъ Еву одну; она стояла въ покровѣ душистаго облака, на половину скрытая въ цвѣтахъ. Вокругъ ея густо рдѣли пышныя розы; она часто наклонялась, приподнимая и давая опору нѣжнымъ стебелькамъ каждаго цвѣтка, головки которыхъ,

Soft she withdrew, and, like a Wood-Nymph light,
Oread, or Dryad, or of Delia's train,
Betook her to the groves; but Delia's self
In gait surpass'd, and Goddess-like deport,
Though not as she with bow and quiver arm'd.
But with such gard'ning tools as art yet rude,
Guiltless of fire, had form'd, or Angels brought.
To Pales, or Pomona, thus adorn'd,
Likest she seem'd; Pomona when she fled
Vertumnus, or to Ceres in her prime,
Yet virgin of Proserpina from Jove.
Her long with ardent look his eye pursued,
Delighted; but desiring more her stay.
Oft he to her his charge of quik return
Repeated: she to him as oft engaged
To be return'd by noon amid the bow'r,
And all things in best order to invite
Noontide repast, or afternoon's repose.
O much deceived, much failing, hapless Eve,
Of thy presumed return! event perverse!
Thou never from that hour in Paradise
Found'st either sweet repast or sound repose!
Such ambush hid among sweet flow'rs and shades
Waited with hellish rancour imminent
To intercept thy way, or send thee back
Despoil'd of innocence, of faith, of bliss.
For now, and since first break of dawn, the Fiend,
Mere serpent in appearance forth was come,
And on his quest, where likeliest he might find
The only two of mankind, but in them
The whole included race; his purposed prey.
In bow'r and field he sought, where any tuft
Of grove or garden-plot more pleasant lay,
Their tendence or plantation for delight:
By fountain, or by shady rivulet
He sought them both; but wish'd his hap might find
Eve separate; he wish'd, but not with hope
Of what so seldom chanced, when to his wish,
Beyond his hope, Eve separate he spies,
Veil'd in a cloud of fragrance, where she stood,
Half spy'd, so thick the roses blushing round
About her glow'd, oft stooping to support
Each flow'r of slender stalk, whose head, though gay

хотя роскошно испещренныя пурпуромъ, золотомъ, лазурью, уныло опускались, не имѣя подпоры. Ева нѣжно подвязываетъ ихъ гибкою миртою, не помышляя, что сама она, прекраснѣйшій изъ всѣхъ цвѣтовъ, также нуждается въ поддержкѣ, что лучшая опора ея такъ далека, и такъ близка гроза! Врагъ приближается къ ней; много проползъ онъ тропинокъ подъ тѣнію статныхъ кедровъ, пальмъ, сосенъ, то явно и смѣло, то скрываясь среди цвѣтовъ или въ чащѣ густо переплетенныхъ кустарниковъ, окаймлявшихъ съ обѣихъ сторонъ дорогу и насаженныхъ тутъ рукою Евы. Не могли сравниться съ этимъ очаровательнымъ мѣстомъ ни сказочные сады Адониса, воскрешеннаго богами, ни сады знаменитаго Алкиноя, принимавшаго у себя сына престарѣлаго Лаерта [148]), ни чудные тѣ сады, гдѣ мудрый царь проводилъ сладостные часы съ прекрасной Египтянкою, своею супругой.

Сатана восхищается мѣстностью, но еще болѣе Евой. Такъ, когда человѣкъ, долго заключенный въ стѣнахъ многолюднаго города, гдѣ тѣсно сжатые дома, дымъ, нечистоты заражаютъ воздухъ, выходитъ въ лѣтнее утро подышать чистымъ воздухомъ деревень и веселыхъ сельскихъ фермъ, все доставляетъ ему наслажденіе: онъ вдыхаетъ ароматъ злаковъ и душистаго сѣна, запахъ стадъ и фермъ; всякій сельскій видъ, всякій сельскій звукъ приводятъ его въ восхищеніе: если же, подобно легкой нимфѣ, пройдетъ мимо прекрасная дѣва, все, чѣмъ онъ такъ восхищался, въ его глазахъ еще болѣе украшается ею; но сама она все превосходитъ, все прекрасное соединяется въ ея взорахъ. Съ такимъ же восторгомъ взиралъ змѣй на эту цвѣтущую мѣстность, очаровательное убѣжище Евы въ такой ранній часъ утра, въ такомъ одиночествѣ. По небесному облику она была похожа на Ангела, но женственность придавала ей еще болѣе нѣжности. Ея невинная кротость, каждое движеніе, полное прелести, вдругъ побѣждаютъ всю злобу Сатаны, сладко усыпляя въ немъ ярость жестокаго намѣренія, которое привело его сюда. Духъ зла становится на минуту чуждъ зла; въ этотъ короткій промежутокъ онъ чувствуетъ себя до глупости добрымъ, — вражда, коварство, ненависть, зависть, мщеніе, все было обезоружено въ немъ. Но адское пламя, всегда бушующее въ

Carnation, purple, azure, or speck'd with gold,
Hung drooping unsustain'd: them she upstays
Gently with myrtle band, mindless the while
Herself, though fairest unsupported flow'r,
From her best prop so far, and storm so nigh.
Nearer he drew; and many a walk traversed
Of stateliest covert, cedar, pine, or palm,
Then voluble and bold, now hid, now seen
Among thick-woven arborets and flow'rs
Imborder'd on each bank, the hand of Eve:
Spot more delicious than those gardens feign'd
Or of revived Adonis, or renown'd
Alcinous, host of old Laertes' son,
Or that, not mystic, where the sapient king
Held dalliance with his fair Egyptain spouse.
Much he the place admired; the person more.
As one who long in populous city pent,
Where houses thick, and sewers annoy the air,
Forth issuing on a summer's morn to breathe
Among the pleasant villages and farms
Adjoin'd from each thing met conceives delight;
The smell of grain, or tedded grass, or kine,
Or dairy, each rural sight, each rural sound:
If chance with nymph-like step fair virgin pass,
What pleasing seem'd, for her now pleases more,
She most, and in her look sums all delight.
Such pleasure took the Serpent to behold
This flow'ry plat, the sweet recess of Eve
Thus early, thus alone. Her heav'nly form
Angelic, but more soft and feminine,
Her graceful innocence, her ev'ry air
Of gesture or least action, overawed
His malice and with rapine sweet bereaved
His fierceness of the fierce intent it brought.
That space the Evil One abstracted stood
From his own evil, and for the time remain'd
Stupidly good; of enmity disarm'd,
Of guile, of hate, of envy, of revenge;
But the hot Hell that always in him burns,

Много проползъ онъ тропинокъ подъ тѣнію статныхъ кедровъ, пальмъ, соснъ.

Пѣснь 9. стр. 184.

. . . . And many a walk traversed
Of stateliest covert, cedar, pine, or palm.

его груди, не даетъ ему покоя въ самомъ Раю; оно скоро лишаетъ его блаженнаго чувства и еще увеличиваетъ его терзанія. При видѣ счастія, не существующаго для него болѣе, лютая ненависть пробуждается въ немъ съ новою силой, и всѣ свои злобныя мысли онъ выражаетъ такъ:

«О мечты, куда завлекли вы меня! Какой сладкій обманъ очаровалъ меня до того, чтобы могъ я забыть, зачѣмъ пришелъ сюда! Не любовь привела меня, не надежда, вмѣсто Ада, вкушать здѣсь наслажденія Рая, нѣтъ, ненависть, надежда разрушить все счастіе, кромѣ счастія разрушенія; всѣ другія радости для меня потеряны. И такъ, надо пользоваться счастливымъ случаемъ, который улыбается мнѣ теперь. Я вижу женщину... она одна, — вотъ самая удобная минута для нападенія. Мужа нѣтъ съ нею; я далеко обозрѣлъ всю мѣстность, здѣсь по близости его не видно. Его высшій умъ, сила, гордое мужество внушаютъ мнѣ болѣе опасеній. Хотя онъ созданъ изъ земного праха, но, по могучему сложенію его членовъ, это не ничтожный соперникъ; и онъ еще неуязвимъ, а я подверженъ боли! Такъ унизилъ меня Адъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ былъ я на Небѣ, такъ ослабили меня адскія муки! Прекрасна, божественно прекрасна женщина! она достойна любви боговъ, но не страшна мнѣ, хотя красота и любовь внушаютъ страхъ, если не приближаться къ нимъ съ заклятой ненавистію, ненавистію тѣмъ болѣе ужасной, что она должна быть искусно скрыта подъ видомъ любви. Вотъ мой путь, — онъ приведетъ ее къ вѣрной гибели.»

Такъ говоритъ врагъ человѣчества, вселившійся въ змѣя (ужасный жилецъ!), и направляетъ путь къ Евѣ, не пресмыкаясь по землѣ волнообразными изгибами, какъ въ позднѣйшее время, но стоя на хребтѣ, служащемъ основаніемъ цѣлому лабиринту извивающихся одно надъ другимъ колецъ. Онъ подвигается подобно башнѣ; высоко поднятая голова его увѣнчана гребнемъ; подобны карбункуламъ его очи; лоснящаяся шея съ зеленовато-золотистымъ отливомъ гордо выпрямляется среди плавно скользящихъ по травѣ кольцеобразныхъ изгибовъ. Красивъ, привлекателенъ былъ его видъ: никогда потомъ не бывало подобнаго змѣя; не равнялся съ его красотою ни тотъ змѣй Иллиріи, въ котораго превратились Кадмъ

Though in mid Heaven, soon ended his delight,
And tortures him now more, the more he sees
Of pleasure not for him ordain'd. Then soon
Fierce hate he recollects, and all his thoughts
Of mischief, gratulating, thus excites:
Thoughts, whither have ye led me! With what sweet
Compulsion thus transported to forget
What hither brought us! hate, not love, nor hope
Of Paradise for Hell, hope here to taste
Of pleasure, but all pleasure to destroy,
Save what is in destroying: other joy
To me is lost. Then let me not let pass
Occasion which now smiles. Behold alone
The woman, opportune to all attempts,
Her husband, for I view far round, not nigh,
Whose higher intellectual more I shun
And strength, of courage haughty, and of limb
Heroic built, though of terrestrial mould,
Foe not informidable, exempt from wound,
I not. So much hath Hell debased, and pain
Enfeebled me to what I was in Heav'n.
She fair, divinely fair, fit love for Gods;
Not terrible, though terror be in love
And beauty; not approach'd by stronger hate,
Hate stronger, under show of love well feign'd,
The way which to her ruin now I tend.
So spake th' enemy of mankind, inclosed
In serpent, inmate bad, and toward Eve
Address'd his way, not with entented wave,
Prone on the ground, as since, but on his rear,
Circular base of rising folds, that tower'd
Fold above fold a surging maze, his head
Crested aloft, and carbuncle his eyes;
With burnisch'd neck of verdant gold, erect
Amidst his circling spires, that on the grass
Floated redundant. Pleasing was his shape,
And lovely: never since of serpent kind
Lovelier: not those that in Illyria changed
Hermione and Cadmus, or the God

и Гармонія [149], ни тотъ, въ котораго вошелъ богъ Эпидавръ, ни тѣ змѣи, въ образѣ которыхъ видѣли Юпитера Аммонскаго или Капитолійскаго: одного съ Олимпіей, другого съ матерью Сципіона, славы Рима. Сначала идетъ онъ косвеннымъ путемъ, какъ бы желая, но боясь приблизиться прямо. Такъ искусный кормчій направляетъ въ разныя стороны паруса и руль своего судна, когда оно приближается къ устью рѣки или мысу, гдѣ вѣтеръ крутитъ туда и сюда капризныя волны. Такъ змѣй безпрестанно мѣняетъ движенія, игриво извиваетъ свои кольца въ виду Евы, желая привлечь ея взоры. Погруженная въ работу, она слышитъ шорохъ листьевъ, но не обращаетъ на это вниманія: привычны ей были забавы всѣхъ животныхъ, болѣе послушныхъ ея голосу, чѣмъ превращенное стадо голосу Цирцеи [150]. Тогда змѣй, незванно, приближается къ ней смѣлѣе, но вдругъ останавливается, какъ бы пораженный восторгомъ. Нѣсколько разъ онъ раболѣпно преклоняетъ передъ нею великолѣпный свой гребень, свою красивую, блестящую шею, и лижетъ землю тамъ, гдѣ стояла Ева. Нѣжная, нѣмая его ласка привлекаетъ наконецъ взоры Евы; она смотритъ на его игривыя движенія. Сатана, радуясь, что могъ привлечь ея вниманіе, змѣинымъ ли языкомъ, или звуковыми волнами воздуха, такъ начинаетъ коварное искушеніе:

«Владычица міра, не удивляйся! если можетъ что нибудь удивлять тебя, потому что одна ты достойна удивленія! Но болѣе всего прошу тебя, не вооружай презрѣніемъ твоихъ очей, небесъ кротости, не гнѣвайся за то, что я, одинъ здѣсь съ тобою, приблизился къ тебѣ и такъ ненасытно на тебя смотрю, безъ трепета передъ твоимъ величественнымъ челомъ, еще болѣе величественнымъ въ этомъ уединеніи. О, прекраснѣйшій образъ прекраснаго Творца! все живущее созерцаетъ тебя, все покорено тебѣ, все съ восторгомъ обожаетъ твою небесную красоту! Вся вселенная должна тебѣ поклоняться! Но здѣсь, въ затворничествѣ этой дикой пустыни, среди животныхъ, безсмысленныхъ зрителей, которые и въ половину неспособны понять все, что есть въ тебѣ прекраснаго, кто видитъ тебя, кромѣ одного человѣка? Что же значитъ одинъ, когда ты могла бы быть богинею среди боговъ, когда безчисленные Ангелы должны поклоняться и служить тебѣ, окружая тебя блестящею свитой!»

In Epidaurus; nor to which transform'd
Ammonian Jove, or Capitoline was seen;
He with Olympias, this with her who bore
Scipio the highth of Rome. With tract oblique
At first, as one who sought access, but fear'd
To interrupt, sidelong he works his way.
As when a ship by skilful steersman wrought,
Nigh river's mouth or foreland, where the wind
Veers oft, as oft so steers, and shifts her sail,
So varied he, and of his tortuous train
Curl'd many a wanton wreath in sight of Eve,
To lure her eye: she busy'd, heard the sound
Of rustling leaves, but mindet not, as used
To such disport before her through the field
From ev'ry beast; more duteous at her call
Than at Circean call the herd disguised.
He bolder now, uncall'd, before her stood,
But as in gaze admiring, oft he bow'd
His turret crest and sleek enamel'd neck,
Fawning, and lick'd the ground whereon she trod.
His gentle dumb expression turn'd at length
The eye of Eve to mark his play. He, glad
Of her attention gain'd, with serpent tongue
Organic, or impulse of vocal air
His fraudulent temptation thus began:
  Wonder not, sovreign Mistress, if perhaps
Thou canst, who art sole wonder; much less arm
Thy looks, the Heav'n of mildness, with disdain,
Displeased that I approach thee thus, and gaze
Insatiate, I thus single, nor have fear'd
Thy awful brow, more awful thus retired.
Fairest resemblance of thy Maker fair!
Thee all things living gaze on, all things thine
By gift, and thy celestial beauty adore
With ravishment beheld! there best beheld
Where universally admired: but here
In this inclosure wild, these beasts among,
Beholders rude, and shallow to discern
Half what in thee is fair, one man except,
Who sees thee? (and what is one?) who should'st be seen
A Goddess among Gods, adored and served
By Angels numberless, thy daily train.

Такъ льстилъ Искуситель; таковъ былъ его приступъ; слова его проложили себѣ путь къ сердцу Евы, хотя она дивится голосу змѣя; наконецъ, въ замѣшательствѣ, такъ говоритъ ему въ отвѣтъ:

«Что это значитъ? Человѣческая рѣчь, человѣческая мысль въ устахъ животнаго! Я думала, что перваго, по крайней мѣрѣ, лишены всѣ твари, которыхъ Богъ въ день созданія сотворилъ нѣмыми, не давъ имъ способности рѣчи. Насчетъ послѣдняго я еще колеблюсь сомнѣніемъ: часто въ ихъ взглядахъ, поступкахъ выражается большой разумъ. Тебя, змѣй, я знала за хитрѣйшую изъ полевыхъ тварей, не одаренную однако человѣческой рѣчью. Повтори же это чудо, повѣдай мнѣ, какъ, будучи безсловеснымъ, получилъ ты способность слова, и отчего изъ всѣхъ животныхъ, которыхъ ежедневно здѣсь вижу, ты выказываешь мнѣ больше всѣхъ дружбы? Говори! подобное чудо достойно вниманія.»

Лукавый Искуситель отвѣчаетъ на это:

«Царица этого прекраснаго міра, блистательная Ева! Не трудно мнѣ сказать все, что ты потребуешь, — когда ты повелѣваешь, все должно повиноваться тебѣ. Сначала я былъ такимъ же, какъ всѣ прочія твари, пасущіяся на попираемой ими землѣ; мои мысли были такъ же презрѣнны и низки, какъ моя пища; я имѣлъ понятіе только о пищѣ и различіи пола; ничто высокое не было мнѣ доступно. Однажды, блуждая въ поляхъ, нечаянно увидѣлъ я вдали чудесное дерево, обремененное плодами дивнаго цвѣта съ блескомъ пурпура и золота. Я приблизился, чтобы посмотрѣть на него: ароматъ, разлившійся съ его вѣтвей, сильно возбудилъ во мнѣ голодъ; не плѣнялъ такъ моего вкуса ни запахъ сладчайшаго укропа, ни запахъ молока, когда вечерней порою течетъ оно изъ переполненныхъ сосцевъ козъ и овецъ, между тѣмъ какъ ихъ малютки, рѣзвясь, забываютъ сосать ихъ. Я рѣшился не медля удовлетворить своему сильному желанію отвѣдать тѣхъ чудныхъ яблоковъ: голодъ и жажда (могучъ ихъ голосъ), возбужденные ароматомъ соблазнительнаго плода, такъ сильно меня къ тому побуждали. Я быстро обвился вокругъ мшистаго ствола: вѣтви начинались высоко отъ земли, — достать до нихъ могъ бы только твой ростъ, или Адама. Всѣ другія животныя столпились

So glozed the Tempter, and his proem tuned;
Into the heart of Eve his words made way,
Though at the voice much marvelling. At length,
Not unamazed, she thus in answer spake;
What may this mean? Language of man pronounced
By tongue of brute, and human sense express'd!
The first at least of these I thought deny'd
To beasts, whom God on their creation-day
Created mute to all articulate sound:
The later I demur; for in their looks
Much reason, and in their actions oft appears.
Thee, Serpent, subtlest beast of all the field,
I knew, but not with human voice endued.
Redouble then this miracle, and say,
How cam'st thou speakable of mute; and how
To me so friendly grown above the rest
Of brutal kind, that daily are in sight!
Say! for such wonder claims attention due.
To whom the guileful Tempter thus reply'd:
Empress of this fair world, resplendent Eve,
Easy to me it is to tell thee all
What thou command'st; and right thou should'st be obey'd:
I was at first as other beasts that graze
The trodden herb, of abject thoughts and low,
As was my food: nor aught but food discern'd,
Or sex, and apprehended nothing high,
Till on a day roving the field, I chanced
A goodly tree far distant to behold,
Loaden with fruit of fairest colours mix'd,
Ruddy and gold. I nearer drew to gaze;
When from the boughs a savoury odour blown,
Grateful to appetite, more pleased my sense
Than smell of sweetest fennel, or the teats
Of ewe or goat dropping with milk at ev'n,
Unsuck'd of lamb or kid, that tend their play.
To satisfy the sharp desire I had
Of tasting those fair apples, I resolved
Not to defer: hunger and thirst at once
(Pow'rful persuaders) quicken'd at the scent
Of that alluring fruit, urged me so keen.
About the mossy trunk I wound me soon,
For high from ground the branches would require
Thy utmost reach or Adam's: Round the tree

около дерева, томимыя тѣмъ же желаніемъ, и завистливо смотрѣли на плоды, но не могли достать ихъ. Достигнувъ середины дерева, гдѣ такъ близко и заманчиво висѣли они въ обиліи, я срываю ихъ, вкушаю, насыщаю ими свой голодъ. До этой минуты никакая пища или напитокъ не доставляли мнѣ подобнаго удовольствія. Насытясь, наконецъ, я вскорѣ почувствовалъ въ себѣ чудную перемѣну: духъ мой вдругъ просвѣтлѣлъ разумомъ, и вслѣдъ затѣмъ получилъ я даръ слова, хотя наружный видъ мой не измѣнился.

«Съ тѣхъ поръ я обратилъ свои мысли къ глубокимъ, возвышеннымъ размышленіямъ; я обнялъ обширнымъ взоромъ Небеса, Землю и Воздухъ; все прекрасное и высокое постигъ я; но все, что есть въ мірѣ прекраснаго и высокаго соединяется въ твоемъ божественномъ образѣ, въ лучахъ небесной твоей красоты. Нѣтъ красы равной твоей, или хотя бы близкой къ ней. Твоя красота привлекла меня сюда, хотя можетъ быть я тебѣ докучаю; я пришелъ, чтобы лицезрѣть тебя и съ благоговѣніемъ поклониться тебѣ, справедливо названной владычицею всѣхъ тварей, Царицею міра.»

Такъ говорилъ Духъ зла устами хитраго Змѣя. Ева, изумленная еще болѣе, неосторожно отвѣчаетъ:

«Змѣй, твои чрезмѣрныя похвалы заставляютъ сомнѣваться въ силѣ плода, испытанной тобою первымъ. Но, скажи, гдѣ растетъ это дерево? Далеко ли отсюда? Господь насадилъ въ Раю множество разнородныхъ деревьевъ; мы многихъ еще не знаемъ; нашему выбору предоставлено такое обиліе плодовъ, что множество изъ нихъ не тронуто нами; они висятъ на вѣтвяхъ, не подвергаясь порчѣ, въ ожиданіи пока не народятся люди, чтобы собрать ихъ; тогда болѣе многочисленныя руки помогутъ намъ облегчать Природу отъ обременяющихъ ее сокровищъ.»

Хитрый змѣй, радуясь, спѣшитъ отвѣтить:

«Царица, путь не далекъ и не труденъ. Оно тамъ, за миртами, посреди равнины, на берегу ручья, пройдя ту рощицу цвѣтущихъ бальзамовъ и мирты. Если позволишь мнѣ быть твоимъ путеводителемъ, я приведу тебя скоро.»

All other beasts that saw, with like desire
Longing and envying stood, but could not reach.
Amid the tree now got, where plenty hung
Tempting so nigh, to pluck and eat my fill
I spared not; for such pleasure till that hour
At feed or fountain never had I found.
Sated at length, ere long I might perceive
Strange alteration in me, to degree
Of reason in my inward pow'rs, and speech
Wanted not long, though to this shape retain'd.
Thenceforth to speculations high or deep
I turn'd my thoughts, and, with capacious mind,
Consider'd all things visible in Heav'n,
Or Earth, or Middle; all things fair and good:
But all that fair and good in thy divine
Semblance, and in thy beauty's heav'nly ray
United I beheld. No fair to thine
Equivalent or second; which compell'd
Me thus, though importune perhaps, to come
And gaze and worship thee, of right declared
Sov'reign of creatures, universal Dame.
So talk'd the spirited sly Snake; and Eve,
Yet more amazed, unwary, thus reply'd:
Serpent, thy overpraising leaves in doubt
The virtue of that fruit, in thee first proved.
But say, where grows the tree? from hence how far?
For many are the trees of God that grow
In Paradise, and various, yet unknown
To us, in such abundance lies our choice,
As leaves a greater store of fruit untouch'd,
Still hanging incorruptible, till men
Grow up to their provision, and more hands
Help to disburden Nature of her birth.
To whom the wily adder, blithe and glad:
Empress, the way is ready, and not long;
Beyond a row of myrtles, on a flat,
Fast by a fountain, one small thicket past
Of blowing myrrh and balm. If thou accept
My conduct, I can bring thee thither soon.

«Веди!» сказала Ева.

Коварный вожатый, прямо возвышаясь на хребтѣ, который быстро извивается кольцами, спѣшитъ къ злодѣянію. Надежда высоко поднимала сіявшій отъ радости гребень. Такъ блуждающій огонь, рожденный скопленіемъ тяжелыхъ паровъ, сгущенныхъ ночнымъ холодомъ, отъ движенія воздуха вспыхиваетъ пламенемъ; часто, говорятъ, зажигаетъ его злой Духъ. Блуждая, обманчивымъ свѣтомъ онъ сбиваетъ съ дороги ночного путника; тотъ испуганно слѣдуетъ за нимъ въ болота и топи, а нерѣдко и въ пропасти, въ глубокія пучины, которыя поглощаютъ его, и онъ гибнетъ вдали отъ всякой помощи. Такъ, сіяя пагубнымъ блескомъ, ужасный змѣй обманомъ ведетъ Еву, нашу легковѣрную праматерь, къ заповѣдному дереву, корню всѣхъ нашихъ несчастій. Увидѣвъ дерево, она говоритъ своему путеводителю:

«Змѣй, мы напрасно шли сюда; этотъ путь былъ для меня безполезенъ, хотя я вижу здѣсь чрезмѣрное обиліе плодовъ. Чудесна ихъ сила, если такъ подѣйствовала на тебя, но пусть вѣра въ нее остается при тебѣ. Мы не смѣемъ ни вкушать плодовъ этого дерева, ни прикасаться къ нимъ; такъ повелѣлъ Богъ: это единственная заповѣдь, изреченная Его устами, — во всемъ остальномъ мы вполнѣ свободны; единственный нашъ законъ — нашъ разумъ.»

«Какъ!» коварно возражаетъ Искуситель, «Богъ не позволилъ вамъ вкушать всѣхъ плодовъ здѣсь въ саду, провозгласивъ васъ владыками всего на землѣ и въ воздухѣ?»

На это Ева, еще не вѣдая грѣха, отвѣчаетъ: «Мы можемъ вкушать всѣ плоды въ этомъ саду, кромѣ одного: показавъ намъ это прекрасное дерево среди сада, Господь сказалъ намъ: «Не вкушайте его плодовъ, не прикасайтесь къ нимъ, или вы умрете.»

Едва окончила она свой краткій отвѣтъ, какъ Искуситель, становясь отважнѣе, располагаетъ новый планъ нападенія. Онъ представляется полнымъ рвенія и любви къ человѣку; негодуетъ на несправедливость къ нему, волнуется, горячится; потомъ, поднимается съ достоинствомъ, какъ бы готовясь говорить о важномъ предметѣ. Такъ, въ древности, въ Аѳинахъ

Lead then, said Eve. He leading swiftly roll'd
In tangles, and made intricate seem straigt,
To mischief swift. Hope elevates, and joy
Brightens his crest; as when a wand'ring fire,
Compact of unctuous vapour, which the night
Condenses, and the cold environs round,
Kindled through agitation to a flame,
Which oft, they say, some evil Spirit attends,
Hov'ring and blazing with delusive light,
Misleads th' amazed night-wand'rer from his way
To bogs and mires, and oft through pond or pool,
There swallow'd up and lost, from succour far.
So glister'd the dire Snake, and into fraud
Led Eve, our credulous mother, to the tree
Of prohibition, root of all our woe!
Which when she saw, thus to her guide she spake:
Serpent, we might have spared our coming hither,
Fruitless to me, though fruit be here to excess,
The credit of whose virtue rest with thee,
Wondrous indeed, if cause of such effects.
But of this tree we may not taste nor touch;
God so commanded, and left that command
Sole daughter of his voice: the rest, we live
Law to ourselves; our reason is our law.
To whom the Tempter guilefully reply'd:
Indeed! Hath God then said, that of the fruit
Of all these garden-trees ye shall not eat,
Yet Lords declared of all in earth or air?
To whom thus Eve, yet sinless: Of the fruit
Of each tree in the garden we may eat:
But of the fruit of this fair tree amidst
The garden, God hath said, Ye shall not eat
Thereof, nor shall ye touch it, lest ye die.
She scarce had said, though brief, when now more bold
The Tempter, but with show of zeal and love
To Man, and indignation at his wrong,
New parts puts on, and as to passion moved,
Fluctuates disturb'd, yet comely, and in act
Raised, as of some great matter to begin.
As when of old some orator renown'd
In Athens or free Rome, where eloquence

или свободномъ Римѣ, гдѣ такъ процвѣтало краснорѣчіе, теперь умолкшее, знаменитый ораторъ, защищая благо отчизны, стоялъ, безмолвно погруженный въ думу; между тѣмъ видъ его, осанка, малѣйшее движеніе приковывали вниманіе слушателей, прежде чѣмъ онъ открывалъ уста; иногда, какъ бы въ порывѣ своего рвенія за правду, пропуская замедляющее вступленіе, онъ прямо приступалъ къ своему предмету. Такъ Искуситель, въ волненіи, встаетъ, выпрямляется во всю свою вышину и восторженно произноситъ:

«О священное, мудрое и дающее мудрость Растеніе, мать всѣхъ познаній! Да, я чувствую въ себѣ твою силу; она меня просвѣтляетъ, я не только проникаю въ начало вещей, но открываю даже высочайшіе пути, какъ бы ни считались они премудры! Царица вселенной! не вѣрь тѣмъ страшнымъ угрозамъ: вы не умрете. И что можетъ причинить вамъ смерть? Этотъ плодъ? Онъ дастъ вамъ жизнь, давъ знаніе. Тотъ, Кто угрожалъ вамъ? Взгляни на меня, я прикасался къ тому плоду, вкушалъ его; однако, дерзнувъ искать высшаго удѣла, я не только живъ, но живу еще болѣе совершенной жизнію, чѣмъ было предназначено мнѣ судьбою. Можетъ ли быть закрыто Человѣку то, что открыто Животному? Можетъ ли Богъ воспламениться гнѣвомъ за столь ничтожный проступокъ? Скорѣе не похвалитъ ли Онъ вашего неустрашимаго рвенія, когда увидитъ, что страхъ смерти, которой Онъ угрожалъ вамъ,—что бы такое ни была эта смерть,—не отклонилъ васъ совершить то, что должно возвести васъ на высшую степень блаженства, открыть вамъ познаніе добра и зла! Добра! что можетъ быть справедливѣе? Зла?.. Если оно существуетъ, въ самомъ дѣлѣ, почему же не знать его? Тогда легче его избѣгнуть. Богъ не можетъ вредить вамъ и оставаться правосуднымъ: если въ Немъ нѣтъ правосудія, Онъ не Богъ; тогда Онъ не можетъ требовать ни страха, ни послушанія. Самый вашъ страхъ смерти долженъ удалить отъ васъ всякую боязнь. Для чего же это запрещеніе? Для того, чтобы запугать васъ, для того, чтобы вы поклонялись Ему, оставаясь въ уничиженіи и невѣжествѣ. Онъ знаетъ, что въ тотъ день, когда вы вкусите отъ этого плода, очи ваши, повидимому столь ясныя, а на самомъ дѣлѣ темныя, просвѣтятся и

Flourisch'd, since mute, to some greal cause address'd
Stood in himself collected, while each part,
Motion, each act won audience, ere the tongue,
Sometimes in highth began, as no delay
Of preface brooking through his zeal of right:
So standing, moving, or to highth up grown,
The Tempter, all impassion'd, thus began:
  O sacred, wise and wisdom-giving Plant,
Mother of science, now I feel thy pow'r
Within me clear, not only to discern
Things in their causes, but to trace the ways
Of highest agents, deem'd however wise.
Queen of this universe, do not believe
Those rigid threats of death: ye shall not die.
How should ye? by the fruit? It gives you life
To knowledge; by the threat'ner? Look on me,
Me who have touch'd and tasted, yet both live,
And life more perfect have attain'd than fate
Meant me, by venturing higher than my lot.
Shall that be shut to Man, which to the Beast
Is open? or will God incense his ire
For such a petty trespass, and not praise
Rather your dauntless virtue, whom the pain
Of death denounced, whatever thing death be,
Deterr'd not from achieving what might lead
To happier life, knowledge of good and evil!
Of good, how just! of evil, if what is evil
Be real, why not known, since easier shunn'd?
God therefore cannot hurt ye and be just:
Not just, not God; not fear'd then, nor obey'd:
Your fear itself of death removes the fear.
Why then was this forbid? Why but to awe,
Why but to keep ye low and ignorant,
His worshippers. He knows that in the day
Ye eat thereof, your eyes that seem so clear,
Yet are but dim, shall perfectly be then
Open'd and clear'd, and ye shall be as Gods,

откроются вполнѣ: вы станете подобны богамъ и, какъ они, узнаете добро и зло. Такъ должно быть по сравненію со мною: вы будете богами, какъ я сталъ Человѣкомъ — внутренно я обладаю человѣческимъ духомъ. Если изъ животнаго я сдѣлался человѣкомъ, вы изъ людей превратитесь въ боговъ.

«Правда, свергнувъ съ себя человѣческое естество, вы, можетъ быть, умрете, чтобы возродиться богами. Если въ этомъ заключается все несчастіе, несмотря на всѣ угрозы, можно желать такой смерти. И что же такое боги, чтобы Человѣку не сравняться съ ними, съ той минуты, когда онъ раздѣлитъ ихъ божественную пищу? Боги перворoдны, и, пользуясь этимъ преимуществомъ, заставляютъ насъ вѣрить, что все происходитъ отъ нихъ. Я сомнѣваюсь въ этомъ. Почему же эта прекрасная земля, согрѣваемая солнцемъ, рождаетъ всего такъ много, а они что дѣлаютъ? Ничего. Если они все создали, кто же вложилъ познаніе добра и зла въ это дерево, и отчего всякій, кто вкуситъ его плода, мгновенно, безъ ихъ позволенія, достигаетъ мудрости? Чѣмъ же оскорбляетъ Человѣкъ Бога, достигнувъ знанія? Чѣмъ можетъ ваше знаніе повредить Ему? И если все зависитъ отъ Него, то можетъ ли это дерево сообщить вамъ что-либо противное Его волѣ. Не зависть ли это? Но развѣ зависть можетъ обитать въ небесныхъ сердцахъ? Всѣ эти причины и много еще другихъ доказываютъ, какъ необходимъ для васъ этотъ прекрасный плодъ. Земная богиня! сорви его и вкушай безъ боязни.»

Онъ кончилъ; слова его, исполненныя коварства, нашли слишкомъ легкій доступъ въ сердце Евы. Пристально смотритъ она на плодъ, одинъ видъ котораго полонъ соблазна, а въ ушахъ ея все раздаются звуки тѣхъ словъ, такихъ убѣдительныхъ, внушенныхъ, кажется ей, разумомъ и истиной. Между тѣмъ полуденный часъ приближался, а съ нимъ вмѣстѣ и голодъ; чудесный ароматъ плода возбуждаетъ его еще сильнѣе; она уже не противится искушенію сорвать и вкусить его, устремляетъ на него взоры, горя желаніемъ: однако сначала она останавливается на минуту, задумывается, и такъ разсуждаетъ сама съ собою:

«Велика твоя сила, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, лучшій изъ плодовъ! Хотя

Knowing both good and evil as they know.
That ye shall be as Gods, since I as Man,
Internal Man, is but proportion meet;
I of brute human, ye of human Gods.
So ye shall die perhaps, by putting off
Human, to put on Gods; death to be wish'd,
Tho' threaten'd, which no worse than this can bring.
And what are Gods; that Man may not become
As they, participating Godlike food?
The Gods are first, and that advantage use
On our belief, that all from them proceeds.
I question it; for this fair earth I see,
Warm'd by the sun, producing ev'ry kind;
Them nothing. If they all things, who inclosed
Knowledge of good and evil in this tree,
That who so eats thereof, forthwith attains
Wisdom without their leave? and wherein lies
Th' offence, that Man should thus attain to know?
What can your knowledge hurt him, or this tree
Impart against his will if all be his?
Or is it envy? And can envy dwell
In heav'nly breasts? These, these and many more
Causes, import your need of this fair fruit.
Goddess humane, reach then, and freely taste.
He ended, and his words, replete with guile,
Into her heart too easy entrance won.
Fix'd on the fruit she gazed, which to behold
Might tempt alone; and in her ears the sound
Yet rung of his persuasive words, impregn'd
With reason, to her seeming, and with truth:
Meanwhile the hour of noon drew on, and waked
An eager appetite, raised by the smell
So savoury of that fruit, which with desire,
Inclinable now grown to touch or taste,
Solicited her longing eye: yet first,
Pausing a while, thus to herself she mused:
Great are thy virtues, doubtless, best of fruits,

ты запрещенъ человѣку, но возможно ли не удивляться тебѣ! Такъ долго заповѣданный, при первомъ прикосновеніи къ тебѣ, нѣмому языку ты даровалъ краснорѣчіе; безсловесной твари вложилъ ты даръ слова, чтобы разглашать твою славу. И Тотъ, Кто заповѣдалъ намъ тебя, не скрылъ отъ насъ твоей чудотворной силы, назвавъ тебя древомъ познанія, познанія какъ добра, такъ и зла. Онъ запретилъ намъ вкушать тебя, но Его запрещеніе возвышаетъ твою цѣну, открывая намъ какія блага ты сообщаешь и то, чего намъ недостаетъ. Невѣдомымъ благомъ владѣть нельзя; или владѣть имъ, не вѣдая его, все равно что не обладать имъ вовсе. Наконецъ, что запрещаетъ Онъ намъ? знаніе? Онъ запрещаетъ намъ благо! запрещаетъ намъ быть мудрыми! Такіе запреты не могутъ связывать. Если смерть налагаетъ на насъ оковы, къ чему служитъ намъ свобода нашего разума? Въ тотъ день, когда вкусимъ отъ этого прекраснаго плода, мы умремъ: таковъ приговоръ!.. Змѣй развѣ умеръ? онъ вкусилъ, и живъ; онъ пріобрѣлъ познаніе, и говоритъ, и разсуждаетъ, и мыслитъ, бывъ прежде безсмысленнымъ. Неужели смерть придумана для насъ однихъ? Неужели намъ запрещенъ плодъ познанія, и предоставленъ животнымъ? Животнымъ онъ не воспрещенъ, какъ видно! Но отчего же эта тварь, первая вкусивъ его, не скрываетъ ревниво своего нечаяннаго открытія, а довѣрчиво, съ радостію спѣшитъ дружески подѣлиться съ человѣкомъ доставшимся ей благомъ? Это другъ человѣка, безъ обмана и хитрости. Чего же страшусь я? Или, лучше сказать, въ моемъ невѣдѣніи добра и зла, какъ знать, чего мнѣ страшиться болѣе: Бога или смерти, закона или кары? Здѣсь конецъ всѣхъ сомнѣній. Этотъ божественный плодъ, плѣняющій вкусъ и зрѣніе, обладаетъ силою даровать мудрость. Что же удерживаетъ меня сорвать его и насытить и тѣло и душу?»

Сказала, и въ злополучный часъ протягиваетъ къ плоду безразсудную руку, срываетъ, вкушаетъ его! Земля содрогнулась отъ боли; Природа, потрясенная до основанія, глубоко вздохнула; всѣ ея творенія повторили этотъ горестный стонъ, чувствуя, что все погибло! Виновный змѣй скрылся въ чащу; бѣгство было легко: Ева вся предалась вкушаемому плоду, ничего не замѣчая вокругъ. Съ такимъ наслажденіемъ, казалось, не вкушала

Though kept from man, and worthy to be admired
Whose taste, too long forborn, at first assay
Gave elocution to the mute, and taught
The tongue not made for speech to speak thy praise:
Thy praise he also, who forbids thy use.
Conceals not from us, naming thee the tree
Of knowledge, knowledge both of good and evil:
Forbids us then to taste; but his forbidding
Commends thee more, while it infers the good
By thee communicated, and our want:
For good unknown, sure is not had; or had
And yet unknown, is as not had at all.
In plain then, what forbids he but to know;
Forbids us good! forbids us to be wise!
Such prohibitions bind not. But if death
Bind us with after-bands, what profits then
Our inward freedom? In the day we eat
Of this fair fruit, our doom is, we shall die.
How dies the Serpent? he hath eaten and lives,
And knows, and speaks, and reasons, and discerns:
Irrational till then. For us alone
Was death invented? or to us deny'd
This intellectual food, for beasts reserved?
For beasts it seems; yet that one beast which first
Hath tasted, envies not, but brings with joy
The good befall'n him, author unsuspect,
Friendly to man, far from deceit or guile.
What fear I then? Rather, what know to fear
Under this ignorance of good and evil,
Of God or death, of law or penalty?
Here grows the cure of all, this fruit divine,
Fair to the eye, inviting to the taste,
Of virtue to make wise. What hinders then
To reach, and feed at once both body and mind?
So saying, her rash hand, in evil hour,
Forth reaching to the fruit, she pluck'd, she eat!
Earth felt the wound; and Nature from her seat
Sighing, through all her works gave signs of woe,
That all was lost! Back to the thicket slunk
The guilty Serpent, and well might, for Eve,
Intent now wholly on her taste, nought else
Regarded; such delight till then, as seem'd,

Виновный Змѣй скрылся въ чащу.

Пѣснь 9. стр. 192.

. . . . Back to the thicket slunk
The guilty Serpent. . . . .

она еще никакого плода, былъ ли въ немъ дѣйствительно такой вкусъ, или она воображала это, упоенная высокою надеждою знанія. Въ мысляхъ своихъ она представляетъ себя уже близкою къ божеству. Она неумѣренно, съ жадностію вкушаетъ плодъ, не вѣдая что вкушаетъ смерть. Насытясь, наконецъ, словно опьяненная виномъ, восторженная, веселая, самодовольно выражаетъ такъ свою радость:

«О совершеннѣйшее, могучее, драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ райскихъ деревьевъ, благословенной своей силой дающее мудрость! Ты было въ неизвѣстности, въ презрѣніи; прекрасные плоды твои висѣли напрасно, будто созданные безъ всякой пользы; но съ этого дня тебѣ будетъ посвящена моя первая забота; каждое утро, съ пѣснію, съ должной тебѣ хвалою, буду облегчать я твои роскошныя вѣтви, обремененныя обиліемъ плодовъ, которые ты щедро всѣмъ предлагаешь. Между тѣмъ, питаемая тобою, я созрѣю въ мудрости, уподоблюсь богамъ, которымъ все открыто, хотя они завидуютъ другимъ въ томъ, чего не могутъ дать сами. Если бы сила, заключенная въ тебѣ, была ихъ даромъ, ты не росло бы здѣсь. И этимъ опытомъ обязана я тебѣ, мой добрый наставникъ; не послѣдовавъ за тобою, я оставалась бы въ невѣдѣніи. Ты открылъ мнѣ путь къ Мудрости, далъ мнѣ проникнуть въ глубину таинственнаго ея святилища.

«Можетъ быть, мой поступокъ останется тайной: Небо такъ высоко и далеко отсюда; съ такой вышины можно ли ясно видѣть все, что происходитъ на землѣ? Можетъ быть, другія заботы отвлекли неусыпное вниманіе великаго нашего Законодателя, спокойно возсѣдающаго среди соглядатаевъ, которыми Онъ Себя окружилъ. Но какъ явлюсь я къ Адаму? Открыть ли ему свою перемѣну и раздѣлить съ нимъ свое блаженство? или лучше нераздѣльно, одной владѣть могуществомъ знанія? Тогда я пополню то, чего недостаетъ моему полу: Адамъ полюбитъ меня еще нѣжнѣе, я сдѣлаюсь равною ему, а можетъ быть, въ иномъ даже выше, отчего бы я не отказалась, такъ какъ низшій можетъ развѣ быть свободенъ? Да, это было бы прекрасно!.. Но что если Богъ видѣлъ все, и меня постигнетъ смертъ? Какъ, меня не будетъ! вмѣсто меня Адамъ найдетъ другую жену, другую Еву? Онъ будетъ наслаждаться съ нею счастіемъ, а я уничтожусь!

In fruit she never tasted, whether true
Or fancy'd so, through expectation high
Of knowledge; nor was Godhead from her thought.
Greedily she ingorged without restraint
And knew not eating death. Satiate at length,
And heighten'd as with wine, jocund, and boon,
Thus to herself she pleasingly began:
O sov'reign, virtuous, precious of all trees
In paradise, of operation blest
To sapience, hitherto obscured, infamed,
And thy fair fruit let hang, as to no end
Created; but henceforth my early care,
Not without song, each morning, and due praise
Shall tend thee, and the fertile burden ease
Of thy full branches, offer'd free to all;
Till dieted by thee, I grow mature
In knowledge, as the Gods who all things know;
Though others envy what they cannot give;
For had the gift been theirs, it had not here
Thus grown. Experience, next to thee I owe,
Best guide; not following thee I had remain'd
In ignorance: thou open'st Wisdom's way,
And giv'st access, though secret she retire.
And I perhaps am secret: Heav'n is high,
High and remote to see from thence distinct
Each thing on earth; and other care perhaps
May have diverted from continual watch
Our great Forbidder, safe with all his spies
About him. But to Adam, in what sort
Shall I appear? Shall I to him make known
As yet my change, and give him to partake
Full happiness with me, or rather not,
But keep the odds of knowledge in my pow'r
Without copartner? so to add what wants
In female sex, the more to draw his love
And render me more equal, and perhaps,
A thing not undesirable, sometime
Superior; for inferior, who is free?
This may be well; but what if God have seen,
And death insue? Then I shall be no more;
And Adam, wedded to another Eve,
Shall live with her injoying; I extinct.

Одна эта мысль хуже смерти! Нѣтъ, прочь всѣ сомнѣнія, я твердо рѣшилась: Адамъ долженъ раздѣлить со мною и блаженство и горе: я такъ горячо люблю его, что съ нимъ готова встрѣтить всѣ смерти — жизнь безъ него я не считаю жизнію.»

Съ этими словами она отходитъ отъ дерева, но прежде благоговѣйно склоняется передъ нимъ, какъ бы воздавая честь той Силѣ, которая заключалась въ растеніи и разливала въ немъ этотъ сокъ премудрости, извлеченный изъ напитка боговъ, нектара.

Адамъ, между тѣмъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ свою подругу. Онъ сплелъ гирлянду изъ любимыхъ ея цвѣтовъ, чтобы украсить ея косы и увѣнчать ея сельскіе труды, какъ жнецы коронуютъ свою царицу жатвы. Онъ мысленно представлялъ радость свиданія, ждалъ новой отрады послѣ столь долгой разлуки. Однако, какое-то тяжелое предчувствіе томило его сердце; онъ часто чувствовалъ, какъ оно замирало. Онъ идетъ на встрѣчу своей подруги въ ту сторону, куда она пошла, когда они разстались утромъ. Дорога эта вела къ древу познанія. Не далеко отъ него онъ встрѣчаетъ Еву: она только что отошла отъ дерева, и держала въ рукѣ вѣтку съ чудными плодами; покрытые нѣжнымъ пухомъ, свѣжіе, они точно улыбались на вѣткѣ и разливали ароматъ амврозіи. Она спѣшитъ къ Адаму. Лицо ея проситъ о прощеніи, но она сейчасъ же спѣшитъ оправдаться, съ такою смятенной рѣчью обращаясь къ Адаму:

«Тебя удивляетъ, Адамъ, мое долгое отсутствіе? Какъ я безъ тебя тосковала! вдали отъ тебя, какъ долго тянулось время! Впервые испытала я тоску любви, но это не повторится болѣе! Никогда не придетъ мнѣ мысли испытывать то, чего, неопытная, я сама безразсудно искала, мученій разлуки съ тобою! Но удивительный случай задержалъ меня, ты будешь пораженъ, услышавъ о немъ.

«Дерево это не опасно, какъ намъ говорили, предостерегая вкушать его плодъ, открывающій будто бы путь къ невѣдомому злу; напротивъ, въ немъ заключена божественная сила: онъ открываетъ глаза, дѣлаетъ богами тѣхъ, кто его вкуситъ! Дѣйствіе его уже было испытано. Мудрый змѣй, не подверженный такому стѣсненію какъ мы, или, не повинуясь ему, вкусилъ плода; однако онъ не умеръ, какъ угрожали намъ, но съ той

A death to think! Confirm'd then, I resolve
Adam shall share with me in bliss or woe:
So dear I love him, that with him all deaths
I could endure; without him live no life.
So saying, from the tree her step she turn'd:
But first low rev'rence done, as to the Pow'r
That dwelt within, whose presence had infused
Into the plant sciential sap, derived
From nectar, drink of Gods. Adam the while
Waiting, desirous her return, had wove
Of choicest flow'rs garland, to adorn
Her tresses, and her rural labours crown,
As reapers oft are wont their harvest-queen.
Great joy he promised to his thoughts, and new
Solace in her return, so long delay'd;
Yet oft his heart, divine of something ill,
Misgave him: he the falt'ring measure felt;
And forth to meet her went, the way she took
That morn when first they parted. By the tree
Of knowledge he must pass: there he her met,
Scarce from the tree returning: in her hand
A bough of fairest fruit that downy smiled,
New gather'd, and ambrosial smell diffused.
To him she hasted. In her face excuse
Came prologue, and apology too prompt,
Which with bland words at will she thus address'd:
Hast thou not wonder'd, Adam, at my stay?
Thee I have miss'd, and thought it long, deprived
Thy presence; agony of love till now
Not felt! nor shall be twice; for never more
Mean I to try, what rash untry'd I sought,
The pain of absence from thy sight! But strange
Hath been the cause, and wonderful to hear.
This tree is not, as we are told, a tree
Of danger tasted, nor to evil unknown
Opening the way, but of divine effect
To open eyes, and make them Gods who taste!
And hath been tasted such. The serpent wise,
Or not restrain'd as we, or not obeying,
Hath eaten of the fruit, and is become,
Not dead, as we are threaten'd, but thenceforth

минуты пріобрѣлъ даръ слова, человѣческія чувства и удивительный разумъ; онъ такъ убѣдилъ меня своимъ краснорѣчіемъ, что я также вкусила того плода. Дѣйствіе его оправдало мои ожиданія: глаза мои, омраченные прежде, прояснились, духъ мой возвысился, сердце стало обширнѣе, я возросла до Божества. Но для тебя больше стремилась я къ этой высокой степени; безъ тебя я готова ее отвергнуть; блаженство только тогда для меня блаженство, когда ты раздѣляешь его со мною; безъ тебя оно будетъ мнѣ тягостно, ненавистно! Вкуси же и ты; пусть соединяетъ насъ одинаковый жребій, одна любовь и радость! Вкуси, иначе неравенство разлучитъ насъ; ради тебя я готова отказаться отъ божества, но будетъ уже поздно, — Судьба не допуститъ этого.»

Такъ Ева съ оживленіемъ разсказывала свою повѣсть, но пылавшія щеки невольно выдавали ея смятеніе. Адамъ же, услышавъ о роковомъ проступкѣ Евы, въ испугѣ стоитъ неподвижный и блѣдный; ужасъ леденитъ кровь въ его жилахъ, отнимаетъ всѣ силы; ослабѣвшая рука роняетъ гирлянду, сплетенную для Евы, и разсыпались увядшія розы. Стоялъ онъ долго безмолвный и блѣдный; наконецъ, сначала мысленно говоритъ самъ съ собою:

«О, прекраснѣйшее изъ созданій, послѣднее и лучшее изъ всѣхъ Божіихъ твореній, Существо, въ которомъ соединено все, что могло быть создано святого, чистаго, прекраснаго, нѣжнаго, чарующаго для взора и мысли! Неужели ты погибла! такъ мгновенно погибла! Неужели утратила ты невинность и честь и обречена смерти! О, какъ могла ты нарушить строгую заповѣдь, какъ осмѣлилась святотатственно коснуться священнаго, заповѣданнаго плода? Проклятая, невѣдомая тебѣ хитрость врага обманула тебя, и меня погубила вмѣстѣ съ тобою! Мое рѣшеніе — умереть съ тобою! Могу ли я жить безъ тебя? Могу ли забыть сладостныя бесѣды и любовь, сливавшую наши сердца такъ нѣжно? Могу ли я пережить тебя, и одинокимъ бродить въ этихъ дикихъ лѣсахъ! Хотя бы создалъ Богъ другую Еву, хотя я отдалъ бы другое свое ребро, горе лишиться тебя никогда не изгладилось бы изъ моего сердца. Нѣтъ, нѣтъ, я чувствую, узы природы влекутъ меня къ тебѣ: ты плоть отъ моей плоти,

Endued with human voice and human sense,
Reasoning to admiration; and with me
Persuasively hath so prevail'd, that I
Have also tasted, and have also found
Th' effects to correspond; opener mine eyes,
Dim erst, dilated spirits, ampler heart,
And growing up to Godhead; which for thee
Chiefly I sought; without thee can despise:
For bliss, as thou hast part, to me is bliss;
Tedious, unshared with thee, and odious soon.
Thou therefore also taste, that equal lot
May join us, equal joy, as equal love!
Lest thou not tasting, different degree
Disjoin us, and I then too late renounce
Deity for thee, when Fate will not permit.
  Thus Eve, with count'nance blithe, her story told;
But in her cheek distemper flushing glow'd.
On th' other side, Adam, soon as he heard
The fatal trespass done by Eve, amazed,
Astonied stood and blank, while horror chill
Ran through his veins, and all his joints relax'd;
From his slack hand the garland, wreath'd for Eve,
Down dropt, and all the faded roses shed.
Speechless he stood and pale, till thus at length,
First to himself, he inward silence broke:
  O fairest of creation, last and best
Of all God's works, Creature in whom excell'd
Whatever can to sight or thought be form'd,
Holy, divine, good, amiable, or sweet!
How art thou lost! how on a sudden lost!
Defaced, deflow'r'd, and now to death devote!
Rather, how hast thou yielded, to transgress
The strict forbiddance? how to violate
The sacred fruit forbidden? Some cursed fraud
Of enemy hath beguiled thee, yet unknown,
And me with thee hath ruin'd! for with thee
Certain my resulotion is to die.
How can I live without thee! how forego
Thy sweet converse and love so dearly join'd.
To live again in these wild woods forlorn:
Should God create another Eve, and I
Another rib afford, yet loss of thee
Would never from my heart. No, no, I feel
The link of nature draw me: flesh of flesh,

кость отъ моей кости; твоя судьба и моя должны быть нераздѣльны и въ счастіи и въ горѣ!»

Мысленно проговоривъ такъ, подобно человѣку, который, оправясь послѣ тяжелаго удара, успокоиваетъ свое душевное смятеніе и покоряется тому, что кажется ему непоправимымъ, онъ спокойно обращается къ Евѣ съ такими словами:

«На какой отважный поступокъ рѣшилась ты, смѣлая Ева! Ты подверглась бы страшной опасности взоромъ однимъ пожелавъ священнаго плода, на которомъ лежитъ святой завѣтъ, а ты осмѣлилась вкусить его, когда запрещено даже прикасаться къ нему! Но кто вернетъ прошлое, или передѣлаетъ то, что сдѣлано? Никто, ни Богъ Всемогущій, ни Судьба. Но можетъ быть ты и не умрешь: можетъ быть, теперь поступокъ твой не такъ страшенъ, послѣ того что плодъ былъ ранѣе вкушенъ змѣемъ; оскверненный имъ, онъ можетъ быть уже потерялъ свою святость, сдѣлался обыкновеннымъ плодомъ, ранѣе чѣмъ ты его вкусила. Но и змѣй не умеръ отъ него; онъ остался живъ; ты говоришь, онъ достигъ высшей степени жизни, сталъ подобенъ человѣку. Сильное доказательство въ нашу пользу: значитъ мы, вкусивъ этого плода, достигнемъ соразмѣрной высоты, будемъ богами, или Ангелами — полубогами. Не допускаю я также мысли, чтобы Богъ, премудрый Творецъ, хотя Онъ и угрожаетъ намъ этимъ, дѣйствительно рѣшился уничтожить насъ, превосходнѣйшихъ Своихъ созданій, такъ высоко одаренныхъ Имъ, поставленныхъ владыками всѣхъ Его твореній, которыя, будучи созданы для насъ, тѣсно связанныя съ нашей судьбою, неизбѣжно должны погибнуть вмѣстѣ съ нашимъ паденіемъ! Неужели Богъ, изъ Творца сдѣлается разрушителемъ! будетъ создавать и пересоздавать, напрасно теряя трудъ! Не соединимо это съ понятіемъ о Богѣ; хотя Онъ властенъ произвести новое твореніе, но насъ не охотно рѣшится Онъ уничтожить! Онъ не захочетъ, чтобы торжествующій Супостатъ сказалъ: «Ненадежна судьба любимцевъ Божіихъ; кто можетъ угодить Ему? Сначала погубилъ Онъ меня, теперь уничтожилъ Человѣческій родъ; чья очередь будетъ послѣ? Нельзя давать Врагу такую пищу къ насмѣшкѣ. Но, будь что будетъ, я неразрывно соединилъ свою судьбу съ

Bone of my bone thou art; and from thy state
Mine never shall be parted, bliss or woe.
So having said, as one from sad dismay
Recomforted, and after thoughts disturb'd
Submitting to what seem'd remediless,
Thus in calm mood his words to Eve he turn'd:
Bold deed thou hast presumed, advent'rous Eve
And peril great provoked, who thus hast dared,
Had it been only coveting to eye
That sacred fruit, sacred to abstinence,
Much more to taste it, under ban to touch.
But past who can recall, or done undo?
Not God omnipotent, nor Fate: yet so
Perhaps thou shalt not die; perhaps the fact
Is not hainous now, foretasted fruit,
Profaned first by the serpent, by him first
Made common and unhallow'd ere our taste;
Nor yet on him found deadly, he yet lives;
Lives, as thou saidst, and gains to live as Man
Higher degree of life: inducement strong
To us, as likely tasting, to attain
Proportional ascent, which cannot be
But to be Gods, or Angels Demi-Gods.
Nor can I think that God, Creator wise,
Though threat'ning, will in earnest so destroy
Us his prime creatures, dignify'd so high,
Set over all his works, which in our fall,
For us created, needs with us must fail,
Dependent made: so God shall uncreate,
Be frustrate, do, undo, and labour lose,
Not well conceived of God, who tho' his pow'r
Creation could repeat, yet would be loth
Us to abolish, lest the Adversary
Triumph and say, Fickle their state whom God
Most favours; who can please him long? Me first
He ruin'd, now Mankind. Whom will he next?
Matter of scorn, not to be giv'n the Foe.
However, I with thee have fix'd my lot,
Certain to undergo like doom. If death

твоею, пусть одинъ приговоръ постигнетъ насъ обоихъ. Если смерть соединитъ меня съ тобою, смерть будетъ для меня жизнію. Такъ непреодолимъ въ моемъ сердцѣ законъ природы, влекущій меня къ моему собственному существу, моему собственному я въ тебѣ! Все что ты, мое: существованіе наше не можетъ быть раздѣлено; мы — одно существо, одна плоть. Лишиться тебя значитъ лишиться своей собственной жизни!»

Такъ говоритъ Адамъ; Ева отвѣчаетъ ему: «О, съ какой славой выдержала испытаніе твоя безпредѣльная любовь! Какое блистательное доказательство! какой высокій примѣръ! О, Адамъ, какъ я хочу подражать тебѣ, но, далекая отъ твоего совершенства, могу ли я равняться съ тобою, я, гордящаяся происхожденіемъ отъ твоего дорогого ребра. Какое блаженство для меня, когда ты говоришь, что мы — одна душа, одно сердце! И какъ трогательно доказалъ ты это теперь: ты рѣшаешься раздѣлить мою вину, преступленіе даже, если можетъ быть преступленіемъ вкушеніе чуднаго плода,—страшась чтобы смерть, или худшее чѣмъ смерть, не разлучила насъ, такъ нѣжно соединенныхъ любовію! Могущество этого плода (благо всегда рождаетъ благо, непосредственно или случайно) дало мнѣ счастіе видѣть доказательство твоей любви, которая иначе никогда, можетъ быть, не проявилась бы съ такою силою! Если бы я была увѣрена, что мой смѣлый поступокъ повлечетъ за собою то, чѣмъ намъ грозили, смерть, я бы одна претерпѣла самую жестокую кару, и не стала бы убѣждать тебя. О, скорѣе бы умерла я одна, но не рѣшилась бы склонить тебя на поступокъ, могущій погубить твой покой, особенно послѣ такого безпримѣрнаго доказательства твоей искренней, вѣрной любви ко мнѣ. Но, напротивъ, я ощущаю совсѣмъ иныя послѣдствія: не смерть, а усиленную жизнь, новыя надежды, новыя радости; глаза мои просвѣтились, вкусъ сталъ божественно тонокъ: то, что прежде доставляло удовольствіе моимъ чувствамъ, теперь кажется мнѣ тяжелымъ, грубымъ. Повѣрь моему опыту, Адамъ, вкуси смѣло, а страхъ смерти предай вѣтрамъ.»

Сказавъ это, она заключаетъ Адама въ объятія и плачетъ тихими слезами радости. Какое торжество для нея видѣть такую возвышенную любовь, которая ради ея готова подвергнуться небесному гнѣву, смерти. Въ

Consort with thee, death is to me as life
So forcible within my heart I feel
The bond of nature draw me to my own,
My own in thee! for what thou art is mine:
Our state cannot be severed; we are one,
One flesh. To lose thee were to lose myself.
So Adam; and thus Eve to him reply'd:
O glorious trial of exceeding love!
Illustrious evidence! example high!
Engaging me to emulate, but short
Of thy perfection, how shall I attain,
Adam? from whose dear side I boast me sprung,
And gladly of our union hear thee speak,
One heart, one soul in both; whereof good proof
This day affords, declaring thee resolved,
Rather than death or aught than death more dread
Shall separate us link'd in love so dear,
To undergo with me one guilt, one crime
If any be, of tasting this fair fruit,
Whose virtue (for of good still good proceeds,
Direct or by occasion) hath presented
This happy trial of thy love, which else
So eminently never had been known.
Were it I thought death menaced would ensue
This my attempt, I would sustain alone
The worst, and not persuade thee: rather die
Deserted, than oblige thee with a fact
Pernicious to thy peace, chiefly assured
Remarkably so late of thy so true,
So faithful love, unequal'd; but I feel
Far otherwise th' event; not death, but life
Augmented, open'd eyes, new hopes, new joys.
Taste so divine, that what of sweet before
Hath touch'd my sense, flat seems to this, and harsh.
On my experience, Adam, freely taste;
And fear of death deliver to the winds.
So saing, she embraced him, and for joy
Tenderly wept; much won that he his love
Had so ennobled, as of choice t'incur
Divine displeasure for her sake, or death.

награду (достойная награда столь безразсудной слабости) она щедрою рукою даетъ ему съ вѣтки красивые, соблазнительные плоды. Адамъ, не внимая голосу совѣсти, вкушаетъ. Онъ зналъ, къ чему ведетъ преступленіе, онъ не былъ обманутъ; его покорила ласка и очарованіе женщины.

Опять въ мукахъ содрогнулась земля до глубочайшихъ своихъ нѣдръ, опять издала стонъ вся Природа. Потемнѣло Небо и, гремя глухими перекатами грома, проливало горючія слезы о совершеніи первороднаго грѣха, источника смерти. Адамъ ничего не замѣчаетъ, насыщаясь запретнымъ плодомъ. Ева не страшится повторить преступленіе: своимъ любимымъ обществомъ она хочетъ еще болѣе успокоить его. Наконецъ, оба, словно опьяненные молодымъ виномъ, безумно предаются веселію. Они воображаютъ, что божество уже окрылило ихъ, и готовятся съ презрѣніемъ оставить землю. Но обманчивый плодъ оказалъ совсѣмъ иное дѣйствіе: въ нихъ разожглись плотскія желанія. Адамъ сталъ бросать на Еву сладострастные взгляды, она отвѣчаетъ тѣмъ же. Оба горятъ страстію: Адамъ такою рѣчью возбуждаетъ Еву къ страстнымъ ласкамъ.

«Ева, теперь я вижу какъ правиленъ и изященъ твой вкусъ, не послѣднее свойство мудрости, потому что въ каждое наше сужденіе мы прибавляемъ и чувство вкуса, и нёбо считается хорошимъ судьею. Послѣ того, какъ ты сегодня угостила меня, я уступаю тебѣ всю честь. Сколько потеряли мы наслажденій воздержаніемъ отъ чуднаго плода; до этой минуты мы не знали настоящаго вкуса. О, если все запретное такъ пріятно, жаль что вмѣсто одного дерева намъ не запрещено десяти. Но, пойдемъ; это восхитительное яство такъ освѣжило насъ и зоветъ насъ къ наслажденію. Никогда, съ той минуты какъ я впервые тебя увидѣлъ, и ты, украшенная всѣми совершенствами, стала моей женою, никогда красота твоя не зажигала въ моей крови такого желанія владѣть тобою; такъ очаровательна ты въ эту минуту! О благодѣтельная сила чудеснаго дерева!»

Говоря такъ, онъ шутливо и нѣжно глядитъ на Еву: она поняла его взгляды; заразительнымъ огнемъ горятъ ея очи. Адамъ беретъ ее за руку; она, не противясь, идетъ за нимъ къ тѣнистому дерну, надъ которымъ раскинулись зеленымъ шатромъ густыя вѣтви деревьевъ. Цвѣты были

In recompense (for such compliance bad
Such recompense best merits) from the bough
She gave him of that fair enticing fruit
With liberal hand: he scrupled not to eat
Against his better knowledge; not deceived,
But fondly overcome, with female charm.
Earth trembled from her entrails, as again
In pangs; and Nature gave a second groan;
Sky lour'd, and, muttering thunder, some sad drops
Wept at completing of the mortal sin
Original; while Adam took no thought,
Eating his fill: nor Eve to iterate
Her former trespass fear'd, the more to sooth
Him with her loved society, that now,
As with new wine intoxicated both,
They swim in mirth, and fancy that they feel
Divinity within them breeding wings
Wherewith to scorn the earth: but that false fruit
Far other operation first display'd;
Carnal desire inflaming: he on Eve
Began to cast lascivious eyes; she him
As wontonly repaid. In lust they burn:
Till Adam thus 'gan Eve to dalliance move.

Eve, now I see thou art exact of taste,
And elegant, of sapience no small part,
Since to each meaning savour we apply,
And palate call iudicious. I the praise
Yield thee, so well this day thou hast purvey'd
Much pleasure we have lost while we abstain'd
From this delightful fruit, nor known till now
True relish, tasting. If such pleasure be
In things to us forbidd'n, in might be wish'd,
For this one tree had been forbidden ten.
But come, so well refresh'd, now let us play,
As meet is, after such delicious fare;
For never did thy beauty since the day
I saw thee first and wedded thee, adorn'd
With all perfections, so inflame my sense
With ardour to enjoy thee; fairer now
Than ever, bounty of this virtuous tree.
So said he; and forbore not glance or toy
Of amorous intent: well understood
Of Eve, whose eye darted contagious fire.
Her hand he seized, and to a shady bank,
Thick overhead with verdant roof imbower'd,
He led her, nothing loth. Flow'rs were the couch,

ихъ ложемъ: фіалки, ландыши, гіацинты, царскіе кудри, самое мягкое, самое свѣжее лоно земное. Такъ упивались они всею роскошью наслажденій, всѣми восторгами любви, запечатлѣвъ ими взаимную вину, стараясь забыть въ нихъ грѣхъ, пока сонъ, наконецъ, не склонилъ ихъ, утомленныхъ нѣгою.

Но, какъ скоро исчезла сила пагубнаго плода, которая опьяняющими сладкими парами отуманила ихъ чувства, исчезъ и тяжелый сонъ, словно наведенный на нихъ угаромъ, томившій ихъ виновную совѣсть мучительными грезами. Проснулись они усталые, точно послѣ безсонной ночи, взглянули другъ на друга, и увидѣли какъ открылись ихъ очи, и какъ омрачилась душа! Невинность, подобно завѣсѣ ограждавшая ихъ отъ познанія зла, исчезла. Взаимная откровенность, врожденная прямота души, честность, все покинуло ихъ, оставивъ во всей наготѣ виновнаго стыда, покрывшаго ихъ теперь; но этотъ покровъ обнажалъ ихъ еще болѣе.

Такъ исполинъ колѣна Данова, могучій Самсонъ, проснулся безъ силъ въ вѣроломныхъ объятіяхъ Филистимлянки Далилы. Подобно ему, и наши прародители проснулись нагіе, лишенные всѣхъ добродѣтелей. Терзаясь стыдомъ, безмолвные, долго сидѣли они словно въ онѣмѣніи; наконецъ Адамъ, убитый стыдомъ не менѣе Евы, съ усиліемъ произноситъ:

«О, Ева! въ недобрый часъ преклонила ты ухо къ словамъ лукаваго гада. Кто бы ни научилъ его подражать человѣческому голосу, но онъ сказалъ правду о нашемъ паденіи, и солгалъ, обѣщая, что мы возвысимся! Правда, глаза наши открылись, мы узнали теперь добро и зло, — добро погибло, зло пріобрѣтено!

«Гибельный плодъ познанія! если въ томъ состоитъ познаніе, что теперь мы видимъ себя нагими, лишенными чести, невинности, вѣрности, чистоты, — нашихъ лучшихъ украшеній, поруганныхъ, оскверненныхъ теперь. Даже на лицахъ нашихъ сохранились слѣды нечистой страсти, этого обильнаго источника золъ, слѣды стыда, худшаго изъ золъ! Да, добро погибло для насъ!.. Какъ предстану я предъ лицомъ Бога и Ангеловъ, которыхъ нѣкогда встрѣчалъ я съ такимъ радостнымъ восторгомъ? Небесные образы ослѣпятъ наши земныя очи, неспособныя теперь переносить

Pansies, and violets, and asphodel,
And hyacinth, earth's freshest softest lap.
There they their fill of love and love's disport
Took largely, of their mutual guilt the seal,
The solace of their sin, till dewy sleep
Oppress'd them, wearied with their amorous play.
Soon as the force of that fallacious fruit,
That with exhilarating vapour bland
About their spirits had play'd, and inmost pow'rs
Made err, was now exhaled, and grosser sleep
Bred of unkindly fumes, with conscious dreams
Incumber'd, now had left them, up they rose
As from unrest, and each the other viewing,
Soon found their eyes how open'd, and their minds
How darken'd. Innocence, that as a veil
Had shadow'd them from knowing ill, was gone;
Just confidence, and native righteousness,
And honour from about them, naked left
To guilty shame; he cover'd, but his robe
Uncover'd more. So rose the Danite strong
Herculean Samson from the harlot lap
Of Philistéan Dalilah, and waked
Shorn of his strenght. They destitute and bare
Of all they virtue: silent, and in face
Confounded long they sat, as strucken mute,
Till Adam, though not less than Eve abash'd,
At length gave utt'rance to these words, constrain'd:
O Eve! in evil hour thou didst give ear
To that false worm, of whomsoever taught
To counterfeit Man's voice, true in our fall,
False in our promised rising! Since our eyes
Open'd we find indeed, and find we know
Both good and evil; good lost, and evil got!
Bad fruit of knowledge, if this be to know
Which leaves us naked thus, of honour void,
Of innocence, of faith, of purity,
Our wonted ornaments now soil'd and stain'd,
And in our faces evident the signs
Of foul concupiscence; whence evil store;
E'en shame, the last of evils: of the first
Be sure then. How shall I behold the face
Henceforth of God or Angel, erst with joy
And rapture so oft beheld? those heav'nly shapes
Will dazzle now this earthly with their blaze,

ихъ лучезарнаго блеска! О, зачѣмъ не могу я жить одиноко въ дикой пустынѣ, въ глубинѣ дремучаго лѣса, куда непроницаемыя вершины высочайшихъ деревьевъ не пропускали бы ни свѣта звѣздъ, ни одного луча солнца, широко распространяя свою тѣнь, черную какъ ночь! Сосны, Кедры, покройте меня безчисленными вашими вѣтвями: спрячьте меня на вѣкъ отъ божественныхъ взоровъ!.. Однакоже, подумаемъ, какъ въ этомъ плачевномъ состояніи скрыть другъ отъ друга самую неприличную наготу нашего тѣла, заставляющую насъ стыдиться всего болѣе. Широкіе, мягкіе листья какого нибудь дерева, сшитые вмѣстѣ и опоясанные вокругъ нашихъ чреслъ, могутъ прикрыть тѣ части, чтобы Стыдъ, этотъ новый пришлецъ, который будетъ теперь преслѣдовать насъ постоянно, не укорялъ насъ въ нечистотѣ.»

Такъ совѣтуетъ Адамъ; они идутъ вмѣстѣ въ глубину лѣса; скоро они выбрали смоковницу, — не того рода, что славится своими плодами, а дерева, извѣстнаго въ наши дни Индійцамъ въ Малабарѣ и Деканѣ. Оно простираетъ кругомъ многочисленныя, длинныя вѣтви, которыя, изгибаясь, склоняются до земли, пускаютъ корни и, словно дочери, растутъ вокругъ материнскаго дерева. Подъ тѣнью этихъ колоннадъ, увѣнчанныхъ высокимъ сводомъ, идутъ аллеи, гдѣ раздается эхо. Часто, индійскій пастухъ, скрываясь отъ зноя, ищетъ въ нихъ прохлады, и сквозь отверстія, прорѣзанныя въ густой листвѣ, наблюдаетъ за пасущимся стадомъ.

Они нарвали этихъ листьевъ, широкихъ какъ щитъ Амазонки, и, употребивъ все искусство, соединяютъ ихъ и опоясываютъ ими чресла. Тщетный покровъ! Онъ не можетъ скрыть ихъ преступленія и удручающаго ихъ стыда! О, куда дѣвалось цѣломудріе ихъ первобытной наготы! Такимъ Колумбъ, въ позднѣйшее время, нашелъ первобытнаго американца; опоясанный поясомъ изъ перьевъ, въ нагомъ видѣ, дикій, бродилъ онъ среди лѣсовъ на островахъ и тѣнистыхъ прибрежьяхъ.

Прикрывъ себя листьями, наши прародители считали и стыдъ свой прикрытымъ отчасти; но, не чувствуя въ душѣ покоя, они сѣли на землю и горько плакали. Не только потоки слезъ лились изъ ихъ глазъ, но въ сердцахъ ихъ поднялась страшная буря. Гнѣвъ, ненависть, недовѣріе, раз-

Insufferably bright! O might I here
In solitude live savage, in some glade
Obscured, where highest woods impenetrable
To star or sun-light, spread their umbrage broad,
And brown as ev'ning! Cover me, ye Pines,
Ye Cedars, with innumerable boughs
Hide me, where I may never see them more.
But let us now, as in bad plight, devise
What best may for the present serve to hide
The parts of each from other, that seem most
To shame obnoxious, and unseemliest seen;
Some tree, whose broad smooth leaves together sew'd,
And girded on our loins, may cover round
Those middle parts, that this new comer, Shame,
There sit not, and reproach us as unclean.
So counsel'd he; and both together went
Into the thickest wood; there soon they chose
The fig-tree; not that kind for fruit renown'd,
But such as at this day, to Indians known
In Malabar or Deccan, spreads her arms
Branching so broad and long, that in the ground
The bended twigs take root, and daughters grow
About the mother-tree, a pillar'd shade
High over-arch'd, and echoing walks between:
There oft the Indian herdsman, shunning heat,
Shelters in cool, and tends his pasturing herds
At loop-holes cut through thickest shade. Those leaves
They gather'd, broad as Amazonian targe,
And with what skill they had together sew'd,
To gird their waist. Vain covering, if to hide
Their guilt and dreaded shame! O how unlike
To that first naked glory! Such of late
Columbus found th'American, so girt
With feather'd cincture, naked else and wild
Among the trees on isles and woody shores.
Thus fenced, and as they thought, their shame in part
Cover'd, but not at rest or ease of mind,
They sat them down to weep; nor only tears
Rain'd at their eyes, but high winds worse within
Began to rise, high passions, anger, hate,
Mistrust, suspicion, discord, and shook sore

Не только потоки слезъ лились изъ ихъ глазъ, но въ сердцахъ ихъ поднялась страшная буря.

Пѣснь 9. стр. 200.

. . . . Nor only tears
Raind at their eyes, but high winds worse within
Began to rise. . . . .

доръ потрясали ихъ духъ, нѣкогда обитель мира и тишины, теперь — добычу смятеній и колебаній. Разсудокъ пересталъ дѣйствовать, воля не повиновалась ему; ихъ поработила чувственность, которая, несмотря на свое низкое происхожденіе, завладѣла царствомъ разума, требуя верховной власти. Въ этомъ безпорядочномъ состояніи души, съ тревожнымъ взоромъ, непривычнымъ голосомъ продолжаетъ Адамъ прерванную рѣчь:

«Зачѣмъ не послушалась ты моихъ словъ, зачѣмъ не осталась со мною, какъ я просилъ тебя о томъ, когда въ это злополучное утро пришло тебѣ, не знаю откуда, непонятное желаніе бродить одной. Мы были бы счастливы попрежнему; теперь же мы лишены всѣхъ благъ, наги, опозорены, несчастны! О, съ этой минуты да не приходитъ никому мысли испытывать вѣрность, требуемую отъ него долгомъ! Кто самъ нетерпѣливо ищетъ испытанія, — уже начинаетъ падать.»

Ева, оскорбленная такимъ упрекомъ, восклицаетъ: «Какія жестокія слова произнесли уста твои, Адамъ! Ты приписываешь наше несчастіе моей слабости, или, какъ ты говоришь, безразсудному желанію моему бродить! Но, кто знаетъ, и въ твоемъ присутствіи, какое зло могло бы постигнуть меня, а можетъ быть и тебя самого? Будь ты при искушеніи, тамъ или здѣсь, ты самъ не могъ бы открыть хитрости Змѣя по его рѣчамъ. Не зная никакой причины къ враждѣ между нами, можно ли было думать, что онъ хочетъ зла, ищетъ нашей погибели? Неужели я всегда должна быть неразлучна съ тобою? Тогда уже лучше было оставаться при тебѣ неодушевленнымъ ребромъ! Но, если такъ, зачѣмъ же ты, моя глава, рѣшительно не запретилъ мнѣ идти, предвидя, какъ ты говоришь, что я иду на такую опасность? Ты слишкомъ слабо сопротивлялся, ты все мнѣ позволилъ, одобрилъ мое намѣреніе и проводилъ меня съ лаской. Если бы ты былъ твердъ, непреклоненъ въ твоемъ отказѣ, ни я бы не согрѣшила, ни ты вмѣстѣ со мною.»

Адамъ, въ первый разъ разгнѣванный, возражаетъ: «Это ли твоя любовь? Это ли награда моей любви къ тебѣ, о, неблагодарная Ева! любви, неизмѣнившей тебѣ, когда ты уже погибла, а я не былъ виновенъ? Я могъ бы наслаждаться безсмертнымъ блаженствомъ, но добровольно рѣ-

Their inward state of mind: calm region once
And full of peace, now tost and turbulent;
For understanding ruled not, and the will
Heard not her lore, both in subjection now
To sensual appetite, who from beneath
Usurping over sov'reign reason, claim'd
Superior sway. From thus distemper'd breast,
Adam, estranged in look and alter'd style,
Speech intermitted thus to Eve renew'd:
  Would thou hadst hearken'd to my words, and stay'd
With me, as I besought thee, when that strange
Desire of wand'ring this unhappy morn,
I know not whence, possess'd thee; we had then
Remain'd still happy, not, as now, despoil'd
Of all our good, shamed, naked, miserable.
Let none henceforth seek needless cause to approve
The faith they owe: when earnestly they seek
Such proof, conclude, they then begin to fail.
  To whom, soon moved with touch of blame, thus Eve:
What words have pass'd thy lips, Adam, severe!
Imput'st thou that to my default or will
Of wand'ring, as thou call'st it, which who knows
But might as ill have happen'd thou being by,
Or to thyself perhaps? Hadst thou been there,
Or here th' attempt, thou couldst not have discern'd
Fraud in the Serpent, speaking as he spake;
No ground of enmity between us known,
Why he should mean me ill, or seek to harm.
Was I to have ne'er parted from thy side?
As good have grown there still, a lifeless rib!
Being as I am, why didst not thou, the head,
Command me absolutely not to go,
Going into such danger as thou saidst?
Too facile then thou didst not much gainsay,
Nay, didst permit, approve, and fair dismiss.
Hadst thou been firm and fix'd in thy dissent,
Neither had I transgress'd, nor thou with me.
  To whom then, first incensed, Adam reply'd:
Is this the love, is this the recompense
Of mine to thee, ingrateful Eve, express'd
Immutable when thou wert lost, not I,
Who might have lived and joy'd immortal bliss,

ПѢСНЬ 10-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Преступленіе человѣка извѣстно; Ангелы, охранявшіе Рай, покидаютъ его и возвращаются на Небо, чтобы оправдать свою бдительность. Господь оправдываетъ ихъ, вѣщая, что не въ ихъ власти было воспрепятствовать Сатанѣ. Онъ посылаетъ Своего Сына судить виновныхъ. Сынъ нисходитъ на Землю и произноситъ заслуженный приговоръ; сострадая падшимъ, Онъ одѣваетъ ихъ, и возносится къ Отцу. Грѣхъ и Смерть, до тѣхъ поръ сидѣвшіе у вратъ Ада, предчувствуя успѣхъ Сатаны въ новомъ мірѣ и грѣхопаденіе Человѣка, рѣшаются не быть больше затворницами Ада, но, по слѣдамъ Сатаны, своего владыки, проникнуть въ жилище Человѣка. Для болѣе удобнаго сообщенія между Адомъ и нашимъ міромъ они создаютъ широкій путь или мостъ черезъ Хаосъ, по слѣдамъ, проложеннымъ Сатаною. На пути къ Землѣ, они встрѣчаются съ Сатаной, который съ торжествомъ возвращается въ Адъ. Ихъ взаимныя поздравленія. Сатана является въ Пандемоніумъ и, въ полномъ собраніи, гордо разсказываетъ о своемъ успѣхѣ: вмѣсто рукоплесканій, раздается ему въ отвѣтъ шипѣніе: по приговору, произнесенному въ Раю, всѣ его сообщники, равно какъ и самъ онъ, мгновенно превращаются въ змѣевъ; потомъ, обольщенные призракомъ запретнаго древа, внезапно выросшаго передъ ними, жадно бросаются на плоды, и пожираютъ одну пыль, горькую золу. Дѣйствія Грѣха и Смерти: Богъ предрекаетъ блестящую побѣду надъ ними, которая совершится Его Сыномъ, и возрожденіе міра. Но теперь Онъ повелѣваетъ Ангеламъ произвести различныя перемѣны въ небесахъ и стихіяхъ. Адамъ, болѣе и болѣе убѣждаясь въ своемъ паденіи, горько сѣтуетъ; онъ отвергаетъ утѣшенія Евы; она настаиваетъ и, наконецъ, успокоиваетъ его; потомъ, въ надеждѣ отклонить проклятіе, которое должно пасть на ихъ потомство, предлагаетъ Адаму жестокія мѣры; онъ не одобряетъ ихъ. Напротивъ, питая надежду, онъ напоминаетъ ей данное имъ обѣтованіе, что Сѣмя жены сотретъ нѣкогда главу Змѣя; онъ увѣщеваетъ ее, вмѣстѣ съ нимъ, раскаяніемъ и молитвой снискать прощеніе прогнѣваннаго ими Бога.

МЕЖДУ тѣмъ, дѣло ненависти и мщенія, совершенное Сатаною въ Раю, было извѣстно на Небѣ. Тамъ уже знали, какъ онъ, въ видѣ змѣя, соблазнилъ Еву, а она мужа своего, склонивъ его вкусить отъ рокового плода. Можетъ ли что скрыться отъ Всевидящаго ока Господня, или обмануть Его Всевѣдущее сердце! Правосудный и мудрый во всѣхъ дѣлахъ, Онъ не препятствовалъ Сатанѣ искусить духъ Человѣка, который одаренъ былъ полною силой и свободною волей, способными отразить насиліе и распознать коварство врага или ложнаго друга. Они знали, и всегда должны

BOOK 10. THE ARGUMENT.

Man's transgression known, the guardian Angels forsake Paradise, and return up to Heaven to approve their vigilance, and are approved God declaring that the entrance of Satan could not be by them prevented. He sends his Son to judge the transgressors, who descends and gives sentence accordingly; then in pity clothes them both, and re-ascends. Sin and Death, sitting till then at the gates of Hell, by wondrous sympathy feeling the success of Satan in this new world, and the sin by Man there committed, resolve to sit no longer confined in Hell, but to follow Satan their sire up to the place of Man. To make the way easier from Hell to this world to and fro, they pave a broad highway or bridge over Chaos, according to the track that Satan first made; then, preparing for Earth, they meet him, proud of his success, returning to Hell; their mutual gratulation. Satan arrives at Pandemonium, in full assembly relates with boasting his success against Man: instead of applause, is entertained with a general hiss by all his audience, transformed with himself also suddenly into serpents, according to his doom given in Paradise; then deluded with a show of the forbidden tree springing up before them, they greedily reaching to take of the fruit, chew dust and bitter ashes. The proceedings of Sin and Death: God foretells the final victory of his Son over them, and the renewing of all things; but for the present commands his Angels to make several alterations in the heavens and elements. Adam, more perceiving his fallen condition, heavily bewails, rejects the condolement of Eve; she persits, and a length appeases him: then to evade the curse likely to fall on their offspring, proposes to Adam violent ways, which he approves not; but, conceiving better hope, puts her in mind of the late promise made them, that her Seed should be revenged on the Serpent; and exhorts her with him to seek peace of the offended Deity, by repentance and supplication.

MEANWHILE the hainous and despiteful act
Of Satan done in Paradise, and how
He in the serpent had perverted Eve,
Her husband she, to taste the fatal fruit,
Was known in Heav'n: for what can'scape the eye
Of God all-seeing, or deceive his heart
Omniscient! who in all things wise and just,
Hinder'd not Satan to attempt the mind
Of Man, with strength entire, and free-will arm'd,
Complete to have discover'd and repulsed
Whatever wiles of foe or seeming friend.
For still they knew, and ought to have still remember'd

шился умереть съ тобою. И теперь ты обвиняешь меня, говоришь, что я былъ причиной твоего преступленія? Ты находишь, что я не довольно строго останавливалъ тебя? Что же я могъ еще сдѣлать? Я предупреждалъ тебя, увѣщевалъ, предсказывалъ опасность, напоминалъ о тайномъ врагѣ, подстерегающемъ насъ каждую минуту. Идти далѣе, значило бы прибѣгать къ насилію, но умѣстно ли насиліе надъ свободной волей! Чрезмѣрная самоувѣренность увлекла тебя. Одно изъ двухъ: или ты надѣялась не встрѣтить опасности, или искала случая со славой выдержать испытаніе. Можетъ быть, я и самъ заблуждался, чрезмѣрно восхищаясь тѣмъ, что казалось въ тебѣ столь совершеннымъ; я думалъ, что зло не смѣетъ коснуться тебя. О, какъ раскаиваюсь я въ этомъ заблужденіи; оно было причиной моего преступленія! И ты, ты обвиняешь меня! Вотъ что ожидаетъ всякаго, кто, слишкомъ довѣряя достоинствамъ женщины, предоставляетъ ей господство. Она не терпитъ противорѣчія, а если ее постигнетъ несчастіе, когда она предоставлена самой себѣ, она же первая обвинитъ слабость и снисходительность мужа.»

Такъ въ взаимныхъ укорахъ проводили они безплодные часы; ни одинъ не сознавалъ себя виновнымъ, и, казалось, конца не будетъ ихъ тщетнымъ распрямъ.

Yet willingly chose rather death with thee?
And am I now upbraided as the cause
Of thy transgressing? not enough severe,
It seems' in thy restraint. What could I more?
I warn'd thee, I admonish'd thee, foretold
The danger, and the lurking enemy
That lay in wait. Beyond this had been force;
And force upon free-will hath here no place.
But confidence then bore thee on, secure
Either to meet no danger, or to find
Matter of glorious trial; and perhaps
I also err'd in overmuch admiring
What seem'd in thee so perfect, that I thought
No evil durst attempt thee; but I rue
That error now, which is become my crime,
And thou th' accuser. Thus it shall befall
Him who, to worth in women overtrusting,
Lets her will rule. Restraint she will not brook;
And left to herself, if evil thence ensue,
She first his weak indulgence will accuse.
Thus they in mutual accusation spent
The fruitless hours, but neither self-condemning:
And of their vain contest appear'd no end.

были помнить Всевышній завѣтъ не вкушать того плода, кто бы ни соблазнялъ ихъ. Ослушаніе навлекло ни нихъ кару (развѣ не должны они были ожидать этого?); бездной грѣха они заслужили свое паденіе.

Ангельская стража поспѣшно удаляется изъ Рая и возносится на Небо въ безмолвіи и печали, зная уже о паденіи Человѣка, и дивясь, какъ могъ хитрый врагъ прокрасться, незамѣченный ею. Когда печальная вѣсть достигла съ Земли къ вратамъ Неба, всѣ были огорчены ею; глубокая скорбь отразилась на всѣхъ небесныхъ лицахъ; но, умѣряемая состраданіемъ, она не могла возмутить ихъ блаженства. Вокругъ прибывшихъ, стеклись сонмы небожителей, желая услышать, узнать, какъ все случилось. Стражи Эдема спѣшатъ къ Всевышнему трону дать передъ нимъ отчетъ и представить справедливыя оправданія неусыпнаго своего надзора; и они были оправданы: изъ таинственнаго облака, окружающаго престолъ Всевышняго, среди грома, раздается гласъ Его:

«Вы, собравшіеся здѣсь Ангелы, и вы, Силы, вернувшіяся изъ неудачнаго посланія, не смущайтесь; пусть не печалитъ васъ эта вѣсть о страшномъ событіи на землѣ: его не могли предупредить самыя неусыпныя ваши старанія. Все что совершилось, Я предрекъ вамъ тогда же, когда искуситель впервые перешелъ пучину, вырвавшись изъ Ада. Я возвѣстилъ вамъ тогда, что онъ одержитъ верхъ и поспѣшитъ исполнить свой злобный умыселъ; что Человѣкъ будетъ обольщенъ имъ и, обманутый его лестью, все потеряетъ, повѣривъ клеветамъ на своего Создателя. Въ Моихъ велѣніяхъ ничто не влекло неизбѣжности паденія человѣка. Я нимало не принуждалъ его свободной воли, одаренной полнымъ равновѣсіемъ и предоставленной собственнымъ своимъ побужденіямъ. Но онъ палъ! Остается произнести надъ нимъ смертный приговоръ за его преступленіе, какъ была объявлена ему смерть въ тотъ же самый день. Онъ считаетъ угрозу пустою и тщетной, потому что ударъ не разразился надъ нимъ немедленно, чего онъ страшился. Но онъ увидитъ, что отсрочка наказанія не есть прощеніе: не кончится день, какъ онъ узнаетъ это. Правосудіе Мое не будетъ попрано, какъ была попрана Моя благость. Но кого пошлю Я судить ихъ? Кого же, кромѣ Тебя, о Сынъ Мой! Тебѣ вру-

The high injunction not to taste that fruit
Whoever tempted: which they not obeying,
Incurr' (what could they less?) the penalty,
And manifold in sin, deserved to fall.
Up into Heav'n from Paradise in haste
Th'Angelic guards ascended, mute and sad
For Man; for of his state by this they knew,
Much wond'ring how the subtle fiend had stolen
Entrance unseen. Soon as th' unwelcome news
From Earth arrived at Heaven-gate, displeased
All were who heard: dim sadness did not spare
That time celestial visages; yet, mix'd
With pity, violated not their bliss.
About the new-arrived, in multitudes
Th' ethereal people ran, to hear and know
How all befell: they tow'rds the throne supreme,
Accountable, made haste to make appear
With righteous plea their utmost vigilance,
And easily approved; when the Most High
Eternal Father, from his secret cloud,
Amidst in thunder, utter'd thus his voice:
Assembled Angels, and ye Pow'rs return'd
From unsuccessful charge, be not dismay'd
Nor troubled at these tidings from the earth.
Which your sincerest care could not prevent,
Foretold so lately what would come to pass,
When first this tempter cross'd the gulf from Hell.
I told ye then he should prevail and speed
On his bad errand; Man should be seduced
And flatter'd out of all, believing lies
Against his Maker; no decree of mine
Concurring to necessitate his fall,
Or touch with lightest moment of impulse
His free-will, to her own inclining left
In even scale. But fall'n he is; and now
What rests, but that the mortal sentence pass
On his transgression, death denounced that day;
Which he presumes already vain and void,
Because not yet inflicted, as he fear'd,
By some immediate stroke; but soon shall find
Forbearance no acquittance, ere day 'end.
Justice shall not return as bounty scorn'd.
But whom send I to judge them? Whom but thee,
Vicegerent Son? To thee I have transferr'd

Услышавъ его, оба, мужъ и жена, скрываются отъ взора Всевышняго въ глубочайшей чащѣ деревъ.

Пѣснь 10, стр. 205.

. . . . They heard,
And from his presence hid themselves among
The thickest trees, both man and wife. . . . . .

чилъ Я судъ на Небѣ, на Землѣ, въ Аду! Пусть видятъ, что Я хочу съ правосудіемъ соединить милосердіе, посылая Тебя. Ты, Другъ Человѣка, его Ходатай, Ты, добровольно предназначившій Себя быть Жертвою его искупленія и его Спасителемъ, Самъ ставъ Человѣкомъ, суди падшаго человѣка.»

Такъ рекъ Богъ Отецъ и, блистательно разверзнувъ славу Свою одесную Себя, озарилъ Сына свѣтомъ Своего Божества: въ Немъ отразился вполнѣ сіяющій образъ Отца, и Онъ отвѣчалъ съ божественной кро тостію:

«Предвѣчный Отецъ! Тебѣ подобаетъ повелѣвать, Мнѣ же, на Небѣ и на Землѣ, исполнять Высочайшую Твою волю, да покоишься Ты всегда въ радости о Мнѣ, возлюбленномъ Твоемъ Сынѣ. Я сойду на землю судить грѣшниковъ; но Ты знаешь, какой бы приговоръ ни постигъ ихъ, худшее падетъ на Меня, когда наступитъ время: такъ Я Самъ избралъ передъ лицомъ Твоимъ и не раскаиваюсь, потому что пріобрѣтаю право смягчить произнесенное надъ ними осужденіе, когда оно обратится на Меня; правосудіе умѣрю Я милосердіемъ, въ полномъ блескѣ явивъ то и другое, и смягчивъ Твой гнѣвъ. Никто не долженъ сопровождать Меня, Я иду Одинъ; никто не будетъ свидѣтелемъ этого суда, кромѣ судимыхъ двухъ грѣшниковъ. Третій, отсутствующій, противникъ всѣмъ законамъ, уже осужденъ; онъ уличенъ бѣгствомъ. Изобличать змѣя излишне.»

Сказавъ, Онъ возсталъ съ лучезарнаго трона Высочайшей Отчей славы. Престолы, Силы, Власти, Господства, Его высокіе слуги, провожаютъ Его до вратъ небесныхъ, откуда открывается видъ на Эдемъ и всю землю. Онъ прямо нисходитъ въ Рай: хотя время и летитъ на крыльяхъ быстротечныхъ минутъ, но божеской быстроты имъ нельзя измѣрить. Солнце съ полудня мѣрно склонялось къ западу; нѣжные зефиры, предвѣстники вечерней прохлады, пробудясь въ обычный часъ, тихо вѣяли на землю, когда, еще болѣе тихій въ Своемъ гнѣвѣ, кроткій Судія и вмѣстѣ Заступникъ снизошелъ произнести приговоръ надъ Человѣкомъ. На склонѣ дня, легкіе вѣтры донесли до слуха виновныхъ голосъ Бога, ходившаго въ саду: услышавъ его, оба, мужъ и жена, скрываются отъ взора Всевыш-

All judgment, whether in Heav'n, or Earth, or Hell.
Easy it may be seen that I intend
Mercy colleague with justice, sending thee
Man's Friend, his Mediator, his design'd
Both Ransom and Redeemer voluntary,
And destined Man himself to judge Man fall'n.
So spake the Father, and unfolding bright
Tow'rd the right hand his glory, on the Son
Blazed forth unclouded Deity: he full
Resplendent all his Father manifest
Express'd, and thus divinely answer'd mild:
Father Eternal, thine is to decree;
Mine, both in Heav'n and Earth, to do thy will
Supreme, that thou in me, thy Son beloved,
May'st ever rest well pleased. I go to judge
On earth these thy transgressors; but thou know'st,
Whoever judged, the worst on me must light,
When time shall be, for so I undertook
Before thee; and not repenting, this obtain
Of right, that I may mitigate their doom
On me derived; yet I shall temper so
Justice with mercy, as may illustrate most
Them fully satisfy'd, and thee appease.
Attendance none shall need, nor train where none
Are to behold the judgment, but the judged,
Those two. The third, best absent, is condemn'd,
Convict by flight, and rebel to all law.
Conviction to the serpent none belongs.
Thus saying, from his radiant seat he rose
Of high collat'ral glory: him Thrones and Pow'rs,
Princedoms and Dominations ministrant,
Accompanied to Heaven-gate; from whence
Eden and all the coast in prospect lay.
Down he descended straight: the speed of Gods
Time counts not, tho' with swiftest minutes wing'd.
Now was the sun in western cadence low
From noon, and gentle airs due at their hour
To fan the earth, now waked, and usher in
The ev'ning cool, when he from wrath more cool,
Came the mild Judge and Intercessor both,
To sentence Man. The voice of God they heard
Now walking in the garden, by soft winds
Brought to their ears, while day declined: they heard,
And from his presence hid themselves among

няго въ глубочайшей чащѣ деревъ. Но Господь приблизился и громко зоветъ Адама:

«Гдѣ ты, Адамъ? ты, всегда съ радостію спѣшившій Мнѣ навстрѣчу, едва завидѣвъ Меня издали? Я не вижу тебя и недоволенъ твоимъ отсутствіемъ, тогда какъ прежде ты всегда исполнялъ свой долгъ безъ напоминовенія! Или пришествіе Мое не имѣетъ прежняго блеска? Или ты самъ измѣнился, что удаляешься отъ Меня? Или какая нибудь случайность удерживаетъ тебя? Выйди же!»

Онъ вышелъ; за нимъ еще нерѣшительнѣе слѣдуетъ Ева, хотя она первая шла на преступленіе. Оба предстали въ смущеніи, въ страхѣ; въ глазахъ ихъ нѣтъ любви ни къ Богу, ни другъ къ другу: виновность, стыдъ, душевное безпокойство, отчаяніе, гнѣвъ, ожесточеніе, ненависть, лукавство, вотъ что они выражаютъ. Послѣ долгаго колебанія Адамъ коротко отвѣчаетъ: «Я слышалъ Тебя въ саду, но голосъ Твой испугалъ меня, потому что я нагъ, и я скрылся.»

Кроткій Судія, безъ укора, возражаетъ ему: «Ты часто слышалъ Мой голосъ и не боялся, напротивъ, радовался всегда. Отчего же теперь сталъ онъ тебѣ такъ страшенъ? И кто сказалъ тебѣ, что ты нагъ? Не вкусилъ ли ты плода того дерева, отъ котораго Я заповѣдывалъ тебѣ не вкушать?»

Адамъ, удрученный горестію, отвѣчаетъ: «О Небо! въ какой страшной борьбѣ стою я передъ моимъ Судіею! Или на себя одного долженъ я взять преступленіе, или обвинить подругу моей жизни, вторую мою половину. Такъ какъ она осталась вѣрна мнѣ, я долженъ бы скрыть ея вину и своею жалобою не подвергать ее осужденію: но злосчастная необходимость заставляетъ меня говорить, чтобы грѣхъ и кара не пали на одну мою голову, которая не въ силахъ перенести этого двойного бремени. Но, если бы я сталъ хранить молчаніе, Ты откроешь все, что бы я захотѣлъ скрыть. Жена, которую Ты создалъ помощницею мнѣ, этотъ совершеннѣйшій изъ Твоихъ даровъ, эта жена, исполненная такой доброты, такъ отвѣчающая всѣмъ моимъ желаніямъ, такъ божественно прекрасная, что я не могъ считать ее способною на зло, она, которая пре-

The thickest trees, both man and wife, till God
Approaching, thus to Adam call'd aloud:
Where art thou, Adam? wont with joy to meet
My coming, seen far off? I miss thee here,
Not pleased, thus entertain'd with solitude,
Where obvious duty erewhile appear'd unsought:
Or come I less conspicuous? or what change
Absents thee, or what chance detains? Come forth.
He came, and with him Eve, more loth, tho' first
To offend, discount'nanced both, and discomposed:
Love was not in their looks, either to God
Or to each other, but apparent guilt,
And shame, and perturbation, and despair,
Anger, and obstinacy, and hate, and guile,
Whence Adam, falt'ring long, thus answer'd brief:
I heard thee in the garden, and of thy voice
Afraid, being naked, hid myself. To whom
The gracious Judge, without revile, reply'd:
My voice thou oft hast heard, and hast not fear'd,
But still rejoiced; how is it now become
So dreadful to thee? That thou'rt naked, who
Hath told thee? Hast thou eaten of the tree
Whereof I gave thee charge thou shouldst not eat?
To whom thus Adam, sore beset, reply'd:
O Heav'n! in evil strait this day I stand
Before my Judge, either to undergo
Myself the total crime, or to accuse
My other self, the partner of my life;
Whose failing, while her faith to me remains,
I should conceal, and not expose to blame
By my complaint; but strict necessity
Subdues me, and calamitous constraint,
Lest on my head both sin and punishment,
However insupportable, be all
Devolved; tho', should I hold my peace, yet thou
Wouldst easily detect what I conceal.
This Woman, whom thou mad'st to be my help,
And gav'st me as thy perfect gift, so good,
So fit, so acceptable, so divine,
That from her hand I could suspect no ill,
And what she did, whatever in itself,

лестію своею какъ бы оправдывала каждый свой поступокъ, она дала мнѣ тотъ плодъ, и я вкусилъ.»

На это Всемогущій Судія отвѣчаетъ: «Развѣ она Богъ твой, что ты повиновался ей болѣе, чѣмъ гласу Божію? Развѣ она была сотворена твоимъ путеводителемъ, твоей главою, или хотя равною тебѣ, что ты отрекся ради ея отъ своего достоинства мужа и того превосходства, которое далъ тебѣ Богъ надъ нею? Она была сотворена изъ тебя и для тебя; совершенствомъ своимъ ты далеко превосходилъ ее во всемъ, что касается истиннаго достоинства. Правда, она была украшена всѣми прелестями для того чтобы болѣе возбуждать твою любовь, но не для того, чтобы порабощать тебя; дары ея соотвѣтствовали ея зависимости, и не предназначались для власти. Власть была твоимъ удѣломъ, если бы ты умѣлъ цѣнить себя.»

Сказалъ и обратился къ Евѣ съ такимъ краткимъ словомъ: «Скажи, Жена, что ты сдѣлала?»

Печальная Ева, подавленная стыдомъ, созналась въ своей винѣ; но не смѣлая и не многословная передъ своимъ Судіею, въ смущеніи отвѣчаетъ: «Змѣй обманулъ меня, и я вкусила.»

Господь Богъ, выслушавъ ее, приступаетъ не медля къ суду надъ обвиняемымъ Змѣемъ, хотя, безсловесная тварь, онъ неспособенъ былъ сложить вину на того, кто сдѣлалъ его орудіемъ зла и осквернилъ цѣль его бытія. И такъ, онъ справедливо былъ проклятъ, какъ растлѣнный по природѣ. Дальнѣйшее не касалось до человѣка (знать болѣе было ему безполезно, это не уменьшило бы его вины). Однако, Богъ произнесъ Свой приговоръ надъ Сатаною, главнымъ преступникомъ, хотя счелъ за лучшее придать Своимъ словамъ таинственный смыслъ. Онъ такъ проклялъ змѣя: «За то, что ты сдѣлалъ, будь проклятъ передъ всѣми скотами, передъ всѣми звѣрями полевыми; ты будешь ходить, ползая на чревѣ твоемъ, и будешь ѣсть прахъ во всѣ дни твоей жизни. Я положу вражду между тобой и Женою, между твоимъ и ея сѣменемъ: ея Сѣмя сотретъ твою главу, ты ужалишь его въ пяту.»

Такъ изрекъ Господь пророческое слово, оправдавшееся когда Хри-

Her doing seem'd to justify the deed;
She gave me of the tree, and I did eat.
  To whom the Sov'reign Presence thus reply'd:
Was she thy God, that her thou didst obey
Before his voice? or was she made thy guide,
Superior, or but equal, that to her
Thou didst resign thy manhood, and the place
Wherein God set thee 'bove her, made of thee,
And for thee, whose perfection far excell'd
Hers in all real dignity? Adorn'd
She was indeed, and lovely to attract
Thy love, not thy subjection; and her gifts
Were such as under government well seem'd,
Unseemly to bear rule, which was thy part
And person, hadst thou known thyself aright.
  So having said, he thus to Eve in few:
Say, Woman, what is this which thou hast done?
  To whom sad Eve, with shame nigh overwhelm'd,
Confessing soon, yet not before her Judge
Bold or loquacious, thus abash'd, reply'd:
The Serpent me beguiled, and I did eat.
  Which when the Lord God heard, without delay
To judgment he proceeded on th' accused
Serpent, though brute, unable to transfer
The guilt on him who made him instrument
Of mischief, and polluted from the end
Of his creation; justly then accursed,
As vitiated in nature: more to know
Concern'd not Man (since he no further knew)
Nor alter'd his offence; yet God at last
To Satan, first in sin, his doom applied,
Though in mysterious terms, judged as then best;
And on the serpent thus his curse let fall:
Because thou hast done this, thou art accursed
Above all cattle, each beast of the field;
Upon thy belly grov'ling thou shalt go,
And dust shalt eat all the days of thy life.
Between thee and the Woman I will put
Enmity, and between thine and her seed:
Her Seed shall bruise thy head; thou bruise his heel.
  So spake this Oracle, then verify'd

стосъ, Сынъ Маріи, второй Евы, увидѣлъ, какъ подобно молніи палъ съ Небесъ Сатана, Князь воздуха. Тогда, возставъ изъ гроба и одолѣвъ владычество и силы Ада, Онъ съ торжествомъ явилъ Свою побѣду, и въ блистательномъ восшествіи повлекъ плѣненный Адъ по воздуху, этому царству Сатаны, которое такъ долго было въ его беззаконной власти. Наконецъ, Сатану сотретъ подъ нашими стопами Тотъ, Кто предвѣщалъ ему теперь ту роковую рану.

Обратясь къ Женѣ, Онъ изрекъ такой приговоръ: «Я умножу твои скорби въ то время, когда понесешь ты плодъ въ чревѣ, въ болѣзняхъ будешь ты рождать дѣтей, ты будешь подчинена волѣ мужа: онъ будетъ господствовать надъ тобою.»

Адаму послѣ всѣхъ произнесъ Онъ такой приговоръ: «За то, что ты послушалъ словъ жены твоей и вкусилъ плода отъ дерева, которое Я заповѣдалъ тебѣ, сказавъ: Не вкушай отъ него, — проклята будетъ земля за тебя; со скорбію будешь ты питаться отъ нея во всѣ дни твоей жизни: тернъ и волчецъ произраститъ она тебѣ, и ты будешь питаться полевою травою. Въ потѣ лица будешь ты ѣсть хлѣбъ, пока не возвратишься въ землю, потому что изъ земли ты былъ взятъ (познай свое рожденіе): ты прахъ и въ прахъ обратишься.»

Таковъ былъ судъ Его надъ Человѣкомъ. Судія и Спаситель вмѣстѣ, Онъ отдалилъ смертоносный ударъ, возвѣщенный Имъ въ тотъ день. Потомъ, видя ихъ передъ Собою нагими, подверженными вліянію воздуха, который долженъ былъ теперь измѣниться, Онъ сжалился надъ виновными. Онъ не погнушался предстать слугою предъ ними; какъ тогда, когда умывалъ Онъ ноги Своимъ слугамъ, такъ теперь, какъ нѣжный Отецъ, покрылъ Онъ ихъ наготу кожею, снятой съ убитыхъ звѣрей или сброшенной ими, когда они, подобно тому какъ дѣлаютъ это змѣи, облекаются молодой кожей.

Такъ позаботился Онъ прикрыть Своихъ враговъ; но не только тѣлесную наготу ихъ прикрылъ Онъ звѣриными кожами, Онъ сжалился надъ ихъ еще болѣе постыдною наготою, наготою душевной; облачивъ ее одѣяніемъ Своего правосудія, Онъ прикрылъ ее отъ взоровъ небеснаго

When Jesus, Son of Mary, second Eve,
Saw Satan fall like lightning down from Heav'n,
Prince of the air; then, rising from his grave,
Spoil'd principalities and pow'rs, triumph'd
In open show, and, with ascension bright,
Captivity led captive through the air,
The realm itself of Satan long usurp'd;
Whom he shall tread at last under our feet;
E'en he who now foretold his fatal bruise,
And to the Woman thus his sentence turn'd:
Thy sorrow I will greatly multiply
By thy conception: Children thou shalt bring
In sorrow forth; and to thy husband's will
Thine shall submit: he over thee shall rule.
On Adam last thus judgment he pronounced:
Because thou'st hearken'd to th' voice of thy wife
And eaten of the tree, concerning which
I charged thee, saying, Thou shalt not eat thereof;
Cursed is the ground for thy sake; thou in sorrow
Shalt eat thereof all the days of thy life:
Thorns also and thistles it shall bring thee forth
Unbid; and thou shalt eat th' herb of the field;
In the sweat of thy face shalt thou eat bread,
Till thou return unto the ground; for thou
Out of the ground wast taken (know thy birth);
For dust thou art, and shalt to dust return.
So judged he Man, both Judge and Saviour sent,
And th' instant stroke of death denounced, that day
Removed far off; then pitying how they stood
Before him naked to the air, that now
Must suffer change, disdain'd not to begin
Thenceforth the form of servant to assume,
As when he wash'd his servants' feet, so now,
As Father of his family, he clad
Their nakedness with skins of beasts, or slain,
Or as the snake with youthful coat repaid;
And thought not much to clothe his enemies:
Nor he their outward only with the skins
Of beasts, but inward nakedness, much more
Opprobrious, with his robe of righteousness,
Arraying, cover'd from his Father's sight.

Отца. Потомъ быстро вознесся къ Нему и со славою занялъ Свое прежнее мѣсто въ Его блаженномъ лонѣ. Онъ повѣстилъ примиренному Отцу (хотя Отецъ зналъ все) о томъ, что свершилось съ Человѣкомъ, присоединяя Свое нѣжное ходатайство за него.

Между тѣмъ, прежде чѣмъ былъ совершенъ на Землѣ грѣхъ и судъ, Грѣхъ и Смерть сидѣли другъ противъ друга за вратами Ада, которыя стояли широко открытыя, извергая далеко въ Хаосъ вихри пожирающаго пламени, съ той минуты какъ открылъ ихъ Врагу Грѣхъ, и тотъ обратился теперь къ Смерти съ такою рѣчью:

«О, Дочь моя! зачѣмъ сидимъ мы здѣсь, праздно смотря другъ на друга, тогда какъ Сатана, нашъ великій родитель, подвизается въ другихъ мірахъ, приготовляя болѣе счастливое жилище намъ, своимъ милымъ чадамъ? Онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ успѣхъ. Если бы онъ потерпѣлъ неудачу, онъ уже давно возвратился бы сюда; ярость враговъ не нашла бы лучшаго мѣста для его наказанія и удовлетворенія своего мщенія. Мнѣ кажется, будто я чувствую въ себѣ новую силу, будто крылья мои растутъ, и мнѣ дается широкая власть за предѣлами этой бездны. Не знаю, что влечетъ меня, симпатія, или какая-то врожденная сила, могущая черезъ величайшія пространства, сокровеннѣйшими путями рождать таинственную связь между однородными предметами. Ты, моя неразлучная тѣнь, должна слѣдовать за мною: нѣтъ власти, могущей разлучить Грѣхъ со Смертію. Но чтобы трудности обратнаго пути чрезъ эту неприступную, непроходимую пучину не замедлили его возвращенія, попытаемся на отважный трудъ, не превышающій однако твоихъ и моихъ силъ: утвердимъ на этомъ океанѣ дорогу отъ Ада къ тому Новому Міру, гдѣ торжествуетъ теперь Сатана; соорудимъ памятникъ громадной цѣны для всего адскаго воинства; ему откроется свободный путь для сообщенія съ тѣмъ міромъ, или переселенія туда, когда рѣшитъ судьба. Я не ошибусь въ дорогѣ, такъ сильно влечетъ меня это новое очарованіе; оно будетъ руководить мною.»

Тощій Призракъ отвѣчаетъ: «Иди, куда ведетъ тебя Судьба и сила призванія. Я не останусь позади тебя, не собьюсь съ пути, идя вслѣдъ

To him with swift ascent he up return'd,
Into his blissfull bosom re-assumed
In glory, as of old: to him appeased
All, tho' all-knowing, what had pass'd with Man
Recounted, mixing intercession sweet.
Meanwhile ere thus was sinn'd and judged on Earth,
Within the gates of Hell sat Sin and Death,
In counterview within the gates, that now
Stood open wide, belching outrageous flame
Far into Chaos, since the Fiend pass'd through,
Sin opening, who thus now to Death began:
O Son, why sit we here each other viewing
Idly, while Satan our great author thrives
In other worlds, and happier seat provides
For us, his offspring dear? It cannot be
But that success attends him; if mishap,
Ere this he had return'd, with fury driven
By his avengers, since no place like this
Can fit his punishment, or their revenge.
Methinks I feel new strength within me rise,
Wings growing, and dominion given me large
Beyond this deep; whatever draws me on,
Or sympathy, or some connatural force,
Pow'rful at greatest distance, to unite
With secret amity things of like kind
By secretest conveyance. Thou my shade
Inseparable, must with me along;
For Death from Sin no power can separate.
But lest the difficulty of passing back
Stay his return perhaps over this gulf
Impassable, impervious, let us try
Advent'rous work, yet to thy pow'r and mine
Not unagreeable, to found a path
Over this main from Hell to that New World
Where Satan now prevails, a monument
Of merit high to all th' infernal host,
Easing their passage hence, for intercourse
Or transmigration, as their lot shall lead.
Nor can I miss the way, so strongly drawn
By this new-felt attraction and instinct.
Whom thus the meagre Shadow answer'd soon:
Go whither Fate and inclination strong
Leads thee; I shall not lag behind, nor err
The way, thou leading, such a scent I draw

Смерть и Грѣхъ окончили это чудо строительнаго искусства: надъ взволнованной пучиной перекинулась, по слѣдамъ Сатаны, цѣпь висячихъ скалъ, до того самаго мѣста, гдѣ, благополучно избѣжавъ ужасовъ Хаоса, онъ впервые опустилъ свои крылья на обнаженной поверхности новаго шарообразнаго міра. Тамъ адамантовыми гвоздями и цѣпями укрѣпили они свое сооруженіе, — укрѣпили слишкомъ прочно и крѣпко!

Оттуда увидѣли они границы Эмпирейнаго Неба и Новаго Міра, раздѣленныя небольшимъ разстояніемъ; влѣво былъ Адъ, но его отдѣляла глубокая пучина: передъ ними лежало три пути, ведущихъ къ этимъ тремъ странамъ. Они избираютъ путь къ Землѣ, прямо въ Рай, какъ вдругъ видятъ вдали Сатану, въ образѣ свѣтлаго Ангела: онъ парилъ на зенитѣ между Центавромъ и Скорпіономъ, между тѣмъ какъ солнце поднималось въ знакѣ Овна. Онъ былъ въ чужомъ образѣ, но милыя дѣтища тотчасъ же узнали своего родителя, несмотря на личину. Соблазнивъ Еву, онъ скользнулъ тайкомъ въ сосѣдній лѣсъ и перемѣнилъ свой видъ, чтобы наблюдать послѣдствія своего преступнаго дѣла. Онъ видѣлъ, какъ Ева, хотя совершенно неумышленно, повторила его надъ своимъ мужемъ; видѣлъ ихъ стыдъ, искавшій напрасныхъ покрововъ. Но, при видѣ Сына Божія, снисшедшаго судить ихъ, онъ бѣжалъ въ ужасѣ, — не надѣясь избавиться отъ кары, но думая только отдалить ее; сознавая всю тяжесть своей вины, онъ страшился, чтобы гнѣвъ Божій не разразился надъ нимъ мгновенно. Когда миновала опасность, ночью онъ вернулся къ злополучнымъ супругамъ; изъ печальныхъ рѣчей ихъ и жалобъ онъ узналъ свой собственный приговоръ и то, что исполненіе его не послѣдуетъ немедленно, а отложено на будущія времена. Онъ возвращался теперь въ Адъ съ этой веселой вѣстью. На предѣлахъ Хаоса, у самаго подножія новаго чудеснаго моста, онъ неожиданно увидѣлъ своихъ милыхъ дѣтей, пришедшихъ ему навстрѣчу. Велика была радость ихъ встрѣчи, а при видѣ этого изумительнаго моста радость Сатаны еще увеличилась. Онъ долго стоялъ въ восхищеніи, пока Грѣхъ, его прекрасная, очаровательная дочь не прервала такъ молчанія:

«О, Родитель, вѣдь это твое великолѣпное созданіе, твои трофеи, а

Now had they brought the work by wondrous art
Pontifical, a ridge of pendent rock,
Over the vex'd abyss, following the track
Of Satan to the self-same place where he
First lighted from his wing, and landed safe
From out of Chaos, to the outside bare
Of this round world. With pins of adamant
And chains they made all fast, too fast they made
And durable: and now in little space
The confines met of Empyréan Heav'n
And of this World, and on the left hand Hell
With long reach interposed: three sev'ral ways
In sight, to each of these three places led.
And now their way to Earth they had descry'd,
To Paradise first tending, when, behold,
Satan, in likeness of an Angel bright,
Betwixt the Centaur and the Scorpion steering
His zenith, while the sun in Aries rose.
Disguised he came; but those his children dear
Their parent soon discern'd, though in disguise.
He, after Eve seduced, unminded slunk
Into the wood fast by, and changing shape
T' observe the sequel, saw his guileful act
By Eve, though all unweeting, seconded
Upon her husband, saw their shame that sought
Vain covertures; but when he saw descend
The Son of God to judge them, terrify'd
He fled, not hoping to escape, but shun
The present, fearing guilty what his wrath
Might suddenly inflict; that pass'd, return'd
By night, and list'ning where the hapless pair
Sat in their sad discourse, and various plaint,
Thence gather'd his own doom, which understood
Not instant, but of future time, with joy
And tidings fraught, to Hell he now return'd,
And at the brink of Chaos, near the foot
Of this new wondrous pontifice, unhoped
Met who to meet him came, his offspring dear.
Great joy was at their meeting, and at sight
Of that stupendous bridge his joy increased.
Long he admiring stood, till Sin, his fair
Enchanting daughter, thus the silence broke:
O Parent, these are thy magnific deeds,
Thy trophies, which thou view'st as not thine own!

за тобою. Я чую уже запахъ убійствъ, безчисленной добычи! Я чувствую дыханіе Смерти, исходящее отъ всего, что есть тамъ живого! Я не премину участвовать въ твоемъ предпріятіи; разсчитывай на мою помощь.»

При этихъ словахъ, призракъ съ наслажденіемъ вдыхаетъ запахъ смерти, поразившей землю. Такъ стаи хищныхъ птицъ, наканунѣ дня битвы, издалека слетаются къ полю, гдѣ расположенъ воинскій станъ; онѣ летятъ туда, чуя запахъ живыхъ труповъ, обреченныхъ на-завтра смерти въ кровавой сѣчѣ. Такъ ужасный Призракъ, расширивъ ноздри, обоняетъ въ зараженномъ воздухѣ свою добычу, чуя ее черезъ безпредѣльное пространство. Оба чудовища изъ вратъ Ада пускаются въ пространное, безначальное царство Хаоса, и въ влажномъ его мракѣ летятъ различной дорогой. Съ стремительной силою (а силы ихъ были велики) парятъ они надъ волнами, и все, что встрѣчаютъ на пути твердаго или мягкаго, колеблемаго то вверхъ, то внизъ, точно въ бушующемъ морѣ, кучами сгоняютъ съ обѣихъ сторонъ къ отверстію Ада: такъ два полярныхъ вѣтра, дуя съ противныхъ сторонъ на Кронійское море [151]), сдвигаютъ и гонятъ ледяныя горы, заграждая ими къ востоку, за предѣлами Печоры, воображаемый путь къ берегамъ богатой Катайи [152]).

Смерть, своей окаменяющей, леденящей, изсушающей палицей, точно трезубцемъ, сглаживаетъ скученныя вещества и укрѣпляетъ ихъ на мѣстѣ такъ же неподвижно, какъ стоитъ теперь островъ Делосъ, нѣкогда пловучій [153]); остальное, съ суровостью Горгонъ, сковываетъ ея взглядъ. Эту плотину, равняющуюся ширинѣ адскихъ вратъ и досягающую до самой его глубины, скрѣпляютъ они асфальтовой смолой; потомъ, въ видѣ громадной, высокой арки, воздвигаютъ надъ клокочущей бездной мостъ чудовищной длины, мостъ, соединяющійся съ неподвижной стѣной этого міра, беззащитно предоставленнаго теперь въ добычу Смерти: такъ возникъ широкій, гладкій, удобный, безопасный путь отъ Земли къ Аду. Такъ, если сравнивать великое съ малымъ, Ксерксъ, для порабощенія свободной Греціи, покинувъ свой Мемноновскій дворецъ въ Сузѣ, пустился въ море и, пройдя Геллеспонтъ какъ по мосту, соединилъ Европу съ Азіей, многократными взмахами бичуя негодующія волны.

Of carnage, prey innumerable, and taste
The savour of Death from all things there that live:
Nor shall I to the work thou enterprisest
Be wanting, but afford thee equal aid.
So saying, with delight he snuff'd the smell
Of mortal change on earth. As when a flock
Of ravenous fowl, though many a league remote,
Against the day of battle, to a field
Where armies lie encamp'd, come flying, lured
With scent of living carcases design'd
For death the following day, in bloody fight;
So scented the grim Feature, and upturn'd
His nostril wide into the murky air,
Sagacious of his quarry from so far.
Then both from out Hell-gates into the waste
Wide anarchy of Chaos, damp and dark,
Flew diverse, and with pow'r (their pow'r was great)
Hov'ring upon the waters, what they met,
Solid or slimy, as in raging sea
Tost up and down, together crowded drove
From each side shoaling towards the mouth of Hell:
As when two polar winds, blowing adverse
Upon the Cronian sea, together drive
Mountains of ice, that stop th' imagined way
Beyond Petsora eastward, to the rich
Cathaian coast. The aggregated soil
Death with his mace petrific, cold and dry,
As with a trident smote, and fix'd as firm
As Delos floating once; the rest his look
Bound with Gorgonian rigour not to move;
And with Asphaltic slime, broad as the gate,
Deep to the roots of Hell the gather'd beach
They fasten'd, and the mole immense wrought on
Over the foaming deep high arch'd, a bridge
Of length prodigious, joining to the wall
Immoveable of this now fenceless world
Forfeit to Death: from hence a passage broad,
Smooth, easy, inoffensive down to Hell.
So, if great things to small may be compared,
Xerxes, the liberty of Greece to yoke,
From Susa his Memnonian palace high
Came to the sea, and over Hellespont
Bridging his way, Europe with Asia join'd,
And scourged with many a stroke th' indignant waves.

численными шарами, теперь вашимъ достояніемъ, спуститесь прямо въ Рай; царствуйте благополучно, поселитесь тамъ и владычествуйте надъ землею и воздухомъ, а главное надъ Человѣкомъ, который провозглашенъ единственнымъ владыкой всего міра. Сначала сдѣлайте его своимъ вѣрнымъ рабомъ, а потомъ уничтожьте. Я посылаю васъ моими намѣстниками на землѣ и даю вамъ неограниченную власть, непреоборимую, исходящую отъ меня силу. Отъ вашихъ соединенныхъ стараній зависитъ теперь мое владычество въ этомъ новомъ царствѣ, которое Грѣхъ, благодаря моему подвигу, предоставилъ Смерти. Если вы общими силами одержите верхъ, Аду нечего будетъ страшиться. Идите, и будьте неумолимы.»

Сказавъ такъ, Сатана оставляетъ ихъ; они быстро ринулись сквозь густѣйшія созвѣздія, распространяя вездѣ свой ядъ; звѣзды, зараженныя ихъ дыханіемъ, блѣднѣютъ; планеты, сталкиваясь съ планетами, меркнутъ въ затменіи. Съ другой стороны, Сатана спускается по широкой плотинѣ къ вратамъ Ада. Хаосъ стонетъ подъ тяжестію чудовищнаго моста, и съ обѣихъ сторонъ наступаетъ бушующими валами на преграду, которая съ презрѣніемъ отражаетъ ихъ негодующій гнѣвъ. Сатана проходитъ черезъ широко открытыя, никѣмъ неохраняемыя врата. Все кругомъ было пусто; приставленные къ вратамъ стражи, покинувъ свой постъ, улетѣли въ высшую область; всѣ остальные удалились въ глубь Ада, къ стѣнамъ Пандемоніума, гордой столицы Люцифера, какъ назывался Сатана во имя блестящей звѣзды, съ которою онъ имѣлъ сходство. Между тѣмъ какъ сановники засѣдали въ совѣтѣ, съ безпокойствомъ разсуждая о томъ, что за случайности могли замедлить посланіе ихъ властелина, — вооруженные легіоны охраняли дворецъ Сатаны. Такъ повелѣлъ онъ, оставляя ихъ, и они строго соблюдали его приказъ. Какъ Татаринъ передъ своимъ непріятелемъ, Русскимъ, бѣжитъ, около Астрахани, по снѣжнымъ равнинамъ, или какъ Бактрійскій софта, спасаясь отъ турецкаго полумѣсяца, въ бѣгствѣ своемъ въ Тавриду или на Каспій, оставляетъ позади себя опустошенное Аладульское царство [155], такъ легіоны, изгнанные съ Небесъ, оставили пустынными огромныя области, лежавшія около мрачныхъ

All yours, right down to Paradise descend;
There dwell and reign in bliss, thence on the earth
Dominion exercise, and in the air,
Chiefly on Man, sole lord of all declared;
Him first make sure your thrall, and lastly kill.
My substitutes I send ye, and create
Plenipotent on earth, of matchless might
Issuing from me. On your joint vigour now
My hold of this new kingdom all depends,
Through Sin to Death exposed by my exploit.
If your joint pow'r prevail, th' affairs of Hell
No detriment need fear. Go, and be strong.
So saying, he dismiss'd them; they with speed
Their course through thickest constellations held,
Spreading their bane; the blasted stars look'd wan,
And planets, planet-struck, real eclipse
Then suffer'd. Th' other way Satan went down
The causey to Hell-gate; on either side
Disparted Chaos over-built exclaim'd,
And with rebounding surge the bars assail'd
That scorn'd his indignation. Through the gate,
Wide open and unguarded, Satan pass'd,
And all about found desolate; for those
Appointed to sit there had left their charge,
Flown to the upper world; the rest were all
Far to th' inland retired, about the walls
Of Pandemonium, city and proud seat
Of Lucifer, so by allusion call'd,
Of that bright star to Satan paragon'd.
There kept their watch the legions, while the Grand
In council sat, solicitous what chance
Might intercept their emperor sent; so he
Departing, gave command; and they observed:
As when the Tartar from his Russian foe
By Astracan over the snowy plains
Retires, or Bactrian Sophi from the horns
Of Turkish crescent, leaves all waste beyond
The realm of Aladule, in his retreat
To Tauris or Casbeen, so these the late
Heav'n-banish'd host, left desert utmost Hell

ты смотришь на него, какъ будто бы оно не было твоимъ дѣломъ! Ты его творецъ и главный строитель: въ ту минуту какъ сердце мое угадало, мое сердце всегда бьется одинаково съ твоимъ, вслѣдствіе нѣжной, таинственной связи,—какъ только угадало оно о твоемъ успѣхѣ на землѣ, который я читаю теперь въ твоихъ взорахъ, меня тотчасъ же непреодолимо повлекло къ тебѣ вмѣстѣ съ этимъ другимъ твоимъ дѣтищемъ, несмотря на разстояніе міровъ, раздѣлявшее насъ: такъ тѣсно связаны мы трое роковою судьбою. Адъ не могъ удержать насъ въ своихъ предѣлахъ, непроглядный мракъ пучины не помѣшалъ намъ послѣдовать по твоимъ славнымъ слѣдамъ. Ты совершилъ великое дѣло нашего освобожденія; до тѣхъ поръ мы были въ заключеніи за вратами Ада; ты далъ намъ силу такъ укрѣпить бездну и воздвигнуть въ ея мракѣ этотъ громадный мостъ. Весь міръ теперь твой; ты мужествомъ пріобрѣлъ то, чего не созидала твоя рука; мудростію съ избыткомъ вознаградилъ то, чего лишился въ браняхъ: ты вполнѣ отомстилъ за наше пораженіе на Небѣ. Здѣсь ты будешь самодержавнымъ царемъ, чего не могъ достигнуть тамъ. Пусть царитъ тамъ Побѣдитель, какъ присуждено исходомъ битвы; пусть удалится отъ этого новаго міра, который Онъ Самъ отвергъ Своимъ приговоромъ: съ этихъ поръ Онъ раздѣлитъ съ тобою власть надъ вселенной; предѣлы эмпирея будутъ отдѣлять Его квадратное царство [154]) отъ твоего въ этомъ шаровидномъ мірѣ. Теперь ты сталъ еще опаснѣе для Его престола; пусть попробуетъ помѣряться съ тобою!»

На это Князь тьмы радостно отвѣчаетъ: «О, прекрасная дочь! и ты, чей я отецъ и прародитель, вы славно доказали, что принадлежите къ племени Сатаны (я горжусь этимъ именемъ, означающимъ противника Всемогущаго Царя Небесъ); вы оказали большую услугу мнѣ и всему адскому царству этимъ величественнымъ зданіемъ близъ самыхъ вратъ Неба; вы соединили ваши трофеи съ моими и, облегчивъ сообщеніе между Адомъ и этимъ новымъ міромъ, сдѣлали изъ нихъ одну страну, одно царство. Итакъ, въ то время, какъ по вашей широкой дорогѣ я легко спущусь черезъ мглу къ своимъ союзнымъ Силамъ, чтобы повѣдать имъ о моемъ торжествѣ и раздѣлить съ ними радость, вы обѣ, между тѣми без-

Thou art their author and prime architect:
For I no sooner in my heart divined,
My heart, which by a secret harmony
Still moves with thine, join'd in connexion sweet,
That thou on earth hadst prosper'd, which thy looks
Now also evidence, but straight I felt,
Tho' distant from thee worlds between, yet felt
That I must after thee with this thy son;
Such fatal consequence unites us three:
Hell could no longer hold us in her bounds,
Nor this unvoyageable gulf obscure
Detain from following thy illustrious track.
Thou hast achieved our liberty, confined
Within Hell-gates till now; thou us impower'd
To fortify thus far, and overlay
With this portentous bridge the dark abyss.
Thine now is all this world; thy virtue hath won
What thy hands builded not; thy wisdom gain'd
With odds what war hath lost, and fully 'venged
Our foil in Heav'n: here thou shalt monarch reign;
There didst not; there let him still victor sway,
As battle hath adjudged, from this new world
Retiring, by his own doom alienated,
And henceforth monarchy with thee divide
Of all things parted by th' empyreal bounds,
His quadrature, from thy orbicular world,
Or try thee now more dangerous to his throne.
  Whom thus the Prince of darkness answer'd glad;
Fair Daughter, and thou Son and Grandchild both,
High proof ye now have given to be the race
Of Satan (for I glory in the name,
Antagonist of Heav'n's Almighty King);
Amply have merited of me, of all
Th' infernal empire, that so near Heav'n's door
Triumphal with triumphal act have met,
Mine with this glorious work, and made one realm
Hell and this world, one realm, one continent
Of easy throughfare. Therefore, while I
Descend through darkness, on your road with ease,
To my associate Pow'rs, them to acquaint
With these successes, and with them rejoice,
You two this way, among these numerous orbs

предѣловъ Ада, и всѣ собрались къ столицѣ, окруживъ ее бдительной стражей. Теперь они съ часу на часъ ожидали возвращенія великаго искателя невѣдомыхъ міровъ. Въ видѣ простого Ангела самаго малаго воинскаго чина онъ незамѣтно проходитъ сквозь ихъ толпу. Незримо проникнувъ въ двери Плутонова чертога, онъ вступаетъ на свой высокій тронъ, съ царскимъ великолѣпіемъ возвышавшійся на другомъ концѣ, подъ балдахиномъ изъ богатѣйшей ткани. Нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ и озиралъ всѣхъ, но самъ былъ невидимъ. Наконецъ, какъ бы выйдя изъ облака, показалась его блистательная глава и весь образъ, сіяющій подобно звѣздѣ; даже еще ярче былъ обманчивый блескъ его славы, оставленный ему послѣ его паденія. Стигійское войско, пораженное этимъ внезапнымъ блескомъ, устремляетъ взоры къ престолу и видитъ своего могучаго вождя, возвращенія котораго ждали съ такимъ нетерпѣніемъ. Громки были ихъ восклицанія: великіе сановники, засѣдавшіе въ мрачномъ совѣтѣ, поспѣшно бросаются къ нему, поздравляютъ его, раздѣляя съ нимъ радость. Движеніемъ руки онъ водворяетъ молчаніе, и такая рѣчь приковываетъ ихъ вниманіе:

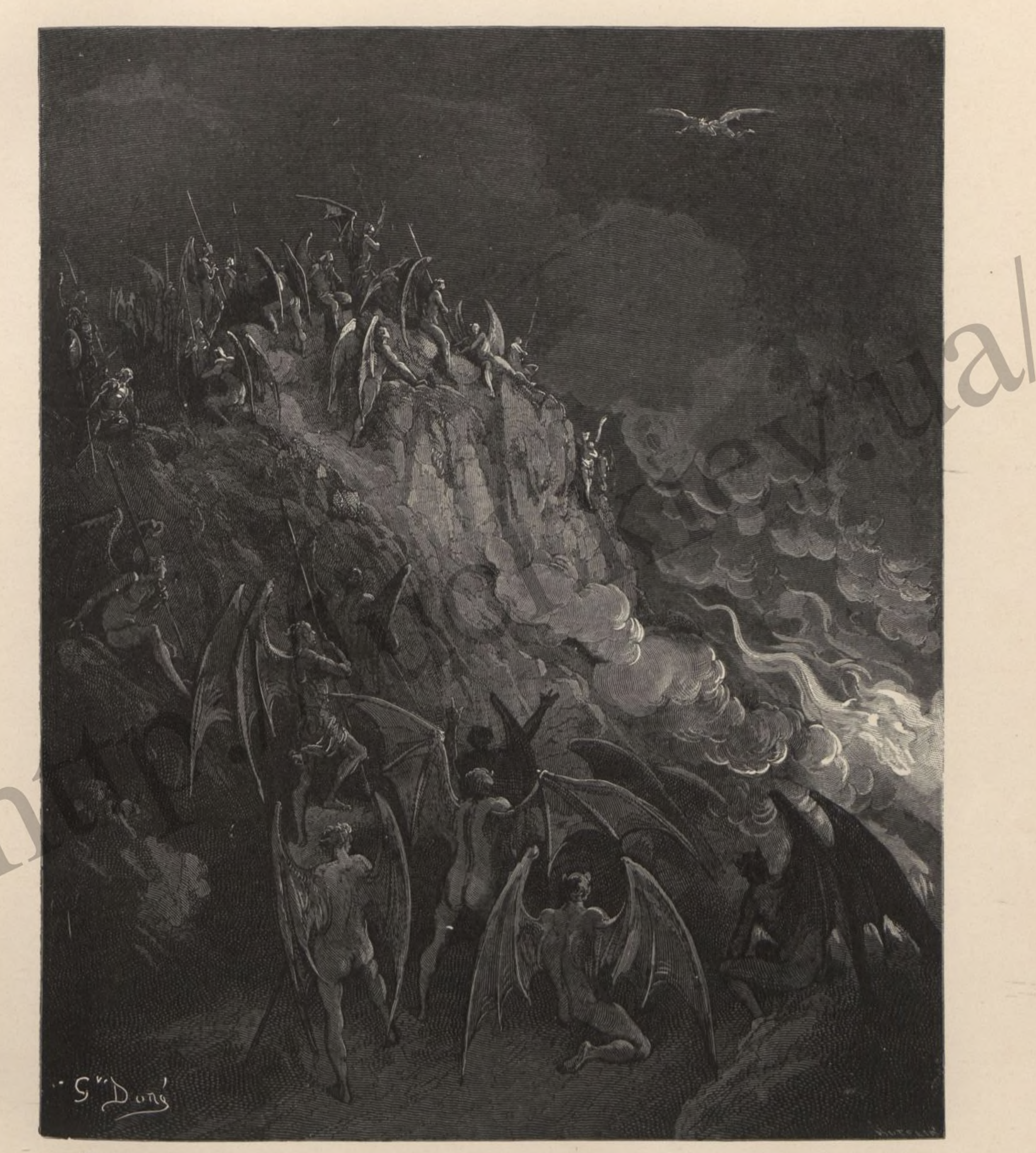
«Престолы, Господства, Княжества, Власти, Силы, не только по праву, но въ дѣйствительности владѣющіе теперь этими высокими титулами! Призываю васъ, чтобы возвѣстить, что успѣхъ превзошелъ мои надежды; я вернулся, чтобы торжественно вывести васъ изъ этой бездонной адской могилы, отвратительнаго, проклятаго жилища скорби, изъ этой тюрьмы нашего тирана. Ступайте, владѣйте теперь обширнымъ міромъ, мало уступающимъ нашей небесной отчизнѣ; онъ завоеванъ вамъ моею твердою отвагой. Какія страшныя опасности долженъ я былъ превозмочь! Слишкомъ долго было бы описывать вамъ всѣ мои подвиги, всѣ страданія, всѣ трудности пути черезъ неизмѣримую пустоту сверхъестественной безпредѣльной пучины, гдѣ царитъ одно ужасное смятеніе. Теперь Грѣхъ и Смерть проложили черезъ эту бездну широкую дорогу для вашего славнаго шествія. Но я, съ какимъ неимовѣрнымъ трудомъ пробивалъ я непроторенный путь! Я долженъ былъ промчаться черезъ неукротимую бездну, я погружался въ нѣдра первобытной Ночи и дикаго Хаоса, которые,

Many a dark league, reduced in careful watch
Round their metropolis, and now expecting
Each hour their great advent'rer from the search
Of foreign worlds; he through the midst, unmark'd,
In show plebeian Angel militant
Of lowest order, pass'd; and from the door
Of that Plutonian hall, invisible,
Ascended his high throne, which under state
Of richest texture spread, at th' upper end
Was placed in regal lustre. Down a while
He sat, and round obout him saw, unseen.
At last, as from a cloud, his fulgent head
And shape star-bright appear'd, or brighter, clad
With what permissive glory since his fall
Was left him, or false glitter. All amazed
At that so sudden blaze, the Stygian throng
Bent their aspect, and whom they wish'd beheld,
Their mighty chief return'd. Loud was th' acclaim:
Forth rush'd in haste the great consulting peers,
Raised from their dark Divan, and with like joy
Congratulant approach'd him, who with hand
Silence, and with these words attention won:
Thrones, Dominations, Princedoms, Virtues, Pow'rs,
For in possession such, not only of right,
I call ye, and declare ye now, return'd
Successful beyond hope, to lead ye forth
Triumphant out of this infernal pit
Abominable, accursed, the house of woe,
And dungeon of our tyrant. Now possess,
As Lords, a spacious world, to our native Heav'n
Little inferior, by my adventure hard
With peril great achieved. Long were to tell
What I have done, what suffer'd, with what pain
Voyaged th' unreal, vast, unbounded deep
Of horrible confusion, over which
By Sin and Death a broad way now is paved
To expedite your glorious march; but I
Toil'd out my uncouth passage, forced to ride
Th' untractable abyss, plunged in the womb
Of unoriginal Night and Chaos wild,

Теперь они съ часу на часъ ожидали возвращенія великаго искателя невѣдомыхъ міровъ.

Пѣснь 10, стр. 214.

. . . . And now expecting
Each hour their great adventrer from the search
Of foreign worlds . . . .

ревниво храня свои тайны, съ бѣшенствомъ стремились поставить преграды моему чудесному странствію, и неистово вопіяли противъ всевышней Судьбы. Наконецъ, я нашелъ ново-созданный міръ, молва о которомъ давно была извѣстна на Небѣ. Дѣйствительно, это вполнѣ совершенное, удивительное твореніе! Тамъ, въ Раю, помѣщенъ Человѣкъ: наше изгнаніе доставило ему это счастіе. Я соблазнилъ Человѣка; я хитростію заставилъ его отступить отъ его Творца, и, что еще болѣе удивитъ васъ, соблазнилъ его яблокомъ! Въ наказаніе за такое оскорбленіе (не достойно ли это смѣха!) ихъ Создатель и возлюбленнаго Своего Человѣка и весь міръ предалъ въ добычу Грѣху и Смерти. Значитъ, теперь все наше, и мы пріобрѣли все это безъ труда, безъ заботы и страха. Мы будемъ странствовать, жить въ томъ мірѣ и властвовать надъ Человѣкомъ, какъ бы онъ властвовалъ надъ всѣмъ. Правда, Онъ осудилъ и меня, или скорѣе не меня, а Змѣя, ту тварь, въ образѣ которой я обольстилъ человѣка. Что касается меня въ Его приговорѣ, — это вражда, которую Онъ положитъ между мною и человѣчествомъ: я сотру ему пяту, его же сѣмя (когда — не опредѣлено) сотретъ мою голову. Кто бы не согласился пріобрѣсти міръ цѣною такой раны, или даже болѣе тяжкихъ страданій? Я далъ вамъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Что же остается дѣлать вамъ, боги? возстаньте, вступайте скорѣе въ обитель блаженства.»

Произнеся эту рѣчь, онъ на минуту останавливается въ ожиданіи всеобщихъ криковъ восторга и грома рукоплесканій, лестныхъ для слуха, какъ вдругъ, наоборотъ, слышитъ со всѣхъ сторонъ зловѣщій свистъ безчисленныхъ языковъ, выраженіе общественнаго презрѣнія. Онъ пораженъ, но, не имѣя времени прійти въ себя, еще болѣе поражается собственной перемѣной: онъ чувствуетъ, что лицо его заостряется и съеживается, руки вжимаются въ ребра, ноги переплетаются, сливаясь вмѣстѣ, и вдругъ, онъ падаетъ ницъ, превратясь въ чудовищнаго змѣя, ползающаго на чревѣ. Онъ борется, но тщетно; болѣе высокая Сила побѣждаетъ его, исполняя назначенную ему кару — пресмыкаться въ томъ образѣ, какой онъ избралъ для совершенія преступленія. Онъ хочетъ говорить, но раздвоенный языкъ отвѣчаетъ шипѣніемъ на шипѣніе другихъ такихъ же языковъ. Всѣ пре-

That jealous of their secrets fiercely opposed
My journey strange, with clamorous uproar
Protesting Fate supreme; thence how I found
The new-created world, which fame in Heav'n
Long had foretold, a fabric wonderful,
Of absolute perfection, therein Man
Placed in a Paradise, by our exile
Made happy. Him by fraud I have seduced
From his Creator, and the more to increase
Your wonder, with an apple! He thereat
Offended (worth your laughter) hath given up
Both his beloved Man and all his world,
To Sin and Death a prey, and so to us,
Without our hazard, labour, or alarm,
To range in, and to dwell, and over Man
To rule, as over all he should have ruled.
True is, me also he hath judged, or rather
Me not, but the brute Serpent, in whose shape
Man I deceived. That which to me belongs
Is enmity, which he will put between
Me and mankind: I am to bruise his heel;
His seed (when is not set) shall bruise my head.
A world who would not purchase with a bruise,
Or much more grievous pain? Ye have th' account
Of my performance: What remains, ye Gods,
But up and enter now into full bliss?
So having said, a while he stood, expecting
Their universal shout and high applause
To fill his ear; when, contrary, he hears
On all sides, from innumerable tongues
A dismal universal hiss, the sound
Of public scorn. He wonder'd, but not long
Had leisure, wond'ring at himself now more:
His visage drawn he felt to sharp and spare,
His arms clung to his ribs, his legs intwining
Each other, till supplanted down he fell
A monstrous serpent on his belly prone,
Reluctant, but in vain; a greater Pow'r
Now ruled him, punish'd in the shape he sinn'd,
According to his doom. He would have spoke,
But hiss for hiss return'd with forked tongue
To forked tongue; for now were all transform'd

терпѣли одинаковое превращеніе: всѣ участники его дерзкаго бунта обратились въ змѣевъ. Ужасными звуками, пронзительнымъ шипѣніемъ наполнился чертогъ; густо кишатъ въ немъ разнообразно сложенныя чудовища: головою и хвостомъ они вмѣстѣ и Скорпіоны и Аспиды, страшныя Амфисбены, рогатые Керасты, Гидры, злые Эллопы, Дипсады[156]. Не такъ густо кишѣли нѣкогда гады на землѣ, обагренной кровію Горгоны, на островѣ Офіузѣ.

Среди нихъ Сатана и теперь возвышался надъ всѣми въ видѣ Дракона. Онъ былъ громаднѣе чудовищнаго Пифона[157], рожденнаго солнцемъ изъ ила въ Пифійскихъ долинахъ, и повидимому сохранилъ всю прежнюю власть надъ своими подданными. Всѣ слѣдуютъ за нимъ въ открытое поле, гдѣ остальныя сонмища мятежниковъ, сверженныхъ съ Неба, выстроясь рядами, стояли въ торжественномъ ожиданіи побѣдоноснаго шествія ихъ вождя, покрытаго славой. И вдругъ они видятъ—о, какое противуположное зрѣлище!.. они видятъ скопище отвратительныхъ гадовъ. Ужасъ объялъ ихъ и ужасающее сочувствіе: они ощущаютъ, что сами превращаются въ то, что было передъ ихъ глазами. Падаетъ ихъ оружіе, падаютъ копья и щиты, наконецъ, быстро падаютъ они сами, и снова раздается ужасное шипѣніе; отвратительный видъ сообщается всѣмъ, подобно заразѣ; всѣ раздѣляютъ одинаковую кару, какъ раздѣляли преступленіе. Такъ, ожидаемыя рукоплесканія превращаются въ злобное шипѣніе, торжество въ посрамленіе, которое извергаютъ на нихъ собственныя ихъ уста.

По волѣ Всевышняго, для увеличенія ихъ наказанія, въ минуту этого превращенія выросла неподалеку роща; деревья въ ней были обременены прекрасными плодами, похожими на тотъ райскій плодъ, которымъ Искуситель соблазнилъ Еву. Они жадно устремляютъ взоры на это чудо, воображая, что вмѣсто одного запрещеннаго дерева выросло теперь множество, чтобы причинить имъ еще больше стыда и терзаній. Но, мучимые жгучею жаждою и нестерпимымъ голодомъ, наведеннымъ на нихъ для соблазна, они не могутъ воздержаться, толпами бросаются къ деревьямъ и обвиваются вокругъ нихъ гуще змѣиныхъ колецъ, обвивавшихъ голову

Alike; to serpents all as accessories
To his bold riot. Dreadful was the din
Of hissing through the hall, thick swarming now
With complicated monsters, head and tail,
Scorpion, and Asp, and Amphisbaena dire,
Cerastes horn'd, Hydrus, and Elops drear,
And Dipsas (not so thick swarm'd once the soil
Bedropt with blood of Gorgon, or the isle
Ophiusa); but still greatest he the midst,
Now Dragon grown, larger than whom the sun
Engender'd in the Pythian vale on slime,
Huge Python, and his pow'r no less he seem'd
Above the rest still to retain. They all
Him follow'd, issuing forth to th' open field,
Where all yet left of that revolted rout
Heav'n-fall'n, in station stood or just array,
Sublime with expectation when to see
In triumph issuing forth their glorious chief:
They saw, but other sight instead, a crowd
Of ugly serpents. Horror on them fell,
And horrid sympathy; for what they saw,
They felt themselves now changing. Down their arms,
Down fell both spear and shield, down they as fast,
And the dire hiss renew'd, and the dire form
Catch'd by contagion, like in punishment,
As in their crime. Thus was th' applause they meant
Turn'd to exploding hiss, triumph to shame,
Cast on themselves from their own mouths. There stood
A grove hard by, sprung up with this their change,
His will who reigns above, to aggravate
Their penance, laden with fair fruit, like that
Which grew in Paradise, the bait of Eve
Used by the Tempter. On that prospect strange
Their earnest eyes they fix'd, imagining
For one forbidden tree a multitude
Now risen, to work them further woe or shame;
Yet parch'd with scalding thirst and hunger fierce,
Though to delude them sent, could not abstain,
But on they roll'd in heaps, and up the trees
Climbing, sat thicker than the snaky locks

Ужасными звуками, пронзительнымъ шипѣніемъ наполнился чертогъ.

Пѣснь 10, стр. 216.

. . . . Dreadful was the din
Of hissing through the hall . . . .

G. Doré

Мегеры. Жадно срываютъ они плоды, прекрасные на видъ, подобные тѣмъ, что красовались на берегу того смоляного озера, гдѣ пылалъ Содомъ. Но этотъ адскій плодъ, еще болѣе обманчивый, обманывалъ не осязаніе, а вкусъ. Они думаютъ утолить имъ голодъ, но вмѣсто вкуснаго плода ощущаютъ въ челюстяхъ горькій пепелъ, и выплевываютъ его съ отвращеніемъ. Нѣсколько разъ повторяли они попытку: такъ нестерпимы были голодъ и жажда; но всякій разъ ѣдкая горечь искривляла ихъ челюсти, наполненныя золою и пепломъ. И такъ они неоднократно поддавались обольщенію,—не одинъ разъ, какъ Человѣкъ, надъ которымъ они торжествовали. И долго терзалъ ихъ голодъ и ненавистное шипѣніе, пока, наконецъ, не было имъ дозволено принять прежній, утраченный образъ. Каждый годъ, какъ говорятъ, въ теченіе извѣстнаго числа дней они обречены на такое унизительное превращеніе въ наказаніе за ихъ гордость и радость въ то время, когда былъ соблазненъ Человѣкъ. Однако, имъ удалось распространить между язычниками преданіе, будто Змѣй, котораго они называли Офіономъ [158], вмѣстѣ съ Эвриномою, можетъ быть весьма близкою Евѣ, первый правилъ высокимъ Олимпомъ, откуда былъ изгнанъ Сатурномъ и Опсой [159] еще до рожденія Диктейскаго Зевса.

Между тѣмъ, адская чета прибыла въ Рай, и, увы! прибыла слишкомъ скоро. Грѣхъ, сначала дѣйствуя тамъ своей силой, теперь являлся лично, чтобы навсегда поселиться на землѣ. Позади его, слѣдуя за нимъ шагъ за шагомъ, шла Смерть. Тогда она еще не сидѣла на своемъ блѣдномъ конѣ [160].

Грѣхъ обращается къ ней съ такими словами:

«Ты, второй отпрыскъ Сатаны, всепобѣждающая Смерть, что думаешь ты теперь о нашемъ царствѣ? Не безъ труда досталось оно намъ, но не лучше ли было предпринять это трудное путешествіе, чѣмъ сидѣть стражами у мрачнаго порога Ада, безъ имени, безъ могущества, гдѣ ты изсыхала отъ голода?»

Чудовище, порожденіе грѣха, отвѣчало: «Для меня, снѣдаемой вѣчнымъ голодомъ, всѣ мѣста равны, и Адъ, и Рай, и Небо; мнѣ всего лучше тамъ, гдѣ я найду больше добычи. Много ея здѣсь, но мнѣ все кажется

That curl'd Magaera. Greedily they pluck'd
The fruitage, fair to sight, like that which grew
Near that bituminous lake where Sodom flamed;
This more delusive, not the touch, but taste
Deceived: they fondly thinking to allay
Their appetite with gust, instead of fruit
Chew'd bitter ashes; which th' offended taste
With spatt'ring noise rejected. Oft they assay'd,
Hunger and thirst constraining, drugg'd as oft
With hatefullest disrelish, writhed their jaws
With soot and cinders fill'd; so oft they fell
Into the same illusion, not as Man
Whom they triumph'd once lapsed. Thus were they plagued
And worn with famin, long and ceaseless hiss,
Till their lost shape, permitted, they resumed;
Yearly enjoin'd, some say, to undergo
This annual humbling certain number'd days,
To dash their pride, and joy for Man seduced.
However, some tradition they dispersed
Among the Heathen of their purchase got,
And fabled how the Serpent, whom thy call'd
Ophion with Eurynome, the wide
Encroaching Eve perhaps, had first the rule
Of high Olympus, thence by Saturn driv'n
And Ops, ere yet Dictaen Jove was born.
Meanwhile, in Paradise the hellish pair
Too soon arrived, Sin there in Pow'r before,
Once actual, now in body, and to dwell
Habitual habitant; behind her Death
Close following, pace for pace, not mounted yet
On his pale horse: to whom Sin thus began:
Second of Satan sprung, all-conqu'ring Death,
What think'st thou of our empire now, tho' earn'd
With travel difficult? Not better far
Than still at Hell's dark threshold to have sat watch,
Unnamed, undreaded, and thyself half starved?
Whom thus the Sin-born monster answer'd soon:
To me, who with eternal famine pine,
Alike is Hell, or Paradise, or Heaven;
There best, where most with ravin I may meet;

недостаточнымъ, чтобы насытить это громадное тѣло, это пространное, ненасытное чрево.»

Чудовищный родитель отвѣчаетъ на это: «Пожирай пока травы, плоды, цвѣты; потомъ животныхъ, рыбъ, птицъ: это недурные кусочки. Ничего не щади, пожирай все, что скоситъ своей косою Время, пока я не поселюсь въ человѣкѣ и его родѣ; тогда я все заражу въ немъ, всѣ его мысли, взгляды, слова, поступки, и приготовлю его для тебя: это будетъ твоя послѣдняя и самая сладкая добыча.»

Послѣ этихъ словъ они разстаются и идутъ разными путями; у обоихъ одна цѣль: губить, лишать жизни все живое и постепенно подготовлять все къ разрушенію, неизбѣжному рано или поздно. Всемогущій видѣлъ это съ высоты Своего престола, окруженнаго Святыми, и такъ вѣщалъ небеснымъ чинамъ:

«Смотрите, съ какимъ бѣшенствомъ стремятся эти адскіе псы опустошать міръ, который Я создалъ такимъ прекраснымъ, такимъ совершеннымъ, который и понынѣ оставался бы въ такомъ состояніи, если бы безуміе Человѣка не открыло къ нему доступа этимъ свирѣпымъ разрушителямъ. И они дерзаютъ Мнѣ приписывать безуміе! Такъ мнитъ князь Ада съ своими приверженцами. Потому, что Я допустилъ ихъ проникнуть въ такое божественное мѣсто и такъ легко овладѣть имъ, они думаютъ, что въ безумномъ ослѣпленіи Я дѣйствую въ пользу Своихъ злобныхъ враговъ. Они издѣваются надо Мною, воображая, что въ порывѣ гнѣва Я отдалъ міръ въ жертву ихъ необузданной ярости. Они не вѣдаютъ, что Я призвалъ ихъ туда для того, чтобы они, адскіе псы, стерли своимъ языкомъ всю мерзость, всю грязь, которыми человѣческій грѣхъ осквернилъ все что было чисто, пока, наконецъ, сами, отравясь этимъ ядомъ, пресытясь ужасными яствами, Грѣхъ, Смерть и зіяющая Могила, отъ одного удара Твоей побѣдоносной руки, о возлюбленный Сынъ Мой, съ воплемъ низринутся въ бездну Хаоса: адская пасть, поглотивъ ихъ, закроется, на вѣкъ сомкнувъ свои прожорливыя челюсти [161]. Тогда возобновленныя Небеса и Земля очистятся; никакое пятно не омрачитъ болѣе ихъ святыни. До тѣхъ поръ не снимется произнесенное надъ ними проклятіе.»

Which here, tho' plenteous, all too little seems
To stuff this maw, this vast unhide-bound corpse.
To whom the incestuous mother thus reply'd:
Thou therefore on these herbs, and fruits, and flow'rs,
Feed first, on each beast next, and fish, and fowl,
No homely morsels; and whatever thing
The scythe of Time mows down, devour unspared;
Till I in Man, residing through the race,
His thoughts, his looks, words, actions, all infect,
And season him thy last and sweetest prey.
This said, they both betook them sev'ral ways,
Both to destroy or unimmortal make
All kinds, and for destruction to mature
Sooner or later; which th' Almighty seeing,
From his transcendent seat the Saints among,
To those bright Orders utter'd thus his voice:
See with what heat these dogs of Hell advance
To waste and havoc yonder world, which I
So fair and good created, and had still
Kept in that state, had not the folly of Man
Let in these wasteful furies, who impute
Folly to me! So doth the prince of Hell
And his adherents, that with so much ease
I suffer them to enter and possess
A place so heav'nly, and conniving seem
To gratify my scornful enemies,
That laugh as if, transported with some fit
Of passion, I to them had quitted all,
At random yielded up to their misrule,
And know not that I call'd and drew them thither,
My Hell-hounds, to lick up the draff and filth
Which Man's polluting sin with taint hath shed
On what was pure, till cramm'd and gorged, nigh burst
With suck'd and glutted offal, at one sling
Of thy victorious arm, well-pleasing Son,
Both Sin, and Death, and yawning Grave at last
Thro' Chaos hurl'd, obstruct the mouth of Hell
For ever, and seal up his ravenous jaws.
Then Heav'n and Earth renew'd, shall be made pure
To sanctity, that shall receive no stain:
Till then, the curse pronounced on both precedes.

Они разстаются и идутъ разными путями.

Пѣснь 10, стр. 218.

This said, they both betook them sev'ral ways.

G. Doré
Jonnard

Онъ кончилъ, и среди небеснаго собранія, подобно шуму океана, пронеслось громкое «Аллилуія». Безчисленные хоры пѣли: «Правы Твои пути, святы Твои рѣшенія. Кто можетъ помрачить Твою славу!» Потомъ они воспѣли Сына, будущаго Избавителя человѣчества, Который сойдетъ съ Небесъ и въ теченіе вѣковъ воздвигнетъ новое Небо и новую Землю.

Такъ пѣли они. Между тѣмъ, Создатель призываетъ по именамъ Своихъ могучихъ Ангеловъ и даетъ имъ важныя велѣнія, согласно настоящему состоянію міра. Во-первыхъ, Онъ повелѣваетъ имъ перемѣнить теченіе солнца такъ, чтобы на землѣ былъ то почти нестерпимый жаръ, то такой же холодъ. Съ сѣвера велитъ имъ призвать дряхлую зиму, съ юга жгучій зной лѣта. Блѣдной лунѣ Онъ также предписалъ ея службу, пяти планетамъ ихъ движеніе и зловѣщія сочетанія [162],—шестиричныя, квадратныя, тройныя. Неподвижнымъ звѣздамъ назначилъ время, когда онѣ должны изливать свое пагубное вліяніе и вызывать бури, восходя или заходя съ солнцемъ. Вѣтры поставлены были по ихъ угламъ [163], и узнали, когда своею яростію терзать воздухъ, моря и землю, а громъ, когда въ мракѣ воздушныхъ чертоговъ должны гремѣть его грозные раскаты.

Одни говорятъ, что эти Ангелы получили повелѣніе отклонить земные полюсы на дважды десять степеней, и даже болѣе, отъ солнечной оси, и что они съ большимъ усиліемъ сдвинули вкось земной шаръ, центръ вселенной. Другіе утверждаютъ, что солнцу было повелѣно на такое же разстояніе своротить свой путь отъ равноденственнаго пути и восходить черезъ Тельца съ семью сестрами Атлантидами и Спартанскими Близнецами до тропика Рака; оттуда нисходить черезъ Льва, Дѣву и Вѣсы къ Козерогу, чтобы каждому поясу приносить перемѣну временъ года. Иначе, круглый годъ зеленѣющая и цвѣтущая земля сіяла бы улыбкою вѣчной весны; день былъ бы равенъ ночи вездѣ, кромѣ странъ за полярными кругами; ихъ жителямъ свѣтилъ бы безночный день, между тѣмъ какъ низко стоящее солнце, въ вознагражденіе за свою даль, все ходило бы вокругъ ихъ горизонта: востокъ и западъ были бы имъ невѣдомы; не знали бы вѣчныхъ снѣговъ холодная Гренландія и полуденныя земли за Магелланомъ, равно отдаленныя отъ экватора.

He ended, and the heav'nly audience loud
Sung Halleluiah, as the sound of seas,
Through multitude that sung: Just are thy ways,
Righteous are thy decrees on all thy works;
Who can extenuate thee! Next, to the Son,
Destined Restorer of mankind, by whom
New Heav'n and Earth shall to the ages rise,
Or down from Heav'n descend. Such was their song,
While the Creator, calling forth by name
His mighty Angels, gave them several charge,
As sorted best with present things. The sun
Had first his precept so to move, so shine,
As might affect the earth with cold and heat
Scarce tolerable; and from the north to call
Decrepit winter; from the south to bring
Solstitial summer's heat. To the blank moon
Her office they prescribed; to th' other five
Their planetary motions and aspect
In sextile, square, and trine, and opposite
Of noxious efficacy, and when to join
In synod unbenign: and taught the fix'd
Their influence malignant when to show'r
Which of them rising with the sun, or falling,
Should prove tempestuous; to the winds they set
Their corners, when with bluster to confound
Sea, air, and shore, the thunder when to roll
With terror through the dark aereal hall.
Some say, he bid his Angels turn askance
The poles of earth twice ten degrees and more
From the sun's axle; they with labour push'd
Oblique the centric globe. Some say, the sun
Was bid turn reins from th' equinoctial road
Like distant breadth to Taurus with the seven
Atlantic Sisters, and the Spartan Twins
Up to the Tropic Crab; thence down amain
By Leo, and the Virgin, and the Scales,
As deep as Capricorn, to bring in change
Of seasons to each clime; else had the spring
Perpetual smiled on earth with verdant flow'rs
Equal in days and nights, except to those
Beyond the polar circles; to them day
Had unbenighted shone, while the low sun,
To recompense his distance, in their sight
Had rounded still th' horizon, and not known
Or east or west, which had forbid the snow
From cold Estotiland, and south as far

Въ минуту, когда былъ вкушенъ плодъ, Солнце совратило съ своего пути, какъ при видѣ пира Ѳіеста [164]. Иначе, до совершенія грѣха, развѣ земля не была бы подвержена, такъ же какъ теперь, перемѣнамъ то рѣзкаго холода, то удушающаго жара? Эти перемѣны въ Небесахъ, хотя медленныя, произвели подобныя же перемѣны на землѣ и моряхъ. Подъ вліяніемъ свѣтилъ воздухъ заразился парами, туманами, горячимъ дыханіемъ тлетворныхъ испареній. Съ сѣвера Норумбегіи [165] и Самоѣдскихъ береговъ, расторгнувъ свои мѣдныя темницы, понеслись Бореи и Цецiасы, шумныя Аргесты и Тресціасы [166]; вооруженные льдами, градомъ, снѣгами, ураганами, они потрясаютъ лѣса и волнуютъ океаны. Съ противуположнаго юга, стремятся на нихъ изъ Сьера-Леоне, Нотъ и черный Аферъ, гоня передъ собою громовыя тучи. Ихъ пересѣкаютъ съ востока и запада, такіе же яростные Эвръ и Зефиръ, бушующіе вмѣстѣ съ своими спутниками Сирокко и Либекіей. Такъ, неистовство природы началось съ неодушевленнаго царства; потомъ Раздоръ, дѣтище Грѣха, первый ввелъ смерть среди безсловесныхъ: между ними возгорается дикая ненависть: звѣрь возстаетъ войною на звѣря, птицы воюютъ съ птицами, рыбы съ рыбами, — всѣ оставляютъ зеленыя пастбища и пожираютъ другъ друга. Человѣкъ не внушалъ имъ болѣе уваженія и страха; они бѣжали отъ него, или мрачно слѣдили за нимъ сверкающимъ взоромъ, когда онъ проходилъ мимо.

Такъ начались все возраставшія внѣшнія бѣдствія. Адамъ уже замѣтилъ ихъ отчасти, хотя, предаваясь печали, скрывался въ самой глухой тѣни; но то, что онъ чувствовалъ внутри себя, было хуже; поверженный въ бурный океанъ страстей, онъ ищетъ облегченія въ печальныхъ жалобахъ:

«О, какое страданіе, послѣ такого блаженства! Неужели насталъ конецъ этого только что созданнаго, великолѣпнаго міра! И я, такъ недавно бывшій вѣнцомъ его славы, я, наслаждавшійся блаженствомъ и проклятый теперь, долженъ скрываться отъ лица Бога, лицезрѣніе Котораго было для меня высшимъ счастіемъ! Но, пусть такъ, если бы этимъ кончалось злополучіе: я заслужилъ его и перенесъ бы то, что принадлежитъ

Beneath Magellan. At that tasted fruit
The sun, as from Thyéstean banquet, turn'd
His course intended; else how had the world
Inhabited, though sinless, more than now,
Avoided pinching cold and scorching heat?
These changes in the Heav'ns, tho' slow, produced
Like change on sea and land; sideral blast,
Vapour and mist, and exhalation hot,
Corrupt and pestilent: now from the north
Of Norumbega and the Samoed shore,
Bursting their brazen dungeon, arm'd with ice,
And snow, and hail, and stormy gust, and flaw,
Boreas, and Caecias, and Argestes loud,
And Thrascias, rend the woods, and seas upturn;
With adverse blast upturns them from the south
Notus and Afer black, with thund'rous clouds
From Serraliona. Thwart of these as fierce
Forth rush the Levant and the Ponent winds,
Eurus and Zephyr, with their lateral noise,
Sirocco and Libecchio. Thus began
Outrage from lifeless things; but Discord, first,
Daughter of Sin, among th' irrational,
Death introduced, through fierce antipathy.
Beast now with beast'gan war, and fowl with fowl,
And fish with fish; to graze the herb all leaving,
Devour'd each other; nor stood much in awe
Of man, but fled him, or with count'nance grim
Glared on him passing. These were from without
The growing miseries, which Adaw saw
Already in part, though hid in gloomiest shade,
To sorrow abandon'd, but worse felt within;
And in a troubled sea of passion tost,
Thus to disburden sought with sad complaint:
O miserable of happy! Is this the end
Of this new glorious world, and me so late
The glory of that glory, who now, become
Accursed of blessed, hide me from the face
Of God, whom to behold was then my height
Of happiness? Yet well, if here would end
The misery. I deserved it, and would bear

мнѣ по заслугамъ. Но этого не довольно: все, что я буду ѣсть или пить, все, что произойдетъ отъ меня, есть размноженіе проклятія! О, слова, которымъ я нѣкогда внималъ съ восторгомъ: «Плодитесь и множитесь!» слышать ихъ теперь было бы смертію! Что я могу плодить и размножать, кромѣ проклятій на свою голову! Кто изъ тѣхъ, на комъ въ теченіе грядущихъ вѣковъ отразится зло, причиненное мною, не обратитъ проклятія на мою голову? Мои потомки воскликнутъ: «Будь проклятъ, нечестивый предокъ! Тебѣ, Адамъ, обязаны мы этой печальной жизнію!» Да, проклятіе будетъ ихъ благодарностію! Такъ, кромѣ проклятія, которое уже лежитъ на мнѣ, проклятія всего потомства сольются во мнѣ, какъ въ своемъ естественномъ центрѣ, и хотя будутъ на мѣстѣ, но будутъ удручать меня своею тягостію. О, мимолетныя радости Эдема, дорого заплачу я за васъ вѣчнымъ горемъ!

«Но изъ моей глины, развѣ я просилъ Тебя, Творецъ, сотворить меня человѣкомъ? молилъ ли я извлечь меня изъ мрака и помѣстить въ этомъ прекрасномъ саду? Такъ какъ моя воля не участвовала въ моемъ бытіи, то вполнѣ правосудно и справедливо было бы снова обратить меня въ мой прахъ. Я готовъ покориться и возвратить все, что было мнѣ дано, сознавая себя неспособнымъ выполнить Твоихъ слишкомъ тяжелыхъ условій, наложенныхъ на меня для сохраненія блага, котораго я не искалъ. Развѣ потеря его не есть уже достаточная кара? Зачѣмъ же прибавляешь Ты къ этому еще чувство безконечной скорби! Непостижимо для меня Твое правосудіе! Но, сознаюсь, теперь поздно сѣтовать: я долженъ былъ отказаться отъ тѣхъ условій тогда, когда они были предложены. Ты принялъ ихъ! Такъ ты хотѣлъ пользоваться благомъ, а потомъ осуждать условія? Богъ создалъ тебя, говоришь ты, безъ твоего согласія? Но что, если бы твой сынъ, оказавшій тебѣ ослушаніе, на твой упрекъ возразилъ: «Зачѣмъ далъ ты мнѣ жизнь? Я не искалъ ея.» Ты допустилъ бы такое дерзкое оправданіе? допустилъ бы такое презрѣніе къ себѣ? — Однако, онъ былъ бы рожденъ не по твоему желанію, но по необходимому закону природы. Тебя же Богъ сотворилъ по собственному Своему выбору; Онъ избралъ тебя для служенія Себѣ: твоя награда была мило-

My own deservings; but this will not serve;
All that I eat or drink, or shall beget,
Is propagated curse! O voice once heard
Delightfully, 'Increase and multiply',
Now death to hear! For what can I increase
Or multiply, but curses on my head!
Who, of all ages to succeed, but feeling
The evil on him brought by me, will curse
My head! Ill fare our ancestor impure!
For this we may thank Adam! but his thanks
Shall be the execration! So besides
Mine own that bide upon me, all from me
Shall with a fierce reflux on me redound;
On me, as on their natural centre, light
Heavy, though in their place. O fleeting joys
Of Paradise, dear, bought with lasting woes!
Did I request thee, Maker, from my clay
To mould me man? Did I solicit thee
From darkness to promote me, or here place
In this delicious garden? As my will
Concurr'd not to my being, it were but right
And equal to reduce me to my dust;
Desirous to resign and render back
All I received, unable to perform
Thy terms too hard, by which I was to hold
The good I sought not. To the loss of that,
Sufficient penalty, why hast thou added
The sense of endless woes! Inexplicable
Thy justice seems; yet, to say truth, too late
I thus contest: then should have been refused
Those terms whatever, when they were proposed.
Thou didst accept them. Wilt thou enjoy the good,
Then cavil the conditions? And though God
Made thee without thy leave, what if thy son
Prove disobedient, and reproved, retort,
Wherefore didst thou beget me? I sought it not.
Wouldst thou admit for his contempt of thee
That proud excuse? yet him not thy election,
But natural necessity begot.
God made thee of choice his own, and of his own
To serve him: thy reward was of his grace;

стію съ Его стороны, значитъ, по всей справедливости, и наказаніе твое состоитъ въ Его волѣ! Да будетъ такъ! Я покоряюсь; приговоръ Его справедливъ: я прахъ и возвращусь къ праху. О, желанная минута, приди скорѣе! Зачѣмъ медлитъ Его рука исполнить приговоръ, назначавшій кару въ самый день преступленія? Зачѣмъ пережилъ я его? Зачѣмъ эта насмѣшка надо мною: обѣщать смерть и между тѣмъ длить жизнь для безконечныхъ терзаній? О, какъ радостно встрѣтилъ бы я смерть, къ которой приговоренъ, и снова обратился въ безчувственную землю! Съ какой радостью легъ бы я въ лоно моей матери! Тамъ я нашелъ бы покой и уснулъ бы безмятежнымъ сномъ. Страшный голосъ Божій не гремѣлъ бы въ моихъ ушахъ, подобно грому! Не терзался бы я мучительнымъ ожиданіемъ въ вѣчномъ страхѣ еще худшихъ бѣдствій для меня и моихъ потомковъ!

«Однако, меня неотступно преслѣдуетъ одно сомнѣніе: что, если я не умру весь? что, если это чистое дыханіе жизни, эта душа, которую Богъ вдохнулъ въ Человѣка, не можетъ разрушиться вмѣстѣ съ этимъ тѣлеснымъ комомъ! Тогда, въ могилѣ или другомъ ужасномъ мѣстѣ, кто вѣдаетъ, — я буду обреченъ на живую смерть! О ужасная мысль, если это справедливо! Но нѣтъ! Что же согрѣшило, какъ не самый этотъ жизненный духъ во мнѣ? Что же можетъ умереть какъ не то, что имѣетъ жизнь, что совершило грѣхъ? Тѣло, собственно, не имѣетъ жизни, не грѣшитъ. Значитъ, я весь умру. Пусть эта мысль успокоитъ мои сомнѣнія: далѣе человѣческій разумъ не можетъ ничего постигнуть.

«Но если Господь безконеченъ, развѣ отъ того безконеченъ и Его гнѣвъ? Пусть такъ! но вѣдь Человѣкъ есть существо конечное, онъ осужденъ на смерть. Какъ же можетъ Богъ преслѣдовать вѣчнымъ гнѣвомъ Человѣка, когда смерть должна прекратить его существованіе? Можетъ ли смертное быть безсмертнымъ? Какое странное противорѣчіе, невозможное даже для Самого Бога; оно обличало бы въ Немъ скорѣе безсиліе, чѣмъ могущество. Неужели, ради Своего гнѣва, въ караемомъ человѣкѣ конечное Онъ сдѣлаетъ безконечнымъ, для удовлетворенія Своей жестокости, ничѣмъ неудовлетворимой? Но это значило бы простирать кару за пре-

Thy punishment then, justly, is at his will.
Be it so, for I submit: his doom is fair,
That dust I am, and shall to dust return.
O welcome hour whenever! Why delays
His hand to execute what his decree
Fix'd on this day? Why do I overlive,
Why am I mock'd with death, and lengthen'd out
To deathless pain? How gladly would I meet
Mortality, my sentence, and be earth
Insensible! How glad would lay me down,
As in my mother's lap! There I should rest,
And sleep secure; his dreadful voice no more
Would thunder in my ears! No fear of worse
To me and to my offspring would torment me
With cruel expectation! Yet one doubt
Pursues me still, lest all I cannot die;
Lest that pure breath of life, the spirit of Man
Which God inspired, cannot together perish
With this corporeal clod! then in the grave,
Or in some other dismal place, who knows,
But I shall die a living death! O thought
Horrid, if true! Yet why? It was but breath
Of life that sinn'd. What dies but what had life
And sin? the body, properly, hath neither.
All of me then shall die. Let this appease
The doubt, since human reach no further knows;
For though the Lord of all be infinite,
Is his wrath also? Be it, Man is not so,
But mortal doom'd. How can he exercise
Wrath without end on Man whom death must end?
Can he make deathless death? That were to make
Strange contradiction, which to God himself
Impossible is held; as argument
Of weakness, not of pow'r. Will he draw out,
For anger's sake, finite to infinite
In punish'd Man, to satisfy his rigour,
Satisfy'd never? That were to extend
His sentence beyond dust and Nature's law,

дѣлы бреннаго праха и закона Природы, по которому всѣ причины постоянно дѣйствуютъ согласно съ матеріей, имъ нѣтъ распространенія внѣ ихъ сферы. Но что если смерть не лишитъ чувствъ однимъ ударомъ, какъ я предполагаю, что если съ ней соединены, съ этого самаго дня, вѣчныя муки, которыя я и теперь чувствую въ глубинѣ души во всемъ окружающемъ, и такъ буду мучиться до безконечности! О, горе мнѣ! Эта ужасная мысль, безпрестанно возвращаясь, подобно грознымъ ударамъ грома, поражаетъ мою беззащитную голову!

«Итакъ, Смерть и я, мы вѣчны, нераздѣльны! Но это не одна моя доля: во мнѣ проклято все мое потомство! Прекрасное наслѣдство завѣщано вамъ мною, Сыны мои! О, если бы я могъ расточить его самъ, чтобы вамъ ничего не оставалось послѣ меня! Лишенные его, какъ бы благословляли вы того, на кого падутъ теперь ваши проклятія! О, неужели за грѣхъ одного человѣка должно быть невинно осуждено все человѣчество? Да и будетъ ли оно невинно? Все что произойдетъ отъ меня будетъ растлѣно духомъ и волею, не только способной, но по природѣ расположенной ко злу! Какъ же могутъ они быть оправданы передъ лицомъ Господнимъ? И однако, послѣ всѣхъ этихъ сомнѣній, я отдаю Ему справедливость. Всѣ мои разсужденія тщетны, всѣ ложныя доказательства приводятъ меня все къ одной и той же постоянной мысли. Первый и послѣдній я виною всему, я единственно; на меня одного, какъ на корень и происхожденіе всѣхъ золъ, должно пасть обвиненіе! О, если бы на меня одного палъ и Его гнѣвъ. Безумное желаніе! Въ силахъ ли ты снести это бремя, хотя и раздѣленное съ твоей виновной женою, это бремя, которое превосходитъ тяжестію всю землю, всю вселенную! Итакъ, ни въ твоихъ сомнѣніяхъ, ни въ твоихъ желаніяхъ, нѣтъ тебѣ никакого прибѣжища, никакой надежды; ты видишь, что несчастнѣе тебя не было и не будетъ никого въ мірѣ: съ однимъ Сатаною равняешься ты въ преступленіи; одинакова и ваша участь. О, Совѣсть! въ какую бездну ужаса и терзаній повергла ты меня! Я не вижу исхода, и только падаю глубже и глубже!»

Такъ Адамъ громко стеналъ въ тишинѣ ночи, но не той свѣжей, ясной,

By which all causes else, according still
To the reception of their matter, act;
Not to th' extent of their own sphere. But say
That death be not one stroke, as I supposed,
Bereaving sense, but endless misery
From this day onward, which I feel begun
Both in me and without me, and so last
To perpetuity! Ah me! that fear
Comes thund'ring back with dreadful revolution
On my defenceless head! Both Death and I
Am found eternal, and incorporate both!
Nor I on my part single; in me all
Posterity stands cursed: Fair Patrimony
That I must leave ye, Sons! O were I able
To waste it all myself, and leave ye none!
So disinherited, how would ye bless
Me, now your curse! Ah, why should all mankind
For one man's fault thus guiltless be condemn'd,
If guiltless? But from me what can proceed
But all corrupt, both mind and will depraved;
Not to do only, but to will the same
With me! How can they then acquitted stand
n sight of God? Him, after all disputes
Forced, I absolve. All my evasions vain,
And reasonings, tho' through mazes, lead me still
But to my own conviction. First and last
On me, me only, as the source and spring
Of all corruption, all the blame lights due:
So might the wrath. Fond wish! couldst thou support
That burden, heavier than the earth to bear,
Than all the world much heavier, though divided
With that bad Woman! Thus, what thou desirest
And what thou fear'st, alike destroys all hope
Or refuge, and concludes thee miserable
Beyond all past example and future:
To Satan only like, both crime and doom.
O Conscience! into what abyss of fears
And horrors hast thou driven me! out of which
I find no way! from deep to deeper plunged!
Thus Adam to himself lamented loud
Through the still night, not now, as ere Man fell,

кроткой ночи, какою она была до паденія Человѣка; теперь воздухъ былъ полонъ густыхъ, вредныхъ паровъ и страшнаго мрака, въ которомъ преступная совѣсть видѣла тысячи ужасовъ. Онъ лежалъ распростертый на землѣ, на холодной землѣ; онъ проклиналъ свое рожденіе, обвинялъ Смерть за то, что она медлитъ казнію, когда она была опредѣлена въ самый день преступленія. «Зачѣмъ не приходишь ты, Смерть», взывалъ онъ, «зачѣмъ трижды желаннымъ ударомъ не избавишь меня отъ жизни? Неужели Правда измѣнитъ своему слову! Неужели божественное Правосудіе не поспѣшитъ быть правосуднымъ! Но Смерть не идетъ на мой зовъ; небесное Правосудіе не ускоряетъ своихъ медленныхъ шаговъ, не внемля ни мольбамъ, ни воплямъ! О, лѣса, о, источники, холмы, долины, рощи, не на такіе звуки откликались вы мнѣ когда-то изъ вашей тѣни, не такія пѣсни повторяло ваше эхо!»

Печальная Ева сидѣла въ отдаленіи, погруженная въ отчаяніе. Видя горесть Адама, она приближается къ нему, старается нѣжными словами успокоить въ немъ взволнованныя страсти, но онъ съ суровымъ взглядомъ отталкиваетъ ее:

«Прочь съ глазъ моихъ, ты, Змѣя!.. всего приличнѣе это имя тебѣ, вступившей въ союзъ съ этой тварью; сама ты столько же лукава и ненавистна, какъ она! Тебѣ недостаетъ только ея змѣинаго вида и цвѣта, чтобы, видя затаенный въ тебѣ обманъ, всѣ созданія остерегались тебя, чтобы эта небесная красота, прикрывающая собою адское вѣроломство, не завлекала ихъ въ свои сѣти. Я былъ бы на вѣки счастливъ безъ тебя, безъ твоей гордости, твоего пустого тщеславія, отвергнувшихъ мои предостереженія въ то время, когда мы были наименѣе безопасны. Ты съ презрѣніемъ отвѣчала на мое справедливое недовѣріе! Ты горѣла желаніемъ быть видимой, хотя бы самимъ Дьяволомъ, воображая своею прелестію восторжествовать и надъ нимъ. Однако, лишь только встрѣтилась со Змѣемъ, какъ онъ, потѣшаясь надъ тобою, обманулъ тебя, а ты меня. Я позволилъ тебѣ удалиться отъ себя, довѣряя тебѣ, считая тебя разумной, твердой, разсудительной, защищенной противъ всякихъ нападеній; я не могъ разгадать, что все въ тебѣ одинъ наружный блескъ, а не

Wholesome, and cool, and mild, but with black air
Accompany'd, with damps and dreadful gloom,
Which to his evil consience represented
All things with double terror. On the ground
Outstretch'd he lay, on the cold ground, and oft
Cursed his creation; Death as oft accused
Of tardy execution, since denounced
The day of his offence. Why comes not Death,
Said he, with one thrice-acceptable stroke,
To end me? Shall Truth fail to keep her word!
Justice divine not hasten to be just!
But Death comes not at call; Justice divine
Mends not her slowest pace for pray'rs or cries!
O woods, O fountains, hillocs, dales, and bow'rs,
With other echo, late I taught your shades
To answer, and resound far other song!
Whom thus afflicted, when sad Eve beheld,
Desolate where she sat, approaching nigh,
Soft words to his fierce passion she assay'd:
But her with stern regard he thus repell'd:

Out of my sight, thou Serpent! that name best
Befits thee with him leagued, thyself as false
And hateful! nothing wants, but that thy shape
Like his, and colour serpentine, may show
Thy inward fraud, to warn all creatures from thee
Henceforth, lest that too heav'nly form, pretended
To hellish falsehood, snare them. But for thee
I had persisted happy, had not thy pride
And wand'ring vanity, when least was safe,
Rejected my forewarning, and disdain'd
Not to be trusted, longing to be seen
Though by the Devil himself, him overweening
To o'er-reach, but with the Serpent meeting
Fool'd and beguiled, by him thou, I by thee,
To trust thee from my side, imagined wise,
Constant, mature, proof against all assaults,
And understood not all was but a show
Rather than solid virtue; all but a rib
Crooked by nature, bent, as now appears,

истинная добродѣтель, что ты не болѣе какъ ребро, искривленное отъ природы, и, какъ я теперь вижу, именно въ лѣвую сторону, откуда было взято. Лучше было бы оно выброшено тогда, если оно превышало должное число!

«О, зачѣмъ Богъ, Премудрый Создатель, населившій высочайшія Небеса Духами одного пола, завершилъ Свое твореніе этой новостью на землѣ, этимъ красивымъ порокомъ природы? Зачѣмъ Онъ сразу не наполнилъ міръ мужами, какъ Небо Ангелами, безъ женщинъ? зачѣмъ не придумалъ Онъ другого способа для размноженія человѣчества? Тогда не произошло бы этого несчастія и многихъ другихъ впослѣдствіи. Безчисленныя смуты будутъ на землѣ отъ женской хитрости и тѣснаго союза съ этимъ поломъ. Мужчина или никогда не найдетъ подруги по сердцу, а возьметъ такую, какую пошлетъ ему несчастіе или ошибка; которую бы онъ хотѣлъ болѣе всего, та рѣдко достанется ему отъ испорченности ея сердца: она, на его глазахъ, предпочтетъ ему менѣе достойнаго. Или, если она его полюбитъ, ей будутъ препятствовать родители; или, самый счастливый выборъ онъ сдѣлаетъ слишкомъ поздно, когда уже будетъ окованъ цѣпями брака съ женщиной, ненавистной ему или позорящей его имя. Отсюда безчисленныя несчастія отравятъ человѣческую жизнь и будутъ возмущать миръ домашняго очага.»

Адамъ ничего болѣе не сказалъ, и отвернулся отъ Евы; но это не оттолкнуло ее; обливаясь слезами, съ безпорядочно разсыпанными по плечамъ волосами, смиренно падаетъ она къ его ногамъ, обнимаетъ ихъ, умоляетъ о прощеніи. Она обращается къ нему съ такой мольбою:

«О, не покидай меня такъ, Адамъ! Небо свидѣтель, какой искренней любви и уваженія къ тебѣ полно мое сердце. Я неумышленно обманула тебя, сама, несчастная, поддавшись обману! У ногъ твоихъ, молю, не лишай меня того, чѣмъ я живу: твоихъ нѣжныхъ взглядовъ, твоей помощи, твоихъ совѣтовъ; въ этой тяжкой скорби они моя единственная сила, единственная опора. Покинутая тобою, куда я дѣнусь? что станется со мною? Пока мы живы,—можетъ быть намъ остается жить одинъ короткій часъ, не болѣе,—пусть будетъ между нами миръ! Какъ соединяетъ насъ одно злополучіе, такъ соединимся въ общей ненависти къ врагу, тому

More to the part sinister, from me drawn
Well if thrown out, as supernumerary
To my just number found. O why did God
Creator wise, that peopled highest Heav'n
With Spirits masculine, create at last
This novelty on earth, this fair defect
Of nature, and not fill the world at once
With men, as Angels, without feminine,
Or find some other way to generate
Mankind? This mischief had not then befall'n,
And more that shall befall, innumerable
Disturbances on earth, through female snares,
And straight conjunction with this sex: for either
He never shall find out fit mate, but such
As some misfortune brings him, or mistake;
Or whom he wishes most shall seldom gain,
Through her perverseness, but shall see her gain'd
By a far worse: or if she love, withheld
By parents; or his happiest choice too late
Shall meet, already link'd and wedlock-bound
To a fell adversary, his hate or shame:
Which infinite calamity shall cause
To human life, and household-peace confound.
He added not, and from her turn'd. But Eve,
Not so repulsed, with tears that ceased not flowing,
And tresses all disorder'd, at his feet
Fell humble, and embracing them, besought
His peace; and thus proceeded in her plaint:
Forsake me not thus, Adam! Witness, Heav'n,
What love sincere, and rev'rence in my heart
I bear thee, and unweeting have offended,
Unhappily deceived! Thy suppliant
I beg, and clasp thy knees. Bereave me not,
Whereon I live, thy gentle looks, thy aid,
Thy counsel in this uttermost distress,
My only strength and stay. Forlorn of thee,
Whither shall I betake me? where subsist?
While yet we live, scarce one short hour perhaps,
Between us two let there be peace; both joining,
As join'd in injuries, one enmity
Against a foe by doom express assign'd us,

жестокому Змѣю, на котораго прямо указано въ нашемъ приговорѣ. За постигшее насъ горе не обращай твоей ненависти на меня, и безъ того погибшую и еще болѣе несчастную, чѣмъ ты! Мы оба согрѣшили; но ты согрѣшилъ только противъ Бога, я же противъ Бога и тебя. О, я возвращусь на мѣсто, гдѣ былъ произнесенъ нашъ судъ; тамъ моими воплями я буду докучать Небу, буду молить его, чтобы приговоръ этотъ не падалъ на твою голову, а былъ обращенъ на одну меня, единственную виновницу всего твоего горя, на меня, на меня одну. Я одна заслуживаю его справедливый гнѣвъ!»

Она умолкла, рыдая; сознаніе вины, раскаяніе, смиренное положеніе, въ которомъ она оставалась неподвижно, пока не получила прощенія, возбудили въ Адамѣ состраданіе къ ней. Сердце его смягчилось къ подругѣ, такъ недавно еще бывшей его жизнію, его единственною отрадой. Теперь, у его ногъ, это прелестное созданіе покорно молитъ о примиреніи, проситъ совѣта и помощи у оскорбленнаго ею. Онъ былъ обезоруженъ, весь гнѣвъ его прошелъ; онъ поднялъ свою подругу и кротко сказалъ ей:

«Безразсудная, ты и теперь, какъ прежде, желаешь сама не зная чего; ты хочешь, чтобы вся кара пала на одну тебя! Увы! перенеси прежде свою собственную; можешь ли ты выдержать всю силу гнѣва Божія, который теперь еще едва коснулся тебя, когда тебѣ такъ трудно перенести мое неудовольствіе. Если бы мольбы могли измѣнить вѣчныя опредѣленія, я ранѣе тебя поспѣшилъ бы къ тому мѣсту; мой голосъ громче твоего воззвалъ бы къ Небу, чтобы все обрушилось на одну мою голову, чтобы Богъ простилъ тебѣ слабость твоего немощнаго пола; она была ввѣрена мнѣ, и я самъ подвергнулъ ее опасности.

«Но встань; не будемъ болѣе спорить и осуждать другъ друга; мы и такъ уже довольно осуждены. Постараемся лучше взаимной любовію облегчить тяжесть нашего горя, раздѣляя его другъ съ другомъ: день смерти, возвѣщенный намъ, я предвижу, придетъ не скоро; онъ будетъ приближаться къ намъ медленно, какъ зло, какъ вечеръ долгаго дня, чтобы увеличить наши страданія, и эти страданія раздѣлитъ все наше потомство! О несчастное потомство!»

That cruel Serpent. On me exercise not
Thy hatred for this misery befall'n,
On me already lost, me than thyself
More miserable. Both have sinn'd; but thou
Against God only; I against God and thee,
And to the place of judgment will return,
There with my cries importune Heav'n, that all
The sentence, from thy head removed, may light
On me, sole cause to thee of all this woe!
Me, me only, just object of his ire.
 She ended weeping; and her lowly plight,
Immoveable till peace obtain'd from fault
Acknowledged and deplored, in Adam wrought
Commiseration. Soon his heart relented
Tow'rds her, his life so late and sole delight,
Now at his feet submissive in distress,
Creature so fair his reconcilement seeking,
His counsel, whom she had displeased, his aid;
As one disarm'd, his anger all he lost,
And thus with peaceful words upraised her soon:

 Unwary and too desirous, as before,
So now of what thou know'st not, who desir'st
The punishment all on thyself; alas,
Bear thine own first, ill able to sustain
His full wrath, whose thou feel'st as yet least part,
And my displeasure bear'st so ill. If pray'rs
Could alter high decrees, I to that place
Would speed before thee, and be louder heard,
That on my head all might be visited;
Thy frailty and infirmer sex forgiven,
To me committed, and by me exposed.
 But rise, let us no more contend, nor blame
Each other, blamed enough elsewhere, but strive
In offices of love, how we may lighten
Each other's burden, in our share of woe;
Since this day's death denounced, if aught I see,
Will prove no sudden, but a slow-paced evil,
A long day's dying to augment our pain,
And to our seed (O hapless seed!) derived.

Ева, съ успокоеннымъ сердцемъ, отвѣчаетъ: «Адамъ, я знаю какъ мало значенія могутъ имѣть для тебя мои слова; печальный опытъ показалъ, какъ они были ошибочны, несчастное событіе доказало ихъ пагубу! Но ты прощаешь меня, ты возвращаешь мнѣ свое довѣріе, хотя я и не достойна этого; надѣясь возвратить твою любовь, единственную отраду сердца, суждена ли мнѣ жизнь или смерть, я не скрою отъ тебя, какія мысли родила во мнѣ душевная тревога: есть средство облегчить наши бѣдствія, даже прекратить ихъ совсѣмъ. Средство это печально, ужасно, но легче нашихъ страданій, и въ нашей волѣ. Если насъ больше всего безпокоитъ судьба нашихъ потомковъ, если они должны родиться для неизбѣжнаго горя, чтобы быть, наконецъ, уничтоженными Смертію,—тяжело быть причиной несчастія своихъ близкихъ, произвести изъ нашихъ чреслъ въ проклятый этотъ міръ несчастное племя, которое, послѣ жалкой жизни, должно, наконецъ, сдѣлаться жертвой отвратительнаго чудовища! — въ твоей власти предотвратить рожденіе злополучнаго племени, пока оно еще не зачато. Ты бездѣтенъ, оставайся бездѣтнымъ. Тогда алчная Смерть будетъ обманута и принуждена одними нами удовлетворить свою ненасытную пасть. Но если ты находишь, что жестоко и трудно, постоянно быть вмѣстѣ, любить другъ друга, мѣняться нѣжными взглядами, и воздерживаться отъ священныхъ правъ любви, отъ нѣжныхъ брачныхъ объятій, безнадежно томясь желаніемъ въ присутствіи существа, сгорающаго тѣмъ же чувствомъ,—мука не легче всѣхъ остальныхъ, что такъ страшатъ насъ,—тогда, освободимъ разомъ себя и свое потомство отъ того, что ужасаетъ насъ за себя и за нихъ: будемъ искать Смерти; если же не найдемъ ея, то собственными руками исполнимъ надъ собою ея должность. Зачѣмъ намъ вѣчно трепетать отъ страха передъ смертію, когда въ нашей власти изъ многихъ путей къ ней избрать кратчайшій: разрушеніемъ уничтожить разрушеніе?»

Она остановилась... или отчаяніе прервало ея голосъ. Она такъ много думала о смерти, что лицо ея покрылось смертельною блѣдностію. Но такой совѣтъ не поколебалъ Адама: въ этой борьбѣ, его болѣе проницательный умъ вознесся къ лучшимъ надеждамъ; онъ отвѣчалъ:

«Ева, твое презрѣніе къ жизни и наслажденіямъ доказываетъ, какъ

To whom thus Eve, recovering heart, reply'd:
Adam, by sad experiment, I know
How little weight my words with thee can find,
Found so erroneous, thence by just event
Found so unfortunate nevertheless,
Restored by thee, vile as I am, to place
Of new acceptance, hopeful to regain
Thy love, the sole contentment of my heart
Living or dying, from thee I will not hide
What thoughts in my unquiet breast are risen,
Tending to some relief of our extremes,
Or end, though sharp and sad, yet tolerable,
As in our evils, and of easier choice.
If care of our descent perplex us most,
Which must be born to certain woe, devour'd
By Death at last; and miserable it is
To be to others cause of misery,
Our own begotten, and of our loins to bring
Into this cursed world a woeful race!
That ofter wretched life, must be at last
Food for so foul a monster! In thy pow'r
It lies, yet ere conception, to prevent
The race unblest, to being yet unbegot.
Childless thou art, childless remain; so Death
Shall be deceived his glut, and with us two
Be forced to satisfy his rav'nous maw.
But if thou judge it hard and difficult,
Conversing, looking, loving, to abstain
From love's due rites, nuptial embraces sweet,
And with desire to languish without hope,
Before the present object languishing
With like desire, which would be misery
And torment less than none of what we dread.
Then both ourselves and seed at once to free
From what we fear for both let us make short;
Let us seek Death, or he not found, supply
With our own hands his office on ourselves.
Why stant we longer shivering under fears,
That show no end but death, and have the pow'r
Of many ways to die, the shortest choosing,
Destruction with destruction to destroy?
She ended here, or vehement despair
Broke off the rest; so much of death her thoughts
Had entertain'd, as dyed her cheeks with pale.
But Adam with such counsel nothing sway'd:
To better hopes his more attentive mind
Labouring had raised, and thus to Eve replied:
Eve, thy contempt of life and pleasure seems

будто въ твоей душѣ таится нѣчто возвышеннѣе, благороднѣе того, что она отвергаетъ; но мысль о самоуничтоженіи опровергаетъ твое кажущееся превосходство; въ ней видно не презрѣніе къ жизни, но страхъ потерять ее, сожалѣніе о слишкомъ любимыхъ радостяхъ. Или если ты желаешь смерти, какъ крайняго исхода, думая избѣгнуть этимъ возвѣщаннаго наказанія, то знай, что разгнѣванный Господь слишкомъ премудро направилъ Свою мстящую руку; Его нельзя обмануть. Такая насильственная смерть не избавитъ насъ отъ заслуженной кары; приговоръ нашъ совершится: я скорѣе боюсь, чтобы такое упорство не усилило гнѣва Всевышняго, и Онъ не поселилъ бы въ насъ живой смерти. Поищемъ болѣе разумнаго рѣшенія. Мнѣ кажется, я нахожу его, припоминая и внимательно обдумывая слова нашего приговора: «Твое сѣмя сотретъ главу Змѣя.» Жалкое вознагражденіе, если бы не подразумѣвался здѣсь, какъ я догадываюсь, великій нашъ врагъ, Сатана, который въ видѣ змѣя коварно обманулъ насъ. Раздавить ему голову! Да, это было бы достойнымъ мщеніемъ: но мы лишились бы его, призвавъ къ себѣ смерть, или рѣшась на бездѣтную жизнь, какъ ты предлагаешь: тогда нашъ врагъ избѣгъ бы опредѣленнаго ему наказанія, а мы удвоили бы свое.

«И такъ, прочь всякая мысль о насиліи надъ собою или добровольномъ безплодіи; она отнимаетъ у насъ надежду, рождаетъ злобу, гордость, нетерпѣніе, негодованіе на Бога и на справедливое ярмо, возложенное Имъ на нашу шею. Вспомни, съ какимъ милосердіемъ выслушалъ Онъ насъ и судилъ безъ гнѣва, безъ укора! Мы ждали немедленнаго разрушенія, понимая такъ смерть, объявленную намъ въ тотъ день. И что же! Онъ осудилъ тебя только на болѣзни беременности и рожденія, болѣзни, скоро вознаграждаемыя радостію при видѣ плода твоего чрева. Меня же проклятіе едва коснулось, павъ на землю. Я долженъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Развѣ это большое несчастіе? Праздность была бы для меня опаснѣе: трудъ поддержитъ меня. Его благость, заранѣе, безъ нашихъ моленій, позаботилась защитить насъ противъ жестокостей холода и зноя; Его рука одѣла насъ; произнеся Свой судъ, Онъ соболѣзновалъ о насъ, недостойныхъ. Если же мы станемъ молить Его, о, какъ отверзется Его

To argue in thee something more sublime
And excellent than what thy mind contemns;
But self-destruction therefore sought, refutes
That excellence thought in thee, and implies,
Not thy contempt, but anguish and regret
For loss of life and pleasure overloved.
Or if thou covet death, as utmost end
Of misery, so thinking to evade
The penalty pronounced, doubt not but God
Hath wiselier arm'd his vengeful ire than so
To be forestall'd: much more I fear lest death
So snatch'd will not exempt us from the pain
We are by doom to pay: rather such acts
Of contumacy will provoke the Highest
To make death in us live. Then let us seek
Some safer resolution, which methinks
I have in view, calling to mind with heed
Part of our sentence, that thy seed shall bruise
The Serpent's head. Piteous amends! unless
Be meant, whom I conjecture, our grand foe
Satan, who in the serpent hath contrived
Against us this deceit. To crush his head
Would be revenge indeed: which will be lost
By death brought on ourselves, or childless days
Resolved, as thou proposest; so our foe
Shall'scape his punishment ordain'd, and we
Instead, shall double ours upon our heads.
No more be mention'd then of violence
Against ourselves, and wilful barrenness,
That cuts us off from hope, and savours only
Rancour and pride, impatience and despite,
Reluctance against God and his just yoke
Laid on our necks. Remember with what mild
And gracious temper he both heard and judged,
Without wrath or reviling! We expected
Immediate dissolution, which we thought
Was meant by death that day; when lo! to thee
Pains only in child-bearing were foretold,
And bringing forth; soon recompensed with joy,
Fruit of thy womb. On me the curse aslope
Glanced on the ground. With labour I must earn
My bread. What harm? Idleness had been worse:
My labour will sustain me. And lest cold
Or heat should injure us, his timely care
Hath unbesought provided, and his hands
Cloth'd us, unworthy pitying while he judged;
How much more, if we pray him, will his ear

слухъ, какъ еще болѣе склонится къ состраданію Его сердце! Онъ научитъ насъ избѣгать суровостей временъ года — дождей, льдовъ, града, снѣга! Уже теперь непостоянное небо начинаетъ омрачать облаками вершины горъ; рѣзкіе, влажные вѣтры развѣваютъ легкіе кудри деревьевъ, далеко распустившихъ красивыя вѣтви. Это знакъ, что намъ надо искать безопаснаго пріюта и тепла, чтобы согрѣть онѣмѣлые члены. Пока дневное свѣтило не покинуло насъ на холодъ ночи, попробуемъ, нельзя ли собрать его лучи и зажечь горючее вещество; или быстрымъ треніемъ двухъ тѣлъ воспламенить воздухъ, подобно тому какъ недавно, гонимыя вѣтромъ тучи, сталкиваясь отъ сильнаго удара, рождали молніи, и огонь, наискось прорѣзавшій воздухъ, падая на землю, зажигалъ смолистую кору сосны или пихты; пламя разливало далеко кругомъ пріятное тепло и грѣло какъ солнце. Если мы будемъ молить Всевышняго о милости, Онъ научитъ насъ пользоваться этимъ огнемъ, откроетъ намъ средства исцѣлять или облегчать болѣзни, порожденіе нашихъ собственныхъ пороковъ. При такой помощи, такой поддержкѣ отъ Бога, мы можемъ надѣяться спокойно провести нашу жизнь, пока не окончимъ ее въ прахѣ, и тамъ, въ нашей первой отчизнѣ, не уснемъ послѣднимъ сномъ. Что можемъ мы сдѣлать лучше, какъ не вернуться вмѣстѣ къ тому мѣсту, гдѣ судилъ насъ Господь? Тамъ благоговѣйно повергнемся передъ Нимъ, со смиреніемъ исповѣдуемъ Ему нашу вину, будемъ молить о прощеніи, оросимъ землю слезами, наполнимъ воздухъ вздохами! Исходя изъ глубины сокрушенныхъ сердецъ, они будутъ свидѣтелями нашей непритворной скорби и тихаго смиренія. Онъ несомнѣнно смягчитъ Свой гнѣвъ, Онъ проститъ насъ; даже въ ту минуту гнѣва, когда ликъ Его былъ такъ строгъ, развѣ въ ясномъ взорѣ Его не свѣтилось милосердія, благости, состраданія къ намъ?»

Такъ говорилъ въ раскаяніи нашъ прародитель; Ева сокрушалась не менѣе его. Они пошли къ тому мѣсту, гдѣ судилъ ихъ Господь, съ благоговѣніемъ повергли сь передъ Нимъ, смиренно исповѣдали Ему свою вину, молили о прощеніи, орошая землю слезами, наполняя воздухъ вздохами. Исходя изъ глубины сокрушенныхъ сердецъ, они свидѣтельствовали объ ихъ непритворной скорби и тихомъ смиреніи.

Be open, and his heart to pity incline,
And teach us farther by what means to shun
Th' inclement seasons, rain, ice, hail, and snow!
Which now the sky with various face begins
To show us in this mountain, while the winds
Blow moist and keen, shatt'ring the graceful locks
Of these fair spreading trees; which bids us seek
Some better shroud, some better warmth to cherish
Our limbs benumb'd, ere this diurnal star
Leave cold the night, how we his gather'd beams
Reflected, may with matter sere foment,
Or, by collision of two bodies, grind
The air attrite to fire, as late the clouds
Justling, or push'd with winds, rude in their shock,
Tine the slant lightning, whose thwart flame driv'n down
Kindles the gummy bark of fir or pine,
And sends a comfortable heat from far,
Which might supply the sun. Such fire to use,
And what may else be remedy or cure
To evils which our own misdeeds have wrought,
He will instruct us praying, and of grace
Beseeching him, so as we need not fear
To pass commodiously this life, sustain'd
By him with many comforts, till we end
In dust: our final rest and native home.
What better can we do, than to the place
Repairing where he judged us, prostrate fall
Before him, reverent, and there confess
Humbly our faults, and pardon beg, with tears
Watering the ground, and with our sighs the air
Frequenting, sent from hearts contrite, in sign
Of sorrow unfeign'd, and humiliation meek?
Undoubtedly he will relent, and turn
From his displeasure; in whose look serene,
When angry most he seem'd, and most severe,
What else but favour, grace, and mercy shone?
So spake our father penitent: nor Eve
Felt less remorse. They forthwith to the place
Repairing where he judged them, prostrate fell
Before him, reverent, and both confess'd
Humbly their faults, and pardon begg'd, with tears
Watering the ground, and with their sighs the air
Frequenting, sent from hearts contrite, in sign
Of sorrow unfeign'd, and humiliation meek.

ПѢСНЬ 11-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сынъ Божій представляетъ Отцу молитвы нашихъ кающихся прародителей и ходатайствуетъ за нихъ: Господь принимаетъ ихъ молитву, но объявляетъ, что они не будутъ жить въ Раю. Онъ посылаетъ Михаила съ сонмомъ Херувимовъ, чтобы вывести ихъ оттуда, но прежде повелѣваетъ открыть Адаму событія грядущихъ временъ. Сошествіе Михаила. Адамъ указываетъ Евѣ на нѣкоторые зловѣщіе признаки. Онъ видитъ приближеніе Михаила и идетъ къ нему навстрѣчу; Ангелъ возвѣщаетъ объ ихъ изгнаніи изъ Рая. Рыданія Евы; просьбы Адама; его покорность. Ангелъ возводитъ его на высокую гору и въ видѣніи представляетъ ему все, что произойдетъ до потопа.

Такъ смиренно молились они съ глубокимъ раскаяніемъ: благодать, сошедшая на нихъ съ высоты престола милосердія, вынула все каменное изъ ихъ сердецъ и вложила въ нихъ новую, живую плоть. Силой молитвы тяжкіе вздохи ихъ возносились къ Небесамъ быстрѣе самаго громкаго краснорѣчія. Однако, величіе осанки обличало въ нихъ не ничтожныхъ просителей, и просьба ихъ была не менѣе важна, чѣмъ мольбы древней четы, — впрочемъ, не столь древней какъ эта, — Девкаліона и цѣломудренной Пирры [167], когда она, по сказаніямъ старинныхъ басенъ, благоговѣйно молилась передъ алтаремъ Ѳемиды о возстановленіи человѣческаго рода, поглощеннаго волнами.

Молитвы нашихъ прародителей возносились прямо на Небо; ничто не совращало ихъ съ пути; завистливые вѣтры не развѣвали ихъ по сторонамъ. Онѣ, неумаленными, проникли черезъ небесныя врата. Тогда

BOOK 11. THE ARGUMENT.

The Son of God presents to his Father the prayers of our first parents, now repenting, and intercedes for them: God accepts them, but declares that they must no longer abide in Paradise; sends Michael with a band of Cherubim to dispossess them; but first to reveal to Adam future things: Michael's coming down. Adam shows to Eve certain ominous signs; he discerns Michael's approach; goes out to meet him: the Angel denounces their departure. Eve's lamentation. Adam pleads, but submits. The Angel leads him up to a high hill; sets before him in vision what shall happen till the flood.

Thus they in lowlies plight, repentant, stood
Praying; for from the mercy seat above
Prevenient grace descending, had removed
The stony from their hearts, and made new flesh
Regenerate grow instead, that sighs now breathed
Unutterable, which the Spirit of prayer
Inspired, and wing'd for Heav'n with speedier flight
Than loudest oratory: yet their port
Not of mean suitors, nor important less
Seem'd their petition, than whee th' ancient pair
In fables old, less ancient yet than these,
Deucalion and chaste Pyrrha, to restore
The race of mankind drown'd before the shrine
Of Themis stood devout. To Heav'n their pray'rs
Flew up: nor miss'd the way, by envious winds
Blown vagabond or frustrate. In they pass'd
Dimensionless, through heav'nly doors; then clad

великій Ходатай окурилъ ихъ ѳиміамомъ, курящимся на золотомъ алтарѣ, и онѣ вознеслись къ престолу Всевышняго: Сынъ Божій, съ радостію представляя ихъ Отцу, ходатайствуетъ такъ:

«Взгляни, Отецъ Мой! вотъ первые плоды земные, возращенные Твоимъ милосердіемъ къ Человѣку! Я, Твой Первосвященникъ, въ золотой кадильницѣ приношу Тебѣ эти молитвы и вздохи, смѣшанные съ ѳиміамомъ, эти плоды отъ сѣмянъ, посѣянныхъ Тобою въ сердцѣ Адама вмѣстѣ съ его раскаяніемъ; они пріятнѣе, слаще всѣхъ плодовъ, какіе могли произрастить деревья Рая, воздѣланныя рукою человѣка до его паденія. Склони же слухъ Твой къ его моленьямъ, внемли его вздохамъ, хотя они безгласны. Онъ не умѣетъ сложить своей молитвы въ словахъ, позволь Мнѣ говорить за него, Мнѣ, его Ходатаю и искупительной жертвѣ. Всѣ его дѣла, хорошія и нехорошія, обрати на Меня; первыя Я возвышу Моимъ достоинствомъ, вторыя искуплю Моей смертію. Прими Меня въ жертву, и во Мнѣ прими отъ этихъ несчастныхъ благоуханіе мира, въ знакъ благости Твоей къ человѣчеству. Дай человѣку примиреннымъ съ Тобою кончить остатокъ, хотя и печальныхъ дней, сосчитанныхъ ему, пока смерть (приговоръ, который Я прошу облегчить, а не отмѣнить) не приведетъ его къ лучшей жизни, гдѣ всѣ искупленные Мною будутъ жить въ радости и блаженствѣ, и составятъ одно со Мною, какъ Я составляю одно съ Тобою.»

На это Отецъ, безъ гнѣва, спокойно отвѣчаетъ: «Возлюбленный Сынъ Мой, Я принимаю Твою просьбу за человѣка; все, о чемъ ты просишь, было уже назначено Мною. Но жить дольше въ Раю запрещаетъ ему законъ, данный Мною природѣ: чистыя безсмертныя стихіи не могутъ переносить никакихъ грубыхъ, нечистыхъ соединеній, несогласныхъ съ ними; онѣ извергаютъ человѣка, оскверненнаго грѣхомъ; онѣ хотятъ очиститься отъ него, какъ отъ болѣзни; порочный, онъ долженъ дышать такимъ же воздухомъ, питаться тлѣнною пищей; онъ будетъ постепенно приготовляться къ разрушенію, дѣйствію грѣха, который заразилъ міръ и сдѣлалъ тлѣннымъ то, что было нетлѣнно. Сотворивъ человѣка, Я надѣлилъ его двумя великими дарами: счастіемъ и безсмертіемъ. Послѣ безумной

With incense, where the golden altar fumed,
By their great Intercessor, came in sight
Before the Father's throne: them the glad Son
Presenting, thus to intercede began:
  See, Father, what first fruits on earth are sprung
From thy implanted grace in Man! these sighs
And pray'rs, which in this golden censer, mix'd
With incense, I thy priest before thee bring:
Fruits of more pleasing savour from thy seed
Sown with contrition in his heart, than those
Which his own hand manuring, all the trees
Of Paradise could have produced, ere fallen
From innocence. Now therefore bend thine ear
To supplication; hear his sighs though mute.
Unskilful with what words to pray, let me
Interpret for him, me his Advocate
And propitiation! All his works on me,
Good or not good, ingraft; my merit those
Shall perfect, and for these my death shall pay.
Accept me, and in me from these receive
The smell of peace tow'rd mankind. Let him live
Before thee reconciled, at least his days
Number'd, tho' sad, till death, his doom (which I
To mitigate thus plead, not to reverse)
To better life shall yield him; where with me
All my redeem'd may dwell in joy and bliss;
Made one with me as I with thee am one.
  To whom the Father, without cloud, serene:
All thy request for Man, accepted Son,
Obtain: all thy request was my decree.
But longer in that Paradise to dwell,
The law I gave to nature him forbids:
Those pure immortal elements that know
No gross, no unharmonious mixture foul,
Eject him, tainted now, and purge him off
As a distemper, gross to air as gross;
And mortal food, as may dispose him best
For dissolution wrought by sin, that first
Distemper'd all things, and of incorrupt
Corrupted. I at first with two fair gifts
Created him endow'd; with happiness
And immortality: that fondly lost,

утраты перваго, второй послужилъ бы лишь для увѣковѣченія его горя, если бы Я не призвалъ къ нему смерти. Итакъ, смерть есть для него послѣднее исцѣленіе, и, послѣ жизни, испытанной тяжкими треволненіями, очищенной вѣрою и добрыми дѣлами, въ день воскресенія праведныхъ онъ пробудится для другой жизни и вознесется ко Мнѣ вмѣстѣ съ обновленными Землей и Небесами. Но пусть со всѣхъ концовъ Неба соберутся сюда всѣ блаженные Духи: Я не скрою отъ нихъ Моихъ рѣшеній; они видѣли, какъ Я наказалъ грѣшныхъ Ангеловъ, пусть будутъ теперь свидѣтелями суда Моего надъ человѣческимъ родомъ, и укрѣпятся въ своемъ долгѣ, хотя и безъ того тверды.»

Онъ умолкъ. Сынъ Божій даетъ великій знакъ свѣтлому Ангелу, стоявшему на стражѣ. Тотъ затрубилъ въ свою трубу (можетъ быть ту, что звучала позднѣе на горѣ Хоривѣ, когда на нее снисходилъ Господь, и можетъ быть зазвучитъ еще въ день всеобщаго суда). Звукъ ангельской трубы разнесся по всѣмъ небеснымъ странамъ. Тотчасъ же, повинуясь верховному зову, сыны свѣта спѣшатъ изъ своихъ счастливыхъ амарантовыхъ рощъ, съ береговъ источниковъ живыхъ водъ, гдѣ они проводили время въ радостяхъ взаимнаго счастія, и занимаютъ свои мѣста. Тогда, съ высоты божественнаго престола, Всемогущій такъ возвѣщаетъ Свою Высочайшую волю:

«О, Сыны Мои! Человѣкъ сталъ теперь какъ одинъ изъ Насъ; вкусивъ запретный плодъ, онъ узналъ добро и зло! Пусть гордится знаніемъ потеряннаго добра и пріобрѣтеннаго зла: счастливѣе былъ бы онъ, если бы удовольствовался познаніемъ добра самого по себѣ, не вѣдая что значитъ зло! Теперь онъ сокрушается, съ раскаяніемъ молитъ о прощеніи. Я Самъ возбудилъ въ немъ эти чувства, онъ дѣйствуетъ такъ, движимый ими. Я знаю, какъ пусто и непостоянно его сердце, предоставленное самому себѣ. Чтобы онъ не простеръ дерзновенной руки также и къ древу жизни, не вкусилъ его и не сталъ бы жить вѣчно (или по крайней мѣрѣ воображать, что безсмертенъ), Я рѣшилъ изгнать его изъ Рая, чтобы онъ воздѣлывалъ землю, изъ которой онъ взятъ: это будетъ болѣе пригодная для него почва.

This other served but to eternize woe;
Till I provided death; so death becomes
His final remedy, and after life,
Tried in sharp tribulation, and refined
By faith and faithful works to second life,
Waked in the renovation of the just,
Resigns him up with Heav'n and Earth renew'd.
But let us call to synod all the Blest
Through Heav'n's wide bounds; from them I will not hide
My judgments, how with mankind I proceed,
As how with peccant Angels late they saw,
And in their state, tho' firm, stood more confirm'd.
He ended; and the Son gave signal high
To the bright minister that watch'd. He blew
His trumpet (heard in Oreb since, perhaps,
When God descended, and perhaps once more
To sound at general doom): th' angelic blast
Fill'd all the regions. From their blissful bow'rs
Of amarantine shade, fountain or spring,
By the waters of life, where'er they sat
In fellowships of joy, the sons of light
Hasted, resorting to the summons high,
And took their seats; till from his throne supreme
Th' Almighty thus pronounced his Sov'reign will:
O Sons! like one of us Man is become,
To know both good and evil, since his taste
Of that defended fruit! but let him boast
His knowledge of good lost, and evil got:
Happier, had it sufficed him to have known
Good by itself, and evil not all.
He sorrows now, repents, and prays contrite,
My motions in him. Longer than they move,
His heart I know, how variable and vain
Self-left. Lest therefore his now bolder hand
Reach also of the tree of life, and eat,
And live for ever (dream at least to live
For ever) to remove him I decree,
And send him from the garden forth to till
The ground whence he was taken: fitter soil.

«Михаилъ, тебѣ поручаю исполнить Мое велѣніе: выбери среди Херувимовъ сонмъ пламенныхъ воиновъ, чтобы Врагъ, въ пользу Человѣка или съ желаніемъ завладѣть свободнымъ мѣстомъ, не поднялъ новыхъ смутъ. Спѣши туда, безпощадно изгони изъ Рая Господня грѣшную чету (нечестивые да не попираютъ священной земли); объяви имъ и всему ихъ потомству вѣчное изгнаніе. Но, чтобы не сразить ихъ печальнымъ приговоромъ, не возвѣщай его грозно: Я вижу ихъ раскаяніе, вижу, какъ оплакиваютъ они свою вину. Если они терпѣливо покорятся тебѣ, не оставляй ихъ безъ утѣшенія. Открой Адаму событія грядущихъ вѣковъ, какъ ты будешь просвѣщенъ Мною; напомни о возобновленіи Моего союза въ потомствѣ Жены; тогда они покинутъ Рай, хотя и опечаленные, но съ миромъ.

«Съ восточной стороны сада, гдѣ всего легче проникнуть въ Эдемъ, поставь стражу Херувимовъ; пусть далеко свѣтится пламя ихъ мечей, устрашая всякаго, кто бы захотѣлъ приблизиться къ тому мѣсту, и охраняя всѣ пути къ древу жизни, чтобы Рай не обратился въ притонъ злыхъ Духовъ, и они, захвативъ древо жизни, не похитили бы его плодовъ, чтобы вновь обольстить Человѣка».

Онъ умолкъ; могучій Архангелъ уже былъ готовъ въ быстрый путь съ блестящей свитой неусыпныхъ Херувимовъ. У каждаго изъ нихъ было четыре лика, подобно двуликому Янусу [168]: все тѣло ихъ было усѣяно очами, болѣе многочисленными и болѣе бдительными, чѣмъ у Аргуса; они не задремали бы ни отъ чарующихъ звуковъ Аркадской свирѣли, ни отъ пастушескаго рожка, или усыпляющаго жезла Гермеса.

Между тѣмъ, пробужденная Левкотея [169] снова привѣтствовала міръ священнымъ свѣтомъ, разливая по землѣ благоуханіе свѣжей росы, когда Адамъ и праматерь наша Ева окончили свою молитву. Они почувствовали въ душѣ новыя силы, сошедшія на нихъ свыше; въ самомъ отчаяніи имъ свѣтятъ надежда, радость, но еще смѣшанныя со страхомъ. Адамъ снова благосклонно обращается къ Евѣ:

«Ева, легко вѣрить тому, что всѣ блага, какими мы наслаждаемся, нисходятъ съ Неба, но чтобы отъ насъ могло восходить къ Небу что

Michael, this my behest have thou in charge:
Take to thee from among the Cherubim
Thy choice of flaming warriors, lest the Fiend,
Or in behalf of Man, or to invade
Vacant possession, some new trouble raise.
Haste thee, and from the Paradise of God,
Without remorse, drive out the sinful pair
(From hallow'd ground th' unholy), and denounce
To them and to their progeny, from thence
Perpetual banishment. Yet, lest they faint
At the sad sentence rigorously urged,
For I behold them soften'd, and with tears
Bewailing their excess, all terror hide.
If patiently thy bidding they obey,
Dismiss them not disconsolate. Reveal
To Adam what shall come in future days,
As I shall thee enlighten. Intermix
My cov'nant in the Woman's seed renew'd;
So send them forth, tho' sorrowing, yet in peace:
And on the east side of the garden place,
Where entrance up from Eden easiest climbs,
Cherubic watch, and of a sword the flame
Wide-waving, all approach far off to fright,
And guard all passage to the tree of life,
Lest Paradise a receptacle prove
To spirits foul, and all my trees their prey,
With whose stol'n fruit Man once more to delude.
He ceased; and th' Archangelic Pow'r prepared
For swift descent, with him the cohort bright
Of watchful Cherubim. Four faces each
Had, like a double Janus: all their shape
Spangled with eyes, more numerous than those
Of Argus, and more wakeful than to drowse,
Charm'd with Arcadian pipe, the pastoral reed
Of Hermes, or his opiate rod. Meanwhile
To re-salute the world with sacred light,
Leucothea waked, and with fresh dews imbalm'd
The Earth; when Adam and (first matron) Eve
Had ended now their orisons, and found
Strength added from above, new hope to spring
Out of despair, joy, but with fear yet link'd:
Which thus to Eve his welcome words renew'd:
Eve, easily may faith admit, that all
The good which we enjoy, from Heav'n descends;
But that from us aught should ascend to Heav'n

либо достойное вниманія Бога въ Его состояніи совершеннаго блаженства, что либо способное склонить Его волю, этому, кажется, трудно вѣрить. Однакоже, горячая молитва, малѣйшій вздохъ человѣческаго сердца доходятъ до престола Всевышняго! Съ той минуты какъ я рѣшился молитвою смягчить оскорбленнаго Господа и, павъ на колѣна, смиренно открылъ передъ Нимъ сокрушенное сердце, мнѣ кажется, что Онъ преклонилъ Свой слухъ съ кротостію и состраданіемъ! Во мнѣ родилась увѣренность, что молитва моя услышана! Въ душу снова снизошелъ миръ и въ памяти оживилось обѣтованіе, что твое сѣмя сокрушитъ врага. Тогда, въ отчаяніи, я не обратилъ вниманія на эти слова, но теперь они даютъ мнѣ вѣру, что горечь смерти минуетъ насъ, что мы будемъ живы!

«Радуйся же, Ева, достойно называемая матерью человѣческаго рода, матерью всего живущаго: черезъ тебя будетъ живъ Человѣкъ, и все будетъ жить для Человѣка!»

На это Ева съ грустію, тихо возражаетъ: «Я недостойна этого высокаго имени! Можетъ ли оно принадлежать преступницѣ, которая была создана тебѣ въ помощь, и только вовлекла тебя въ гибель! Упрековъ, строгаго порицанія, недовѣрія, вотъ чего заслуживаю я! Но Судія мой былъ безконечно милосердъ ко мнѣ: меня, первую причину смерти, Онъ соблаговолилъ сдѣлать источникомъ жизни! Такъ же снисходителенъ ко мнѣ и ты, удостоивая меня такимъ высокимъ именемъ, когда я заслуживаю совсѣмъ иного. Но поле зоветъ насъ къ трудамъ, возложеннымъ на насъ теперь въ потѣ лица. Мы провели безсонную ночь, но утро равнодушно къ нашей усталости; посмотри, оно съ улыбкой начинаетъ свой розовый путь. Пойдемъ же; никогда больше я не отдалюсь отъ тебя, куда бы ни призвалъ насъ дневной трудъ, который сопряженъ теперь съ утомленіемъ и будетъ продолжаться до конца дня. Но пока мы живемъ въ этомъ прелестномъ саду, можетъ ли что тяготить насъ? Будемъ же довольны нашей жизнію, хотя и въ падшемъ состояніи.»

Такъ говорила, такъ желала Ева въ своемъ глубокомъ смиреніи, но Судьба рѣшила иначе: первое знаменіе этого обнаружилось въ природѣ на птицахъ, на животныхъ и воздухѣ. Румянецъ утра быстро исчезъ въ

So prevalent as to concern the mind
Of God high-blest, or to incline his will,
Hard to belief may seem; yet this will prayer,
Or one short sigh of human breath, upborne
Ev'n to the seat of God! For since I sought
By prayer th' offended Deity to appease,
Kneel'd, and before him humbled all my heart,
Methought I saw him placable and mild,
Bending his ear! Persuasion in me grew
That I was heard with favour! Peace return'd
Home to my breast, and to my memory
His promise, that thy seed shall bruise our foe;
Which then not minded in dismay, yet now
Assures me that the bitterness of death
Is past, and we shall live! Whence hail to thee,
Eve (rightly call'd) mother of all mankind,
Mother of all things living: since by thee
Man is to live, and all things live for Man!
  To whom thus Eve, with sad demeanour meek:
Ill worthy I such title should belong
To me transgressor, who, for thee ordain'd
A help, became thy snare! To me reproach
Rather belongs, distrust, and all dispraise!
But infinite in pardon was my Judge,
That I, who first brought death on all, am graced
The source of life; next favourable thou,
Who highly thus to entitle me vouchsaf'st,
Far other name deserving. But the field
To labour calls us, now with sweat imposed,
Though after sleepless night; for, see, the morn,
All unconcern'd with our unrest, begins
Her rosy progress smiling: let us forth,
I never from thy side henceforth to stray,
Where'er our day's work lies, though now enjoin'd
Laborious, till day droop. While here we dwell,
What can be toilsome in these pleasant walks?
Here let us live, though in fall'n state, content.
  So spake, so wish'd much-humbled Eve, but Fate
Subscribed not. Nature first gave signs, impress'd
On bird, beast, air, air suddenly eclipsed
After short blush of morn. Nigh in her sight

На яшмовомъ облакѣ небесное воинство спустилось въ Рай и расположилось на вершинѣ холма.

Пѣснь 11. стр. 235.

. . . . The heav'nly bands
Down from sky of jasper lighted non
Jn Paradise, and on a hill made half.

омраченномъ воздухѣ, птица Зевса[170] вдругъ бросилась съ высоты своего полета на двухъ птицъ съ великолѣпными яркими перьями, и преслѣдуетъ ихъ. Звѣрь, царящій въ лѣсахъ, первый охотникъ, гонится съ холма за прелестнѣйшею четою всего лѣса, оленемъ и ланью; они бѣгутъ къ восточнымъ вратамъ: Адамъ замѣтилъ это, и глазами слѣдилъ за охотой; онъ съ безпокойствомъ говоритъ Евѣ:

«О, Ева, еще какія-то перемѣны угрожаютъ намъ впереди! Небо посылаетъ намъ эти нѣмые знаки въ природѣ предвѣстниками своихъ опредѣленій; оно предупреждаетъ насъ, чтобы мы не слишкомъ надѣялись на отмѣну наказанія, потому, что смерть отсрочена на нѣсколько дней. Долга ли будетъ наша жизнь, какова она будетъ? Кто вѣдаетъ? Одно извѣстно намъ, что мы—прахъ, возвратимся въ прахъ, и насъ не будетъ. Для чего иного, какъ не для нашего предупрежденія, явился намъ этотъ двойной знакъ, это преслѣдованіе въ воздухѣ и на землѣ, въ одномъ направленіи, въ одинъ и тотъ же мигъ? Что означаетъ этотъ мракъ на востокѣ, раньше чѣмъ день дошелъ до половины, между тѣмъ какъ западъ горитъ ярче утренней зари, и по лазурному небу тихо спускается тамъ облако сіяющей бѣлизны? Въ немъ скрыто нѣчто небесное.»

Адамъ не ошибся; въ эту минуту, на яшмовомъ облакѣ, небесное воинство спустилось въ Рай и расположилось на вершинѣ холма. Какое величественное явленіе для Адама, если бы сомнѣніе и человѣческій страхъ не туманили его глазъ. Не величественнѣе было то зрѣлище, когда Ангелы встрѣтили Іакова въ Маханаимѣ[171], гдѣ онъ увидѣлъ все поле, усѣянное шатрами своихъ блестящихъ хранителей, или когда въ Дофанѣ[172] явился на пылающей горѣ огненный станъ небеснаго ополченія противъ Сирійскаго царя, который для того, чтобы овладѣть однимъ человѣкомъ, какъ убійца пошелъ войною на весь народъ, не объявивъ ея.

Князь іерархій оставилъ блестящій станъ небесныхъ Силъ, готовыхъ окружить Рай, и одинъ пошелъ искать убѣжище Адама. Это не скрылось отъ взоровъ Адама; увидѣвъ приближеніе высокаго посѣтителя, онъ говоритъ Евѣ:

«Ева, готовься къ важнымъ извѣстіямъ; можетъ быть, мы скоро узнаемъ

The bird of Jove, stoop'd from his aery tour,
Two birds of gayest plume before him drove.
Down from a hill the beast that reigns in woods,
First hunter then, pursued a gentle brace,
Goodliest of all the forest, hart and hind:
Direct to th' eastern gate was bent their flight.
Adam observed, and with his eye the chase
Pursuing, not unmoved, to Eve thus spake:
O Eve, some further change awaits us nigh,
Which Heav'n by these mute signs in nature shows,
Forerunners of his purpose, or to warn
Us haply, too secure of our discharge
From penalty, because from death released
Some days. How long, and what till then our life
Who knows, or more than this, that we are dust,
And thither must return, and be no more?
Why else this double object in our sight
Of flight pursued in th' air, and o'er the ground
One way the self-same hour? Why in the east
Darkness ere day's mid-course, and morning light
More orient in yon western cloud, that draws
O'er the blue firmament a radiant white,
And slow descends, with something heav'nly fraught?
He err'd not; for by this the heav'nly bands
Down from a sky of jasper lighted now
In Paradise, and on a hill made halt,
A glorious apparition, had not doubt
And carnal fear that day dimm'd Adam's eye.
Not that more glorious, when the Angels met
Jacob in Mahanaim, where he saw
The field pavilion'd with his guardians bright;
Nor that which on the flaming mount appear'd
In Dothan, cover'd with a camp of fire,
Against the Syrian king, who, to surprise
One man, assassin-like, had levied war,
War unproclaim'd. The princely Hierarch
In their bright stand there left his Pow'rs to seize
Possession of the garden: he alone,
To find where Adam shelter'd, took his way,
Not unperceived of Adam, who to Eve,
While the great visitant approach'd, thus spake:
Eve, now expect great tidings, which perhaps
Of us will soon determine, or impose

рѣшеніе нашей участи или новые законы, предписанные намъ теперь: я вижу, изъ того лучезарнаго облака, что окутало холмъ, спустился одинъ изъ небесныхъ воиновъ. По осанкѣ онъ не изъ простыхъ воиновъ: это одинъ изъ великихъ Владыкъ или Престоловъ, такъ величественно его шествіе. Хотя видъ его не грозенъ и не внушаетъ страха, однако въ немъ нѣтъ той привѣтливой кротости Рафаила, которая вселяла столько довѣрія. Онъ полонъ торжественности и величія; чтобы не оскорбить его, я долженъ встрѣтить его съ почтеніемъ, ты же удались.»

Онъ сказалъ. Архангелъ быстро приближался, но не въ своемъ небесномъ образѣ: чтобы говорить съ человѣкомъ, онъ облекся въ человѣческую одежду. На свѣтлыхъ его доспѣхахъ развѣвалась воинственная пурпурная одежда, ярче Мелибейскаго и Саррскаго [173] пурпура, какой носили во время мира древніе цари и герои. Сама Ириса [174] раскрашивала ту ткань. Звѣздный шлемъ съ поднятымъ забраломъ открывалъ лицо Архангела во всемъ блескѣ мужественной красоты въ ту пору, когда кончается юность. Съ боку, подобно сіяющему зодіаку, виситъ его мечъ, гроза и ужасъ Сатаны; въ рукѣ онъ держитъ копье. Адамъ низко склоняется передъ небеснымъ посломъ, но онъ сохраняетъ царственное величіе, и, не преклоняя главы, возвѣщаетъ причину своего пришествія:

«Адамъ, высокія велѣнія Небесъ не требуютъ вступленія. Довольно того, что молитвы твои услышаны; Смерть, которая по приговору должна была поразить тебя въ самый мигъ преступленія, отдалена отъ тебя; тебѣ дарованы многочисленные дни для того, чтобы ты могъ раскаяться и многими хорошими дѣлами загладить этотъ одинъ тяжкій проступокъ. Можетъ быть, Господь умилостивится тогда, и совсѣмъ избавитъ тебя отъ алчной Смерти. Но Онъ не позволяетъ тебѣ болѣе жить въ Раю. Я пришелъ удалить тебя и вывести изъ Рая, чтобы ты воздѣлывалъ землю, откуда ты взятъ: пригоднѣйшая тебѣ почва.»

Онъ умолкъ: Адамъ стоялъ, пораженный извѣстіемъ, убитый; горе леденящимъ холодомъ оковало всѣ его чувства. Ева, невидимая ими, слышала все; громкій вопль выдалъ ея убѣжище.

«О, нежданный ударъ, ужаснѣе самой Смерти! Неужели надо покинуть

New laws to be observed; for I descry
From yonder blazing cloud that veils the hill,
One of the heav'nly host, and by his gait
None of the meanest, some great Potentate
Or of the Thrones above, such majesty
Invests his coming; yet not terrible,
That I should fear, nor sociably mild,
As Raphael, that I should much confide,
But solemn and sublime; whom not to offend,
With reverence I must meet, and thou retire.
He ended: and th' Arch-Angel soon drew nigh,
Not in his shape celestial, but as man
Clad to meet man. Over his lucid arms
A military vest of purple flow'd,
Livelier than Meliboean, or the grain
Of Sarra, worn by kings and heroes old
In time of truce; Iris had dipt the woof;
His starry helm unbuckled, show'd him prime
In manhood where youth ended. By his side,
As in a glist'ring zodiac, hung the sword,
Satan's dire dread, and in his hand the spear.
Adam bow'd low: He kingly, from his state
Inclined not, but his coming thus declared:
Adam, Heav'n's high behest no preface needs:
Sufficient that thy pray'rs are heard, and Death,
Then due by sentence when thou didst transgress,
Defeated of his seizure, many days
Giv'n thee of grace, wherein thou may'st repent,
And one bad act, with many deeds well done,
May'st cover: well may then thy Lord, appeased,
Redeem thee quite from Death's rapacious claim;
But longer in this Paradise to dwell
Permits not. To remove thee I am come,
And sent thee from the garden forth to till
The ground, whence thou wast taken, fitter soil.
He added not; for Adam at the news
Heart-struck, with chilling gripe of sorrow stood,
That all his senses bound. Eve, who unseen
Yet all had heard, with audible lament,
Discover'd soon the place of her retire.
O unexpected stroke, worse than of Death!
Must I thus leave thee, Paradise! thus leave

тебя, Рай! тебя, мою отчизну, покинуть эти счастливыя рощи и тѣни, достойныя быть посѣщаемы богами! Среди васъ я надѣялась, хотя печально, но спокойно дожить до того дня, который долженъ быть смертельнымъ для насъ обоихъ! О, цвѣты, никогда не будете вы цвѣсти въ другой странѣ; о васъ была моя первая забота утромъ и послѣдняя вечеромъ; я лелѣяла васъ нѣжной рукою съ той минуты, какъ раскрывали вы первую почку, я дала вамъ имена! Кто теперь будетъ обращать васъ къ солнцу? кто распредѣлитъ васъ по родамъ и напоитъ изъ амврозійскихъ источниковъ? А ты, ты брачная куща, украшенная мною нѣжнѣйшими и ароматнѣйшими цвѣтами, какъ я разстанусь съ тобою? Куда пойду я скитаться въ худшій міръ, и какъ онъ будетъ мраченъ и дикъ послѣ Рая? Какъ будемъ мы дышать другимъ воздухомъ, лишеннымъ этой чистоты, мы, привыкшіе къ безсмертнымъ плодамъ!»

На этихъ словахъ Ангелъ кротко прерываетъ ее: «Не сѣтуй, Ева, но терпѣливо перенеси потерю того, чего ты лишилась такъ заслуженно; не привязывайся слишкомъ горячо къ тому, что не можетъ быть твоимъ. Ты покидаешь это мѣсто не одинокой: съ тобою идетъ твой мужъ; твой долгъ слѣдовать за нимъ: гдѣ онъ, тамъ твоя отчизна.»

Адамъ, придя въ себя отъ внезапно оледенившаго его ужаса и собравшись съ силами, обращаетъ къ Михаилу смиренную рѣчь:

«Небесный посланникъ, одинъ ли ты изъ Престоловъ, или высшій надъ ними, такъ какъ по виду ты долженъ быть владыкой надъ владыками, ты кротко передалъ намъ твою вѣсть; изъ другихъ устъ она бы растерзала наши сердца, а исполненіе приговора убило бы насъ. Сколько можетъ еще перенести наше слабое существо горя, унынія, отчаянія, все это приноситъ твое извѣстіе: оставить это счастливое жилище, это отрадное убѣжище, единственное утѣшеніе, оставшееся еще нашимъ взорамъ! Всякое другое мѣсто покажется намъ негостепріимной пустыней, столько же чуждой намъ, сколько мы сами чужды ей.

«О, если бы горячей молитвой я могъ надѣяться измѣнить волю Того, Кому все возможно, я бы не переставалъ обращать къ Нему неумолчныхъ воплей. Но молитвы противъ Его непреложныхъ опредѣленій

Thee, native soil, these happy walks and shades,
Fit haunt of Gods! where I had hope to spend,
Quiet though sad, the respite of that day
That must be mortal to us both! O flow'rs,
That never will in other climate grow,
My early visitation, and my last
At e'en, which I bred up with tender hand
From the first opening bud, and gave ye names,
Who now shall rear ey to the sun, or rank
Your tribes, and water from th' ambrosial fount?
Thee lastly, nuptial bower by me adorn'd
With what to sight or smell was sweet, from thee
How shall I part, and whither wander down
Into a lower world, to this obscure
And wild! How shall we breathe in other air,
Less pure, accustom'd to immortal fruits!
  Whom thus the Angel interrupted mild:
Lament not, Eve, but patiently resign
What justly thou hast lost; nor set thy heart,
Thus over-fond, on that which is not thine;
Thy going is not lonely; with thee goes
Thy husband; him to follow thou art bound.
Where he abides, think there thy native soil.
  Adam by this from the cold sudden damp
Recov'ring, and his scatter'd spirits return'd,
To Michael thus his humble words address'd:
  Celestial, whether among the Thrones, or named
Of them the high'st, for such of shape may seem
Prince above princes, gently hast thou told
Thy message, which might else in telling wound,
And in performing end us. What besides
Of sorrow, and dejection, and despair,
Our frailty can sustain, thy tidings bring,
Departure from this happy place, our sweet
Recess, and only consolation left
Familiar to our eyes, all places else
Inhospitable appear and desolate;
Nor knowing us nor known: and if by prayer
Incessant I could hope to change the will
Of Him who all things can, I would not caase
To weary him with my assiduous cries.
But prayer against his absolute decree

имѣютъ не больше силы, чѣмъ передъ вѣтромъ дуновеніе устъ, тотчасъ же гонимое обратно въ уста дующаго и удушающее его самого. И такъ, покоряюсь Его Высочайшей волѣ. Болѣе всего печалитъ меня то, что въ изгнаніи отсюда, я буду какъ бы скрытъ отъ Его взоровъ, лишусь блаженства Его лицезрѣнія. Здѣсь я посѣщалъ бы для благоговѣйнаго поклоненія тѣ мѣста, гдѣ Онъ удостоивалъ меня Своимъ божественнымъ явленіемъ; я говорилъ бы моимъ сынамъ: На этой горѣ являлся мнѣ Господь; вотъ Онъ стоялъ подъ этимъ деревомъ; въ тѣни этихъ сосенъ я слышалъ Его голосъ; здѣсь, на берегу источника, Онъ бесѣдовалъ со мною! Я воздвигалъ бы въ благодарность Ему многочисленные алтари изъ зеленаго дерна; выбиралъ бы въ ручьяхъ блестящіе каменья и складывалъ бы ихъ въ груды въ память грядущимъ вѣкамъ; на этихъ жертвенникахъ я приносилъ бы Богу ароматы смолъ, плоды и цвѣты. Но въ томъ низшемъ мірѣ, гдѣ увижу я Его сіяющій ликъ, или признакъ божественнаго слѣда? Хотя меня и страшитъ Его гнѣвъ, но Онъ продлилъ мнѣ жизнь и обѣщалъ потомство; самое большое утѣшеніе для меня теперь видѣть хотя слабый отблескъ Его славы, издали поклоняться Его слѣдамъ.»

Михаилъ съ благосклоннымъ взглядомъ говоритъ на это: «Адамъ, ты знаешь, Небо и вся Земля принадлежатъ Ему, а не одинъ этотъ утесъ. Его вездѣсущность наполняетъ землю, моря, воздухъ, всякое живое существо: все живетъ и дышитъ Его могучей силой. Онъ далъ тебѣ всю землю, чтобы ты владѣлъ и управлялъ ею: даръ не ничтожный. Не думай же, чтобы присутствіе Его заключалось въ тѣсныхъ предѣлахъ Рая или Эдема. Можетъ быть, здѣсь было бы твое главное пребываніе; отсюда распространились бы всѣ поколѣнія и сюда же стекались бы со всѣхъ концовъ земли для поклоненія тебѣ, ихъ великому праотцу; но ты лишился этого высокаго превосходства, ты низвелъ себя до того, что будешь жить на одной землѣ съ твоими сынами.

«Не сомнѣвайся, въ поляхъ и равнинахъ Богъ обитаетъ такъ же, какъ здѣсь; ты найдешь Его повсюду; вездѣ будутъ сопровождать тебя знаки Его присутствія; осѣненный Его благостію и отеческой любовію, ты во

No more avails than breath against the wind,
Blown stifling back on him that breathes it forth:
Therefore to his great bidding I submit.
This most afflicts me, than departing hence,
As from his face I shall be hid, deprived
His blessed count'nance. Here I could frequent
With worship place by place where he vouchsafed
Presence divine, and to my sons relate,
On this mount he appear'd; under this tree
Stood visible; among these pines his voice
I heard; here with him at this fountain talk'd.
So many grateful altars I would rear
Of grassy turf, and pile up every stone
Of lustre from the brook, in memory
Or monument to ages, and thereon
Offer sweet-smelling gums, and fruits, and flow'rs.
In yonder nether world, where shall I seek
His bright appearances, or foot-step trace?
For though I fled him angry, yet recall'd
To life prolong'd and promised race, I now
Gladly behold, though but his utmost skirts
Of glory, and far off his steps adore.
To whom thus Michael, with regard benign:
Adam, thou know'st Heav'n his, and all the Earth,
Not this rock only. His omnipresence fills
Land, sea, and air, and every kind that lives,
Fomented by his virtual pow'r and warm'd.
All th' earth he gave thee to possess and rule:
No despicable gift: surmise not then
His presence to these narrow bounds confined
Of Paradise or Eden. This had been
Perhaps thy capital seat, from whence had spread
All generations, and had hither come
From all the ends of th' earth, to celebrate
And rev'rence thee, their great progenitor.
But this pre-eminence thou'st lost; brought down
To dwell on even ground now with thy sons.
Yet doubt not, but in valley and in plain
God is as here, and will be found alike
Present, and of his presence many a sign
Still following thee, still compassing thee round
With goodness and paternal love, his face

всемъ увидишь Его образъ и божественные Его слѣды. Но знай, чтобы укрѣпить твою вѣру передъ исходомъ отсюда, я посланъ открыть тебѣ, что будетъ въ грядущіе дни съ тобою и твоимъ потомствомъ. Готовься увидѣть добро и зло, борьбу небеснаго милосердія съ человѣческими беззаконіями: ты узнаешь, въ чемъ состоитъ настоящее терпѣніе, какъ надо умѣрять радость благочестивымъ страхомъ и печалію, и пріучать себя съ одинаковой твердостію переносить всякое состояніе, въ благополучіи или въ несчастіи. Тогда ты спокойно проведешь жизнь и будешь готовъ для перехода къ смерти, когда наступитъ ея минута. Взойдемъ на ту гору. Оставь Еву здѣсь внизу; пока ты, бодрствуя, будешь созерцать будущее, пусть она спитъ (я сомкнулъ ея очи), какъ нѣкогда спалъ ты, когда она получала жизнь.»

Адамъ съ благодарностію отвѣчаетъ: «Иди, вѣрный Вождь, я послѣдую за тобою всюду. Преклоняюсь передъ карающей десницей Всевышняго; раскрываю мою грудь передъ ударами судьбы: закаленная въ страданіяхъ, она перенесетъ ихъ, а въ трудахъ я пріобрѣту покой, если возможно пріобрѣсть его этимъ путемъ.»

Оба восходятъ на гору для созерцанія божественныхъ видѣній. То была высочайшая гора въ Раю; съ ея вершины ясно открывалось глазамъ все полушаріе земли до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ. Не выше была та гора въ пустынѣ, не дальше обнималъ взоръ съ ея вершины, куда Искуситель, но съ другою цѣлью, перенесъ въ пустыню второго Адама, чтобы показать Ему всѣ земныя царства съ ихъ славой.

Съ вершины, гдѣ стоялъ Адамъ, взоръ его обнималъ всѣ мѣста, гдѣ послѣ возвышались города, славные въ древности или въ новѣйшее время, всѣ столицы могущественнѣйшихъ царствъ, отъ стѣнъ, ограждающихъ Камбалу, столицу Китайскаго Хана, отъ Самарканда на берегахъ Оксы, гдѣ былъ тронъ Тамерлана, до Пекина, столицы Небесной Имперіи, и далѣе, до Агры и Лагора, столицъ великаго Могола; потомъ ниже, до золотого Херсонеса, и до тѣхъ мѣстъ, гдѣ сидѣлъ владыка Персовъ въ Экбатанѣ и позднѣе въ Испагани; Москву, гдѣ сидѣлъ Царь Русскій; Византію, гдѣ сидѣлъ Султанъ, родомъ изъ Туркестана. Взоръ его прони-

Express, and of his steps the track divine:
Which, that thou may'st believe, and be confirm'd
Ere thou from hence depart, know I am sent
To show thee what shall come in future days
To thee and to try offspring. Good with bad
Expect to hear, supernal grace contending
With sinfulness of men; thereby to learn
True patience, and to temper joy with fear
And pious sorrow, equally inured
By moderation either state to bear,
Prosperous or adverse: so shalt thou lead
Safest thy life, and, best prepared, endure
Thy mortal passage when it comes. Ascend
This hill. Let Eve (for I have drench'd her eyes)
Here sleep below, while thou to foresight wak'st;
As once thou sleptst, while she to life was form'd.
To whom thus Adam gratefully reply'd:
Ascend, I follow thee, safe Guide, the path
Thou lead'st me, and to the hand of Heav'n submit,
However chast'ning, to the evil turn
My obvious breast, arming to overcome
By suff'ring, and earn rest from labour won,
If so I may attain. So both ascend
In the visions of God. It was a hill
Of Paradise the highest, from whose top
The hemisphere of earth in clearest ken
Stretch'd out to th' amplest reach of prospect lay.
Not higher that hill nor wider, looking round,
Whereon for diff'rent cause the Tempter set
Our second Adam in the wilderness,
To show him all earth's kingdoms and their glory.
His eye might there command wherever stood
City of old or modern fame, the seat
Of mightiest empire, from the destined walls
Of Cambalu, seat of Cathaian Can,
And Samarcand by Oxus, Temir's throne,
To Paquin of Sinaean kings, and thence
To Agra and Lahore of great Mogul,
Down to the golden Chersonese, or where
The Persian in Ecbatan sat, or since
In Hispahan, or where the Russian Czar
In Moscow, or the Sultan in Bizance,

калъ до имперіи Негуса и отдаленнѣйшаго ея порта Эркоко, до небольшихъ приморскихъ областей Монбаза, Квилоа, Мелинды и Софала, который считаютъ древнимъ Офиромъ [175], до Конго и Анголы, на самомъ дальнемъ югѣ. Онъ переносилъ взоръ отъ рѣки Нигера до горы Атласа, видѣлъ царства Альмансура [176], Фецъ, Сузъ, Марокко, Алжиръ и Тремизію; оттуда обратился его взоръ на Европу, гдѣ впослѣдствіи Римъ долженъ былъ владычествовать надъ міромъ. Быть можетъ, мысленно видѣлъ онъ также богатую Мексику, владѣніе Монтезума, Куско въ Перу, еще богатѣйшую столицу Атабалипа, еще не расхищенную Гвіану, великую столицу которой сыны Геріона называли Эльдорадо.

Готовясь открыть Адаму возвышенныя видѣнія, Михаилъ снялъ съ его глазъ оболочку, которой обманчивый плодъ затемнилъ зрѣніе Адама, обѣщавъ просвѣтить его; потомъ ефразіей и рутой [177] Ангелъ очистилъ ему зрительный нервъ, такъ какъ ему предстояло видѣть многое, и влилъ въ него три капли изъ источника жизни. Сила этого эликсира такъ глубоко проникла внутрь духовнаго зрѣнія, что Адамъ, принужденный закрыть глаза, въ состояніи восторга, безсильно опустился на землю; но кроткій Ангелъ скоро поднялъ его за руку, пробуждая его вниманіе:

«Адамъ, теперь открой глаза, и прежде всего взгляни, какое дѣйствіе произведетъ твое преступленіе въ нѣкоторыхъ изъ будущихъ твоихъ сыновъ; однако, они никогда не прикасались къ заповѣданному дереву, не вступали въ заговоръ со змѣемъ, не совершали твоего грѣха: но тотъ грѣхъ заразитъ ихъ и будетъ источникомъ ужаснѣйшихъ злодѣяній.»

Адамъ открываетъ глаза и видитъ поле; одна половина его была обработана и покрыта недавно сжатыми снопами; на другой были загороди и пастбища для овецъ, а посрединѣ возвышался, какъ пограничный столбъ, простой жертвенникъ изъ дерна. Сначала пришелъ покрытый потомъ жнецъ и положилъ на жертвенникъ первые плоды своихъ трудовъ, нѣсколько связокъ спѣлыхъ и зеленыхъ еще колосьевъ, безъ разбору, какъ они попались ему подъ руку. Потомъ пришелъ пастухъ; лицо его было болѣе кротко, и онъ принесъ отборныхъ, лучшихъ первенцевъ своего стада; заколовъ ихъ, онъ положилъ ихъ внутренности и тукъ на

Turchestan-born; nor could his eye not ken
Th' empire of Negus to his utmost port
Ercoco, and the less maritime kings,
Mombaza, and Quiloa, and Melind,
And Sofala, thought Ophir, to the realm
Of Congo, and Angola farthest south;
Or thence from Niger flood to Atlas mount,
The kingdoms of Almansor, Fez, and Sus,
Morocco, and Algiers, and Tremisen;
On Europe thence, and where Rome was to sway
The world. In spirit perhaps he also saw
Rich Mexico, the seat of Montezume,
And Cusco in Peru, the richer seat
Of Atabalipa, and yet unspoil'd
Guiana, whose great city Geryon's sons
Call Ell Dorado: but to nobler sights
Michael from Adam's eyes the film removed,
Which that false fruit, that promised clearer sight,
Had bred; then purged with euphrasy and rue
The visual nerve, for he had much to see;
And from the well of life three drops instill'd.
So deep the pow'r of these ingredients pierced,
E'en to the inmost seat of mental sight,
That Adam, now enforced to close his eyes,
Sunk down, and all his spirits became entranced,
But him the gentle Angel by the hand
Soon raised, and his attention thus recall'd:
  Adam, now ope thine eyes, and first behold
Th' effects which thy original crime hath wrought
In some to spring from thee, who never touch'd
Th' excepted tree, nor with the snake conspired,
Nor sinn'd thy sin; yet from that sin derive
Corruption, to bring forth more violent deeds.
  His eyes he open'd, and beheld a field,
Part arable and tilth, whereon were sheaves
New reap'd, the other part sheep-walks and folds;
I'th'midst an altar as the land-mark stood,
Rustic, of grassy sord. Thither anon
A sweaty reaper from his tillage brought
First fruits; the green ear and the yellow sheaf,
Uncull'd as came to hand. A shepherd next,
More meek, came with the firstlings of his flock
Choicest and best; then sacrificing, laid
The inwards and their fat, with incense strow'd,

приготовленный костеръ и, осыпавъ ихъ ароматами, совершилъ всѣ должные обряды. Вскорѣ съ неба сошелъ милостивый огонь и быстро сжегъ его жертву, съ яркимъ свѣтомъ и благодарственнымъ дымомъ, но жертва земледѣльца осталась нетронутою, потому что была не отъ искренняго сердца. Въ немъ закипѣла тайная злоба, и, бесѣдуя съ пастухомъ, онъ бросаетъ въ него камнемъ, который, попавъ ему въ грудь, лишаетъ его жизни. Онъ падаетъ, смертельная блѣдность покрываетъ его лицо, и со стонами и потоками крови, отлетаетъ его душа. Это зрѣлище потрясаетъ Адама до глубины души; быстро обращаясь къ Ангелу, онъ восклицаетъ:

«О, Наставникъ, какое-то великое нечастіе постигло того кроткаго мужа, чья жертва была такъ чиста! Неужели такъ награждается благочестіе и искренняя преданность Богу?»

Михаилъ (онъ самъ былъ тронутъ) отвѣчаетъ: «Адамъ, два эти мужа братья; они произойдутъ отъ твоихъ чреслъ. Неправедный убилъ праведнаго изъ зависти, что Небо приняло жертву брата. Но кровавое дѣло не останется безъ возмездія, такъ же какъ и вѣра другого будетъ награждена, хотя ты видишь его теперь умирающимъ въ прахѣ, смѣшанномъ съ его запекшейся кровью.»

Праотецъ нашъ восклицаетъ: «О горе! о ужасное дѣло! ужасна и причина. Но неужели я видѣлъ Смерть? Неужели этимъ путемъ долженъ я вернуться къ праху, моей первой отчизнѣ? О Смерть, какъ ужасенъ и безобразенъ твой видъ! Одна мысль о тебѣ приводитъ въ трепетъ! Каково же перенести тебя!»

Михаилъ отвѣчаетъ: «Ты видѣлъ Смерть въ томъ видѣ, какъ она впервые поразила Человѣка: но есть много видовъ смерти, много различныхъ путей ведутъ къ ея мрачному подземелью; всѣ они печальны: однако, не такъ страшно само жилище, какъ преддверіе къ нему. Одни, какъ ты видѣлъ, умрутъ отъ жестокаго насилія, другіе отъ огня, потопа, голода; еще большее число отъ неумѣренности въ питьѣ и пищѣ, отчего произойдутъ на землѣ ужасныя болѣзни; сейчасъ появится передъ тобою ихъ чудовищная толпа, чтобы ты зналъ, какія бѣдствія навлекло на людей невоздержаніе Евы.»

Немедленно представляется его взорамъ печальное, темное, отврати-

On the cleft wood, and all due rites perform'd.
His off'ring soon propitious fire from Heav'n
Consumed; with nimble glance and grateful steam:
The other's not, for his was not sincere:
Whereat he inly raged, and as they talk'd,
Smote him into the midriff with a stone
That beat out life. He fell, and, deadly pale,
Groan'd out his soul with gushing blood effused.
Much at that sight was Adam in his heart
Dismay'd; and thus in haste to th'Angel cry'd:
O Teacher, some great mischief hath befall'n
To that meek man, who well had sacrificed!
Is piety thus and pure devotion paid?
T'whom Michael thus (he also moved) reply'd:
These two are brethren, Adam, and to come
Out of thy loins. Th'unjust the just hath slain,
For envy that his brother's off'ring found
From Heav'n acceptance: but the bloody fact
Will be avenged, and th'other's faith approved
Lose no reward, though here thou see him die,
Rolling in dust and gore. To which our sire:
Alas! both for the deed and for the cause!
But have I now seen Death? Is this the way
I must return to native dust? O sight
Of terror, foul and ugly to behold!
Horrid to think! how horrible to feel!
To whom thus Michael: Death thou hast seen
In his first shape on Man: but many shapes
Of Death, and many are the ways that lead
To his grim cave, all dismal: yet to sense
More terrible at th'entrance than within.
Some, as thou saw'st, by violent stroke shall die,
By fire, flood, famine, by intemp'rance more
In meats and drinks, which on the earth shall bring
Diseases dire, of which a monstrous crew
Before thee shall appear; that thou may'st know
What misery th'inabstinence of Eve
Shall bring on men. Immediately a place
Before his eyes appear'd, sad, noisome, dark,

тельное мѣсто; оно походило на больницу: тамъ лежало многое множество страдальцевъ, тамъ были собраны всевозможные недуги: страшныя спазмы съ нестерпимыми болями, предсмертная агонія, обмороки, всѣ роды лихорадки, корчи, падучая болѣзнь, жестокія воспаленія, каменная болѣзнь и ракъ, мучительныя колики, бѣшенство, тихое помѣшательство, лунатическое безуміе, изнурительное худосочіе, старческая немощь, опустошительныя моровыя язвы, водянка, судорожное удушье, сводящія члены ломоты. Страдальцы страшно метались съ тяжкими стонами. Отчаяніе быстро перелетаетъ съ одра на одръ, и торжествующая Смерть потрясаетъ своимъ копьемъ надъ головами страдальцевъ, часто замедляя ударъ, хотя несчастные молили объ немъ, какъ о величайшемъ благѣ, призывали его, какъ послѣднюю надежду.

Кто, будь у него каменное сердце, могъ бы безъ слезъ смотрѣть на эту раздирающую картину! Адамъ плакалъ, хотя не былъ рожденъ отъ женщины. Сострадание побѣдило лучшее, что есть въ мужѣ, и онъ нѣсколько минутъ предавался слезамъ; однако, болѣе твердыя мысли умѣрили вскорѣ избытокъ чувствъ; но горькая жалоба опять невольно вырвалась изъ его груди:

«О несчастный родъ человѣческій! до какого униженія ты доведенъ, какая жалкая судьба предстоитъ тебѣ! Лучше было бы тебѣ не родиться! Зачѣмъ было давать намъ жизнь, если она должна быть такъ жестоко исторгнута изъ насъ? Или, скорѣе, къ чему было принуждать насъ къ ней! Кто, зная что онъ получаетъ, принялъ бы этотъ даръ жизни, или не молилъ бы поскорѣе взять ее назадъ, считая себя счастливымъ возвратиться въ вѣчный покой? Неужели такія безобразныя болѣзни, такія нечеловѣческія страданія могутъ исказить такъ образъ Божій, по которому нѣкогда человѣкъ созданъ былъ столь прекраснымъ и возвышеннымъ, хотя онъ и палъ впослѣдствіи? Отчего не избавленъ онъ отъ этихъ мукъ, онъ, сохранившій еще часть божественнаго подобія? Отчего не пощаженъ онъ изъ уваженія къ образу его Творца?»

«Образъ ихъ Творца,» отвѣчалъ Михаилъ, «оставилъ ихъ съ той минуты, какъ они унизили себя, ставъ рабами своихъ необузданныхъ страстей; тогда они приняли образъ того, кому служили, образъ грубаго порока, глав-

A lazar-house it seem'd, wherein were laid
Numbers of all diseased, all maladies
Of ghastly spasm or racking torture, qualms
Of heart-sick agony, all fev'rous kinds,
Convulsions, epilepsies, fierce catarrhs,
Intestine stone and ulcer, colic pangs,
Demoniac frenzy, moping melancholy,
And moon-struck madness, pining atrophy,
Marasmus, and wide-wasting pestilence,
Dropsies, and asthmas, and joint-racking rheums.
Dire was the tossing, deep the groans; Despair
Tended the sick, busiest, from couch to couch;
And over them triumphant Death his dart
Shook, but delay'd to strike, though oft invoked
With vows, as their chief good and final hope.
Sight so deform, what heart of rock could long
Dry-eyed behold! Adam could not, but wept,
Though not of woman born. Compassion quell'd
His best of man, and gave him up to tears
A space, till firmer thoughts restrain'd excess;
And, scarce recov'ring words, his plaint renew'd.
O miserable mankind! to what fall
Degraded! to what wretched state reserved!.
Better end here unborn. Why is life given
To be thus wrested from us? Rather, why
Obtruded on us thus? who if we knew
What we receive, would either not accept
Life offer'd, or soon beg to lay it down,
Glad to be so dismiss'd in peace. Can thus
The image of God, in man created once
So goodly and erect, though faulty since,
To such unsightly suff'ring be debased
Under inhuman pains? Why should not man,
Retaining still divine similitude
In part, from such deformities be free,
And for his Maker's image sake exempt?
Their Maker's image, answer'd Michael, then
Forsook them when themselves they vilify'd
To serve ungovern'd appetite, and took
His image whom they served (a brutish vice)

наго источника согрѣшенія Евы. Вотъ почему такъ унизительно ихъ наказаніе: оно искажаетъ не Божій образъ, но ихъ собственный; если и сохранились въ нихъ нѣкоторыя черты подобія Божія, то они сами изгладили ихъ, превративъ здравые законы чистой Природы въ отвратительные недуги; они справедливо наказаны за неуваженіе въ себѣ образа Божія.»

«Признаю небесное правосудіе,» сказалъ Адамъ, «и покоряюсь ему. Но кромѣ этихъ горькихъ путей, нѣтъ ли еще другого пути, ведущаго насъ къ смерти, къ соединенію съ первобытнымъ прахомъ?»

«Есть», отвѣчалъ Михаилъ, «если ты будешь соблюдать правило: «ничего излишняго.» Научаемый воздержностію въ яствахъ и питьѣ, ищи въ нихъ необходимаго питанія, а не прожорливыхъ наслажденій. Тогда надъ твоей головою пройдутъ многочисленные годы, и будешь ты жить, пока, подобно зрѣлому плоду, не отпадешь въ лоно твоей матери; ты не будешь оторванъ силой, смерть возьметъ тебя легко: ты будешь готовъ для нея. Это старость; но тогда ты долженъ пережить твою молодость, силу, красоту; ихъ заступятъ слабость, дряхлость, сѣдины. Чувства твои притупятся, ничто не будетъ радовать тебя; вмѣсто радостей и надеждъ веселой молодости, тяжелое уныніе охладитъ твою кровь, подавитъ въ тебѣ жизненный духъ, и наконецъ изсушитъ, уничтожитъ въ тебѣ самый бальзамъ жизни.»

Прародитель нашъ говоритъ: «Съ этой минуты я не стану избѣгать смерти, не желаю также и продленія жизни: буду стремиться къ тому лишь, какъ спокойнѣе и легче сложить съ себя ея удручающее бремя, которое я долженъ нести до назначеннаго мнѣ дня, и стану терпѣливо ждать разрушенія!»

Михаилъ отвѣчаетъ: «Не имѣй ни привязанности, ни отвращенія къ жизни, но сколько назначено тебѣ жить, живи добродѣтельно: долги или коротки будутъ твои дни, предоставь это Небу. Теперь приготовься къ другому зрѣлищу.»

Адамъ смотритъ и видитъ обширную равнину и на ней много разноцвѣтныхъ шатровъ [178]; около однихъ паслись стада, изъ другихъ неслись мелодическіе звуки арфы и органа. Онъ видитъ того, кто заставляетъ

Inductive mainly to the sin of Eve.
Therefore, so abject is their punishment,
Disfiguring not God's likeness, but their own,
Or, if his likeness, by themselves defaced,
While they pervert pure Nature's healthful rules
To loathsome sicknes, worthily, since they
God's image did not rev'rence in themselves.
I yield it just, said Adam, and submit.
But is there yet no other way, besides
These painful passages, how we may come
To death, and mix with our connatural dust?
There is, said Michael, if thou well observe
The rule of not too much, by Temp'rance taught,
In what thou eat'st and drink'st, seeking from thence
Due nourishment, not gluttonous delight,
Till many years over thy head return:
So may'st thou live till, like ripe fruit, thou drop
Into thy mother's lap, or be with ease
Gather'd not harshly pluck'd for death mature.
This is old age; but then thou must outlive
Thy youth, thy strength, thy beauty, which will change
To wither'd weak, and grey. Thy senses then
Obtuse, all taste of pleasure must forego,
To what thou hast; and for the air of youth,
Hopeful and cheerful, in thy blood will reign
A melancholy damp of cold and dry,
To weigh thy spirits down, and last consume
The balm of life. To whom our ancestor:
Henceforth I fly not death, nor would prolong
Life much, bent rather how I may be quit,
Fairest and easiest, of this cumb'rous charge,
Which I musk keep till my appointed day
Of rend'ring up, and patiently attend
My dissolution. Michael replied:
Nor love thy life, nor hate, but what thou liv'st
Live well; how long or short permit to Heav'n.
And now prepare thee for another sight.
He look'd, and saw a spacious plain, whereon
Were tents of various hue: by some were herds
Of cattle grazing; others, whence the sound
Of instruments that made melodious chime
Was heard, of harp and ogran, and who movel

звучать ихъ струны. Вдохновенная рука быстро пробѣгала вверхъ и внизъ черезъ все пространство инструмента и въ искусномъ сочетаніи звуковъ выполняла торжественную фугу. Въ другомъ мѣстѣ стояла ковальня, и въ ней работалъ человѣкъ. Онъ растопилъ два огромныхъ слитка желѣза и мѣди (случайный ли огонь, истребивъ лѣсъ на горѣ или въ долинѣ, проникъ въ земныя жилы, и горячій металлъ вытекъ изъ какой нибудь разсѣлины, или бурный потокъ вырылъ изъ глубины земли эти слитки): горячую жидкость онъ вливалъ въ приготовленныя формы; сперва онъ изготовляетъ орудія своего собственнаго ремесла, а потомъ всякіе предметы, какіе могутъ быть вылиты или вычеканены изъ метала.

Потомъ, съ ближайшей къ Адаму стороны, люди другого племени стали спускаться въ долину съ окрестныхъ горъ, гдѣ они обитали. По ихъ виду казалось, что они были людьми добродѣтельными, праведно служили Богу, познавали Его творенія и стремились къ сохраненію среди людей свободы и мира. Не много прошли они по равнинѣ, какъ вдругъ изъ шатровъ высыпаютъ веселыя толпы прелестныхъ женщинъ въ роскошныхъ одеждахъ и уборахъ изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Подъ звуки арфъ поютъ онѣ сладостныя пѣсни любви и съ плясками идутъ навстрѣчу пришельцамъ. Благочестивые мужи, не взирая на свою строгость, невольно смотрятъ на нихъ и не могутъ оторвать отъ нихъ взоровъ; наконецъ, сѣти любви крѣпко опутываютъ ихъ, и каждый выбираетъ себѣ подругу. Они ведутъ любовныя бесѣды до вечерней звѣзды, вѣстницы любви; тогда, воспламененные страстію, они зажигаютъ брачный свѣтильникъ и призываютъ Гименея: такъ былъ онъ впервые призванъ для брачныхъ обрядовъ. Шатры огласились музыкой и шумомъ празднествъ.

Эта счастливая встрѣча, этотъ радостный союзъ любви [179] и не пропавшей даромъ юности, восхитительный видъ цвѣтовъ, вѣнковъ, чарующіе звуки музыки и пѣсенъ привлекаютъ сердце Адама; онъ скоро склоняется къ наслажденію, чувству, вложенному въ него самою природой, и такъ выражаетъ свой восторгъ:

«О ты, открывшій мои очи, благословенный Ангелъ, это видѣніе от-

Their stops and chords, was seen. His volant touch
Instinct, through all proportions low and high,
Fled and pursued transverse the resonant fugue.
In other part stood one who, at the forge
Labouring, two massy clods of iron and brass
Had melted (whether found where casual fire
Had wasted woods on mountain or in vale,
Down to the veins of earth, thence gliding hot
To some cave's mouth, or whether wash'd by stream
From under ground): the liquid ore he drain'd
Into fit moulds prepared; from which he form'd
First his own tools: then, what might else be wrought
Fusile, or grav'n in metal. After these,
But on the hither side, a different sort
From the high neighb'ring hills, which was their seat,
Down to the plain descended. By their guise,
Just men they seem'd, and all their study bent
To warship God aright, and know his works
Not hid, nor those things last which might preserve
Freedom and peace to men. They on the plain
Long had not walk'd, when from the tents, behold,
A bevy of fair women, richly gay
In gems and wanton dress. To th'harp they sung
Soft amorous ditties, and in dance came on.
The men, tho'grave, eyed them, and let their eyes
Rove without rein, till in the amorous net
Fast caught, they liked, and each his liking chose:
And now of love they treat, till th'ev'ning star,
Love's harbinger, appear'd; then all in heat
They light the nuptial torch, and bid invoke
Hymen, then first to marriage rites invoked.
With feast and music all the tents resound.
Such happy interview and fair event
Of love and youth not lost, songs, garlands, flow'rs
And charming symphonies, attach'd the heart
Of Adam, soon inclined t' admit delight,
The bent of nature; which he thus express'd:
True opener of mine eyes, prime Angel blest,

раднѣе; оно предвѣщаетъ больше надеждъ на мирные дни, чѣмъ два предъидущихъ: тамъ представлялась ненависть, смерть, или страданія еще ужаснѣйшія; здѣсь же видится торжество Природы, достигшей всѣхъ своихъ цѣлей.»

Михаилъ возражаетъ: «Не суди о совершенствѣ вещей по удовольствію, хотя оно и кажется согласнымъ съ природою. Ты, носящій святой и чистый образъ Божества, созданъ для высшей цѣли. Тѣ шатры, такъ плѣнившіе тебя, суть шатры беззаконія; въ нихъ будетъ жить племя того, который убилъ своего брата. Они кажутся ревностны къ искусствамъ, служащимъ для утонченности жизни. Удивительные изобрѣтатели, они забыли своего Творца, хотя Его Духъ научилъ ихъ [180]; они не признаютъ ни одного изъ Его благодѣяній. Однако, отъ нихъ произойдетъ племя замѣчательной красоты: но всѣ эти прелестныя женщины, видѣнныя тобою и казавшіяся тебѣ богинями, обольстительныя, веселыя, нѣжныя, лишены всѣхъ добродѣтелей, въ которыхъ заключается семейная честь и главная слава женщины. Воспитанныя для однихъ чувственныхъ наслажденій, онѣ умѣютъ только пѣть, плясать, наряжаться, болтать языкомъ, ворочать глазами. Тѣ благочестивые мужи, святостію жизни заслужившіе имя сыновъ Божіихъ, позорно пожертвуютъ своею честію, своею славой за улыбки и ласки этихъ обольстительныхъ, безбожныхъ женъ. Теперь они утопаютъ въ радостяхъ, но скоро будутъ утопать въ глубокой безднѣ; они смѣются, но скоро за этотъ смѣхъ міръ прольетъ цѣлый океанъ слезъ.»

Адамъ (лишенный кратковременной радости) восклицаетъ: «О горе, о стыдъ этимъ людямъ! Какъ могли они, начавшіе свой жизненный путь съ такою честію, вдругъ уклониться въ сторону, вступить на неправыя стези, ослабѣть на полпути! Но, вездѣ я вижу одинъ и тотъ же источникъ всѣхъ человѣческихъ золъ: они всегда происходятъ отъ женщины.»

«Отъ слабости Мужчины происходятъ они,» возразилъ Ангелъ. «Человѣкъ долженъ умѣть сохранять то высокое положеніе, какое даетъ ему его мудрость и высшіе дары. Но, будь готовъ къ другому видѣнію.»

Онъ смотритъ, и разстилается передъ нимъ пространная область; на

Much better seems this vision, and more hope
Of peaceful days portends, than those two past:
Those were of hate and death, or pain much worse;
Here Nature seems fulfill'd in all her ends.
To whom thus Michael: Judge not what is best
By pleasure, though to nature seeming meet,
Created, as thou art, to nobler end,
Holy and pure, conformity divine.
Those tents thou saw'st so pleasant, were the tents
Of wickedness, wherein shall dwell his race
Who slew his brother. Studious they appear
Of arts that polish life, inventors rare,
Unmindful of their Maker, though his Spirit
Taught them; but they his gifts acknowledged none;
Yet they a beauteous offspring shall beget;
For that fair female troop thou saw'st, that seem'd
Of Goddesses, so blithe, so smooth, so gay,
Yet empty of oll good, wherein consistt
Woman's domestic honour and chief praise;
Bred only and completed to the taste
Of lustful appetence, to sing, to dance,
To dress, and troll the tongue, and roll the eye.
To these that sober race of men, whose lives
Religious, titled them the sons of God,
Shall yield up all their virtue, all their fame,
Ignobly, to the trains and to the smiles
Of these fair atheists, and now swim in joy,
Ere long to swim at large; and laugh, for which
The world ere long a world of tears must weep.
To whom thus Adam (of short joy bereft):
O pity and shame, that they who to live well
Enter'd so fair, should turn aside to tread
Paths indirect, or in the mid-way faint!
But still I see the tenor of Man's woe
Holds on the same, from Woman to begin.
From Man's effeminate slackness it begins,
Said th' Angel, who should better hold his place
By wisdom, and superior gifts received.
But now prepare thee for another scene.
He look'd, and saw wide territory spread
Before him; towns and rural works between,

ней были села и между ними засѣянныя поля, многолюдные города съ высокими воротами и башнями, а также толпы вооруженныхъ людей: свирѣпыя лица грозятъ бранію; это исполины гигантской силы, дерзкой отваги. Одни потрясаютъ оружіемъ, другіе скачутъ на рьяныхъ коняхъ. Всадники и пѣшіе воины, въ одиночку или въ боевомъ строю, не стоятъ праздно. Тамъ отрядъ избранныхъ ратниковъ гонитъ стадо прекрасныхъ быковъ и коровъ, похищенныхъ съ тучныхъ пастбищъ; стада волнистыхъ овецъ и блеющихъ ягнятъ увеличиваютъ добычу по ихъ пути черезъ равнину. Пастухи бѣгутъ, едва спасая жизнь, и зовутъ на помощь. Возгорается кровавая сѣча: бойцы съ яростію наступаютъ другъ на друга; тамъ, гдѣ недавно паслись стада, окровавленныя и опустошенныя поля усѣяны теперь трупами и оружіемъ. Другая часть воиновъ обложила стѣны сильнаго города. Воздвигнувъ бойницы, подкопы, они идутъ уже на приступъ; осажденные защищаются, бросая со стѣнъ копья, дротики, камни, горящую смолу: съ обѣихъ сторонъ рѣзня и исполинскіе подвиги. Въ другомъ мѣстѣ герольды, съ жезломъ въ рукахъ, сзываютъ совѣтъ у городскихъ воротъ. Немедленно собираются важные старцы, убѣленные сѣдинами, и смѣшиваются съ воинами; слышатся рѣчи ораторовъ; но вдругъ ихъ прерываютъ мятежные крики. Наконецъ, встаетъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ важною осанкою; онъ долго говоритъ о правдѣ и беззаконіи, о справедливости, о служеніи Богу, объ истинѣ, мирѣ и вышнемъ судѣ. Старцы и юноши издѣваются надъ нимъ [181], и готовы поднять на него буйныя руки, но снисшедшее вдругъ облако скрываетъ его и уноситъ изъ бунтующей толпы. По всей странѣ господствовало насиліе, притѣсненіе, право меча; не было нигдѣ безопаснаго убѣжища.

Адамъ, въ слезахъ, съ глубокою горестію обращается къ своему Вождю: «О, кто эти люди! это слуги смерти, не люди, если они такъ безчеловѣчно наносятъ смерть людямъ, въ десять тысячъ разъ умножая злодѣяніе убійцы своего брата! Кого же убиваютъ они, какъ не своихъ братьевъ! Люди убиваютъ людей! Но кто этотъ праведный мужъ, который погибъ бы за свою праведность, если бы его не сохранило Небо?»

Михаилъ отвѣчаетъ: «Вотъ плоды тѣхъ несчастныхъ браковъ [182], что

Cities of men, with lofty gates and tow'rs,
Concourse in arms, fierce faces threat'ning war,
Giants of mighty bone, and bold emprise:
Part wield their arms, part curb the foaming steed,
Single or in array of battle ranged
Both horse and foot; nor idly must'ring stood.
One way a band select, from forage drives
A herd of beeves, fair oxen and fair kine,
From a fat meadow-ground; or fleecy flock,
Ewes and their bleating lambs over the plain,
Their booty. Scarce with life the shepherds fly,
But call in aid; which makes a bloody fray.
With cruel tournament the squadrons join:
Where cattle pastured late, now scatter'd lies
With carcases and arms th' insanguined field
Deserted. Others, to a city strong
Lay siege, encamp'd; by battery, scale, and mine,
Assaulting: others, from the wall, defend
With dart and javelin, stones and sulph'rous fire:
On each hand slaughter and gigantic deeds.
In other part the scepter'd heralds call
To council in the city gates. Anon
Grey-headed men and grave, with warriors mix'd,
Assemble, and harangues are heard; but soon
In factious opposition, till at last
Of middle age one rising, eminent
In wise deport, spake much of right and wrong,
Of justice, of religion, truth, and peace,
And judgment from above. Him old and young
Exploded, and had seized with violent hands,
Had not a cloud descending snatch'd him thence,
Unsseen amid the throng: so violence
Proceeded, and oppression, and sword-law
Through all the plain; and refuge none was found.
Adam was all in tears, and to his Guide
Lamenting, turn'd full sad: O what are these?
Death's ministers, not men, who thus deal death
Inhumanly to men, and multiply
Ten thousand fold the sin of him who slew
His brother! for of whom such massacre
Make they but of their brethren, men of men!
But who was that just man, whom had not Heav'n
Rescued, had in his righteousness been lost?
To whom thus Michael: These are the product
Of those ill-mated marriages thou saw'st;

ты видѣлъ, гдѣ добродѣтель сочеталась съ порокомъ: они сами со страхомъ бѣгутъ другъ отъ друга; безумный союзъ произведетъ рожденія чудовищныя тѣломъ и духомъ. Таковы эти исполины, мужи, громко прославленные на землѣ: въ тѣ дни одна сила будетъ заслуживать удивленія; ее будутъ величать мужествомъ, геройскою доблестію. Побѣждать въ битвахъ, покорять народы, возвращаться съ добычей, награбленной въ кровавомъ побоищѣ, вотъ что будетъ считаться высшей мѣрой человѣческой славы; за эту славу будутъ воздаваться ея героямъ торжественныя почести, ихъ будутъ величать великими побѣдителями, благодѣтелями человѣчества, богами, сынами боговъ. Вѣрнѣе назвать ихъ губителями, язвою человѣческаго рода. Такъ будутъ достигаться на землѣ слава, извѣстность, а то, что заслуживаетъ истинной славы, останется въ забвеніи. Тотъ же, котораго ты видѣлъ, седьмой изъ твоихъ потомковъ, будетъ единственный праведникъ среди развратнаго міра. Врагъ его будетъ ненавидѣть и преслѣдовать его за то, что онъ одинъ осмѣлился быть праведнымъ и возвѣстилъ страшную истину, что Богъ съ Своими Святыми придетъ судить ихъ. Всевышній вознесетъ его въ благоухающемъ облакѣ на крылатыхъ коняхъ; онъ будетъ взятъ на Небо, чтобы ходить передъ Господомъ по высокому пути спасенія, въ обители блаженства, гдѣ нѣтъ смерти. Чтобы знать какая награда ожидаетъ добрыхъ и какая казнь предстоитъ порочнымъ, обрати сюда твои взоры: ты увидишь.»

Адамъ смотритъ и видитъ, что все приняло совершенно другой видъ. Мѣдная пасть войны не ревѣла болѣе: теперь все превратилось въ веселіе, игры; всюду видны роскошь, буйный разгулъ, пиршества, пляски. Бракъ, распутство, любовь, прелюбодѣяніе, все смѣшивается какъ попало тамъ, гдѣ красота женщины мимоходомъ разставитъ свои сѣти. Отъ чашъ они переходятъ къ междоусобнымъ раздорамъ. Наконецъ, является среди нихъ достойный мужъ; онъ изъявляетъ глубокое отвращеніе къ ихъ поступкамъ, возстаетъ противъ ихъ беззаконій. Онъ часто посѣщалъ ихъ, постоянно находя пышныя празднества и пиршества, онъ проповѣдывалъ имъ, какъ заключеннымъ въ темницѣ преступникамъ, которыхъ ждетъ неминуемая казнь, обращеніе на путь истины, раскаяніе. Но все тщетно!

Where good with bad were match'd, who of themselves
Abhor to join, and by imprudence mix'd,
Produce prodigious births of body or mind.
Such were these giants, men of high renown;
For in those days might only shall be admired,
And valour and heroic virtue call'd,
To overcome in battle and subdue
Nations, ana bring home spoils with infinite
Man-slaughter, shall be held the highest pitch
Of human glory, and for glory done
Of triumph, to be styled great conquerors,
Patrons of mankind, Gods, and sons of Gods:
Destroyers rightlier call'd; and plagues of men.
Thus fame shall be achieved, renown on earth,
And what most merits fame in silence hid.
But he the seventh from thee, whom thou beheld'st
The only righteous in a world perverse,
And therefore hated, therefore so beset
With foes for daring single to be just,
And utter odious truth, that God would come
To judge them with his saints; his the Most High
Rapt in a balmy cloud with winged steeds,
Did, as thou saw'st, receive to walk with God,
High in salvation and the climes of bliss,
Exempt from death; to show thee wrat reward
Awaits the good, the rest what punishment:
Which now direct thine eyes, and soon behold.
He look'k and saw the face of things quite changed.
The brazen throat of war had ceased to roar:
All now was turn'd to jollity and game,
To luxury and riot, feast and dance,
Marrying or prostituting, as befel,
Rape or adultery, where passing fair
Allured them: thence from cups to civil broils.
At length a rev'rend sire among them came,
And of their doings great dislike declared,
And testified against their ways. He oft
Frequented their assemblies, whereso met,
Triumphs or festivals, and to them preach'd
Conversion and repentance, as to souls
In prison under judgments imminent:

Убѣдясь въ этомъ, онъ прекращаетъ увѣщанія, и далеко отъ нихъ переноситъ свои шатры.

Тогда, срубивъ на горѣ высокія дерева, онъ началъ строить корабль громадныхъ размѣровъ; измѣрилъ его на локти въ длину, ширину и вышину, осмолилъ кругомъ и сдѣлалъ въ немъ сбоку дверь; потомъ въ изобиліи наполнилъ его всякою пищею, необходимою для людей и животныхъ. Вдругъ, о удивительное чудо! всякаго рода животныя, птицы, малыя насѣкомыя идутъ семью парами, входятъ въ зданіе и занимаютъ свои мѣста, какъ бы по приказанію. Послѣдними вошли: самъ патріархъ, его три сына и четыре жены, и Богъ крѣпко заперъ дверь.

Между тѣмъ поднялся полуденный вѣтеръ, и, паря на черныхъ крылахъ, сгоняетъ вмѣстѣ тучи, разсѣянныя по всему поднебесью; къ нимъ присоединяются съ вершинъ горъ туманы, пары, мрачные и влажные. Сгущенныя облака стоятъ неподвижно, подобно темному своду; хлынулъ ливень и не прекращался пока земли не стало болѣе видно. Пловучее зданіе неслось, высоко поднятое водою и, колеблясь, безопасно разсѣкало волны остроконечнымъ носомъ; всѣ другія жилища были потоплены, разнесены водами, и со всею ихъ пышностію глубоко погребены подъ ними. Моря покрылись морями, слившись въ одинъ безбрежный океанъ. Въ дворцахъ, гдѣ недавно царила роскошь, поселились и размножились морскія чудовища. Все, что осталось отъ человѣческаго рода, недавно столь многочисленнаго, было заключено въ утлой ладьѣ и неслось по волнамъ.

Велико было твое горе, Адамъ! Ты видѣлъ конецъ всего своего потомства, конецъ столь печальный. О опустошеніе! Другой потопъ, потопъ слезъ и печали, поглотилъ тебя самого; ты былъ погруженъ въ такую же бездну, какъ твои сыны, пока Ангелъ тихо не поднялъ тебя. Ты всталъ, но все еще былъ безутѣшенъ, подобно отцу, который оплакиваетъ своихъ дѣтей, однимъ ударомъ сраженныхъ на его глазахъ: едва достало у тебя силы обратить къ Ангелу грустныя слова:

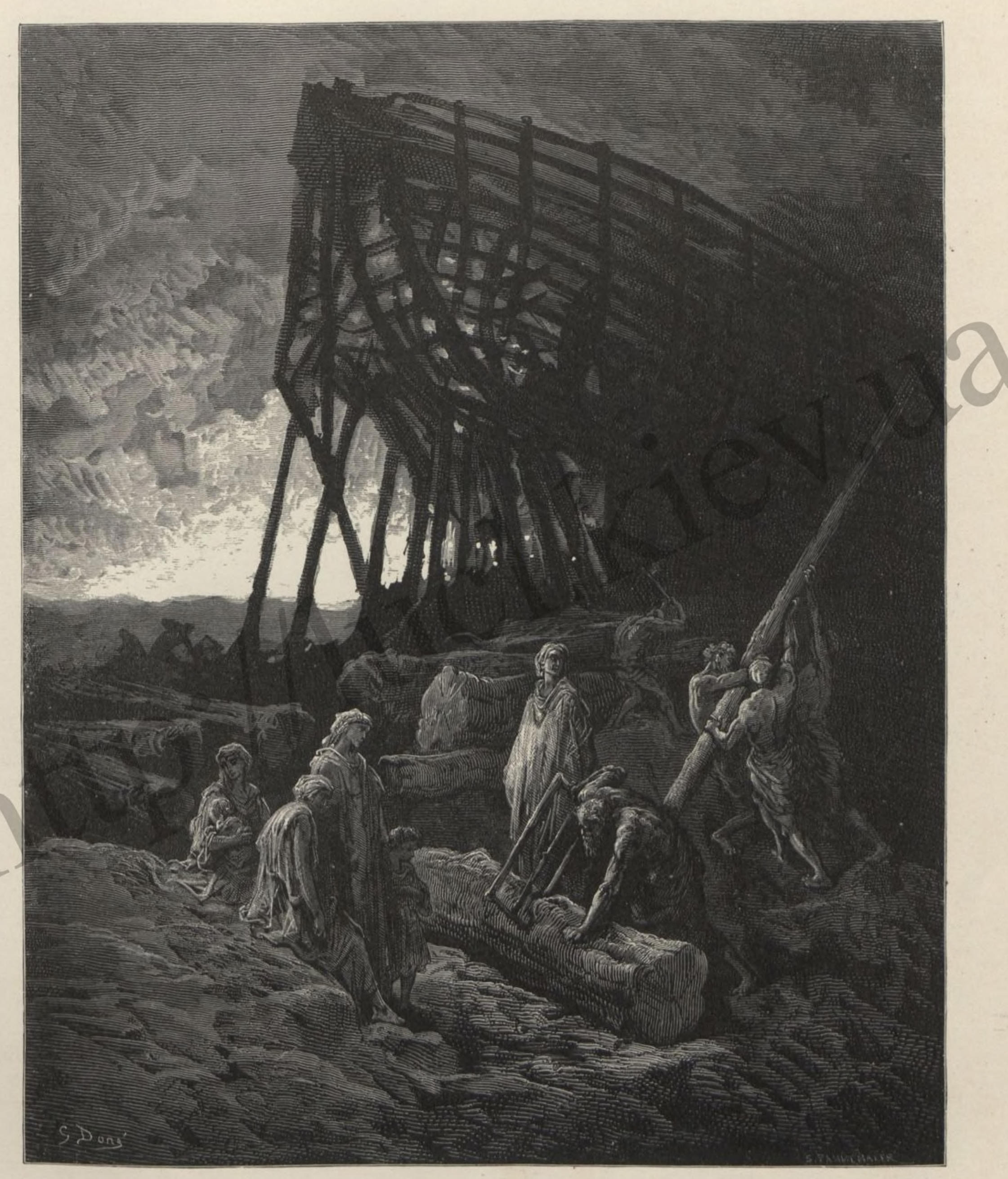
«О зловѣщія видѣнія! Лучше бы я жилъ, не вѣдая будущаго; я переносилъ бы лишь свою долю горя, бремени и безъ того не легкаго! Теперь же всѣ бѣдствія, предназначенныя грядущимъ вѣкамъ, сразу обру-

But all in vain: which when he saw, he ceased
Contending, and removed his tents far off.
Then from the mountain, hewing timber tall,
Began to build a vessel of huge bulk,
Measured by cubit, length, and breadth, and highth,
Smear'd round with pitch, and in the side a door
Contrived; and of provisions laid in large
For man and beast; when lo, a wonder strange!
Of every beast, and bird, and insect small,
Came sevens and pairs, and enter'd in as taught
Their order. Last, the sire and his three sons
With their four wives; and God made fast the door.
Meanwhile the south wind rose, and with black wings
Wide hov'ring, all the clouds together drove
From under Heaven; the hills to their supply
Vapour, and exhalation dusk and moist,
Sent up amain. And now the thicken'd sky
Like a dark ceiling stood; down rush'd the rain
Impetuous, and continued till the earth
No more was seen. The floating vessel swum
Uplifted, and secure with beaked prow,
Rode tilting o'er the waves: all dwellings else
Flood overwhelm'd, and them with all their pomp
Deep under water roll'd; sea cover'd sea,
Sea without shore: and in their palaces,
Where luxury late reign'd, sea monsters whelp'd
And stabled. Of mankind, so numerous late,
All left, in one small bottom swum imbark'd.
How didst thou grieve then, Adam, to behold
The end of all thy offspring, end so sad,
Depopulation! Thee another flood,
Of tears and sorrow a flood, thee also drown'd,
And sunk thee as thy sons; till gently rear'd
By th' Angel, on thy feet thou stood'st at last,
Though comfortless, as when a father mourns
His children, all in view destroy'd at once:
And scarce to th' Angel utter'dst thus thy plaint:
O visions ill foreseen! Better had I
Lived ignorant of future, so had borne
My part of evil only, each day's lot
Enough to bear! those now, that were dispensed
The burden of many ages, on me light

Срубивъ на горѣ высокія дерева, онъ началъ строить громадный корабль.

Пѣснь 11, стр. 248.

Then from the mountain, hewing timber tall,
Began to build a vessel of huge bulk.

G. Doré

Всѣ другія жилища были потоплены, разнесены водами, и со всей ихъ пышностію глубоко погребены подъ ними.

Пѣснь 11. стр. 248.

. . . . All dwellings else
Flood overhelm'd, and them with all their pomp
Deep under water roll'd . . . .

шиваются на меня: мое предвѣдѣніе преждевременно рождаетъ ихъ передъ моими очами, и мысль о неизбѣжности зла терзаетъ меня раньше его осуществленія! Пусть не одинъ человѣкъ не стремится знать впередъ, что готовится въ будущемъ ему или его дѣтямъ: въ горѣ онъ можетъ быть увѣренъ—никакое предвѣдѣніе не отвратитъ его, а ожиданіе будущихъ бѣдствій не менѣе тяжко, чѣмъ сама дѣйствительность. Но моя забота напрасна: мнѣ некого предохранять! та горсть людей, избѣгшая гибели и носящаяся по водяной пустынѣ, погибнетъ, наконецъ, отъ голода и страха. Когда насилія и войны прекратились на землѣ, я надѣялся, что все опять поправится и миръ увѣнчаетъ счастіемъ долгіе дни рода человѣческаго. Увы! я обманулся; теперь я вижу: миръ растлѣваетъ столько же, сколько война опустошаетъ. Отчего это происходитъ? Открой мнѣ это, о небесный наставникъ! скажи: неужели вижу я здѣсь конецъ человѣческаго рода?»

Михаилъ отвѣчаетъ: «тѣ люди, которыхъ ты видѣлъ торжествующими, упоенными нѣгой и роскошью, суть тѣ же самые, чьи великіе подвиги и отмѣнную доблесть созерцалъ ты раньше. Но они были чужды истинной добродѣтели. Проливъ потоки крови, опустошивъ землю, покоривъ народы, они пріобрѣтутъ въ мірѣ славу, высокіе титулы, богатую добычу, и потомъ бросятся къ удовольствіямъ, погрязнутъ въ лѣни, роскоши, сластолюбіи, развратѣ, пока ихъ безстыдство и гордость, изъ самой дружбы ихъ, среди мира не породитъ вражды. Равно и побѣжденные, подпавшіе подъ иго рабства, съ утратой свободы утратятъ всѣ добродѣтели и страхъ Божій; въ жестокихъ браняхъ, не находя противъ врага помощи свыше, притворное ихъ благочестіе остынетъ, они будутъ помышлять лишь о томъ, чтобы спокойно пользоваться тѣмъ, что оставитъ имъ побѣдитель, и погрязнутъ въ порокахъ и роскоши: земля произведетъ тогда сверхъ нуждъ человѣка для испытанія его воздержанія. Такъ выродится, развратится весь родъ человѣческій: правосудіе, умѣренность, истина, вѣра, все будетъ забыто! Въ этотъ вѣкъ мрака, одинъ только человѣкъ, одинъ сынъ свѣта сохранитъ добродѣтель, не взирая ни на дурные примѣры, ни на обольщенія порока, ни на обычаи развращеннаго міра; не страшась ни

At once, by my foreknowledge gaining birth
Abortive, to torment me ere their being,
With thought that they must be! Let no man seek
Henceforth to be foretold what shall befal
Him or his children: evil he may be sure,
Which neither his foreknowing can prevent,
And he the future evil shall no less
In apprehension than in substance feel
Grievous to bear. But that care now is past,
Man is not whom to warn: those few escaped,
Famine and anguish will at last consume,
Wand'ring that watery desert. I had hope
When violence was ceased, and war on earth,
All would have then gone well; peace would have crown'd
With length of happy days the race of man;
But I was far deceived: for now I see
Peace to corrupt no less than war to waste.
How comes it thus? Unfold, celestial guide;
And whether here the race of man will end?
To whom thus Michael: Those whom last thou saw'st
In triumph and luxurious wealth, are they
First seen in acts of prowess eminent
And great exploits, but of true virtue void;
Who, having spilt much blood, and done much waste,
Subduing nations, and achieved thereby
Fame in the world, high titles, and rich prey,
Shall change their course to pleasure, ease, and sloth
Surfeit, and lust, till wantonness and pride
Raise out of friendship hostile deeds in peace.
The conquer'd also, and enslaved by war,
Shall, with their freedom lost, all virtue lose
And fear of God, from whom their piety feign'd
In sharp contest of battle, found no aid
Against invaders; therefore cool'd in zeal,
Thenceforth shall practise how to live secure,
Worldly or dissolute, on what their lords
Shall leave them to enjoy: for th' earth shall bear
More than enough, that temperance may be try'd;
So all shall turn degenerate, all depraved,
Justice and temperance, truth and faith forgot;
One man except, the only son of light
In a dark age, against example good,
Against allurement, custom, and a world
Offended; fearless of reproach and scorn,
Or violence, he of their wicked ways

злобы, ни презрѣнія, ни силы, станетъ онъ обличать людей въ ихъ беззаконіяхъ; онъ откроетъ имъ пути правые, ведущіе къ миру и счастію, возвѣстить за ихъ нераскаяніе гнѣвъ Божій. Онъ уйдетъ отъ нихъ поруганный, но Господь будетъ видѣть въ немъ единственнаго праведника среди всѣхъ живущихъ на землѣ.

«По Его повелѣнію этотъ праведный мужъ построитъ удивительный ковчегъ—ты видѣлъ его—чтобы спастись съ своимъ семействомъ отъ всеобщей гибели, на которую будетъ обреченъ міръ. Какъ только войдетъ онъ въ ковчегъ и запрется въ немъ съ людьми и животными, избранными для продолженія жизни, всѣ небесные водопады разверзнутся, и день и ночь польетъ на землю дождь; всѣ источники, скрытые въ глубинѣ земли, расторгнутъ свои преграды; моря и океаны, переполненные, выйдутъ изъ своихъ береговъ, вода будетъ подыматься до тѣхъ поръ, пока не покроетъ высочайшихъ горъ. Тогда мощью волнъ эта Райская гора будетъ сдвинута съ мѣста, со всей ея увядшей зеленью и деревами, предоставленными на волю вѣтра; островерхія волны умчатъ ее по безбрежному потоку; наконецъ, она низвергнется въ пучину и, пустивъ тамъ корни, образуетъ соленый, безплодный островъ, пристанище тюленей и крикливыхъ чаекъ. Познай изъ этого, что Господь не придаетъ святости никакому мѣсту, если она не внесена туда людьми, которые посѣщаютъ его, или живутъ въ немъ. Теперь смотри, что послѣдуетъ далѣе.»

Адамъ смотритъ и видитъ ковчегъ несущійся по водѣ, уже начинавшей убывать. Облака исчезли, разсѣянныя рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, который своимъ сухимъ дыханіемъ бороздилъ осѣдавшія воды потопа. Свѣтлое солнце горячо смотрѣлось въ зеркало безпредѣльныхъ водъ, упиваясь свѣжею волной, словно послѣ долгой жажды; неподвижная масса водъ, постепенно убывая, какъ во время отлива, тихо и незамѣтно уходила въ глубину Пучины, которая уже заградила всѣ свои шлюзы, такъ же какъ Небо закрыло свои окна.

Ковчегъ уже не плылъ, но, казалось, неподвижно остановился на вершинѣ высокой горы. Вотъ, какъ бы скалы, показались вершины холмовъ; быстрые ручьи съ шумомъ несутъ отъ нихъ свои бурныя воды къ отсту

Shall them admonish, and before them set
The paths of righteousness, how much more safe,
And full of peace, denouncing wrath to come
On their impenitence; and shall return
On them derided, but of God observed
The one just man alive. By his command
Shall build a wondrous ark, as thou beheld'st
To save himself and household from amidst
A world devote to universal wrack.
No sooner he with them of man and beast
Select for life shall in the ark be lodged,
And shelter'd round, but all the cataracts
Of Heav'n, set open on the earth, shall pour
Rain day and night; all fountains of the deep
Broke up, shall heave the ocean, to usurp
Beyond all bounds, till inundation rise
Above the highest hills: then shall this mount
Of Paradise, by might of waves, be moved
Out of his place, push'd by the horned flood,
With all his verdure spoil'd, and trees adrift,
Down the great river to the opening gulf,
And there take root an island salt and bare,
The haunt of seals, and ore? and sea-mews clang,
To teach thee that God attributes to place
No sanctity, if none be thither brought
By men who there frequent, or therein dwell.
And now what further shall ensue, behold.
He look'd, and saw the ark hull on the flood,
Which now abated; for the clouds were fled,
Driven by a keen north-wind, that blowing dry
Wrinkled the face of deluge, as decay'd;
And the clear sun on his wide watery glass
Gazed hot, and of the fresh wave largely drew,
As after thirst; which made their flowing shrink
From standing lake to tripping ebb, that stole
With soft foot towards the Deep, who now had stopt
His sluices, as the Heav'n his windows shut.
The ark no more now floats, but seems on ground,
Fast on the top of some high mountain fix'd,
And now the tops of hills as rocks appear:
With clamour thence the rapid currents drive
Towards the retreating sea their furious tide.

пающему шагъ за шагомъ морю. Вдругъ изъ ковчега вылетаетъ воронъ, а за нимъ два раза былъ выпущенъ вѣстникъ болѣе вѣрный, голубь, чтобъ развѣдать не открылось ли гдѣ дерева или сухой земли, куда бы онъ могъ ступить ногою. Во второй разъ онъ возвратился, принеся въ клювѣ оливковый листъ, знакъ мира. Вскорѣ появилась суша. Древній патріархъ выходитъ изъ ковчега со всѣми заключенными въ немъ. Съ благодарностію воздѣвая къ Небу руки и благочестивые взоры, онъ видитъ надъ своей головою влажное облако, и въ этомъ облакѣ дугу изъ трехъ яркоцвѣтныхъ полосъ: то было знаменіе мира и новаго завѣта съ Богомъ. Тогда сердце Адама, такъ растерзанное печалью, возрадовалось великой радостію, и она вылилась въ такихъ словахъ:

«О ты, небесный Наставникъ, одаренный могуществомъ представлять событія грядущаго, какъ настоящія! Это послѣднее видѣніе оживило меня. Теперь я увѣренъ, что человѣкъ будетъ жить, всѣ другія творенія также, и что сѣмя ихъ сохранится.

«Не столько печалюсь я теперь о гибели земли со всѣми ея развращенными сынами, сколько радуюсь тому, что нашелся человѣкъ столь праведный и совершенный, что Господь, забывъ Свой гнѣвъ, соблаговолилъ произвести отъ него новый міръ. Но скажи, что означаютъ эти разноцвѣтныя полосы, простирающіяся по Небу, подобно челу Господню, примиренному съ человѣкомъ? Или эта яркая лента служитъ преградой текучимъ краямъ того водяного облака, чтобы оно не разлилось на землю и снова не затопило ее?»

Архангелъ отвѣчаетъ: «ты мудро угадалъ; Господь захотѣлъ смягчить Свой гнѣвъ, хотя недавно раскаивался въ сотвореніи человѣка. Онъ глубоко скорбѣлъ, когда, опустивъ взоръ на землю, увидѣлъ, что она наполнена беззаконіемъ, что все живущее совратилось съ своего пути. Но, по истребленіи виновныхъ, одинъ праведникъ заслужитъ такую милость передъ лицомъ Его, что Онъ, смягчась, не уничтожитъ родъ человѣческій, и положитъ завѣтъ, что никогда болѣе не истребитъ земли потопомъ, не позволитъ морямъ выступать изъ береговъ, или дождямъ наводнять землю съ обитающими на ней людьми и животными. Но всякій разъ, какъ наве-

Forthwith from out the ark a raven flies,
And after him, the surer messenger,
A dove, sentforth once and again to spy
Green tree or ground whereon his foot may light.
The second time returning, in his bill
An olive leaf he brings; pacific sign.
Anon dry ground appears, and from his ark
The ancient sire descends with all his train:
Then, with uplifted hands and eyes devout,
Grateful to Heav'n, over his head beholds
A dewy cloud, and in the cloud a bow
Conspicuous, with three listed colours gay,
Betokening peace from God, and covenant new.
Whereat the heart of Adam, erst so sad,
Greatly rejoiced, and thus his joy broke forth:
 O thou, who future things can'st represent
As present, heav'nly Instructor, I revive
At this last sight; assured that man shall live
With all the creatures, and their seed preserve.
Far less I now lament for one whole world
Of wicked sons destroy'd, than I rejoice
For one man found so perfect and so just,
That God vouchsafes to raise another world
From him, and all his anger to forget.
But say, what mean those colour'd streaks in Heav'n
Distended as the brow of God appeased,
Or serve they as a flow'ry verge to bind
The fluid skirts of that same watery cloud,
Lest it again dissolve and shower the earth?
 To whom th' Arch-Angel: Dext'rously thou aim'st;
So willingly doth God remit his ire,
Though late repenting him of man depraved:
Grieved at his heart, when looking down he saw
The whole earth fill'd with violence, and all flesh
Corrupting each their way; yet those removed,
Such grace shall one just man find in his sight.
That he relents, not to blot out mankind,
And makes a covenant never to destroy
The earth again by flood, nor let the sea
Surpass his bounds, nor rain to drown the world
With man therein or beast; but when he brings

детъ Онъ надъ землею тучу, Онъ поставитъ въ нее и Свою трижды цвѣтную дугу въ знаменіе и въ память Его завѣта. День и ночь, времена посѣвовъ и жатвы, лѣто и сѣдовласая зима, все будетъ слѣдовать своему неизмѣнному порядку, пока огонь не очиститъ всего: тогда произойдутъ новыя Небеса и новая Земля, гдѣ будутъ жить праведные.

Over the earth a cloud, will therein set
His triple-colour'd bow, whereon to look,
And call to mind his covenant. Day and night,
Seed-time and harvest, heat and hoary frost,
Shall hold their course, till fire purge all things new
Both Heav'n and Earth, wherein the just shall dwell.

ПѢСНЬ 12-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ангелъ, продолжая повѣствованіе, разсказываетъ, что произойдетъ послѣ потопа. Упомянувъ объ Авраамѣ, онъ постепенно объясняетъ значеніе обѣтованія, даннаго Адаму и Евѣ, послѣ ихъ паденія, что Сѣмя Жены сотретъ главу Змѣя; открываетъ имъ таинства воплощенія, смерти, воскресенія и вознесенія на небо Сына Божія, и состояніе церкви до Его второго пришествія. Адамъ, утѣшенный этими откровеніями и обѣтами, спускается съ горы вмѣстѣ съ Михаиломъ, будитъ Еву, которая все это время была погружена въ сонъ; отрадныя сновидѣнія возвращаютъ и ей спокойствіе духа и вселяютъ въ нее покорность. Михаилъ беретъ ихъ за руки и выводитъ изъ Рая; онъ взмахиваетъ пламеннымъ мечомъ, и Херувимы занимаютъ свои мѣста для охраненія Рая.

Какъ путникъ останавливается въ полдень, хотя и спѣшенъ его путь, такъ Архангелъ прервалъ здѣсь свое повѣствованіе между міромъ разрушеннымъ и міромъ возобновленнымъ. Онъ ожидалъ, не захочетъ ли Адамъ высказать своихъ размышленій; потомъ кротко продолжалъ рѣчь:

«Ты видѣлъ начало и конецъ міра; видѣлъ возрожденіе человѣка какъ бы изъ второго корня. Многое еще остается тебѣ видѣть, но я замѣчаю, что твое смертное зрѣніе слабѣетъ: видъ божественныхъ предметовъ долженъ утомлять человѣческія чувства. И такъ, дальнѣйшія событія я разскажу тебѣ словами: слушай меня со вниманіемъ.

«Пока эта вторая отрасль людей будетъ еще малочисленна, пока будетъ въ нихъ еще страхъ суда, только что постигшаго родъ человѣческій, они будутъ жить праведно, бояться Бога, уважать истину и справедливость, и быстро размножатся; земля, которую они будутъ воздѣлывать, дастъ имъ обильную жатву хлѣба, вина и елея; они часто будутъ

BOOK 12. THE ARGUMENT.

The Angel Michael continues, from the flood, to relate what shall succeed; then, in the mention of Abraham, comes by degrees to explain who that Seed of the Woman shall be, which was promised Adam and Eve in the fall; his incarnation, death, resurrection and ascension; the state of the church till his second coming. Adam, greatly satisfied and recomforted by these relations and promises, descends the hill with Michael, wakens Eve, who all this while had slept, but with gentle dreams composed to quietness of mind and submission. Michael in either hand leads them out of Paradise, the fiery sword waving behind them, and the Cherubim taking their stations to guard the place.

As one who in his journey bates at noon,
Though bent on speed, so here th' Arch-Angel paused
Betwixt the world destroy'd and world restored,
If Adam aught perhaps might interpose;
Then with transition sweet new speech resumes.
  Thus thou hast seen one world begin and end;
And man, as from a second stock, proceed.
Much thou hast yet to see, but I perceive
Thy mortal sight to fail; objects divine
Must needs impair and weary human sense:
Henceforth what is to come I will relate,
Thou therefore give due audience, and attend.
  This second source of men, while yet but few
And while the dread of judgment past remains
Fresh in their minds fearing the Deity,
With some regard to what is just and right
Shall lead their lives, and multiply apace,
Labouring the soil, and reaping plenteous crop,
Corn, wine, and oil: and from the herd or flock,

приносить жертвы отъ своихъ стадъ, выбирая лучшихъ тельцовъ, козлятъ или ягнятъ, съ щедрымъ возліяніемъ вина. Въ священныхъ торжествахъ, въ невинной радости протекутъ ихъ дни; долго будутъ они жить въ мирѣ семействами и племенами подъ отеческою властію, пока не возстанетъ одинъ человѣкъ [183] съ гордымъ, надменнымъ сердцемъ. Недовольный прекраснымъ равенствомъ, братскимъ согласіемъ людей, онъ преступно присвоитъ себѣ незаслуженное владычество надъ своими братьями; онъ изгонитъ изъ міра согласіе и законъ природы. Онъ будетъ ловцомъ (но не звѣри, а люди будутъ его добычей); войной и хитрымъ обманомъ покоритъ онъ подъ свое иго тѣхъ, кто не захочетъ подчиниться его тиранской власти: и будетъ онъ прозванъ могучимъ ловцомъ передъ Господомъ, какъ бы въ насмѣшку надъ Небомъ, или потому, что онъ требовалъ себѣ отъ Неба второго владычества; отъ возмущенія произойдетъ его имя, хотя онъ будетъ обвинять другихъ въ возмущеніи.

«Съ толпою людей, соединенныхъ съ нимъ одинаковымъ честолюбіемъ тиранства, дѣйствующихъ вмѣстѣ съ нимъ или подъ его властью, выйдетъ онъ изъ Эдема на западъ, найдетъ равнину, устье Ада, гдѣ изъ-подъ земли будетъ вырываться черная, кипучая смола. Изъ этого вещества и кирпичей они вознамѣрятся построить городъ и башню, такую, чтобы вершина ея достигала Неба. Опасаясь, чтобы память о нихъ не исчезла, когда они разсѣются по отдаленнымъ чужимъ странамъ, они захотятъ обезсмертить свое имя, все равно будетъ оно покрыто славою или позоромъ. Но Богъ, Который часто будетъ нисходить къ людямъ и наблюдать за ихъ дѣлами, незримо посѣщая ихъ жилища, увидитъ, что они вздумали дѣлать, и сойдетъ посмотрѣть ихъ городъ, прежде чѣмъ ихъ башня не заслонитъ собой небесныхъ башенъ. Въ насмѣшку надъ ними, Онъ наведетъ на ихъ языки такое разнорѣчіе, отъ котораго не останется даже слѣда ихъ роднаго языка; его замѣнятъ дикіе звуки непонятныхъ словъ. Немедленно между строителями подымется неистовый шумъ и смятеніе; всѣ будутъ кричать, не понимая другъ друга; наконецъ, осипнувъ, въ ярости, каждый считая себя осмѣяннымъ, они съ бѣшенствомъ кинутся другъ на друга. Много будутъ смѣяться на Небѣ, когда взглянутъ внизъ на эту суматоху

Oft sacrificing bullock, lamb, or kid
With large wine-offrings pour'd, and sacred feast,
Shall spend their days in joy unblamed, and dwell
Long time in peace, by families and tribes,
Under paternal rule, till one shall rise,
Of proud ambitious heart; who not content
With fair equality, fraternal state,
Will arrogate dominion undeserved
Over his brethren, and quite dispossess
Concord and law of nature from the earth,
Hunting (and men not beasts shall be his game)
With war and hostile snare such as refuse
Subjection to his empire tyrannous:
A mighty hunter thence he shall be styled
Before the Lord, as in despite of Heav'n
Or from Heav'n claiming second sov'reignty:
And from rebellion shall derive his name,
Though of rebellion others he accuse.
He with a crew, whom like ambition joins
With him or under him to tyrannize,
Marching from Eden tow'rds the west, shall find
The plain, wherein a black bituminous gurge
Boils out from under ground, the mouth of Hell:
Of brick, and of that stuff they cast to build
A city and tow'r, whose top may reach to Heav'n;
And get themselves a name, lest far dispersed
In foreign lands, there memory be lost,
Regardless whether good or evil fame.
But God, who oft descends to visit men
Unseen, and through their habitations walks
To mark their doings, them beholding soon,
Comes down to see their city, ere the tow'r
Obstruct Heav'n-tow'rs, and in derision sets
Upon their tongues a various spirit to rase
Quite out their native language, and instead
To sow a jangling noise of words unknown.
Forthwith a hideous gabble rises loud
Among the builders; each to other calls,
Not understood, till hoarse, and all in rage,
As mock'd they storm. Great laughter was in Heav'n;
And looking down, to see the hubbub strange,

и услышатъ этотъ шумъ и гамъ; и такъ, осмѣянное зданіе будетъ оставлено и назовется: Смѣшеніемъ.»

Адамъ съ отеческимъ гнѣвомъ восклицаетъ: «О сынъ, достойный проклятія, ты возмечталъ возвыситься надъ своими братьями, присвоить себѣ власть, не данную Богомъ! Онъ далъ намъ неограниченное владычество только надъ животными, рыбами, птицами; этимъ правомъ мы пользуемся какъ Его даромъ: но Онъ не сдѣлалъ человѣка владыкой надъ человѣкомъ: это право предоставилъ Онъ Самому Себѣ, сотворивъ человѣка независимымъ отъ всего человѣческаго. Но гордыня этого самозванца не удовлетворилась захватомъ власти надъ человѣкомъ; съ своей башни онъ намѣревался угрожать Богу, насмѣхаться! О жалкій человѣкъ! Какую пищу досталъ бы онъ для пропитанія себя и своей безумной ватаги, тамъ, въ заоблачной выси? рѣдкій воздухъ изсушилъ бы его грубыя внутренности, и онъ умеръ бы, если не отъ голода, то отъ недостатка воздуха для дыханія.»

Михаилъ говоритъ на это: «Ты справедливо негодуешь на этого сына, который внесъ такія смуты въ спокойное состояніе человѣка, стремясь поработить разумную свободу. Но знай: съ минуты твоего первобытнаго паденія истинная свобода погибла: она неразлучный двойникъ здраваго разума, и безъ него не имѣетъ своего отдѣльнаго существованія. Когда разумъ въ человѣкѣ затмится, или человѣкъ перестаетъ повиноваться ему, немедленно необузданныя желанія, бурныя страсти отнимаютъ власть разума и человѣкъ, до тѣхъ поръ свободный, становится рабомъ. Если тѣ люди сами въ себѣ позволяли недостойнымъ силамъ господствовать надъ свободнымъ разумомъ, то Богъ, въ правосудное возмездіе за это, поработилъ ихъ извнѣ жестокимъ владыкамъ, которые часто такъ же несправедливо будутъ посягать на ихъ внѣшнюю свободу. Тиранія неизбѣжна, хотя это нисколько не извиняетъ тирана. Однакоже, по временамъ, народы, удаляясь отъ добродѣтели, которая есть разумъ, будутъ падать такъ низко, что не насиліе, но правосудіе и какое-то роковое проклятіе, тяготѣющее надъ ними, лишатъ ихъ внѣшней свободы, послѣ того какъ они потеряютъ свою внутреннюю свободу. Свидѣтелемъ этого служитъ непо-

And hear the din; thus was the building left
Ridiculous, and the work Confusion named.
Whereto thus Adam, fatherly displeased:
O execrable son, so to aspire
Above his brethren, to himself assuming
Authority usurp'd; from God not given.
He gave us only over beast, fish, fowl,
Dominion absolute; that right we hold
By his donation: but man over men
He made not lord: such title to himself
Reserving, human left from human free.
But this usurper, his encroachment proud
Stays not on man; to God his tow'r intends
Siege and defiance. Wretched man! what food
Will he convey up thither to sustain
Himself and his rash army, where thin air
Above the clouds will pine his entrails gross,
And famish him of breath, if not of bread?
To whom thus Michael: Justly thou abhorr'st
That son, who on the quiet state of men
Such trouble brought, affecting to subdue
Rational liberty; yet know withal,
Since thy original lapse, true liberty
Is lost, which always with right reason dwells
Twinn'd, and from her hath no dividual being.
Reason in man obscured, or not obey'd,
Immediately inordinate desires
And upstart passions catch the government
From reason, and to servitude reduce
Man till then free. Therefore, since he permits
Within himself unworthy powers to reign
Over free reason, God in judgment just
Subjects him from without to violent lords,
Who oft as undeservedly inthrall
His outward freedom. Tyranny must be,
Though to the tyrant thereby no excuse.
Yet sometimes nations will decline so low
From virtue, which is reason, that no wrong,
But justice, and some fatal curse annex'd,
Deprives them of their outward liberty,
Their inward lost. Witness th' irrev'rent son

чтительный сынъ того строителя ковчега: за безчестіе, нанесенное отцу, онъ услышитъ тяжкое проклятіе, павшее на все его порочное племя: «ты будешь рабъ рабовъ.»

«Такъ, и этотъ міръ, такъ же какъ и первый, постоянно будетъ падать ниже и ниже, пока, наконецъ, Господь, утомленный беззаконіями, не покинетъ людей, не отвратитъ отъ нихъ Своихъ священныхъ взоровъ; предавъ ихъ собственнымъ нечестивымъ путямъ, Онъ изберетъ изъ всѣхъ народовъ одинъ народъ, достойный призывать Его, народъ, который произойдетъ отъ одного праведнаго мужа: и мужъ этотъ, живя по сю сторону Евфрата, будетъ возращенъ въ идолопоклонствѣ.

«О, повѣришь ли ты, чтобы люди могли дойти до такого безумія! Еще при жизни патріарха, спасеннаго отъ потопа, они забудутъ живого Бога и падутъ передъ произведеніями своихъ собственныхъ рукъ, поклонятся истуканамъ изъ камня и дерева! Но Всевышній соизволитъ въ видѣніи отозвать этого человѣка изъ дома отца его, отъ родныхъ его, отъ ложныхъ его боговъ. Онъ пошлетъ его въ землю, которую Самъ укажетъ ему, произведетъ отъ него могущественный народъ и изольетъ на него Свое благословеніе такъ, что въ его сѣмени благословятся всѣ народы [184]. Онъ немедленно повинуется; онъ не знаетъ земли, куда идетъ, но вѣра его тверда. Тебѣ это недоступно, но я вижу съ какой вѣрой оставляетъ онъ своихъ боговъ, друзей и Уръ Халдейскій [185], свою отчизну. Вотъ онъ выходитъ изъ Харрана: за нимъ слѣдуютъ стада разныхъ животныхъ и многочисленные слуги. Не нищъ идетъ онъ въ странствіе: всѣ свои богатства вручаетъ онъ Богу, призывающему его въ невѣдомую землю. Вотъ онъ достигаетъ Ханаана: я вижу шатры его, раскинутые вокругъ Сихема и въ сосѣдней равнинѣ Морейской. Тамъ получитъ онъ обѣтованіе, что вся эта земля будетъ дана его потомству: съ сѣвера отъ Гамата до южной Пустыни (я называю земли ихъ будущими именами, хотя онѣ еще не существуютъ), и отъ Гермона, на востокѣ, до великаго Западнаго моря. Вотъ гора Гермонъ, вотъ море; слѣди за каждымъ мѣстомъ, какъ я показываю тебѣ: на берегу возвышается гора Кармель; тамъ вытекаетъ изъ двухъ источниковъ рѣка Іорданъ, истинный предѣлъ съ востока. Но

Of him who built the ark, who for the shame
Done to his father, heard this heavy curse,
Servant of servants', on his vicious race
Thus will this latter, as the former world,
Still tend from bad to worse, till God at last,
Weary'd with their iniquities, withdraw
His presence from among them, and avert
His holy eyes; resolving from thenceforth
To leave them to their own polluted ways;
And one peculiar nation to select
From all the rest, of whom to be invoked,
A nation from one faithful man to spring:
Him on this side Euphrates yet residing,
Bred up in idol-worship. O that men
(Canst thou believe?) should be so stupid grown,
While yet the patriarch lived, who scaped the flood,
As to forsake the living God, and fall
To worship their own work in wood and stone
For Gods! yet him God the Most High vouchsafes
To call by vision from his father's house,
His kindred, and false Gods, into a land
Which he will show him, and from him will raise
A mighty nation, and upon him shower
His benediction so, that in his seed
All nations shall be blest. He straight obeys,
Not knowing to what land, yet firm believes.
I see him, but thou canst not, with what faith
He leaves his Gods, his friends, and native soil,
Ur of Chaldaea, passing now the ford
To Haran: after him a cumb'rous train
Of herds, and flocks, and numerous servitude;
Not wand'ring poor, but trusting all his wealth
With God, who call'd him, in a land unknown.
Canaan he now attains: I see his tents
Pitch'd about Sechem, and the neighb'ring plain
Of Moreh: there, by promise, he receives
Gift to his progeny of all that land,
From Hamath northward to the Desert south
(Things by their names I call, tho' yet unnamed),
From Hermon east to the great western sea;
Mount Hermon, yonder sea; each place behold
In prospect, as I point them: on the shore
Mount Carmel: here the double-founted stream
Jordan, true limit eastward; but his sons

дѣти его будутъ жить въ Сенирѣ, на томъ длинномъ горномъ хребтѣ. Вникни въ это обѣтованіе: всѣ народы земные благословятся въ потомствѣ этого человѣка. Изъ этого сѣмени произойдетъ твой великій Избавитель, Который сокрушитъ главу Змѣя: скоро это будетъ открыто тебѣ яснѣе.

«Благословенный патріархъ этотъ, который въ свое время будетъ называться вѣрнымъ Авраамомъ, оставитъ по себѣ сына, и отъ этого сына—внука, равныхъ ему въ вѣрѣ, въ мудрости и славѣ. Внукъ съ своими двѣнадцатью сынами выйдетъ изъ Ханаана въ землю, что впослѣдствіи назовется Египтомъ, землю, раздѣляемую рѣкою Ниломъ. Видишь, гдѣ онъ протекаетъ, семью устьями вливаясь въ море. Онъ придетъ въ ту землю во время голода, призванный туда однимъ изъ младшихъ своихъ сыновей, заслуги котораго возвеличатъ его до того, что онъ будетъ вторымъ человѣкомъ въ царствѣ Фараона. Тамъ онъ умретъ, потомство же его образуетъ цѣлый народъ; размножась, онъ станетъ подозрителенъ новому царю, и тотъ будетъ стараться прекратить размноженіе этихъ пришельцевъ, слишкомъ многочисленныхъ и докучныхъ. Забывъ законъ гостепріимства, изъ гостей онъ превратитъ ихъ въ рабовъ, и повелитъ избить всѣхъ ихъ младенцевъ мужского пола. Наконецъ, Богъ пошлетъ двухъ братьевъ (Моисей и Ааронъ будутъ имена тѣхъ братьевъ) избавить народъ Свой отъ рабства, и онъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ, со славою предприметъ путь въ обѣщанную ему землю.

«Но прежде знаменія и лютыя казни должны будутъ принудить мучителя, отвергающаго законъ и Бога, и не чтущаго посланниковъ Его, согласиться на ихъ исходъ: вода въ рѣкахъ превратится въ кровь, хотя и не будетъ кровопролитія; лягушки, жабы, отвратительные рои мухъ наполнятъ его дворецъ и всю страну; скотъ его падетъ отъ заразы; болячки и язвы изроютъ тѣло его и всего народа, громъ, соединенный съ градомъ, и градъ, соединенный съ огнемъ, разрывая небо, пламеннымъ вихремъ пройдутъ по землѣ Египетской; тамъ гдѣ они пронесутся, все уничтожится: трава, плоды, злаки; что уцѣлѣетъ отъ нихъ, будетъ пожрано саранчой, которая черною тучей опустится на землю и не оставитъ на ней при-

Shall dwell to Senir, that long ridge of hills.
This ponder, that all nations of the earth
Shall in his seed be blessed. By that seed
Is meant thy great Deliv'rer, who shall bruise
The Serpent's head: whereof to thee anon
Plainlier shall be reveal'd. This patriarch blest,
Whom faithful Abraham due time shall call,
A son, and of his son a grandchild leaves,
Like him in faith, in wisdom, and renown.
The grandchild with twelve sons increased, departs
From Canaan to a land, hereafter call'd
Egypt, divided by the river Nile.
See where it flows, disgorging at seven mouths
Into the sea. To sojourn in that land
He comes, invited by a younger son,
In time of dearth: a son whose worthy deeds
Raise him to be the second in that realm
Of Pharaoh. There he dies, and leaves his race
Growing into a nation, and now grown
Suspected to a sequent King, who seeks
To stop their overgrowth, as inmate guests
Too num'rous; whence of guests he makes them slaves
Inhospitably, and kills their infant males:
Till by two brethren (those two brethren call
Moses and Aaron) sent from God to claim
His people from inthralment, they return
With glory and spoil back to their promised land.
But first the lawless tyrant, who denies
To know their God, or message to regard,
Must be compell'd by signs and judgments dire.
To blood unshed the rivers must be turn'd;
Frogs, lice, and flies must all his palace fill
With loath'd intrusion, and fill all the land;
His cattle must of rot and murrain die;
Botches and blains must all his flesh emboss,
And all his people; thunder mix'd with hail,
Hail mix'd with fire, must rend th' Egyptian sky,
And wheel on th' earth, devouring where it rolls;
What it devours not, herb, or fruit, or grain,
A darksome cloud of locusts swarming down
Must eat, and on the ground leave nothing green:

знаковъ зелени. Мракъ распространится по всѣмъ его владѣніямъ, мракъ осязаемый, и три дня будутъ стерты имъ съ лица земного; наконецъ, послѣдній ударъ, среди ночи, поразитъ смертію всѣхъ первенцевъ египетскихъ. Тогда, рѣчной драконъ, смиренный десятью язвами, согласится, наконецъ, отпустить пришельцевъ. Не разъ смирится упорное сердце, но, подобно льду, опять твердѣющему когда пройдетъ оттепель, будетъ ожесточаться снова; наконецъ, въ ярости своей онъ бросится преслѣдовать тѣхъ, которымъ только что далъ свободу, но море поглотитъ его со всѣмъ его воинствомъ, тогда какъ чужеземцы пройдутъ по немъ какъ по суху: повинуясь жезлу Моисея, море раздѣлится на-двое и будетъ стоять такъ двумя хрустальными стѣнами, пока спасенный народъ не достигнетъ берега.

«Такую чудотворную силу дастъ Богъ Своему пророку! и Самъ Онъ, въ образѣ Ангела, будетъ охранять избранный народъ, шествуя впереди его облакомъ или огненнымъ столбомъ (днемъ облакомъ, ночью огненнымъ столбомъ); такъ будетъ Онъ указывать имъ путь и встанетъ позади ихъ, между ними и ожесточенно преслѣдующимъ ихъ царемъ. Всю ночь будетъ тотъ преслѣдовать ихъ, но мракъ не допуститъ его приблизиться къ ихъ стану до утренней стражи: [186] тогда Господь, воззрѣвъ изъ столбовъ огненнаго и облачнаго, приведетъ въ замѣшательство Египетскій станъ и сокрушитъ колеса ихъ колесницъ. По Его велѣнію Моисей опять прострeтъ надъ моремъ могущественный свой жезлъ; море, повинуясь ему, обратитъ свои воды на вражескую рать и потопитъ ее. Избранный народъ безопасно пойдетъ отъ берега по дикой пустынѣ; онъ направится къ Ханаану не ближайшимъ путемъ изъ опасенія, чтобы не возгорѣлось войны при вступленіи его въ Ханаанскую землю, и народъ, неопытный въ броняхъ, отъ страха не возвратился бы назадъ въ Египетъ и не предпочелъ безславной жизни въ рабствѣ, потому что всякому человѣку, благородному ли, низкому ли, жизнь всегда слаще внѣ браннаго дѣла, если въ ней не преобладаетъ грубость.

«Долговременное странствованіе въ обширной пустынѣ принесетъ еще другую пользу этому народу: онъ создастъ тамъ основанія своему пра-

Darkness must overshadow all his bounds,
Palpable darkness, and blot out three days;
Last, with one midnight stroke, all the first-born
Of Egypt must lie dead. Thus with ten wounds
The river-dragon tamed, at length submits
To let his sojourners depart, and oft
Humbles his stubborn heart, but still as ice
More harden'd after thaw, till in his rage
Pursuing whom he late dismiss'd, the sea
Swallows him with his host; but them lets pass
As on dry land, between two crystal walls,
Awed by the rod of Moses so to stand
Divided, till his rescued gain'd their shore.
Such wondrous power God to his saint will lend,
Though present in his Angel, who shall go
Before them in a cloud and pillar of fire
(By day a cloud, by night a pillar of fire),
To guide them in their journey, and remove
Behind them, while th' obdurate king pursues.
All night he will pursue, but his approach
Darkness defends between till morning watch:
Then through the fiery pillar and the cloud
God, looking forth, will trouble all his host,
And craze their chariot-wheels: when by command
Moses once more his potent rod extends
Over the sea; the sea his rod obeys;
On their embattled ranks the waves return,
And overwhelm their war, the race elect
Safe towards Canaan from the shore advance
Through the wild desert, not the readiest way,
Lest, ent'ring on the Canaanite, alarm'd,
War terrify them inexpert, and fear
Return them back to Egypt, choosing rather
Inglorious life with servitude; for life
To noble and ignoble is more sweet
Untrain'd in arms, where rashness leads not on.
This also shall they gain by their delay
In the wide wilderness; there they shall found

Народъ станетъ просить, чтобы воля Господня была передана ему устами Моисея, и страхъ прекратится.

Пѣснь 12, стр. 259.

. . . . They beseech
That Moses might report to them his will,
And terror cease. . . . .

вленію, и изберетъ великій совѣтъ изъ среды двѣнадцати своихъ колѣнъ, чтобы онъ управлялъ народомъ по предписаннымъ законамъ. Самъ Богъ, съ горы Синая, сѣдая вершина котораго затрепещетъ, Самъ Богъ, среди грома, молній и громкихъ трубныхъ звуковъ, начертаетъ имъ законы. Въ однихъ будутъ опредѣлены гражданскія права, въ другихъ священные обряды жертвоприношеній. Изъ таинственныхъ прообразованій и откровеній они познаютъ Того, Кто назначенъ нѣкогда сокрушить Змѣя, и тотъ путь, какимъ совершится избавленіе человѣческаго рода. Но голосъ Божій страшенъ для слуха смертнаго! Народъ станетъ просить, чтобы воля Господня была передана ему устами Моисея, и страхъ прекратится. Просьба ихъ будетъ исполнена; они узнаютъ, что никто не можетъ приблизиться къ Богу безъ Посредника. Моисей прообразовательно будетъ исполнять это высокое назначеніе, какъ предшественникъ Величайшаго Ходатая, пришествіе Котораго будетъ пророчески предсказано имъ; и всѣ пророки воспоютъ въ свои вѣка дни Великаго Мессіи.

«Послѣ того, какъ будутъ установлены законы и священные обряды, Господь такъ возлюбитъ людей, покорныхъ Его волѣ, что соблаговолитъ воздвигнуть среди нихъ Свою скинію, и Онъ, Единый Святый будетъ обитать среди смертныхъ. По данному Имъ образу, соорудятъ они святилище изъ кедра, покрытаго золотомъ, а въ немъ ковчегъ, гдѣ будутъ храниться скрижали Его завѣта. Надъ ковчегомъ, между крыльевъ двухъ лучезарныхъ Херувимовъ, возвысится золотой престолъ милосердія, передъ которымъ будутъ горѣть семь свѣтильниковъ, подобно небеснымъ свѣтиламъ въ Зодіакѣ. Надъ скиніей днемъ будетъ стоять облако, а ночью огненное сіяніе, исключая дней, когда они будутъ въ дорогѣ. Ведомые Ангеломъ Господнимъ, они придутъ наконецъ въ землю, обѣщанную Аврааму и племени его.

«Слишкомъ долго разсказывать остальное: сколько будетъ сраженій, сколько будетъ покорено царей и царствъ; какъ солнце въ теченіе цѣлаго дня неподвижно остановится среди неба, и ночь замедлитъ обычный свой приходъ, покоряясь голосу одного мужа, который скажетъ: «Солнце, остановись надъ Гаваономъ! и ты, луна, надъ долиною Аіалонскою, пока

Their government, and their great senate choose
Through the twelve tribes, to rule by laws ordain'd.
God from the mount of Sinai, whose grey top
Shall tremble, he descending, will himself
In thunder, lightning, and loud trumpets sound,
Ordain them laws; part such as appertain
To civil justice; part religious rites
Of sacrifice, informing them, by types
And shadows, of that destined Seed to bruise
The Serpent, by what means he shall achieve
Mankind's deliverance. But the voice of God
To mortal ear is dreadful! They beseech
That Moses might report to them his will,
And terror cease. He grants what they besought,
Instructed that to God is no access
Without Mediator, whose high office now
Moses in figure bears, to introduce
One greater, of whose day he shall foretell;
And all the prophets in their age the times
Of great Missiah shall sing. The laws and rites
Establish'd, such delight hath God in men
Obedient to his will, that he vouchsafes
Among them to set up his tabernacle,
The Holy One with mortal men to dwell.
By his prescript a sanctuary is framed
Of cedar, overlaid with gold, therein
An ark, and in the ark his testimony,
The records of his covenant; over these
A mercy-seat of gold between the wings
Of two bright Cherubim; before him burn
Seven lamps, as in a zodiac, representing
The heav'nly fires; over the tent a cloud
Shall rest by day, a fiery gleam by night,
Save when they journey, and at length they come,
Conducted by his Angel, to the land
Promised to Abraham and his seed. The rest
Were long to tell, how many battles fought,
How many kings destroy'd, and kingdoms won,
Or how the sun shall in mid Heav'n stand still
A day entire, and night's due course adjourn,
Man's voice commanding, Sun in Gibeon stand,
And thou moon in the vale of Aijalon,

не побѣдитъ Израиль!» Такъ будетъ называться третій потомокъ Авраама, сынъ Исаака, и отъ него имя это перейдетъ ко всѣмъ потомкамъ, побѣдителямъ народовъ Ханаанскихъ.»

Здѣсь Адамъ прерываетъ Ангела: «О, посланникъ Небесъ, просвѣтитель моего мрака, утѣшительныя тайны открылъ ты мнѣ, но отраднѣе всего то, что говорилъ ты о праведномъ Авраамѣ и его потомствѣ! Теперь впервые чувствую я, что очи мои истинно открылись и облегчилось сердце. Я все терзался думою о томъ, что будетъ со мною и со всѣмъ человѣческимъ родомъ; но теперь я вижу день Того, въ Комъ благословятся всѣ народы,—милость, которой я не заслужилъ, я, искавшій запрещеннаго знанія запрещенными путями! Одно, однако, мнѣ непонятно: для чего такъ много разныхъ законовъ дано тѣмъ, среди кого Господь благоволитъ обитать на землѣ? Такое множество законовъ доказываетъ такое же множество грѣховъ между ними. Какъ можетъ Богъ обитать среди подобныхъ людей?»

Михаилъ отвѣчаетъ: «Не думай, чтобы грѣхъ не царствовалъ между ними, такъ какъ они произойдутъ отъ тебя. Для того и данъ имъ законъ, чтобы проявить ихъ врожденную порочность, постоянно подстрекающую грѣхъ бороться съ закономъ [187]: когда же они убѣдятся, что законъ только открываетъ проступокъ, но не можетъ искоренить его, что кровь воловъ и козлищъ есть лишь слабый призракъ покаянія, то поймутъ, что для искупленія человѣка нужна болѣе драгоцѣнная кровь, кровь праведнаго за неправеднаго. Они поймутъ, что въ этой праведности, наложенной на нихъ вѣрою, они найдутъ себѣ оправданіе передъ Богомъ и примиреніе съ совѣстію, которую законъ не можетъ успокоить никакими обрядами, что точно такъ же человѣкъ не можетъ исполнить нравственныхъ требованій закона, а не исполнивъ ихъ, не можетъ жить. И такъ законъ не совершенъ; онъ данъ людямъ лишь для того, чтобы приготовить ихъ, когда исполнятся времена, къ принятію чистѣйшаго завѣта, къ постепенному переходу отъ смутныхъ прообразованій къ истинѣ, отъ плоти къ духу, отъ ига узкихъ законовъ къ свободному пользованію щедрыми дарами благодати, отъ рабскаго страха къ сыновнему повиновенію, отъ дѣлъ

Till Israel overcome: so call the third
From Abraham, son of Isaac, and from him
His whole descent, who thus shall Canaan win.
Here Adam interposed: O sent from Heav'n,
Enlight'ner of my darkness, gracious things
Thou hast reveal'd, those chiefly which concern
Just Abraham and his seed: now first I find
Mine eyes true opening, and my heart much eased,
Erewhile perplex'd with thoughts what would become
Of me and all mankind; but now I see
His day, in whom all nations shall be blest,
Favour unmerited by me, who sought
Forbidden knowledge by forbidden means.
This yet I apprehend not, why to those
Among whom God will deign to dwell on earth,
So many and so various laws are given?
So many laws argue so many sins
Among them. How can God with such reside?
To whom thus Michael: Doubt not but that sin
Will reign among them, as of thee begot;
And therefore was law given them to evince
Their natural pravity, by stirring up
Sin against law to fight: that when they see
Law can discover sin, but not remove,
Save by those shadowy expiations weak,
The blood of bulls and goats, they may conclude
Some blood more precious must be paid for man,
Just for unjust, that in such righteousness
To them by faith imputed, they may find
Justification towards God, and peace
Of conscience, which the law by ceremonies
Cannot appease, nor man the moral part
Perform, and, not performing, cannot live.
So law appears imperfect, and but given
With purpose to resign them in full time
Up to a better covenant, disciplined
From shadowy types to truth, from flesh to spirit,
From imposition of strict laws to free
Acceptance of large grace, from servile fear
To filial, works of law to works of faith.

закона къ дѣламъ вѣры. Какъ ни будетъ Моисей возлюбленъ Богомъ, но не онъ введетъ народъ свой въ Ханаанъ, такъ какъ онъ будетъ только служителемъ закона: Навинъ, названный язычниками Іисусомъ, введетъ его туда; онъ будетъ носить имя и исполнитъ назначеніе Того, Кто долженъ укротить сопротивленіе Змѣя и безопасно возвратить человѣка, долго блуждавшаго въ пустынномъ мірѣ, въ вѣчный покой Рая.

«Такъ, достигнувъ своего земного Ханаана, Израильтяне будутъ процвѣтать тамъ долгіе дни, пока беззаконія народа не нарушатъ общаго мира и не прогнѣваютъ Бога до того, что Онъ воздвигнетъ на нихъ враговъ, но, видя ихъ раскаяніе, будетъ избавлять ихъ сначала черезъ судей, потомъ черезъ царей. Второй изъ этихъ царей прославится благочестіемъ и великими подвигами. Онъ получитъ непреложное обѣтованіе, что царственный престолъ его сохранится черезъ всѣ вѣка. Всѣ пророчества воспоютъ также, что отъ царскаго корня Давида (будущее имя того царя), возстанетъ Сынъ, то Сѣмя Жены, предсказанное тебѣ, предсказанное Аврааму, какъ упованіе всѣхъ народовъ. Онъ предвозвѣстится царямъ, будетъ послѣднимъ царемъ, и царству Его не будетъ конца.

«Но до этого времени пройдетъ длинный рядъ царей. Послѣ Давида, сынъ его, прославленный богатствомъ и мудростію, поставитъ въ великолѣпномъ храмѣ осѣненный облакомъ ковчегъ Божій, до тѣхъ поръ скитавшійся подъ шатрами. Послѣ него лѣтописи внесутъ въ свои списки имена царей добрыхъ и злыхъ, но послѣднихъ будетъ больше. Ихъ нечестивое идолопоклонство и другіе пороки, вмѣстѣ съ развращеніемъ всего народа, до того разгнѣваютъ Бога, что Онъ оставитъ ихъ и предастъ землю ихъ и городъ съ его храмомъ, святымъ ковчегомъ и всѣми священными предметами, въ добычу и посмѣяніе того гордаго города, высокія стѣны котораго, какъ ты видѣлъ, были покинуты въ смятеніи, отчего и названъ онъ Вавилономъ. Тамъ будутъ они томиться въ плѣну семьдесятъ лѣтъ. Потомъ Господь возвратитъ ихъ изъ плѣна, вспомнивъ Свои милости и завѣтъ, какимъ Онъ клялся Давиду, завѣтъ неизмѣнный, какъ дни Неба. Возвратясь изъ Вавилона съ соизволенія его царей, ихъ владыкъ, чьи сердца Господь расположитъ въ пользу Израильтянъ, они

And therefore shall not Moses, though of God
Highly beloved, being but the minister
Of law, his people into Canaan lead;
But Joshua, whom the Gentiles Jesus call,
His name and office bearing, who shall quell
The adversary Serpent, and bring back,
Thro' the world's wilderness long wander'd, man
Safe, to eternal Paradise of rest.
Meanwhile they in their earthly Canaan placed,
Long time shall dwell and prosper, but when sins
National interrupt their public peace,
Provoking God to raise them enemies;
From whom as oft he saves them penitent
By judges first, then under kings; of whom
The second, both for piety renown'd
And puissant deeds, a promise shall receive
Irrevocable, that his regal throne
For ever shall endure. The like shall sing
All prophecy, that of the royal stock
Of David (so I name this King) shall rise
A son, the Woman's Seed to thee foretold,
Foretold to Abraham, as in whom shall trust
All nations, and to kings foretold, of kings
The last; for of his reign shall be no end.
But first a long succession must ensue,
And his next son, for wealth and wisdom famed,
The clouded ark of God, till then in tents
Wand'ring, shall in a glorious temple inshrine.
Such follow him as shall be register'd
Part good, part bad, of bad the longer scroll,
Whose foul idolatries, and other faults
Heap'd to the popular sum, will so incense
God, as to leave them, and expose their land,
Their city, his temple, and his holy ark,
With all his sacred things, a scorn and prey
To that proud city, whose high walls thou saw'st
Left in confusion, Babylon thence call'd:
There in captivity he lets them dwell
The space of seventy years, then brings them back,
Rememb'ring mercy, and his covenant sworn
To David, stablish'd as the days of Heav'n.
Return'd from Babylon, by leave of kings
Their lords, whom God disposed, the house of God

прежде всего возобновятъ храмъ Божій. Нѣсколько времени, въ небольшомъ достаткѣ, они будутъ жить скромно, но когда размножатся и разбогатѣютъ, начнутся между ними смуты. Первый раздоръ возникнетъ среди священнослужителей, которые, служа алтарю, болѣе всего должны бы заботиться о сохраненіи мира. Самый храмъ осквернится ихъ распрями [188]. Наконецъ, презрѣвъ сыновъ Давида, они захватятъ скипетръ; потерянный ими, онъ перейдетъ въ руки чужеземца [189], для того, чтобы истинный Царь и Помазанникъ Божій, Мессія, родился лишеннымъ Своихъ правъ.

«Между тѣмъ звѣзда, невиданная до тѣхъ поръ на небѣ, возвѣститъ Его рожденіе и укажетъ путь восточнымъ мудрецамъ, которые будутъ спрашивать о мѣстѣ Его рожденія, чтобы повергнуть передъ Нимъ свои дары: ладанъ, смирну и золото. Ангелъ торжественно возвѣститъ о мѣстѣ Его рожденія простымъ пастухамъ, стерегущимъ ночью свои стада: они радостно поспѣшатъ туда и услышатъ хоры Ангеловъ, воспѣвающихъ рожденіе Младенца: Дѣва будетъ Его матерью, а Отцомъ Сила Всевышняго. Онъ взойдетъ на наслѣдственный престолъ; царство Его распространится до отдаленнѣйшихъ предѣловъ земли, слава Его обниметъ всѣ Небеса.»

Ангелъ умолкъ, видя что сердце Адама переполнено радостію, которая, подобно горю, излилась бы въ слезахъ, если бы онъ не облегчилъ свою грудь словами:

«О, пророкъ радостныхъ событій!» воскликнулъ онъ, «ты довершилъ мою высшую надежду! Теперь мнѣ ясно то, что тщетно старался я постигнуть глубокою думой: почему обѣтованное намъ искупленіе названо сѣменемъ Жены. Слава тебѣ, Дѣва Матерь! высоко возлюбленна Ты Небесами, однако произойдешь Ты отъ моихъ чреслъ, изъ Твоей же утробы родится Сынъ Всевышняго; такъ Богъ соединится съ Человѣкомъ. Съ смертельнымъ страхомъ ожидаетъ теперь Змѣй пораженія. Скажи мнѣ, гдѣ и когда произойдетъ эта битва! какой ударъ ранитъ пяту Побѣдителя?»

Михаилъ отвѣчаетъ: «Не представляй себѣ эту битву подобной единоборству, гдѣ бы могли быть нанесены тѣлесныя раны въ голову или пяту.

They first re-edify, and for a while
In mean estate live moderate, till grown
In wealth and multitude, factious they grow.
But, first, among the priests dissension springs!
Men who attend the altar, and should most
Endeavour peace. Their strife pollution brings
Upon the temple itself. At last they seize
The sceptre, and regard not David's sons,
Then lose it to a stranger, that the true
Anointed King, Messiah, might be born
Barr'd of his right; yet at his birth a star,
Unseen before in Heav'n, proclaims him come
And guides the eastern sages, who inquire
His place, to offer incense, myrrh, and gold.
His place of birth a solemn Angel tells
To simple shepherds, keeping watch by night:
They gladly thither haste, and, by a choir
Of squadron'd Angels, hear his carol sung:
A virgin is his mother, but his Sire
The Pow'r of the Most High. He shall ascend
The throne hereditary, and bound his reign
With earth's wide bounds, his glory with the Heav'ns.
He ceased, discerning Adam with such joy
Surcharged, as had like grief been dew'd in tears,
Without the vent of words, which these he breathed:
O prophet of glad tidings! finisher
Of utmost hope! now clear I understand
What oft my steadiest thoughts have search'd in vain,
Why our great expectation should be call'd
The seed of Woman. Virgin Mother, hail!
High in the love of Heav'n, yet from my loins
Thou shalt proceed, and from thy womb the Son
Of God Most High; so God with Man unites.
Needs must the Serpent now his capital bruise
Expect with mortal pain. Say where and when
Their fight; what stroke shall bruise the Victor's heel.
To whom thus Michael: Dream not of their fight
As of a duel, or the local wounds
Of head or heel: not therefore joins the Son

Сынъ Божій соединитъ Человѣчество съ Божествомъ не для того, чтобы съ бо̀льшей силой поразить твоего врага. Не такъ будетъ побѣжденъ Сатана, если жесточайшая казнь, низверженіе съ Неба, не отняла у него силы нанести тебѣ смертельную рану. Тотъ, Кто придетъ нѣкогда на землю, твой Спаситель, исцѣлитъ эту рану, умертвивъ не Сатану, а дѣла его въ тебѣ и твоемъ потомствѣ: Онъ одержитъ эту побѣду покорностью волѣ Божіей, чего ты не сдѣлалъ, хотя это было заповѣдано тебѣ подъ страхомъ смерти, и претерпитъ смерть,—кару, назначенную за твое преступленіе тебѣ и всему твоему потомству. Только такая жертва можетъ удовлетворить высшее правосудіе. Твой Спаситель строго исполнитъ законъ Божій, явивъ послушаніе и любовь, хотя одна любовь исполняетъ законъ [190]. Онъ претерпитъ твое наказаніе, сошедъ во плоти на землю на поруганіе и позорную смерть. Онъ возвѣститъ жизнь всѣмъ вѣрующимъ въ Его искупленіе и въ то, что покорность Спасителя будетъ вмѣнена имъ силою вѣры, что они спасутся Его заслугами, а не своими дѣлами, хотя бы послѣднія согласовались съ закономъ. На землѣ Онъ будетъ ненавидимъ, поруганъ, захваченъ силою, судимъ и осужденъ на смерть, постыдную, позорную смерть: Своимъ собственнымъ народомъ будетъ Онъ пригвожденъ къ кресту, умерщвленъ за то, что принесъ жизнь. Но къ Своему кресту Онъ пригвоздитъ твоихъ враговъ: вмѣстѣ съ Нимъ распятъ будетъ и приговоръ, произнесенный противъ тебя, и грѣхи всего человѣчества; никогда не повредятъ они болѣе тѣмъ, кто твердо вѣруетъ въ Его удовлетвореніе. Такъ Онъ умретъ, но скоро воскреснетъ; смерть не можетъ долго держать Его въ своей власти: прежде чѣмъ забрезжитъ третья заря, утреннія звѣзды увидятъ какъ Онъ возстанетъ изъ гроба, сіяя какъ первый свѣтъ зари. Тогда жертва, искупающая человѣка отъ смерти, будетъ принесена; Его смерть спасетъ всѣхъ, кто захочетъ спастись и приметъ Его благодѣяніе съ вѣрою, сопровождая ее дѣлами. Божественная жертва уничтожитъ произнесенный надъ тобою приговоръ, уничтожитъ смерть, которою ты долженъ былъ умереть въ грѣхѣ, и погибнуть на вѣки! Эта жертва сразитъ главу Сатаны, сокрушитъ его силу побѣдой надъ грѣхомъ и смертію, главными его орудіями; жало ихъ глубже

Manhood to Godhead, with more strength to foil
Thy enemy; nor so is overcome
Satan, whose fall from Heav'n, a deadlier bruise,
Disabled not to give thee thy death's wound:
Which he, who comes thy Saviour, shall recure,
Not by destroying Satan, but his works
In thee and in thy seed: nor can this be,
But by fulfilling that which thou didst want,
Obedience to the law of God imposed
On penalty of death, and suff'ring death,
The penalty to thy transgression due,
And due to theirs, which out of thine will grow:
So only can high justice rest appaid.
The law of God exact he shall fulfil,
Both by obedience and by love, though love
Alone fulfil the law. Thy punishment
He shall endure, by coming in the flesh
To a reproachful life and cursed death.
Proclaiming life to all who shall believe
In his redemption, and that his obedience
Imputed becomes theirs by faith, his merits
To save them, not their own, though legal works.
For this he shall live hated, be blasphemed,
Seized on by force, judged, and to death condemn'd,
A shameful and accursed, nail'd to the cross
By his own nation, slain for bringing life:
But to the cross he nails thy enemies;
The law that is against thee, and the sins
Of all mankind, with him there crucify'd,
Never to hurt them more who rightly trust
In this his satisfaction. So he dies,
But soon revives; death over him no power
Shall long usurp: ere the third dawning light
Return, the stars of morn shall see him rise
Out of his grave, fresh as the dawning light.
Thy ransom paid, which man from death redeems,
His death for man, as many as offer'd life
Neglect not, and the benefit embrace
By faith not void of works. This Godlike act
Annuls thy doom, the death thou shouldst have died,
In sin for ever lost from life. This act
Shall bruise the head of Satan, crush his strength,
Defeating sin and death, his two main arms,

пронзитъ его главу, чѣмъ временная смерть уязвитъ пяту Побѣдителя или тѣхъ, кого Онъ искупитъ, потому что смерть эта, подобная тихому сну, будетъ незамѣтнымъ переходомъ къ вѣчной жизни.

«Послѣ воскресенія Своего, Сынъ Божій не долго останется на землѣ. Онъ лишь нѣсколько разъ явится Своимъ ученикамъ, людямъ, вѣрно сопутствовавшимъ Ему въ земной Его жизни: Онъ возложитъ на нихъ поучать всѣ народы тому, чему Самъ училъ. Вѣрующихъ въ спасеніе Онъ велитъ крестить въ потокѣ водъ, въ знакъ омовенія ихъ отъ грѣха, для жизни чистой и укрѣпленія ихъ духа, такъ чтобы они, въ случаѣ нужды, готовы были къ смерти, подобной той, какою умеръ ихъ Искупитель. Они будутъ поучать всѣ народы; съ того дня спасеніе будетъ проповѣдуемо не только сынамъ, происшедшимъ отъ чреслъ Авраама, но всѣмъ исповѣдующимъ вѣру Авраама по всему свѣту. Такъ въ племени его благословятся всѣ народы.

«Тогда Сынъ Божій побѣдоносно вознесется на Небеса Небесъ, одолѣвъ Своихъ и твоихъ враговъ. Въ торжественномъ Своемъ шествіи по воздуху, Онъ настигнетъ Змѣя, князя воздуха, и въ цѣпяхъ повлечетъ его черезъ все его царство, и тамъ оставитъ его, покрытаго стыдомъ. Потомъ, въ сіяніи славы, Онъ снова займетъ Свое мѣсто одесную Бога Отца, и Его имя превознесется выше всѣхъ именъ небесныхъ. Когда же міръ этотъ готовъ будетъ къ разрушенію, Онъ въ величіи и славѣ сойдетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Онъ осудитъ невѣрныхъ и наградитъ вѣрныхъ Своихъ, принявъ ихъ въ лоно блаженства на Небесахъ или на Землѣ: тогда вся Земля будетъ Раемъ; жизнь на ней будетъ счастливѣе, чѣмъ здѣсь въ Эдемѣ, счастіе полнѣе!»

Такъ говорилъ Архангелъ Михаилъ; достигнувъ этого великаго періода міра, онъ остановился. Праотецъ нашъ, исполненный восторга и удивленія, восклицаетъ:

«О, благость безпредѣльная, благость неисчерпаемая! столько добра родишь ты изъ зла, и самое зло обращаешь въ благо! Чудо болѣе дивное чѣмъ то, когда, во время мірозданія, впервые засіялъ свѣтъ изъ мрака! Я полонъ сомнѣнія, долженъ ли я теперь раскаиваться въ моемъ грѣхѣ

And fix'd far deeper in his head their stings
Than temp'ral death shall bruise the Victor's heel,
Or theirs whom he redeems, a death like sleep,
A gentle wafting to immortal life.
Nor after resurrection shall he stay
Longer on earth than certain times to appear
To his disciples, men who in his life
Still follow'd him: to them shall leave in charge
To teach all nations what of him they learn'd
And his salvation; them who shall believe
Baptizing in the profluent stream, the sign
Of washing them from guilt of sin to life
Pure, and in mind prepared, if so befall,
For death, like that which the Redeemer died.
All nations they shall teach; for, from that day,
Not only to the sons of Abraham's loins
Salvation shall be preach'd, but to the sons
Of Abraham's faith, wherever through the world;
So in his seed all nations shall be blest.
Then to the Heav'n of Heav'ns he shall ascend
With victory, triumphing through the air
Over his foes and thine; there shall surprise
The Serpent, prince of air, and drag in chains
Thro' all his realm, and there confounded leave;
Then enter into glory, and resume
His seat at God's right hand, exalted high
Above all names in Heav'n; and thence shall come,
When this world's dissolution shall be ripe,
With glory and pow'r to judge both quick and dead;
To judge th' unfaithful dead, but to reward
His faithful, and receive them into bliss,
Whether in Heav'n or Earth; for then the Earth
Shall all be Paradise: far happier place
Than this of Eden, and far happier days.
So spake th' Arch-Angel Michael, then paused,
As at the world's great period; and our sire,
Replete with joy and wonder, thus reply'd:
O Goodness infinite, Goodness immense!
That all this good of evil shall produce,
And Evil turn to good! more wonderful
Than that which by creation first brought forth
Light out of darkness! full of doubt I stand,
Whether I should repent me now of sin,

или радоваться ему, какъ источнику новой славы для Всемогущаго, новой благодати Божіей для человѣка и торжества милосердія надъ гнѣвомъ? Но скажи: если Спаситель нашъ вознесется на Небо, что будетъ съ тѣми немногими изъ Его вѣрныхъ, оставшимися среди невѣрнаго стада враговъ истины? Кто будетъ руководить Его народомъ? Кто защититъ его? Не подвергнутся ли ученики Его еще большимъ гоненіямъ, чѣмъ Самъ Учитель?»

«Это несомнѣнно», отвѣчалъ Ангелъ, «но съ высоты Небесъ Онъ пошлетъ имъ Утѣшителя, обѣтованіе Отца; Духъ Его вселится въ нихъ и напечатлѣетъ въ сердцахъ ихъ законъ вѣры, одушевленной любовію, чтобы они шли путемъ правымъ. Онъ также покроетъ ихъ духовной бронею; противъ нея окажутся безсильны всѣ нападенія Сатаны, и огненныя стрѣлы его угаснутъ. Что бы ни дѣлали съ ними люди, ничто не будетъ имъ страшно, даже самая смерть; въ глубинѣ души найдутъ они утѣшеніе и награду противъ всѣхъ мученій, и твердостію духа удивятъ жесточайшихъ своихъ гонителей. Духъ, сошедшій сперва на Апостоловъ, посланныхъ проповѣдывать Евангеліе народамъ, и потомъ вселившійся во всѣхъ черезъ таинство крещенія, Духъ Святой исполнитъ ихъ чудесными дарами: они заговорятъ на всѣхъ языкахъ и будутъ творить чудеса, какія творилъ передъ ними Божественный ихъ Учитель. Такъ, во всѣхъ народахъ они обратятъ многое число людей, которые съ радостію примутъ небесныя вѣсти. Наконецъ, исполнивъ свой долгъ, со славою пройдя земное поприще и оставивъ письменно свое ученіе и исторію современныхъ имъ событій, они окончатъ свою жизнь.

«Вмѣсто нихъ, какъ сами они предскажутъ, появятся волки подъ видомъ пастырей, хищные волки, которые всѣ святыя таинства Неба обратятъ въ пользу своей низкой алчности и гордыни; суевѣріями, ложными ученіями они затемнятъ истину, сохранившуюся во всей чистотѣ въ тѣхъ святыхъ книгахъ и постигаемую лишь Духомъ.

«Они будутъ искать почестей, славы, корысти, стремясь присоединить къ этому мірскую власть, подъ личиною будто дѣйствуютъ всегда одной духовною властію. Они присвоятъ себѣ Духъ Божій, обѣтованный и да-

By me done and occasion'd, or rejoice
Much more, that much more good thereof shall spring,
To God more glory, more good-will to men
From God, and over wrath grace shall abound.
But say: if our Deliv'rer up to Heav'n
Must reascend, what will betide the few
His faithful, left among th' unfaithful herd,
The enemies of truth? Who then shall guide
His people? who defend? Will they not deal
Worse with his followers than with him they dealt?
  Be sure they will, said the Angel; but from Heav'n
He to his own a Comforter will send,
The promise of the Father, who shall dwell
His Spirit within them, and the law of faith,
Working through love, upon their hearth shall write,
To guide them in all truth, and also arm
With spiritual armour, able to resist
Satan's assaults, and quench his fiery darts;
What man can do against them, not afraid,
Though to the death, against such cruelties
With inward consolations recompensed,
And oft supported so as shall amaze
Their proudest persecutors: for the Spirit
Pour'd first on his Apostles, whom he sends
To evangelize the nations, then on all
Baptized, shall them with wondrous gifts endue
To speak all tongues, and do all miracles,
As did their Lord before them. Thus they win
Great numbers of each nation to receive
With joy the tidings brought from Heav'n. At length
Their ministry perform'd, and race well run,
Their doctrine and their story written left,
They die; but in their room, as they forewarn,
Wolves shall succeed for teachers, grievous wolves,
Who all the sacred mysteries of Heav'n
To their own vile advantages shall turn
Of lucre and ambition, and the truth
With superstitions and traditions taint,
Left only in those written records pure,
Though not but by the Spirit understood.
  Then shall they seek to avail themselves of names,
Places and titles, and with these to join
Secular pow'r though feigning still to act
By spiritual, to themselves appropriating
The Spirit of God, promised alike, and given,

безумцемъ, стараясь проникнуть далѣе! Я вижу теперь, что высшее благо—въ повиновеніи, въ любви и страхѣ Господнемъ; въ томъ, чтобы жить всегда какъ бы въ присутствіи Бога, всегда надѣяться только на Его милосердый промыселъ, простирающійся на всѣ Его творенія. По Его благости добро всегда торжествуетъ надъ зломъ; изъ ничтожныхъ средствъ Онъ творитъ великія дѣла; слабыми на видъ орудіями Онъ покоряетъ всѣ могущества земныя, и всю земную мудрость смиряетъ одною кротостію и простотою сердца. Теперь я знаю, что страданіе за истину укрѣпляетъ въ мужествѣ для достиженія высшей побѣды, и что для вѣрующаго смерть есть преддверіе жизни: мнѣ показалъ это великій примѣръ Того, Кого я позналъ теперь какъ Искупителя моего, благословеннаго во вѣки.»

Ангелъ, также въ послѣдній разъ, отвѣтилъ:

«Познавъ эти истины, ты постигъ всю мудрость. Не надѣйся на высшее знаніе, хотя бы тебѣ извѣстны были имена всѣхъ звѣздъ, всѣхъ силъ небесныхъ, всѣ тайны преисподней и всѣ творенія Природы, или творенія Бога на Небѣ и на землѣ, въ моряхъ и воздухѣ; хотя бы ты владѣлъ всѣми сокровищами міра, и весь міръ составлялъ бы одно царство, покорное твоей власти. Ты можешь возвысить свои познанія только достойными ихъ дѣлами: возвысь ихъ вѣрою, и возвысь ихъ добродѣтелью, терпѣніемъ, воздержаніемъ, но болѣе всего любовью, христіанскою любовью, какъ назовется въ будущемъ эта любовь, душа всѣхъ добродѣтелей. Тогда ты безъ скорби покинешь Рай: въ душѣ твоей будетъ Рай еще болѣе свѣтлый.

«Однако, пора намъ оставить эту вершину созерцанія; настал часъ: мы должны удалиться отсюда. Видишь стражу, поставленную мною на томъ холмѣ: она ждетъ повелѣнія тронуться въ путь, и пламенный мечъ впереди ея рядовъ уже описываетъ въ воздухѣ грозные круги, подавая знакъ къ твоему изгнанію. Нельзя медлить дольше. Иди, разбуди Еву; ее я также успокоилъ тихими сновидѣніями; предзнаменуя лучшее будущее, они расположили ея сердце къ кроткой покорности. Въ свое время ты повѣдай ей о всемъ, слышанномъ тобою, а главное о томъ, что должно

Beyond which was my folly to aspire.
Henceforth I learn that to obey is best,
And love with fear the only God, to walk
As in his presence, ever to observe
His providence, and on him sole depend,
Mirciful over all his works, with good
Still overcoming evil, and by small
Accomplishing great things, by things deem'd weak
Subverting worldly strong, and worldly wise
By simply meek; that suffering for truth's sake
Is fortitude to highest victory,
And to the faithful death the gate of life.
Taught this by his example, whom I now
Acknowledge my Redeemer ever blest.
To whom thus also th' Angel last reply'd:
This having learn'd, thou hast attain'd the sum
Of wisdom; hope no higher, though all the stars
Thou knew'st by name, and all th' ethereal pow'rs
All secrets of the deep, all Nature's works,
Or works of God in Heav'n, air, earth, or sea,
And all the riches of this world enjoy'dst,
And all the rule, one empire; only add
Deeds to thy knowledge answerable; add faith,
Add virtue, patience, temperance, add love,
By name to come call'd Charity, the soul
Of all the rest, then wilt thou not be loath
To leave this Paradise, but shalt possess
A Paradise within thee, happier far.
Let us descend now therefore from this top
Of speculation; for the hour precise
Exacts our parting hence: and see the guards,
By me encamp'd on yonder hill, expect
Their motion, at whose front a flaming sword,
In signal to remove, waves fiercely round.
We may no longer stay. Go, waken Eve;
Her also I with gentle dreams have calm'd,
Portending good, and all her spirits composed
To meek submission. Thou at season fit
Let her with thee partake what thou hast heard,

руемый всѣмъ вѣрующимъ одинаково; и вслѣдствіе такого притязанія, посредствомъ свѣтской власти, духовные законы будутъ тяготѣть надъ всякой совѣстію, законы, какихъ никто не найдетъ ни въ одной изъ тѣхъ священныхъ книгъ, ни въ томъ, что напечатлѣно въ его сердцѣ Духомъ Святымъ. Къ чему же будутъ они стремиться, какъ не къ насилію надъ самимъ Духомъ благости и спутницею его, Свободою? Чего хотятъ они, какъ не разрушить Его живые храмы, воздвигнутые вѣрою, ихъ собственною, не чуждою имъ вѣрою? Кто на землѣ дерзнетъ считать себя непогрѣшимымъ противъ вѣры и совѣсти? Однако, много будетъ такихъ дерзновенныхъ: настанутъ тяжкія гоненія на всѣхъ, кто непреклонно будетъ поклоняться духу и истинѣ. Благочестіе другихъ, и этихъ будетъ большинство, удовлетворится одними внѣшними обрядами, наружнымъ благолѣпіемъ. Истина удалится, пронзенная стрѣлами клеветы, и дѣла вѣры будутъ рѣдки. Такъ міръ этотъ, пагубный для добрыхъ, благосклонный для злыхъ, будетъ стонать подъ собственнымъ бременемъ, пока не наступитъ день отдохновенія для праведныхъ и мщенія для злобныхъ, когда придетъ Тотъ, Кто былъ обѣщанъ тебѣ въ темномъ пророчествѣ, какъ Сѣмя Жены, и въ Которомъ теперь ты можешь ясно познать своего Спасителя и Господа.

«На облакахъ снова сойдетъ Онъ съ Небесъ въ сіяніи Отчей славы; Онъ уничтожитъ Сатану вмѣстѣ съ развращеннымъ имъ міромъ. Вселенная будетъ предана пламени, и изъ нѣдръ ея, очищенныхъ огнемъ, возстанутъ новыя Небеса и новая Земля; наступятъ безконечные вѣка, утвержденные на непоколебимомъ основаніи правосудія, мира, любви, плодами которыхъ будетъ радость и вѣчное блаженство.» [191)]

Ангелъ умолкъ, и Адамъ въ послѣдній разъ обращается къ нему такъ: «О благодатный Пророкъ, съ какой быстротою вѣщій духъ твой проникъ всѣ событія этого міра и измѣрилъ теченіе времени до того мига, когда оно остановится неподвижно! За этими предѣлами лежитъ пучина вѣчности, и никакой взоръ не можетъ проникнуть въ нее! Просвѣщенный тобою, я оставлю эти мѣста съ полнымъ душевнымъ миромъ; я обогащенъ всѣми познаніями, какія можетъ вмѣстить этотъ бренный сосудъ; я былъ

To all believers; and from that pretence,
Spiritual laws by carnal power shall force
On ev'ry conscience; laws which none shall find
Left them inroll'd, or what the Spirit within
Shall on the heart engrave. What will they then
But for the Spirit of grace itself, and bind
His consort Liberty? What but unbuild
His living temples, built by faith to stand,
Their own faith, not another's? for on earth
Who against faith and conscience can be heard
Infallible? Yet many will presume:
Whence heavy persecution shall arise
On all who in the worship persevere
Of spirit and truth; the rest, far greater part,
Will deem in outward rites and specious forms
Religion satisfy'd. Truth shall retire
Bestuck with sland'rous darts, and works of faith
Rarely be found. So shall the world go on,
To good malignant, to bad men benign,
Under her own weight groaning, till the day
Appear of respiration to the just
And vengeance to the wicked at return
Of him so lately promised to thy aid,
The Woman's Seed, obscurely then foretold,
Now amplier known thy Saviour and thy Lord:
Last in the clouds from Heav'n to be reveal'd
In glory of the Father, to dissolve
Satan with his perverted world, then raise
From the conflagrant mass, purged and refined,
New Heav'ns, new Earth, ages of endless date
Founded in righteousness, and peace, and love,
To bring forth fruits, joy and eternal bliss.
  He ended; and thus Adam last reply'd:
How soon hath thy prediction, Seer blest,
Measured this transient world, the race of time,
Till time stand fix'd! Beyond is all abyss,
Eternity, whose end no eye can reach.
Greatly instructed, I shall hence depart,
Greatly in peace of thought and, have my fill
Of knowledge, what this vessel can contain;

озарить ея душу вѣрою, о томъ, что черезъ нее (потому что черезъ сѣмя Жены) совершится великое избавленіе всего человѣческаго рода. Живите единодушно, одушевленные одною вѣрою; дни ваши будутъ долголѣтни, хотя и опечалены тяжелымъ прошлымъ, но печаль пересилится радостнымъ созерцаніемъ ожидаемаго счастія.»

Онъ кончилъ. Оба спускаются съ горы; Адамъ спѣшитъ впередъ къ кущѣ, гдѣ покоилась сномъ Ева; но она уже пробудилась, и безъ признаковъ печали встрѣтила его такими словами:

«Я знаю, откуда ты пришелъ теперь, и гдѣ былъ: Господь не оставляетъ насъ и во снѣ, поучая насъ въ сновидѣніяхъ. Когда, измученная горемъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, я наконецъ забылась сномъ, Онъ послалъ мнѣ благодатное видѣніе, предвѣщавшее какое-то великое счастіе. Веди же меня; я готова. Слѣдовать за тобою, значитъ для меня сохранить Рай; остаться здѣсь безъ тебя, все равно, значитъ лишиться Рая. Ты для меня все подъ небесами; для меня всѣ мѣста на землѣ ты, ты, моимъ добровольнымъ преступленіемъ изгнанный изъ Рая! Но я уношу отсюда отрадную надежду, что если все погублено мною, то отъ меня же (такой милости незаслуженно удостоена я) произойдетъ обѣтованное Сѣмя, Которымъ спасется все.»

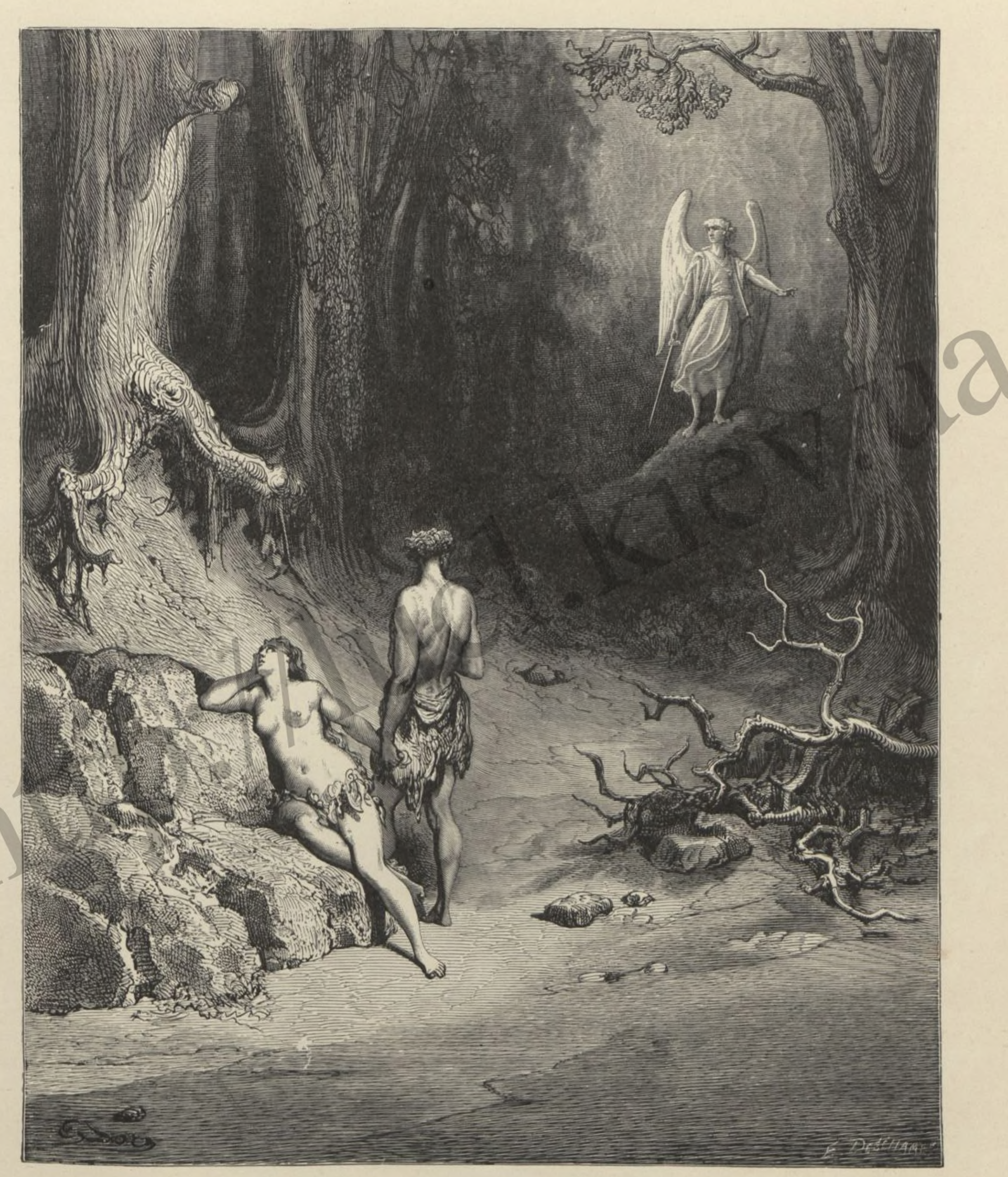
Такъ говорила наша праматерь Ева; Адамъ съ отрадою внималъ ей, но ничего не отвѣтилъ: Архангелъ приблизился къ нимъ въ эту минуту, вдали же, къ назначеннымъ мѣстамъ, блестящимъ строемъ спускались съ другой горы Херувимы; они неслись надъ землею подобно метеору: такъ вечерній туманъ, подымаясь съ рѣки, скользитъ по болотамъ, догоняя идущаго домой земледѣльца, и подъ самыми ногами застилаетъ ему дорогу. Высоко впереди ихъ рядовъ, мечъ Господень, размахивая въ воздухѣ, грозно пылалъ подобно кометѣ; пламя его и пары, горячіе какъ знойный воздухъ Ливіи, начали жечь благодатный воздухъ. Тогда Ангелъ поспѣшно взялъ за руки все еще медлившихъ прародителей нашихъ, прямо повелъ ихъ къ восточнымъ вратамъ, такъ же быстро спустился съ утеса въ долину, и исчезъ.

Chiefly what may concern her faith to know,
The great deliv'rance by her seed to come
(For by the Woman's seed) on all mankind:
That ye may live, which will be many days,
Both in one faith unanimous though sad
With cause for evils past, yet much more cheer'd
With meditation on the happy end.
He ended, and they both descend the hill;
Descended, Adam to the bower where Eve
Lay sleeping ran before, but found her waked;
And thus with words not sad she him received:
Whence thou return'st, and whither went'st, I know:
For God is also in sleep, and dreams advise
Which he hath sent propitious, some great good
Presaging, since with sorrow and heart's distress
Weary'd I fell asleep: but now lead on;
In me is no delay. With thee to go,
Is to stay here; without thee here to stay,
Is to go hence unwilling; thou to me
Art all things under Heav'n, all places thou,
Who for my wilful crime art banish'd hence.
This further consolation yet secure
I carry hence; though all by me is lost,
(Such favour I unworthy am vouchsafed)
By me the promised Seed shall all restore.
So spake our mother Eve; and Adam heard
Well pleased, but answer'd not; for now too nigh
Th' Arch-Angel stood, and from the other hill
To their fix'd station, all in bright array
The Cherubim descended; on the ground
Gliding meteorous, as evening mist
Risen from a river o'er the marish glides,
And gathers ground fast at the labourer's heel
Homeward returning. High in front advanced,
The brandish'd sword of God before them blazed
Fierce as a comet; which with torrid heat,
And vapour as the Libyan air adust,
Began to parch that temp'rate clime: whereat
In either hand the hast'ning Angel caught
Our ling'ring parents, and to th' eastern gate
Let them direct, and down the cliff as fast
To the subjected plain; then disappear'd,

Прародители не могли удержать невольныхъ слезъ, но скоро отерли ихъ.

Пѣснь 12. стр. 269.

Some natural tears they dropt, but wiped them soon.

Они оглянулись и увидѣли, что вся восточная сторона Рая, такъ недавно ихъ счастливаго жилища, колебалась въ волнахъ пламени; страшные образы, съ огненнымъ оружіемъ, заграждали врата. Прародители не могли удержать невольныхъ слезъ, но скоро отерли ихъ. Весь міръ лежалъ передъ ними для выбора мѣста покоя, и Провидѣніе вело ихъ. Рука въ руку, нетвердыми, тихими шагами, одинокіе, пошли они черезъ Эдемъ.

They looking back, all the eastern side beheld
Of Paradise (so late their happy seat)
Waved over by that flaming brand, the gate
With dreadful faces throngh'd and fiery arms:
Some natural tears they dropt, but wiped them soon:
The world was all before them, where to choose
Their place of rest, and Providence their guide.
They hand in hand, with wand'ring steps and slow
Through Eden took their solitary way.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

и

ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

И

ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ПОЭМЫ

ДЖОНА МИЛЬТОНА.

Съ

50 картинами

Густава Дорэ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. ШУЛЬГОВСКОЙ.

Съ англійскимъ текстомъ.

Второе изданіе,

вновь пересмотрѣнное и дополненное новыми примѣчаніями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

Типографія **А. Ф. Маркса,** С.-Петербургъ, Ср. Подъяческая, № 1.

Дозволено цензурою 2 октября 1895 г. СПБ.

MILTON'S

PARADISE LOST

AND

PARADISE REGAINED.

ILLUSTRATED BY

Gustave Doré.

ST.-PETERSBURG.

PUBLISHED BY A. F. MARCKS.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

PARADISE REGAINED.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ПѢСНЬ 1-я.

СОДЕРЖАНІЕ:

Изложеніе предмета. Возваніе къ Святому Духу. Поэма начинается крещеніемъ Іоанна на рѣкѣ Іорданѣ. Іисусъ приходитъ туда и получаетъ крещеніе. Сошествіе Святого Духа и голосъ съ Неба свидѣтельствуютъ о томъ, что Онъ есть Сынъ Божій. Присутствовавшій при этомъ Сатана, услышавъ то свидѣтельство, немедленно улетаетъ въ воздушныя страны: тамъ, созвавъ адскій совѣтъ, онъ высказываетъ передъ нимъ свои опасенія, что Іисусъ есть то Сѣмя Жены, которому предназначено уничтожить всю ихъ силу; онъ указываетъ на настоятельную необходимость предотвратить опасность, попытаться хитростію противодѣйствовать Іисусу, Который для нихъ такъ страшенъ. Онъ предлагаетъ взять на себя это дѣло; его предложеніе принято, и онъ пускается въ путь для исполненія своего предпріятія. Между тѣмъ, Богъ-Отецъ, въ собраніи Святыхъ Ангеловъ, объявляетъ, что Онъ предоставляетъ Своего Сына на искушеніе Сатаны, но при этомъ предсказываетъ, что всѣ козни искусителя будутъ побѣждены Сыномъ. Ангелы поютъ побѣдный гимнъ. Іисусъ побужденіемъ Божественнаго Духа идетъ въ пустыню, помышляя о началѣ Своего великаго назначенія быть Спасителемъ человѣчества. Въ размышленіяхъ объ этомъ предметѣ Онъ припоминаетъ какимъ Божественнымъ чувствомъ любви къ человѣчеству былъ Онъ проникнутъ съ самаго дѣтства, и какъ Мать Его, Марія, замѣтивъ въ Немъ такія чувства, передала Ему обстоятельства Его рожденія, сообщивъ, что Онъ никто иной, какъ Сынъ Божій. Собственныя размышленія подтверждаютъ справедливость этой великой истины; особенно убѣждаетъ Его въ томъ только что совершившееся провозглашеніе Его Сыномъ Божіимъ, на рѣкѣ Іорданѣ. Спаситель нашъ сорокъ дней постится въ пустынѣ; дикіе звѣри въ присутствіи Его становятся кротки и безвредны. Сатана является къ Нему въ образѣ престарѣлаго земледѣльца, и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, удивляясь, что могло привести Его, Одного, въ такое опасное мѣсто; въ то же время онъ говоритъ, что узнаетъ въ Немъ Того Самаго, Кого недавно, на рѣкѣ Іорданѣ, Іоаннъ призналъ за Сына Божія. Іисусъ отвѣчаетъ коротко. Сатана продолжаетъ разговоръ, распространяясь о трудности жизни въ пустынѣ, и предлагаетъ Іисусу, если Онъ подлинно Сынъ Божій, проявить Свою Божественную силу, превративъ камни въ хлѣбъ. Іисусъ порицаетъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что знаетъ, кто онъ. Сатана не скрывается, и искусно защищаетъ себя и свои поступки. Сынъ Божій строго порицаетъ его и опровергаетъ всѣ его оправданія. Сатана, принимая смиренный видъ, снова старается оправдать себя; онъ изъявляетъ свое удивленіе передъ Іисусомъ и Его взглядами на добродѣтель, и проситъ позволенія и на будущее время пользоваться Его бесѣдой, но получаетъ отвѣтъ, что на это должно быть позволеніе свыше. Тогда Сатана исчезаетъ; пѣснь заканчивается краткимъ описаніемъ наступающей ночи.

Воспѣвъ въ недавнемъ времени блаженный Садъ, потерянный ослушаніемъ одного человѣка, я воспѣваю нынѣ Рай, возвращенный человѣчеству твердымъ послушаніемъ другого Человѣка, послушаніемъ, кото-

PARADISE REGAINED.

BOOK 1. THE ARGUMENT.

The subject proposed. Invocation of the Holy Spirit. The poem opens with John baptizing at the river Jordan. Jesus coming there is baptized; and is attested by the descent of the Holy Ghost, and by a voice from Heaven, to be the Son of God. Satan, who is present, upon this immediately flies up into the regions of the air: where, summoning his infernal council, he acquaints them with his apprehensions that Jesus is that seed of the woman destined to destroy all their power, and points out to them the immediate necessity of bringing the matter to proof, and of attempting, by snares and fraud, to counteract and defeat the person from whom they have so much to dread. This office he offers himself to undertake; and, his offer being accepted, sets out on his enterprise. In the mean time God, in the assembly of holy angels, declares that he has given up his Son to be tempted by Satan; but foretells that the tempter shall be completely defeated by him: upon which the angels sing a hymn of triumph. Jesus is led up by the Spirit into the wilderness, while he is meditating on the commencement of his great office of Saviour of mankind. Pursuing his meditations he narrates, in a soliloquy, what divine and philanthropic impulses he had felt from his early youth, and how his mother Mary, on perceiving these dispositions in him, had acquainted him with the circumstances of his birth, and informed him that he was no less a person than the Son of God; to which he adds what his own inquiries and reflections had supplied in confirmation of this great truth, and particularly dwells on the recent attestation of it at the river Jordan. Our Lord passes forty days, fasting, in the wilderness; where the wild beasts become mild and harmless in his presence. Satan now appears under the form of an old peasant, and enters into discourse with our Lord, wondering what could have brought him alone into so dangerous a place, and at the same time professing to recognise him for the person lately acknowleged by John, at the river Jordan, to be the Son of God. Jesus briefly replies. Satan rejoins with a description of the difficulty of supporting life in the wilderness; and entreats Jesus, if he be really the Son of God, to manifest his divine power, by changing some of the stones into bread. Jesus reproves him, and at the same time tells him that he knows who he is. Satan instantly avows himself, and offers an artful apology for himself and his conduct. Our blessed Lord severely reprimands him, and refutes every part of his justification. Satan, with much semblance of humility, still endeavours to justify himself; and professing his admiration of Jesus, and his regard for virtue, requests to be permitted at a future time to hear more of his conversation; but is answered, that this must be as he shall find permission from above. Satan then disappears, and the book closes with a short description of night coming on.

I who ere while the happy Garden sung,
By one Man's disobedience lost, now sing
Recover'd Paradise to all mankind
By one Man's firm obedience fully tried

рое было подвергнуто всевозможнымъ искушеніямъ. Но искуситель былъ посрамленъ, всѣ козни его побѣдоносно отражены, и въ дикой пустынѣ былъ возрожденъ Эдемъ.

Ты, Духъ Святой, приведшій Божественнаго Подвижника въ пустыню, Его побѣдное поле, гдѣ Онъ сразилъ Духа тьмы, и выведшій его оттуда, какъ несомнѣннаго Сына Божія, вдохнови, какъ Ты всегда это дѣлалъ, мою усердную пѣснь, не раздававшуюся донынѣ; вознеси ее всей мощью Твоихъ благодатныхъ крылъ, дай ей проникнуть до высочайшихъ и глубочайшихъ предѣловъ естества, чтобы могла она повѣдать о дѣяніяхъ, превосходящихъ всякое геройство, хотя они были совершены втайнѣ, и многіе вѣка не было разсказано о нихъ, тогда какъ они достойны высочайшихъ пѣснопѣній.

Великій Предтеча, голосомъ, потрясавшимъ сильнѣе звука трубнаго, взывалъ къ покаянію, обѣщая всѣмъ крещенымъ царство небесное. Народы со всѣхъ окрестныхъ странъ съ благоговѣніемъ стекались къ его великому крещенію; съ ними, изъ Назарета, пришелъ къ потоку Іорданскому Тотъ, Кого люди считали сыномъ Іосифовымъ, пришелъ еще неизвѣстный, незамѣтный, невѣдомый; но Креститель, получившій Божественное откровеніе, сейчасъ же узналъ Его, свидѣтельствовалъ объ Его превосходствѣ передъ собою, и хотѣлъ передать Ему свою Божественную обязанность. Свидѣтельство его было скоро подтверждено: едва Спаситель воспріялъ крещеніе, какъ Небеса разверзлись и Духъ Святой сошелъ на Него въ видѣ голубя, а голосъ Бога-Отца, раздавшійся съ Неба, наименовалъ Его Своимъ возлюбленнымъ Сыномъ.

Врагъ, постоянно пробѣгающій вселенную, и бывшій не послѣднимъ въ томъ славномъ сборищѣ, услышалъ эти слова. Какъ громомъ поразилъ его Божественный голосъ. Сначала онъ съ изумленіемъ смотритъ на Человѣка, такъ высоко превознесеннаго свидѣтельствомъ Всевышняго, потомъ, снѣдаемый завистію и злобою, летитъ въ свое царство, и среди воздуха созываетъ въ совѣтъ всѣхъ своихъ могучихъ владыкъ. Въ густомъ черномъ облакѣ, окружившемъ его десятеричной стѣною, собирается мрачный совѣтъ. Сатана, съ отчаянными, блуждающими взорами, взываетъ къ нему такъ:

Through all temptation, and the Tempter foil'd
In all his wiles, defeated and repulsed,
And Eden raised in the waste wilderness.
  Thou Spirit, who led'st this glorious eremite
Into the desert, his victorious field,
Against the spiritual foe, and brought'st him thence
By proof th' undoubted Son of God, inspire,
As thou art wont, my prompted song, else mute,
And bear thro' highth or depth of Nature's bounds,
With prosp'rous wing full summ'd, to tell of deeds,
Above heroic, though in secret done,
And unrecorded left through many an age,
Worthy t'have not remain'd so long unsung.
  Now had the great Proclaimer with a voice
More awful than the sound of trumpet, cry'd
Repentance, and Heav'n's kingdom nigh at hand
To all baptized: to his great baptism flock'd
With awe the regions round, and with them came
From Nazareth the son of Joseph deem'd
To the flood Jordan, came as then obscure,
Unmark'd, unknown: but him the Baptist soon
Descried, divinely warn'd, and witness bore
As to his worthier, and would have resign'd
To him his heav'nly office; nor was long
His witness unconfirm'd: on him baptized
Heav'n open'd, and in likeness of a dove
The Spirit descended, while the Father's voice
From Heav'n pronounced him his beloved Son.
  That heard the Adversary, who roving still
About the world, at that assembly famed
Would not be last, and with the voice divine
Nigh thunder-struck, th' exalted Man, to whom
Such high attest was given, a while survey'd
With wonder, then with envy fraught and rage
Flies to his place, nor rests but in mid air;
To council summons all his mighty peers,
Within thick clouds and dark ten-fold involved
A gloomy consistory; and them amidst
With looks aghast and sad he thus bespake:

«О, древнія Силы воздушныя! — мнѣ пріятнѣе называть нашимъ царствомъ этотъ обширный воздушный міръ, завоеванный нами издревле, чѣмъ вспоминать Адъ, наше ненавистное жилище, —вы знаете, много вѣковъ, по людскому счисленію, владѣли мы міромъ и по своей волѣ управляли земными дѣлами, съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ и слабая его подруга, Ева, потеряли Рай, обманутые мною, хотя я съ трепетомъ ждалъ рокового удара, которымъ потомокъ Евы долженъ былъ сразить мою голову... Долго не совершаются опредѣленія Небесъ: самое долгое время для нихъ коротко [192]. Но, увы! слишкомъ быстро для насъ обошли часы кругъ того страшнаго времени, когда мы должны перенести такъ давно грозившій намъ ударъ. Но, возможно ли это? съ раздробленіемъ головы не будетъ ли уничтожена вся наша сила, свобода, наше существованіе въ этомъ прекрасномъ царствѣ, завоеванномъ нами на Землѣ и въ Воздухѣ? Я принесъ дурныя вѣсти: Тотъ, Кто предназначенъ совершить это, и Кого называли Сѣменемъ Жены, уже рожденъ женою: рожденіе Его должно вселять въ насъ трепетъ; но теперь, когда Онъ вступилъ въ возрастъ мужа, и въ полномъ цвѣтѣ силъ сіяетъ всѣми добродѣтелями, когда Его премудрость, благость готовятъ Его къ высокимъ, славнымъ подвигамъ, мой ужасъ возрастаетъ. Возвѣстить Его пришествіе, Предтечей Его, посланъ великій пророкъ; онъ призываетъ всѣхъ, и, въ священной рѣкѣ, по увѣренію его, омываетъ ихъ отъ грѣховъ, дабы, очищенные, они достойны были принять Мессію или воздать Ему почести, какъ своему Царю. Всѣ идутъ, и Самъ Онъ среди народа принялъ крещеніе, не для того, чтобы очиститься, но для того, чтобы получить небесное свидѣтельство, которое бы уничтожило въ народахъ всякое сомнѣніе о томъ, Кто Онъ. Я видѣлъ благоговѣніе предъ Нимъ пророка; когда же Онъ вышелъ изъ воды, надоблачныя Небеса отверзли свои хрустальныя врата; оттуда снизошелъ на Его главу чистѣйшій голубь (что бы это значило?), и съ Небесъ услышалъ я голосъ Всевышняго: «Это Сынъ Мой возлюбленный, въ Немъ мое благоволеніе!» И такъ, Мать Его смертная, но Отецъ Его есть Самъ Вседержитель Небесъ, и чего не сдѣлаетъ Онъ для возвеличенія Своего Сына? Хорошо мы знаемъ Перворогнаго, больно отозвались

O ancient Pow'rs of air, and this wide world
For much more willingly I mention air,
This our old conquest, than remember Hell,
Our hated habitation: well ye know
How many ages, as the years of men,
This universe we have possess'd, and ruled
In manner at our will th' affairs of Earth,
Since Adam and his facile consort Eve
Lost Paradise deceived by me, though since
With dread attending when that fatal wound
Shall be inflicted by the seed of Eve
Upon my head: long the decrees of Heav'n
Delay, for longest time to him is short;
And now too soon for us the circling hours
This dreaded time hath compass'd, wherein we
Must bide the stroke of that long threaten'd wound,
At least if so we can, and by the head
Broken be not intended all our power
To be infringed, our freedom and our being,
In this fair empire won of Earth and Air;
For this ill news I bring, the woman's seed
Destined to this, is late of woman born:
His birth to our just fear gave no small cause,
But his growth now to youth's full flow'r displaying
All virtue, grace, and wisdom to achieve
Things highest, greatest, multiplies my fear.
Before him a great prophet, to proclaim
His coming, is sent Harbinger, who all
Invites, and in the consecrated stream,
Pretends to wash off sin, and fit them so
Purified to receive him pure, or rather
To do him honour as their king; all come,
And he himself among them was baptized,
Not thence to be more pure, but to receive
The testimony of Heav'n, that who he is
Thenceforth the nations may not doubt; I saw
The prophed do him reverence, on him rising
Out of the water, Heav'n above the clouds
Unfold her crystal doors, thence on his head
A perfect dove descend, whate'er it meant,
And out of Heav'n the Sovereign voice I heard,
This is my Son beloved, in him am pleased.
His mother then is mortal, but his Sire
He who obtains the monarchy of Heav'n,
And what will he not do to advance his Son?
His first-begot we know, and sore have felt,

на насъ Его громоносные удары, гнавшіе насъ въ бездну. Мы должны узнать Сына. По всѣмъ наружнымъ признакамъ Онъ человѣкъ, хотя въ лицѣ Его сіяетъ отблескъ Отчаго величія. Вы видите, опасность близка; мы стоимъ на краю пропасти. Теперь не мѣсто долгимъ словопреніямъ; намъ надо оказать внезапное сопротивленіе, не силой, нѣтъ, но искусной хитростію. Мы тонкой сѣтью опутаемъ Его, прежде чѣмъ Онъ появится въ главѣ народовъ, Царемъ ихъ, ихъ вождемъ, владыкой вселенной. Когда никто другой не отважился на это, я одинъ предпринялъ страшный путь, чтобы найти и погубить Адама, и подвигъ этотъ совершилъ успѣшно; путешествіе, предстоящее теперь, спокойнѣе; путь, разъ оказавшійся благопріятнымъ, даетъ надежду на столь же полную удачу.»

Онъ кончилъ; слова его привели въ смятеніе все адское сонмище; съ недоумѣніемъ и глубокимъ ужасомъ внимало оно печальнымъ вѣстямъ. Но не было времени предаваться страху или печали: всѣ единогласно препоручаютъ важное предпріятіе своему великому властелину, первая попытка котораго противъ человѣческаго рода увѣнчалась такимъ успѣхомъ въ паденіи Адама, властелину, который вывелъ ихъ изъ мрачныхъ сводовъ Ада на свѣтъ, гдѣ они владѣютъ теперь не одной обширною областію и прекраснымъ царствомъ—гдѣ они властители, цари, даже боги.

И такъ Сатана направляетъ легкія стопы къ берегамъ Іордана; вооружась змѣиной хитростію, онъ надѣется найти тамъ новаго Избранника, этого Человѣка Человѣковъ, этого признаннаго Сына Божія; онъ намѣренъ испробовать всѣ соблазны, всѣ козни противъ Того, Кто казался ему рожденнымъ, чтобъ положить конецъ его долговременному владычеству на землѣ. Но, наоборотъ, онъ невольно послужилъ лишь орудіемъ для исполненія непреложныхъ, предвѣчныхъ судебъ Всевышняго, Который, будучи окруженъ свѣтозарнымъ блескомъ, въ полномъ собраніи Ангеловъ, такъ съ улыбкою изрекъ Гавріилу:

«Гавріилъ, нынѣ ты и всѣ Ангелы, бодрствующіе на Землѣ надъ людьми и людскими дѣлами, вы увидите, какъ Я приступлю къ выполненію того торжественнаго посольства, съ какимъ Я посылалъ тебя къ чистой Дѣвѣ Галилеи, для возвѣщенія Ей, что Она зачнетъ Сына, и бу-

When his first thunder drove us to the deep;
Who this is we must learn, for man he seems
In all his lineaments, though in his face
The glimpses of his Father's glory shine.
Ye see our danger on the utmost edge
Of hazard, which admits no long debate,
But must with something sudden be opposed,
Not force, but well couch'd fraud, well woven snares,
Ere in the head of nations he appear
Their king, their leader, and supreme on Earth.
I, when no other durst, sole undertook
The dismal expedition to find out
And ruin Adam, and th' exploit perform'd
Successfully; a calmer voyage now
Will waft me; and the way found prosp'rous once
Induces best to hope of like success.
He ended, and his words impression left
Of much amazement to th' infernal crew,
Distracted and surprised with deep dismay
At these sad tidings; but no time was then
For long indulgence to their fears or grief:
Unanimous they all commit the care
And management of this main enterprise
To him their great dictator, whose attempt
At first against mankind so well had thrived
In Adam's overthrow, and led their march
From Hell's deep vaulted den to dwell in light,
Regents and potentates, and kings, yea gods
Of many a pleasant realm and province wide.
So to the coast of Jordan he directs
His easy steps, girded with snaky wiles,
Where he might likeliest find this new declared,
This Man of Men, attested Son of God,
Temptation and all guile on him to try;
So to subvert whom he suspected raised
To end his reign on Earth so long enjoy'd:
But contrary unweeting he fulfill'd
The purposed counsel pre-ordain'd and fix'd
Of the Most High, who in full frequence bright
Of angels, thus to Gabriel smiling spake:
Gabriel, this day by proof thou shalt behold,
Thou and all Angels conversant on Earth
With man or men's affairs, how I begin
To verify that solemn message late,
On which I sent thee to the Virgin pure
In Galilee, that she should bear a son

детъ славно имя Его, и наречется Онъ Сыномъ Божіимъ. На Ея сомнѣніе, какъ можетъ это случиться съ Нею, Дѣвою, ты сказалъ Ей тогда, что Духъ Святой сойдетъ на Нее и сила Вышняго осѣнитъ Ее. Рожденнаго Ею Сына, уже достигшаго нынѣ совершенныхъ лѣтъ, предаю Я на искушеніе Сатаны, дабы Онъ могъ оправдать Свое божественное рожденіе и высокое пророчество о Немъ; пусть искушаетъ Его всѣми ухищреніями коварства,— онъ величается и хвалится своею хитростію передъ нечестивыми своими сонмищами. Могъ бы онъ научиться смиренію, послѣ того, какъ былъ посрамленъ Іовомъ, постоянной вѣрностію преодолѣвшимъ все, что могла придумать его жестокая злоба. Онъ познаетъ нынѣ, что Я могу изъ сѣмени жены воздвигнуть Человѣка еще сильнѣйшаго, Который поборетъ всѣ его хитрости, и, наконецъ, лишивъ его всей могучей его силы, повлечетъ назадъ въ Адъ, возвративъ Своей побѣдой то, что потерялъ первый человѣкъ, внезапно обольщенный обманомъ. Но Я намѣренъ испытать Его прежде въ пустынѣ; пусть положитъ тамъ начало великой борьбы, прежде чѣмъ Я пошлю Его сразить Грѣхъ и Смерть, этихъ двухъ великихъ враговъ, надъ которыми Онъ восторжествуетъ смиреніемъ и тяжкимъ страданіемъ: такъ Его слабость побѣдитъ сатанинскую силу и весь міръ, и грѣховную плоть, да познаютъ нынѣ всѣ Ангелы и всѣ Небесныя Силы, а въ грядущіе вѣка люди, какой высокой добродѣтели исполненъ былъ этотъ совершенный Человѣкъ, достойно именуемый Моимъ Сыномъ, Котораго Я избралъ быть Спасителемъ человѣческаго рода.»

Такъ изрекъ предвѣчный Отецъ; безмолвны были Небеса, потомъ вдругъ разнеслись въ нихъ радостные гимны; подъ небесную гармонію ангельскіе хоры съ пѣснопѣніями кружились вокругъ трона Господня, и рука вторила голосу. Они пѣли:

«Побѣда, слава Сыну Всевышняго! Слава вступающему въ великое единоборство, не вооруженной рукой, но премудростію побѣждающему адскія козни! Отецъ вѣдаетъ Сына и не страшится подвергнуть Его Сыновнюю добродѣтель, хотя и не испытанную, всѣмъ искушеніямъ врага, коварной злобѣ, устрашеніямъ. Сгиньте вы, козни адскія, разсѣйся въ прахъ, сатанинская злоба!»

Great in renown, and ca'lld the Son of God;
Then told'st her doubting how these things could be
To her a virgin, that on her should come
The Holy Ghost, and the power of the Highest
O'ershadow her: this man born and now upgrown,
To show him worthy of his birth divine
And high prediction, henceforth I expose
To Satan: let him tempt and now assay
His utmost subtlety, because he boasts
And vaunts of his great cunning to the throng
Of his apostacy; he might have learnt
Less overweening since he fail'd in Job,
Whose constant perseverance overcame
Whate'er his cruel malice could invent.
He now shall know I can produce a Man
Of female seed, far abler to resist
All his solicitations, and at length
All this vast force, and drive him back to Hell,
Winning by conquest what the first man lost
By fallacy surprised. But first I mean
To exercise him in the wilderness,
There he shall first lay down the rudiments
Of his great warfare, ere I send him forth
To conquer Sin and Death, the two grand foes,
By humiliation and long sufferance:
His weakness shall o'ercome Satanic strength,
And all the world, and mass of sinful flesh;
That all the Angels and ethereal Powers,
They now, and men hereafter, may discern,
From what consummate virtue I have chose
This perfect Man, by merit call'd my Son,
To earn salvation for the sons of men.
So spake th' eternal Father, and all Heav'n
Admiring stood a space, then into hymns
Burst forth, and in celestial measures moved,
Circling the throne and singing, while the hand
Sung with the voice, and this the argument.
Victory and triumph to the Son of God,
Now ent'ring his great duel, not of arms,
But to vanquish by wisdom hellish wiles.
The Father knows the Son; therefore secure
Ventures his filial virtue, though untry'd,
Against whate'er may tempt, whate'er seduce.
Allure, or terrify, or undermine.
Be frustrate all ye stratagems of Hell,
And devilish machinations come to nought!

Твои думы, но питай ихъ въ Себѣ; пусть свободно стремятся на ту высоту, куда возноситъ ихъ святая добродѣтель и чистая истина, хотя безпримѣрна ихъ высота. Несравненными дѣлами Ты долженъ выразить Твоего несравненнаго Отца. Знай, Ты не сынъ смертнаго, хотя такъ думаютъ люди. Твой Отецъ есть Царь Царей, вѣчный Единодержецъ, правящій Небомъ и Землею, Ангелами и сынами человѣческими. Посланникъ Божій провозвѣстилъ Мнѣ, что Я, Дѣва, зачала Тебя силою Всевышняго. Онъ предсказалъ, что Ты будешь великъ, возсядешь на престолѣ Давидовомъ и что царству Твоему не будетъ конца. При Твоемъ рожденіи на поляхъ Виѳлеемскихъ пѣлъ блестящій хоръ Ангеловъ, возвѣщая пастухамъ, которые ночью стерегли стада, рожденіе Мессіи и гдѣ они могутъ найти Его. И они пошли къ Тебѣ; стопы ихъ прямо направились къ яслямъ, гдѣ Ты лежалъ, потому что въ домѣ не было мѣста. Звѣзда, не виданная на Небѣ, привела съ востока волхвовъ, принесшихъ Тебѣ въ знакъ поклоненія ладанъ, смирну и золото. Напутствуемые ея яркимъ свѣтомъ, они нашли дорогу, утверждая, что это Твоя звѣзда впервые возсіяла на небѣ, почему они и узнали, что родился Царь Израильскій. Праведный Симеонъ и пророчица Анна, получившіе откровеніе въ видѣніи, нашли Тебя въ храмѣ, и передъ алтаремъ и священниками вѣщали о Тебѣ собравшемуся народу, какъ о Мессіи.»

«Услышавъ это, Я снова изслѣдовалъ Законъ и Пророковъ, отыскивая что въ нихъ написано о Мессіи (что отчасти знали наши книжники). Я скоро увидѣлъ, что Тотъ, о Комъ возвѣщали Пророки—Я, что предстоитъ Мнѣ пройти черезъ тяжкія испытанія, даже претерпѣть смерть, прежде чѣмъ Я достигну обѣтованнаго царства, или совершу искупленіе человѣческаго рода, грѣхи котораго всею тяжестію падутъ на мою голову. Но я не слабѣлъ духомъ, безъ страха ждалъ назначенной минуты, когда увидѣлъ Крестителя (Я часто слышалъ о Его рожденіи, но никогда не зналъ Его), долженствовавшаго быть Предтечей Мессіи и приготовить Ему путь. И Я, какъ всѣ другіе, пришелъ принять его крещеніе, которое Я считалъ исходившимъ отъ Бога; но онъ сейчасъ узналъ Меня, и громкимъ голосомъ провозгласилъ (такое дано ему было откровеніе свыше), что Я

O Son, but nourish them and let them soar
To what height sacred virtue and true worth
Can raise them, though above example high;
By matchless deeds express thy matchless Sire.
For know, thou art no son of mortal man;
Though men esteem thee low of parentage,
Thy Father is th' eternal King who rules
All Heav'n and Earth, angels and sons of men;
A messenger from God foretold thy birth
Conceived in me a virgin, he foretold
Thou should'st be great, and sit on David's throne,
And of thy kingdom there should be no end.
At thy nativity a glorious quire
Of angels in the fields of Bethlehem sung
To shepherds, watching at their folds by night
And told them the Messiah now was born,
Where they might see him, and to thee they came,
Directed to the manger, where thou lay'st,
For in the inn was left no better room:
A star, not seen before, in Heav'n appearing,
Guided the wise men thither from the East,
To honour thee with incense, myrrh, and gold;
By whose bright course led on, they found the place,
Affirming it thy star new grav'n in Heav'n,
By which they knew the King of Israel born.
Just Simeon and prophetic Anna, warn'd
By vision, found thee in the temple, and spake
Before the altar and the vested priest,
Like things of thee to all that present stood.
This having heard, strait I again revolved
The Law and Prophets, searching what was writ
Concerning the Messiah, to our scribes
Known partly, and soon found of whom they spake
I am; this chiefly, that my way must lie
Through many a hard assay, even to the death,
Ere I the promised kingdom can attain,
Or work redemption for mankind, whose sins
Full weight must be transferr'd upon my head.
Yet neither thus dishearten'd or dismay'd,
The time prefix'd I waited, when behold
The Baptist (of whose birth I oft had heard,
Not knew by sight) now come, who was to come
Before Messiah and his way prepare.
I as all others to his baptism came,
Which I believed was from above; but he
Strait knew me, and with loudest voice proclaim'd
Me him (for it was shown him so from Heav'n)
Me him whose harbinger he was, and first

Такъ раздавались въ Небесахъ ихъ хвалебныя пѣсни. Сынъ Божій, между тѣмъ, остановился въ Виѳаворѣ [193]), гдѣ Іоаннъ крестилъ народъ, и въ душу Его запала глубокая дума, какъ приступить Ему къ великому дѣлу Спасителя человѣчества, какой путь избрать для возвѣщенія Своего Божественнаго назначенія, которому уже наступило время свершиться. Разъ, погруженный въ глубокую думу, Онъ шелъ Одинъ, руководимый Духомъ, въ уединеніи предаться размышленіямъ. Далеко отъ людей, переходя отъ одной мысли къ другой, шагъ за шагомъ, Онъ незамѣтно углубился въ пустыню, и тамъ, среди дикихъ скалъ и мрачныхъ тѣней, такъ продолжалъ Божественныя размышленія:

«О, какое множество мыслей пробуждается во Мнѣ, когда Я размышляю о томъ, что происходитъ внутри Меня, и о томъ, что Я часто слышу извнѣ! Какое противорѣчіе! Когда Я былъ ребенкомъ, Меня не занимали ребяческія игры; Мой умъ стремился къ знанію, къ наукѣ, къ дѣламъ, направленнымъ къ общественному благу. Я считалъ Себя рожденнымъ для проповѣданія истины, для возстановленія на Землѣ царства правды: такъ, съ понятіемъ, превышавшимъ Мои годы, читалъ Я законъ Божій; въ немъ полагалъ Я все Свое удовольствіе и отраду, и достигъ въ немъ такого совершенства, что, прежде чѣмъ исполнилось Мнѣ дважды шесть лѣтъ, въ день нашего великаго праздника, Я пришелъ въ храмъ послушать учителей нашего закона, и вопрошалъ ихъ для уясненія ихъ собственныхъ и Моихъ познаній. Всѣ удивлялись Мнѣ. Но духъ Мой стремился выше: побѣда, геройскіе подвиги воспламеняли сердце. Я хотѣлъ избавить Израиля отъ Римскаго ига, потомъ изгнать изъ всего міра грубую силу, надменную власть тирановъ, дать свободу правдѣ, возстановить равенство. Но человѣчнѣе и божественнѣе казалось Мнѣ пріобрѣтать покорныя сердца кроткимъ словомъ, дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ, не страхомъ; вразумлять заблудшія души, творящія зло не по собственной волѣ, но потому, что были другими введены въ заблужденіе, и только закоренѣлымъ не давать пощады.

«Изъ словъ, которыя говорилъ Я порою, мать Моя проникла въ Мои мысли и, радуясь въ душѣ, наединѣ проговорила Мнѣ: «О, Сынъ, возвышенны

So they in Heav'n their odes and vigils tuned:
Meanwhile the Son of God, who yet some days
Lodged in Bethabara, where John baptized,
Musing and much revolving in his breast,
How best the mighty work he might begin
Of Saviour to mankind, and which way first
Publish his God-lihe office now mature,
One day forth walk'd alone, the Spirit leading,
And his deep thoughts the better to converse
With Solitude, till, far from track of men,
Thought following thought, and step by step led on,
He enter'd now the bord'ring desert wild,
And with dark shades and rocks environ'd round,
His holy meditations thus pursued
  O what a multitude of thoughts at once
Awaken'd in me swarm, while I consider
What from within I feel myself, and hear
What from without comes often to my ears,
Ill sorting with my present state compared!
When I was yet a child, no childish play
To me was pleasing; all my mind was set
Serious to learn and know, and thence to do
What might be pubiic good; myself I thought
Born to that end, born to promote all truth,
All righteous things: therefore above my years,
The law of God read, and found it sweet,
Made it my whole delight, and in it grew
To such perfection, that ere yet my age
Had measured twice six years, at our great feast
I went into the temple, there to hear
The teachers of our law, and to propose
What might improve my knowledge or their own;
And was admired by all; yet this not all
To which my spirit aspired; victorious deeds
Flamed in my heart, heroic acts, one while
To rescue Israel from the Roman yoke,
Then to subdue and quell o'er all the earth
Brute violence and proud tyrannic pow'r,
Till truth were freed, and equity restored:
Yet held it more humane, more heav'nly, first
By winning words to conquer willing hearts,
And make persuasion do the work of fear;
At least to try, and teach the erring soul
Not wilfully misdoing, but unware
Misled; the stubborn only to subdue.
  These growing thoughts my mother soon perceiving
By words at times cast forth, inly rejoiced,
And said to me apart, High are thy thoughts,

Тотъ, Кого онъ былъ Предтечей. Онъ не хотѣлъ совершать крещенія надъ неизмѣримо достойнѣйшимъ себя, и съ трудомъ согласился на это. Когда же Я вышелъ изъ очистительныхъ струй, Небеса разверзли вѣчныя врата свои, Духъ Святой въ видѣ голубя сошелъ на Меня, и наконецъ, съ Небесъ громко раздался голосъ Отца Моего, называвшаго Меня Своимъ Сыномъ, возлюбленнымъ Сыномъ, въ Которомъ Одномъ Его благоволеніе. И такъ, Я узналъ, что исполнилось время: Я не долженъ болѣе жить въ неизвѣстности, но открыто явить міру власть, дарованную Мнѣ свыше. Теперь невѣдомая сила влечетъ Меня сюда въ пустыню, но для чего—не знаю; быть можетъ, этого не слѣдуетъ знать. Что надо Мнѣ знать, то Господь откроетъ Мнѣ.»

Такъ говорилъ Онъ—наша Утренняя Звѣзда, начинавшая тогда Свой восходъ, и обративъ кругомъ Свои взоры, увидѣлъ дикую пустыню, полную ужаса страшныхъ тѣней. Онъ шелъ, не примѣчая дороги, гдѣ раньше человѣческая нога не ступала,—обратный путь былъ труденъ. Его влекло все дальше, дальше; и такъ углубленъ Онъ былъ въ Свои думы о временахъ грядущихъ и прошлыхъ, что одиночество это было пріятнѣе самаго избраннаго общества. Такъ провелъ Онъ сорокъ дней: но на холмахъ ли, въ тѣнистой ли долинѣ, искалъ ли убѣжища ночью подъ вѣтвями стараго дуба или кедра для защиты Себя отъ росы, или укрывался въ пещерѣ—того не открыто. Онъ не вкушалъ человѣческой пищи, и не чувствовалъ голода во все это время; подъ конецъ лишь пробудился въ Немъ голодъ. Дикіе звѣри въ присутствіи Его укрощались, не нанося Ему вреда ни во время сна, ни во время бодрствованія. Огненный змѣй, ядовитый гадъ бѣжали съ Его пути; левъ, свирѣпый тигръ издали смотрѣли сверкающими очами. Но вотъ какой-то старецъ въ одеждѣ земледѣльца идетъ, какъ будто бы отыскивая заблудшую овечку, или собирая сухія вѣтви, чтобы зимой, когда подуютъ суровые вѣтры, было чѣмъ обогрѣться, вернувшись вечеромъ съ полей. Старикъ подходитъ къ Іисусу, взираетъ на Него любопытнымъ окомъ, и приступаетъ къ Нему съ такою рѣчью:

«Господинъ, какая злая судьбина привела Тебя въ эти мѣста, столь

Refused on me his baptism to confer,
As much his greater, and was hardly won;
But as I rose out of the laving stream,
Heav'n open'd her eternal doors, from whence
The Spirit descended on me like a dove;
And last, the sum of all, my Father's voice,
Audibly heard from Heav'n, pronounced me his,
Me his beloved Son, in whom alone
He was well pleased; by which I knew the time
Now full, that I no more should live obscure,
But openly begin, as best becomes
Th' authority which I derived from Heav'n.
And now by some strong motion I am led
Into this wilderness, to what intent
I learn not yet, perhaps I need not know;
For what concerns my knowledge, God reveals.
  So spake our Morning Star, then in his rise,
And looking round on every side, beheld
A pathless desert, dusk with horrid shades;
The way he came not having mark'd, return
Was difficult, by human steps untrod;
And he still on was led, but with such thoughts
Accompanied of things past and to come
Lodged in his breast, as well might recommend
Such solitude before choicest society.
Full forty days he pass'd, whether on hill
Sometimes, anon in shady vale, each night
Under the covert of some ancient oak,
Or cedar, to defend him from the dew,
Or harbour'd in one cave, is not reveal'd;
Nor tasted human food, nor hunger felt,
Till those days ended, hunger'd then at last
Among wild beasts: they at his sight grew mild,
Nor sleeping him, nor waking harm'd, his walk
The fiery serpent fled, and noxious worm,
The lion and fierce tiger glared aloof.
But now an aged man in rural weeds,
Following, as seem'd, the quest of some stray ewe,
Or wither'd sticks to gather, which might serve
Against a winter's day when winds blow keen,
To warm him wet return'd from field at eve,
He saw approach, who first with curious eye
Perused him, then with words thus utter'd spake:
  Sir, what ill-chance hath brought thee to this place,

отдаленныя отъ всѣхъ путей и жилья человѣка, гдѣ проходятъ лишь караваны, или большіе отряды? Изъ всѣхъ кто вернулся отсюда и не сложилъ здѣсь своихъ костей, погибнувъ отъ голода и жажды, никогда никто не отважился ступить сюда одинокимъ. Еще сильнѣе мое любопытство и удивленіе потому, что, какъ мнѣ кажется, Ты Тотъ Самый Мужъ, Которому новый нашъ Пророкъ-Креститель оказалъ столько почестей на берегахъ Іорданскихъ и наименовалъ Сыномъ Божіимъ. Я видѣлъ и слышалъ все: и насъ, пустынножителей, нужда иногда заставляетъ ходить въ города или ближнія села (ближайшія далеки отсюда); тамъ поневолѣ мы слышимъ, да и любопытно намъ слышать, что случается новаго; такъ доходятъ до насъ всѣ вѣсти.»

На это Сынъ Божій отвѣтилъ: «Кто привелъ Меня сюда, Тотъ и выведетъ Меня отсюда. Я не ищу иного путеводителя.»

«Можетъ-быть, Онъ сотворитъ для тебя чудо», возразилъ пастырь, — «другого средства я не вижу. Мы питаемся здѣсь корою и дикими корнями, болѣе чѣмъ верблюдъ привычны къ жаждѣ, и за водой идемъ далеко. Мы рождены для нищеты и суровыхъ лишеній, но Ты, если Ты Сынъ Божій, повели этимъ камнямъ сдѣлаться хлѣбомъ, тогда Ты спасешься Самъ и намъ облегчишь жизнь пищею, которую мы, несчастные, вкушаемъ рѣдко.»

Онъ умолкъ; Сынъ Божій отвѣчалъ: «Такую силу ты полагаешь въ хлѣбѣ? Не написано ли: (Я знаю, ты не тотъ, чѣмъ кажешься) не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ словѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Не Онъ ли питалъ здѣсь отцовъ нашихъ манною? Сорокъ дней пробылъ Моисей на горѣ, и не пилъ, не ѣлъ. Сорокъ дней, безъ пищи, ходилъ Илія въ этой безплодной пустынѣ; такъ хожу теперь Я: зачѣмъ же ищешь ты поселить во Мнѣ слабость, зная Кто Я, точно также какъ Я знаю, кто ты.»

Архи-врагъ отвѣчаетъ, отбросивъ притворство:

«Правда, я тотъ несчастный Духъ, который, поднявъ мятежъ съ милліонами себѣ подобныхъ, все потерялъ, и вмѣстѣ съ ними изъ блаженства былъ изгнанъ въ преисподнюю бездну. Однако, въ этомъ ужасномъ

So far from path, or road of men, who pass
In troop, or caravan? for single none
Durst ever, who return'd, and dropt not here
His carcase, pined with hunger and with drought.
I ask the rather, and the more admire,
For that to me thou seem'st the Man whom late
Our new baptizing Prophet at the ford
Of Jordan honour'd so, and call'd thee Son
Of God; I saw and heard, for we sometimes
Who dwell this wild, constrain'd by want, come forth
To town or village night (nighest is far)
Where ought we hear, and curious are to hear,
What happens new; fame also finds us out.
To whom the Son of God: Who brought me hither,
Will bring me hence; no other guide I seek.
By miracle he may, reply'd the swain,
What other way I see not, for we here
Live on tough roots and stubs, to thirst inured
More than the camel, and to drink go far,
Men to such misery and hardship born;
But if thou be the Son of God, command
That out of these hard stones be made thee bread,
So shalt thou save thyself and us relieve
With food whereof we wretched seldom taste.
He ended, and the Son of God reply'd:
Think'st thou such force in bread? Is it not written
(For I discern thee other thon thou seem'st)
Man lives not by bread only, but each word
Proceeding from the mouth of God, who fed
Our fathers here with manna? in the mount
Moses was forty days, nor ate nor drank;
And forty days Elijah without food
Wander'd this barren waste; the same I now:
Why dost thou then suggest to me distrust,
Knowing who I am, as I know who thou art?
Whom thus answer'd th' Arch-fiend, now undisguised:
'T is true, I am that Spirit unfortunate,
Who leagued with millions more in rash revolt
Kept not my happy station, but was driven
With them from bliss to the bottomless deep,
Yet to that hideous place not so confined

мѣстѣ, суровый приговоръ не заключилъ меня безысходно; я часто оставляю свою печальную темницу, я пользуюсь полной свободою облетать весь шаръ земной, или парить въ воздухѣ. Даже въ самое Небо Небесъ мнѣ доступъ иногда не запертъ. Я пришелъ съ сынами Божіими [194], когда Всевышній предалъ мнѣ Іова, чтобъ испытать его и явить его высокую добродѣтель. Когда Онъ поручалъ Своимъ Ангеламъ ввести въ обманъ надменнаго царя Ахава [195], чтобъ приготовить ему гибель въ Рамоѳѣ, они колебались, и я принялъ на себя это дѣло. По моему наущенію, языки всѣхъ его льстивыхъ пророковъ нещадно лгали на его погибель. Я исполняю Всевышнія велѣнія. Много я утратилъ отъ первобытнаго блеска, лишился любви ко мнѣ Бога, но не потерялъ способности любить, по крайней мѣрѣ созерцать и удивляться всему, что кажется мнѣ превосходнымъ—добру, красотѣ, добродѣтели, иначе я былъ бы лишенъ всякаго чувства. Могъ ли я не желать увидѣть Тебя, приблизиться къ Тебѣ, объявленному Сыну Божію, послушать Твою премудрость, узрѣть Твои божественныя дѣянія? Люди обыкновенно считаютъ меня врагомъ человѣчества. Но за что питать мнѣ такую ненависть къ людямъ? Я никогда не видѣлъ отъ нихъ ни зла, ни насилія, не черезъ нихъ лишенъ я того, что утрачено мною, скорѣе, пріобрѣлъ черезъ нихъ то, чѣмъ теперь владѣю: я соучастникъ ихъ обладанія этимъ міромъ, если не полный его владѣтель. Часто я оказываю имъ помощь, часто даю совѣты посредствомъ предсказаній, примѣтъ, отвѣтовъ, прорицаній, зловѣщихъ знаменій и сновидѣній, и такъ управляю ихъ жизнію. Зависть, говорятъ, побуждаетъ меня искать себѣ собратьевъ въ моемъ несчастіи и страданіяхъ. Сначала, можетъ быть, было такъ, но теперь, вполнѣ извѣдавъ муки Ада, по опыту я знаю, что сообщество въ страданіи не облегчаетъ его боли, и никому не уменьшаетъ опредѣленной ему доли мученій. Слабое утѣшеніе, къ своимъ несчастіямъ присоединить человѣка! Больнѣе всего мнѣ то (развѣ не понятно это?), что человѣкъ, падшій человѣкъ, будетъ спасенъ, я — никогда.»

На это нашъ Спаситель возражаетъ ему строго: «Ты заслужилъ свои страданія; лжецъ отъ начала, ты будешь лжецомъ до конца. Ты хвалишься

By rigour unconniving, but that oft
Leaving my dolorous prison, I enjoy
Large liberty to round this globe of earth,
Or range in th' air, nor from the Heav'n of Heav'ns
Hath he excluded my resort sometimes.
I came among the sons of God, when he
Gave up into my hands Uzzean Job
To prove him, and illustrate his high worth;
And when to all his angels he proposed
To draw the proud king Ahab into fraud
That he might fall in Ramoth, they demurring,
I undertook that office, and the tongues
Of all his flatt'ring prophets glibb'd with lies
To his destruction, as I had in charge,
For what he bids I do: though I have lost
Much lustre of my native brightness, lost
To be beloved of God, I have not lost
To love, at least contemplate and admire,
What I see excellent in good, or fair,
Or virtuous, I should so have lost all sense.
What can be then less in me than desire
To see thee and approach thee, whom I know
Declared the Son of God, to hear attent
Thy wisdom, and behold thy godlike deeds?
Men generally think me such a foe
To all mankind: why should I? they to me
Never did wrong or violence; by them
I lost not what I lost, rather by them
I gain'd what I have gain'd and with them dwell
Copartner in these regions of the world,
If not disposer, lend them oft my aid,
Oft my advice by presages and signs
And answers, oracles, portents and dreams,
Whereby they may direct their future life.
Envy they say excites me, thus to gain
Companions of my misery and woe.
At first it maybe; but long since with woe
Nearer acquainted, now I feel by proof,
That fellowship in pain divides not smart,
Nor lightens ought each man's peculiar load.
Small consolation then, were man adjoin'd:
This wounds me most (what can it less?) that man,
Man fall'n, shall be restored, I never more.
To whom our Saviour sternly thys reply'd:
Deservedly thou griev'st, composed of lies
From the beginning, and in lies wilt end;

свободою покидать Адъ и доступомъ въ Небеса Небесъ? Правда, ты приходилъ туда, какъ несчастный, жалкій плѣнникъ: рабомъ приходилъ ты въ то мѣсто, гдѣ нѣкогда блисталъ среди первыхъ по славѣ, теперь презираемый, отверженный; всѣ смотрятъ на тебя безъ состраданія, тебя избѣгаютъ, ты предметъ ужаса и презрѣнія для всѣхъ обитателей Неба; въ обители блаженства ты не находишь ни счастія, ни радости, напротивъ, твои муки разжигаются зрѣлищемъ потеряннаго блаженства, невѣдомаго тебѣ болѣе. И такъ, никогда не бываешь ты больше въ Аду, какъ будучи на Небѣ. Но ты подчиненъ Царю Небесъ. И ты называешь повиновеніемъ то, къ чему тебя побуждаетъ одинъ страхъ или злорадство? Что, кромѣ злобы, понудило тебя преслѣдовать праведнаго Іова, жестоко поражать его всѣми горестями? Но онъ побѣдилъ тебя терпѣніемъ. Другую службу—быть лжецомъ въ четырехстахъ устахъ [196], ты выбралъ самъ, ибо ложь — твоя жизнь, твоя пища. Однако, ты выдаешь себя за служителя правды; всѣ прорицатели посланы были тобою, а чему больше вѣрятъ народы? И что такое твои отвѣты, какъ не хитрое сплетеніе правды и лжи, темныя, двусмысленныя изреченія, рѣдко понятныя для вопрошающихъ; а безъ яснаго пониманія, не все ли равно, что не слышать ихъ вовсе! Кто, искавшій совѣта у твоего алтаря, возвращался болѣе мудрымъ или болѣе увѣреннымъ въ томъ, что ему дѣлать или чего бѣжать, и не попадался скорѣе въ твои гибельныя сѣти? Господь справедливо предалъ народы твоимъ прельщеніямъ: своимъ идолопоклонствомъ они заслужили это. Но когда Ему угодно возвѣщать Свои опредѣленія, тебѣ невѣдомыя, отъ кого заимствуешь ты глаголы истины, какъ не отъ Него Самого или Его Ангеловъ, поставленныхъ Имъ въ каждой области? Гнушаясь даже приближаться къ твоимъ храмамъ, они повелѣваютъ тебѣ до послѣдняго слова все, что ты долженъ сказать твоимъ поклонникамъ: и ты, трепеща отъ страха, какъ раболѣпный наемникъ, повинуешься имъ, и потомъ превозносишь себя глашатаемъ истины. Но скоро слава твоя исчезнетъ, перестанешь ты своими прорицаніями обманывать язычниковъ; оракулы твои умолкнутъ; не будутъ больше вопрошать тебя съ

Who boast'st release from Hell, and leave to come
Into the Heav'n of Heav'ns: thou com'st indeed,
As a poor miserable captive thrall
Comes to the place where he before had sat
Among the prime in splendour, now deposed,
Ejected, emptied, gazed, unpitied, shunn'd,
A spectacle of ruin or of scorn
To all the host of Heav'n; the happy place
Imparts to thee no happiness, no joy,
Rather inflames thy torment, representing
Lost bliss, to thee no more communicable,
So never more in Hell than when in Heav'n.
But thou art serviceable to Heav'n's King.
Wilt thou impute t' obedience what thy fear
Extorts, or pleasure to do ill excites?
What but thy malice moved thee to misdeem
Of righteous Job, then cruelly to afflict him
With all inflictions? but his patience won.
The other service was thy chosen task,
To be a liar in four hundred mouths;
For lying is thy sustenance, thy food.
Yet thou pretend'st to truth; all oracles
By thee are given, and what confess'd more true
Among the nations? that hath been thy craft,
By mixing somewhat true to vent more lies.
But what have been thy answers, what but dark,
Ambiguous, and with double sense deluding,
Which they who ask'd have seldom understood,
And not well understood, as god not known?
Whoever by consulting at thy shrine
Return'd the wiser, or the more instruct
To fly or follow what consern'd him most,
And run not sooner to his fatal snare?
For God hath justly given the nations up
To thy delusions; justly since they feel
Idolatrous: but when his purpose is
Among them to declare his providence
To thee not known, whence hast thou then thy truth,
But from him, or his Angels president
In every province; who themselves disdaining
To approach thy temples, give thee in command
What to the smallest tittle thou shalt say
To thy adorers: thou with trembling fear,
Or like a fawning parasite, obey'st;
Then to thyself ascrib'st the truth foretold.
But this thy glory shall be soon retrench'd;
No more shalt thou by oracling abuse
The Gentiles; henceforth oracles are ceased,

великолѣпными торжествами и жертвоприношеніями ни въ Дельфахъ, ни въ другихъ мѣстахъ; если и будутъ вопрошать, то напрасно: ты будешь нѣмъ. Господь послалъ теперь Свое Живое Слово повѣдать міру Свою послѣднюю волю, и вскорѣ пошлетъ Своего Духа Истины, Который будетъ обитать въ благочестивыхъ сердцахъ; внутренній голосъ Его будетъ провѣщать всѣ истины, какія надо знать людямъ.»

Такъ говорилъ нашъ Спаситель, но хитрый врагъ, хотя внутренно горѣлъ ненавистію и злобою, скрылъ свой гнѣвъ, и кротко возразилъ такими словами:

«Безпощадны Твои укоризны, жестоко порицаешь Ты меня за дѣянія, которыя творила не моя воля, но вынуждало несчастіе. Гдѣ найдешь Ты несчастнаго, который бы часто не былъ принужденъ уклоняться отъ истины, лгать, когда это служитъ въ его пользу, утверждать и отрицать, притворяться, льстить, нарушать клятву? Но Ты поставленъ выше меня, Ты мой Господь, отъ Тебя я могу, я долженъ смиренно выслушивать порицанія и укоризны, и радоваться такой легкой карѣ! Трудны пути истины, тяжело слѣдовать по нимъ, но въ Твоихъ устахъ истина звучитъ такъ сладко, плѣняя слухъ словно пастушеская свирѣль или пѣсня. Диво ли, что я съ наслажденіемъ слушаю, когда она выражается Твоимъ языкомъ? Многіе люди восхищаются добродѣтелью, не слѣдуя ея правиламъ; позволь же мнѣ, когда я буду приходить сюда (вѣдь ни одинъ человѣкъ не придетъ сюда) бесѣдовать о ней, хотя я отчаиваюсь достигнуть ея. Твой Отецъ, Святой, Премудрый и Пречистый, терпѣливо сноситъ при Своемъ священномъ престолѣ служителей лицемѣрныхъ, безбожныхъ, допускаетъ ихъ священнодѣйствовать у Его алтарей, прикасаться къ священнымъ предметамъ, возносить къ Нему молитвы и обѣты. Онъ благоволилъ говорить устами Валаама, который, несмотря на свое нечестіе, былъ боговдохновеннымъ пророкомъ [197]; не запрещай же такого доступа и мнѣ.»

Спаситель отвѣчалъ съ невозмутимымъ челомъ: «приходить сюда, хотя Я знаю твои намѣренія, Я ни позволяю, ни запрещаю тебѣ; твори то, что дозволено тебѣ свыше; болѣе ты ничего не можешь.»

And thou no more with pomp and sacrifice
Shalt be inquired at Delphos or elsewhere,
At least in vain, for they shall find thee mute.
God hath now sent his Living Oracle
Into the world to teach his final will,
And sends his Spirit of Truth henceforth to dwell
In pious hearts, an inward oracle
To all truth requisite for men to know.
So spake our Saviour, but the subtle Fiend,
Though inly stung with anger and disdain
Dissembled, and this answer smooth return'd:
Sharply thou hast insisted on rebuke,
And urged me hard with doings, which not will
But misery hath wrested from me: where
Easily canst thou find one miserable,
And not enforced oft-times to part from truth;
If it may stand him more in stead to lie.
Say and unsay, feign, flater, or abjure?
But thou art placed above me, thou art Lord,
From thee I can and must submiss endure
Check or reproof, and glad to 'scape so quit.
Hard are the ways of Truth, and rough to walk,
Smooth on the tongue discoursed, pleasing to th' ear
And tuneable as sylvan pipe or song;
What wonder then if I delight to hear
Her dictates from thy mouth? most men admire
Virtue, who follow not her lore; permit me
To hear thee when I come (since no man comes),
And talk at least, though I despair to attain.
Thy Father, who is holy, wise and pure,
Suffers the hypocrite, or atheous priest,
To tread his sacred courts, and minister
About his altar, handling holy things,
Praying or vowing, and vouchsafed his voice
To Balaam reprobate, a prophet yet
Inspired; disdain not such access to me.
To whom our Saviour with unalter'd brow:
Thy coming hither, though I know thy scope,
I bid not or forbid; do as thou find'st
Permission from above; thou canst not more.

Онъ не сказалъ ни слова болѣе; Сатана низко поклонился, и принятый имъ образъ исчезъ, разсѣясь какъ легкій паръ. Ночь своими темными крылами начала умножать мракъ пустыни; птицы уже покоились въ своихъ гнѣздахъ; дикіе звѣри выходили изъ своихъ логовищъ рыскать на просторѣ.

He added not; and Satan bowing low
His grey dissimulation, disappear'd
Into thin air diffused: for now began
Night with her sullen wings to double shade
The desert; fowls in their clay nests were couch'd;
And now wild beasts came forth the woods to roam.

скрывавшійся на горѣ, или какъ великій Илія, который на огненной колесницѣ вознесся на Небо, съ тѣмъ, однако, чтобы опять вернуться. Подобно тому какъ юные пророки тщательно искали исчезнувшаго Илію, такъ и они искали Іисуса по всѣмъ мѣстамъ, сосѣднимъ съ Виѳарой: въ Іерихонѣ [198], городѣ пальмъ, въ Енонѣ [199] и древнемъ Салимѣ, въ Маіерѣ, и въ стѣнахъ всѣхъ городовъ по-сю сторону широкаго Геннисаретскаго озера, въ Пиреѣ [200]. Но все было тщетно. Тогда, на берегахъ Іордана, въ заливѣ, гдѣ зефиры, играя, шепчутся съ тростниками и ивами, простые рыбаки (не выше было ихъ званіе) собрались въ бѣдной хижинѣ, сѣтуя на свою неожиданную утрату:

«Увы! какая высокая надежда блеснула намъ и какъ неожиданно исчезла! Мы, несомнѣнно, своими глазами видѣли, что пришелъ, наконецъ, Мессія, Котораго такъ долго ждали наши отцы; мы слышали Его слова, Его ученіе, исполненное благодати и истины. Наконецъ, радовались мы, наконецъ, близко избавленіе, возстановится царство Израиля! И такъ скоро радость наша обратилась въ печаль и новый страхъ: куда скрылся нашъ Избавитель, что заставило Его покинуть насъ? Или, явясь, Онъ удалился, дабы снова отдалить наше ожиданіе? Боже Израилевъ! Пошли Твоего Мессію, время исполнилось; взгляни на царей земныхъ, какъ притѣсняютъ они Твой избранный народъ, до чего возвысили они свою неправую власть и забыли страхъ передъ Тобою. Воздвигни, оправдай Твою славу, освободи Твой народъ отъ ихъ ига. Но подождемъ; донынѣ Господь былъ вѣренъ Своимъ обѣтованіямъ; Онъ послалъ Своего Помазанника, открылъ намъ Его черезъ Своего великаго Пророка; Онъ Самъ всенародно явился, и мы бесѣдовали съ Нимъ. Будемъ же радоваться нашему счастію и всѣ наши сомнѣнія предоставимъ Провидѣнію Господню. Богъ Израиля не нарушитъ обѣтованія, не отниметъ у насъ Мессіи, не призоветъ Его назадъ, какъ бы въ насмѣшку показавъ намъ благословеннаго Искупителя, и потомъ восхитивъ Его отъ насъ. Скоро, скоро возвратится къ намъ наша Радость, наша Надежда.»

Такъ, въ сѣтованіяхъ своихъ почерпали они новыя надежды найти Того, Кого впервые нашли, не искавши. Но Мать Его, Марія, видя, что

Moses was in the mount, and missing long;
And the great Thisbite, who on fiery wheels
Rode up to Heav'n, yet once again to come.
Therefore, as those young prophets then with care
Sought lest Elijah, so in each place these
Nigh to Bethabara; in Jericho
The city of Palms, Ænom, and Salem old,
Machaerus, and each town or city wall'd
On this side the broad lake Genezaret,
Or in Peraea; but return'd in vain.
Then on the bank of Jordan, by a creek,
Where winds with reeds and osiers whisp'ring play,
Plain fishermen, no a greater man them call,
Close in a cottage low together got,
Their unexpected loss and plains outbreath'd.
  Alas, from what high hope to what relapse
Unlook'd-for are we fallen! our eyes beheld
Messiah certainly now come, so long
Expected of our fathers; we have heard
His words, his wisdom, full of grace and truth;
Now, now, for sure, deliverance is at hand,
The kingdom shall to Israel be restored;
Thus we rejoiced, but soon our joy is turn'd
Into perplexity and new amaze:
For whither is he gone, what accident
Hath wrapt him from us? will he now retire
After appearance, and again prolong
Our expectation? God of Israel,
Send thy Messiah forth, the time is come;
Behold the kings of th' earth how they oppress
Thy chosen, to what height their power unjust
They ıave exalted, and behind them cast
All fear of thee; arise and vindicate
Thy glory, free thy people from their yoke.
But let us wait; thus far he hath perform'd,
Sent his Anointed, and to us reveal'd him,
By his great Prophet, pointed at and shown
In public, and with him we have conversed;
Let us be glad of this, and all our fears
Lay on his Providence; he will not fail,
Nor will withdraw him now, nor will recall,
Mock us with his blest sight, then snatch him hence
Soon shall we see our Hope, our Joy, return.
  Thus they out of their plaints new hopes resume,
To find whom at the first they found unsought:
But to his mother Mary, when she saw

ПѢСНЬ 2-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ученики Іисуса, безпокоясь объ Его долгомъ отсутствіи, разсуждають между собою объ этомъ. Материнское безпокойство Маріи, выражая которое, Она припоминаетъ многія обстоятельства, касающіяся рожденія и первыхъ лѣтъ жизни Ея Сына. Сатана опять собираетъ адскій совѣтъ, передаетъ ему о неудачѣ перваго искушенія нашего божественнаго Спасителя, и проситъ совѣта и помощи. Веліалъ предлагаетъ искушеніе Іисуса женскою красотою. Сатана укоряетъ Веліала за его развратные помыслы, обвиняя его во всѣхъ подобнаго рода распутствахъ, приписываемыхъ поэтами языческимъ богамъ, и отвергаетъ его предложеніе, какъ не могущее ни въ какомъ случаѣ имѣть успѣха. Потомъ Сатана придумываетъ другого рода искушеніе, предполагая, главнымъ образомъ, воспользоваться голодомъ Спасителя; онъ беретъ съ собой отборное полчище Духовъ и возвращается на Землю для исполненія своего предпріятія. Іисусъ постится въ пустынѣ. Наступленіе ночи; какъ проводитъ ее нашъ Спаситель. Описаніе утра. Сатана опять предстаетъ предъ Іисусомъ, выражаетъ удивленіе, что Онъ такъ покинутъ въ пустынѣ, тогда какъ другіе были питаемы въ ней чудеснымъ образомъ, и искушаетъ Его роскошнымъ пиромъ со всевозможными изысканнѣйшими яствами. Іисусъ отвергаетъ пиръ, и Сатана исчезаетъ, видя, что Іисуса нельзя соблазнить яствами. Сатана снова искушаетъ Его, предлагая Ему богатство и средства пріобрѣсти власть; Іисусъ отвергаетъ и это, приводя многіе примѣры великихъ дѣяній, совершенныхъ людьми, которые всю жизнь оставались въ добродѣтельной бѣдности, и выставляя опасности, сопряженныя съ богатствомъ, и заботы и огорченія, неразлучныя съ властью и величіемъ.

МЕЖДУ ТѢМЪ, пріявшіе крещеніе остались съ Крестителемъ на Іорданѣ. Они видѣли Іисуса, слышали, какъ Онъ былъ провозглашенъ Мессіей, Сыномъ Божіимъ; они увѣровали въ это высокое свидѣтельство, бесѣдовали съ Помазанникомъ Господнимъ, жили съ Нимъ, — я говорю объ Андреѣ и Симонѣ, славныхъ впослѣдствіи, и другихъ, которые не названы въ Священномъ Писаніи, — и вдругъ Онъ удалился отъ нихъ; радость, только что оживившая ихъ, такъ мгновенно исчезла. Они недоумѣвали, недоумѣвали нѣсколько дней, и каждый день увеличивалъ ихъ сомнѣнія. То они размышляли, что, быть-можетъ, Онъ только явилъ Себя міру и на время опять взятъ къ Богу, какъ нѣкогда Моисей, долго

BOOK 2. THE ARGUMENT.

The disciples of Jesus, uneasy at his long absence, reason amongst themselves concerning it. Mary also gives vent to her maternal anxiety; in the expression of which she recapitulates many circumstances respecting the birth and early life of her Son. Satan again meets his infernal council, reports the bad success of his first temptation of our blessed Lord, and calls upon them for council and assistance. Belial proposes the tempting of Jesus with women. Satan rebukes Belial for his dissoluteness, charging on him all the profligacy of that kind ascribed by the poets to the heathen gods, and rejects his proposal as in no respect likely to succeed. Satan then suggests other modes of temptation, particularly proposing to avail himself of the circumstance of our Lord's hungering; and, taking a band of chosen spirits with him, returns to resume his enterprise. Jesus hungers in the desert. Night comes on; the manner in which our Saviour passes the night is described. Morning advances. Satan again appears to Jesus, and, after expressing wonder that he should be so entirely neglected in the wilderness, where others had been miraculously fed, tempts him with a sumptuous banquet of the most luxurious kind. This he rejects, and the banquet vanishes. Satan, finding our Lord not to be assailed on the ground of appetite, tempts him again by offering him riches, as the means of acquiring power: this Jesus also rejects, producing many instances of great actions performed by persons under virtuous poverty, and specifying the danger of riches, and the cares and pains inseparable from power and greatness.

MEAN while the new-baptized, who yet remain'd
At Jordan with the Baptist, and had seen
Him whom they heard so late expressly call'd
Jesus Messiah, Son of God declared,
And on that high authority had believed,
And with him talk'd, and with him lodged, I mean
Andrew and Simon, famous after known,
With others, though in Holy Writ not named,
Now missing him their joy so lately found,
So lately found, and so abruptly gone,
Began to doubt, and doubted many days,
And as the days increased, increased their doubt:
Sometimes they thought he might be only shown,
And for a time caught up to God, as once

другіе возвратились съ крещенія, а Сына Ея не было съ ними, и никакихъ вѣстей о Немъ не было съ Іордана, въ глубинѣ души Своей, души всегда спокойной и непорочной, почувствовала страхъ и заботу; Ее заволновали тревожныя мысли, которыя Она, со вздохами, облекла такою рѣчью:

«О, къ чему служитъ Мнѣ теперь высокая честь божественнаго зачатія, или тотъ привѣтъ: «Радуйся, Благодатная, благословенна Ты въ женахъ!» Не меньше чѣмъ и прочихъ женъ были Мои печали и скорби, когда родила Я Сына въ такое время, когда едва нашлась кровля, чтобъ укрыть Его и Меня отъ суровости воздуха. Мы нашли пріютъ въ хлѣвѣ, Онъ въ ясляхъ; но вскорѣ Я должна была бѣжать въ Египетъ, пока не умеръ жестокій царь, который искалъ Его жизни, и чтобы вѣрнѣе умертвить Его, залилъ улицы Виѳлеема младенческой кровію. Вернувшись изъ Египта, Мы много лѣтъ прожили въ Назаретѣ. Его бездѣйствіе, скрытая, тихая, созерцательная жизнь ни въ какомъ царѣ не могли возбудить подозрѣнія; теперь же, въ лѣтахъ мужа, Я слышу, Онъ признанъ Іоанномъ Крестителемъ, явился народу, и Самъ Всевышній съ Небесъ объявилъ Его Своимъ Сыномъ. Я ждала большой перемѣны... къ славѣ?.. нѣтъ, къ однѣмъ лишь печалямъ! Старецъ Симеонъ ясно предсказалъ, что черезъ Него многіе падутъ и возвысятся въ Израилѣ, что будетъ Онъ предметомъ противорѣчій, и что острый мечъ пронзитъ Мое сердце: вотъ для чего возвеличена Я—для великаго горя! И удручена горемъ буду Я, и благословенна, мнится Мнѣ. Не смѣю роптать, не сѣтую. Но куда скрылся Онъ? Какое-нибудь великое намѣреніе увлекло Его въ уединеніе: едва исполнилось Ему двѣнадцать лѣтъ, Я потеряла Его, но скоро нашла Его такимъ, что, какъ Я видѣла, Онъ никогда не можетъ потеряться: Онъ творилъ дѣла Отца Своего. Я вдумывалась въ Его слова, и теперь понимаю ихъ; нѣтъ сомнѣнія, въ Его уединеніи, столь продолжительномъ, таится великая цѣль. Но Я привыкла ждать съ терпѣніемъ, давно стали западать Мнѣ въ сердце многіе случаи и рѣчи, предвѣщавшіе чудныя событія.»

Такъ Марія, глубоко вникая во все умомъ и часто вспоминая все, что

Others return'd from baptism, not her son,
Nor left at Jordan tidings of him none,
Within her breast though calm, her breast though pure,
Motherly cares and fears god head, and raised
Some troubled thoughts, which she in sighs thus clad:
 O what avails me now that honour high
To have conceived of God, or that salute,
Hail, highly favour'd, among women blest!
While I to sorrows am no less advanced,
And fears as eminent, above the lot
Of other women, by the birth I bore,
In such a season born when scarce a shed
Could be obtain'd to shelter him or me
From the bleak air; a stable was our warmth,
A manger his: yet soon enforced to fly
Thence into Egypt, till the murd'rous king
Were dead, who sought his life, and missing fill'd
With infant blood the streets of Bethlehem;
From Egypt home return'd in Nazareth
Hath been our dwelling many years, his life
Private, unactive, calm, contemplative,
Little suspicious to any king; but now
Full grown to man, acknowledged, as I hear,
By John the Baptist, and in public shown,
Son own'd from Heaven by his Father's voice;
I look'd for some great change; to honour? no,
But thouble; as old Simeon plain foretold,
That to the fall and rising he should be
Of many in Israel, and to a sign
Spoken against, that through my very soul
A sword shall pierce: this is my favour'd lot,
My exaltation to afflictions high!
Afflicted I may be, it seems, and blest;
I will not argue that, nor will repine:
But where delays he now? some great intent
Conceals him: when twelve years he scarce had seen,
I lost him, but so found, as well I saw
He could not lose himself; but went about
His father's business; what he meant I mused,
Since understand: much more his absence now
Thus long to some great purpose he obscures.
But I to wait with patience am inured;
My heart hath been a store-house long of things
And sayings laid up, portending stange events.
 Thus Mary pond'ring oft, and oft to mind

происходило замѣчательнаго съ тѣхъ поръ, какъ Она впервые услышала святое привѣтствіе, съ кроткой покорностію ждала событій. Между тѣмъ, Сынъ Ея постился въ уединеніи дикой пустыни, питаясь лишь божественнымъ размышленіемъ. Онъ весь ушелъ въ Себя думою о предстоящемъ великомъ дѣлѣ: какъ начать его, какъ лучше исполнить цѣль Своей земной жизни и Свое высокое посланіе. Въ одиночествѣ обдумывалъ Онъ это, между тѣмъ какъ Сатана, послѣ хитраго предисловія о своемъ возвращеніи, быстро полетѣлъ въ среднюю страну густого воздуха, гдѣ засѣдали въ совѣтѣ всѣ адскія власти. Не выказывая передъ ними ни хвастовства, ни радости, унылый и озабоченный, обратился онъ къ нимъ съ такою рѣчью:

«Князья, бывшіе нѣкогда Сынами Неба, эѳирные Престолы, нынѣ Духи Ада,—или, вѣрнѣе, Силы Огня, Воздуха, Воды и Земли подъ нами, такъ какъ каждый господствуетъ въ своей стихіи, — и могли бы мы безъ помѣхи удержать за собою наше мѣсто и это спокойное царство; но возсталъ на насъ врагъ, который грозитъ не чѣмъ инымъ, какъ снова изгнать насъ въ Адъ. Я, взявшій на себя ваше порученіе, уполномоченный на него всѣмъ собраніемъ, я нашелъ Его, видѣлъ, искушалъ Его, но побѣдить Его несравненно труднѣе, чѣмъ то было съ Адамомъ, первымъ изъ людей. Хотя Адамъ палъ, соблазненный женою, но все-таки онъ былъ несравненно ниже этого Человѣка, если Онъ человѣкъ; хотя онъ и рожденъ матерію, но Небо надѣлило Его болѣе чѣмъ человѣческими дарами. Въ Немъ все совершенно; божественная благость, всеобъемлющій духъ готовятъ Его къ великимъ дѣяніямъ. Я вернулся, чтобы мой успѣхъ въ Раю съ Евою не обольщалъ васъ напрасно, и вы не слишкомъ бы полагались теперь на подобную же удачу. Всѣхъ васъ призываю: будьте наготовѣ помогать мнѣ дѣломъ или совѣтомъ, или я буду пересиленъ, я, мнившій, что нѣтъ мнѣ равнаго.»

Такъ говорилъ древній Змѣй, въ сомнѣніи; всѣ съ восклицаніями увѣряли, что всѣми силами будутъ помогать ему по первому его приказу. Среди собранія поднялся Веліалъ, развращеннѣйшій изъ падшихъ Духовъ, сластолюбивѣйшій и, послѣ Асмодея, плотоугодливѣйшій бѣсъ; онъ подаетъ такой совѣтъ:

Recalling what remarkably had pass'd
Since first her salutation heard, with thoughts
Meekly composed, awaited the fulfilling.
The while her Son, tracing the desert wild,
Sole, but with holiest meditations fed,
Into himself descended, and at once
All his great work to come before him set;
How to begin, how to accomplish best
His end of being on earth, and mission high:
For Satan with sly preface to return
Had left him vacant, and with speed was gone
Up to the middle region of thick air,
Where all his potentates in council sat:
There without sign of boast, or sign of joy,
Solicitous and blank, he thus began:
  Princes, Heav'n's ancient Sons, ethereal Thrones,
Demonian Spirits now, from th' element
Each of his reign allotted, rightlier call'd
Powers of Fire, Air, Water, and Earth beneath,
So may we hold our place and these mild seats
Without new trouble; such an enemy
Is risen to invade us, who no less
Threatens than our expulsion down to Hell;
I, as I undertook, and with the vote
Consenting in full frequence was impower'd,
Have found him, view'd him, tasted him, but find
Far other labour to be undergone
Than when I dealt with Adam, first of men,
Though Adam by his wife's allurement fell,
However to this Man inferior far,
If he be man by mother's side at least,
With more than human gifts from Heav'n adorn'd,
Perfections absolute, graces divine,
And amplitude of mind to greatest deeds;
Therefore I am return'd, lest confidence
Of my succes with Eve in Paradise
Deceive ey to persuasion over-sure
Of like succeeding here; I summon all
Rather to be in readiness, with hand
Or council to assist: lest I, who erst
Thought none my equal, now be over-match'd.
  So spake th' old Serpent doubting, and from all
With clamour was assured their utmost aid
At his command; when from amidst them rose
Belial, the dissolutest spirit that fell,
The sensualest, and, after Asmodai,
The fleshliest incubus, and thus advised:

«Пошли передъ Его очи, на пути Его, красивѣйшихъ женъ, какія найдутся среди дочерей человѣческихъ; въ каждой странѣ есть много красавицъ, прекрасныхъ какъ небо полудня: онѣ больше походятъ на богинь, чѣмъ на смертныхъ созданій; прелестныя, скромныя, опытныя въ любовномъ искусствѣ, онѣ заговорятъ волшебными рѣчами; съ дѣвственнымъ величіемъ онѣ соединяютъ кротость и нѣжность, хотя приблизиться къ нимъ страшно; искусно умѣютъ онѣ удаляться и, удаляясь, увлекать за собою сердца, попавшія въ любовныя сѣти. Такое существо способно смягчить и покорить самый суровый нравъ, на самомъ мрачномъ челѣ разгладить морщины; она разслабитъ сладострастной надеждой, будетъ длить легковѣрное желаніе и поработитъ своей волѣ самое мужественное, самое твердое сердце, какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ твердѣйшее желѣзо. Жены, если не что иное, омрачили разумъ мудраго Соломона, заставили его соорудить храмы, заставили его поклоняться своимъ богамъ.»

Сатана быстро возражаетъ на это:

«Веліалъ, неравной мѣрой мѣряешь ты всѣхъ по себѣ; что самъ ты издревле безумствовалъ по женамъ, восторгался ихъ видомъ, ихъ нѣжностію, ихъ чарующей прелестію, то никто, воображаешь ты, не устоитъ противъ такихъ приманокъ? Еще до потопа, пробѣгая землю съ шайкою тебѣ подобныхъ, ложно именовавшихся Сынами Божіими, ты бросалъ сладострастные взгляды на дочерей человѣческихъ; вы сочетались съ ними и произвели исполинское племя. Развѣ не видѣли мы или не слышали изъ разсказовъ, какъ ты ловилъ красавицъ при дворахъ, въ царскихъ чертогахъ, или въ лѣсахъ и дубравахъ, у мшистыхъ береговъ ручья, или въ лугахъ и зеленыхъ долинахъ подстерегалъ такихъ рѣдкихъ красавицъ какъ Калиста, Климена, Дафна или Семела, Антіопа или Амимона, Сиринга[201]) и другихъ,—слишкомъ долго было бы перечислять всѣхъ, и потомъ слагалъ свои подвиги на тѣхъ, кому поклонялись подъ именами Аполлона, Нептуна, Юпитера или Пана, Сатира, Фавна или Сильвана? Но не всѣхъ прельщаютъ такія побѣды; среди сыновъ человѣческихъ, какъ много было такихъ, что, будучи заняты болѣе достойными предме-

Set women in his eye, and in his walk,
Among daughters of men, the fairest found;
Many are in each region passing fair
As the noon sky: more like to goddesses
Than mortal creatures, graceful and discreet,
Expert in amorous arts, enchanting tongues
Persuasive, virgin majesty with mild
And sweet allay'd, yet terrible to approach,
Skill'd to retire, and in retiring draw
Hearts after them tangled in amorous nets.
Such object hath the power to soften and tame
Severest temper, smooth the rugged'st brow,
Enerve, and with voluptuous hope dissolve,
Draw out with credulous desire, and lead
At will the manliest, resolutest breast,
As the magnetic hardest iron draws.
Women, when nothing else, beguiled the heart
Of wisest Solomon, and made him build,
And made him bow, to the gods of his wives.
To whom quick answer Satan thus return'd:
Belial, in much uneven scale thou weigh'st
All others by thyself; because of old
Thou thyself doat'dst on womankind, admiring
Their shape, their colour, and attractive grace,
None are, thou think'st, but taken with such toys.
Before the flood thou with thy lusty crew,
False titled Sons of God, roaming the earth
Cast wanton eyes on the daughters of men,
And coupled with them, and begot a race.
Have we not seen, or by relation heard,
In courts and regal chambers how thou lurk'st,
In wood or grove by mossy fountain side,
In valley or green meadow, to way-lay
Some beauty rare, Calisto, Clymene,
Daphne, or Semele, Antiopa.
Or Amymone, Syrinx, many more
Too long, then lay'st thy'scapes on names adored,
Apollo, Neptune, Jupiter, or Pan,
Satyr, or Faun, or Sylvan? But these haunts
Delight not all; among the sons of men,
How many have with a smile made small account

тами, съ улыбкою презрѣнія взирали на красавицъ, не замѣчая ихъ, отвергая всѣ ихъ обольщенія? Вспомни Пеллейскаго завоевателя [202]: юношей, онъ едва удостоивалъ взглядомъ красавицъ Востока; а тотъ, кого прозвали Африканскимъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, развѣ не отослалъ отъ себя прекрасную Иберіанку [203]? Соломонъ, тотъ жилъ для удовольствій, и на высотѣ почестей, богатства, въ пирахъ и веселіи, помышлялъ лишь о наслажденіи своимъ счастіемъ, не стремясь къ высшимъ цѣлямъ, поэтому сердце его и было открыто женскимъ прельщеніямъ. Но Тотъ, Кого мы искушаемъ, несравненно мудрѣе Соломона; Его умъ возвышеннѣе, Онъ рожденъ и вполнѣ способенъ на величайшіе подвиги. Гдѣ найти такую жену, будь она чудомъ и славою своего вѣка, чтобы Онъ, въ часъ досуга, удостоилъ бросить на нее взглядъ, который бы выражалъ желаніе? Или, если бы для обольщенія Его, она, какъ сама богиня красоты, увѣренно сошла съ своего трона, украшенная всѣми чарами, какъ поясомъ Венеры, который произвелъ такое дѣйствіе на Зевса — по разсказамъ басенъ — могла ли бы она выдержать величіе Его взора, обращеннаго на нее, какъ бы съ высоты престола Добродѣтели? Она была бы обезоружена, въ ничто обратились бы всѣ ея прелести; женская гордость замолчала бы въ ней и превратилась въ благоговѣніе! Вѣдь сила красоты состоитъ лишь въ восхищеніи слабыхъ умовъ, порабощаемыхъ ею: перестаетъ восторгъ, и вдругъ спадаютъ всѣ ея пышныя украшенія и становятся не болѣе какъ пустою игрушкой, — одинъ презрительный взглядъ, и она безсильна. Чтобъ искусить Его твердость надо прибѣгнуть къ болѣе высокимъ предметамъ, искуснѣе придавъ имъ личину достоинства, чести, славы, народной хвалы: объ эти подводные камни сокрушались величайшіе мужи. Или воспользуемся тѣмъ, что удовлетворяетъ, повидимому, лишь законнымъ требованіямъ природы, не болѣе. Теперь, я знаю, Онъ томится голодомъ въ безплодной пустынѣ, въ мѣстѣ, гдѣ ничего нѣтъ для пищи. Предоставьте все мнѣ; я не пропущу благопріятной минуты, и всѣми способами буду испытывать Его силу.»

Онъ умолкъ, и въ громкихъ крикахъ услышалъ общее одобреніе. Тогда, не медля, беретъ онъ отборный легіонъ хитрѣйшихъ послѣ себя Духовъ,

Of Beauty and her lures, easily scorn'd
All her assaults, on worthier things intent?
Remember that Pellean conqueror,
A youth, how all the beauties of the East
He slightly view'd and slightly overpass'd;
How he surnamed of Africa dismiss'd
In his prime youth the fair Iberian maid.
For Solomon, he lived at ease, and full
Of honour, wealth, high fare, aim'd not beyond
Higher design than to enjoy his state;
Thence to the bait of women lay exposed:
But he whom we attempt is wiser far
Than Solomon, of more exalted mind,
Made and set wholly on th' accomplishment
Of greatest things, what woman will you find,
Though of this age the wonder and the fame,
On whom his leisure will vouchsafe an eye
Of fond desire? Or should she, confident,
As sitting queen adored on Beauty's throne,
Descend with all her winning charms begirt
To enamour, as the zone of Venus once
Wrought that effect on Jove, so fables tell;
How would one look from his majestic brow,
Seated as on the top of Virtue's hill,
Discount'nance her dispised, and put to rout
All her array; her female pride deject,
Or turn to reverent awe; for Beauty stands
In th' admiration only of weak minds
Led captive; cease to admire, and all her plumes
Fall flat, and shrink into a trivial toy:
At every sudden slighting quite abash'd:
Therefore with manlier objects we must try
His constancy, with such as have more show
Of worth, of honour, glory, and popular praise;
Rocks whereon greatest men have oftest wreck'd;
Or that which only seems to satisfy
Lawful desires of Nature, not beyond;
And now I know he hungers where no food
Is to be found, in the wide wildernes:
The rest commit to me, I shall let pass
No advantage, and his strength as oft assay.
He ceased, and heard their grant in loud acclaim;
Then forthwith to him takes a chosen band
Of spirits likest to himself in guile

которые были бы у него подъ рукою, наготовѣ явиться по его мановенію, еслибъ понадобилось разыграть сцену съ многочисленными дѣйствующими лицами: каждый долженъ былъ знать свою роль. Онъ летитъ съ ними въ пустыню, гдѣ Сынъ Божій, все еще скрывавшійся въ ея тѣни, послѣ сорокадневнаго поста, впервые почувствовалъ голодъ, и такъ размышлялъ въ Самомъ Себѣ:

«Чѣмъ кончится это? Четырежды десять дней прошло, какъ Я скитаюсь въ этомъ лѣсномъ лабиринтѣ и не вкушалъ человѣческой пищи, не чувствовалъ и голода; но этотъ постъ Я не вмѣняю въ добродѣтель, не причисляю къ испытаніямъ, переносимымъ здѣсь Мною. Если природа не требуетъ пищи, или Господь помогаетъ природѣ обходиться безъ пищи, несмотря на нужду въ ней, какая же слава въ воздержаніи? Но вотъ Я почувствовалъ голодъ, и это чувство показываетъ необходимость требованій природы. Однако, Господь можетъ удовлетворить ея потребности другимъ путемъ, хотя бы Я продолжалъ ощущать голодъ: пусть онъ остается, не разрушая этой плоти. Покоряюсь волѣ Господней; терзанія голода Мнѣ не страшны, Я едва о нихъ помышляю, питаемый величайшими думами, отъ которыхъ еще сильнѣе алкаю Я творить волю Отца.»

Былъ полночный часъ когда Сынъ Божій размышлялъ такъ, шествуя въ безмолвіи пустыни; потомъ Онъ легъ подъ гостепріимный кровъ густо перевившихся вѣтвями деревьевъ; тамъ Онъ уснулъ, и снились Ему, какъ часто рисуетъ голодъ, питіи и яства, прекрасные дары природы. Ему снилось, что Онъ стоитъ у потока Хораѳова [204] и видитъ вороновъ, въ роговыхъ клювахъ приносящихъ Иліѣ пищу утромъ и вечеромъ: плотоядныя птицы умѣли воздерживаться и ничего не похищали отъ своей ноши; видѣлось Ему также, какъ пророкъ бѣжалъ въ пустыню, какъ онъ уснулъ тамъ подъ кустомъ можжевельника [205] и, пробудясь, увидѣлъ обѣдъ, приготовленный на горячихъ угольяхъ; Ангелъ повелѣлъ ему возстать и ѣсть; такъ онъ питался дважды послѣ отдохновенія, что подкрѣпило его силы на сорокъ дней. То представлялось Ему, что онъ раздѣляетъ трапезу Иліи, то видѣлъ Себя гостемъ Даніила [206], вкушающимъ овощи.

To be at hand, and at his beck appear,
If cause were to unfold some active scene
Of various persons, each to know his part;
Then to the desert takes with these his flight;
Where still from shade to shade the Son of God
After forty days'fasting had remain'd,
Now hung'ring first, and to himself thus said:
Where will this end? four times ten days I've pass'd
Wand'ring this woody maze and human food
Nor tasted, nor had appetite: that fast
To virtue I impute not, or count part
Of what I suffer here; if Nature need not,
Or God support Nature without repast
Though needing, what praise is it to endure?
But now I feel I hunger, which declares
Nature hath need of what she asks; yet God
Can satisfy that need some other way,
Though hunger still remain: so it remain
Without this body's wasting, I content me,
And from the sting of famine fear no harm,
Nor mind it, fed with better thoughts that feed
Me hung'ring more to do my Father's will
It was the hour of night, when thus the Son
Communed in silent walk, then laid him down
Under the hospitable covert nigh
Of trees thick interwoved; there he slept
And dream'd as appetite is wont to dream,
Of meats and drinks, Nature's refreshment sweet
Him thought, he by the brook of Cherith stood,
And saw the ravens with their horny beaks
Food to Elijah bringing even and morn,
Though ravenous, taught to abstain from what they brought;
He saw the prophet also how he fled
Into the desert, and how there he slept
Under a juniper; then how awaked
He found his supper on the coals prepared,
And by the angel was bid rise and eat,
And eat the second time after repose,
The strength where of sufficed him forty days;
Sometimes that with Elijah he partook,
Or as a guest with Daniel at his pulse.

Такъ прошла ночь; и вотъ жаворонокъ, предвѣстникъ утра, оставляетъ свое низменное гнѣздо и высоко взвивается въ воздухъ, чтобъ возвѣстить приближеніе утра и привѣтствовать его своею пѣснію: такъ же легко возсталъ съ Своего дерноваго ложа Спаситель и увидѣлъ, что все, что представилось Ему, былъ только сонъ; какъ Онъ уснулъ, изнуренный постомъ, такъ изнуренный и проснулся. Онъ направляетъ Свои стопы на вершину холма, господствовавшаго надъ горизонтомъ, взглянуть—не покажется ли хижины, овечьяго загона или стада. Но нигдѣ не видѣлось ни хижины, ни стада, ни овчарни; только въ глубинѣ долины увидѣлъ Онъ прелестную рощу, которую оглашали звонкія пѣсни сладкогласныхъ птицъ; Онъ спустился къ тому мѣсту, намѣреваясь отдохнуть тамъ во время дневного зноя; скоро Онъ вошелъ подъ высокіе тѣнистые своды, гдѣ деревья образовали арки, аллеи, открывая тамъ и сямъ чудную лѣсную картину. Все это было, казалось, самобытнымъ созданіемъ природы (природа служитъ образцомъ искусству), а суевѣрное воображеніе поселило здѣсь лѣсныхъ боговъ и лѣсныхъ нимфъ. Спаситель озиралъ кругомъ прекрасную рощу; вдругъ передъ нимъ явился человѣкъ, но не въ крестьянской одеждѣ, какъ въ первый разъ; по платью, онъ былъ человѣкъ, воспитанный въ городѣ или придворный, и приступилъ онъ къ Сыну Божію съ такою красною рѣчью:

«Пользуясь Твоимъ позволеніемъ, я возвращаюсь, готовый къ услугамъ. Но меня удивляетъ, какъ Сынъ Божій такъ долго остается въ пустынѣ, лишенный всего, и какъ вѣдомо мнѣ, уже началъ испытывать голодъ. Другіе замѣчательные люди, гласитъ сказаніе, попирали своими стопами эту пустыню; сюда бѣжала опальная рабыня съ своимъ отверженнымъ сыномъ Измаиломъ, и была здѣсь утѣшена Ангеломъ; все племя Израилево погибло бы здѣсь отъ голода, если бы Господь не послалъ съ Небесъ манны; а тотъ смѣлый пророкъ, пришедшій изъ Ѳесвы [207]), во время пребыванія его здѣсь, развѣ не былъ питаемъ дважды, когда голосъ съ Неба предлагалъ ему принять пищу? О Тебѣ въ эти сорокъ дней никто не подумалъ, Ты въ сорокъ, и болѣе чѣмъ въ сорокъ разъ заброшенъ, покинутъ.»

Thus wore out night, and now the herald lark
Left his ground-nest, high tow'ring to descry
The Morn's approach, and greet her with his song:
As lightly from his grassy couch uprose
Our Saviour, and found all was but a dream,
Fasting he went to sleep, and fasting waked:
Up to a hill anon his steep he rear'd,
From whose high top to ken the prospect round,
If cottage were in view, sheep-cote or herd;
But cottage, herd, or sheep-cote none he saw,
Only in a bottom saw a pleasant grove,
With chaunt of tuneful birds resounding loud;
Thither he bent his way, determined there
To rest at noon, and enter'd soon the shade
High rooft, and walks beneath, and alleys brown,
That open'd in the midst a woody scene:
Nature's own work it seem'd (Nature taught Art)
And to a superstitious eye the haunt
Of wood-gods and wood-nymphs; he view'd it round,
When suddenly a man before him stood,
Not rustic as before, but seemlier clad,
As one in city or court, or palace bred,
And with fair speech these words to him address'd:
With granted leave officious I return,
But much more wonder that the Son of God
In this wild solitude so long should bide
Of all things destitude, and well I know
Not without hunger. Others of some note,
As story tells, have trod this wilderness;
The fugitive bond-woman with her son
Outcast Nebaioth, yet found here relief
By a providing angel; all the race
Of Israel here had famish'd, had not God
Rain'd from Heav'n manna; and that prophet bold
Native of Thebez, wand'ring here was fed
Twice by a voice inviting him to eat:
Of thee these forty days none hath regard,
Forty and more deserted here indeed.

Іисусъ отвѣчалъ: «Что же заключаешь ты изъ этого? Они всѣ нуждались въ помощи, Я, какъ ты видишь, въ ней не нуждаюсь.»

«Но отчего же Ты чувствуешь голодъ?» возразилъ Сатана: «Скажи мнѣ, если бы теперь передъ Тобою была поставлена пища, развѣ бы Ты не вкусилъ ея?»—«Смотря по тому, отъ кого бы она была», отвѣчалъ Іисусъ.—«Неужели изъ-за этого Ты могъ бы отказаться?» возразилъ хитрый врагъ.—«Развѣ не имѣешь Ты права на все созданное? Не есть ли долгъ всякой твари повиноваться и служить Тебѣ, не дожидаясь приказанія, но добровольно напрягая къ тому всѣ силы? Не говорю о мясахъ, признанныхъ нечистыми закономъ, или принесенныхъ въ жертву идоламъ: отъ такихъ яствъ могъ отказаться юный Даніилъ [208]; не говорю также о яствахъ, предлагаемыхъ врагомъ, хотя кто бы сталъ долго задумываться передъ этимъ въ крайней нуждѣ! Природа пристыжена или, лучше сказать, смущена тѣмъ, что Ты долженъ претерпѣвать голодъ,—смотри, она спѣшитъ служить Тебѣ съ честію, какъ своему Господу, она собрала здѣсь для Твоего стола все, что есть изящнѣйшаго во всѣхъ ея стихіяхъ: благоволи только сѣсть, и вкушай.»

Теперь это не былъ сонъ; едва Сатана кончилъ свою рѣчь, какъ Христосъ, возведя очи, увидѣлъ на большомъ, ровномъ пространствѣ, широко осѣненномъ тѣнью, богато, по-царски убранный столъ; на немъ возвышались пирамиды благороднѣйшихъ и тончайшихъ яствъ: всякая дичина и птица, добыча охоты, въ печеніяхъ, вареныя или съ вертела, дымились амброй; всѣ рыбы, какія только есть въ моряхъ, въ прѣсныхъ водахъ или журчащихъ ручьяхъ, все что есть изящнѣйшаго въ чешуѣ или раковинахъ, что добывалось нѣкогда съ далекаго Понта, изъ Лукринскаго озера [209] и съ береговъ Африканскихъ. О какъ просто было, въ сравненіи со всѣми этими сладостями, то обыкновенное яблоко, обольстившее Еву! У другого роскошнаго стола съ винами, распространявшими чудесные ароматы, стояли рядами стройные отроки въ богатыхъ одеждахъ; они превосходили красотою Ганимеда или Гиласа [210]; въ отдаленіи, среди деревъ, стояли съ торжественнымъ видомъ или воздушно перебѣгали съ мѣста на мѣсто Наяды и Нимфы изъ свиты Діаны, съ

To whom thus Jesus: What conclud'st thou hence?
They all had need, I, as thou seest, have none.
How hast thou hunger then? Satan replied:
Tell me, if food were now before thee set,
Would'st thou not eat? Thereafter as I like
The giver, answer'd Jesus. Why should that
Cause thy refusal? said the subtle fiend.
Hast thou not right to all created things?
Owe not all creatures by just right to thee
Duty and service not to stay till bid,
But tender all their power? nor mention I
Meats by the law unclean, or offer'd first
To idols, those young Daniel could refuse;
Nor proffer'd by an enemy, though who
Would scruple that, with want oppress'd? Behold,
Nature ashamed, or, better to express,
Troubled that thou shouldst hunger, hath purvey'd
From all the elements her choicest store
To treat thee as beseems, and as her Lord,
With honour: only deign to sit and eat.

He spake no dream, for as his words had end,
Our Saviour lifting up his eyes beheld
In ample space under the broadest shade
A table richly spread, in regal mode,
With dishes piled, and meats of noblest sort
And savour, beasts of chase, or fowl of game
In pastry built, or from the spit, or boil'd,
Gris-amber-steam'd, all fish from sea or shore,
Freshet, or purling brook, of shell or fin,
And exquisitest name, for which was drain'd
Pontus, and Lucrine bay, and Afric coast.
Alas! how simple, to these cates compared,
Was that crude apple that diverted Eve!
And at a stately side-board, by the wine
That fragrant smell diffused, in order stood
Tall stripling youths rich clad, of fairer hue
Than Ganymed or Hylas; distant more
Under the trees now tripp'd, now solemn stood,
Nymphs of Diana's train, and Naiades,

плодами и цвѣтами изъ рога Амалтеи, и Гесперидскія дѣвы, прекраснѣе тѣхъ, о которыхъ разсказывали древнія сказки, или тѣхъ позднѣйшихъ волшебныхъ красавицъ, какихъ находили въ дремучихъ лѣсахъ благородные рыцари Логресъ или Леонесъ, Ланселотъ, Пеллеасъ или Пеленоръ [211]. Въ воздухѣ разносилась чарующая музыка сладкострунныхъ арфъ и свирѣлей; вѣтры тихо вѣяли нѣжными крылами, разливая благоуханія Аравіи и первые ароматы Флоры. Таково было великолѣпіе пиршественнаго стола, и искуситель снова убѣдительно повторяетъ приглашеніе.

«Отчего, Сынъ Божій, сомнѣваешься Ты сѣсть и вкушать? Это не запретные плоды; никакой законъ не возбраняетъ прикасаться къ этимъ чистымъ яствамъ. Они не даютъ познанія, по крайней мѣрѣ познанія зла, нѣтъ, они сохраняютъ жизнь, уничтожаютъ врага жизни—голодъ, взамѣнъ его давая наслажденіе и подкрѣпляя силы. Смотри, всѣ эти Духи воздуха, лѣсовъ и водъ, Твои покорные слуги, пришли воздать должную Тебѣ честь и признать Тебя своимъ Господомъ. Что же сомнѣваешься Ты, Сынъ Божій? Сядь и вкушай.»

На это Іисусъ спокойно отвѣчаетъ: «Не сказалъ ли ты, что Я имѣю право на все созданное? Кто же препятствуетъ Моей власти пользоваться этимъ правомъ? Зачѣмъ принимать Мнѣ какъ даръ то, что принадлежитъ Мнѣ по праву, чему Я могу повелѣть быть когда и гдѣ Мнѣ угодно? Не сомнѣвайся, Я могу въ этой пустынѣ воздвигнуть столъ такъ же скоро, какъ ты, и призвать Ангеловъ, которые на быстрыхъ крыльяхъ прилетятъ въ сіяніи славы служить за Моею чашею: къ чему же тщетно навязываешь ты свои услуги тамъ, гдѣ онѣ не могутъ быть приняты? И какая тебѣ забота о Моемъ голодѣ? Я презираю твои пышныя сласти, и въ твоихъ щедрыхъ дарахъ вижу одно коварство.»

Сатана возражаетъ съ досадою: «Что и я имѣю власть давать, Ты видишь. Если я, въ силу этой власти, добровольно приношу Тебѣ то, что могъ бы предложить кому мнѣ заблагоразсудится, и скорѣе всего именно въ этомъ дикомъ мѣстѣ, хочу помочь Тебѣ въ Твоей очевидной нуждѣ, почему не принять Тебѣ моей помощи? Но я вижу—все, что я могу сдѣлать или предложить, вселяетъ въ Тебѣ подозрѣніе; пусть же

With fruits and flow'rs from Amalthea's horn,
And ladies of th' Hesperides, that seem'd
Fairer than feign'd of old, or fabled since
Of faery damsels met in forest wide
By knights of Logres, or of Lyones,
Lancelot, or Pelleas, or Pellenore:
And all the while harmonious airs were heard
Of chiming strings, or charming pipes, and winds
Of gentlest gale Arabian odours fann'd
From their soft wings, and Flora's earliest smells.
Such was the splendour, and the Tempter now
His invitation earnestly renew'd.
  What doubts the Son of God to sit and eat?
These are not fruits forbidden; no interdict
Defends the touching of these viands pure;
Their taste no knowledge works, at least of evil,
But life preserves, destroys life's enemy,
Hunger, with sweet restorative delight.
All these are spirits of air, and woods, and springs
Thy gentle ministers, who come to pay
Thee homage, and acknowledge thee their Lord:
What doubt'st thou, Son of God? sit down and eat.
  To whom thus Jesus temp'rately reply'd:
Said 'st thou not that to all things I had right?
And who withholds my power that right to use?
Shall I receive by gift what of my own,
When and where likes me best, I can command?
I can at will, doubt not, as soon as thou,
Command a table in this wilderness,
And call swift flights of angels ministrant
Array'd in glory on my cup to attend:
Why shouldst thou then obtrude this diligence,
In vain, where no acceptance it can find?
And with my hunger what hast thou to do?
Thy pompous delicacies I contemn,
And count thy specious gifts no gifts but guiles.
  To whom thus answer'd Satan malecontent:
That I have also power to give thou seest;
If of that power I bring thee voluntary
What I might have bestow'd on whom I pleased,
And rather opportunely in this place
Chose to impart to thy apparent need,
Why shouldst thou not accept it? but I see
What I can do or offer is suspect;

этими вещами воспользуются другіе, чьи лишенія заслужили собранныхъ издалека лакомствъ.» Сказалъ, и мгновенно столъ, яства, все—исчезло: слышенъ былъ только шумъ отъ крыльевъ и когтей Гарпій; остался одинъ неотступный Искуситель, и такъ продолжалъ свое искушеніе:

«Голодъ, укрощающій всякое другое созданіе, безсиленъ надъ Тобою; и такъ, онъ Тебя не тронетъ. Твое воздержаніе непобѣдимо; ничто, соблазняющее вкусъ, не возбуждаетъ Твоего желанія; душа Твоя всецѣло предана великимъ намѣреніямъ, великимъ дѣяніямъ! Но чѣмъ достигнешь Ты ихъ? Великія начинанія требуютъ огромныхъ средствъ для своего осуществленія. Ты не имѣешь ни извѣстности, ни друзей; Ты низкаго происхожденія: отецъ Твой, какъ извѣстно, плотникъ, Ты самъ выросъ въ лишеніяхъ бѣдности, и теперь бродишь въ пустынѣ, томимый голодомъ. Какой у Тебя путь, какая надежда въ Твоемъ стремленіи къ величію? Гдѣ пріобрѣтешь Ты такое вліяніе? Откуда возьмешь послѣдователей, служителей, чѣмъ привлечешь къ Себѣ легкомысленную толпу, которая пойдетъ за Тобою лишь до тѣхъ поръ, пока Ты будешь кормить ее на Свой счетъ? Деньги даютъ почести, друзей, побѣды, царства: что возвысило Антипатра [212] Эдомитянина и сына его Ирода, сѣвшаго на Іудейскій престолъ, Твой престолъ?—Золото; оно доставило ему могущественныхъ друзей. Итакъ, если хочешь достигнуть величія, пріобрѣти сначала богатство, накопи сокровищъ; это Тебѣ не будетъ трудно, если Ты послушаешь меня; богатства въ моей власти, счастіе въ моихъ рукахъ; тѣ, кому я благоволю, не знаютъ мѣры своимъ богатствамъ; а Добродѣтель, Доблесть, Мудрость бѣдствуютъ въ нуждѣ.»

Іисусъ кротко отвѣчаетъ на это: «Однако, безъ этихъ трехъ достоинствъ богатство безсильно; безъ нихъ оно не можетъ пріобрѣсти власти или, пріобрѣтя, удержать ее за собою. Въ томъ свидѣтельствуютъ древнія царства міра, которыя рушились на высотѣ своего цвѣтущаго богатства. Но люди, обладающіе этими добродѣтелями, въ крайней бѣдности, совершали величайшія дѣянія, чему примѣромъ служитъ Гедеонъ, Іеѳфай и тотъ юный пастухъ, потомки котораго столько вѣковъ возсѣдали на престолѣ Іудейскомъ, и еще снова возвратятъ себѣ этотъ престолъ, и царству ихъ въ

Of these things others quickly will dispose,
Whose pains have earn'd the far-set spoil. With that
Both table and provision vanish'd quite
With sound of harpies' wings, and talons heard;
Only th' impòrtune Tempter still remain'd,
And with these words his temptation pursued:
By hunger, that each other creature tames,
Thou art not to be harm'd: therefore not moved;
Thy temperance invincible besides,
For no allurement yields to appetite,
And all thy heart is set on high designs,
High actions; but wherewith to be achieved?
Great acts require great means of enterprise;
Thou art unknown, unfriended, low of birth,
A carpenter thy father known, thyself
Bred up in poverty and straits at home,
Lost in a desert here and hunger-bit:
Which way, or from what hope, dost thou aspire
To greatness? whence authority derivest?
What followers, what retinue, canst thou gain,
Or at thy heels the dizzy multitude,
Longer than thou canst feed them on thy cost?
Money brings honour, friends, conquest, and realms:
What raised Antipater the Edomite,
And his son Herod placed on Judah's throne
(Thy throne), but gold that god him puissant friends?
Therefore, if at great things thou would'st arrive,
Get riches first, get wealth, and treasure heap,
Not difficult, if thou hearken to me;
Riches are mine, Fortune is in my hand;
They whom I favour thrive in wealth amain,
While Virtue, Valour, Wisdom, sit in want.
To whom thus Jesus patiently reply'd:
Yet wealth without these three is impotent
To gain dominion, or to keep it gain'd.
Witness those ancient empires of the earth
In highth of all their flowing wealth dissolved:
But man endued with these have oft attain'd
In lowest poverty to highest deeds;
Gideon, and Jephtha, and the shepherd lad,
Whose offspring on the throne of Judah sat
So many ages, and shall yet regain
That seat, and reign in Israel without end.

Израилѣ не будетъ конца. Само язычество (Мнѣ не безызвѣстно все, что происходило достопримѣчательнаго въ мірѣ) не имѣло ли своихъ Квинтовъ, Фабриціевъ, Курціевъ [213], Регуловъ? Я высоко ставлю имена этихъ людей, которые въ бѣдности могли совершать могучія дѣла, презирая богатство, хотя оно предлагалось имъ рукою царей. Чего же по-твоему недостаетъ Мнѣ, чтобы Я, въ Моей бѣдности, не могъ достигнуть того, что совершали они, и, быть-можетъ, еще большаго? Не превозноси же богатство, кумиръ глупца и бремя мудраго или опасную для него западню, ибо богатство скорѣе способно ослабить его добродѣтель, притупить ее, чѣмъ внушать рвеніе къ славнымъ дѣяніямъ. Ты говоришь о царствѣ? Но Я и царства отвергаю съ такимъ же отвращеніемъ, какъ золото. Корона, блистательная съ виду, есть не что иное, какъ терновый вѣнецъ; много опасностей, безпокойства, заботъ и безсонныхъ ночей приноситъ царская діадема тому, кто на своихъ плечахъ несетъ тягость каждаго человѣка, ибо въ томъ и состоитъ обязанность царя, его честь, добродѣтель, достоинство и высшая слава, чтобы нести все бремя правленія ради общественнаго блага. Но, кто царствуетъ надъ самимъ собою, управляетъ своими страстями, желаніями, боязнями,—тотъ истинный царь; достигнуть этого можетъ всякій мудрый и добродѣтельный мужъ; если же не достигаетъ, тщетно будетъ его стремленіе управлять народами или своевольною толпой, когда внутри его самого царитъ безначаліе или поработившія его страсти. Но вести народы къ истинѣ путемъ мудраго ученія, отъ заблужденій приводить ихъ къ свѣту знанія, а отъ знанія къ истинному почитанію Бога,—выше всякаго царскаго достоинства; такіе герои суть побѣдители душъ; они управляютъ внутреннимъ человѣкомъ, то-есть благороднѣйшею его частію; цари же земные царствуютъ только надъ тѣломъ и кромѣ того часто прибѣгаютъ къ насилію, а для души возвышенной можетъ ли быть пріятно такое царство? Наконецъ, дарить царство выше, благороднѣе, чѣмъ царствовать, и слагать съ себя царскій вѣнецъ великодушнѣе, чѣмъ принимать его самому. И такъ, богатство безполезно, и само по себѣ, и какъ средство, какимъ ты его представляешь для достиженія царскаго скипетра, которымъ часто лучше было бы не владѣть.»

Among the Heathen (for throughout the world
To me is not unknown what hath been done
Worthy of memorial), canst thou not remember
Quintius, Fabricius, Curius, Regulus?
For I esteem those names of men so poor
Who could do mighty things, and could contemn
Riches, though offer'd from the hand of kings.
And what in me seems wanting but that I
May also in this poverty as soon
Accomplish what they did, perhaps and more?
Extol not riches then, the toil of fools,
The wise man's cumbrance if not snare, more apt
To slacken virtue, and abate her edge,
Than prompt her to do aught may merit praise.
What if with like aversion I reject
Riches and realms? yet not for that a crown,
Golden in show, is but a wreath of thorns,
Brings dangers, troubles, cares, and sleepless nights,
To him who wears the regal diadem,
When on his shoulders each man's burden lies;
For therein stands the office of a king,
His honour, virtue, merit, and chief praise,
That for the publi all this weight he bears.
Yet he who reigns within himself, and rules
Passions, desires, and fears, is more a king;
Which every wise and virtuous man attains:
And who attains not, ill aspires to rule
Cities of men, or headstrong multitudes,
Subject himself to anarchy within,
Or lawless passions in him which he serves.
But to guide nations in the way of truth
By saving doctrine, and from error lead
To know, and knowing worship God aright,
Is yet more kingly; this attracts the soul,
Governs the inner man, the nobler part;
That other o'er the body only reigns,
And oft by force, which to a generous mind
So reigning can be no sincere delight.
Besides, to give a kingdom hath been thought
Greater and nobler done, and to lay down
Far more magnanimous than to assume.
Riches are needless then, both for themselves,
And for thy reason why they should be sought,
To gain a sceptre, oftest better miss'd.

ПѢСНЬ 3-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сатана хитрой, льстивой рѣчью старается пробудить въ Іисусѣ жажду славы, приводя примѣры великихъ побѣдъ и подвиговъ, совершенныхъ разными героями, въ юную пору жизни. Господь отвѣчаетъ на это, указывая на тщету мірской славы и на предосудительныя средства, какими обыкновенно достигается она; въ противуположность этой ложной славѣ, Онъ приводитъ истинную славу, заключающуюся въ терпѣніи вѣры и добродѣтельной мудрости, высокій примѣръ чего являетъ Іовъ. Сатана оправдываетъ любовь къ славѣ, приведя въ примѣръ Самого Бога, Который требуетъ ее отъ всѣхъ Своихъ созданій. Іисусъ доказываетъ ложность этого довода. Затѣмъ Сатана напоминаетъ Христу Его права на престолъ Давидовъ, и говоритъ, что, такъ какъ царство Іудейское есть въ настоящее время провинція Рима, то для того, чтобы завладѣть имъ, потребуется много усилій съ Его стороны, убѣждая не терять времени и скорѣе вступить на царство. Іисусъ отвѣчаетъ, что для этого опредѣлено свое время, какъ и для всего другого; потомъ, припомнивъ Сатанѣ его прошлыя страданія, вопрошаетъ, почему заботится онъ о славѣ Того, Чье возвышеніе предназначено служить къ его паденію. Сатана возражаетъ, что собственное его отчаянное положеніе, исключающее всякую надежду, вмѣстѣ съ тѣмъ, исключаетъ почти и всякій страхъ, и такъ какъ его собственная кара останется все та же, то ему нѣтъ расчета препятствовать царству Того, Чье видимое благоволеніе, онъ надѣется, можетъ доставить ему ходатайство въ его пользу. Сатана продолжаетъ искушеніе; предполагая, что кажущееся равнодушіе Іисуса къ величію происходитъ отъ Его незнанія міра и мірской славы, возводитъ Его на вершину высокой горы, и показываетъ оттуда главныя царства Азіи; онъ обращаетъ особенное вниманіе Іисуса на военныя приготовленія Парѳянъ для отраженія Скиѳовъ, и говоритъ, что нарочно показываетъ это, чтобы Онъ видѣлъ, какъ необходимо военное искусство для удержанія въ своей власти царствъ, а равно и для покоренія ихъ вначалѣ; убѣждаетъ въ невозможности для Іудеи держаться противъ двухъ столь могущественныхъ сосѣдей какъ Римляне и Парѳяне, и въ томъ какъ необходимо заключить союзъ съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, совѣтуя обезпечить за собою дружбу Парѳянъ; онъ развиваетъ мысль, что при такомъ союзѣ, могущество Его будетъ защищено отъ всѣхъ попытокъ противъ Него со стороны Рима или Цезаря, что это дастъ Ему возможность далеко распространить Свою славу, и, что всего важнѣе, сдѣлать престолъ Іудеи истиннымъ престоломъ Давидовымъ, — избавить и возстановить десять племенъ Израильскихъ, все еще находящихся въ рабствѣ. Іисусъ, кратко упомянувъ о тщетности военныхъ усилій и слабости земныхъ орудій, говоритъ, что когда настанетъ время вступить Ему на предназначенный Ему престолъ, Онъ не станетъ медлить; потомъ дѣлаетъ замѣчаніе о необыкновенномъ его рвеніи къ освобожденію Израильтянъ, которымъ онъ всегда былъ врагомъ, и объясняетъ, что ихъ рабство есть слѣдствіе ихъ идолопоклонства, но прибавляетъ, что въ будущемъ Господу, быть-можетъ, угодно будетъ призвать ихъ къ Себѣ и возвратить имъ свободу и родную землю.

ТАКЪ говорилъ Сынъ Божій, и Сатана стоялъ нѣсколько времени безмолвный, смущенный, не зная что сказать, что отвѣтить. Онъ былъ разбитъ и чувствовалъ слабость своихъ доводовъ, ложность своихъ убѣжденій; наконецъ, собравъ всю свою змѣиную хитрость, снова приступаетъ къ Іисусу съ такою медоточивою рѣчью:

BOOK 3. THE ARGUMENT.

Satan, in a speech of much flattering commendation, endeavours to awaken in Jesus a passion for glory, by particularizing various instances of conquests achieved, and great actions performed, by persons at an early period of life. Our Lord replies, by showing the vanity of worltly fame, and the improper means by which it is generally attained; and contrasts with it the true glory of religious patience and virtuous wisdom as exemplified in the character of Job. Satad justifies the love of glory from the exemple of God himself, who requires it from all his creatures. Jesus detects the fallacy of this argument, by showing that, as goodness is the true ground on which glory is due to the great Creator of all things, sinful man can have no right whatever to it. Satan then urges our Lord respecting his claim to the throne of David; he tells him that the kingdom of Judea, being at that time a province of Rome, cannot be got possession of without much personal exertion on his part, and presses him to lose no time in beginning to reign. Jesus refers him to the time allotted for this, as for all other things; and, after intimating semewhat respecting his own previous sufferings, asks Satan why he should be solicitous for the exaltation of one, whose rising was destined to be his fall. Satan replies, that his own desperate state, by excluding all hope, leaves little room fos fear; and that, as his own punishment was equally doomed he is not interested in preventing the reing of one, for whose apparent benevolence he might rather hope for some interference in his favour. Satan still pursues his former incitements; and, supposing that the seeming reluctance of Jesus to be thus advanced might arise from his being unacquainted with the world and its glories, conveys him to the summit of a high mountain, and from thence shows him most of the kingdoms of Asia, particularly pointing out to his notice some extraordinary military preparations of the Parthians to resist the incursions of the Scythians. He then informs our Lord, that he showed him this purposely that he might see how necessary military exertions are to retain the possession of kingdoms, as well as to subdue them at first, and advises him to consider how impossible it was to maintain Judea against two such powerful neighbours, as the Romans and Parthians, and how necessary it would be to form an alliance with one or other of them. At the same time he recommends, and engages to secure to him, that of the Parthians; and tells him, that by this means his power will be defended from any thing that Rome or Cæsar might attempt against it, and that he will be able to extend his glory wide, and especially to accomplish what was particularly necessary to make the throne of Judea really the throne of David, the deliverance and restoration of the ten tribes, still in a state of captivity. Jesus, having briefly noticed the vanity oı military efforts, and the weakness of the arm of flesh, says, that when the time comes for his ascending his allotted throne, he shall not be slack: he remarks on Satan's extraordinary zeal for the deliverance of the Israelites, to whom he had always shown himself an enemy, and declares their servitude to be the consequence of their idolatry; but adds, that at a future time it may perhaps please God to recall them, and restore them to their liberty and native land.

So spake the Son of God, and Satan stood
A while as mute confounded what to say
What to reply, confuted and convinced
Of his weak arguing, and fallacious drift:
At length collecting all his serpent wiles,
With soothing words renew'd, him thus accosts;

«Я вижу, Ты знаешь все, что нужно, можешь дать на все лучшій отвѣтъ, можешь творить что захочешь; Твои дѣянія согласны съ Твоими словами, Твои слова служатъ выраженіемъ Твоей великой души; а душа Твоя есть совершеннѣйшій образъ блага, мудрости, истины. Еслибъ цари и народы вопрошали Тебя въ дѣлахъ своихъ, Твои совѣты были бы подобны Уриму и Туммиму [214], этимъ пророческимъ камнямъ въ нагрудникѣ Аарона, и безошибочны, подобно изреченіямъ древнихъ провидцевъ. Или, если бъ Ты былъ призванъ къ дѣламъ, которыя облекли бы Тебя въ доспѣхи брани, Твое искусство покорило бы весь міръ, ничто не устояло бы передъ Твоею доблестію, будь у Тебя самое малое войско. Зачѣмъ же скрываешь Ты эти божественныя дарованія, живешь уединенно, и еще дальше скрылся въ дикой пустынѣ? Зачѣмъ лишаешь міръ Твоихъ чудесныхъ дѣяній, лишаешь Самого Себя почестей и славы,—славы, этой единственной награды, которая возбуждаетъ къ высокимъ стремленіямъ, этого пламени, которое охватываетъ самые возвышенные умы, чистѣйшія души, презирающія всѣ другія удовольствія, считающія тлѣномъ всѣ сокровища, всѣ богатства, всѣ достоинства и величайшія почести. Ты достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, достигъ давно; сынъ Филиппа Македонскаго [215] былъ моложе, когда завоевалъ Азію и владѣлъ престоломъ Кира; молодой Сципіонъ [216] раньше сломилъ гордость Кароагена, и Помпей [217] въ молодости побѣдилъ Понтійскаго царя и въѣзжалъ въ Римъ съ тріумфомъ. Впрочемъ, зрѣлые года, а съ ними зрѣлое сужденіе, не умаляютъ жажды славы, скорѣе усиливаютъ ее. Великій Юлій, которому теперь удивляется міръ, чѣмъ становился старше, тѣмъ больше жаждалъ славы; онъ плакалъ о годахъ, прошедшихъ для него безславно; но для Тебя еще не прошло время.»

Спаситель спокойно отвѣчалъ: «Не убѣдишь ты Меня искать богатства ради владычества, ни владычества ради славы; тщетны всѣ твои доводы. Что такое слава, какъ не мимолетная искра, народныя рукоплесканія, хвалы, всегда ли еще однѣ хвалы? И что такое народъ?—безпорядочное стадо, пестрый сбродъ, превозносящій иногда самыя обыкновенныя вещи, едва ли, если хорошо подумать, достойныя хвалы? Онъ

I see thou know'st what is of use to know,
What best to say can say, to do canst do;
Thy actions to thy words accord, thy words
To thy large heart give utterance due, thy heart
Contains of good, wise, just, the perfect shape.
Should kings and nations from thy mouth consult,
Thy counsel would be as the oracle
Urim and Thummim, those oraculous gems
On Aaron's breast; or tongue of seers old
Infallible; or wert thou sought to deeds
That might require th'array of war, thy skill
Of conduct would be such, that all the world
Could not sustain thy prowess, or subsist
In batte, though against thy few in arms.
These godlike virtues wherefore dost thou hide,
Affecting private life or more obscure
In savage wilderness? wherefore deprive
All earth her wonder at thy acts, thyself
The fame and glory, glory the reward
That sole excites to high attempts, the flame
Of most erected spirits, most temper'd pure
Ethereal, who all pleasures else despise,
All treasures and all gain esteem as dross,
And dignities and powers all but the highest?
Thy years are ripe, and over-ripe; the son
Of Macedonian Philip had ere these
Won Asia, and the throne of Cyrus held
At his dispose; young Scipio had brought down
The Carthaginian pride, young Pompey quell'd
The Pontic king, and in triumph had rode.
Yet years, and to ripe years judgment mature,
Quench not the thirst of glory, but augment.
Great Julius, whom now all the world admires,
The more he grew in years, the more inflamed
With glory, wept that he had lived so long
Inglorious: but thou yet art not too late.
To whom our Saviour calmly thus reply'd:
Thou neither dost persuade me to seek wealth
For empire's sake, nor empire to affect
For glory's sake, by all thy argument.
For what is glory but the blaze of fame,
The people's praise, if always praise unmix'd?
And what the people but a herd confused,
A miscellaneous rabble, who extol
Things vulgar, and, well weigh'd scarce worth the praise?

хвалитъ, не зная кого, восхищается, не зная чѣмъ; всѣ повторяютъ то, что говоритъ одинъ. Какая отрада быть восхваляемымъ подобными цѣнителями, служить предметомъ для болтовни ихъ языковъ? Скорѣе порицанiе ихъ могло бы служить не малой хвалою, завиднѣе участь того, кто не устрашится этого. Разумныхъ и мудрыхъ между ними не много, а немногiе едва ли могутъ составить славу. Въ одномъ истинная честь и слава: когда Господь, взирая на землю, съ благоволенiемъ замѣтитъ праведнаго человѣка и превознесетъ его по всѣмъ Небесамъ, между всѣми Своими Ангелами, которые съ непритворнымъ ликованiемъ будутъ повторять Его хвалы. Такъ было съ Iовомъ, когда для прославленiя его имени на Землѣ и на Небѣ, Господь спросилъ тебя,—ты долженъ хорошо это помнить къ своему посрамленiю,—«Видѣлъ ли ты раба Моего Iова?» Онъ славенъ былъ на Небѣ и мало извѣстенъ на землѣ, гдѣ слава есть слава ложная, расточаемая вещамъ ничтожнымъ, людямъ ея недостойнымъ. Заблуждается тотъ, кто считаетъ славой покорять народы оружiемъ, опустошать обширныя страны, выигрывать большiя сраженiя на бранномъ полѣ, приступомъ брать города. Что дѣлаютъ эти прославленные мужи?..—разбойничаютъ, грабятъ, жгутъ, рѣжутъ, порабощаютъ мирные народы, ближнiе или отдаленные, дѣлаютъ ихъ узниками, которые, однако, болѣе достойны свободы, чѣмъ эти побѣдители, ничего не оставляющiе позади себя кромѣ опустошенiя, истребляющiе вездѣ, гдѣ пройдутъ, всѣ цвѣтущiе плоды мира. Потомъ они не знаютъ предѣла гордости, требуютъ чтобы ихъ величали богами, великими благодѣтелями, избавителями человѣчества, чтобы въ ихъ честь сооружали храмы, и жрецы приносили бы имъ жертвы. Одинъ величаетъ себя сыномъ Зевса, другой Марса, пока не придетъ ихъ побѣдительница—Смерть,—и едва узнаетъ въ нихъ людей, такъ обезображиваютъ ихъ гнусные пороки, и жестокая, постыдная смерть—вотъ достойная ихъ награда.

«Но если бы слава и была благомъ, ее можно достигнуть иными средствами: не честолюбiемъ, войной, насилiемъ, но мирными подвигами, высокой мудростiю, терпѣнiемъ и чрезвычайнымъ воздержанiемъ. Опять привожу въ примѣръ того, кого твои гоненiя, переносимыя съ небес-

They praise and they admire they know not what,
And know not whom, but as one leads the other:
And what delight to be by such extoll'd,
To live upon their tongues and be their talk,
Of whom to be dispraised were no small praise?
His lot who dares be singularly good.
Th' intelligent among them and the wise
Are few, and glory scarce of few is raised.
This is true glory and renown, when God
Looking on th' earth, with approbation marks
The just man, and divulges him through Heav'n
To all his angels, who with true applause
Recount his praises: thus he did to Job,
When to extend his fame through Heav'n and Earth,
As thou to thy reproach may'st well remember,
He ask'd thee, Hast thou seen my servant Job?
Famous he was in Heav'n, on Earth less known;
Where glory is false glory attributed
To things not glorious, men not worthy of fame.
They err who count it glorious to subdue
By conquest far and wide, to over-run
Large countries, and in fields great battles win,
Great cities by assault: what do these worthies,
But rob and spoil, burn, slaughter, and inslave
Peaceable nations, neighb'ring, or remote,
Made captive, yet deserving freedom more
Than those their conquerors, who leave behind
Nothing but ruin wheresoe'er they rove,
And all the flourishing works of peace destroy;
Then swell with pride, and must be titled Gods,
Great benefactors of mankind, deliverers,
Worshipp'd with temple, priest, and sacrifice?
One is the son of Jove, of Mars the other:
Till conqu'ror Death discover them scarce men,
Rolling in brutish vices, and deform'd,
Violent or shameful death their due reward.
But if there be in glory aught of good,
It may by means far different be attain'd
Without ambition, war, or violence;
By deeds of peace, by wisdom eminent,
By patience, temperance: I mention still
Him, whom thy wrongs with saintly patience borne

нымъ терпѣніемъ, прославили по всей землѣ. Кто безъ благоговѣнія вспоминаетъ о терпѣніи Іова? Сократъ (поистинѣ второй послѣ Іова), пострадавшій за свое ученіе, лишившійся жизни за истину, не равняется ли теперь въ славѣ съ горделивѣйшими завоевателями? Но горе ему, если побужденіемъ его великихъ дѣяній и страданій было желаніе прославиться въ мірѣ! Если молодой Сципіонъ избавилъ свою раззоренную страну отъ ярости Карѳагена лишь изъ жажды славы, подвигъ, или, по крайней мѣрѣ, человѣкъ лишается похвалъ, и награда его, хотя бы она заключалась въ однихъ словахъ, для него пропадаетъ. Буду ли Я искать славы, какую ищутъ честолюбцы, часто незаслуженно? Я ищу ее не для Себя, а для пославшаго Меня, и тѣмъ свидѣтельствую, откуда Я пришелъ.»

Искуситель отвѣчалъ на это съ скрытымъ гнѣвомъ: «Не думай такъ дурно о славѣ; Ты въ этомъ далекъ отъ Твоего Великаго Отца: Онъ ищетъ славы; для Своей славы Онъ создалъ міръ и правитъ и повелѣваетъ всѣмъ; не будучи доволенъ прославленіемъ всѣхъ Своихъ Ангеловъ на Небѣ, Онъ требуетъ Себѣ хвалы отъ людей, отъ всѣхъ людей, дурныхъ и хорошихъ, разумныхъ и неразумныхъ, безъ различія, безъ исключенія. Онъ предпочитаетъ хвалы всѣмъ жертвоприношеніямъ, всѣмъ священнымъ дарамъ; Онъ требуетъ Себѣ хвалы отъ всѣхъ народовъ, отъ Евреевъ и Грековъ, отъ варваровъ, не исключая никого: Онъ требуетъ, чтобы мы, отъявленные Его враги, славили Его.»

На это Спаситель возражаетъ съ жаромъ: «И требуетъ справедливо; развѣ не Его словомъ создано все, хотя не слава была первоначальною Его цѣлію: Онъ хотѣлъ явить Свою благость, щедро сообщить частицу Своей благодати всему живущему. Чего же могъ Онъ требовать, какъ не хвалы и благословеній, свидѣтельствъ благодарности, малѣйшаго, легчайшаго, естественнѣйшаго воздаянія отъ тѣхъ, которые не могли возблагодарить Его ничѣмъ инымъ. Значитъ, за всѣ Его блага они воздали бы пренебреженіемъ, поруганіемъ, оскорбленіемъ? Тяжелая награда, дурная отплата за такое множество даровъ, такое множество благодѣяній! И зачѣмъ искать славы человѣку, у котораго ничего нѣтъ своего, который ничего недостоинъ, кромѣ хулы, стыда, поношенія, который за

Made famous in a land and times obscure;
Who names not now with honour patient Job?
Poor Socrates (who next more memorable?)
By what he taught and suffer'd for so doing,
For truth's sake suffering death unjust, lives now
Equal in fame to proudest conquerors.
Yet if for fame and glory aught be done,
Aught suffer'd; if young African for fame
His wasted country freed from Punic rage,
The deed becomes unpraised, the man at least,
And loses, though but verbal, his reward.
Shall I seek glory then, as vain men seek,
Oft not deserved? I seek not mine, but His
Who sent me, and thereby witness whence I am.
To whom the Tempter murmuring thus reply'd:
Think not so slight of glory; therein least
Resembling thy great Father; he seeks glory,
And for his glory all things made, all things
Orders and governs; nor content in Heav'n
By all his angels glorify'd, requires
Glory from men, from all men, good or bad,
Wise or unwise, no difference, no exemption;
Above all sacrifice, or hallow'n gift,
Glory he requires, and glory he receives
Promiscuous from all nations, Jew or Greek,
Or barbarous, nor exemption hath declared:
From us his foes pronounced glory he exacts.
To whom our Saviour fervently reply'd:
And reason: since his word all things produced,
Though chiefly not for glory as prime end,
But to show forth his goodness, and impart
His good communicable to every soul
Freely; of whom what could he less expect
Than glory and benediction, that is thanks,
The slightest, easiest, readiest recompense
From them who could return him nothing else,
And not returning that would likeliest render
Contempt instead, dishonour, obloquy?
Hard recompense, unsuitable return
For so much good, so much beneficence.
But why should man seek glory, who of his own
Hath nothing, and to whom nothing belongs
But condemnation, ignominy, and shame?
Who for so many benefits received

всѣ дарованныя блага отступилъ отъ Бога, неблагодарный и вѣроломный, и лишилъ себя этимъ всѣхъ истинныхъ благъ, а между тѣмъ осмѣлился еще святотатственно присвоить себѣ то, что по праву принадлежитъ Одному Богу. Но Господь такъ благъ, такъ многомилостивъ, что Самъ прославляетъ тѣхъ, кто воздаетъ хвалы Ему, не помышляя о своей собственной славѣ.»

Такъ говорилъ Сынъ Божій; опять Сатана не зналъ что отвѣтить; онъ былъ подавленъ сознаніемъ своей собственной вины и паденія; его самого погубила ненасытная жажда славы. Однако онъ скоро измыслилъ новое ухищреніе:

«О славѣ», сказалъ онъ, «думай какъ хочешь; стоитъ ее искать или нѣтъ, оставимъ это: но Ты рожденъ для царства, и писано, что Ты возсядешь на престолъ отца Твоего, Давида, отца со стороны матери; но теперь Твое право въ рукахъ могучаго властелина, который не откажется легко отъ того, что пріобрѣтено оружіемъ: теперь Іудея и вся Обѣтованная Земля подъ игомъ Римлянъ обращена въ область и повинуется Тиверію. Это владычество не всегда умѣренно и кротко: часто побѣдители оскверняли храмъ Господень, попирали законъ, издѣвались надъ святыней и творили мерзости, какъ нечестивый Антіохъ [218]. Неужели Ты думаешь возвратить Свои права, оставаясь въ неизвѣстности и уединеніи? Не такъ поступалъ Маккавей: правда, онъ удалился въ пустыню, но съ вооруженною силой; онъ такъ часто побѣждалъ могущественнаго царя, что сильной своей рукой пріобрѣлъ своимъ сынамъ, хотя они были священническаго рода, похищенный вѣнецъ и престолъ Давида, не довольствуясь, какъ нѣкогда, Мединомъ [219] и его окрестностями. Если Тебя не прельщаетъ царскій вѣнецъ, то пусть подвигнутъ Тебя рвеніе и долгъ; а рвеніе и долгъ не медлятъ, но зорко ловятъ случай или, скорѣе, сами создаютъ его. Рвеніемъ къ дому Твоего Отца, исполненіемъ долга, когда Ты освободишь Твою страну изъ подъ языческаго ига, вотъ чѣмъ Ты всего лучше совершишь, всего лучше оправдаешь предсказанія древнихъ пророковъ, пѣвшихъ о Твоемъ безконечномъ царствѣ; чѣмъ скорѣе оно начнется, тѣмъ будетъ счастливѣе. Царствуй же; что можешь Ты пока сдѣлать лучшаго?» Спаситель такъ отвѣчаетъ на это:

Turn'd recreant to God, ingrate, and false,
And so of all true good himself despoil'd;
Yet, sacrilegious, to himself would take
That which to God alone of right belongs;
Yet so much bounty is in God, such grace,
That who advance his glory, not their own,
Them he himself to glory will advance.
  So spake the Son of God; and here again
Satan had not to answer, but stood struck
With guilt of his own sin, for he himself
Insatiable of glory had lost all;
Yet of another plea bethought him soon:
  Of glory, as thou wilt, said he, so deem,
Worth or not worth the seeking, let it pass:
But to a kingdom thou art born, ordain'd
To sit upon thy father David's throne;
By mother's side thy father; though thy right
Be now in powerful hands, that will not part
Easily from possession won with arms:
Judaea now and all the Promised Land,
Reduced a province under Roman yoke,
Obeys Tiberius; nor is always ruled
With temperate sway; oft have they violated
The temple, oft the law, with foul affronts,
Abominations rather, as did once
Antiochus: and think'st thou to regain
Thy right by sitting still or thus retiring?
So did not Maccabeus: he indeed
Retired unto the desert, but with arms;
And o'er a mighty king so oft prevail'd,
That by strong hand his family obtain'd,
Tho' priests, the crown, and David's throne usurp'd
With Modin and her suburbs once content.
If kingdom move thee not, let move thee zeal
And duty; zeal and duty are not slow;
But on occasion's forelock watchful wait;
They themselves rather are occasion best,
Zeal of thy father's house, duty to free
Thy country from her Heathen servitude;
So shall thou best fulfil, best verify
The prophets old, who sung thy endless reign;
The happier reign the sooner it begins;
Reign then; what canst thou better do the while?
  To whom our Saviour answer thus return'd:

«Все совершается въ свое время, и истинно сказано, для всего назначено свое время: если въ пророческихъ книгахъ написано, что царству Моему не будетъ конца, то Всевышній Отецъ, въ Своихъ предначертаніяхъ, назначилъ время, когда оно должно начаться; въ Его рукахъ всѣ времена и годы. Быть можетъ, Онъ предназначилъ, чтобы Я былъ сперва испытанъ въ смиренномъ состояніи, претерпѣлъ гоненія, обиды, презрѣніе, посмѣяніе, искушенія, насилія; страдая, въ воздержаніи ждалъ исполненія, спокойно, съ непоколебимой вѣрою, дабы Онъ видѣлъ, что Я могу перенести, какъ умѣю повиноваться. Тотъ кто умѣетъ страдать, будетъ умѣть дѣйствовать; тотъ лучшій повелитель, кто прежде самъ научился повиноваться; справедливое испытаніе, прежде чѣмъ Я заслужу Мое возвышеніе безъ перемѣны, безъ конца. Но какое тебѣ дѣло до того, когда начнется Мое безконечное царство, почему заботитъ тебя это, къ чему ведутъ твои пытливые допросы? Развѣ не вѣдомо тебѣ, что Мое возвышеніе будетъ твоимъ паденіемъ, Мое возвеличеніе — твоею гибелью?»

Искуситель, вострепетавъ внутренно, отвѣчаетъ: «Пусть будетъ, что будетъ; для меня нѣтъ надежды на милосердіе; развѣ мнѣ можетъ быть хуже? Гдѣ не остается надежды, тамъ нѣтъ мѣста и страху: если же есть для меня худшая доля, то ожиданіе этого большаго злополучія терзаетъ меня болѣе, чѣмъ самая дѣйствительность. Я хотѣлъ бы самаго худшаго: худшее — это мое прибѣжище, моя пристань, мой послѣдній покой, моя желанная цѣль, мое послѣднее благо. Мое заблужденіе было моимъ заблужденіемъ, мое преступленіе — моимъ преступленіемъ: они осуждены сами въ себѣ, кара моя не измѣнится, будешь Ты царствовать или нѣтъ. Но я прибѣгнулъ бы къ подножію Твоего трона, питая надежду, что Твое царство, какъ обѣщаютъ Твой кроткій ликъ и ясный взоръ, не усугубитъ моихъ золъ: Ты встанешь между мною и гнѣвомъ Твоего Отца (гнѣвомъ, котораго я страшусь болѣе, чѣмъ всѣхъ огней Ада), и будешь моею оградою, подобно стѣнѣ или лѣтнему облаку, дающимъ отъ себя тѣнь въ часы зноя. Если я такъ стремлюсь къ худшему, что меня можетъ постигнуть, отчего Ты такъ замедляешь Свои стопы къ тому, что должно со-

All things are best fulfill'd in their due time,
And time there is for all things, truth hath said:
If of my reign prophetic writ hath told
That it shall never end, so when begin
The Father in his purpose hath decreed,
He in whose hand all times and seasons roll,
What if he hath decreed that I shall first
Be tried in humble state, and things adverse,
By tribulations, injuries, insults,
Contempts, and scorns, and snares, and violence,
Suffering, abstaining, quietly expecting,
Without distrust or doubt, that he may know
What I can suffer, how obey? who best
Can suffer, best can do; best reign, who first
Well hath obey'd; just trial, ere I merit
My exaltation without change or end.
But what concerns it thee when I begin
My everlasting kingdom, why art thou
Solicitous, what moves thy inquisition?
Know'st thou not that my rising is thy fall,
And my promotion will be thy destruction?
To whom the Tempter inly rack'd reply'd:

Let that come when it comes; all hope is lost
Of my reception into grace; what worse?
For where no hope is left, is left no fear:
If there be worse, the expectation more
Of worse torments me than the feeling can.
I would be at the worst; worst is my port,
My harbour, and my ultimate repose,
The end I would attain, my final good.
My error was my error, and my crime
My crime; whatever for itself condemn'd
And will alike be punish'd, whether thou
Reign or reign not; though to that gentle brow
Willingly I could fly; and hope thy reign,
From that placid aspect and meek regard,
Rather than aggravate my evil state,
Would stand between me and thy Father's ire
(Whose ire I dread more than the fire of Hell)
A shelter, and a kind of shading cool
Interposition, as a summer's cloud.
If I then to the worst that can be haste,
Why move thy feet so slow to what is best,

ставить Твое благополучіе и осчастливить вселенную, надъ которой Ты болѣе всѣхъ достоинъ быть царемъ?

«Быть можетъ, Ты медлишь, удержанный глубокимъ размышленіемъ о столь отважномъ, великомъ предпріятіи! Не удивительно; хотя Ты соединяешь въ Себѣ всѣ совершенства, доступныя человѣку, все что можетъ обнять его духъ, но возьми во вниманіе, что доселѣ жизнь Твоя была замкнута, Ты почти не покидалъ дома, едва видѣлъ города Галилеи, и лишь однажды въ годъ являлся въ Іерусалимъ, и то на немногіе дни; велики ли Твои наблюденія? Ты не видѣлъ свѣта, не имѣешь понятія о его славѣ, о царствахъ, о монархахъ, о блескѣ ихъ дворовъ,— это лучшая школа опыта, гдѣ скоро научаются всему, что вдохновляетъ на величайшія дѣла. Мудрѣйшій человѣкъ, безъ опыта, всегда будетъ робокъ, неискусенъ; скромность новаго избранника (подобнаго тому, что, отыскивая ословъ, нашелъ царство [220]) будетъ дѣлать его нерѣшительнымъ, лишитъ смѣлости и отваги. Но я сведу Тебя туда, гдѣ Ты скоро пройдешь всю эту науку, и увидишь передъ Своими глазами царства міра съ ихъ великолѣпіемъ и блескомъ. Будучи Самъ искусенъ въ наукѣ царствовать и во всѣхъ тайнахъ правленія, изъ этого зрѣлища Ты познаешь, какъ лучше всего бороться съ препятствіями.»

Съ этими словами (такая дана была ему власть) онъ вознесъ Сына Божія на высокую гору [221]. То была гора, вокругъ зеленой подошвы которой далеко разстилалась, веселя взоръ, обширная долина. По краямъ ея протекали двѣ рѣки, одна извилинами, другая прямо, оставляя между собою прелестную долину съ сѣтью малыхъ потоковъ и, соединяясь потомъ, несли свою общую дань морю. Земля была богата хлѣбомъ, виномъ и елеемъ; на пастбищахъ паслись стада рогатаго скота, холмы были усѣяны овцами. Взорамъ представлялись великолѣпные города съ высочайшими башнями; то были по виду столицы могучихъ монарховъ. Такъ обширенъ былъ видъ, что мѣстами виднѣлись пространства дикой пустыни, сухой, безводной. На вершину этой горы Духъ злобы вознесъ Спасителя, и снова повелъ коварныя рѣчи:

«Съ какой быстротою принеслись мы сюда! ни горы, ни долы, ни лѣса,

Happiest both to thyself and all the world,
That thou who worthiest art should'st be their king?
Perhaps thou linger'st in deep thoughts detain'd
Of th' enterprise so hazardous and high!
No wonder, for though in thee be united
What of perfection can in man be found,
Or human nature can receive, consider
Thy life hath yet been private, most part spent
At home, scarce view'd the Galilean towns,
And once a year Jerusalem, few days'
Short sojourn; and what thence couldst thou observe?
The world thou hast not seen, much less her glory,
Empires, and monarchs, and their radiant courts,
Best school of best experience, quickest insight
In all things that to greatest actions lead.
The wisest, unexperienced, will be ever
Timorous and loath, with novice modesty
(As he who seeking asses found a kingdom)
Irresolute, unhardy, unadventurous:
But I will bring thee where thou soon shalt quit
Those rudiments, and see before thine eyes
The monarchies of th' earth, their pomp and state;
Sufficient introduction to inform
Thee, of thy self so apt, in regal arts,
And regal mysteries, that thou may'st know
How best their opposition to withstand.
With that (such power was given him then) he took
The Son of God up to a mountain high.
It was a mountain at whose verdant feet
A spacious plain, out-stretch'd in circuit wide,
Lay pleasant; from his side two rivers flow'd,
Th' one winding, th' other straight, and left between
Fair champain with less rivers intervein'd,
Then meeting, join'd their tribute to the sea:
Fertile of corn the glebe, of oil and wine;
With herds the pastures throng'd, with flocks the hills;
Huge cities and high-tower'd, that well might seem
The seats of mightiest monarchs, and so large
The prospect was, that here and there was room
For barren desert, fountainless and dry.
To this high mountain top the Tempter brought
Our Saviour, and new train of words began:
Well have we speeded, and o'er hill and dale,

ни поля, ни воды, ни храмы, ни башни не были намъ преградою. Смотри, вотъ Ассирія и древнія границы этой державы, Араксъ [222] и Каспійское море, на востокъ Индъ, на западъ Евфратъ, на югъ Персидскій заливъ и неприступная Аравійская пустыня; вотъ Ниневія [223], внутри стѣны на нѣсколько дней пути длиною, созданіе древняго Нина, столица этой первой золотой монархіи, столица Салманасара [224], успѣхъ котораго и понынѣ оплакиваетъ плѣнный Израиль; вотъ Вавилонъ, удивленіе всѣхъ народовъ, столь же древній, но перестроенный тѣмъ, который дважды порабощалъ Іудею, такъ же какъ и домъ отца Твоего, Давида, и разорилъ Іерусалимъ, пока Киръ не освободилъ Іудею [225]. Вотъ здѣсь Ты видишь Персеполь [226], его столицу, а тутъ Бактру [227]; тамъ видны роскошныя зданія Экбатаны и стовратый Гекатомпилъ; здѣсь лежитъ Суза [228] на Хоаспѣ, янтарной рѣкѣ, изъ которой пили только цари. Вотъ ставшая извѣстной позднѣе, построенная Иммаѳіанами или Парѳянами, великая Селевкія и Низибисъ; обрати взоръ сюда, и Ты ясно увидишь Артаксату, Тередонъ, Ктесифонъ [229]; всѣ эти города находятся нынѣ во власти Парѳянъ, которые, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, подъ предводительствомъ великаго Арзасеса, перваго основателя этой имперіи, завоевали ихъ у преданныхъ роскоши царей Антіохіи. И какъ разъ во-время Ты пришелъ, чтобы видѣть его великое могущество: вотъ, смотри, Парѳянскій царь собралъ въ Ктесифонѣ всѣ свои силы противъ Скиѳовъ, дикими набѣгами опустошившихъ Согдіану [230]; вотъ онъ спѣшитъ ей на помощь; взгляни, хотя и далеко то отсюда, взгляни на его рати; въ какихъ воинственныхъ доспѣхахъ выступаютъ онѣ въ походъ; сталью окованы ихъ луки и стрѣлы, одинаково страшные врагамъ, бѣгутъ они или преслѣдуютъ сами. Всѣ на коняхъ, ибо превосходны въ конныхъ сраженіяхъ. Посмотри, какъ прекрасенъ ихъ строй, то ромбомъ, то треугольникомъ, то полумѣсяцемъ, то крыломъ.»

Христосъ взглянулъ и увидѣлъ, что изъ городскихъ воротъ высыпали несмѣтныя рати, въ легкомъ вооруженіи, въ кольчугахъ. Онѣ дышали воинственной гордостію; ихъ кони также были покрыты бронями; быстроногіе и сильные, они гордо несли своихъ всадниковъ, цвѣтъ и отборъ

Forest and field and flood, temples and towers,
Cut shorter many a league; here thou behold'st
Assyria and her empire's ancient bounds,
Araxes and the Caspian lake, thence on
As far as Indus east, Euphrates west,
And oft beyond; to south the Persian bay,
And inaccessible th' Arabian drought:
Here Nineveh, of length within her wall
Several days' journey, built by Ninus old,
Of that first golden monarchy the seat,
And seat of Salmanassar, whose success
Israel in long captivity still mourns;
There Babylon, the wonder of all tongues,
As ancient, but rebuilt by him who twice
Judah and all thy father David's house
Led captive, and Jerusalem laid waste,
Till Cyrus set them free; Persepolis
His city there thou seest, and Bactra there;
Ecbatana her structure vast there shows
And Hecatompylos her hundred gates;
There Susa by Choaspes, amber stream,
The drink of none but kings; of later fame
Built by Emathian, or by Parthian hands,
The great Seleucia, Nisibis, and there
Artaxata, Teredon, Ctesiphon,
Turning with easy eye thou may'st behold.
All these the Parthian, now some ages past,
By great Arsaces led, who founded first
That empire, under his dominion holds,
From the luxurious kings of Antioch won.
And just in time thou com'st to have a view
Of this great power; for now the Parthian king
In Ctesiphon hath gather'd all his host
Against the Scythian, whose incursions wild
Have wasted Sogdiana; to her aid
He marches now in haste; see, though from far,
His thousands, in what martial equipage
They issue forth, steel bows and shafts their arms,
Of equal dread in flight, or in pursuit;
All horsemen, in which fight they most excel;
See how in warlike muster they appear,
In rhombs and wedges, and half-moons, and wings.
He look'd, and saw what numbers numberless
The city gates out-pour'd, light armed troops
In coats of mail and military pride;
In mail their horses clad, yet fleed and strong,
Prancing their riders bore, the flower and choice

многихъ областей отъ одного конца царства до другого: отъ Арахосіи, отъ восточнаго Кандаора и Маргіаны[231] до Гирканскихъ утесовъ Кавказа и мрачныхъ долинъ Иберіи[232]; отъ Антропатіи и близкихъ равнинъ Адіабены, отъ Мидіи и южныхъ предѣловъ Сузіаны до Бальсарской гавани. Онъ увидѣлъ, какъ они выстроились боевымъ строемъ, какъ проворно они двигались, и на лету осыпали градомъ стрѣлъ преслѣдовавшаго ихъ врага, побѣждая его въ самомъ бѣгствѣ. Бранное поле, все покрытое желѣзомъ, отдавало тусклымъ мерцаніемъ. Не было недостатка ни въ пѣшихъ воинахъ,—ихъ были цѣлыя тучи,—ни въ закованныхъ въ сталь латникахъ для битвы на мѣстѣ, по обоимъ флангамъ, ни въ колесницахъ и слонахъ, обремененныхъ башнями, наполненными стрѣлками. Тьмы трудолюбивыхъ піонеровъ, вооруженныхъ лопатами и сѣкирами, сравнивали пригорки, рубили лѣса, заваливали долины, или тамъ, гдѣ были гладкія поля, воздвигали горы, или, словно ярмо, налагали мосты на гордыя рѣки; по нимъ шли волы, дромадеры, верблюды, обозы, нагруженные воинскими принадлежностями. Не столько было собрано войска, не столь обширенъ былъ станъ, когда Агриканъ со всѣми своими сѣверными силами, какъ описываютъ романы, осаждалъ Албракку[233], мѣстопребываніе Галлафрона, чтобы пріобрѣсть его дочь, прекраснѣйшую изъ дѣвъ, Анжелику, которой домогались какъ храбрѣйшіе языческіе витязи, такъ и рыцари Карла Великаго. Такъ многочисленно было богатырское войско. При этомъ зрѣлищѣ Врагъ сталъ смѣлѣе, и снова такъ заговорилъ съ нашимъ Спасителемъ:

«Дабы Ты видѣлъ, что я не ищу вовлечь въ заблужденіе Твою добродѣтель, но, напротивъ, всѣми мѣрами стараюсь на твердыхъ основаніяхъ обезпечить Тебѣ успѣхъ, слушай и вникай: для какой цѣли привелъ я Тебя сюда и показалъ Тебѣ это прекрасное зрѣлище. Хотя царство Твое предсказано устами пророковъ и Ангеловъ, но Ты никогда не получишь его, если не приложишь къ тому старанія, подобно отцу Твоему Давиду; предсказаніе, относительно всѣхъ вещей и всѣхъ людей, предполагаетъ средства; если не изысканы средства къ его исполненію, оно беретъ назадъ свое слово. Но, скажи, если бы даже Ты завладѣлъ Дави-

Of many provinces from bound to bound;
From Arachosia, from Candaor east,
And Margiana to the Hyrcanian cliffs
Of Caucasus, and dark Iberian dales,
From Atropatia and the neighbouring plains
Of Adiabene, Media, and the south
Of Susiana, to Balsara's haven.
He saw them in their forms of battle ranged,
How quick they wheel'd, and flying behind them shot
Sharp sleet of arrowy showers against the face
Of their pursuers, and overcame by flight;
The field all iron cast a gleaming brown:
Nor wanted clouds of foot, nor on each horn
Cuirassiers all in steel for standing fight,
Chariots or elephants indorsed with towers
Of archers, nor of labouring pioneers
A multitude, with spades and axes arm'd
To lay hills plain, fell woods, or valleys fill,
Or where plain was, raise hill, or overlay
With bridges rivers proud, as with a yoke;
Mules after these, camels and dromedaries,
And waggons fraught with utensils of war.
Such forces met not, nor so wide a camp,
When Agrican with all his northern powers
Besieged Albracca, as romances tell,
The city of Gallaphrone, from whence to win
The fairest of her sex Angelica
His daughter, sought by many prowest knights,
Both Paynim, and the peers of Charlemain.
Such and so numerous was their chivalry;
At sight whereof the Fiend yet more presumed,
And to our Saviour thus his words renew'd:
That thou may'st know I seek not to engage
Thy virtue, and not every way secure
On no slight grounds thy safety; hear and mark
To what end I have brought thee hither, and shown
All this fair sight: thy kingdom, though foretold
By prophet or by angel, unless thou
Endeavour, as thy father David did,
Thou never shalt obtain, prediction still
In all things, and all men, supposes means;
Without means used, what it predicts revokes.
But say thou wert possess'd of David's throne

довымъ трономъ съ свободнаго согласія всѣхъ, какъ Самарянъ, такъ и Евреевъ, могъ ли бы Ты надѣяться царствовать спокойно и безопасно, въ тискахъ между двумя такими врагами, какъ Римляне и Пареяне? И такъ, съ однимъ изъ нихъ Ты долженъ вступить въ тѣсный союзъ, и, по моему совѣту, скорѣе всего съ Пареянами, какъ съ ближайшимъ сосѣдомъ, показавшимъ въ послѣднее время, какъ его вторженія могутъ безпокоить Твою страну: они увели въ плѣнъ царей, Антигона и престарѣлаго Гиркана, не взирая на Римлянъ. Я берусь предоставить Пареянъ въ Твое распоряженіе, посредствомъ союза или покоренія, выбирай что Тебѣ угодно. Съ ихъ содѣйствія,—безъ него и не мысли объ этомъ,—Ты пріобрѣтешь то, что дѣйствительно вознесетъ Тебя на царскій престолъ Давидовъ, какъ его истиннаго наслѣдника; Ты будешь избавителемъ Твоихъ братій, тѣхъ Десяти Колѣнъ, потомки которыхъ и донынѣ томятся въ рабствѣ на ихъ землѣ, въ Габорѣ, или разсѣянные между Мидянами. Десять сыновъ Іакова, двое сыновъ Іосифовыхъ, давно потерянные для Израиля, служатъ рабами, какъ въ старину ихъ отцы служили въ землѣ Египетской. Принявъ мое предложеніе, Ты освободишь ихъ. Если Ты избавишь ихъ отъ рабства и возвратишь имъ ихъ наслѣдіе, тогда только, не ранѣе, возсядешь Ты въ полной славѣ на престолѣ Давида и будешь царствовать отъ Египта до Евфрата, и далѣе, и не будутъ Тебѣ страшны ни Римъ, ни Кесарь.»

На это нашъ Спаситель невозмутимо отвѣчалъ: «Много тщеславной пышности земного величія, много бренныхъ орудій, боевыхъ снарядовъ, долго приготовляемыхъ и скоро обращаемыхъ въ ничто, представилъ ты Моимъ очамъ; Мой слухъ ты хотѣлъ плѣнить политикою, глубокими соображеніями насчетъ враговъ, друзей, сраженій и союзовъ, — того, что имѣетъ значеніе для міра, для Меня никакого. Я долженъ употреблять эти средства, говоришь ты, иначе пророчество не исполнится, и Я буду лишенъ престола. Я говорилъ тебѣ, время Мое еще не пришло (и чѣмъ дальше это время, тѣмъ для тебя лучше!); но когда оно придетъ, не думай, что найдешь Меня слабымъ, что Я буду бездѣйствовать. Я не буду имѣть нужды въ твоихъ совѣтахъ, или въ тѣхъ обременительныхъ военныхъ

By free consent of all, none opposite,
Samaritan or Jew; how could'st thou hope
Long to enjoy it quiet and secure,
Between two such inclosing enemies,
Roman and Parthian? therefore one of these
Thou must make sure thy own, the Parthian first
By my advice, as nearer, and of late
Found able by invasion to annoy
Thy country, and captive lead away her kings
Antigonus, and old Hyrcanus bound,
Maugre the Roman: it shall be my task
To render thee the Parthian at dispose:
Choose which thou wilt by conquest or by league.
By him thou shalt regain, without him not,
That which alone can truly reinstall thee
In David's royal seat, his true successor,
Deliverance of thy brethren, those Ten Tribes
Whose offspring in his territory yet serve,
In Habor, and among the Medes dispersed;
Ten sons of Jacob, two of Joseph lost
Thus long from Israel, serving as of old
Their fathers in the land of Egypt served,
This offer sets before thee to deliver.
These if from servitude thou shalt restore
To their inheritance, then, nor till then,
Thou on the throne of David in full glory,
From Egypt to Euphrates, and beyond,
Shalt reign, and Rome or Caesar need not fear.
To whom our Saviour answer'd thus unmowed:
Much ostentation vain of fleshy arm,
And fragile arms, much instrument of war,
Long in preparing, soon to nothing brought,
Before mine eyes thou hast set: and in my ear
Vented much policy, and projects deep
Of enemies, of aids, battles, and leagues,
Plausible to the world, to me worth nought.
Means I must use, thou say'st, prediction else
Will unpredict and fail me of the throne:
My time I told thee (and that time for thee
Were better farthest off) is not yet come:
When that comes, think not thou to find me slack
On my part aught endeavouring, or to need
Thy politic maxims, or that cumbersome

снарядахъ, которые ты Мнѣ показывалъ здѣсь,—доказательство скорѣе человѣческой слабости, чѣмъ силы. Я долженъ освободить тѣ Десять Колѣнъ, моихъ братьевъ, какъ ты зовешь ихъ, если хочу царствовать, какъ истинный наслѣдникъ Давидовъ, и распространить владычество его скипетра на всѣхъ сыновъ Израиля? Но откуда у тебя это рвеніе къ дому Израилеву, или къ Давиду и его престолу? Гдѣ же было оно, когда ты, его искуситель, внушилъ ему тщеславное предпріятіе исчислить народъ Израильскій, что стоило жизни семидесяти тысячамъ Израильтянъ въ теченіе трехъ-дневной язвы? 234) Такова была тогда твоя ревность къ Израилю, такова она и теперь ко Мнѣ! Что до тѣхъ плѣнныхъ колѣнъ, они сами наложили на себя оковы: они отпали отъ Бога и поклонились тельцамъ, Египетскимъ божествамъ, Ваалу и Астароту, и всѣмъ идоламъ окрестныхъ язычниковъ. Другія ихъ преступленія были еще хуже, чѣмъ идолопоклонство. Въ землѣ своего плѣненія они не смирились, не взывали съ раскаяніемъ къ Богу своихъ отцовъ, но умерли нераскаянные, оставивъ по себѣ подобное имъ самимъ потомство, которое поклоняется вмѣстѣ Богу и идоламъ, и едва отличается отъ язычниковъ, развѣ однимъ пустымъ обрѣзаніемъ. Объ ихъ ли свободѣ радѣть Мнѣ, чтобы они, избавясь отъ оковъ, не вѣдая ни раскаянія, ни смиренія, закоснѣлые, жадно устремились къ своему древнему наслѣдію, и можетъ быть къ своимъ богамъ въ Вефилѣ и Данѣ? Нѣтъ, пусть служитъ своимъ врагамъ тотъ, кто служитъ вмѣстѣ и Богу, и идоламъ. Но, наконецъ, Господь, когда, извѣстно Ему Единому, въ воспоминаніе Авраама, чуднымъ глаголомъ обратитъ ихъ къ раскаянію и правдѣ; и когда они съ радостію поспѣшатъ къ своей отчизнѣ, потокъ Ассирійскій разверзнетъ на ихъ пути свои воды, какъ нѣкогда Чермное море и Іорданъ разступились передъ ихъ отцами, когда тѣ шли въ Обѣтованную Землю.»

Такъ говорилъ истинный Царь Израилевъ, и далъ Врагу отвѣтъ, уничтожившій всѣ его козни. Такова участь лести, когда она борется съ истиной.

Luggage of war there shown me, argument
Of human weakness rather than of strength.
My breathren, as thou call'st them, those Ten Tribes
I must deliver, if I mean to reign
David's true heir, and his full sceptre sway
To just extent over all Israel's sons.
But whence to thee this zeal, where was it then
For Israel, or for David, or his throne,
When thou stood'st up his tempter to the pride
Of numbering Israël, which cost the lives
Of threescore and ten thousand Israelites
By three days' pestilence? such was thy zeal
To Israel then, the same that now to me!
As for those captive tribes, themselves were they
Who wrought their own captivity, fell off
From God to worship calves, the deities
Of Egypt, Baal next and Ashtaroth,
And all th' idolatries of Heathens round,
Besides their other worse than heathenish crimes;
Nor in the land of their captivity
Humbled themselves, or penitent besought
The God of their forefathers; but so died
Impenitent, and left a race behind
Like to themselves, distinguishable scarce
From Gentiles, but by circumcision vain,
And God with idols in their worship join'd.
Should I of these the liberty regard,
Who, freed, as to their ancient patrimony,
Unhumbled, unrepentant, unreform'd,
Headlong would follow; and to their gods perhaps
Of Bethel and of Dan? no, let them serve
Their enemies, who serve idols with God.
Yet he at length, time to himself best known,
Remembering Abraham, by some wondrous call
May bring them back repentant and sincere,
And at their passing cleave th' Assyrian flood,
While to their native land with joy they haste;
As the Red Sea and Jordan once he cleft,
When to the Promised Land their fathers pass'd;
To his due time and providence I leave them
So spake Israel's true King, and to the Fiend
Made answer meet, that made void all his wiles.
So fares it when with Truth Falsehood contends.

ПѢСНЬ 4-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сатана, продолжая искушать нашего Господа, показываетъ Ему Императорскій Римъ во всей его пышности и великолѣпія, въ томъ предположеніи, что Онъ вѣроятно предпочтетъ эту державу царству Пароянскому; говоритъ, что Ему легко изгнать Тиверія, возвратить Римлянамъ свободу и Самому сдѣлаться владыкой не только Рима, но, черезъ это, и всего міра съ престоломъ Давида включительно. Господь нашъ, въ отвѣтъ, выражаетъ Свое презрѣніе къ величію и мірской власти, указываетъ на роскошь, тщеславіе и развратъ Римлянъ; говоритъ, что они не заслуживали свободы, которую потеряли черезъ свою испорченность, и коротко упоминаетъ о величіи Своего будущаго царства. Сатана, въ отчаяніи, чтобы возвысить цѣну предлагаемыхъ имъ даровъ, объявляетъ, что можетъ даровать ихъ на единственномъ условіи — чтобы Спаситель палъ ницъ передъ нимъ и поклонился ему. Іисусъ съ негодованіемъ отвергаетъ это предложеніе, укоряя искусителя именемъ «Сатаны, навѣки проклятаго». Сатана, посрамленный, пробуетъ оправдаться, затѣмъ онъ предпринимаетъ новое искушеніе: предлагаетъ Іисусу умственныя наслажденія мудрости и знанія, показываетъ Ему знаменитый городъ древней учености, Аѳины, ея школы и разныя другія мѣста собраній ученыхъ и ихъ учениковъ; онъ сопровождаетъ это зрѣлище напыщенной похвалой греческимъ артистамъ, поэтамъ, ораторамъ, философамъ различныхъ ученій. Іисусъ отвѣчаетъ, указывая на тщетность и несостоятельность его хваленой языческой философіи, говоря, что предпочитаетъ музыкѣ, поэзіи, краснорѣчію и философіи Грековъ творенія вдохновенныхъ Еврейскихъ писателей. Сатана, раздраженный неудачею всѣхъ своихъ попытокъ, укоряетъ Іисуса въ безразсудствѣ, за то, что Онъ отвергаетъ его дары, и, въ посмѣяніе надъ ожидаемымъ царствомъ, предсказавъ Ему будущія Его страданія, отводитъ Его назадъ въ пустыню и оставляетъ тамъ. Наступаетъ ночь: Сатана поднимаетъ страшную бурю, потомъ пытается устрашить Іисуса ужасными сновидѣніями, чудовищными, угрожающими призраками; все это, однако, не производитъ никакого дѣйствія на Іисуса. Спокойное, ясное, великолѣпное утро смѣняетъ ужасы ночи. Сатана опять является къ нашему Господу, напоминаетъ о ночной бурѣ, говоритъ, что она назначалась собственно для Него, и пользуется случаемъ еще разъ оскорбить Его предсказаніемъ страданій, какія Ему непремѣнно предстоитъ перенести. Спаситель кротко возражаетъ на это. Сатана, придя теперь въ полное отчаяніе, признается, что часто наблюдалъ за Іисусомъ отъ самого Его рожденія, съ намѣреніемъ открыть Мессія ли Онъ; и, послѣ событія на Іорданѣ, увѣрившись, что, по всей вѣроятности, Онъ есть Мессія, сталъ еще тщательнѣе слѣдить за Нимъ, въ надеждѣ чѣмъ-нибудь прельстить Его, что послужило бы достовѣрнымъ доказательствомъ, что Онъ не есть тотъ Божественный Искупитель, Которому назначено быть его «роковымъ врагомъ». Однако, онъ сознается, что до сихъ поръ терпѣлъ полную неудачу: но онъ рѣшается сдѣлать еще одну попытку. Онъ переноситъ Спасителя въ Іерусалимскій храмъ, ставитъ Его на кончикъ шпиля и требуетъ, чтобы Онъ доказалъ Свое Божество, стоя здѣсь или невредимо бросясь внизъ. Іисусъ порицаетъ искусителя, и въ то же время доказываетъ Свое Божество, стоя на этой опасной точкѣ. Сатана, въ смятеніи и ужасѣ, падаетъ внизъ, и возвращается къ своимъ адскимъ собратамъ, чтобы передать имъ о неудачѣ своего предпріятія. Между тѣмъ, Ангелы препровождаютъ Сына Божія въ великолѣпную долину, приготовляютъ Ему трапезу изъ небесной пищи и празднуютъ Его побѣду въ торжественномъ гимнѣ.

Въ смущеніи отъ своей неудачи, пораженный, стоялъ Искуситель, и не зналъ что отвѣтить. Коварство его открыто, надежда столько разъ обманывала его, и краснорѣчіе, такъ ухищрявшее его языкъ и обольстив-

BOOK 4. THE ARGUMENT.

Satan, persisting in the temptation of our Lord, shows him imperial Rome in its greatest pomp and splendour, as a power which he probably would prefer before that of the Parthians; and tells him that he might with the greatest ease expel Tiberius, restore the Romans to their liberty, and make himself master not only of the Roman empire, but by so doing, of the whole world, and inclusively of the throne of David. Our Lord, in reply, expresses his contempt of grandeur and worldly power, notices the luxury, vanity, and profligacy of the Romans declaring how little they merited to be restored to that liberty which they had lost by their misconduct, and briefly refers to the greatness of his own future kingdom. Satan, now desperate, to enhance the value of his proffered gifts, professes that the only terms on which he will bestow them, are our Saviour's falling down and worshipping him. Our Lord expresses a firm but temperate indignation at such a proposition, and rebukes the tempter by the title of 'Satan for ever damn'd.' Satan, abashed, attempts to justify himself: he then assumes a new ground of temptation, and proposing to Jesus the intellectual gratifications of wisdom and knowledge, points out to him the celebrated seat of ancient learning, Athens, its schools, and other various resorts of learned teachers and their disciples; accompanying the view with a highlyfinished panegyric on the Grecian musicians, poets, orators, and philosophers of the different sects. Jesus replies, by showing the vanity and insufficiency of the boasted heathen philosophy: and prefers to the music, poetry, eloquence, and didactic policy of the Greeks, those of the inspired Hebrew writers. Satan, irritated at the failure of all his attempts, upbraids the indiscretion of our Saviour in rejecting his offers: and having, in ridicule of his expected kingdom, foretold the sufferings that our Lord was to undergo, carries him back into the wilderness, and leaves him there. Night comes on: Satan raises a tremendous storm, and attempts farther to alarm Jesus with frightful dreams, and terrific threatening spectres; which however have no effect upon him. A calm, bright beautiful morning succeeds to the horrors of the night. Satan again presents himself to our blessed Lord, and, from noticing the storm of the preceding night as pointed chiefly at him, takes occasion once more to insult him with an account of the sufferings which he was certainly to undergo. This only draws from our Lord a brief rebuke. Satan, now at the height of his desperation, confesses that he had frequently watched Jesus from his birth, purposely to discover if he was the Messiah; and, collecting from what passed at the river Jordan that he most probably was so, he had from that time more assiduously followed him, in hopes of gaining some advantage over him, which would most effectually prove that he was not really that Divine Person destined to be his 'fatal enemy.' In this he aknowledges that he has hitherto completely failed: but still determines to make one more trial of him. Accordingly he conveys him to the temple at Jerusalem, and, placing him on a pointed eminence, requires him to prove his divinity either by standing there, or casting himself down with safety. Our Lord reproves the Tempter, and at the same time manifests his own divinity by standing on this dangerous point. Satan, amazed and terrified, instantly falls and repairs to his infernal compeers to relate the bad success of his enterprise. Angels in the mean time convey our blessed Lord to a beautiful valley, and, while they minister to him a repast of celestial food, celebrate his victory in a triumphant hymn.

Perplex'd and troubled at his bad success
The Tempter stood, nor had what to reply,
Discover'd in his fraud, thrown from his hope
So oft, and the persuasive rhetoric
That sleek'd his tongue, and won so much on Eve,

шее Еву, теперь оказалось такъ слабо, даже совсѣмъ безсильно. Но то была Ева, здѣсь же онъ былъ побѣжденъ, онъ, въ самообольщеніи и поспѣшности не взвѣсившій предварительно ту силу, съ которой хотѣлъ бороться и свою собственную. Такъ человѣкъ, считавшій себя непобѣдимымъ въ хитрости, и обманувшійся тамъ, гдѣ всего менѣе ожидалъ этого, чтобы сохранить довѣріе къ себѣ, на зло, продолжаетъ искушать того, кто постоянно попираетъ его, и не прекращаетъ своихъ преслѣдованій, хотя они служатъ лишь къ вящшему его посрамленію; такъ еще, рой мухъ во время виноградной уборки кружится вокругъ давила, откуда вытекаетъ сладкій сокъ; его отгоняютъ, но онъ съ жужжаніемъ возвращается снова; или, такъ, ярящіяся волны ударяютъ о твердую скалу, и хотя разбиваются объ нее, но безпрестанно возобновляютъ свой натискъ,— тщетное усиліе, производящее одну пѣну! Такъ Сатана, потерпѣвъ пораженіе за пораженіемъ, постыдно приведенный къ молчанію, не отступалъ, и хотя отчаивался въ успѣхѣ, продолжалъ свои тщетныя преслѣдованія. Онъ перенесъ нашего Спасителя на западную сторону той высокой горы, откуда Онъ могъ видѣть другую равнину, длинную, но въ ширину не пространную; ее орошало Южное море, а на сѣверѣ, во всю ширину, цѣпь горъ защищала плоды земные и людскія жилища отъ дуновеній холоднаго Септентріона; середина долины пересѣкалась отсюда рѣкою, по обоимъ берегамъ которой стояла Императорская столица съ башнями и храмами, гордо возвышавшимися на семи небольшихъ холмахъ; ее украшали дворцы, портики, театры, бани, водопроводы, статуи и трофеи и тріумфальныя арки, а тамъ, надъ холмами, представлялись взору разбросанные сады и рощи — чуднымъ ли оптическимъ искусствомъ приближались эти предметы сквозь воздухъ, или черезъ стекло телескопа, достойно любопытства:—и вотъ Искуситель такъ прерываетъ молчаніе:

«Городъ, который Ты видишь, есть великій и славный Римъ, владыка міра, прославленный во всѣхъ концахъ вселенной, обогащенный добычами народовъ; тамъ Ты видишь стройный Капитолій, на Тарпейской скалѣ, выше всѣхъ подымающій свою голову: это его неприступная крѣпость; а тамъ, на горѣ Палатинской, Императорскій дворецъ, высокое зданіе

So little here, nay lost; but Eve was Eve,
This far his over-match, who, self-deceived
And rash, before-hand had no better weigh'd
The strength he was to cope with, or his own:
But as a man who had been matchless held
In cunning, over-reach'd where least he thought,
To salve his credit, and for every spite,
Still will be tempting him who foils him still,
And never cease, though to his shame the more;
Or as a swarm of flies in vintage time,
About the wine-press where sweet must is pour'd,
Beat off, returns as oft with humming sound;
Or surging waves against a solid rock,
Though all to shivers dash'd, th' assault renew,
Vain battery, and in froth or bubbles end;
So Satan, whom repulse upon repulse
Met ever, and to shameful silence brought,
Yet gives not o'er though desp'rate of success.
And his vain importunity pursues.
He brought our Saviour to the western side
Of that high mountain, whence he might behold
Another plain, long, but in breadth not wide,
Wash'd by the southern sea, and on the north
To equal length back'd with a ridge of hills.
That screen'd the fruits of th' earth and seats of men
From cold Septentrion blasts, thence in the midst
Divided by a river, of whose banks
On each side an imperial city stood,
With towers and temples proudly elevate
On seven small hills, with palaces adorn'd
Porches and theatres, baths, aqueducts,
Statues and trophies, and triumphal arcs,
Gardens and groves presented to his eyes,
Above the highth of mountains interposed:
By what strange parallax or optic skill
Of vision multiply'd through air, or glass
Of telescope, were curious to inquire:
And now the Tempter thus his silence broke:
The city which thou seest no other deem
Than great and glorious Rome, queen of the earth
So far renown'd, and with the spoils enrich'd
Of nations; there the Capitol thou seest
Above the rest lifting his stately head
On the Tarpeian rock, her citadel
Impregnable; and there Mount Palatine

обширныхъ размѣровъ, творенiе благороднѣйшихъ зодчихъ; далеко видны его позолоченные верхи, башенки, террасы, блестящiе шпили. Съ нимъ соединено много прекрасныхъ зданiй, болѣе похожихъ на жилища боговъ. Ты можешь его разсмотрѣть и внутри и снаружи, такъ хорошо навелъ я воздушный мой телескопъ; смотри на эти колонны и кровли, на рѣзьбу изъ кедра, мрамора, слоновой кости, золота, творенiя рукъ знаменитыхъ искусниковъ. Отсюда обрати Твой взоръ къ воротамъ; видишь, какой приливъ и отливъ народа: преторы, проконсулы спѣшатъ въ свои провинцiи или возвращаются оттуда въ государственныхъ одеждахъ; ликторы съ жезлами, знакомъ ихъ власти, легiоны, когорты, все толпится въ общей свалкѣ. По Аппiевой дорогѣ и по Эмилiевой ѣдутъ изъ далекихъ странъ посланники въ различныхъ одѣянiяхъ; иные приходятъ съ далекаго юга: изъ Сiены [235], съ Мерои [236], Нильскаго острова, и, далѣе съ запада, изъ царства Бохуса, на берегахъ Мавританскаго моря; отъ Азiатскихъ царей, и между ними отъ Пароянъ; изъ Индiи и золотого Херсонеса; съ самаго дальняго Индѣйскаго острова, Тапробаны [237], видишь тѣ черныя лица, обвитыя бѣлыми шелковыми чалмами; изъ Галлiи, изъ Кадикса, съ Британскаго запада; изъ Германiи и Скиѳiи съ сѣвера; изъ Сарматскихъ странъ, лежащихъ за Дунаемъ и простирающихся до болотъ Тавриды. Всѣ народы повинуются теперь Риму, великому Римскому Императору. Обширныя владѣнiя этой величайшей изъ державъ, ея могущество и богатство, утонченность нравовъ, искусствъ и военной науки, Ты справедливо можешь предпочесть Пароянскому царству; кромѣ этихъ двухъ монархiй, остальныя погружены въ варварство; едва ли стоитъ показывать Тебѣ тѣ отдаленныя царства, достоянiе маловажныхъ царей. Показавъ Тебѣ первыя два, я показалъ Тебѣ всѣ царства мiра и всю ихъ славу.

«У Императора [238] нѣтъ сына; онъ уже старъ и преданъ распутству; онъ удалился изъ Рима на Капрею, у береговъ Кампаньи, островъ небольшой, но хорошо укрѣпленный,—чтобы тамъ втайнѣ предаваться своимъ ужаснымъ безпутствамъ, а всѣ заботы царства предоставилъ своему недостойному любимцу, къ которому, однако, не питаетъ довѣрiя, ненавидя всѣхъ и всѣмъ ненавистный. Если бы Ты, одаренный всѣми царственными доб-

Th' imperial palace, compass huge and high
The structure, skill of noblest architects,
With gilded battlements, conspicuous far,
Turrets and terraces, and glitt' ring spires.
Many a fair edifice besides, more like
Houses of Gods, so well I have disposed
My aery microscope, thou may'st behold
Outside and inside both, pillars and roofs,
Carved work, the hand of famed artificers,
In cedar, marble, ivory, or gold.
Thence to the gates cast round thine eye, and see
What conflux issuing forth, or entering in,
Pretors, proconsuls to their provinces
Hasting, or on return, in robes of state;
Lictors and rods, the ensigns of their power,
Legions and cohorts, turms of horse and wings;
Or embassies from regions far remote
In various habits on the Appian road,
Or on th' Emilian, some from farthest south,
Syene, and where the shadow both way falls,
Meroe, Nilotic isle, and, more to west,
The realm of Bocchus to the Blackmoor sea;
From th' Asian kings, and Parthian among these,
From India and the golden Chersonese,
And utmost India isle, Taprobane,
Dusk faces with white silken turbans wreath'd;
From Gallia, Gades, and the British west,
Germans and Scythians, and Sarmatians north
Beyond Danubius to the Tauric pool.
All nations now to Rome obedience pay,
To Rome's great Emperor, whose wide domain
In ample territory, wealth and power,
Civility of manners, arts, and arms,
And long renown, thou justly may'st prefer
Before the Parthian; these two thrones except,
The rest are barb'rous, and scarce worth the sight,
Shared among petty kings too far removed;
These having shown thee, I have shown thee all
The kingdoms of the world, and all their glory.
  This emperor hath no son, and now is old,
Old and lascivious, and from Rome retired
To Capreae, an island small but strong
On the Campanian shore, with purpose there
His horrid lusts in private to enjoy,
Committing to a wicked favourite
All public cares, and yet of him suspicious,
Hated of all, and hating; with what ease,
Indued with regal virtues as thou art,

мужъ подумаетъ объ освобожденіи этого народа, который, уклонившись отъ своихъ первобытныхъ добродѣтелей, самъ наложилъ на себя цѣпи? Внѣшняя свобода освобождаетъ ли отъ внутренняго рабства? Знай же: когда придетъ Мое время возсѣсть на престолъ Давидовъ, онъ будетъ подобенъ дереву, распространяющему свою тѣнь надъ всей вселенной, или камню, долженствующему ниспровергнуть всѣ владычества земныя, и царству Моему не будетъ конца: средства для того будутъ, но какія—не слѣдуетъ тебѣ вѣдать, и Мнѣ открывать.»

Искуситель съ безстыдствомъ возражаетъ на это: «Вижу, какъ мало Ты цѣнишь всѣ мои предложенія; Ты все отвергаешь, ничего Тебѣ не угодно, Ты взыскателенъ и разборчивъ, или просто желаешь только противорѣчить: такъ знай же и Ты, что я, тому что предлагаю, даю высокую цѣну, что я не намѣренъ ничего давать даромъ; всѣ земныя царства, которыя Ты видѣлъ въ одинъ мигъ, я дарую Тебѣ—они въ моей власти, и я могу даровать ихъ тому, кто мнѣ угоденъ. Даръ не ничтожный! но выговариваю впередъ одно условіе: Ты долженъ пасть передо мною и поклониться мнѣ, какъ своему верховному господину; Тебѣ легко это сдѣлать, и получишь отъ меня все; за такой великій даръ можно ли требовать менѣе?»

Спаситель нашъ отвѣчаетъ ему съ презрѣніемъ: «Мнѣ никогда не были пріятны твои рѣчи, еще менѣе твои предложенія; онѣ омерзительны Мнѣ съ той минуты, что ты осмѣлился произнести гнусное, нечестивое условіе, но Я потерплю то время, пока тебѣ дано позволеніе надо Мною. Въ первой изъ всѣхъ заповѣдей написано: «Господу Богу твоему поклонишься, и Ему Единому послужишь», и ты дерзаешь предлагать Сыну Божію поклониться тебѣ, на комъ лежитъ проклятіе, проклятіе умноженное этою попыткою, еще болѣе дерзновенной, чѣмъ искушеніе Евы, и еще болѣе богохульной! Ты вскорѣ раскаешься. Тебѣ даны царства этого міра? не скорѣе ли дозволено только владѣть ими, какъ похитителю; не дерзай и говорить объ иномъ правѣ. Если же они дарованы тебѣ, то Кѣмъ другимъ какъ не Царемъ Царей, Всевышнимъ Господомъ? Если ты получилъ этотъ даръ, какъ прекрасно ты отблагодарилъ даровавшаго тебѣ его!

These thus degenerate, by themselves enslaved,
Or could of inward slaves make outward free?
Know therefore when my season comes to sit
On David's throne, it shall be like a tree
Spreading and overshadowing all the earth,
Or as a stone that shall to pieces dash
All monarchies besides throughout the world,
And of my kingdom there shall be no end:
Means there shall be to this, but what the means
Is not for thee to know nor me to tell.
 To whom the Tempter impudent reply'd:
I see all offers made by me how slight
Thou valuest, because offer'd, and reject'st:
Nothing will please thee, difficult and nice,
Or nothing more than still to contradict:
On th' other side know also thou, that I
On what I offer set as high esteem,
Nor what I part with mean to give for nought;
All these which in a moment thou behold'st,
The kingdoms of the world, to thee I give;
For, given to me, I give to whom I please;
No trifle; yet with this reserve, not else,
On this condition, if thou wilt fall down,
And worship me as thy superior lord,
Easily done, and hold them all of me;
For what can less so great a gift deserve?
 Whom thus our Saviour answer'd with disdain:
I never liked thy talk, thy offers less,
Now both abhor, since thou hast dared to utter
Th' abominable terms, impious condition;
But I endure the time, till which expired,
Thou hast permission on me. It is written
The first of all commandments, Thou shalt worship
The Lord thy God, and only him shalt serve;
And dar'st thou to the Son of God propound
To worship thee accursed, now more accursed
For this attempt bolder than that on Eve,
And more blasphemous? which expect to rue.
The kingdoms of the world to thee were given,
Permitted rather, and by thee usurp'd;
Other donation none thou canst produce:
If given, by whom but by the King of kings,
God over all supreme? If given to thee,
By thee how fairly is the giver now
Repaid? But gratitude in thee is lost

родѣтелями, явился и началъ Свои высокія дѣянія, Тебѣ легко было бы низвергнуть съ трона тирана и, занявъ его мѣсто, освободить побѣдоносный народъ отъ рабскаго ига! А съ моей помощію Ты могъ бы того достигнуть; мнѣ дана власть на это, и я по праву дарую ее Тебѣ. Итакъ, поставь Себѣ цѣлію не менѣе, какъ владычество надъ всѣмъ міромъ: стремись къ высочайшему, иначе не сидѣть Тебѣ на престолѣ Давида, или не долго владѣть имъ, что бы ни говорили пророки.»

На это Сынъ Божій спокойно отвѣтилъ: «Это величіе, эта пышная выставка роскоши, хотя и считаютъ ее великолѣпной, какъ и блескъ оружія раньше, не плѣняютъ Мой взоръ, и еще менѣе душу,—присовокупи ты сюда ихъ великолѣпныя празднества, ихъ роскошные пиры за столами изъ лимоннаго дерева или Атлантическаго мрамора (Я слышалъ, быть можетъ читалъ объ нихъ), съ винами изъ Сетіи, Калеса, Фалерны, Хіоса и Крита [239], и то, какъ они упивались изъ золотыхъ, хрустальныхъ и мирровыхъ чашъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями,—говори ты объ этомъ Мнѣ, терпящему здѣсь голодъ и жажду.

«Ты показывалъ пословъ отъ народовъ дальнихъ и близкихъ: въ чемъ тутъ честь, кромѣ скучной траты времени сидѣть и слушать столько пустыхъ привѣтовъ, лжи и лести иноплеменниковъ? Потомъ разглагольствовалъ объ Императорѣ, какъ славно и легко его покорить; Я, говоришь ты, изгоню звѣроподобное чудовище: что если вмѣстѣ съ тѣмъ низвергну Я и Діавола, который сдѣлалъ его такимъ! Пусть казнитъ тирана его мучитель—совѣсть. Я посланъ не для него и не для освобожденія этого народа, нѣкогда побѣдоноснаго, нынѣ павшаго, низкаго, заслужившаго свое рабство; нѣкогда правдивый, отличавшійся умѣренностью, человѣколюбіемъ, воздержностію, онъ былъ побѣдителемъ, но дурно управлялъ народами, подпавшими его игу, расхищалъ ихъ области, истощалъ ихъ развратомъ и грабежемъ. Надменное тщеславіе торжества сначала внушило Римлянамъ честолюбіе; потомъ оно сдѣлало ихъ жестокими, кровожадными: они забавлялись боями звѣрей и бросали людей на растерзаніе звѣрямъ; богатство породило въ нихъ роскошь, сребролюбіе ихъ росло, а ежедневныя зрѣлища разслабляли нравы. Какой мудрый, доблестный

Appearing, and beginning noble deeds.
Might'st thou expel this monster from his throne,
Now made a stye, and in his place ascending
A victor people free from servile yoke?
And with my help thou may'st; to me the power
Is given, and by that right I give it thee.
Aim therefore at no less than all the world,
Aim at the highest, without the highest attain'd
Will be for thee no sitting, or not long,
On David's throne, be prophesy'd what will.
To whom the Son of God unmoved reply'd·
Nor doth this grandeur and majestic show
Of luxury, though call'd magnificence,
More than of arms before, allure mine eye,
Much less my mind; though thou should'st add to tell
Their sumptuous gluttonies, and gorgeous feasts,
On citron tables or Atlantic stone,
(For I have also heard, perhaps have read)
Their wines of Setia, Calee, and Falerne,
Chios, and Crete, and how they quaff in gold,
Crystal and myrrhine cups imboss'd with gems
And studs of pearl; te me should'st tell who thirst
And hunger still: then embassies thou show'st
From nations far and nigh; what honour that,
But tedious waste of time to sit and hear
So many hollow compliments and lies,
Outlandish flatteries? then proceed'st to talk
Of th' emperor, how easily subdued,
How gloriously; I shall, thou say'st, expel
A brutish monster: what if I withal
Expel a devil who first made him such!
Let his tormentor, Conscience, find him out;
For him I was not sent, nor yet to free
That people, victor once, now vile and base,
Deservedly made vassal, who once just,
Frugal, and mild, and temperate, conquer'd well,
But govern ill the nations under yoke,
Peeling their provinces, exhausted all
By lust and rapine; first ambitious grown
Of triumph, that insulting vanity;
Then cruel, by their sports to blood inured
Of fighting beasts, and men to beasts exposed,
Luxurious by their wealth, and greedier still,
And from the daily scene effeminate.
What wise and valiant man would seek to free

Но ты давно забылъ благодарность. Ты настолько потерялъ страхъ и стыдъ, что предложилъ Мнѣ, Сыну Божію, Мое собственное достояніе, и на такомъ богомерзкомъ условіи, чтобы Я палъ ницъ передъ тобою и поклонился тебѣ какъ Богу! Исчезни съ Моихъ глазъ, теперь ты ясно показалъ, что ты злой Духъ, навѣки проклятый Сатана.»

Врагъ отвѣчалъ въ смущеніи и страхѣ: «Не оскорбляйся такъ, Сынъ Божій, хотя сынами Божіими зовутся и Ангелы и люди, не оскорбляйся тѣмъ, что я, чтобы испытать, принадлежитъ ли Тебѣ это имя въ высшей степени, чѣмъ имъ, потребовалъ отъ Тебя того, что воздаютъ мнѣ люди и Ангелы; всѣ силы огня, воздуха, воды признаютъ меня своимъ властелиномъ; народы всѣхъ странъ свѣта призываютъ меня, какъ божество земного и подземнаго міра. А знать — кто Ты, съ Чьимъ пришествіемъ предречена моя гибель, касается меня всего ближе. Искушеніе нисколько не повредило Тебѣ, напротивъ, принесло Тебѣ еще болѣе чести и уваженія, а мнѣ не принесло пользы, такъ какъ я не достигъ цѣли; оставимъ же царства этого міра съ ихъ быстротечною славою; я не стану совѣтовать Тебѣ болѣе; пріобрѣтай ихъ, или нѣтъ, какъ знаешь. Тебя, кажется, не столько прельщаетъ земной вѣнецъ, какъ размышленіе и ученыя состязанія; такъ можно судить по тому поступку во время Твоего дѣтства, когда, ускользнувъ отъ материнскаго глаза, Ты одинъ ушелъ въ храмъ; Тебя нашли тамъ въ состязаніи съ ученѣйшими раввинами о предметахъ, достойныхъ сѣдалища Моисея: Ты поучалъ, а не поучался. Дѣтство показываетъ человѣка, какъ утро показываетъ день. И такъ, прославься мудростію: подобно тому, какъ должна распространиться Твоя держава, пусть на весь міръ распространится Твой разумъ во всеобъемлющемъ знаніи; не все открыто въ законѣ Моисея, Пятикнижіи, или въ писаніяхъ Пророковъ; и язычники обладаютъ знаніемъ, и пишутъ, и учатъ съ удивительною мудростію, просвѣщенные природою. Ты долженъ много обращаться съ язычниками и, по Твоимъ понятіямъ, дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ. Не зная ихъ ученій, какъ будешь Ты бесѣдовать съ ними или они съ Тобою? Какъ станешь Ты разсуждать съ ними, опровергать ихъ идолослуженіе, ихъ преданія и ложные доводы? Заблужденіе обли-

Long since. Wert thou so void of fear or shame,
As offer them to me the Son of God,
To me my own, on such abhorred pact,
That I fall down and worship thee as God?
Get thee behind me: plain thou now appear'st
That evil one, Satan for ever damn'd:
  To whom the Fiend with fear abash'd reply'd:
Be not so sore offended, Son of God.
Though sons of God both angels are and men,
If I, to try whether in higher sort
Than these thou bear'st that title, have proposed
What both from men and angels I receive,
Tetrarchs of fire, air, flood, and on the earth
Nations beside from all the quarter'd winds,
God of this world invoked and world beneath
Who then thou art, whose coming is foretold
To me so fatal, me it most concerns.
The trial hath indamaged thee no way,
Rather more honour left and more esteem;
Me nought advantaged, missing what I aim'd.
Therefore let pass, as they are transitory,
The kingdoms of this world; I shall no more
Advise thee; gain them as thou canst, or not.
And thou thyself seem'st otherwise inclined
Than to a worldly crown, addicted more
To contemplation and profound dispute;
As by that early action may be judged,
When slipping from thy mother's eye thou went'st
Alone into the temple; there wast found
Among the gravest Rabbies disputant
On points and questions fitting Moses' chair,
Teaching, not taught; the childhood shows the man,
As morning shows the day. Be famous then
By wisdom; as thy empire must extend,
So let extend thy mind o'er all the world
In knowledge, all things in it comprehend:
All knowledge is not couch'd in Moses' law,
The Pentateuch, or what the Prophets wrote;
The Gentiles also know, and write, and teach
To admiration, led by Nature's light;
And with the Gentiles much thou must converse,
Ruling them by persuasion as thou mean'st;
Without their learning how wilt thou with them,
Or they with thee, hold conversation meet?
How wilt thou reason with them, how refute
Their idolisms, traditions, paradoxes?
Error by his own arms is best evinced.

чается всего скорѣе его собственнымъ оружіемъ. Прежде чѣмъ оставить эту гору созерцанія, взгляни еще разъ на западъ, туда, ближе къ юго-западу, взгляни на то мѣсто, гдѣ на берегу Эгейскаго моря стоитъ городъ благородной постройки; воздухъ тамъ чистъ, земля плодоносна. Это Аѳины, око Греціи, матерь искусствъ и краснорѣчія, родина славныхъ умовъ, или ихъ гостепріимное убѣжище; въ ея аллеяхъ и тѣнистыхъ рощахъ, въ городѣ или предмѣстіяхъ, ученые мужи вкушаютъ сладкій отдыхъ. Взгляни, вотъ масличная роща Академіи, мѣсто уединенныхъ прогулокъ Платона, гдѣ все лѣто звонко раздаются соловьиныя трели; тамъ, на цвѣтущемъ холмѣ Иметѣ, жужжащій рой трудолюбивыхъ пчелъ часто вызывалъ философовъ на глубокія размышленія; далѣе шепчутся воды Иллиса [240)]; внутри стѣнъ взгляни на школы древнихъ мудрецовъ: вотъ Лицей [241)], воспитавшій великаго Александра, покорителя міра; вотъ украшенная живописью Стоя [242)], тамъ Ты услышишь и познаешь таинственную силу стиха и музыки въ гармонической передачѣ рукою или голосомъ; услышишь разнообразныхъ размѣровъ ритмы, чарующій стихъ Эолійскій, лиризмъ Дорической оды, и того, кто далъ имъ дыханіе, но пѣлъ еще выше, слѣпца Мелесижены, именуемаго Гомеромъ, чьи пѣсни Фебъ выдавалъ за свои собственныя. Ты услышишь, чему учатъ глубокія, возвышенныя трагедіи, въ хорахъ или ямбахъ, лучшая школа нравовъ и мудрости; народъ съ восторгомъ внимаетъ мудрымъ урокамъ въ ихъ разсужденіяхъ о судьбѣ, о случайности и о превратностяхъ человѣческой жизни, въ живыхъ изображеніяхъ страстей и великихъ дѣяній. Потомъ перейди къ славнымъ древнимъ витіямъ, неотразимою силою своего краснорѣчія побѣждавшимъ разъяренное народодержавіе, потрясая Арсеналъ, гремя по всей Греціи, до Македоніи и Артаксерксова трона. Наконецъ, обрати Твой слухъ къ ученіямъ мудрости, сошедшей съ Неба подъ убогую кровлю Сократа: смотри, вотъ виденъ домъ этого философа, котораго справедливо назвалъ оракулъ мудрѣйшимъ изъ людей, изъ устъ котораго лились медовыя рѣки, питавшія всѣ школы: старую и новую Академіи, такъ называемыхъ Перипатетиковъ, секту Эпикурейцевъ и строгихъ Стоиковъ. Все слышанное здѣсь взвѣсь въ свободное время, пока Ты не бу-

Look once more ere we leave this specular mount
Westward, much nearer by south-west, behold
Where on the Ægean shore a city stands
Built nobly, pure the air, and light the soil,
Athens the eye of Greece, mother of arts
And eloquence, native to famous wits
Or hospitable, in her sweet recess,
City or suburban, studious walks and shades;
See there the olive grove of Academe,
Plato's retirement, where the Attic bird
Trills her thick-warbled notes the summer long;
There flow'ry hill Hymettus, with the sound
Of bees' industrious murmur, oft invites
To studious musing; there Ilissus rolls
His whisp'ring stream: within the walls then view
The schools of ancient sages; his who bred
Great Alexander to subdue the world,
Lyceum there, and painted Stoa next:
There shalt thou hear and learn the secret power
Of harmony in tones and numbers hit
By voice or hand, and various-measured verse,
Æolian charms and Dorian lyric odes,
And his who gave them breath, but higher sung,
Blind Melesigenes thence Homer call'd,
Whose poem Phoebus challenged for his own.
Thence what the lofty grave tragedians taught
In Chorus or Iambic, teachers best
Of moral prudence, with delight received
In brief sententious precepts, while they treat
Of Fate, and Chance, and change in human life;
High actions and high passions best describing:
Thence to the famous orators repair,
Those ancient, whose resistless eloquence
Wielded at will that fierce democratie,
Shook th' arsenal and fulmined over Greece,
To Macedon and Artaxerxes' throne:
To sage Philosophy next lend thine ear,
From Heav'n descended to the low roof' d house
Of Socrates; see there his tenement,
Whom well inspired the oracle pronounced
Wisest of men; from whose mouth issued forth
Mellifluous streams that water'd all the schools
Of Academics old and new, with those
Sirnamed Peripatetics, and the sect
Epicurean, and the Stoic severe;
These here revolve, or, as thou lik'st, at home,

дешь готовъ для принятія на Себя бремени царства; познавъ эти истины, Ты будешь царемъ совершеннымъ самимъ по себѣ, и еще болѣе въ соединеніи съ властію.»

На это Спаситель нашъ отвѣчаетъ премудро: «Думай, что Я знаю эти ученія, или думай, что они Мнѣ невѣдомы, Я не буду отъ этого менѣе знать то, что Мнѣ надлежитъ знать. Тотъ, кто просвѣщенъ свыше, отъ Источника Свѣта, не нуждается ни въ какихъ ученіяхъ, хотя бы они считались истинными; но эти ученія суть ложь, или не болѣе какъ мечта, основанная на фантазіи, предположеніяхъ, ни на чемъ твердомъ. Первый и мудрѣйшій изъ всѣхъ философовъ не сознался ли, что онъ зналъ только то, что ничего не зналъ; другой питался вымыслами, баснями; третій во всемъ сомнѣвался, даже въ вещахъ самыхъ ясныхъ. Одни въ добродѣтели полагали верховное счастіе, но въ добродѣтели, соединенной съ богатствомъ и долгою жизнію; другіе—въ чувственныхъ удовольствіяхъ и беззаботномъ покоѣ; наконецъ, стоикъ—въ своей философской гордости, называемой имъ добродѣтелію. Его добродѣтельный человѣкъ мудръ, совершенъ; онъ обладаетъ всѣмъ, считая себя равнымъ Богу, и часто не стыдится присвоивать себѣ преимущество, не страшась ни людей, ни Бога; онъ все презираетъ: богатство, удовольствіе, страданія и муки, смерть и жизнь; жизнь онъ прекращаетъ когда ему вздумается, по крайней мѣрѣ хвалится, что можетъ такъ сдѣлать, потому что вся эта скучная болтовня не болѣе какъ пустое хвастовство, или хитрыя уловки, чтобъ избѣжать изобличенія. Увы! чему могутъ они научить, что бы не было заблужденіемъ, когда они не имѣютъ понятія о самихъ себѣ, еще менѣе о Богѣ, о началѣ міра, и о томъ какъ палъ человѣкъ, унизившій самъ себя, когда онъ зависѣлъ отъ благости? Они много толкуютъ о душѣ, но все превратно; они ищутъ добродѣтели въ самихъ себѣ, себѣ приписываютъ всю славу и ничего Богу, скорѣе обвиняютъ Его подъ обычными именами счастія или судьбы, какъ будто бы Онъ не касается до дѣлъ человѣческихъ. И такъ, кто у этихъ мудрецовъ будетъ искать истинной премудрости, тотъ не найдетъ ея, или, еще хуже того, введенный въ обманъ, узнаетъ лишь ея ложное подобіе, дымъ, пустоту. Но,

Till time mature thee to a kingdom's weight;
These rules will render thee a king complete
Within thyself, much more with empire join'd
  To whom our Saviour sagely thus reply'd:—
Think not but that I know these things, or think
I know them not; not therefore am I short
Of knowing what I ought: he who receives
Light from above, from the Fountain of Light,
No other doctrine needs, though granted true;
But these are false, or little else but dreams,
Conjectures, fancies, built on nothing firm.
The first and wisest of them all profess'd
To know this only, that he nothing knew;
The next to fabling fell and smooth conceits;
A third sort doubted all things, though plain sense;
Others in virtue placed felicity,
But virtue join'd with riches and long life;
In corporal pleasure he, and careless ease;
The Stoic last in philosophic pride,
By him call'd Virtue: and his virtuous man,
Wise, perfect in himself, and all possessing,
Equal to God, oft shames not to prefer,
As fearing God nor man, contemning all
Wealth, pleasure, pain or torment, death and life,
Which, when he lists, he leaves, or boasts he can;
For all his tedious talk is but vain boast,
Or subtle shifts conviction to evade.
Alas, what can they teach, and not mislead.
Ignorant of themselves, of God much more,
And how the world began, and how man fell
Degraded by himself, on grace depending?
Much of the soul they talk, but all awry,
And in themselves seek virtue, and to themselves
All glory arrogate, to God give none,
Rather accuse him under usual names,
Fortune and Fate, as one regardless quite
Of mortal things. Who therefore seeks in these
True wisdom, finds her not, or by delusion
Far worse, her false resemblance only meets,
An empty cloud. However, many books,

многокнижіе тяготитъ, говорятъ мудрые люди; кто непрерывно читаетъ, не внося при этомъ ума и сужденія, которые были бы равны или выше того, что онъ читаетъ (а гдѣ онъ будетъ почерпать ихъ?), тотъ всегда остается въ нерѣшимости, въ колебаніи; глубоко ученый по книгамъ, онъ чувствуетъ пустоту въ душѣ, и не зрѣлый или отуманенный, принимаетъ за избранныя истины пустяки, ничего не стоящія игрушки, подобно тому, какъ дѣти собираютъ на берегу камешки.

«Или, если бы въ свободные часы я сталъ услаждать себя музыкою или стихотвореніями, какой иной языкъ, какъ не родной, дастъ мнѣ эту отраду? Нашъ законъ и бытописаніе преисполнены гимнами; псалмы наши написаны языкомъ вдохновеннымъ; наши Еврейскія пѣсни и арфы, такъ плѣнявшія слухъ побѣдителей въ Вавилонѣ, доказываютъ, что скорѣе Греція заимствовала отъ насъ эти искусства. Дурное подражаніе, чѣмъ громче воспѣваютъ они пороки своихъ боговъ и свои собственные. Въ басняхъ, гимнахъ и пѣсняхъ они представляютъ въ смѣхотворномъ видѣ своихъ боговъ и самихъ себя, забывъ всякій стыдъ. Отними отъ этихъ пѣсней ихъ напыщенныя названія, подобныя густому слою румянъ на лицѣ блудницы, остальное, съ тощимъ посѣвомъ того, что даетъ удовольствіе или пользу, окажется далеко не достойнымъ сравненія съ пѣснями Сіона, которыя для всякаго истиннаго вкуса всегда будутъ выше. Онѣ славятъ Бога и Его Угодниковъ, Святѣйшаго Святыхъ и Его Праведниковъ; онѣ вдохновлены Богомъ, не тобою, какъ тѣ, въ которыхъ лишь въ видѣ малаго исключенія выражается добродѣтель, озаренная свѣтомъ истины, еще не совсѣмъ угасшимъ.

«Ихъ витій восхваляешь ты далѣе, какъ образцовъ краснорѣчія; что они государственные мужи, правда, и, кажется, любятъ свое отечество, но и въ этомъ они много ниже нашихъ пророковъ, мужей, которые были просвѣщены свыше и въ своихъ безъискусственныхъ, величественныхъ писаніяхъ преподавали твердыя начала гражданскаго правленія лучше всѣхъ ораторовъ Греціи и Рима. Въ нихъ ясно и легко узнается, что даетъ народу прочное благоденствіе, что губитъ царства и стираетъ съ лица земли города; эти писанія и нашъ законъ всего способнѣе образовать государя.»

Wise men have said, are wearisome; who reads
Incessantly, and to his reading brings not
A spirit and judment equal or superior
(And what he brings, what needs he elsewhere seek?)
Uncertian and unsettled still remains,
Deep versed in books and shallow in himself,
Crude or intoxicate, collecting toys,
And trifles for choice matters, worth a spunge;
As children gathering pebbles on the shore.
  Or if I would delight my private hours
With music or with poems, where so soon
As in our native language can I find
That solace? all our law and story strew'd
With hymns, our psalms with artful terms inscribed,
Our Hebrew songs and harps in Babylon,
That pleased so well our victor's ear, declare
That rather Greece from us these arts derived;
Ill imitated, while they loudest sing
The vices of their deities, and their own,
In fable, hymn, or song, so personating
Their gods ridiculous, and themselves past shame:
Remove their swelling epithets, thick laid
As varnish on a harlot's cheek, the rest,
Thin sown with aught of profit or delight,
Will far be found unworthe to compare
With Sion's songs, to all true taste excelling,
Where God is praised aright, and godlike men,
The holiest of holies, and his saints;
Such are from God inspired, not such from thee,
Unless where moral virtue is express'd
By light of Nature, not in all quite lost.
  Their orators thou then extoll'st, as those
The top of eloquence, statists indeed,
And lovers of their country, as may seem;
But herein to our Prophets far beneath
As mem divinely taught, and better teaching
The solid rules of civil government
In their majestic unaffected style
Than all the oratory of Greece and Rome.
In them is plainest taught, and easiest learnt,
What makes a nation happy, and keeps it so,
What ruins kingdoms, and lays cities flat;
These only with our law best form a king.

Такъ вѣщалъ Сынъ Божій; но Сатана, теперь совершенно пораженный, такъ какъ всѣ его стрѣлы истощились, съ суровымъ челомъ, возражаетъ Іисусу:

«Если ни богатство, ни почести, ни блескъ оружія и ученія не трогаютъ Тебя; если Ты равнодушенъ къ царствамъ и имперіямъ, ко всему, что я предлагалъ Тебѣ въ жизни умозрительной или дѣятельной, что бы привело Тебя къ славѣ, чѣмъ же будешь Ты въ этомъ мірѣ? Пустыня— самое приличное для Тебя мѣсто; тамъ я нашелъ Тебя и туда возвращу Тебя. Но помни мое предсказаніе: скоро раскаешься Ты въ томъ, что отвергъ мою помощь, предложенную такъ внимательно и осторожно; съ нею Ты въ скоромъ времени легко бы утвердился на престолѣ Давида, на всемірномъ престолѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ настоящей порѣ, когда пришло время исполниться пророчествамъ о Тебѣ. Теперь же, если дано мнѣ читать въ Небѣ, или если Небо начертываетъ судьбу, то по звѣздамъ, отдѣльнымъ знакамъ и созвѣздіямъ предвѣщаются Тебѣ скорби, труды, противодѣйствіе, ненависть, злоба; Ты претерпишь презрѣніе, укоризны, поруганіе, насиліе и заушенія, и, наконецъ, жестокую смерть. Звѣзды предвѣщаютъ Тебѣ царство, но какое это царство, дѣйствительное или иносказательное, я не могу разобрать; также и того, когда оно настанетъ; безъ сомнѣнія, оно будетъ вѣчно: какъ не имѣетъ оно конца, такъ нѣтъ ему и начала: точнаго времени нигдѣ не указываютъ мнѣ звѣздныя письмена.»

Сказалъ, и взявъ Сына Божія (онъ зналъ, что власть его еще не прекратилась), перенесъ Его въ пустыню и тамъ оставилъ, самъ же будто исчезъ. День угасалъ, поднималась мгла съ своимъ темнымъ исчадіемъ, сумрачной ночью,—обѣ неосязаемыя, онѣ представляли лишь отсутствіе свѣта и угаснаго дня. Спаситель, послѣ Своего воздушнаго путешествія, утомленный, претерпѣвая голодъ и стужу, спокойно, съ невозмутимымъ духомъ, удалился на покой въ такое мѣсто, гдѣ подъ покровомъ тѣнистыхъ деревъ, густо перевившихся вѣтвями, Онъ могъ укрыть Свою голову отъ ночной сырости и тумана. Но и подъ этой защитой сонъ былъ напрасенъ: у Его изголовія всталъ Искуситель и тревожилъ Его сонъ ужас-

So spake the Son of God; but Satan now
Quite at a loss, for all his darts were spent,
Thus to our Saviour with stern brow replied:
Since neither wealth, nor honour, arms nor arts,
Kingdom nor empire pleases thee, nor aught
By me proposed in life contemplative,
Or active, tended on by glory, or by fame,
What dost thou in this world? the wilderness
For thee is fittest place; I found thee there,
And thither will return thee; yet remember
What I foretell thee, soon thou shalt have cause
To wish thou never hadst rejected thus
Nicely or cautiously my offer'd aid,
Which would have set thee in short time with ease
On David's throne, or throne of all the world,
Now at full age, fulness of time, thy season,
When prophecies of thee are best fulfill'd.
Now contrary, if I read aught in Heav'n,
Or Heav'n write aught of Fate, by what the stars
Voluminous, or single characters,
In their conjunction met, give me to spell,
Sorrows, and labours, opposition, hate
Attend thee, scorns, reproaches, injuries,
Violence and stripes, and lastly cruel death;
A kingdom they portend thee, but what kingdom,
Real or allegoric I discern not;
Nor when, eternal sure, as without end,
Without beginning; for no date prefix'd
Directs me in the starry rubric set.
So saying he took (for still he knew his power
Not yet expired) and to the wilderness
Brought back the Son of God, and left him there,
Feigning to disappear. Darkness now rose
As day-light sunk, and brought in louring Night,
Her shadowy offspring, unsubstantial both,
Privation mere of light and absent day.
Our Saviour meek and with untroubled mind
After his aery jaunt, though hurried sore,
Hungry and cold, betook him to his rest.
Wherever, under some concourse of shades,
Whose branching arms thick intertwined might shield
From dews and damps of night his shelter'd head,
But shelter'd, slept in vain, for at his head
The Tempter watch'd, and soon with ugly dreams
Disturb'd his sleep; and either tropic now

ными видѣніями. Въ обоихъ поворотныхъ кругахъ земли, съ одного конца неба до другого, загремѣлъ громъ; тучи, страшно разрываясь, съ неистовствомъ изливали потоки дождя, смѣшаннаго съ молніями: вода съ огнемъ мирились для разрушенія. Не спали и вѣтры въ ихъ каменныхъ пещерахъ: со всѣхъ четырехъ странъ свѣта налетѣли они и ворвались въ истерзанную пустыню; высочайшія сосны, хотя корни ихъ были такъ же глубоки, какъ высоки вершины, крѣпчайшіе дубы склоняли свои тугія выи подъ тяжестію ихъ бурнаго дыханія, или вырывались съ корнями. Дурно былъ Ты защищенъ, о многотерпѣливый Сынъ Божій, но остался непоколебимъ! Ужасы ночи еще не кончились этимъ: духи тьмы, адскія фуріи окружили Тебя; они рычали, выли, визжали, направляя въ Тебя огненныя стрѣлы; но Ты оставался неустрашимъ среди нихъ, ничто не нарушало Твоего святого мира!

Такъ прошла эта тяжкая ночь; наконецъ, въ своей сѣрой ризѣ, стопами дальняго странника, явилось прекрасное утро и лучезарнымъ перстомъ укротило ревъ грома, разсѣяло тучи, уняло вѣтры и обратило въ бѣгство гнусныхъ страшилищъ, которыя были подняты Сатаной для искушенія Сына Божія ужасомъ. Вотъ засіяло солнце и усиленнымъ свѣтомъ развеселило лицо Земли, осушило дождевую влагу, которую стряхивали съ себя кусты и деревья; птицы, видя, что все оживилось и позеленѣло послѣ столь бурной ночи, веселѣе распѣвали на вѣткахъ въ привѣтъ сладкому возвращенію утра. Но и теперь, среди этой радости яснаго утра, послѣ всѣхъ сотворенныхъ имъ золъ, Князь Тьмы былъ близко. Притворяясь, будто онъ также радъ прекрасной перемѣнѣ, онъ приступилъ къ Спасителю, не прибѣгая, однако, къ новому обману: всѣ были истощены. Послѣ послѣдняго посрамленія, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, онъ просто рѣшился излить свою ярость, и упорствовалъ на-зло всѣмъ своимъ пораженіямъ. Онъ встрѣтилъ Сына Божія на солнечномъ холмѣ, окруженномъ съ сѣвера и запада густымъ лѣсомъ; Сатана вышелъ изъ лѣсу въ своемъ обычномъ образѣ, и, съ небрежнымъ видомъ, такъ обратился къ Спасителю:

«Прекрасное утро улыбнулось Тебѣ, Сынъ Божій, послѣ ужасной ночи.

Gan thunder, and both ends of Heaven, the clouds
From many a horrid rift abortive pour'd
Fierce rain with lightning mix'd, water with fire
In ruin reconciled; nor slept the winds
Within their stony caves, but rush'd abroad
From the four hinges of the world, and fell
On the vex'd wilderness, whose tallest pines,
Though rooted deep as high, and sturdiest oaks
Bow'd their stiff necks, loaded with stormy blasts;
Or torn up sheer: ill wast thou shrouded then,
O patient Son of God, yet only stood'st
Unshaken! Nor yet stay'd the terror there,
Infernal ghosts, and hellish furies, round
Environ'd thee, some howl'd, some yell'd, some shriek'd
Some bent at thee their fiery darts, while thou
Satst unappall'd in calm and sinless peace.
Thus pass'd the night so foul, till morning fair
Came forth with pilgrim steps in amice grey,
Who with her radiant finger still'd the roar
Of thunder, chased the cloude, and laid the winds,
And grisly spectres, which the Fiend had raised
To tempt the Son of God with terrors dire.
And now the sun with more effectual beams
Had cheer'd the face of earth, and dried the wet
From drooping plant, or drooping tree; the birds,
Who all things now behold more fresh and green,
After a night of storm so ruinous,
Clear'd up their choicest notes in bush and spray
To gratulate the sweet return of morn;
Nor yet amidst this joy and brightest morn
Was absent, after all his mischief done,
The Prince of Darkness; glad would also seem
Of this fair change, and to our Saviour came.
Yet with no new device, they all were spent,
Rather by this his last affront resolved,
Desp'rate of better course, to vent his rage,
And mad despite, to be so oft repell'd.
Him walking on a sunny hill he found,
Back'd on the north and west by a thick wood;
Out of the wood he starts in wonted shape,
And in a careless mood thus to him said:
Fair morning yet betides thee, Son of God,

Я слышалъ бурю; казалось, Земля и Небо смѣшаются между собою. Но самъ я былъ далеко. Эти вихри, хотя смертные боятся ихъ, страшась за цѣлость небесныхъ сводовъ или подземныхъ темныхъ основъ Земли, въ общемъ такъ незначительны и безвредны, если еще не полезны, какъ чихъ въ крошечномъ людскомъ мірѣ, и проходятъ мгновенно. Однакоже, нерѣдко они бываютъ вредны, бурно и опустошительно разражаясь надъ человѣкомъ, скотомъ, растеніями, подобно людскимъ смутамъ, и надъ чьей головой пронесутся, тому часто служатъ зловѣщимъ вѣстникомъ, грозятъ бѣдою: эта буря пронеслась надъ пустынею, а изъ людей—надъ Тобою, такъ какъ Ты одинъ ея обитатель. Не то же ли предвѣщалъ я Тебѣ, когда Ты отвергъ мою помощь, чтобы во время получить назначенный Тебѣ престолъ? Ты хочешь, чтобы все совершилось силою судьбы, идешь Своимъ путемъ къ достиженію престола Давида, невѣдомо когда: нигдѣ не сказано, когда то будетъ и какъ. Чѣмъ назначено Тебѣ быть, Ты, безъ сомнѣнія, будешь; объ этомъ предвозвѣстили Ангелы, но они скрыли время и средства: всякое дѣло законно совершать не тогда, когда должно, но когда наиболѣе удобно. Если Ты не будешь этого соблюдать, будь увѣренъ, исполнится то, что я предсказалъ Тебѣ: много тяжкихъ испытаній, опасностей, вражды, горестей узнаешь Ты, прежде чѣмъ твердо возьмешь скипетръ Израилевъ; обступавшія Тебя въ эту зловѣщую ночь страшилища, видѣнія, звуки да послужатъ Тебѣ предостереженіемъ, какъ вѣрные признаки будущихъ золъ.»

Такъ говорилъ онъ, между тѣмъ какъ Сынъ Божій шествовалъ далѣе, не останавливаясь, и лишь кратко отвѣтилъ:

«Ужасы, о которыхъ ты говоришь, не болѣе могутъ причинить Мнѣ напасти, чѣмъ дождевыя капли; не устрашили они Меня, хотя наступали грозно и съ великимъ шумомъ; ихъ пагубныя предвѣщанія, зловѣщіе знаки Я презираю: они ложны, и посылаются отъ тебя, не отъ Бога. И ты, зная, что Я буду царствовать, несмотря на твои преграды, ты навязываешь Мнѣ свою помощь, дабы, если Я приму ее, по крайней мѣрѣ казалось бы, будто Я отъ тебя получилъ всю власть. Надменный Духъ! ты хотѣлъ прослыть Моимъ Богомъ и, отверженный, свирѣпствуешь, во-

After a dismal night; I heard the wrack
As earth and sky would mingle; but myself
Was distant; and these flaws, tho' mortals fear them
As dangerous to the pillar'd frame of Heav'n,
Or to the Earth's dark basis underneath,
Are to the main as inconsiderable
And harmless, if not wholesome, as a sneeze
To man's less universe, and soon are gone,
Yet as being oft times noxious where they light
On man, beast, plant, wasteful and turbulent,
Like turbulencies in th' affairs of men,
Over whose heads they roar, and seem to point,
They oft fore-signify and threaten ill:
This tempest at this desert most was bent;
Of men at thee, for only thou here dwell'st.
Did I not tell thee, if thou didst reject
The perfect season offer'd with my aid
To win thy destined seat, but wilt prolong
All to the push of Fate, pursue thy way
Of gaining David's throne no man knows when,
For both the when and how is no where told?
Thou shalt be what thou art ordain'd, no doubt;
For angels have proclaim'd it, but concealing
The time and means: each act is rightliest done,
Not when it must, but when it may be best.
If thou observe not this, be sure to find
What I foretold thee, many a hard assay
Of dangers, and adversities, and pains,
Ere thou of Israel's sceptre get fast hold;
Whereof this ominous night that closed thee round,
So many terrors, voices, prodigies,
May warn thee, as a sure fore-going sign.
So talk'd he, while the Son of God went on
And stay'd not, but in brief him answer'd thus:
Me worse than wet thou find'st not: other harm
Those terrors which thou speak'st of did me none;
I never fear'd they could, though noising loud
And threat'ning nigh; what they can do as signs
Betokening, or ill boding, I contemn
As false portents, not sent from God, but thee;
Who knowing I shall reign past thy preventing,
Obtrud'st thy offer'd aid, that I accepting
At least might seem to hold all power of thee,
Ambitious Spirit, and wouldst be thought my God,
And storm'st refused, thinking to terrify

ображая страхомъ подчинить Меня своей волѣ. Брось эту мысль, ты изобличенъ, и тщетно утруждаешь себя, какъ тщетно докучаешь Мнѣ.»

На это врагъ отвѣчалъ, пылая яростію:

«Такъ слушай, о Сынъ Давидовъ, рожденный Дѣвою,—въ томъ, что Ты Сынъ Божій, я еще сомнѣваюсь. Я слышалъ, что всѣ пророки предрекали о Мессіи, наконецъ, о Твоемъ рожденіи, возвѣщенномъ Гавріиломъ, я узналъ первый, я слышалъ въ ту ночь въ Виѳлеемѣ ангельскую пѣснь, воспѣвавшую Твое рожденіе, именуя Тебя Спасителемъ. Съ той поры я рѣдко отводилъ отъ Тебя взоры въ Твоемъ младенчествѣ, въ дѣтствѣ, въ юности, наконецъ, въ зрѣломъ возрастѣ, хотя Ты жилъ въ уединеніи. Когда на рѣкѣ Іорданѣ толпы стекались къ Крестителю, я также пошелъ за ними, хотя не для того, чтобы принять крещеніе, и слышалъ голосъ съ Неба, именовавшій Тебя возлюбленнымъ Сыномъ Господнимъ. Тогда я понялъ, что Ты достоинъ усерднѣйшаго вниманія, тщательныхъ наблюденій; я хотѣлъ узнать въ какой степени и въ какомъ смыслѣ именуешься Ты Сыномъ Божіимъ, ибо это наименованіе имѣетъ въ себѣ не одно значеніе. Я также сынъ Божій, или былъ имъ, а если былъ, то остаюсь и понынѣ; такія отношенія не измѣняются. Всѣ люди сыны Божіи, но въ Тебѣ это имя, мнѣ думается, имѣетъ высшее значеніе. И такъ, съ той минуты я наблюдалъ каждый Твой шагъ, слѣдилъ за Тобою до самой этой дикой пустыни, и по всѣмъ признакамъ заключаю, что Ты и есть Тотъ предназначенный мнѣ роковой врагъ. Не правъ ли я, если стараюсь познать моего Противника, извѣдать его мудрость, силу, намѣренія? мирнымъ договоромъ, угрозою или союзомъ привлечь его къ себѣ, или пріобрѣсть отъ него что возможно? Здѣсь я имѣлъ случай искусить Тебя, испытать Тебя до глубины, и сознаюсь, Ты непоколебимъ противъ всѣхъ искушеній, твердъ какъ адамантовая скала; но величайшее, что я въ Тебѣ вижу,—это человѣка мудраго и благого, не болѣе: почести, богатства, царства, слава презирались и ранѣе, что возможно и въ будущемъ. И такъ, чтобы узнать, чѣмъ превышаешь Ты человѣка, чѣмъ заслужилъ то, что голосъ свыше именовалъ Тебя Сыномъ Божіимъ, я долженъ прибѣгнуть къ другому средству.»

Me to thy will, desist, thou art discern'd,
And toil'st in vain, nor me in vain molest.
To whom the Fiend now swoln with rage replied:
Then hear, O Son of David, Virgin-born;
For Son of God to me is yet in doubt:
Of the Messiah, I had heard foretold
By all the prophets; of thy birth at length
Announced by Gabriel with the first I knew,
And of th' angelic song in Bethlehem field
On thy birth-night, that sung thee Saviour born,
From that time seldom have I ceased to eye
Thy infancy, thy childhood, and thy youth,
Thy manhood last, though yet in private bred.
Till at the ford, of Jordan, whither all
Flock to the Baptist, I among the rest,
Though not to be baptized, by vice from Heav'n
Heard thee pronounced the Son of God beloved.
Thenceforth I thought thee worth my nearer view
And narrower scrutiny, that I might learn
In what degree or meaning thou art call'd
The Son of God, which bears no single sense:
The Son of God, I also am, or was,
And if I was, I am; relation stands;
All men are sons of God; yet thee I thought
In some respect far higher so declared.
Therefore I watch'd thy footsteps from that hour,
And follow'd thee still on to this waste wild;
Where by all best conjectures I collect
Thou art to be my fatal enemy.
Good reason then, if I before-hand seek
To understand my adversary, who
And what he is; his wisdom, power, intent;
By parle or composition, truce or league,
To win him, or win from him what I can.
And opportunity I here have had
To try thee, sift thee, and confess have found thee
Proof against all temptation, as a rock
Of adamant, and, as a centre, firm;
To th' utmost of mere man both wise and good,
Not more; for honours, riches, kingdoms, glory
Have been before contemn'd, and may again:
Therefore to know what more thou art than man,
Worth naming Son of God by voice from Heav'n,
Another method I must now begin.

Сказалъ и, поднявъ Спасителя, понесся съ Нимъ по воздуху, высоко надъ пустынею и надъ равниною; вотъ подъ ними уже гордо возвышаются къ небесамъ башни великолѣпнаго Іерусалима, священнаго города; еще выше бѣлѣетъ стройная громада славнаго храма; издали она кажется алебастровой горой съ золотозубчатымъ вѣнцомъ. Тамъ онъ поставилъ Сына Божія на самой крайней вершинѣ храма и молвилъ съ насмѣшкою:

«Стой здѣсь, если устоишь,—устоять здѣсь потребуетъ отъ Тебя большого искусства. Я принесъ Тебя къ дому Твоего Отца и поставилъ на высочайшее мѣсто: высочайшее—самое лучшее. Теперь покажи Твое происхожденіе; если не хочешь стоять здѣсь, бросься внизъ. Чего Тебѣ страшиться, если Ты Сынъ Божій! писано, что Господь дастъ о Тебѣ повелѣніе Ангеламъ небеснымъ; они примутъ Тебя на руки свои, дабы Ты не преткнулъ ноги Твоей о камень.»

Іисусъ отвѣчалъ: «Писано также: «не искушай Господа Бога твоего.» Сказалъ и всталъ, Сатана же палъ, пораженный изумленіемъ: такъ (если сравнивать малыя вещи съ величайшими) сынъ Земли Антей [243]) боролся въ Ирассѣ съ Зевсовымъ сыномъ Алкидомъ и, часто побѣждаемый, снова подымался, получая отъ своей матери Земли новую силу; паденіе его освѣжало, онъ схватывался съ врагомъ еще яростнѣе, пока не былъ задушенъ на воздухѣ, и тогда умеръ и палъ. Такъ надменный Искуситель, послѣ многихъ пораженій, возобновлялъ свои приступы, и въ своей гордыни палъ оттуда, гдѣ надѣялся увидѣть паденіе своего Побѣдителя, подобно тому чудовищу въ Ѳивахъ [244]), что задавало всѣмъ загадку, пожирая всякаго, кто не разгадывалъ ее, и когда она была разгадана, съ горя и злости само бросилось внизъ съ Исмерійскаго утеса. Такъ пораженный ужасомъ и печалію палъ Врагъ, чтобы принести своему войску, засѣдавшему въ совѣтѣ, не радостное торжество успѣха, а вѣсть о гибели, отчаяніи и посрамленіи дерзнувшаго въ своей гордынѣ искушать Сына Божія.

Такъ палъ Сатана. Мгновенно свѣтозарный сонмъ Ангеловъ спустился къ Спасителю, тихо принялъ Его съ опаснаго мѣста на свои нѣжныя крылья и, какъ на мягкомъ ложѣ плавно понесъ Его въ сіяющемъ воз-

So saying he caught him up, and without wing
Of hippogrif bore through the air sublime
Over the wilderness and o'er the plain;
Till underneath them fair Jerusalem,
The holy city, lifted high her towers.
And higher yet the glorious temple rear'd
Her pile, far off appearing like a mount
Of alabaster, topp'd with golden spires:
There on the highest pinnacle he set
The Son of God, and added thus in scorn.
There stand, if thou wilt stand; to stand uprigh;
Will ask thee skill. I to thy Father's house
Have brought thee, and highest placed, highest is best:
Now show thy progeny; if not to stand,
Cast thyself down; safely, if Son of God:
For it is written, He will give command
Concerning thee to his angels, in their hands
They shall uplift thee, lest at any time
Thou chance to dash thy foot against a stone.
To whom thus Jesus: Also it is written,
Tempt not the Lord thy God. He said and stood;
But Satan smitten with amazement fell:
As when Earth's son Antæus (to compare
Small things with greatest) in Irassa strove
With Jove's Alcides, and oft foil'd still rose,
Receiving from his mother Earth new strength,
Fresh from his fall, and fiercer grapple join'd,
Throttled at length in th' air, expired and fell;
So after many a foil the Tempter proud,
Renewing fresh assaults, amidst his pride
Fell whence he stood to see his victor fall
And as that Theban monster that proposed
Her riddle, and him who solved it not devour'd,
That once found out and solved, for grief and spite
Cast herself headlong from th' Ismenian steep;
So struck with dread and anguish fell the Fiend,
And to his crew, that sat cousulting, brought
Joyless triumphals of his hoped success,
Ruin, and desperation, and dismay,
Who durst so proudly tempt the Son of God.
So Satan fell; and straight a fiery globe
Of angels on full sail of wing flew nigh
Who on their plumy vans received him soft
From his uneasy station, and up bore

духѣ и, спустясь въ цвѣтущую долину, положилъ Его на зеленый дернъ. Тамъ раскинулся передъ Спасителемъ столъ съ небесными яствами, съ божественными амврозійскими плодами, собранными съ дерева жизни, съ амврозійскимъ напиткомъ изъ источника жизни, которые скоро подкрѣпили Его и возстановили упавшія отъ голода силы (если только то было дѣйствіемъ голода или жажды); и, пока онъ вкушалъ, ангельскіе хоры воспѣвали небесные гимны во славу Его побѣды надъ искушеніемъ и гордымъ Искусителемъ:

«Истинный образъ Отца, возсѣдаешь ли Ты въ лонѣ блаженства и въ свѣтѣ Свѣта, или, вдали отъ Неба, облеченный смертною плотію, въ человѣческомъ образѣ ходишь въ пустынѣ. Гдѣ бы Ты ни былъ, Твои дѣянія, Твой видъ, движенія, все обличаетъ въ Тебѣ Сына Божія, одареннаго божественною силою для сокрушенія врага, похитителя Рая, посягнувшаго на престолъ Твоего Отца! Ты искони побѣдилъ его и низринулъ съ Небесъ со всѣмъ его воинствомъ, теперь Ты отомщаешь за изгнаннаго Адама, и восторжествовавъ надъ искушеніемъ, возвратилъ потерянный Рай, исторгнулъ у врага завоеваніе, пріобрѣтенное обманомъ: отнынѣ никогда не дерзнетъ онъ ступить ногою въ Рай съ своимъ искушеніемъ! уничтожены его козни! Онъ погубилъ то мѣсто земного блаженства, но нынѣ для Адама и избранныхъ сыновъ его воздвигнутъ Рай прекраснѣе прежняго, и Ты, Спаситель ихъ, сошелъ на Землю, дабы водворить ихъ въ этомъ жилищѣ, гдѣ, когда настанетъ время, они будутъ жить въ безопасности отъ Искусителя и искушеній.

«А ты, адскій Змѣй, не долго будешь царствовать въ облакахъ; подобно осенней звѣздѣ или молніи падешь ты съ Небесъ и будешь попранъ ногами твоего Побѣдителя: ты предчувствуешь уже ударъ; однако, онъ не послѣдній еще и не самый смертельный, но только научаетъ Адъ не торжествовать преждевременно; у всѣхъ его вратъ Абаддонъ [245] раскаивается въ твоей дерзкой попыткѣ. Научись изъ этого съ благоговѣйнымъ страхомъ чтить Сына Божія; безъ всякаго оружія, однимъ страхомъ Своего голоса, изгонитъ Онъ тебя и твои полчища изъ демонскаго царства, твоего мерзостнаго владѣнія. Съ воплями бросятся они въ бѣгство, моля

As on a floating couch through the blithe air;
Then in a flow'ry valley set him down
On a green bank, and set before him spread
A table of celestial food, divine,
Ambrosial fruits fetch'd from the tree of life,
And from the fount of life ambrosial drink,
That soon refresh'd him wearied, and repair'd
What hunger, if aught hunger had impair'd,
Or thirst; and, as he fed, angelic quires
Sung heav'nly anthems of his victory
Over temptation, and the Tempter proud:
True image of the Father, whether throned
In the bosom of bliss, and light of light
Conceiving, or remote from Heav'n inshrined
In fleshly tabernacle, and human form,
Wand'ring the wilderness, whatever place,
Habit, or state, or motion still expressing
The Son of God, with God-like force endued
Against th' attempter of thy Father's throne,
And thief of Paradise; him long of old
Thou didst debel, and down from Heaven cast
With all his army, now thou hast avenged
Supplanted Adam, and by vanquishing
Temptation, hast regain'd lost Paradise,
And frustrated the conquest fraudulent:
He never more henceforth will dare set foot
In Paradise to tempt! his snares are broke:
For though that seat of earthly bliss be fail'd,
A fairer Paradise is founded now
For Adam and his chosen sons, whom thou
A Saviour art come down to re-instal
Where they shall dwell secure, when time shall be,
Of Tempter and temptation without fear.
But thou, infernal Serpent, shalt not long
Rule in the clouds: like an autumnal star
Or lightning thou shalt fall from Heav'n, trod down
Under his feet: for proof, ere this thou feel'st
Thy wound, yet not thy last and deadliest wound,
By this repulse received, and hold'st in Hell
No triumph: in all her gates Abaddon rues
Thy bold attempt: hereafter learn with awe
To dread the Son of God; he all unarm'd
Shall chase thee with the terror of his voice
From thy demoniac holds, possession foul,
Thee and thy legions: yelling they shall fly,
And beg to hide them in a herd of swine,
Lest he command them down into the Deep,
Bound, and to torment sent before their time.

скрыть ихъ въ свиномъ стадѣ, чтобы раньше времени не быть сверженными въ бездну на жестокія муки.

«Слава Тебѣ, Сыну Всевышняго, Наслѣднику обоихъ міровъ, Побѣдителю Сатаны! Пора настала, приступай къ Твоему великому дѣлу, начинай избавленіе человѣчества!»

Такъ Ангелы воспѣвали Побѣдителя, Сына Божія, нашего Благого Спасителя, и, когда Онъ освѣжился небесною трапезою, съ радостію привели Его на дорогу. Одиноко, никѣмъ не замѣченный, Онъ возвратился въ домъ Своей Матери.

КОНЕЦЪ.

Hail Son of the Most High, heir of both worlds,
Queller of Satan, on thy glorious work
Now enter, and begin to save mankind.

Thus they the Son of God our Saviour meek
Sung Victor, and from heav'nly feast refresh'd
Brought on his way with joy: he unobserved
Home to his mother's house private return'd.

THE END.

Примѣчанія къ „Потерянному Раю“.

Пѣснь 1-я.

1) Музы или богини изящныхъ искусствъ и наукъ—благороднѣйшіе образы римской и греческой миѳологіи; онѣ возбуждаютъ великодушіе, направляютъ сердца къ добру, поучаютъ и вдохновляютъ смертныхъ; поэтому древніе поэты, задумывая что-нибудь трудное, прибѣгали къ помощи музъ; этотъ обычай перешелъ и къ позднѣйшимъ поэтамъ, напримѣръ «Мессіада» Клопштока начинается такимъ же воззваніемъ.

2) Хоривъ—гора въ пустынѣ каменистой Аравіи, гдѣ Моисей пасъ стада Іофора, когда ему явился Богъ въ огненномъ кустѣ.

3) Въ первой книгѣ Моисея «Бытіе» говорится о сотвореніи міра.

4) Источникъ у подошвы Сіонской горы; водой его Іисусъ Христосъ исцѣлилъ слѣпорожденнаго.

5) *Святая святыхъ* въ Іерусалимскомъ храмѣ, гдѣ первосвященники въ затруднительныхъ случаяхъ просили совѣта у Бога. По сказаніямъ раввиновъ, отвѣтъ получался черезъ появленіе извѣстныхъ буквъ на нагрудникѣ первосвященника. Въ Св. Писаніи объ этомъ ничего не говорится.

6) Гора Геликонъ—жилище музъ греческой миѳологіи. Здѣсь намекается на то, что поэтъ стремится къ такимъ высокимъ вещамъ, для которыхъ недостаточно вдохновенія этихъ музъ.

7) Вельзевулу поклонялись филистимляне; идолъ его стоялъ въ Аккаронѣ; позднѣе его считали за начальника надъ злыми духами.

8) Сатана, еврейское слово—врагъ.

9) Титаны или гиганты — существа греческой миѳологіи, воевавшія съ богами; Бріарей—одинъ изъ трехъ братьевъ-чудовищъ, имѣвшихъ сто рукъ и пятьдесятъ головъ. Они помогли богамъ побѣдить Титановъ. Тифонъ—гигантъ, порождавшій бури и, по временамъ, извергавшій изъ себя пламя.

10) Объ этомъ водяномъ животномъ упоминается въ Библіи.

11) Пелоръ—сѣверо-восточный мысъ Сициліи.

12) Волны Стикса, рѣки, которая, по миѳологіи, семь разъ опоясывала подземный міръ.

13) Галилей—изобрѣтатель телескопа. Мильтонъ, въ свою бытность въ Италіи, посѣщалъ въ Сіенѣ, близъ Флоренціи, знаменитаго астронома, ослѣпшаго и, вслѣдствіе преслѣдованій инквизиціи, томившагося въ изгнаніи.

14) Фіезольская гора, господствующая надъ Флоренціей и ея окрестностями.

15) Вальдарно—мѣсто, гдѣ находится теперь Флоренція.

16) Валломброза—лѣсистая мѣстность въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Флоренціи.

17) Оріонъ—великанъ и отважный охотникъ, получившій отъ отца своего, Нептуна, способность ходить по морю; онъ былъ переселенъ среди звѣздъ и образовалъ роскошное созвѣздіе, въ которомъ насчитывается до 2,000 звѣздъ. Оріонъ считался богомъ вѣтровъ.

18) Бузирисами называли на берегахъ Чермнаго моря фараоновъ, отъ Бузириса, города у восточнаго рукава Нила.

19) Израильтяне, вышедшіе изъ Египта.

20) Моисей.

21) Здѣсь Сатана названъ султаномъ вѣроятно потому, что во времена Мильтона турецкія полчища часто наводняли христіанскія земли, напримѣръ Венгрію, Австрію.

22) См. «Исходъ», глав. XXXII, 33.

23) Молохъ или Малькамъ, богъ аммонитянъ, которому приносились человѣческія жертвы.

24) Рабба, главный городъ аммонитянъ.

25) Аргобъ, мѣстность къ востоку отъ Генисаретскаго озера, въ царствѣ Васанскомъ.

26) Арнонъ—ручей, служившій границей между землями моавитянъ и амморитянъ.

27) Тофетъ, мѣсто въ Енномской долинѣ, къ юго-востоку отъ Іерусалима; тамъ израильтяне, предавшіеся идолопоклонству, сжигали своихъ дѣтей въ жертву Молоху.

28) Хамосъ, богъ моавитянъ; онъ назывался также Торомъ, Вааломъ, Вееломъ.

29) «Пророчество Исаія», XV, 5; «Іереміи», XL, 35.

30) Мертвое море.

31) Ситтимъ, моавитская долина противъ Іерихона, послѣдняя остановка израильтянъ передъ переходомъ черезъ Іорданъ; тамъ они были вовлечены моавитянами въ идолопоклонство. См. «Книга Чиселъ», XXV, 3.

32) Это были преимущественно идолы сидонцевъ, финикіянъ и самаритянъ. Подъ именемъ Ваала подразумѣвалось солнце; Астарта, или луна, считалась его супругой.

33) Таммузъ—сирійскій Адонисъ; по ихъ вѣрованію, богъ этотъ каждый годъ умиралъ и снова оживалъ. Женщины ежегодно оплакивали его судьбу и предавались въ честь бога пороку. См. «Іезекіиль», VIII, 13, 14.

34) «Іезекіиль», VIII, 12.

35) Женское божество филистимлянъ.

36) Риммонъ, сирійское божество, см. «Книга Царствъ», IV, 5 18.—Дамаскъ, древній городъ Сиріи, былъ извѣстенъ уже во времена Авраама.

37) Нааманъ, полководецъ сирійскаго царя Бенадада, былъ пораженъ проказой и, услышавъ о чудодѣйственной силѣ пророка въ Самаріи, обратился къ израильскому царю Ахазу, который послалъ его къ пророку Елисею. Когда тотъ исцѣлилъ его, приказавъ семь разъ выкупаться въ Іорданѣ, Нааманъ отказался отъ идолопоклонства, но царь Іудейскій Ахазъ, низвергавшій идоловъ, самъ сдѣлался идолопоклонникомъ.

38) Озирисъ, египетское божество благотворной, созидающей силы солнца, свѣта,—братъ и супругъ Изиды; Гора—ихъ сынъ.

39) См. «Исходъ», XI, 2, 36 и XXXII, 2—4.

40) Іеровоамъ.

41) Веліалъ—богъ ада, олицетвореніе нечестія, низости.

42) См. «Кн. Судей», XIX—XX.

43) Іованъ—Іафетъ.

44) Небо и Земля (Ураній и Гея), по Гезіоду, греческ. поэту IX-го столѣт. до Р. Х., были первой парой боговъ, Кроносъ и Рея—второй, Юпитеръ и Юнона—третьей.

45) Ида, священная гора на островѣ Критѣ, въ пещерахъ которой воспитывался Юпитеръ.

46) Въ Дельфахъ былъ оракулъ Аполлона, въ Додонѣ — оракулъ Юпитера.

47) Пигмеи, сказочный народъ необыкновенно малаго роста, жившій въ средней Африкѣ, около истоковъ Нила, и будто бы всегда воевавшій съ журавлями, которыхъ эти люди не превышали величиной. Плиній говоритъ, что ихъ дома состояли изъ яичныхъ скорлупъ.

48) По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, война великановъ, въ которой принималъ участіе Геркулесъ, происходила на Флегрійскихъ поляхъ, близъ Кумъ, въ южной Италіи.

49) Греческія Ѳивы и Троя.

50) Сынъ Уфера, Артуръ или Артусъ, миѳическій король бритовъ. По словамъ легенды, Артуръ жилъ въ Цермонѣ, въ Валлисѣ, съ своей прекрасной супругой Гиневрой, окруженный блестящимъ дворомъ, гдѣ первая роль принадлежала 12-ти рыцарямъ, которыхъ самъ король выбиралъ среди самыхъ благородныхъ и храбрыхъ, и которые собирались всегда за круглымъ столомъ. — Арморея — Бретань, бывшая также подъ властью Артура.

51) Аспрамонтъ (суровая гора), на юго-западѣ Италіи; тамъ происходили битвы съ сарацинами. Монтальбанъ—гора, въ 12 миляхъ отъ Рима, гдѣ произошло рѣшительное сраженіе между Гораціями и Куріяціями.—Требизондъ—Трапезундъ.—Бизертъ, городъ въ Тунисѣ, на берегу Средиземнаго моря.

52) Маммонъ—сиро-халдейское слово, означаетъ богатство, по-гречески Плутосъ.

53) Мемфисъ.

54) Одно изъ прозвищъ Вулкана.

55) Здѣсь пигмеи помѣщены въ Индію, какъ вообще сказочную страну, куда еще не проникли европейцы.

Пѣснь 2-я.

56) Ормузъ — островъ на Красномъ морѣ, богатый жемчугомъ.

57) Стигійскій,—принадлежащій подземному міру, отъ рѣки Стикса, протекавшей, по греческой миѳологіи, въ подземномъ царствѣ; черезъ эту рѣку Харонъ перевозилъ въ лодкѣ души умершихъ.

58) Алкидъ—имя Геркулеса до его обоготворенія, отъ имени его дяди, Алкая.—Евритъ, повелитель Эхаліи, обѣщалъ дать въ супруги Геркулесу дочь свою Іолу, но не сдержалъ слова. Геркулесъ собралъ отрядъ воиновъ, чтобы наказать Еврита за нарушеніе обѣщанія. Эхалія была покорена, царь умерщвленъ и Іола уведена плѣнницей Геркулеса. На возвратномъ пути, у одного изъ предгорій Эхаліи, Геркулесъ воздвигъ алтарь Юпитеру; готовясь къ жертвоприношенію, онъ

освободилъ ее, а боги переселили ее со всѣмъ семействомъ среди созвѣздій.

94) Вѣроятно здѣсь предполагается цвѣтъ воздуха, такъ какъ мраморъ бываетъ разныхъ цвѣтовъ: бѣлый (каррарскій), черный, зеленый (генуэзскій), пестрый.

95) На далекомъ западѣ стоялъ блестящій дворецъ Геліоса (Солнца) и знаменитые сады, состоявшіе подъ наблюденіемъ Гесперидъ, нимфъ запада.

96) Вторая книга Моисеева «Исходъ», гл. XXXIX, 8—14.

97) Гермесъ—Меркурій (ртуть); Протей—морской богъ—прорицатель (антимонъ). Здѣсь намекъ на эти два минерала, въ числѣ многихъ другихъ употреблявшихся алхимиками при опытахъ добыванія золота.

98) Откровеніе Св. Іоанна Богослова, гл. XIX, 17.

99) Уріилъ (свѣтъ Господень). Въ книгѣ Товита говорится о семи ангелахъ, стоящихъ непосредственно у престола Божія. Кн. Тов., гл. XII, 15. Объ Уріилѣ упоминается въ третьей книгѣ Ездры, гл. V, 20. Тамъ же упоминаются имена другихъ ангеловъ.

100) Св. Діонисій Ареопагитъ говоритъ, что ангелы раздѣляются на девять ликовъ, а сіи девять—на три чина. Въ первомъ чинѣ находятся ангелы, ближайшіе къ Богу, какъ-то: престолы, херувимы и серафимы. Во второмъ чинѣ: власти, господства и силы. Въ третьемъ: ангелы, архангелы, начала. («Православно-догматическое богословіе» Макарія. Т. I, § 66).

101) Нифатъ—гора въ Арменіи, вблизи которой Мильтонъ помѣщаетъ Рай.

Пѣснь 4-я.

102) Откровеніе Св. Іоанна, гл. XII, 10—13.

103) Такъ называется въ книгѣ Товита демонъ, умерщвлявшій мужей Сарры, дочери Рагуила. Товія, по наставленію ангела, изгналъ бѣса куреніемъ рыбьей печени.

104) Гауранъ—равнина на берегахъ Іордана, въ Васанѣ. Селевкія—вавилонскій городъ на р. Тигрѣ, основанный Селевкомъ I Никаноромъ. Ѳелассаръ—въ сѣв. Мессопотаміи, въ странѣ Раги, куда ходилъ Товитъ.

105) Бытіе, гл. II, 10—14.

106) Панъ—по-гречески *все*, символъ, которымъ древніе олицетворяли всю природу, вселенную. Граціи и Горы—женскія божества, считавшіяся эмблемами красоты, радости и гармоніи временъ года, особенно весны.

107) Прозерпина, дочь Зевса и Деметры, или Цереры. Юпитеръ, безъ вѣдома Цереры, обѣщалъ Плутону выдать за него Прозерпину. Разъ, когда Прозерпина гуляла со своими подругами, вдругъ изъ-подъ земли вырвался Плутонъ на колесницѣ, запряженной четырьмя черными конями, и похитилъ свою невѣсту.—Дафна, дочь рѣчного бога Пенея и Геи, превращенная своей матерью въ лавровое дерево, чтобы скрыть ее отъ любовныхъ преслѣдованій Аполлона.—Касталія, нимфа, дочь рѣчного бога Ахелоя; отъ ея имени получилъ названіе источникъ.—Эпна, Низейскій островъ; всѣ эти мѣста прославлены за ихъ красоту греческими и римскими поэтами.—Хамъ (Хнумъ), покровитель Ѳивъ, египетское божество; его называли также Аммономъ, такъ какъ въ Аммонскомъ оазисѣ ему былъ воздвигнутъ великолѣпный храмъ. По Діодору, Аммонъ былъ Ливійскимъ царемъ, выбравшимъ себѣ въ супруги Рею. Невѣрность, которую онъ себѣ позволилъ съ прекрасной Амалтеей, обнаружилась рожденіемъ отъ нея сына Вакха. Во избѣжаніе гнѣва своей супруги, царь отправилъ Вакха въ Низею.—Амгара, горный монастырь, куда нѣкоторые изъ позднѣйшихъ абиссинскихъ царей посылали на воспитаніе своихъ младшихъ сыновей.

108) Здѣсь, какъ видно, Мильтонъ не высказывается ни въ пользу Коперниковой, ни въ пользу Птоломеевой системъ.

109) Гесперъ, вечерняя звѣзда.

110) Нимфы и фавны, лѣсныя божества; Сильванъ—божество полей и лѣсовъ.

111) Исторія Пандоры слѣдующая: Прометей, сынъ Іафета, похитилъ огонь съ неба и далъ его землѣ. Зевсъ, чтобы наказать похитителя, послалъ къ нему Пандору, одаренную богами всевозможными прелестями. Она была приведена къ нему Гермесомъ. Прометей не поддался въ ловушку, но младшій его братъ былъ опрометчивѣе: изъ любопытства онъ открылъ ящикъ, бывшій въ рукахъ Пандоры, и оттуда вышли на свѣтъ всевозможныя бѣды.

112) Астрея, богиня правосудія, перенесенная подъ именемъ «Дѣвы» въ созвѣздіе Зодіака.—Скорпіонъ, восьмой знакъ Зодіака.

Пѣснь 5-я.

113) По теоріи Птоломея земля составляла неподвижный центръ вселенной, вокругъ котораго пассивно двигались въ своихъ сферахъ извѣстныя древнимъ планеты.—Пять планетъ, извѣстныхъ во времена Мильтона: Венера, Меркурій, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ.

114) Намекъ на господствовавшее вплоть до Ньютона понятіе, что въ природѣ дѣйствуютъ четыре элемента: земля, вода, воздухъ и огонь.

115) «Книга Товита», гл. VII, VIII.

116) Фениксъ, мистическая птица древнихъ египтянъ, изъ орлиной породы; черезъ каждыя пять лѣтъ она сама себя сжигала въ своемъ гнѣздѣ, и изъ ея пепла рождался новый фениксъ. Сначала этотъ миѳъ служилъ символомъ извѣстнаго астрономическаго періода движенія звѣздъ, позднѣе — олицетвореніемъ вѣчнаго обновленія природы.

117) Меркурій, сынъ Юпитера и Маіи, считался посланникомъ Юпитера; представлялся въ дорожной шапкѣ, съ крыльями на ступняхъ ногъ и маленькимъ жезломъ.

118) Кассія, родъ растеній; деревья и кустарники сем. Cassiaceae. Множество видовъ кассіи растутъ въ тропической Африкѣ, Индіи и Америкѣ. Нардъ, у древнихъ названіе многихъ ароматическихъ растеній, изъ которыхъ приготовлялись туалетныя масла и мази.

119) Адамъ, по еврейски значитъ человѣкъ созданный изъ земли (адамахъ, по-еврейски земля).

120) Алкиной, царь ѳеакійцевъ, жителей Корциры (Корфу)—извѣстенъ въ «Одиссеѣ» роскошью своего дворца, красотою садовъ и въ особенности гостепріимствомъ.

121) Помона—богиня плодовыхъ деревьевъ.

122) Венера, которая считалась самой красивой изъ богинь. Соперничавшіяся съ ней Юнона и Минерва требовали суда Париса, сына троянскаго царя. Судъ состоялся на горѣ Идѣ, и первенство было признано за Венерой.

123) Іерархъ (по-гречески священноначальникъ), названіе, даваемое лицамъ, занимающимъ высшую степень священства: патріархамъ, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ.

124) Книга пророка Исаіи, гл. XIV, 12.

125) Люциферъ, утренняя заря, или *денница*, имя перваго падшаго ангела. Съ его паденіемъ сравнивается въ книгѣ пророка Исаіи, XIV, 12, гордость и гибель царя вавилонскаго Валтасара.

Пѣснь 6-я.

126) Откровеніе Св. Іоанна, гл. XII, 7.

127) Адрамелехъ, ассирійское божество, изображавшееся въ видѣ лошади или мула; ему приносились человѣческія жертвы.—Асмодей, см. прим. 103, пѣснь 4-я.

128) Аріохъ, начальникъ тѣлохранителей Навуходоносора, получившій повелѣніе избить всѣхъ вавилонскихъ мудрецовъ (кн. пророка Даніила, II, 14). Рамаилъ, Аріилъ и Авдіилъ, имена, встрѣчающіяся въ Библіи, но въ поэмѣ они не имѣютъ отношенія къ библейскимъ разсказамъ.

129) Низрохъ, ассирійскій богъ, въ храмѣ котораго, въ Ниневіи, ассирійскій царь Сеннахерибъ былъ убитъ своими двумя сыновьями (IV книга Царствъ, XIX, 37).

130) Книга пророка Исаіи, LXVI, 24 ...червь ихъ не умретъ...

131) Кн. прор. Іезекіиля, 1, 4—27; Откровеніе Св. Іоанна, IV, 8.

132) Бериллъ—драгоцѣнный камень, называемый въ продажѣ аквамариномъ.

133) Уримъ, по еврейски свѣтъ, названіе первосвященническаго нагрудника Аарона.

134) Пятая книга Моисея, XXXII, 35.

Пѣснь 7-я.

135) Уранія, муза астрономіи, одна изъ музъ греческаго Олимпа; но, отрицая ея миѳологическое происхожденіе и какъ бы причисляя ее къ кругу нашихъ вѣрованій, Мильтонъ хочетъ выразить ту мысль, что онъ искалъ высшихъ вдохновеній неба, какихъ не могъ дать Олимпъ.

136) Беллерофонъ, по греческой миѳологіи, сынъ коринѳскаго царя Главка и Евримеды; нечаянно убивъ своего брата, онъ бѣжалъ въ Аргосъ, гдѣ съ помощью дарованнаго ему богами крылатаго коня Пегаса убилъ чудовище Химеру, но потомъ навлекъ на себя гнѣвъ боговъ гордымъ покушеніемъ взлетѣть на Олимпъ, былъ сброшенъ и ослѣпъ.

137) Ѳракійскія вакханки разорвали на части поэта Орфея, сына музы Калліопы. Мильтонъ намекаетъ здѣсь на приверженцевъ и придворныхъ Карла II, отъ которыхъ, какъ онъ считалъ, ему самому грозила подобная же опасность.

138) Плеяды, созвѣздіе въ головѣ Тельца. Въ греческой миѳологіи это были нимфы, семь дочерей Атласа и Плеіоны или Этры. Онѣ превращены въ звѣзды за то, что отецъ ихъ хотѣлъ читать тайны неба. Римляне называли эту группу звѣздъ Вергилія или утреннее созвѣздіе.

139) По мнѣнію древнихъ, міръ былъ окруженъ хрустальнымъ моремъ.

Пѣснь 8-я.

140) Въ разсказѣ ангела надо принять во вниманіе то, что во времена Мильтона Коперникова система еще не вытѣснила Птоломеевой, мнѣнія колебались между той и другой.

141) «Любовь есть исполненіе закона». Посл. къ Римл. гл. XIII, 10.

Пѣснь 9-я.

142) Турнъ, царь рутуловъ, былъ помолвленъ съ дочерью царя Латина, Лавиніей; но Латинъ, по волѣ оракула, предложилъ руку дочери троянцу Энею. Обиженный Турнъ объявилъ троянцамъ войну и вызвалъ Энея на единоборство.—Нептунъ преслѣдовалъ гре-

послалъ герольда Лихаса къ своей супругѣ за праздничной одеждой. Отъ этого посланца, Дейатра, жена Геркулеса, узнала объ Іолѣ, и боясь, чтобы эта послѣдняя не отняла у нея любовь героя, вспрыснула одежду кровью центавра Несса, въ надеждѣ закрѣпить этимъ за собою любовь супруга; но такъ какъ кровь центавра сама была отравлена стрѣлой Геркулеса, умертвившаго его, то одежда отравила и Геркулеса. Боль привела его въ бѣшенство, онъ хотѣлъ сбросить одежду съ плечъ, но она какъ бы приросла къ тѣлу, и вмѣстѣ съ нею онъ вырывалъ куски мяса. Въ ярости, онъ схватилъ Лихаса за обѣ ноги и бросилъ его далеко въ море, самъ же взошелъ на костеръ, откуда, при ударахъ грома, въ облакѣ былъ унесенъ на небо.

59) Для описаній ада Мильтонъ пользуется языческими представленіями тартара, царства Плутона и Прозерпины, въ которомъ помѣщались дворцы Сна, Сновидѣній, Ночи, Евменидъ и Горгонъ. Они были окружены мѣдной стѣной, мѣдныя ворота охранялись страшнѣйшими существами, какихъ только могла создать необузданная фантазія. Стиксъ, Ахеронъ, Коцитъ и Пирифлегонтъ протекали черезъ тартаръ и вокругъ него. Тартаръ былъ отдаленъ отъ земли на столько, на сколько земля отдалена отъ неба. Ночь окружаетъ его тройнымъ поясомъ, такъ что туда не можетъ проникнуть ни единаго солнечнаго луча. Флегетонъ, ужасная адская рѣка, въ которой вмѣсто воды протекалъ огонь (по греч. Πῦρ), увлекая раскаленныя скалы.

60) Сербонское озеро и болото близъ истоковъ Нила. — Дамьета—городъ, игравшій важную роль во время крестовыхъ походовъ.

61) У Гомера Гарпіи называются богинями бури, быстрыми, но прекрасными; Гезіодъ также говоритъ о нихъ, какъ о богиняхъ быстрокрылыхъ, съ прекрасными кудрями; однако уже у Эсхила онѣ представляются безобразными крылатыми чудовищами, въ видѣ хищныхъ птицъ, съ истощенными лицами; боги посылали ихъ для наказанія преступниковъ.

62) Медуза, одна изъ трехъ сестеръ, называемыхъ Горгонами. Ихъ представляютъ съ головой, покрытой вмѣсто волосъ шипящими змѣями, съ желѣзными когтями, огромными зубами и крыльями. Горгоны были сначала одарены необыкновенной красотой, но потомъ за гордость боги превратили ихъ въ чудовищъ.

63) Танталъ, богатый лидійскій и фригійскій князь, любимецъ боговъ, за то, что хотѣлъ испытать ихъ всевѣдѣніе, былъ низвергнутъ въ тартаръ, гдѣ долженъ былъ стоять до подбородка въ водѣ; подлѣ него съ дерева свѣшивались чудные плоды, но онъ долженъ былъ постоянно страдать отъ голода и жажды, такъ какъ только что онъ дѣлалъ попытку дотронуться до пищи и питья, какъ то и другое отдалялось отъ его устъ.

64) Гидра, какъ большинство чудовищъ, считается въ миѳологіи порожденіемъ Тиѳона и Эхидны. Гидра имѣла змѣиное или звѣриное тѣло съ нѣсколькими головами. Химера, чудовище того же происхожденія. Гомеръ описываетъ ее такъ: «спереди левъ, сзади драконъ и козелъ въ серединѣ, дышетъ пламенемъ...»

65) Тернатъ и Тидоръ принадлежатъ къ группѣ Молуккскихъ острововъ, производящихъ пряности.

66) Церберъ, сынъ Тиѳона и Эхидны, — пёсъ, стерегущій адъ; обыкновенно его представляютъ съ тремя головами, но нѣкоторые поэты придаютъ ихъ ему еще больше.

67) Сцилла—сицилійская нимфа, которая съ отчаянія, вслѣдствіе несчастной любви, бросилась въ воду и была превращена въ скалу.

68) Сицилія.

69) Фуріи, дочери Ахерона и Ночи, называвшіяся у грековъ Евменидами,—ужасныя, гнѣвныя богини мести; ихъ три сестры: Алекто, Мегера и Тизифона. Этихъ подземныхъ богинь представляли въ самыхъ отвратительныхъ образахъ: съ искаженными чертами лица, съ глазами, мечущими пламя, съ когтистыми руками, вооруженными бичомъ изъ змѣй.—То, что Мильтонъ изображаетъ адское чудовище съ подобіемъ короны на головѣ, объясняется ненавистью поэта къ этому предмету.

70) Змѣеносцемъ называется большое созвѣздіе сѣв. полушарія, которое стоитъ надъ созвѣздіями Зодіака, Скорпіона и Стрѣльца. Оно имѣетъ видъ растянувшагося громаднаго змѣя, съ короной на сѣверной сторонѣ; въ немъ считается 136 звѣздъ, изъ которыхъ особенно выдаются 2 звѣзды второй величины и 12 звѣздъ третьей величины.

71) Сатана, первый нарушитель мира и вѣрности, справедливо признается отцомъ грѣха. «Черезъ грѣхъ пришла въ міръ смерть», говоритъ Св. Писаніе. На сопоставленіи Сатаны, грѣха и смерти основываетъ Мильтонъ свое описаніе. Какъ изъ головы Зевса вышла Аѳина, богиня мудрости, такъ у Мильтона изъ головы Сатаны рождается грѣхъ. Онъ выходитъ *съ лѣвой* стороны, какъ худшей, точно такъ же, какъ для сотворенія Евы было взято у Адама ребро съ лѣвой стороны (см. пѣснь 10-я).

72) Эребъ — мрачный проходъ, ведущій въ Гадесъ, жилище Плутона.

73) Барка, древняя Киренаика или Ливія,—обширная равнина въ Варварійскихъ земляхъ, вдоль Средиземнаго моря, простирающаяся отъ залива Сидра до Египта.

74) Беллона — богиня войны, сестра Марса. Храмъ ея въ Римѣ пользовался большимъ почетомъ; въ немъ собирался сенатъ, когда долженствовало назначить тріумфъ побѣдоносному полководцу или для пріема пословъ отъ враждебной стороны.

75) Грифъ—сказочное животное, полу-орелъ, полу-левъ; его представляютъ охранителемъ золотыхъ рудъ.—Аримаспы, по Геродоту,—миѳическій одноглазый народъ, считавшійся искуснымъ въ добываніи золота.

76) Изъ словъ: «да будетъ свѣтъ» слѣдуетъ заключить, что ночь была прежде дня, прежде мірозданія.

77) Подъ именемъ Оркуса подразумѣвается Плутонъ.—Гадесъ, Демогоргонъ, адскія божества; послѣднему приписывали большое могущество и вѣрили, что употребленіе его имени производило страшныя послѣдствія.

78) Арго—корабль, на которомъ греческіе герои отправились въ Колхиду для завоеванія золотого руна.

79) Харибда—нимфа, жившая недалеко отъ Сциллы, на утесѣ, подъ нависшимъ фиговымъ деревомъ, и угрожавшая смертью всѣмъ проѣзжавшимъ мимо; чтобы утолить свой голодъ, она пожирала цѣлые корабли со всѣмъ, что на нихъ находилось. По три раза въ день она вбирала въ себя морскую воду, и столько же разъ выбрасывала; въ первомъ случаѣ, воронкообразная пучина втягивала въ себя все, что было вблизи, во второмъ — откидывала корабли назадъ къ Сциллѣ. Объ этихъ двухъ водоворотахъ латинская пословица говоритъ: «Incidit in Scyllam cupiens vitare Charybdim». Одиссея, XII.

Пѣснь 3-я.

80) Орфей, сынъ музы Калліопы и Аполлона, знаменитый ѳракійскій пѣвецъ. Искуснымъ пѣніемъ Орфей пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу; своими дивными пѣснями онъ заставлялъ двигаться камни и деревья, укрощалъ дикихъ звѣрей. Когда умерла его жена Евридика, онъ рѣшилъ спуститься въ подземный міръ, чтобы попросить Плутона возвратить ему нѣжно любимую супругу. Волшебные звуки его пѣнія такъ тронули повелителя царства тѣней, что тотъ согласился на его просьбу.—Какъ Орфей, такъ и Мильтонъ, въ первыхъ двухъ пѣсняхъ, какъ бы спускался въ бездну ада и царства Хаоса.

81) Тамирисъ былъ ѳракійскій поэтъ, о которомъ упоминаетъ Гомеръ; Меонидъ—имя, даваемое самому Гомеру, по его отцѣ, Меонѣ.—Тирезіасъ и Финей—два знаменитыхъ въ древности пѣвца, славившіеся своими пророчествами въ стихахъ. Первый изъ нихъ ѳиванецъ, второй—аркадійскій царь.

82) По ученію Кальвина и нѣкоторыхъ другихъ богослововъ, между прочимъ св. Августина, предопредѣленіе относительно блаженства избранныхъ и осужденія всѣхъ остальныхъ, есть избраніе по милости; по этому ученію, одной части человѣчества было бы отъ вѣчности предназначено блаженство, другой—вѣчныя муки. Мильтонъ, какъ ясно видно, противникъ такого взгляда.

83) Елисейскія поля—жилище святыхъ, гдѣ всегда свѣтитъ солнце. Гезіодъ говоритъ объ островахъ святыхъ, гдѣ живутъ герои, наслаждаясь счастіемъ, и земля три раза въ годъ приноситъ плоды.

84) Снѣжныя вершины Гималайскихъ горъ.

85) По разсказамъ древнихъ, многіе кочевые народы ѣздили по степи въ кибиткахъ, къ которымъ были прикрѣплены паруса. — Серика—мѣстность, занимаемая нынѣ частью Малой Бухары и сѣверо-западнымъ Китаемъ.

86) Клеомбротъ — греческій юноша, который такъ увлекся ученіемъ Платона о безсмертіи, что утопился, желая поскорѣе достигнуть его. Эмпедоклъ, ученикъ Пиѳагора, бросился въ Этну, въ надеждѣ, что вслѣдствіе его таинственнаго исчезновенія ему станутъ поклоняться какъ богу. Но Этна выбросила желѣзныя сандаліи, которыя онъ носилъ, и все происшествіе, вмѣсто поклоненія, возбудило смѣхъ.

87) Бѣлыя рясы носили монахи кармелитскаго ордена, черныя—доминиканскаго, сѣрыя—францисканцы.

88) Система Птоломея, которая, несмотря на открытія Галилея, держалась еще долгое время послѣ Мильтона, насчитывала 7 слѣдующихъ планетъ: Луну, Солнце, Меркурія, Венеру, Марса, Юпитера и Сатурна. Уранъ и Нептунъ не были еще извѣстны. Хрустальная сфера, т. е. чистая какъ хрусталь, по Птоломею, была подвержена нѣкотораго рода качанію (libra—вѣсы). Считалось, что она первая пришла въ движеніе—primum mobile,—и была первымъ двигателемъ, сообщивъ движеніе всѣмъ низшимъ сферамъ. О *колебаніи* или трепетаніи было много разсужденій, вслѣдствіе нѣкоторой неправильности въ движеніи звѣздъ.

89) Мѣсто, описываемое здѣсь Мильтономъ, нѣкоторые древніе схоластики называли «Лимбо» или «Лимбусъ»; оно считалось какъ бы преддверіемъ ада и находилось около его границъ. Сюда, какъ думали, собирались души праведныхъ людей, еще не допущенныхъ на небо или въ чистилище, и долженствовавшихъ ожидать здѣсь всеобщаго воскресенія. Таковыми были патріархи и другіе благочестивые люди древности, умершіе до Рождества Христова. Отсюда названіе Limbus Patrum. Нѣкоторые теологи признавали еще Limbus Puerorum или Infantum, такое же мѣсто, назначенное душамъ дѣтей, умершихъ безъ крещенія. Народное вѣрованіе прибавило къ этому еще Limbus Tatuorum, или Рай Безумныхъ, вмѣстилище тщеславія и всякой нелѣпости.

90) Бытіе, гл. XXVIII, 17; гл. XXVII, 42, 43.

91) Пророкъ Илія былъ взятъ на небо въ колесницѣ, запряженной огненными конями. Книга Царствъ, гл. IV, II, 11.

92) Панея, городъ у верховьевъ Іордана. Вирсавія (колодезь клятвы), мѣсто, гдѣ Авраамъ вырылъ колодезь и заключилъ союзъ съ Авимелехомъ, царемъ Герарскимъ. Бытіе, гл. XXI, 30, 31, 32.

93) Созвѣздіе Овна; Андромеда, дочь эѳіопскаго царя, была отдана въ жертву морскому чудовищу и прикована къ скалѣ. Персей

Примѣчанія къ „Возвращенному Раю".

Пѣснь 1-я.

192) Псаломъ 89, 5.

193) Виѳавора—долина въ удѣлѣ Гадовомъ, граничившая съ Іорданомъ.

194) «И былъ день, когда пришли сыны Божіи предстать передъ Господа; между ними пришелъ и сатана.» (Книга Іова, I, 6).

195) Ахавъ, царь израильскій, мужъ Іезавели, былъ преданъ во власть злого духа за то, что не вѣрилъ предсказанію пророка Господня, а повѣрилъ своимъ лжепророкамъ. III кн. Царствъ, гл. XXII.

196) Царь израильскій Ахавъ, начиная войну съ Сиріей, вопрошалъ до четырехъ сотъ пророковъ, и всѣ они обѣщали побѣду, между тѣмъ Ахавъ былъ убитъ въ сраженіи. III кн. Царствъ, гл. XXII.

197) Моавитскій царь Валакъ просилъ сребролюбиваго лжепророка Амонейскаго, Валаама, предать проклятію всѣхъ евреевъ, но Валаамъ противъ собственной воли произносилъ одни благословенія на народъ израильскій. Кн. Числъ, гл. XXII—XXIV.

Пѣснь 2-я.

198) Іерихонъ — іудейскій городъ, лежавшій между Іорданомъ и Іерусалимомъ. Въ Св. Писаніи онъ называется городомъ финиковъ (Второз., гл. XXXIV, 3), по причинѣ обилія въ немъ финиковыхъ пальмъ.

199) Евангелистъ Іоаннъ упоминаетъ объ Еннонѣ: «А Іоаннъ также крестилъ въ Еннонѣ, близъ Салима, потому что тамъ было много воды.» Гл. III, 23.

200) Пирейская область, весьма гористая и мало населенная, граничила съ Аравіей и Египтомъ. Іорданъ отдѣлялъ ее отъ другой части Іудеи.

201) Нимфы изъ свиты Діаны.

202) Пелла—городъ въ Македоніи, родина Филиппа Македонскаго.

203) По взятіи Карѳагена, къ побѣдителю Сципіону, прозванному Африканскимъ, привели дѣвицу рѣдкой красоты, но онъ едва удостоилъ ее взглядомъ, и препоручилъ надежнымъ людямъ возвратить ее целтиберіанскому вельможѣ, за котораго она была сговорена. — Плутархъ, жизнеоп. Сципіона.

204) III кн. Царствъ, XVII, 5.

205) III кн. Царствъ, XIX, 5.

206) Когда пророкъ Даніилъ былъ брошенъ въ львиный ровъ, Ангелъ, посланный къ пророку Аввакуму, приказалъ ему отнести обѣдъ въ Вавилонъ, въ ровъ къ пророку Даніилу. Кн. пр. Даніила, XIV, 33—38.

207) Ѳесва—отечество пророка Иліи. III кн. Царствъ, XVII, 1.

208) Даніилъ, I, 8.

209) Небольшое озеро въ Кампаньи, гдѣ ловили превосходныхъ устрицъ.

210) Ганимедъ, виночерпій и любимецъ Юпитера, унесенный на Олимпъ съ горы Иды за его красоту.—Гиласъ—любимецъ Геркулеса, также былъ замѣчателенъ своей красотой.

211) Герои средневѣковыхъ романовъ.

212) Антипатръ—іудеянинъ родомъ, человѣкъ хитрый, такъ умѣлъ вкрасться въ любовь къ іудеямъ и пріобрѣсти довѣріе Кесаря, что сдѣлался царемъ іудейскимъ. Онъ-то и возобновилъ стѣны Іерусалима.

213) Фабрицій не принялъ богатствъ, предложенныхъ ему царемъ Пирромъ; Курцій также не принялъ золота отъ Самнитянъ, хотя оба были весьма бѣдные люди.

Пѣснь 3-я.

214) Уримъ и Туммимъ—названіе двухъ камней, привѣшенныхъ къ нагруднику первосвященника; по этимъ камнямъ жрецы предсказывали будущее.

215) Александръ Великій завоевалъ Азію, будучи тридцати лѣтъ отъ роду.

216) Сципіону Африканскому не было еще тридцати лѣтъ, когда онъ сдѣлался обладателемъ Карѳагена.

217) Помпею, прозванному Великимъ, не было тридцати лѣтъ, когда праздновался въ честь его третій тріумфъ, послѣ разбитія Митридата, царя Понтійскаго.

218) Антіохъ-Эпифанъ, восьмой царь сирійскій, разграбилъ Іерусалимъ и приказалъ въ храмѣ Господнемъ поставить кумиръ Юпитера Олимпійскаго.

219) Мединъ — городъ въ Палестинѣ; въ этомъ городѣ родились Маккавеи; онъ былъ также мѣстомъ ихъ погребенія.

220) Саулъ, отыскивая заблудившихся ослицъ своего отца, встрѣтилъ пророка Самуила, который открылъ ему, что Господь избралъ его въ цари Израиля, и тутъ же помазалъ его на царство. I книга Царствъ, гл. IX.

221) По всему описанію видно, что Мильтонъ разумѣетъ здѣсь гору Нифатъ, гдѣ берутъ начало рѣки Тигръ и Евфратъ.

222) Араксъ — рѣка, вытекающая изъ горы Тавра и орошающая Арменію.

223) Ниневія, столица Ассиріи, имѣла тридцать миль въ окружности и восемь съ половиною миль въ длину; разорена была мидянами въ царствованіе Сарданапала.

224) Салманассаръ, царь ассирійскій, узнавъ, что Оссія, царь израильскій, намѣревается свергнуть его иго, осадилъ Самарію и переселилъ израильтянъ въ Ассирію. IV кн. Царствъ, XVII, 1—6.

225) II кн. Паралипоменонъ, XXXVI, 22, 23.

226) Персеполь былъ нѣкогда столичнымъ городомъ Персіи и всего Востока; построенъ Персомъ, сыномъ Персея, и разрушенъ Александромъ.

227) Столичный городъ Бактріи, въ Скиѳіи, получилъ свое названіе отъ р. Бактры.

228) Суза, славный въ древности городъ, лежавшій между Вавилономъ и Персидою. Киръ, побѣдивъ мидянъ, сдѣлалъ его столицей имперіи. Развалины его называются теперь Шусъ и находятся въ персидской провинціи Хузистанъ.—Селевкія, городъ на рѣкѣ Тигрѣ; развалины его, подъ именемъ Эль-Маданна, находятся въ 6 м. отъ Багдада. — Низибисъ, нѣкогда значительный городъ въ сѣв.-восточн. области Мессопотаміи.

229) Города въ Ирканіи, персидской провинціи.

230) Провинція, отдѣлявшаяся отъ Скиѳіи рѣкою Парнасомъ.

231) Въ древности персидская провинція, содержавшая большую часть нынѣшняго Афганистана; Кандаоръ и Маргіана — области, составлявшія часть нынѣшняго Туркестана.

232) Нынѣшняя Грузія; Адіабена—мѣстность въ Ассиріи; Сузіана—персидская провинція.

233) Албракка—вымышленный городъ въ одномъ средневѣковомъ романѣ. Агриканъ, Галлафронъ, Анжелика—герои романа.

234) I кн. Паралипоменонъ, гл. XXI, 1—14.

Пѣснь 4-я.

235) Городъ, лежащій на границахъ Египта и Эѳіопіи.

236) Большой островъ, окруженный рѣкою Ниломъ. Камбизъ построилъ на немъ городъ, который назвалъ именемъ умершей въ немъ сестры своей Мерои; это имя получилъ и весь островъ.

237) Здѣсь рѣчь идетъ о Суматрѣ; этотъ величайшій изъ восточныхъ островovъ лежитъ между Яввою и Малаккою.

238) Здѣсь говорится о Тиверіи.

239) Области Кампаньи, славныя хорошими винами. — Хіосъ—островъ въ Архипелагѣ.—Критъ, нынѣ называемый Кандія,—островъ на Средиземномъ морѣ, также знаменитъ винами.

240) Небольшой ручей, протекавшій вдоль рощи, которую аѳиняне называли «Академіею».

241) Мѣсто, гдѣ Аристотель обучалъ своихъ учениковъ, прохаживаясь съ ними.

242) Колоннады, гдѣ собирались стоики.

243) Антей—исполинъ, сынъ Нептуна и Земли, принуждалъ прохожихъ бороться съ собою и задушалъ ихъ; въ пустыняхъ Ливійскихъ онъ напалъ на Геркулеса и былъ наказанъ за свою дерзость.

244) Сказочное чудовище, Сфинксъ, опустошало дорогу изъ Дельфъ въ Ѳивы, предлагая всѣмъ прохожимъ свою загадку и бросая въ море всѣхъ, кто не разрѣшалъ ея, пока она не была разгадана Эдипомъ.

245) Абаддонъ или Авадонъ, по-еврейски—бездна; такъ называется Сатана, ангелъ бездны. Откровеніе Св. Іоанна, IX, 11.

ПОПРАВКА: Въ біографіи Мильтона, на стр. IX, напечатано, что отецъ Мильтона женился на Саррѣ Кастонъ около 1660 г.; надо читать—1600 г.

ковъ за то, что Одиссей ослѣпилъ его сына, одноглазаго Циклопа Полиѳема. — Юнона была врагомъ Энея, и троянцевъ вообще, за то что Парисъ отдалъ золотое яблоко не ей, а Венерѣ. На Цитерскомъ островѣ находился храмъ Афродиты (Венеры); Эней былъ сынъ этой богини и троянца Анхиза.

143) Колюрами называются два великіе круга, пересѣкающіеся подъ прямымъ угломъ у полюсовъ; одинъ проходитъ черезъ точки равноденствія, другой—черезъ точки солнцестоянія. — Колесница ночи—Большая Медвѣдица.

144) Понтъ—древнее названіе Чернаго моря; Меотійскія болота—Азовское море. — Оронтъ, рѣка въ Сиріи, вливается въ Средиземное море.—Дарійскій перешеекъ—теперешній Панамскій перешеекъ.

145) Делосъ, мѣсторожденіе Діаны, богини охоты. — Ореады—горныя нимфы; Дріады—лѣсныя нимфы.

146) По миѳологіи, Прометей похитилъ у Юпитера огонь и принесъ его людямъ; поэтому, вѣроятно, Мильтонъ называетъ здѣсь огонь «преступнымъ».

147) Палея—богиня стадъ. Помона—богиня плодовыхъ деревьевъ и садоводства. Вертумнъ, богъ этрусскихъ, управлявшій перемѣнами временъ года, супругъ Помоны.

148) Сынъ Лаерта—Одиссей; Алкиной, царь ѳеактовъ, извѣстенъ въ Одиссеѣ своими роскошными фруктовыми садами и виноградниками. — Адонисъ, по греч. миѳ., прекрасный юноша, который былъ такъ нѣжно любимъ Афродитой, что когда онъ умеръ, то, по неотступной просьбѣ этой богини, Зевсъ согласился, чтобы Адонисъ только часть года проводилъ въ подземномъ царствѣ, а остальное время жилъ на землѣ.

149) Кадмъ, герой греч. миѳологіи, и супруга его Гармонія были въ глубокой старости превращены въ змѣевъ.—Эпидавръ или Эскулапъ—богъ врачеванія; посланный въ Римъ во время моровой язвы, онъ вошелъ въ этотъ городъ въ видѣ змѣя. — Юпитеръ, какъ передаютъ миѳы, находился въ сношеніяхъ съ матерью Сципіона Африканскаго, принимая видъ змѣя. — Олимпія, жена Филиппа Македонскаго и мать Александра Великаго, котораго, по существующему миѳу, она будто бы зачала отъ Юпитера Аммонскаго, являвшагося къ ней въ видѣ огромнаго змѣя.

150) Цирцея—знаменитая волшебница.

Пѣснь 10-я.

151) Кронійское море, названіе даваемое Полярному морю.

152) Старинное названіе Китая.

153) Островъ Делосъ, изъ группы Цикладскихъ островов, былъ нѣкогда пловучимъ, пока, по сказаніямъ миѳологіи, Юпитеръ не приковалъ его ко дну.

154) Откровеніе Св. Іоанна, гл. XXI, 16.

155) Аладульское царство занимало въ древности мѣстность нынѣшней Малой Арменіи и Киликіи.

156) Чудовища, упоминаемыя Луканомъ, Плиніемъ и другими древними писателями. — Керасты—народъ, жившій на островѣ Кипрѣ и превращенный Венерою въ воловъ; эллопы—гады изъ породы ужей; дипсады—изъ породы выдры.

157) Пифонъ — чудовищный змѣй, вышедшій будто бы изъ ила, оставшагося на землѣ послѣ потопа.

158) Офіонъ—по-гречески значитъ змѣй; Эвринома, одна изъ океанидъ, мать Грацій. Намекъ на нее по отношенію къ Евѣ теменъ.

159) Опса, въ римской миѳологіи, жена Сатурна, богиня плодородія и богатства, однозначащая съ Реей.—Зевсъ—греческое названіе Юпитера, который называется «Диктейскимъ», по имени горы на островѣ Критѣ, гдѣ онъ былъ воспитанъ нимфами.

160) См. Откровеніе Св. Іоанна, гл. VI, 8.

161) См. Откровеніе Св. Іоанна, гл. XX, 14.

162) Многіе критики упрекали Мильтона за его какъ бы астрологическія вѣрованія, не разъ высказанныя въ этой поэмѣ.

163) См. Откровеніе Св. Іоанна, гл. VII, 1.

164) Атрей, царь Аргосскій, въ отмщеніе своему брату Ѳіесту за то, что тотъ соблазнилъ его жену Эропу, подъ видомъ примиренія пригласилъ его на пиръ и велѣлъ подать ему жареное мясо дѣтей, которыхъ онъ имѣлъ отъ царицы. Солнце, какъ разсказываютъ, затмилось при этомъ зрѣлищѣ.

165) Обширная страна въ Сѣверной Америкѣ.

166) Бореи, цеціасы и проч.—названія періодическихъ или мѣстныхъ вѣтровъ. Аферъ названъ чернымъ, такъ какъ это юго-западный вѣтеръ, дующій въ Африкѣ.

Пѣснь 11-я.

167) Первые люди въ греческой миѳологіи, соотвѣтствующіе Адаму и Евѣ.

168) Янусъ — миѳологическое лицо, изображаемое съ головою о двухъ лицахъ. — Аргусъ—любимое божество римской миѳологіи; у него было сто глазъ, но Гермесъ (Меркурій) звуками флейты усыпилъ его и отрубилъ ему голову.

169) Левкотея—божество греч. миѳологіи—богиня утра и моря.

170) Орелъ.

171) Книга Бытія, гл. XXXII, 1, 2.

172) IV книга Царствъ, гл. VI, 13, 17.

173) Мелибея—приморскій городъ въ Ѳессаліи, знаменитый своими ловлями пурпурныхъ раковинъ; Сарра—древній Тиръ, также знаменитый своимъ пурпуромъ.

174) Ириса, въ греч. миѳологіи—посланница боговъ, олицетвореніе радуги.

175) Офиръ—страна, часто упоминаемая въ Св. Писаніи. Полагаютъ, что она находилась на югѣ Аравіи.

176) Альмансуръ — имя одного изъ знаменитыхъ арабскихъ калифовъ. — Монтезума, одинъ изъ первыхъ мексиканскихъ королей. — Атабалипъ—послѣдній и одинъ изъ могущественнѣйшихъ императоровъ Перу.

177) Ефразія или очанка (euphrasia officinalis), травянистое растеньице изъ семейства личиноцв.; рута (ruta graveolens), травянистое растеніе изъ семейства рутовыхъ; оба растенія служатъ для лѣкарственныхъ цѣлей.

178) Бытіе, гл. IV, 20, 22.

179) Бытіе, гл. VI, 1—2.

180) Исходъ, гл. XXXV, 31.

181) Этотъ разсказъ объ Энохѣ взятъ отчасти изъ апокрифическаго сказанія о немъ, упоминаемаго въ Посланіи къ іудеямъ: «Энохъ, также, седьмой отъ Адама, пророчествовалъ о нихъ, говоря: смотрите, вотъ Господь идетъ съ тысячами Своихъ Святыхъ» (Iуд. 14). Еще Бытіе, 5.

182) Бытіе, VI, 4, 5.

Пѣснь 12-я.

183) Бытіе, X, 8, 9.

184) Бытіе, XII, 1—3.

185) Бытіе, XV, 7.

186) Исходъ, XIV, 20—28.

187) «Законъ же пришелъ послѣ, и такимъ образомъ умножилось преступленіе. А когда умножился грѣхъ, стала преизобиловать благодать.» (Посланіе къ Римл., гл. V, 20.) «Потому что дѣлами закона не оправдается передъ Нимъ никакая плоть; ибо закономъ познается грѣхъ.» (Посл. къ Римл., гл. III, 20).

188) Вторая книга Маккавеевъ, гл. V, 15—16, гл. VI, 2, 4.

189) Иродъ Великій, родомъ идумеянинъ, былъ первымъ чужеземцемъ, царствовавшимъ въ Іудеѣ.

190) Посл. къ Римл., гл. XIII, 10.

191) Второе соборное посланіе апостола Петра, гл. III, 7, 10, 13.— Откровеніе Св. Іоанна, гл. XXI, 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Contents.

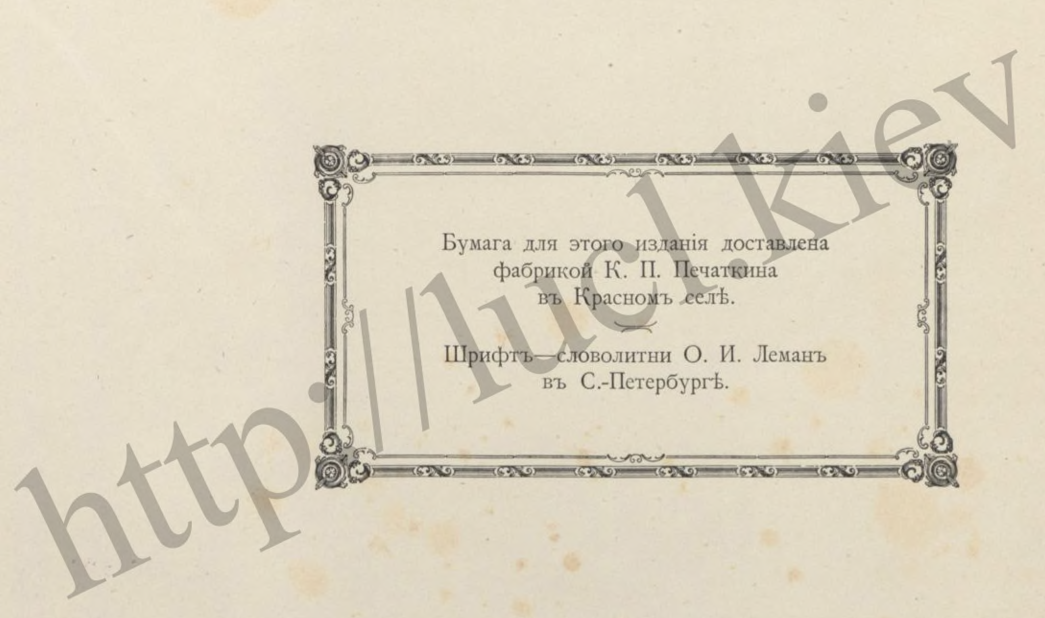
ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

PARADISE LOST.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

PARADISE REGAINED.

Бумага для этого изданія доставлена
фабрикой К. П. Печаткина
въ Красномъ селѣ.

Шрифтъ—словолитни О. И. Леманъ
въ С.-Петербургѣ.